

ПАМЯТНИКИ
ФИЛОСОФСКОЙ
МЫСЛИ

Я. А. КОМЕНСКИЙ Сочинения

Я. А. КОМЕНСКИЙ

Сочинения

Издательство · Наука ·

JOHAN-AMOS COMENIUS

Anno Christi M.DC.LXV. ætatis suæ LXXIV.

*Effigiem hanc delineavit. atq; incidi curavit, ex
Viri Clariss. honori dicavit, CRISPINUS DE PAS.*

Chr. Hagius delineavit et sculpsit

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК

Институт философии

Издательство · Наука ·
Москва 1997

ПАМЯТНИКИ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ

Серия основана в 1978 г.

Редакционная коллегия серии
"Памятники философской мысли":

В.В. БЫЧКОВ, П.П. ГАЙДЕНКО, М.Н. ГРОМОВ,

А.В. ГУЛЫГА, М.А. КИССЕЛЬ, В.А. КУВАКИН,

И.А. ЛАВРЕНТЬЕВА (секретарь редколлегии),

Г.Г. МАЙОРОВ, Н.В. МОТРОШИЛОВА,

В.С. НЕРСЕСЯНЦ, Т.И. ОЙЗЕРМАН (председатель серии),

В.В. СОКОЛОВ, А.Л. СУББОТИН (зам. председателя)

Я. А. КОМЕНСКИЙ

Сочинения

Издательство · Наука ·
Москва 1997

ББК 87.3
К 63

Ответственный редактор и составитель
доктор философских наук А.Л. СУББОТИН

Перевод с латинского
В.В. БИБИХИН, О.А. ЛИТВИНОВА, М.М. СОКОЛЬСКАЯ,
В.И. ИВАНОВСКИЙ, Н.С. ТЕРНОВСКИЙ

Перевод с чешского
Н.П. СТЕПАНОВ

Рецензенты:

академик Академии педагогических наук В.П. ЗИНЧЕНКО,
академик Академии естественных наук Г.Г. МАЙОРОВ,
член-корр. РАН А.В. БРУШЛИНСКИЙ

Коменский Я.А.

К 63 Сочинения. Пер. с чешск. и лат./ Ин-т философии. – М.:
Наука, 1997. – 476 с. (Серия "Памятники философской мысли").
ISBN 5-02-013554-2

Настоящий том "Сочинений" Яна Амоса Коменского (1592–1670), выдающегося чешского просветителя, педагога и философа, содержит его произведения "Лабиринт света и рай сердца", "Предвестник всеобщей мудрости", а также "Панегерию" и "Панавгию" – первую и вторую части "Вселенского совета об исправлении человеческих дел", фундаментального философского труда, работе над которым Я.А. Коменский отдал не одно десятилетие своей жизни. Эти части впервые публикуются полностью в переводе с латинского на русский язык.

К 0301030000-009
042(02)-97 9-96, II полугодие

ББК 87.3

ISBN 5-02-013554-2

© А.Л. Субботин, составление, 1997
© В.В. Биbihин, О.А. Литвинова,
М.М. Сокольская и др., перевод, 1997
© Российская академия наук и изда-
тельство "Наука", серия "Памятники
философской мысли" (составление,
разработка, оформление), 1978 (год
основания), 1997
© Скан и обработка: glarus63

Ян Амос Коменский и западная философия¹

Коменский жил на стыке двух эпох. Его философские взгляды коренятся в философии Ренессанса. Как известно, многие свои идеи он почерпнул у Бэкона, Вивеса и Кампанеллы. При всем том его философские устремления, цели, которые он ставит перед своей философией, и стиль его философского мировоззрения вполне характерны для его собственной эпохи: Барокко. Не индивидуалистическая точка зрения ренессансной эпохи отличает его, но "барочный универсализм"; не человек в его природности является исходным пунктом мысли Коменского, но человек в его отношении к Богу; его попытки построить философское мировоззрение в принципе не "монофоничны", а "полифоничны", и эта полифония возникает не из простой рядоположности различных элементов, но из объединения взаимопроникающих противоречий. Слово "пансофия", т.е. всемудрость, характеризует универсалистский основной тон мировоззрения Коменского. Хотя он и не был единственным "пансофом" своего века, т.е. мыслителем, стремившимся собрать все знание человечества в единую систему, однако никто не выступал за этот идеал с большей энергией; сам Коменский опубликовал только вводные части к своей "Пансофии", рукопись целого произведения была обнаружена лишь несколько лет назад. Никто не извлек из идеала пансофии столько важных и разнообразных выводов, как Коменский, – причем практических выводов, не относящихся к области фантастики, а направленных на конкретные жизненные вопросы, как организация научной работы, создание "универсального языка", примирение христианских вероисповеданий и т.д.

Если у других авторов "пансофия" часто становилась путем к Богу через природу, – путем, на котором искатели, однако, никогда не приходили к Богу, но все больше блуждали в лесу алхимии и сокровенного знания, – то Пансофия Коменского означала реализацию отличительного для периода Барокко порыва: от индивидуалистической богоотдаленности Ренессанса вновь возвратиться к христианскому Богу. Пусть даже всего лишь программно намеченное воссоединение всей светской науки с христианской религией, связь всех элементов подобного систематического мировоззрения в нескольких центральных пунктах настолько отвечали потребности эпохи, что Коменский плодотворно воздействовал на своих современников и там, где был лишь выразителем своего времени, лишь повторял и переформулировал распространен-

ные идеи. Таким образом он оказал значительное влияние на эпоху. Мы сумеем по достоинству оценить его центральное значение в тогдашней культурной среде, если вспомним, что столь заметные представители немецкого интеллектуального Барокко, как Харсдёрфер, Цезен, Мошерош, или Роберт Бойль в Англии, восприняли от Коменского мировоззренческие импульсы.

Универсалистская программа Коменского, его пансофические планы в такой мере отвечали потребностям времени, что мы встречаем перекличку с ним повсеместно внутри барочных течений, так или иначе нацеленных на построение системы универсальной мудрости. Нет нужды, однако, перечислять имена немецких, нидерландских, английских и других "розенкрейцеров", фантастов и "фанатиков", желавших использовать в своих целях вполне серьезные работы Коменского; мы получили бы длинный и в национальном аспекте очень пестрый список. Лишь в качестве примера назовем здесь двух довольно значительных представителей подобных универсалистских устремлений: верного коменианца Й.Х. Бистерфельда, перенесшего математический метод в философию и желавшего ввести его в теологию, — им был серьезно заинтересован Лейбниц, и шведского ученого и философа Г. Стьернхельма (1598–1672), в чьей незавершенной философской системе (*Filosofiska fragment*) неоднократно используются и перерабатываются мысли Коменского.

Познакомимся, однако, прежде всего со значением Коменского для тех философских направлений, которые сохранили свою весомость также и за пределами эпохи Барокко, могут претендовать на надвременную значимость и потому способны представлять более чем исторический интерес также и для современности.

Философское значение философской программы Коменского и значение осуществленных частей его "Пансофии" может быть верно оценено лишь на базе подробного анализа. У Коменского был "верный философский вкус"; об этом говорит тот факт, что он верно уловил главные проблемы философского развития своей эпохи, предначертал в своей "философской программе" по существу направление, в котором пошел после его смерти Лейбниц.

Декарт и Лейбниц повстречались Коменскому на жизненном пути; оба этих великих философа выражали суждения о философских воззрениях Коменского, так что мы в состоянии (отчасти на основе, впрочем, лишь недавно опубликованных или лишь в последнее время верно истолкованных высказываний Декарта и Лейбница) выяснить место, занимаемое Коменским в рамках истории новоевропейской философии.

Мы уже говорили, что во многих отношениях он исходит из философии Ренессанса. Вместе с тем, он не останавливается на общих формулировках и "мечтательных пожеланиях" Ренессанса, но дает в ряде пунктов конкретные указания на то, как следует поступать при

осуществлении философских проектов. Многие из этих конкретных указаний обнаружили полную уместность, т.е. в них высказано именно то, что осуществилось в философском развитии ближайших же десятилетий. Подобно многим философам Ренессанса, Коменский придерживается убеждения, что богопознание, познание мира и человеческое самопознание должны вести к одинаковым результатам; он пытается прояснить этот полный параллелизм и причинно объяснить его. Идея мира в божественном разуме и "врожденные" идеи в человеческом – эти формулировки Коменского созвучны учению Декарта о "врожденных" идеях и представлению Лейбница о "монадах", из которых каждая отражает в себе все многообразие мирового процесса. Стремясь примирить единство с многообразием, Коменский ищет новых понятий и находит такие, которые звучат вполне современно, как "система" или "структура". Метод, призванный обеспечить создание универсальной науки, он ищет в "универсальном языке" (*lingua catholica*), не останавливаясь при этом на фантазиях мистиков своего времени об "Адамовом естественном языке", но собираясь построить научно разработанный язык как систему, которая одновременно могла бы служить основой философской науки, что вполне соответствует позднейшим опытам Лейбница.

Декарт трижды писал отзывы о философских трудах Коменского (после 1637 года). Христианская нацеленность философии Коменского остается ему, однако, чужда. Он прежде всего противник того, что Коменский "чересчур стремится связать религию и истины Откровения с науками, создаваемыми путем познавательной деятельности естественного разума". В 1642 г. Коменский посетил Декарта; содержание их четырехчасовой беседы известно нам из сообщения Коменского, не преминувшего подчеркнуть при этом, что "все человеческое познание, проистекающее лишь из чувственных восприятий и рассудочных умозаключений, несовершенно и фрагментарно". Декарт якобы порадовал своего гостя вежливым признанием, что философия, коей он хочет исключительно заниматься, остается лишь частью целого. Если даже Декарт был здесь из вежливости неискренен, тем не менее во всяком случае весьма характерно то, что единственный действительно крупный философ, которого можно считать "картезианцем", Мальбранш, полностью разделяет точку зрения Коменского. Его система – христиански видоизмененное картезианство. Мальбранш соответственно не хочет, в отличие от Декарта, остаться при одной лишь философии, но стремится, подобно Коменскому, к *синтезу* философии и религии! Еще и с другой точки зрения Коменский увидел в философии Декарта "лоскутья и осколки": основные понятия Декарта ("врожденные понятия") не образуют цельной, единой системы, они простое нагромождение; Лейбниц много позднее ссылался на этот упрек Коменского, выделив его как особенно удачный.

Коменский вступил в связь также и с видным последователем Декарта, Мерсенном, встретив у него понимание как раз универсалистских мотивов своего мировоззрения. В 1640 г. в письме к Мерсенну Коменский набрасывает программу своей дальнейшей работы: "Общие понятия (*communes notiones*) духа... я соберу воедино; но не в виде нагромождения, а в порядке, какой предписан верным и тщательным анализом самой Вселенной". Мерсенн одновременно с Коменским развивает идею "вселенской гармонии" и, подобно Коменскому, думает об универсальном языке. Но гораздо большее значение имеют аналогичные работы Лейбница, продолжающие свое воздействие вплоть до нашей современности, причем мысли Лейбница не только схожи с идеями Коменского, но и в ряде случаев даже стимулированы Коменским, что подчеркивал сам Лейбниц.

Лейбниц находился под разнообразным воздействием не только друзей и единомышленников Коменского, таких как учитель Коменского Альстед или фон Харсдёрфер, но также и неизменно верных приверженцев Коменского, как Бистерфельд или Скютте. А главное, он состоял в длительном эпистолярном общении с преданным коменианцем швабом Хессенталером. Похоже на то, что молодой Лейбниц посетил с Хессенталером Коменского в Амстердаме; но если в этой личной встрече еще и можно сомневаться, то нам достаточно неоднократных ссылок Лейбница на работы Коменского, отзыва на эти работы, составленного Лейбницем для Хессенталера, и прежде всего — далеко идущего согласия устремлений обоих мыслителей; не нужно забывать и того, что мысли, развитые позднее Лейбницем с гораздо большей глубиной и детальностью, были высказаны Коменским за 20 лет до Лейбница. Проблемы, в отношении которых Лейбниц называет Коменского как близкого ему по духу, раньше него выступившего с новыми мыслями, имеют теоретическую и практическую природу; подобно Коменскому, Лейбниц думает об универсальной науке (*scientia generalis*), призванной возникнуть на основе единого, логически выдержанного языка и письменности (*characteristica universalis*). Как и Коменский, Лейбниц ожидает от этой универсальной науки также и построенную на ее фундаменте единую организацию человечества: научные сообщества, аналогичные христианским конфессиям, примирение наук с религией и политическое освобождение человечества.

Основополагающая мысль лейбницевоу универсальной науки сочетается у молодого Лейбница с идеей вселенской гармонии, которая "покоится на немногих началах, в своем приложении, однако, бесконечно многообразных". Доказано (Кабиц, 1909), что эта мысль впервые появляется у Лейбница на почве его занятий трудами Бистерфельда; соответствующее же место у Бистерфельда восходит почти буквально к "Предвестнику всеобщей мудрости" (1639) Коменского (Д. Манке).

Между прочим, вполне можно говорить и о том, что Коменский повлиял на стиль мышления Спинозы, ибо, как было недавно показано, "геометрический способ" Спинозы восходит к тому же Бистерфельду, а соответствующие мысли Бистерфельда идут опять же от его учителя Коменского. Правда, это имеет уже меньшее значение.

Если из "немногих начал" выводится все многообразие универсальной науки, то Коменский не идет по этому пути столь же далеко, как иные из его современников, надеявшиеся с помощью "математического метода" дедуцировать весь конкретный мир; Коменский говорит, что в его универсальной науке предложено прежде всего лишь учение о "возможном мире"; что именно из "возможного" становится действительным, об этом нас учит сама действительность. Рукопись "Пансофии" содержит очерк этого учения о "возможном мире". Лейбниц идет тем же путем. Что философия призвана выработать учение о возможном мире, это входит в число характерных для Лейбница идей и, между прочим, возрождается в новой философской науке *феноменологии*. В данном случае, однако, мы не в состоянии констатировать генетическую связь между мыслями Коменского и Лейбница.

Переход от логики к метафизике обеспечен, как мы говорили выше, научно разработанным языком. Эта мысль знакома Лейбницу по программным проектам Коменского; в своем отзыве на его работу он пишет: "Этот язык, или письмо, будет очень трудно построить, но очень легко выучить. И кто выучит этот язык, тот одновременно изучит всю энциклопедию, которая являет собою истинные врата вещей", "врата языка и малая энциклопедия должны совпадать". Лейбниц употребляет здесь обозначение *janua rerum*, "врата вещей", избранное Коменским как название своей метафизики. У Лейбница мы встречаем и "панглоттию", введенную Коменским для обозначения науки об универсальном языке. Говоря в другом месте о своих языковых планах, Лейбниц называет Коменского своим единственным предшественником: "Я знаю только одного писателя, чрезвычайно значительного человека (*summus vir*), который догадывался о возможности подобного плана". Недавно было установлено, что этот "значительный человек" – Коменский (Д. Манке).

Лейбниц полностью разделяет нелюбовь Коменского к "лоскуткам и осколкам" учености, и когда в поздние годы жизни он однажды критикует метод Декарта, исходящий из нескольких основных принципов, которые не составляют замкнутой системы, то указывает, что это фундаментальное возражение против Декарта восходит к Коменскому. Энциклопедия самого Коменского ни в коем случае не должна быть лоскутками и осколками учености, т.е. должна быть не собранием знаний, но системой. "Всеумдрость", какую она дошла до

нас, никоим образом не стала "каталогом", подобно многим пансофическим трудам современников. Так или иначе, Коменский считал, однако, что сумеет усвоить познания частных наук посредством чтения. В своих суждениях относительно планов Коменского Декарт высказывал возражения именно против такого метода работы. Лейбниц стоит здесь вполне на стороне Коменского. Еще и многими годами позднее Лейбниц писал, оглядываясь на пройденный путь: "Я обнаружил, что большинство философских школ в очень многом право там, где высказывает позитивные утверждения". В этих словах дает о себе знать вполне новое представление об интеллектуальной истории человечества; Лейбниц хочет включить духовное наследие в свои труды, возвратить его к жизни. Но то же понимание прошлых усилий человечества было и у Коменского, защищавшего "полигисторию": "Нет настолько плохой книги, чтобы там нельзя было найти чего-либо хорошего"; причем Коменский идет еще дальше, чем более поздний Лейбниц, утверждая: "Заблуждения тоже служат прогрессу познания". Эти слова мог написать и Гегель, желавший все несовершенные и односторонние истины прошлого видеть в своей системе "поднятыми", т.е. преодоленными и одновременно сохраненными.

Мы уже говорили о том, что универсализм обоих мыслителей не хочет оставаться в чистой теории; что, наоборот, исходя из одинаковых теоретических предпосылок (из "универсальной науки" и "универсального языка"), он хочет таким путем прийти к обширным практическим результатам: к международной организации научного труда, к примирению науки и религии, к соглашению между христианскими конфессиями, народами и государствами. Конечно, эти устремления – совершенно в духе эпохи, и оба они, Коменский и Лейбниц, принадлежат к различным отрезкам *одной и той же* духовно-исторической эпохи, периода Барокко. И все же мы никоим образом не должны забывать, что Лейбниц, пусть ему и не пришлось заимствовать эти идеалы от Коменского, так или иначе несомненно опирался в своих устремлениях на труд жизни Коменского: сам Лейбниц свидетельствует об этом, цитируя Коменского в различных работах; и, главное, мы не должны упускать из виду, что усилия Лейбница во многих отношениях имели под собой почву, уже подготовленную деятельностью Коменского: если Лейбниц стал членом французских и английских научных обществ и духовным отцом Венской, Берлинской и Петербургской академий, то подготовкой благоприятного отношения, какое встретили планы подобных начинаний, он обязан среди прочих также Коменскому и кругу его друзей; если Лейбниц нашел для своих проектов понимание у пиетистов, то эти последние шли к своему идеалу "благочестивого ученого" и к своим иреническим замыслам не без влияния Коменского.

Поэтому Лейбниц, несомненно, сделал нечто приятное не только

своему и общему у него с Коменским швабскому другу Хессенталеру, когда послал ему в 1671 г. латинский энкомий Коменскому, сочиненный им по получении известия о смерти последнего:

In Comenii obitum²

Fortunate senex, veri novus incola mundi
Quem pictum nobis jam tua cura dedit:
Seu res humanas insanaque jurgia, liber
Despicias, et nostris usque movere malis;
Sive Apicem Rerum et mundi secreta tuenti,
Interdicta solo, nunc data Pansophiae;
Spem ne pone tuam, superant tua carmina mortem
Sparsaque non vane semina servat humus.
Posteritas non sera metet, jam messis in herba est
Articulos norunt fata tenere suos.
Paulatim natura patet, felicibus una,
Si modo conatu, jungimus, esse licet,
Tempus erit quo te, Comeni, turba bonorum,
Factaque, spesque tuas, vota quoque ipsa, colet.

Разумеется, великий Лейбниц почти полностью заслонил Коменского для будущего. Теоретические воззрения Лейбница сохранили продуктивную действенность вплоть до нашей современности, оказали сильное влияние на Канта, на представителей немецкого идеализма, на "математическую логику" (в наши дни, например, на Бертрانا Рассела) и на "феноменологию" (Гуссерль). Сведения о зачатках этих воззрений у Коменского мы находим в истории идей лишь в отдельных случаях, да и тогда они почерпаются только из педагогических сочинений Коменского, где его основополагающие мысли обрисованы лишь попутно. И все же иногда в истории духа различные мотивы мировоззрения Коменского выступают на первый план.

В XVIII веке немецкие "предромантики" Гаман и Гердер (в 57-м "Письме для поощрения гуманности") возвращают к жизни некоторые мысли Коменского, хотя и без углубления в сущностные *теоретические* мотивы его философии. Для обоих Коменский со своим идеалом науки, не борющейся против религии, и со своими гуманистическими идеалами является фигурой, которую они предлагают просветителям своего времени в известной мере в качестве маяка: Коменский для них – образ из прошлого, самим своим наличием свидетельствующий в пользу их собственных религиозных, нравственных и научных идеалов.

Можно было бы ожидать, что эпоха романтизма найдет дорогу к Коменскому, как она это сделала в отношении ряда других представителей эпохи Барокко. Скажем, представление Коменского о духовных основах природы, – представление, разделявшееся с ним Лейб-

ницей, — для романтизма явилось бы интересным и актуальным. Натурфилософы и естествоиспытатели романтизма развивают, однако, те же идеи, что и Коменский, непосредственно не обращаясь к нему. Так обстоит дело не только с Шеллингом, Океном или Эрстедом; даже наиболее выдающийся славянский естествоиспытатель, Пуркине, безраздельно живший в атмосфере романтического мировоззрения, лишь в отдельных пунктах находит точки соприкосновения со своим великим соотечественником из XVII века. И только один философ из среды немецкого идеализма, К.Х.Фр. Краузе, безусловно признает свой долг перед Коменским. Краузе, правда, не принадлежит к центральным фигурам немецкого идеализма, но он во всяком случае значительный философ, создатель развернутой универсалистской системы, теснейшим образом связавший свой философский метод с философией языка и стремившийся извлечь из своей теоретической философии далеко идущие практические следствия в целях преобразования человеческой жизни и всей мировой истории. Влияние Краузе, надо сказать, не было незначительным; его философия сумела главным образом в Испании не только утвердить себя, но временами оказывалась едва ли не господствующим философским течением; в остальной Европе влияние Краузе не очень глубоко, однако простирается далеко за пределы профессионально-философских кругов, ибо он нашел много энтузиастических приверженцев среди франкмасонов. Виднейший ученик Краузе, Леонхарди, между прочим, работал на родине Коменского. Краузе неоднократно называл себя духовным наследником Коменского, и не только в своих практических идеалах: не имея сведений о малоизвестных сочинениях Коменского, он воспринял и выделил те мотивы "Пансофии", которые родственны его собственному "учению о сущности".

Несомненно, в целом ряде влиятельных и значительных философских течений современности можно было бы найти существенные идеи, духовным отцом которых является Коменский. Нередко прослеживаются бесспорные генетические связи — большей частью через Лейбница. Чтобы назвать лишь самые важные, можно было бы упомянуть феноменологию (гуссерлианское направление), затем "математическую логику", а именно те ее ветви, которые нацелены не на ликвидацию философии, но на методический пересмотр ее оснований (Б. Рассел), и, наконец, некоторые виталистские течения в натурфилософии. Есть основания ожидать, что более близкое знакомство с трудами Коменского, особенно с его до сих пор не опубликованным наследием, способно дополнительно обогатить эти философские течения³.

ЛАБИРИНТ СВЕТА И РАЙ СЕРДЦА,

*т.е. ясное изображение того,
что на этом свете и во всех предметах его
нет ничего, кроме суеты и заблуждения,
сомнений и горестей,
призрака и обмана, тоски и бедствий
и, наконец, досады и отчаяния;
но тот, кто остается дома в сердце своем
и запирается с одним господом Богом,
приходит к истинному и полному успокоению ума
и к радости*

К читателю

1. Каждое существо, даже неразумное от природы, приспособлено к тому, чтобы наслаждаться приятными и полезными для себя вещами и иметь влечение к ним; тем более к этому стремится и человек, в котором такую наклонность к добру, полезному возбуждает разумная, присущая ему сила; да и не только возбуждает, но и направляет его к тому, чтобы он выбирал себе преимущественно то, что более кажется добрым, приятным и полезным, и с большей охотой добивался этого. Отсюда-то давно уже возник вопрос между мудрецами, где и в чем могло бы заключаться высшее благо (*summum bonum*), на котором могло бы остановиться человеческое стремление, т.е. достигнувши которого, человек мог бы и должен был был успокоиться своей мыслью, не имея уже к чему стремиться¹.

2. Если бы мы захотели обратить на это внимание, то нашли бы, что этот вопрос и заботливое отыскание решения его были и есть не только между философами, но и вообще каждого человека мысль направлена туда же, где и как достигнуть самого полного утешения. И дознано, что все почти люди, отрешившись от самих себя, ищут, чем бы успокоить и утешить свою мысль в свете и его предметах: один видит это в богатстве и состоянии, другой – в роскоши и удовольствиях, третий – в славе и уважении, четвертый – в мудрости и знании, пятый – в веселом товариществе и т.д.; и вот в результате все гонятся за внешними предметами, ища в них блага для себя.

3. Но что оно там не находится – свидетель тому самый мудрейший из людей, *Соломон*, который, также в поисках покоя для своего разума, пройдя и обзрев весь свет, в конце концов сознался: "И возненавидел я жизнь, потому что противны стали мне дела, которые творятся под солнцем, ибо все суета и томление духа". Достигнув впоследствии истинного спокойствия ума (Еккл 2, 17), он объявил, что последнее заключается в том, чтобы человек, предоставив свету идти своим путем, искал для себя самого Господа Бога, его боялся и его заповеди соблюдал, ибо говорит Писание: "От него единого все зависит" (Еккл 12, 13). Подобным же образом и Давид убедился, что счастливейший человек тот, кто, закрывши глаза на свет и оставив мысль о нем, держится только Бога, считая его вечным своим уделом, пребывает с ним в сердце своем (Пс 73).

4. Да будет восхвалено милосердие Божие, которое и мне открыло мои глаза, научив познавать разнообразную суету сего великого света

и мелкое обольщение, всюду скрывающееся под внешним блеском, научив не здесь искать покоя и беспечности мысли. Желая представить себе это яснее, воочию, а равно и показать другим, я задумал предпринять путешествие, или странствие по свету, посмотреть, где находятся и какие существуют полезные вещи, а то и ознакомиться с ними; и, наконец, я нашел утешение, к которому стремился и которого бесполезно искал в свете; все это я рассказал в настоящем своем сочинении. Насколько удачно – это не мое дело; дай только Бог, чтобы с пользой для себя и ближних моих.

5. Не басня то, читатель, что ты будешь читать, хотя и имеет сходство с басней; нет, все это правда; вникнув в нее, ты сам поймешь это, в особенности если ты мало-мальски знаком с моей жизнью и приключениями, потому что я расписывал красками большей частью случаи собственной жизни, с которыми встречался в продолжение немногих лет своего земного существования; иное видел и у других или имел сведения. Сознаюсь, что не всего еще коснулся, отчасти из стыда, отчасти потому, что не знал, принесло ли бы это пользу другим.

6. Провожатых моих и каждого, кто блуждает в свете, – двое: дерзание ума, осматривающего все, и старая привычка к вещам, дающая вид истины прельщениям света. Если пойдешь за ними с разумностью, то, кто бы ты ни был, увидишь, как и я, несчастные смятения своего поколения, а если тебе будет казаться наоборот, то знай, что на твой нос насажены очки обычного заблуждения, через которые ты видишь все неправильно.

7. Что касается представления исполненной радости картины сердец, посвященных Богу, то оно больше основано на теории, так как трудно найти все у каждого избранного. Тем не менее у Господа Бога нет недостатка и в таких очистившихся душах, и каждый истинно благочестивый, читая это, должен стремиться настойчиво к такому совершенству. Будь счастлив, милый христианин, и пусть путеводитель Света, Дух святой, укажет тебе лучше, чем я могу, и суету мира, и славу избранных, соединенных с Богом сердец, утешение и радость.

Аминь.

Глава I

О причинах путешествия в свет

1. Начав приходить в такой возраст, в котором ум человеческий понемногу осознаёт разницу между добром и злом, увидел я среди людей различные сословия, положения, профессии, труды и предприятия, которыми они занимаются, и у меня явилось непреодолимое влечение подумать хорошенько о том, к какой группе людей примкнуть и как провести свою жизнь.

2. О чем много и часто размышлял я и советовался со своим разумом, на том и остановилось мое внимание, а именно: выбрать себе такой образ жизни, в котором было бы по возможности меньше забот и беспокойства, а возможно больше удобств, покоя и отрады.

3. Однако нелегким оказалось узнать, какой именно род занятий надо мне выбрать; с кем об этом хорошенько посоветоваться, я не знал, да, по правде сказать, и не хотел советоваться, так как уверен был, что каждый станет хвалить свое. Сам же, без посторонней помощи, поспешно взяться за какое-нибудь дело не смел, боясь ошибиться.

4. Признаюсь, я начал потихоньку приниматься за одно, за другое, за третье, но все тотчас же оставлял, потому что в каждой вещи замечал и трудность, и ничтожность ее, на мой взгляд. С одной стороны, я боялся, чтобы моя неустойчивость не принесла мне вреда, и в то же время не знал, что предпринять.

5. После мучений и колебаний душой я пришел к тому заключению, что прежде всего нужно посмотреть все человеческие дела, все, что есть их под солнцем, и, сравнив разумно одно с другим, выбрать себе положение и затем привести свои дела в такой порядок, чтобы наслаждаться спокойной жизнью на свете. Чем больше думал я об этом, тем больше нравился мне такой путь².

Глава II

Путешественник достал в проводники Вездесуща

1. Вышел я из дому и стал оглядываться по сторонам, раздумывая, откуда и как начать. Вдруг, и сам не знаю откуда, взялся передо мной человек, с твердой поступью, осмысленным взглядом и быстрой речью, так что казалось, будто ноги, глаза, язык – все у него вращалось на

пружинах. Подвинувшись ко мне, он стал допытываться, откуда я пришел и куда намерен идти. Я сказал ему, что вышел из своего дома с намерением совершить путешествие по свету и кое-что испробовать.

2. Похвалив меня за это, он спросил: "А где же твой проводник, есть ли он у тебя?" – "Нет у меня никого, – ответил я: – доверяюсь Богу и своим глазам, думая, что они не обманут меня". – "Да так ты ничего не узнаешь, – сказал он. – Слыхал ли ты когда-нибудь о Критском лабиринте?" – "Слышал кое-что". – "Чудо света был – это было здание с таким огромным количеством комнат, перегородок, коридоров, что попавший туда без провожатого вечно метался то туда, то сюда и никогда не мог выйти из него. То было ничтожество в сравнении с тем, как устроен лабиринт света, особенно в настоящее время. Не советую тебе одному идти туда, поверь мне, опытному в этом".

3. "А где же мне взять такого провожатого?" – спросил я. Он мне в ответ на это: "Я для того, чтобы тех людей, которые хотят посмотреть и испытать что-нибудь, провожать и указывать им, что где находится; поэтому-то я и вышел навстречу тебе". Удивился я и спросил: "А кто же ты такой, мой милый?" – "Имя мое *Всевед*, прозвище *Вездесущ*, – ответил он. – Я провожу через весь свет, смотрю во все его стороны, у каждого выпытываю его слова и дела, что есть явного, все вижу, что тайное – за всем слежу и наблюдаю, – одним словом, без меня ничто не может происходить: за всем присматривать – моя обязанность, и если ты пойдешь за мной, то поведу тебя во многие тайные места, куда без меня ты никогда не попал бы".

4. Услышав такие слова, я и сам обрадовался, что нашел такого провожатого, и стал просить, чтобы не почел за труд провести меня через свет. "Как другим рад служить в этом, так и тебе, – отвечал он и, взяв меня за руки, прибавил: – Пойдем". Пошли мы, а я и говорю: "С удовольствием теперь посмотрю, каков-то этот свет и есть ли в нем что-нибудь такое, на чем человек мог бы успокоиться". Услышав это, товарищ мой остановился и сказал: "Приятель! Идешь ли ты с той целью, чтобы хорошенько осмотреть наши вещи или чтобы рассудить о них по своему разуму, этого я не знаю, только останется ли этим довольна ее милость, королева наша"?

5. "А кто это ваша королева?" – спросил я. Он ответил мне: "Та, которая управляет всем светом и его делами, от конца в конец. Имя ей – *Мудрость*, хотя некоторые умники называют ее суетою. Поэтому я заранее предупреждаю тебя: когда мы будем ходить и осматривать там, не умничай, иначе попадешь в беду, и я вместе с тобой"³.

Глава III

Обман навязался в товарищи

1. Не успел он сказать об этом, как вдруг я заметил, что кто-то, и сам не знаю – мужчина или женщина⁴ (ибо как-то чудно было закрыто, а вокруг него образовался как бы туман), подойдя к нам, заговорил: "*Вездесущ!* куда ты спешишь с ним?" "Веду его в свет, – ответил последний: – намерен обозреть его".

2. "А что же без меня? Знаешь ведь, что твоя обязанность провожать, а моя – указывать, что где находится. Ведь ее милость королевна не желает, чтобы тот, кто по собственному желанию пошел в ее королевство, рассуждал о том, что видит и слышит, со своей точки зрения и мудрствовал о чем-нибудь; необходимо рассказать ему, что есть каждая вещь и для чего предназначена, и заставить его поверить этому".

3. *Вездесущ* ответил: "Неужели каждый столь дерзок, что наравне с прочими не может удовлетвориться нашими порядками. Ну, в таком случае, мне кажется, можно потребовать узду для него. Ладно, пойдем". Таким образом, то существо пристало к нам, и мы отправились.

4. Но я держу себе на уме: "Дай-то Бог, чтобы только не завели меня. Ведь они говорили о какой-то узде для меня" – и, обратившись к своему новому товарищу, сказал: "Приятель, не сердись на меня, хотелось бы узнать твое имя". Он ответил: "Я толмач королевны света, *Мудрости*, и имею от нее поручение научать, как должно понимать все в свете. Поэтому все, что принадлежит к истинной светской мудрости, я влагаю в ум и привожу его к веселью и доброму расположению; без меня и короли, и князья, и владыки, и все высокопоставленные лица страшно тосковали бы и печально проводили бы жизнь на свете".

5. Я на это сказал ему: "Счастье для меня, что Бог послал мне в проводники тебя, если только правда то, что ты говоришь. Я ведь для того отправился путешествовать в свет, чтобы найти, что в нем есть самого мирного и утешительного, а имея в качестве советника такого, как ты, я без труда выберу для себя что-нибудь". – "Не беспокойся об этом, – ответил он, – в нашем королевстве, конечно, ты увидишь все прекрасным, в порядке и мило устроенным и поймешь, что во всем можно вести себя послушным нашей королевне, но, правда, всегда одно призвание и занятие имеет перед другим более удобства и свободы. Изю всего можешь выбрать себе, что захочешь. Ну, вот все, что и как есть, я объяснил". – "Как же тебя зовут?" – спросил я. – "Имя мне *Обман*".

Глава IV

Путешественник получил узду и очки

1. Услышав это, я испугался, думая, что на грех взял его к себе в товарищи. "Первый (так беспокоила меня моя мысль) толковал о какой-то узде, затем этот назвал себя *Обманом*, королевною своею назвал *Суету* (хотя, может быть, неосторожно проговорился). Что бы это значило?"

2. И в то время, когда я, молча и потупив взоры, шел, вернее, как-то неохотно переступал ногами, *Всевед* обратился ко мне: "Что – на попятный двор?" Не успел я ответить ему что-нибудь, как он набросил мне на шею какую-то узду, удила которой попали мне в рот. А он прибавил: "Ну, с нею охотнее у меня пойдешь, куда хотел".

3. Поглядел я на эту узду и увидел, что она была сшита из ремня любопытства, а удила у нее были из железа упрямства в предприятиях; и понял я, что теперь пойду обозревать свет не так, как первоначально, – добровольно, но вследствие непостоянства и нерешимости ума меня потащут насильно.

4. Другой же провожатый со своей стороны повел такую речь: "А я дам тебе очки, через которые ты будешь глядеть на свет". И вдруг насадил мне на нос очки, взглянув через которые на свет я увидел перед собою все в другом виде.

Очки эти действительно имели такое свойство, как я потом неоднократно испытывал, что смотревшему сквозь них отдаленный предмет казался близким, а близкий – отдаленным, малый – большим, а большой – малым, скучный – веселым, а веселый – скучным, черный – белым, а белый – черным. "Недаром, – подумал я, – он называет себя *Обманом*, коли умеет делать такие очки и вставлять их людям".

5. Очки эти были сделаны, как я узнал потом, из стекла догадки, а рамки их из рога, который называется привычкою.

6. На мое счастье надел он мне их как-то криво, так что они не прилегали вплотную к глазам, и я, повернув голову и подняв глаза, мог глядеть на вещи совершенно естественно. Я обрадовался этому и подумал сам себе: "Хоть вы и замкнули мне рот и заслонили глаза, но я верю своему Богу, что не отнимете вы у меня разума и мысли. Пойду и посмотрю, что представляет из себя этот свет, на который по желанию госпожи *Суеты* нужно смотреть через ее очки, а не собственными глазами".

Глава V

Путешественник смотрит на свет с высоты

1. В то время, когда я так размышлял, внезапно мы, ничуть не ведая каким образом, очутились на какой-то очень высокой башне, так что мне показалось, будто мы находимся под облаками: взглянул я с нее вниз и увидел на земле какой-то город, на вид блестящий, красивый и очень обширный, но концы и границы его все-таки можно было обозреть со всех сторон. Этот город был построен круглым, защищен стенами и валами, а вместо рва была какая-то темная глубь, не имеющая, как мне казалось, ни берега, ни дна. Только над городом было светло, а дальше – за оградой все покрыто тьмою⁵.

2. Самый город, как я заметил, был разделен на бесчисленное количество улиц, площадей, домов и построек больших и малых; везде было множество народа, словно муравейник кишел муравьями. У восточной стороны возвышались какие-то ворота, а от них шла улица к другим воротам, обращенным к западу; через эти вторые ворота можно было проникнуть в различные улицы города, из которых главных я насчитал шесть; все они шли от востока к западу, одна подле другой. Посередине их была как будто торговая площадь, очень округленная, дальше к западу стоял на скалистом холме какой-то высокий замок, на который очень часто смотрели все граждане.

3. Мой провожатый обратился ко мне с такими словами: "Ну, вот, милый путешественник, здесь тот свет, на который ты хотел посмотреть. Для того я повел тебя сначала на эту высоту, чтобы ты поглядел на него целиком и понял его устройство. Эти восточные ворота суть ворота жизни; через них проходят все, кто является на свет для жизни. Вторые ворота, ближайšie, суть ворота распутья; от них каждый обращается к тому или иному занятию, кому какой выпадет жребий.

4. Улицы же, которые ты видишь, суть различные состояния, сословия и специальности, к которым обращаются люди. Видишь – главных улиц шесть. В одной, к востоку, живет домашнее сословие: родители, дети и челядь, в соседней – ремесленники и все занимающиеся промышленностью, в третьей, ближайшей к площади, находится сословие ученых, занимающихся работою мысли. С другой стороны сословие духовенства, к которому люди прибегают для исполнения религии; затем сословие правителей и начальников света; ближе к западу – рыцарское сословие, занимающееся военными делами. Как все это искусно устроено! Одни производят всех, другие всех питают, одни учат всех, другие за всех молятся, одни судят всех и оберегают от беспорядков, другие воюют за всех, и таким образом все служат друг другу, и всё находится в равновесии.

5. Этот замок, который ты видишь на западе, есть *Arx fortunae*,

замок счастья; в нем живут более властные люди, приобретая там богатства, роскошь и славу. Сюда сходятся люди из всех сословий и требуют, что им нужно; посередине же этой площади, как бы в центре всего, находится резиденция королевны света *Мудрости*".

6. Мне очень понравилось такое устройство, и я стал хвалить Бога, что искусно разделил сословия в свете. Одно только не понравилось мне. Эти улицы во многих местах казались как бы проломленными, так что одна вдавалась в другую; это, как мне показалось, могло служить причиной ошибок и заблуждений. К тому же, когда я глядел на эту округленность света, то ясно чувствовал, что он двигался и вертелся, как в колесе, так что я боялся, чтобы не закружилась голова. Когда же я повел по нему глазами, по разным сторонам, то увидел, что все до мельчайших вещей суетилось, как в муравейнике; когда я напряг слух, то все было наполнено шумом, гиканьем, хохотом, свистом и криком.

7. Толмач мой, *Обман*, обратился ко мне: "Видишь, мой милый человек, как роскошен этот свет, как все в нем прекрасно, и это издалека лишь глядя на него; что ты потом скажешь, когда рассмотришь его с его роскошью по частям? Да кому же не мило быть на нем?" Я ответил: "Издали мне это нравится, не знаю, как потом будет". – "Как ни посмотри, все хорошо, – сказал он: – верь только; ну, пойдем дальше".

8. *Вездесущ* остановил его: "Подожди еще, я ему укажу отсюда то место, куда мы потом уж не пойдем. Оглянись-ка назад, к западу. Видишь ли, как здесь у этих темных ворот что-то копошится и лезет сюда?" – "Вижу". – "Это люди, – ответил он мне, – вновь являются на свет (сами не зная, откуда), не зная еще, что они люди; поэтому-то и есть около них одна только тьма и ничего другого, кроме одного крика и слез. Но когда они идут этой улицей, то понемногу перед ними начинает светать, так что они доходят до этих ворот под нами. Пойдем, посмотрим, что здесь делается".

Глава VI

Судьба распределяет занятия

1. Сошли мы по какой-то темной лестнице вниз, и я заметил, что в этих воротах находится огромный зал, полный молодых людей; на правой стороне сидит строгий старец и держит в руке огромную медную чашу. Я видел, как подходили к нему все пришедшие из ворот жизни, и каждый, коснувшись этой чаши и вытащив из нее знак с какою-то надписью, сразу двигался в какую-нибудь улицу города. Один бежал с радостью и криком, другой шел с печалью и тоскою, оборачиваясь и озираясь.

2. Я подошел поближе и посмотрел на некоторые из этих знаков; один вытаскивал: "господствуй", другой – "служи", третий – "приказывай", четвертый – "повинуйся", пятый – "паши", шестой – "пиши", седьмой – "учись", восьмой – "копай", девятый – "суди", десятый – "воюй" и т.д. Я недоумевал, что бы это такое было. *Всевед* разъяснил мне: "Здесь распределяются занятия и работы, к чему кто способен на свете. Этот начальник над жребием называется *Судьбою*, каждый вступающий в свет должен взять от него, стало быть, соответствующее указание".

3. В это время *Обман* дотронулся до меня с другой стороны, давая этим знать, что и я также должен вытащить жребий. Я попросил его не понуждать меня брать только одно что-нибудь (не посмотревши прежде), поручаться только слепому счастью, будь – что будет. Но мне было объявлено, что этого без ведома и дозволения господина начальника, *Судьбы*, нельзя устроить. Тогда, приблизившись к нему с покорностью, я объявил о своем намерении, что пришел с той целью, чтобы все осмотреть и выбрать себе то, что понравится.

4. Тот ответил: "Сын! видишь, что другие не делают этого, но берут то, что подано им или само попадется. Но если уж у тебя такое сильное желание, изволь". Написав жребий: "*Speculare*", т.е. наблюдай, или испытывай, подал его мне и отпустил меня.

Глава VII

Путешественник осматривает площадь света

1. Мой провожатый сказал: "Так как ты должен все осмотреть, то пойдем прежде всего на площадь". Повел меня. И вот я увидел бесчисленную толпу людей, словно туман. Сюда со всего света сошли люди, всяких языков и народностей, всякого возраста, роста, пола, сословия, состояния и профессии. При первом взгляде на них я увидел между ними удивительную сумятицу, как бы в рою пчел, да еще гораздо удивительнее.

2. Одни ходили здесь, другие бегали, ездили, стояли, сидели, лежали, вставали, снова ложились, постоянно суетились; некоторые отделились от других, другие были в толпах, больших или меньших. Одежда и вид их были различны; некоторые были совершенно нагие; все со странными жестами. При встрече с кем-нибудь сейчас же начинались странные движения рук, рта, колен и другие, как будто люди сгибались друг перед другом и кланялись, вообще они проделывали различные жестикуляции. Мой толмач сказал мне: "Ты видишь здесь перед собой возвышенный род человеческий, одаренный разумом и бессмертный; в том, что он носит в себе образ и подобие бессмертного Бога, ты можешь убедиться по разнообразию бесконеч-

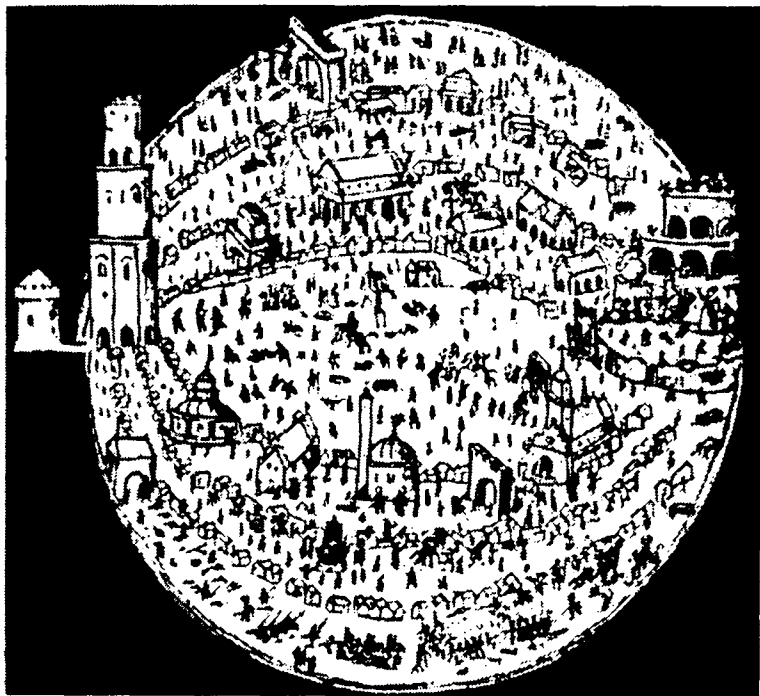
ных действий людей. Здесь, как в зеркале, ты увидишь достоинство рода, к коему принадлежишь".

3. Посмотрел я на них попристальнее и первым долгом заметил, что каждый, снуя в толпе среди других, носил маску на лице, отойдя же в сторону, где был один или между равными себе, снимал ее, а намереваясь идти в толпу, снова надевал. Я потихоньку спросил, что это означает. Толмач ответил: "Это, сын милый, человеческая осторожность, чтобы каждый человек не всего себя показывал, что он есть на самом деле. Сам для себя человек может быть таким, каков он и на самом деле, пред людьми же подобает показывать себя по-людски и свои действия маскировать". Тогда мне захотелось подробнее посмотреть, каковы люди без этой украшающей их маски.

4. Обратив на это внимание, я заметил, что все не только лицом, но и телом различно безобразны. Все подряд были в стружьях, опаршивленные или прокаженные, а, кроме того, один имел свиную голову, другой – собачьи зубы, воловьи рога, ослиные уши, глаза аспиды и лисий хвост или волчьи когти, некоторых я заметил с высоко вытянутой павлиньей шеей, некоторых с торчащим хохлом удода, иных с лошадиными копытами и так далее, более же всего было похожих на обезьян. Я испугался и сказал: "Но я вижу все какие-то чудовища". – "Что ты, умник, говоришь – чудовища?! – сказал толмач и погрозил мне кулаком. – Посмотри-ка хорошенько сквозь очки и увидишь, что это люди". Некоторые из проходящих мимо услышали, что я назвал их чудовищами, и, остановившись, стали роптать на меня и гневаться. Тогда я понял, что здесь мудрствовать напрасно, и умолкнул, подумав себе: "Они хотели быть людьми, пусть их, а я что вижу, то вижу". Но я боялся, чтобы проводник мой прочнее не надвинул очки и не обманул меня, поэтому я и решил молчать и лучше молча смотреть на эти столь противные вещи, начало которых уже видел. Взглянул я снова и убедился, как некоторые умело обходились с этими масками, быстро снимая и надевая их, так что в одну минуту умели придать себе другую форму, где видели необходимость в этом. Тогда-то я начал понимать направление этого света, но молчал.

5. В то время, когда я осматривал их, услышал, что они говорят между собой разными языками, так что по большей части не понимают друг друга, не отвечают или отвечают не на то, о чем идет речь, притом каждый по-своему. В одном месте стояла целая толпа, все говорили о нужде, каждый о своей, и никто не слушал другого, хотя некоторые и толкались, и злились, желая быть выслушанными, но – увы! – этого не было: скорее, были ссоры и брань. Тогда я сказал: "Ради Бога, что мы, в Вавилоне, что ли? Здесь каждый свою песню тянет. Можно ли представить себе больший беспорядок?"

6. Мало кто здесь был без занятий; все были заняты какой-нибудь работой, но эти работы (чего я уж никогда не ожидал) были не больше, как детские забавы или бесполезные мучения. Некоторые

"Лабиринт мира"

Из педагогических сочинений Я.А. Коменского

собирали сор и делили его между собою; некоторые ворочались с камнями или бревнами или на блоках таскали их куда-то вверх и оттуда снова спускали; некоторые копали землю и перевозили или переносили ее с места на место; остальные забавлялись колокольчиками, зеркальцами, пузырями, трещотками и другими игрушками, некоторые играли со своей тенью, меряя, гоняя и ловя ее. И все это делалось с таким усилием, что многие стонали и потели, некоторые падали в бессилии. Почти везде были какие-то чиновники, которые раздавали поручения людям и с великою заботой распределяли между ними эти вещи; иные слушали их с неменьшим усердием. Я с удивлением спросил: "Но неужели человек создан для того, чтобы острогу своего небесного разума тратить на такие глупые, безобразные вещи?" – "Что за глупости? – сказал толмач. – Разве ты не представляешь себе, словно в зеркале, как люди превозмогают все разумом. Один делает одно, другой – другое". – "Но все, – возразил я, – делают вещи бесполезные и не соответствующие столь славному их назначению". – "Не мудрствуй слишком, – сказал он снова, – ведь они

еще не на небе, а на земле, и должны поэтому заниматься земными вещами. Видишь, как все у них в порядке".

7. Взглянув снова, я убедился, что ничего более беспорядочного нельзя придумать. Когда кто-нибудь уставал от занятий, другой приходил и вмешивался в его дело: из-за этого происходили ссоры, ругань и драки; потом они мирились и затем снова ссорились. Иногда за одну вещь хваталось несколько человек, затем все бросали ее и каждый бежал в свою сторону. Те, кто находился под властью чиновников и надсмотрщиков, по необходимости стояли при том, что им было поручено, но и здесь я видел много беспорядка. Некоторые вырывались из ряда и удирали прочь, другие не повиновались начальникам, не желая делать так, как последние приказывали; иные брали палку и палкой выталкивали их; все это представляло страшный беспорядок. Во всяком случае, коли это хотели называть порядком, — я не посмел ничего возразить.

8. Увидел я также и другой беспорядок, слепоту и глупость. Вся эта площадь (как впоследствии и улицы) была полна ям, оврагов и каких-то трясин, а также камней и балоков, лежавших наискось друг на друге, как попало, и другого хлама, однако никто ничего не отложил в сторону, не поправил, не привел в порядок, никто также не избегал и не обходил ничего; ходили словно во сне, и то один, то другой спотыкался, падал, ушибался или разбивался, так что сердце мое дрогнуло при виде этого. Никто из них не предостерегал другого, а, наоборот, когда кто падал, другие смеялись над ним. Заметив тогда бревно, или палку, или яму, на которые кто-нибудь слепо лез, я начал предостерегать их, но никто не обращал внимания на мои слова: одни смеялись, другие бранились, третьи хотели бить меня. Иной падал так, что уж больше не вставал, иной вставал и снова шел, и снова падал; у каждого было множество мозолей и синяков, но никто не обращал на это внимания, так что я не мог надивиться этой тупости, этой безбоязненности собственных ушибов и увечий; мало того, иной, если дотрагивались до него (видел я и это), быстро хватался за оружие и — в бой.

9. Заметил я также большую склонность к новизне и переменам в одежде, постройках, речи, походке. Иные, как я заметил, ничего другого не делали, кроме как переодевались, подражая все новой и новой моде, другие выдумывали новый способ постройки, а затем снова бросали; все брались то за одно, то за другое, и все оставляли, притом с какою-то неутомимостью. Если же кто от своей тяжести, с которой возился, умирал или опускал ее в бессилии, тотчас же собиралось несколько других человек, которые из-за нее дрались, бранились, ссорились, даже до удивления.

Не было из них ни одного, кто промолвил бы что-нибудь, сделал или построил бы без того, чтобы не высмеяли его, не осудили, не опровергнули. Иной и достиг чего-нибудь со значительным трудом и

жертвами, с удовольствием любуясь этим, но тотчас же приходил другой, опрокидывал, портил и разрушал все, так что я не видел, чтобы хоть один человек на этом свете сделал что-нибудь такое, чего не испортил бы кто-либо другой. Некоторые, не дожидаясь никого, сами по себе быстро портили свое дело, так что я удивился этому безумному непостоянству и напрасной поспешности.

10. Также видел я, как многие ходили на высоких каблуках, некоторые сделали себе ходули (дабы, возвышаясь надо всеми, могли смотреть на все свысока) и в таком виде прохаживались. Но чем выше был кто, тем скорее сверживался сам или другие подшибали ему ноги (из зависти, по моему мнению); этого никто не избежал; таким образом они делали из себя всеобщее посмеище. Таких примеров я видел много.

11. Равным образом видел я немало таких, которые носили зеркала и, в то время как разговаривали с другими или ссорились и дрались, или занимались делом, или расхаживали на этих ходулях, самодовольно смотрелись в них: то спереди, то сзади, то с боков осматривали себя и, перешептываясь насчет своей красоты, роста, походки и действий, подавали свои зеркала и другим, чтобы и те подивились на них.

12. В конце концов я увидел, что всюду между ними ходит смерть, вооруженная острой косой, луком и стрелами; она громким голосом напоминала всем, чтобы памятовали, что они смертны. Но никто не слышал ее призыва: каждый глядел в это время на свое безумство и беспорядок. Тогда она, достав свои стрелы, начинала бросать на них во все стороны и ранила всех, кого пришлось в толпе, без разбора: молодого, старого, бедного, богатого, ученого и не ученого. Кто был ранен, тот кричал, стонал. Иные, ходившие возле, лишь только замечали рану, моментально убегали прочь, но скоро снова возвращались и не обращали уже ни на что внимания. Иные, придя, смотрели на хрипящего раненого, и лишь только он протягивал ноги, переставал дышать, собирались вместе, пели около него, пили, ели, плясали; некоторые при этом проливали слезы. Затем хватали его, тащили и волокли за ограду, в ту темную яму, которая находится около света. Вернувшись оттуда, снова жили беззаботно; никто не избегал смерти, зорко наблюдая только за тем, чтобы смерть не смотрела на него (хотя последняя часто встречалась и с такими).

13. Видел я, что не все, которых она прострелила, тотчас же падали мертвыми; некоторых она только ранила, сделала хромыми, ослепила, оглушила либо причинила какой другой вред. Некоторые от причиненной ею раны раздулись, как пузыри, другие высохли, как щепки, третьи тряслись, как осиновый лист, и подобное; так что с гнойными и больными членами ходило людей больше, нежели здоровых.

14. Увидел я немало людей, бегающих и продающих пластыри, мази и напитки для этих ран. И все, остерегаясь и трюся смерти, покупали у них. Но она ни на что не обращала внимания, сражала и

ломала всех, кого ни попадая, даже самих этих продавцов. Грустное для меня было это зрелище – смотреть, как предназначенное к бессмертию существо гибнет так безжалостно, так неожиданно, столь различной смертью, – в особенности, когда я убедился, что почти всегда, если кто устроился получше на свете, приглядел себе товарищей, привел в порядок свое имущество, выстроил дом, скопил деньги и в других отношениях постарался и позаботился о себе, к тому прилетала стрела смерти и полагала всему конец, и кто на свете хорошо расположился, того тащили прочь с него, и все его планы рушились разом; наследовал это другой, и ему другой, и тому доставалось так же, и третьему, десятому, сотому – все едино. Видя, что никто здесь не хочет рассудить об этом непостоянстве жизни и принять это к сердцу, но, стоя в гирле смерти, все так поступают (от жалости к чему у меня чуть сердце не надорвалось), как будто бы они были бессмертны, хотел я возвысить голос, напомнить и просить, чтобы они открыли глаза, посмотрели на смерть, мечущую стрелы, и как-нибудь избавились от нее. Но понял я, что если сама смерть своим неутомимым призывом и своим постоянным явлением на глаза в довольно страшном виде не может ничего исправить, – все мои усилия будут бесполезными словами; и я лишь тихо сказал: "Ах, как жалко, что мы, бедные, смертные люди так слепы к своему несчастью!" Толмач ответил: "Разве было бы мудростью, если бы мучались мыслью о смерти? Лучше, – в особенности когда всякий знает, что не избегнет ее, – не глядеть на нее, а смотреть за своим делом и быть веселее: придет – так придет, в один час, иногда даже и в минуту, исполнит свое. Разве из-за того, что кто-нибудь умер, другие должны перестать веселиться? Ведь на место одного явится сейчас несколько других". Я на это возразил: "Если в этом заключается мудрость, то я с трудом понимаю ее" – и умолкнул.

15. Но не утаю того, что когда я увидел столь бесчисленное множество летающих стрел, мне пришло на мысль: "Где же это смерть берет так много стрел, что не перестреляла их еще?" Поглядел и ясно убедился в том, что собственных стрел она не имела ни одной, а только имела один лук, стрелы же брала от людей, каждую от того, кого намерена была убить ими. Я заметил, что люди сами делали и приготавливали такие стрелы, а некоторые безрассудно и дерзко носили навстречу ей, так что, лишь только она видела сколько-нибудь готовых, тотчас же брала их и выстреливала в сердце людям. Тогда я вскричал: "Теперь вижу, что правда *Et mortis faber est quilibet ipse*⁶; вижу, что никто не умирает, не приготовив сам себе, неводержанностью, неумеренностью, безрассудством или, наконец, неосторожностью, шишек, язв, внутренних и наружных ран (это и есть стрелы смерти)". В то время, как я с таким вниманием смотрел на эту смерть и на ее погоню за людьми, дотронулся до меня *Обман* и сказал: "Дурак, что смотришь на мертвых с большим удовольствием, чем на живых? Кто умер, с тем и покончено, ты же приготовься к жизни".

Глава VIII

Путешественник обозревает состояние и порядки женатых

1. Повели и привели меня в улицу, где, как сказали мне, жили женатые, чтобы хорошенько показать мне способ этой роскошной жизни. И увидел я, что здесь стоят ворота; о них мне сказали, что они называются "бракосочетание". Перед ними была широкая площадь, а на ней, прохаживаясь, толпы людей обоего пола, которые глядели друг другу в глаза, мало того – один у другого разглядывал уши, нос, шею, язык, руки, ноги и прочие члены; также один другого мерил, как длинен, широк, толст или тонок. То так, то иначе один к другому то подходил, то отходил, посматривая и спереди, и сзади, и с правой стороны, и с левой, оглядывал все, что только видел на нем; в особенности же (это я чаще замечал) один у другого осматривал мошну, кошель и карман, измеряя и взвешивая, как длинен, широк, раздут, туг или слаб. Иногда несколько человек указывали на одну и ту же женщину, и случалось, что никто не брал ее; если один отгонял другого, то спорили, ссорились, дрались. И усмотрел я здесь вражду. Иной, отогнав другого, сам в свою очередь был отгоняем третьим; иной, прогнав других, и сам бежал прочь. Другой, ничуть не мешкая с испытанием, брал, что было под рукою; потом оба, взявшись за руки, шли к воротам. Видя много таких комедий, я спросил, что эти люди делают. Толмач ответил: "Это – те, которые охотно идут в улицу женатых; но так как туда через ворота никого не пускают поодиночке, а только вдвоем, то каждый должен выбрать себе товарища. Этот-то выбор и производится здесь, и каждый ищет, нет ли кого-нибудь пригодного для него; кто найдет, тот и идет со своей избранной к воротам". – "А что, никак нельзя легче устроить этот выбор?" – спросил я. – "Как это трудно". – "Ничуть не трудно, – ответил толмач, – наоборот, это забава. Разве не видишь, как весело они приступают к делу, смеются, поют, пляшут? Нет ни одного образа жизни веселее этого, верь мне". Тогда я посмотрел и заметил, что некоторые смеются, пляшут, но увидел и таких, которые, склоняя голову, уныло ходят с гороховым венком, вертятся, прыгают туда-сюда, снова отступают, мучаются, не едят, не спят, даже сходят с ума. "Что же это такое?" – спросил я. "И это забава", – ответил толмач. "Ну, пускай будет так, – сказал я. – Пойдем, посмотрим, что там дальше делается".

2. Протиснувшись сквозь эту толпу, пришли мы к самым воротам и увидели, что перед входом в них повешены весы, сделанные как бы из двух корзин, и около стоят люди. Каждая пара садилась на весы в корзину друг против друга и все смотрели – в равновесии ли весы; иногда же несколько раз взвешивались и расходились, потрясали весы и устанавливали их. Провозившись с ними таким образом довольно

долго, пускали их, наконец, в ворота. Но не каждому одинаково везло. Некоторые падали через корзину, возбуждали смех и со стыдом должны были удаляться оттуда, да притом еще надевали им на уши какой-то колпак или мешок и издевались над ними. Дивясь тому, я спросил, что тут такое делается. Толмач ответил: "Помолвка, когда она происходит окончательно. Если весы указывают, что равное стало за равное, то пускают к этому сословию, как видишь; если иначе, то они расходятся". – "А от чего же зависит это равенство?" – спросил я. – Я, по крайней мере, вижу, что весы указывают, что некоторые и возрастом, и состоянием, и всем прочим подобны друг другу, а они тем не менее то один, то другой проваливаются чрез корзину; иные, наоборот, очень неравные: старый сидит с молодою, юноша со старой бабой, один стоит вверху, другой внизу, и все-таки говорят, что это можно; как же это так?" Он ответил на это: "Не все еще ты видишь. Правда, что иной старик или старая баба за фунт пряжи не перетянет, но когда они имеют при себе тугой мешок или шляпу, перед которой снимаются все другие шляпы, или что-нибудь подобное (все ведь такие вещи идут на весы), то бывает не согласно твоему убеждению".

3. Пошли и мы за теми, которых пустили в ворота, и я увидел в воротах как бы кузницу, в которой каждую эту пару заковывали в страшные кандалы и, только предварительно заковав, пускали дальше. При этом обряде заковывания было много людей, нарочно (так говорили) позванных для того, чтобы быть свидетелями; те, которые были здесь, играли, пели и желали закованным здоровья и счастья. Внимательно глядя, я заметил, что эти оковы не так, как у других пленных, запирались замком, но тотчас же сковывались, сплавливались и запаивались, так что в продолжение всей своей на свете жизни люди не могли ни разорвать, ни разломать их. Я испугался этого и вскричал: "О лютая тюрьма! Кто раз попался в нее, тот навеки уже не имеет надежды высвободиться". Толмач ответил: "Конечно, эти узы самые прочные из всех человеческих уз, но нечего бояться их, потому что сладость такого положения позволяет охотно брать на себя это иго; увидишь сам, как мила эта жизнь". – "Пойдем к ним, – сказал я, – посмотрю".

4. Пошли мы на ту улицу; там – огромная толпа таких людей – все по паре; много таких, которые, как мне показалось, очень не равно соединены: большие с малыми, красивые с уродами, старые с молодыми. Посмотрев внимательнее, что они делают и в чем собственно заключается приятность этого положения, я заметил, что они глядят друг на друга, разговаривают между собою, иногда один другого погладит, иногда и поцелует. "Видишь ли теперь, – сказал мне толмач, – какая чистая вещь есть брак, когда он удачен". – "Так, значит, когда он удачен, это верх всего?" – "Конечно", – ответил он. Я же в свою очередь возразил: "Стбит ли это малое удовольствие таких оков и довольно ли его, не знаю".

5. Поглядел меж тем на них еще и заметил, как много работы и забот имели бедняки. Около них по большей части были ряды детей, припаянных к ним узами; дети у них кричали, плакали, ссорились, стонали и умирали; о том же, с какою болью, плачем и риском для собственной жизни они являлись на свет, я умолчу. Если же некоторые и подрастали, то с ними была двойная забота: одна – удерживать их при себе уздою, другая – гнать их от себя кнутом; часто они ни на узду, ни на кнут не обращали внимания, причиняли страшное беспокойство родителям, даже до слез и истощения. Из-за того же, что последние отпускали их по собственной воле или совсем отказывались от них, происходило бесчестие и смерть родителей. Замечая это везде, я стал уговаривать некоторых, как родителей, так и детей, предостерегая одних от ослиной любви к детям, других взывая к добродетели. Но я достиг пустяка; мало того, на меня смотрели косо, смеялись надо мной, а некоторые угрожали даже убить меня. Увидев здесь некоторых бесплодных, я стал поздравлять их; но и они тосковали, жаловались, что у них нет утешения; тогда я понял, что и иметь и не иметь детей в замужестве – одно и то же горе. Притом каждая почти пара людей для услуг себе и своим детям имела около себя чужих, за которыми часто надо было смотреть больше, чем за собой и своими, а между тем достаточно-таки было беспокойства и от последних. Сверх того, как на той площади, и здесь было много препятствий и помех: камней, деревьев и ям. Зацепился ли один, спотыкался, падал, ранил себя, другой не мог оставить его – должен был вместе с ним наравне чувствовать боль, плакать и помогать ему переносить болезни, так что я убедился, что каждый в этом состоянии вместо одной заботы, труда и опасности имеет столько забот, трудов и опасностей, со сколькими людьми связан проводить жизнь. Не понравилось мне такое положение.

6. Посмотревши в толпе на некоторых, я заметил трагедию. Здесь были соединены пары неравных желаний: один хотел так, другой иначе, один сюда, другой туда; таким образом они спорили, ссорились, грызлись. Один жаловался проходящим мимо на то, другой – на другое. И так как не было никого, кто уступил бы, то они нападали друг на друга, давали пощечины друг другу и безжалостно дрались; помирил ли кто их, они снова, минуто спустя, шли туда же в свару. Некоторые спорили довольно долго, направо или налево идти, и так как каждый упорствовал направиться туда, куда ему хотелось, то один с силою бросался в свою сторону, другой – в свою, таким образом происходила сумятица, и было любопытное для других зрелище, кто кого перетянет. Иногда побеждал муж, а жена, хотя и хваталась руками и земли, и травы, и всего, чего могла коснуться, все-таки тащилась за ним; иногда – муж за женой. Другие смеялись, – но мне это более казалось достойным сожаления, чем смеха, в особенности же, когда я увидел, что некоторые в таком мучении плакали, вздыхали, поднимали

руки к небу, сознаваясь во всеуслышание, что они с радостью выкупили бы себя из этого плена и золотом, и серебром. Я обратился к своему толмачу: "А что, разве нельзя помочь им? Нельзя ли развязать их и отпустить тех, которые не могут сладить друг с другом?" – "Этого нельзя, – ответил он, – откуда живы, должны так оставаться". – "О ужаснейшая тюрьма и рабство, – сказал я, – это горше смерти". Толмач же в свою очередь снова ответил: "А почему же все они не подумали о том раньше? Теперь пусть живут в несогласии".

7. Посмотрел я тогда, а смерть своими стрелами так и поражает, так и поражает их и тотчас размыкает у каждого оковы. Я и подумал, что они сами желали этого и сердечно рады будут освободиться. Но – диво, почти каждый начинал плакать и проливать слезы (едва ли еще что-нибудь подобное тому я видел в свете), ломал руки и тужил о своей злой судьбе. Что до тех, кого я сперва видел довольными друг другом, то они, как я понял, действительно тоскуют друг о друге; о других же я был убежден, что они только перед людьми представляются; впрочем, если они признаются в своей ошибке, то, может быть, и другим посоветуют, как избавиться от оков. А они – не успел я подумать, – протерши себе глаза, снова бежали к воротам и возвращались опять в оковах. И сказал я с гневом: "О чудовища, вы не достойны сожаления!" – обратившись же к своему проводнику: – "Пойдем отсюда: в этом положении я не вижу ничего, кроме глупости".

8. Между тем (не скрою своих приключений), когда на перекрестке мы повернули к воротам, а я тем временем имел намерение хорошенько посмотреть свет, оба мои проводника, как *Всевед*, так и *Обман*, настойчиво стали предлагать, чтобы и я сам испытал это положение, чтобы лучше понять, в чем оно состоит; что я молод, что меня страшат только примеры, что я еще не все просмотрел и т.д. И вот убедили меня сесть как бы в шутку на весы; и я получил здесь оковы и ушел отсюда связанным сам-четверт. Дали мне разных подручных (говорили, что по службе и ради почета), так что я едва мог тащить их за собой, вздыхая и крича. Вдруг как бы ударил вихрь с молнией, громом и страшным градом, и все рассеялось прочь, кроме связанных со мной, но в то время, как я шел вместе с ними за оковами, стрелы смерти поразили всех моих трех⁷, так что я с жалостью разъединился с ними и, лишившись чувств, не знал, что делать. Проводники сказали мне, что я должен быть даже доволен, поскольку мне легче будет убежать. "А почему же сначала посоветовали мне?" – спросил я. Они сказали, что времени нет ссориться, что нужно убежать. Так я и поступил.

9. Убедив отсюда, прежде всего не знаю, что сказать об этом положении: более ли в нем радостного, когда оно удачно (я не сомневался, что оно было удачно для меня), или более достойного сожаления, по разным причинам. Я понял только то, что и без него и в нем одинаково тяжело, а если оно и кажется лучшим, то в таком случае сладкое мешается с горьким.

Глава IX

Путешественник обозревает положение ремесленников

1. Идя таким путем, достигли мы улицы ремесел, которая в свою очередь была разделена на несколько улиц поменьше и площадок, и везде было полно различных галерей, фабрик, плавильных печей, мастерских, барачков, лавок с особыми различными принадлежностями; около них хлопотливо ворочались люди, все с криком, скрипом, свистом, стоном, хохотом, гамом и различным шумом. Я видел, что некоторые копались и ковырялись в земле, или разрывая ее сверху, или прорывая ее насквозь, как кроты, иные погружались в воду на реках и на море, иные мучились у огня, иные ротодейничали на воздух, иные боролись со зверями, иные – с деревом и камнями, иные привозили то туда, то сюда различные предметы. Толмач мой сказал: "Видишь, какая легкая и веселая работа. Может ли быть что-нибудь лучше для тебя?" Я ответил: "Может быть, тут и есть что-нибудь веселое, я-то, по крайней мере, вижу при этом много труда и слышу много стонов". Толмач сказал: "Не все тяжело, посмотрим поближе некоторые вещи". Повели они меня к ним поочередно, осмотрел я все и брался для пробы то за одно, то за другое. Но здесь не место описывать все решительно, да и нет желания. Не умолчу, однако, о том, что видел собственными глазами.

Прежде всего я увидел, что все эти человеческие промыслы суть только труд и усилие, и каждый имеет свою тяжесть и опасность. Я видел, что те, которые ходили около огня, были, как арабы, почерневши и прокоптевши; шум молотов беспрестанно стучал у них в ушах и заглушал наполовину слух, блеск огня постоянно сверкал у них в глазах, и кожа их потрескалась от опаления. У тех, чья работа была в земле, товарищами были темнота и опасность, и не раз случалось, что их засыпало землею. Некоторые работали на воде, мокли, как голуби на крыше, дрожали от холода, как осока, внутренности их портились, и немало их стало добычей дна. Некоторые занимались с деревьями, камнями и другими материалами, были в мозолях, измучены и стонали. Я заметил, что некоторые имели глупые работы, с которыми тем не менее мучились и изнуляли себя до пота лица, до усталости, до бессилия, до ран, даже до гибели, причем едва в состоянии были заработать себе необходимый кусок хлеба. Видел я и таких, которые легче и выгоднее доставали себе пропитание, но зато чем меньше было труда, тем больше было обмана и несправедливости.

2. Во-вторых, я заметил, что всякая работа человека – для его рта, ибо все, что он получал, клал себе и своим ближним в рот; изредка, отнимая у рта, клал в мешок. Но мешки эти, опять я заметил, были дырявые; что насыпалось в них, то снова высыпалось, а другие под-

бирали. Или приходил кто-нибудь и вырывал у другого из рук мешок, а иной и сам портил и разрывал, вечно жалуясь при этом на злую судьбу. Одним словом, я ясно видел, что этими человеческими работами только переливается вода из пустого в порожнее, деньги добываются и снова уходят с тою только разницей, что уходят они легче, чем добываются, безразлично, бегут ли через рот или через сундук. Поэтому-то я и видел больше бедняков, чем богатых.

3. В-третьих, я заметил, что каждая работа требовала всех усилий человека. Оглядывался ли кто или медленно приступал к делу, тотчас он оставался позади, все у него лезло вон из рук, и, прежде чем он успел осмотреться, стоял уже на краю.

4. В-четвертых, всюду я видел много тягот. Прежде чем кто-нибудь принимался за занятия, проходила добрая половина жизни; если взялись за что, не обратив самого заботливого внимания на себя, то тотчас же все шло у них кривь; впрочем, я видел, что и самые заботливые так же часто встречались с убытком, как с прибылью.

5. В-пятых, я заметил (в особенности между одинаковыми занятиями) все полным зависти и злобы. Привалило ли кому-нибудь больше работы или он немного освобождался, соседи смотрели с жадностью, скрежетали зубами и вредили ему, как могли; отсюда происходили раздор, недовольство, проклятие, а некоторые от нетерпения бросали свои инструменты и назло другим впадали в лень и нищенство.

6. В-шестых, всюду я заметил много фальши и обмана. Все, что делал кто-нибудь, в особенности для другого, делал на ветер, поверхностно, свои же работы хвалил и ставил как только мог выше.

7. В-седьмых, я видел здесь много лишних глупостей, да и действительно убедился, что большая часть тех занятий не что иное, как сама именно глупость и бесполезное мучение. В самом деле, раз телу человека дано поддерживать себя скромной и простой пищей и питьем, одеваться в скромную и простую одежду, охранять себя под скромной и простой кровлей, то очевидно, что и заботы о нем и работы для него нужно мало и скромно, как было в стародавние времена. Здесь же я убедился, что свет либо не умеет, либо не хочет рассудить так, потому что для набивания и наливания своего брюха люди привыкли извлекать выгоду из столь многих вещей, что для отыскания их огромная часть людей должна работать и на земле, и на море и подвергать опасности и здоровье, и жизнь свою, для поправления которых в свою очередь должны быть специальные мастера. Подобным образом немало людей было занято отысканием различных материй для одежды и материалов для жилищ и придаванием им разнообразных, достойных удивления, покровов и форм, все бесполезно и глупо, часто даже и грешно.

Например, я видел таких ремесленников, все искусство и труд которых состоит в том, чтобы делать детские куклы или другие игрушки для препровождения и потери времени; затем были такие, работа

которых заключалась в том, чтобы делать орудия жестокости: мечи, кинжалы, палицы, ружья и т.д.; приготавлилось все это в постоянно возрастающем числе на человека. Не понимаю, с какою совестью и спокойствием духа могут смотреть люди на подобные занятия. Знаю только, что если возможно бы было от тех человеческих дел отнять и отделить то, что не нужно, бесполезно и грешно в них, то большая часть человеческих промыслов должна была бы прийти в упадок. Поэтому-то по причинам, здесь и выше упомянутым, мысль моя ничего не могла облюбовать себе.

8. Напоследок же особенно я обратил внимание на то, что здесь телом и для тела работают, между тем как человек, имея в себе высшую силу – душу, должен бы был прежде всего работать для нее и прежде всего преследовать ее выгоду.

9. Я должен упомянуть здесь о том, что случилось со мною, когда я был среди ездящих на земле и между пловцами на море. Когда я, так внимательно осматривая ремесленников, тосковал, *Всевед* обратился к *Обману*: "Вижу я, что у него нет стремления к оседлой жизни; наподобие ртути, он хочет быть всегда в движении, потому-то ему здесь и не нравится ни одно место, к которому бы он захотел примкнуть. Покажем ему что-нибудь более свободное – купеческое сословие, которое всегда вольно переноситься туда и сюда по свету и летать, как птица". – "Ничего не имею против, – сказал я, – надо и это попробовать". Пошли мы туда.

10. Скоро я увидел толпы людей, блуждающих повсюду и рассматривающих всякие вещи, даже и щепки, мусор, собирающих их, поднимающих на воз и складывающих в кучи. Я пытливо спросил, что это такое? Они ответили, что приготавлиются к путешествию. "А отчего же не без этих поклаж – без них бы легче было ехать?" – "Глупый ты, – ответил мне мой провожатый: – как же бы они поехали? Это крылья их". – "Крылья?!" – переспросил я. – "Конечно, крылья, ибо это и дает им и цель, и притом спокойствие духа, и паспорт, и пропуск повсюду. Или ты думаешь, что даром можно путешествовать по свету. В том-то и состоит их жизнь, выгода и все". Посмотрел я, а они, сколько каждый из них мог окинуть взором, свозили клади на какие-то станки с приделанными к ним колесами, сваливали и привязывали, запрягая в них быков; со всем этим они катились по горам, равнинам и лощинам, думая, что это – особенно веселая жизнь. И мне сначала так же думалось. Но когда я увидел, что они стали то там, то здесь вязнуть в болоте, мараться, тонуть, утомляться и уставать от дождя, снега, непогоды, метелицы, вьюги, сильной жары, одним словом, когда я увидел, что они переносят различные неудобства, как всюду у застав подкарауливают их, все перетряхивают у них, опоражнивают кошельки (ничто не помогало против этого: ни гнев, ни неистовство, ни ругань), как грабители устраивают на больших дорогах засады против них, производят нападения на них, и когда я убедился, что жизнь их всегда

находится в опасности, у меня пропало желание испробовать такое.

11. Говорили тогда⁸, что есть другой, более удобный способ летания по свету – плавание; здесь человек не трясется, не сбивается с пути, не останавливается, но может перелетать от одного края света к другому, всюду находя что-нибудь новое, невиданное и неслыханное. И повели меня тогда на край земли, где мы ничего не видели перед собою, кроме неба и воды.

12. Здесь приказали мне войти в какую-то избушку, сложенную из досок. Избушка стояла не на земле, не была закрыта вся, не была утверждена какими-либо сводами, колоннами или подпорами, а стояла на воде и колыхалась то в одну, то в другую сторону, так что и взойти на нее нужно было подумавши. Но так как некоторые шли туда, то и я пошел, чтобы не показаться несмелым. Сказывали, что это – наша телега. Я думал, что мы сейчас же и поедem, или, как говорили, полетим, а вместо того стоим день, другой, третий, десятый. "Что же это такое? – спросил я. – Говорили ведь, что пустимся с одного края света на другой, а мы и с места-то никак не можем сдвинуться". На это ответили мне, что скоро придут работники, и объяснили, что у них есть работники, для которых не надо ни шинков, ни стойл, ни корма, ни кнута, стоит только запрячь и ехать. Только надо подождать, и я сам увижу. И указали мне между тем веревки, канаты, шлеи, вожжи, перевязи, ремни, пристяжку, дышло, стремянки и различные палки; все – иначе, нежели при извозчицкой тележке. Воз тут лежал как бы на спине, поднимаясь вверх дышлом, сделанным из двух наидлиннейших елей; от верхушки его разбегались в стороны веревки с разными решетками и лестницами. Ось этого воза была сзади, и за нею сидел один человек, который хвастался тем, что всю эту громаду может повернуть, куда захочет.

13. Начался ветер. Наши люди начали бегать, скакать, кричать, радоваться; один хватался за одно, другой за другое, некоторые стали лазить по веревкам вверх и вниз, словно белки, спустили жерди, распустили какие-то свернутые рогожи и прочее подобное. Я спросил, что это такое. Они ответили: "Запрягаем". Поглядел, а рогожи-то те поднимаются у нас, как ветрила (рассказывали, что это наши крылья), и все под нами начало шипеть, вода под нами начала рассекаться и бить ключом, брызгать, и, прежде чем я успел одуматься, стали исчезать с наших глаз и берег, и земля, и все. "Куда это мы попали? Что-то будет?" Они же: "Летим". – "Летим же во имя Божие", – сказал я и удивился, как быстро несет нас, не без удовольствия, да и не без страха. Когда же я вышел наверх посмотреть, поднялось у меня головокружение; когда спустился на дно, страх от волн, пенящихся около стен, обуял меня. И здесь начало мне приходить на мысль: не чересчур ли все-таки большая смелость таким бешеным стихиям, как вода и ветер, доверять свою жизнь и таким образом умышленно лезть в пасть смерти, от которой мы не далее, как на два пальца, так сказать, на

толщину доски между мной и этой страшной пропастью. Чтобы не показать страха, я молчал.

14. Тогда какой-то сырой запах начал заражать меня и, проняв мозг и все внутренности, повалил меня. Валяюсь я тут (как и другие, не привыкшие к подобной жизни), кричу, не знаю, что делать, все во мне расплывается, льется из меня, так что казалось, как улитка на солнце, так и мы на этой воде распустились. Тут я стал ругать себя и кричать на моих проводников, не веря, что можно еще остаться в живых, но вместо сожаления услышал от них смех. Из опыта они знали (чего не знал я), что это не будет продолжаться более одного дня. Так действительно и было. Сила моя понемногу снова вернулась, и я понял, что так приветствовало меня беспокойное море.

15. Но что же? Скоро стало еще тяжелее. Ветер оставил нас, крылья опустились, мы остановились, не будучи в состоянии двинуться никуда ни на волос. Я опять удивился, что-то будет; занесены мы в эти морские пустыни, выйдем ли снова, увидим ли мы еще землю живых. "О милая мать-земля, земля, милая мать, где ты? Воду рыбам, а тебя нам, людям, дал творец Бог. Рыбы жилища своего премудро держатся, мы же, бессмысленные, оставили свое. Не оказало бы нам помощи небо, так пришлось бы погибнуть в той темной пропасти". Такими прискорбными мыслями не переставал мой дух мучиться, но закричали пловцы, и я, выбежав, спросил, что такое. Они отвечали, что ветер идет. Взглянул я и не заметил ничего; в то же время стали распускать паруса, и действительно ветер пришел, подхватил нас и понес снова. Это принесло всем радость, которая скоро сменилась печалью.

16. Вскоре то дуновение ветра так усилилось, что не только нас, но и глубины под нами швыряло; даже страх подступил к сердцу, ибо море валилось со всех сторон такими волнами, что мы словно ходили по высоким горам и глубоким пропастям, то в гору, то в пропасть. Иногда нас бросало так высоко, что мы, казалось, могли достать самого месяца, затем снова опускались как бы в пропасть. Казалось, что навстречу или сбоку идущая волна застигнет нас и моментально потопит на месте. Она же все поднимала нас. Наш деревянный корабль выныривал то здесь, то там и одною волной был передаваем другой, падал то на одну, то на другую сторону, то передней своей частью поднимался в гору, то опускался вниз. Не только воду на нас и перед нами бросало, но мы не могли ни стоять, ни лежать, качаемые с боку на бок, и становились то на ноги, то на головы. Поэтому головокружение, обморок и все прочее, бывшее раньше с нами, повторилось снова, а так как это продолжалось и днем, и ночью, то легко представить себе, как в каждый момент много можно было испытать здесь страха и беспокойства. И думал я про себя: "Ах, эти люди перед всеми, сколько ни на есть на свете, больше имеют основания быть набожными, коль скоро они ни одного часа своей жизни не бывают безопасны". Оглянувшись на них, как они набожны, увидел, что они словно в корчме

жрут, пьют, играют, хохочут, сквернословят, ругаются и позволяют себе всевозможную вольность. Возмущенный этим, я начал усовещивать их и просил вспомнить о том, где мы, и, оставив такие вещи, молиться Богу. Только что из того? Одни осмелили меня, другие на меня кричали, третьи замахивались, четвертые хотели выбросить меня за борт. Мой *Обман* велел мне молчать и помнить, что я в чужом доме гость, а в таком случае лучше быть слепым или глухим. "Да ведь невозможно же, — сказал я, — чтобы все это при таких обычаях не кончилось дурно". Они опять тогда пустились в смех. Видя такое глумление, я должен был замолчать, хотя и боялся несчастья среди них.

17. Буря вдруг усилилась, и поднялся страшный вихрь прямо в лицо нам. Прежде всего море начало клубиться волнами до самого неба, волны подбрасывали нас, как мячик, глубины разверзлись и то грозили поглотить нас, то снова выкидывали кверху; ветер обхватил нас со всех сторон и бросал то туда, то сюда, так что все затрещало, словно хотело разорваться на сто тысяч кусков. Помертвел я весь, не видя ничего пред собою, кроме гибели. Моряки же, не будучи в состоянии оказать никакого сопротивления и боясь быть загнанными на скалы или мели, собрали паруса и выбросили какие-то большие железные крючки на толстых железных привязях, заботясь о том, чтобы удержаться на месте, пока перестанет буря. Но — напрасно. Некоторые, в особенности из тех, что лезли по веревкам, порывом ветра были сброшены вниз, как гусеницы, и выкинуты в море. От этого же порыва ветра оторвались якоря и утонули в морских пучинах. Лодка наша, без всякой защиты, стала кидаться с нами, как щепка по течению реки. И у тех, которые были на этом железном своевольном великане, не хватило мужества; побледнели, задрожали, не знали, что начать, вспомнили теперь о Боге, вспомнили о молитве и стали поднимать руки к небу. Судно наше стало с нами то садиться на дно, то ударяться о скрытые под водою скалы, опрокидываться и погружаться в воду. Вода поднялась к нам через щели; хотя и было поручено и старым, и молодым выливать ее, чем только можно, но от этого не было никакой пользы; напором шла она к нам и тянула к себе. Плач, крик, ужасающие вопли; никто ничего не видел перед глазами, кроме лютой смерти. Каждый, любя жизнь, хватался за что мог: за стол, доски, шесты, чтобы хоть посредством их избавиться от того, чтобы не потонуть, и в надежде, быть может, выплыть где-нибудь.

Когда в конце концов лодка разломалась и все стало тонуть, я схватился за что-то и с немногими оставшимися в живых достиг берега. Всех остальных поглотила страшная пучина. Избавившись от опасности и страха, я начал укорять своих проводников за то, что они привели меня к этим опасностям. Они оправдывались тем, что мне не было от того никакого вреда и, если мы выбрались на берег, я должен быть спокоен. Да, слава Богу, до самой смерти своей не позволю никому подвергнуть меня чему-нибудь подобному.

18. Оглянувшись назад, заметил, что спасшиеся вместе со мною снова бегут туда и снова садятся на корабль. "Ну, идите же на очевидную погибель вы, смелые люди, я же не хочу больше смотреть на это". Толмач мой ответил: "Не всякий такой размазня, как ты, мой милый; прекрасно ведь имущество и состояние, а чтобы нажить его, человек должен рисковать и жизнью". Я возразил на это: "Что я, животное что ли, чтобы, приобретая для тела, и только для тела, подвергать жизнь свою опасности? Так не поступит даже и животное, а тем более человек, который, имея в себе самую возвышенную вещь – душу, должен для нее искать выгоды и удовольствия".

Г л а в а X

Путешественник обзирает сословие ученых, прежде всего вообще

1. Проводник мой обратился ко мне с такою речью: "Теперь я понял твои мысли, куда тебя тянет: среди ученых, как и сам ты, среди ученых побывать – вот что тебя манит; эта жизнь легче, спокойнее и самая полезная для мысли". "Пусть будет так, – сказал толмач. – Что же может быть приятнее, чем когда человек, не заботясь о хлопотах ради материального этого тела, занимается исследованием различных самых возвышенных вопросов. Поистине, смертных людей подобными бессмертному Богу делает то, что они всезнающие, все исследуют, что на небе, на земле, в глубинах есть, или было, или будет, все ведают, хотя ими и не все в одинаковом совершенстве достигается". – "Ведите же меня туда, нечего мешкать", – сказал я.

2. Пришли мы к воротам, которые мне назвали "Disciplina"; ворота эти были длинные, узкие и темные, полные вооруженных стражей, которым каждый желавший попасть в улицу ученых должен был доложить о себе и попросить пропуска. Я заметил, что толпы людей, особенно молодых, приходили и были немедленно подвергаемы различным строгим испытаниям. Самое первое при каждом испытании было – каков кошелек, каков зад, какую принес голову, каков мозг (об этом судили по соплям)⁹ и какова кожа. Если голова была стальная и мозг в ней из ртути, задница оловянная, кожа железная и кошелек золотой, хвалили и тотчас вели дальше. Если кто не имел последнего из этих качеств, то ему или показывали обратный путь или, суля плохое будущее, принимали так только, на всякий случай. Удивившись этому, я сказал: "Какая у них нужда в этих пяти металлах, что так тщательно на них обращают внимание?" – "А большая, – ответил толмач. – Кто не имеет стальной головы, у того она разломится; у кого нет жидкого, как ртуть, мозга, тот не будет иметь из него зеркала; не обладая железной кожей – не вынесет никакого формирования; без

оловянного сидения ничего не высидит, все растрясет: а без золотого кошелька где бы набрал времени, учителей, живых или мертвых! Разве ты думаешь, что такие великие вещи могут достаться даром?" Тогда я понял, куда дело клонится, а именно: что к этому сословию должны быть принесены здоровье, ум, постоянство, твердость и расход, и сказал: правда, пословица говорит: "Non cuivis contingit adire Corinthum"¹⁰ – не всякое дерево годится на бочку".

3. Пошли мы дальше в ворота, и я заметил, что каждый тот страж брал одного из приходивших или больше для работы и, ведя его, дул ему что-то в уши, протирали глаза, прочищали нос и ноздри, вытягивали и вычищали язык, складывали и раскладывали руки и пальцы, и не знаю, чего еще не делали. Некоторые пытались даже голову просверлить и налить туда чего-нибудь. Мой толмач, увидев, что я испугался этого, сказал: "Не удивляйся: у ученых руки, язык, глаза, уши, мозг и все внутренние и внешние органы иначе должны быть устроены, нежели у глупых людей; они должны иметь твердость; поэтому-то здесь и переформируются, а этого без труда и усилий не может быть". Посмотрел я и увидел, как много должны были претерпеть от этого переформирования бедняки. Я говорю не о кошельке, а о шкуре, которую они должны были платить. Часто кулаками, указкою, прутом, метлою попадало по лицу, по лбу, по спине, по заду, даже до кровавого подтека, и почти все подряд были с рубцами, шрамами, синяками, мозолями. Некоторые, видя это, прежде чем попасть в ворота, посмотрев только сюда, убежали, некоторые, вырвавшись из рук тех формирующих, также убежали прочь. Меньшая только часть их осталась до конца, за что и пускали их на волю. И я, имея желание попасть в это сословие, не без труда и горечи выдержал то переформирование.

4. Когда мы выходили из ворот, я увидел, что каждому, таким образом наостроенному, давали метку, по которой можно бы было узнать, что он принадлежит к ученым: чернильницу за пояс, за ухо перо, а в руки простую, неисписанную книгу, чтобы собирать знания; я получил то же. Тогда *Всевед* обратился ко мне: "Ну, четыре дороги перед нами: к философии, медицине, правоведению и богословию: куда прежде всего мы направим путь?" – "Как знаешь", – сказал я. – "Пойдем сначала на площадь, – предложил он, – где все сходятся, посмотрим на всех их вместе, потом будем проходить по аудиториям, по каждой отдельно".

5. Привел он меня на какой-то рынок; здесь были толпы студентов, магистров, докторов, священников, юношей и старцев. Некоторые из них находились в толпе, разговаривая друг с другом и споря; иные тискались в угол, с глаз долой от других. Некоторые (это я хорошо высмотрел, но не смел сказать им) имели глаза, но не имели языка, другие имели язык, но не имели глаз, третьи – только уши, без глаз и языка, и т.д., так что я понял, что и здесь существуют недостатки.

Видя, что все откуда-то выходят и снова входят, словно пчелы летают из улья в улей, поторопил и я своего проводника войти туда.

6. Вошли. Перед нами громадный зал, конца которому не видно; по всем сторонам в нем множество шкафов, перегородок, шкатулок и ящичков – на ста тысячах возов я не увез бы их; каждая шкатулка имела свою надпись и заглавие. Я спросил: "В какую же это аптеку попали мы?" – "В аптеку, – ответил толмач, – где делаются лекарства против болезни мысли и которая называется собственным именем *Библиотека*. Посмотри-ка, какие здесь беспредельные склады мудрости". Взглянув туда, я увидел, что около них теснятся толпы разных ученых. Некоторые, выбирая более прекрасное и утонченное, вытягивали из них по куску и принимали вовнутрь, спокойно разжевывая и переваривая. Подойдя к одному из них, я спросил, что это он делает. Тот ответил: "Воспринимаю". – "Какой же в этом вкус?" – опять спросил я. Он: "Покуда жуется во рту, ощущается горьковатость или кисловатость, которая потом обращается в сладость". – "А зачем это?" – спросил я. Он ответил: "Мне легче тогда носить то, что находится внутри меня, и я с помощью этого становлюсь более обеспечен; разве не видишь во мне хороших последствий?" Посмотрел я на него повнимательнее и увидел, что он плотен и тучен, красного цвета, глаза светились, как свечи, речь была рассудительная, и все в нем дышало жизнью. Толмач мне сказал: "Точно так же и те вон там".

7. Посмотрел я и увидел, что некоторые с большою жадностью обходятся с этим, пожирая все, что ни попало под руки. Взглянув повнимательнее на них, я не заметил, чтобы у кого поправился сколько-нибудь цвет лица, прибыло тела или жира, кроме брюха, раздутого и набитого; я видел, что то, что иной напихал в себя, непереваренным лезло снова верхом и низом. У некоторых из них делалось головокружение и помрачение разума, другие бледнели, сохли и умирали. Иные, видя это, показывали на них друг другу и рассказывали, как небезопасно ходить с книгами (так называли они эти шкатулки), другие убегали прочь, третьи увещевали только разумно обходиться с ними. Поэтому внутри не принимали некоторых лекарств, а привеса себе спереди и сзади мешок и сумку, клали в них эти шкатулки (на некоторых большею частью были надписи: *Vocabularium*, *Dictionarium*, *Lexicon*, *Promptuarium*, *Florilegium*, *Loci communes*, *Postilla*, *Concordantia*, *Herbarium*¹¹ и т.д., что каждый класс считал нужным для своей цели); нося их, когда нужно было написать или сказать что-нибудь, вынимали из кармана, а отсюда в рот и брали перо. Заметив это, я спросил: "Неужели они в карманах носят свое знание?" Толмач ответил: "Это – *memoriae subsidia*¹², неужели не слышал?" – "Слышал, как некоторые хвалили этот способ, доказывали, что только в этих шкатулках заключаются вещи, не подлежащие сомнению". Может быть, но я нашел здесь другое неустройство. Собственными глазами мне приходилось видеть, что некоторые растеривали

свои шкатулки, а у других, когда они откладывали их в сторону, спалили их огонь. Ах, какая была тогда беготня, ломание рук, ругань, крик; никто из них в это время не хотел входить в ученые споры, писать, говорить; ходил, повеся нос, ругал себя, краснел, старался и просьбами, и деньгами приобрести себе шкатулочку, у кого бы ни увидал ее; только те, которые внутри имели запасный ящичек, не так боялись случайностей.

8. Между тем я опять увидел таких, которые клали эти шкатулки не в карман, а носили их в какие-то комнаты; последовав за ними, я заметил, что они делали для них роскошные футляры, разукрашенные разными цветами, иногда обложенные серебром и золотом, ставили их на полки и, снова снимая, глядели на них, складывали и раскладывали, подходили и отходили, показывали и друг другу, и посторонним, как прекрасно уставлено, все поверхностно; иные время от времени смотрели на заголовки, чтобы уметь называть. "Что это они – играют?" – спросил я. Толмач отвечал: "Милый мой, прекрасная вещь – иметь хорошую библиотеку". – "Даже когда не пользуются ею?" – спросил я. Он же добавил: "И те, которые любят библиотеку, считаются учеными". Я же подумал про себя: "Да, так же как кто имеет кучу молотков и щипцов, а не знает, для чего они употребляются, считается за кузнеца". Однако сказать этого не посмел, боясь навлечь на себя беду.

9. Когда мы снова вошли в зал, я заметил, что этих аптекарских корбочек прибывает все больше и больше со всех сторон, и, посмотрев, откуда носят их, увидел, что их носят из какого-то закрытого места; вошедши туда, я увидел многих токарей: они один перед другим прилежнее и искуснее делали эти шкатулочки из дерева, кости, камня и разных материалов и, наполняя их мазью или снадобьем, отдавали во всеобщее употребление. Толмач сказал мне: "Это – люди достойные похвалы и всяческих почестей; они самыми полезными вещами служат роду человеческому и для умножения мудрости и знания не жалеют никаких трудов и усилий, делятся ценными своими дарами с другими".

"Позволь же мне посмотреть, из чего и как это (что ты назвал мудростью и дарами) делается и готовится". И увидел я одного или даже двоих, которые, найдя душистые травы и корни, резали их, терли, варили, чистили, приготовляя роскошные снадобья, эликсиры, сиропы и другие полезные для человеческой жизни лекарства. Посмотрел я и сравнил с ними других, которые выбирали из готовых корбочек и клали в свои; и таких было сотни. Я сказал: "Они только воду переливают". Толмач ответил: "Таким образом умножается знание. Разве не нужно уметь приготовить одно и то же так и иначе? К исходной вещи всегда нужно прибавить что-нибудь и приправить ее". – "И испортить таким образом", – добавил я с гневом, ибо отлично видел, что тут фальшивят. Иной, взяв чужой сосуд, чтобы несколько наполнить свой, разжижал сколь возможно, загушал пылью и мусором,

чтобы только казалось, что вновь сделано. Между тем привешивали великолепные этикетки и без стыда, как какие-нибудь шарлатаны, превозносили каждый свое. И удивительно, и досадно было мне, что (как я был уверен раньше) редко кто старался узнать внутреннюю сущность, а брали все подряд, без различия, а если иные и выбирали, то только глядели на внешнюю оболочку и на надпись. Тогда-то я понял, почему так мало их достигают внутренней свежести мысли; но чем более кто-нибудь принимал этих лекарств, тот тем более давился, бледнел, увядал и чах. Видел я также весьма большую часть таких любимых снадобий, которым никогда не приходилось послужить с пользою для человеческой жизни; они были только для червяков и моли, пауков и мух, сора и плесени, наконец – для грязных банок и задних углов.

Некоторые, боясь этого, поскорее, как только приготовили свое снадобье (а некоторые раньше, чем начали готовить), бегали по соседям с просьбами о предисловии, стихе, надписи, упорно искали патрона, который дал бы название новому приготовлению и заплатил бы за него мешком денег; чистили этикетки и надписи, чтобы изящнее выглядели, разукрашивали различными фигурами и картинами как бы повычурнее; сами носили это навстречу людям, подавали и насильно совали. Но я видел, что, в конце концов, и это не помогало им, потому что и без того слишком уже много их было. Пожалел я некоторых, что они, имея возможность быть в полном спокойствии, подвергают опасности свое имя без всякой нужды и пользы и этим шарлатанством приносят вред ближнему. Когда я дал им понять это, то снискал себе ненависть, как будто бы я отвлекал их от общего блага. Умалчиваю о том, как некоторые готовили свое варево из вещей явно ядовитых, так что много было таких, которые продавали отраву, как лекарство. Неохотно смотрел я на этот беспорядок, но не было никого, кто прекратил бы сумятицу.

10. Пришли мы снова на площадь ученых, и я увидел между ними ссоры, распри, передраги, сумятицу. Редко можно было найти такого, который не ссорился бы с кем-нибудь, и не только молодые (это можно было бы приписать их незрелому возрасту), но и старики все вместе ругались. И чем больше кто считал сам себя за ученейшего или другими был так называем, тот тем скорее начинал ссоры, метал стрелы на других; даже страшно было глядеть на это; так искал он славы и похвалы себе. И сказал я: "Ради Бога, что же это такое? Я, по крайней мере, думал, да и вы уверили меня, что это сословие самое спокойное, а я нахожу здесь так много раздора". Толмач ответил: "Сын, не понимаешь ты этого: они ведь только изощряются". – "В чем изощряются? – спросил я. – Я вижу раны и кровь, гнев и враждебную одних к другим ненависть. Ничего подобного я не видел ни в одном сословии, даже у ремесленников". "Без сомнения, – сказал толмач, – потому что занятие последних рабское, а этих – свободное. Поэтому,

что не дозволяется тому сословию и не может быть терпимо у него, в том здесь полная свобода". – "Но как же можно назвать это порядком, – спросил я, – вот чего я не понимаю?" – "Да ведь оружие-то их на вид ничего страшного не представляет". Действительно, копья, мечи, кинжалы, посредством которых они боролись между собою и которые бросали друг в друга, были кожаные, и держали они их не в руках, а во рту. Стреляли же из тростниковых и из гусиного пера трубок, из которых, зарядив их пылью, смешанной с водой, пускали друг в друга бумажные пули. Таким образом, при поверхностном взгляде не показалось мне ничего страшного, но когда я увидел, что иной метко подстреленный содрогался, кричал, стонал и убежал, то стало понятно мне, что здесь не шутка, а настоящая битва. На некоторых нападали многие, так что от множества мечей всё около ушей звенело, и бумажные пули падали на них, как град. Иной твердо защищался от нападения и разгонял своих противников, иной, обессиленный от множества ран, падал. Здесь я заметил необыкновенную жестокость их: не оставляли в покое пораженных уже ими и мертвых, но тем больше и тем безжалостнее стреляли в них и убивали, доказывая свой героизм, – каждый на том человеке, который не оборонялся от него. Некоторые ходили себе мирно, но от спора и недоразумений также не были свободны. Если кто-нибудь промолвил что-либо, то другой моментально противоречил ему; например, спорили о снеге: белый он или черный, об огне – горячий он или холодный.

11. Некоторые вмешивались в эти несогласия и начинали советовать успокоиться, чему и я обрадовался. Пошел слух, что все споры должны быть решены, вопрос только был в том, кому взяться за это дело. Отвечали, что по повелению королевны Мудрости должны быть выбраны наиболее проницательные, которым должна быть дана власть и сила, допросив противоречащие стороны, вывести в каждой вещи смысл и различие и огласить, что есть более справедливое. Немало собралось таких, которые могли бы и желали быть судьями. Прежде всего собрались те, которые отличались друг от друга своими взглядами; их было огромное множество. Между ними я заметил Аристотеля с Платоном, Цицерона с Саллюстием, Скота с Аквинатом, Бартоло с Бальдом, Эразма с сорбонистами, Рамуса и Кампанеллу с перипатетиками, Коперника с Птолемеем, Теофраста с Галеном, Гуса, Лютера и других с папистами и иезуитами, Брентия с Безой, Бодена с Виром, Слейдана с Сурием, Шмидлейна с кальвинистами, Гомара с Ариминием, розенкрейцеров с философастрами¹³ и других без счета. Когда третейские судьи приказали подать им жалобы и обвинения, доводы и возражения под условием, чтобы это было изложено в самых кратких словах, то им наложили такие кучи книг, что просмотреть их недостаточно было бы 6000 лет; все просили принять это общее доказательство их разума, а затем далее, насколько указывала бы необходимость, дать каждому полную свободу объяснять и доказывать

свои положения. И стали они глядеть в эти книги, и кто куда посмотрел, тотчас же, напившись оттуда, начинал это защищать; и между господами судьями и защитниками возникли великие раздоры, так как один защищал одно, другой – другое. Итак, не сделав ничего, они рассеялись, а ученые возвратились к своим спорам. Мне же до слез жалко было смотреть на это.

Глава XI

Путешественник является к философам

1. Толмач сказал мне: "Ну, теперь я поведу тебя к самим философам, обязанность которых отыскивать средство к исправлению человеческих недостатков и указывать, в чем заключается истинная мудрость". Я сказал: "Даст Бог, тут, может быть, научимся чему-нибудь истинному". Он ответил: "Конечно, ибо это – такие люди, которые знают истину каждой вещи; им известно все, что небо делает и что ад в себе скрывает; они направляют человеческую жизнь к добродетели, они просвещают города и страны, они имеют друга в Боге и своею мудростью проникают в его тайны". – "Пойдем же к ним, – стал я просить, – пойдем, пожалуйста, поскорее". Когда он привел меня туда, я увидел множество старцев и дивное собрание их и испугался. Бийон здесь спокойно сидел, Анахарсис прохаживался, Фалес летал, Гесиод пахал, Платон гонялся в воздухе за идеями, Гомер пел, Аристотель диспутировал, Пифагор молчал, Эпименид спал, Архимед двигал Землю, Солон писал законы, а Гален рецепты, Евклид мерил зал, Периандр распределял обязанности, Клеобул испытывал будущее, Питтак воевал, Биант попрошайничал, Эпиктет служил, Сенека, сидя на грудах золота, восхвалял бедность, Сократ каждому говорил про себя, что он ничего не знает, Ксенофонт, напротив, каждого хотел научить всему, Диоген, выскакивая из бочки, бранил всех проходящих мимо него, Тимон всякого оскорблял, Демокрит над всем этим смеялся, Гераклит, наоборот, плакал, Зенон постился, Эпикур пировал, Анаксарх говорил, что все это – ничто, что это только так кажется¹⁴. Много было меньших философов, и каждый что-нибудь особенное доказывал, так что всего-то уж я и не запомнил, да и не хочется припоминать. Дивясь на это, я сказал: "Это и есть мудрецы, солнце света? Ай, ай, я ожидал иные вещи. Здесь орут, как мужики в кабаке, и каждый по-своему". Толмач возразил: "Ты безумный, ты не понимаешь тех таинств". Услышав, что это – таинства, я начал серьезно думать о них, а толмач стал мне объяснять их. В это время подошел к нам кто-то в философском одеянии (назвался Павлом Тарсийским¹⁵) и шепнул мне на ухо: "Если кто считает себя мудрым на этом свете, пусть станет глупым, чтобы сделаться мудрым. Мудрость этого света у Бога считается

глупостью, ибо написано: *Знает Бог мысли мудрых, что они суетны*. Так как я заметил, что все, что видят мои глаза и мои уши слышат, согласуется с этими словами, то мне уже было этого довольно, и я сказал: "Пойдем куда-нибудь в другое место". Толмач мой назвал меня глупцом за то, что, намереваясь научиться чему-нибудь от мудрецов, ухожу от них. Но я молча шел дальше.

2. Вошли мы в какую-то аудиторию, где было множество людей с указками, молодых и старых, которые рисовали буквы, штрихи и пунктики; и если один написал или выговорил иначе, нежели другой, то его или осмеивали или ругали. Затем развешивали по стенам слова и болтали о них, которое к которому подходит, и т.д., складывали их, раскладывали, ставили одно возле другого различным способом. Удивляясь и не видя ничего другого, я сказал: "Это детские игрушки, пойдем в другое место"¹⁶.

3. Тогда мы пришли в другие комнаты, где стояло много народа с кистями; они советовались о том, как возможно окрасить слова, написанные или выпущенные из уст на воздух, в зеленый, красный, черный, белый или какой кто хотел цвет. Я спросил, для чего бы это могло быть. Мне ответили, чтобы можно было слушателю так или иначе окрасить мозг. Я опять спросил: "К изображению правды или лжи пригодны эти красильные средства?" – "Как придется", – ответил он. "Здесь столько же фальши и лжи, сколько правды и пользы", – сказал я и ушел отсюда.

4. Пришли мы в другое место: здесь толпа каких-то проворных весельчаков, возивших на маленьких тележках слоги и отмеривавших их пядью, пляшущих и скачущих около этого. Удивился я, что бы это такое значило, а толмач сказал, что из всех искусств, которые происходят из букв, нет более остроумного и веселого, как это. "А что же это?" – спросил я. Толмач ответил: "Чего нельзя сделать простым употреблением слов, то можно сделать таким сложением их". Видя, что те, которые учатся этому складыванию, заглядывают в какие-то книги, посмотрел и я и прочитал: *De culice; De passere; De Lesbia; De Priapo; De arte amandi; Metamorphoses; Encomia; Satyrae*¹⁷, короче – шутки, стихотворения, любовные истории и разного рода пошлость. Все это было как-то противно мне, в особенности когда я узнал, что все свое знание эти слоγοмерители выкладывали для восхваления того, кто им льстил; а того, кто не угодил им, со всех сторон осыпали всевозможными колкостями, таким образом это знание служило только или для лести, или для колкостей. Тогда поняв, что это страстные люди, я поспешил прочь от них.

5. Идя оттуда, мы попали в другое здание, где делали и продавали *Perspicilla*¹⁸, и я любопытствовал, что это такое. Мне ответили, что это *notiones secundae*¹⁹, кто имеет их, тот видит все не только с внешней стороны, но и внутри предмета; в особенности один другому мог смотреть в мозг и копаться в его уме. Многие приходили и покупали

эти очки, а учителя учили, как нужно надевать их и как их направлять в ту сторону, куда нужно. Для этого были особенные учителя, которые и делали их, имея свои мастерские по углам; но не делали одинаковые: один делал большие, другой – маленькие, один – круглые, другой – угловатые, и каждый хвалил свои, зазывая покупателей; из-за этого страшно ссорились и бросались друг на друга. Иной покупал у того и у другого и все прилаживал себе к носу, иной выбирал только одни и нацеплял их себе. Некоторые говорили здесь, что все-таки не могут видеть так глубоко, другие уверяли, что видят, и указывали друг другу даже за мозг и за весь разум. Но никто из них не видел, что при первом же шаге они падали через камни и палки в ров (насчет этого я уже сказал, что ими всюду полно было). Я спросил: "Как же это они, видя все сквозь эти очки, не избегают этих препятствий?" Мне ответили, что не очки виноваты в том, если кто не умеет носить их. Мастера говорили, что недостаточно иметь диалектические очки, но что нужно вычистить глаза ясным коллирием²⁰ из физики и математики. Поэтому полагалось идти в другие аудитории и там изощрять свое зрение. Тогда шли один сюда, другой туда. Я обратился к своим проводникам: "Пойдем и мы", но этого не удалось мне сделать, прежде чем я по принуждению *Всевода* не приобрел также несколько таких очков и не надел их. И показалось, что и вправду я вижу больше прежнего; иную вещь можно было видеть несколькими способами. Но я все время побуждал идти дальше, желая испытать, что это такое коллирий, о котором говорили здесь.

6. Пошли мы; и привели меня на какую-то площадь: посередине ее виднелось огромное развесистое дерево, на котором росли всевозможные плоды и всевозможные орехи (все в скорлупах); называли его "Природой". Около него стояла толпа философов, всматривавшихся в него и указывавших друг другу, как которые называются ветви, листья и плоды. Я сказал: "Слышу, что они учат называть эти вещи, но не вижу еще, чтобы они могли исследовать природу". Толмач ответил: "Это не каждый может, но посмотри на этих-то". И увидел я, что некоторые ломают ветви, снимают листья и плоды, а когда попадают на орех, грызут зубами, так что они трещат; но они уверяют, что это скорлупа ломается. Разбираясь в них, хвастались, что у них есть ядро, потихоньку указывали другим, но не всякому. Посмотрев между тем повнимательнее на них, я увидел, что они имели только расплюсченную и раздавленную кожу и кору, а самая твердая оболочка, в которой плотно лежало ядро, была еще цела. Видя здесь только глупое хвастовство и бесполезное усилие (я ведь видел, как некоторые и глаза свои повысмотрели и зубы повыломали), я выразил желание пойти в другое место.

7. Таким образом, мы пошли опять в какой-то зал и здесь опять увидели господ философов. Перед ними были коровы, ослы, волки, гады и разного рода звери, птицы, пресмыкающиеся, также деревья,

камни, вода, огонь; все это имея перед собой, философы вели споры о том, как бы у каждого из этих произведений отнять то, что отличает его от других, дабы таким образом сделать всех их похожими друг на друга. И они снимали со всего этого сначала форму, затем материю, наконец, все случайные признаки, пока не оставалось чистое *Сущее*. Затем опять спорили – суть ли все эти вещи одно и то же? Все ли хороши, и все ли на самом деле то, что они суть? Много подобных вопросов задавали они друг другу. Некоторые из смотревших на них с удивлением стали рассказывать, какой, значит, высоты достиг человеческий разум, если он может и умеет понять всю сущность и совлечь телесность со всех телесных вещей; даже и я начал находить удовольствие в этих тонкостях. Но вдруг кто-то²¹, встав, заявил, что это – одни только фантазии, годные для того, чтобы бросить их. Некоторых он увлек за собой, а иные восставали, называя первых еретиками за то, что они желали отделить от философии наивысшее знание и как бы обезглавить науку. Наслушавшись этих споров, я ушел оттуда.

8. Продолжая идти все дальше, мы очутились среди каких-то лиц, находившихся в зале, полном цифр, и в этих цифрах они разбирались. Некоторые, взяв из кучи эти цифры, раскладывали их, другие же, захватив пригоршней, раскладывали на кучки, третьи опять из этих куч брали часть и сыпали отдельно, четвертые снова делали то же и разносили, так что я удивился такому занятию их. Они между тем рассказывали, что во всей философии нет более чистого знания, чем это, что здесь ничего не может не доставать, ничего не может пропасть или прибавиться. "Для чего же это знание?" – спросил я. Они, удивившись моей глупости, тотчас один перед другим начали рассказывать мне чудеса. Один обещался рассказать мне, сколько гусей летает в стаде, не считая их; другой – во сколько часов вытечет вода из цистерны через пять труб; третий обещался мне сказать, сколько грошей у меня в кошельке, не глядя туда, и т.д., до тех пор, пока не нашелся один, который порешил привести в известность количество морского песка и написал об этом книгу²². Другой, по его примеру (но желая доказать с большей точностью), привел в известность количество летающих на солнце пылинок²³. Я испугался, а они, желая помочь моему пониманию, указали свои правила (*trium, societatis, alligationis, falsi*)²⁴, которые я не совсем понял. Когда же проводники хотели вести меня к самому последнему, которое называется *algebra*, или *cossa*²⁵, и я увидел там кучи каких-то столь странных каракулек, что у меня чуть не сделалось головокружение, я, закрыв глаза, попросил увести себя оттуда.

9. Тогда мы пришли в другую аудиторию, над входом в которую было написано: "Οὐδεὶς ἀγεωμέτρητος εἰσέλω"²⁶. Остановившись, я спросил: "Можно ли нам войти туда, раз пускают только геометров?" – "Иди", – сказал *Всевед*. Вошли. Здесь было множество таких людей, которые рисовали линии, извилины, кресты, круги, квадраты, точки,

каждый тихо сам для себя. Затем один подходил к другому и показывал, что нарисовал; иной доказывал, что нужно иначе и что тогда будет лучше; потом происходила ссора между ними. Если кто-нибудь находил какую-нибудь новую линию или извилину, то испускал крик радости и, созывая других, показывал ее им; те в свою очередь шептались, показывали пальцем и качали головой; затем каждый бежал в свой угол, чтобы сделать то же и для себя; одному это удавалось, другому нет. Итак, вся эта зала была исчерчена линиями по полу, по стенам, по потолку; никому не позволялось ни наступать, ни дотрагиваться до них.

10. Которые между ними были самые ученые, тех пускали в середину, с большим усилием они чего-то искали, на что все другие, как я заметил, смотрели с разинутыми ртами, и много было разговора о том, что это было бы удивительнейшей тонкостью всего света; если бы оно нашлось, то ничто уже больше не было бы невозможным. Желая узнать, что это такое, я подошел и увидел, что они среди себя имеют круг, о котором и был вопрос, а именно: как из него можно сделать квадрат. И так как это оказывалось работой неисполнимой, то все разошлись, поручив друг другу, чтобы каждый подумал об этом.

Тогда, спустя немного времени, вдруг вскочил какой-то с криком: "Имею, имею, тайна открыта, имею!" Все окружили его, спеша посмотреть и выразить удивление. Он же, вынеся огромную книгу in folio, указал на нее²⁷. Раздались голоса и крики, как бывает после победы. Но скоро другой²⁸ положил конец этим крикам радости, закричав сколь можно громким голосом, чтобы не давали обманывать себя, что квадрата нет, и, поставив книгу еще больших размеров, все мнимые квадраты своего предшественника снова обратил в круг, старательно проводя ту мысль, что то, из-за чего старался другой, человеку невозможно исполнить. И все понурили головы и возвратились к своим линиям и каракулям.

11. Тогда мы пришли в другой зал, где продавали персты, пяди, локти, сажени, весы, меры, аршины, сосуды, перми (20 фут.) и подобные предметы; зал полон был людей, меривших и взвешивавших. Некоторые мерили самый этот зал, и каждый почти мерил иначе; таким образом, они не согласовывались и начинали снова мерить. Иные мерили тень в длину, ширину, толщину, иные клали ее на весы. Короче, говорили, что ничего нет на свете, да и вне света, чего бы они не могли измерить. Но я, немного посмотрев на это ремесло, убедился, что здесь больше хвастовства, чем пользы. Поэтому, покачав головой, я ушел отсюда.

12. Пришли мы тогда в другую комнату, где я слышал музыку и пение, шум и звон различных инструментов; некоторые стояли около них, и сверху, и снизу, и по сторонам, смотрели и наставляли ухо, желая исследовать, что это, где, куда и откуда звучит, как и почему, что с чем

созвучно. Некоторые говорили, что они знают это, и плясали, крича, что это что-то божественное и тайна над тайнами; поэтому они с большим увлечением и с поскакиванием разбирали, складывали и перекладывали все. Но к этому только один из тысячи был способен, другие же только глядели. Если кто из последних хотел приложить свои руки, то у него скрипело и пицало, как и у меня. Таким образом, видя, что некоторые довольно благоразумные, как казалось, люди считают это за детскую игру и потерю времени, я ушел оттуда²⁹.

13. Отсюда *Всевед* повел меня по лестнице на какую-то галерею, где я увидел кучи людей, делающих лестницы и приставляющих их к облакам, хватающих звезды и приготавливающих для них веревки, масштабы, гири, циркули и меряющих путь бега их. Некоторые, усевшись, писали об этом правила, вымеряя, куда, где и как которые из них могут сойтись или разойтись. Удивился я смелости людей, которые решаются проникнуть даже до неба и диктовать порядок звездам. Так как мне понравилось это славное искусство, то скоро и я начал делать то же самое. Но, позанимаясь этим, я ясно увидел, что звезды танцевали иначе, нежели им подыгрывали. И они, лично в этом убедившись, сваливали вину на *anomalitatem coeli*³⁰. Тем не менее они все равно упрямо пытались предписать порядок звездам, даже меняли их местами, стягивали некоторые на землю или поднимали землю до звезд; короче, так или иначе они выдумывали гипотезы, а не хотели ничего совершенного.

14. Некоторые не лезли больше туда, но, смотря на звезды только снизу, обращали внимание лишь на то, что которая приуготовляет, и, приведя в порядок тригоны, квадрилы, секстилы, конъюнкции, оппозиции и другие аспекты³¹, объявляли будущее или публично всему свету или тихонько отдельным лицам их счастье и несчастье, предсказывали рождение и произносили другого рода пророчества, писали предсказания о погоде и пускали их в обращение среди людей. От этого нередко у людей происходила боязнь и страх, нередко – среди немногих только веселость, иные ничего не боялись, бросали в сторону написанное, насмехались над звездогоданием, говоря, что они и без пророчества могут достаточно наесться, напиться, выспаться. Но мне казалось, что нельзя доверять такому одностороннему рассуждению, если только это знание само по себе истинно; но чем более я смотрел на него, тем менее видел в нем истинного; если одно пророчество сбывалось, зато не исполнялось пять. Тогда поняв, что таким-то образом и без звезд гадать нетрудно, когда каждого за верное предсказание хвалят, а за ошибку извиняют, я счел за глупость возиться с этим делом.

15. Повели тогда меня на другую площадь, где я увидел новую вещь. Здесь стояло немало людей с какими-то кривыми, согнутыми трубами, один конец которых придвинули себе к глазам, а другой поставили за спиной около плеч. Когда я спросил, что бы это такое

было, толмач ответил, что это – очки (*perspicille*), через которые они смотрят на то, что находится за спиной. Ибо кто хочет быть человеком, тот должен видеть не только то, что лежит около ног, но и смотреть на то, что уже прошло и находится за спиной, для того, чтобы научиться из минувшего настоящему и будущему. Считая это за новую для себя вещь (перед тем я не знал, конечно, чтобы могли быть такие очки), я попросил одного, чтобы разрешил мне посмотреть немножко через эти очки, и – о ужасная вещь!

Сквозь каждые видно было иначе и иначе. Сквозь одни вещь казалась далеко, сквозь другие та же вещь казалась близко, сквозь одни – один цвет, сквозь другие – другой, а сквозь третьи не видно было совсем, так что я пришел к тому убеждению, что здесь нельзя ни на что понадеяться, чтобы было именно так, как показывают очки; но как которые очки устроены, так предмет и представляется глазам. Я видел, что каждый из них верит своей подзорной трубе; поэтому о многом они спорили довольно злобно. Мне это не понравилось.

16. Когда повели меня в другое место, то я спросил, скоро ли этим ученым будет конец. Мне даже тошно стало путаться среди них. "Лучшее осталось еще", – сказал *Всевед*. Вошли мы в какой-то зал, который был полон изображений, с одной стороны, прекрасных и очень милых, с другой – мерзостных и безобразных, около них ходили философы, не только смотря на них, но и прибавляя, что могли прибавить красками, одним к красоте, другим к безобразности. Я спросил, что это такое, а толмач ответил: "Разве не видишь надпись на лбах?" – и, проведя меня туда, указал мне эти надписи: *Fortitudo*, *Temperantia*, *Iustitia*, *Concordia*, *Regnum* и пр., с другой стороны – *Superbia*, *Gula*, *Libido*, *Discordia*, *Tyrannis*³² и пр. Философы просили и напоминали всем приходящим, чтобы любили эти прекрасные изображения, а безобразные ненавидели, расточая сколь возможно похвалы одним, ругая и браня сколь возможно другие. Это мне понравилось, и я сказал: "Ну, наконец-то, здесь я нашел людей, которые сделают что-нибудь достойное своего поколения". Между тем я заметил, что эти милые напоминатели сами-то к прекрасным изображениям лънули ничуть не больше, чем к другим, и последних ничуть не больше избегали, чем первых; немало и очень охотно проявляли они свои заботы около безобразного, а другие, глядя на это, поступали так же и с этими чудовищами устраивали игры и забавы. Тогда я с гневом сказал: "Здесь я вижу, что люди (как выразился волк Эзопа) одно говорят, а другое делают: что хвалят устами, от того удаляется мысль их, и что хулят языком – к тому льнет сердце их". – "А ты что же, ангелов между людьми ищешь?" – сказал сердито толмач. – В таком случае что же тебе понравится? – Везде ведь найдешь недостатки". Тогда я замолчал и поник головой; в особенности видя, что и другие все, которые поняли, что я рассматриваю их, с презрением на меня посмотрели. Махнув рукою на них, я вышел вон отсюда.

Глава XII

Путешественник обзревает алхимию

1. *Всевед* обратился ко мне со словами: "Ну, я сведу тебя туда, где верх людского остроумия и такое чудесное занятие, что кто раз займется им, тот никогда, покамест жив, не бросит его ради благородного наслаждения, доставляемого мышлением". И я просил его, чтобы не медлил показать мне это. Тогда он ввел меня в какие-то подземелья. Здесь стояли в несколько рядов очаги, печки, котлы и стеклянные вещи, так что все блестело. Люди приносили и подкладывали дрова, раздували огонь, потом гасили, что-то в различной мере наливали и переливали. Я спросил, кто они и что делают. *Всевед* ответил: "Самые утонченные философы – которые делают то, что солнце своим жаром не может совершить в продолжение нескольких лет в недрах земли, а именно: доводя до высшего качества всевозможные породы металлов, превращают их в золото". – "А к чему это? – спросил я. – Ведь железом и другими металлами пользуются больше, чем золотом". – "Эх ты, неуч! – сказал он. – Ведь золото – это самая дорогая вещь; кто им владеет, тот не боится бедности."

2. Кроме того, то вещество, которое превращает металлы в золото, имеет другие чудесные свойства, как-то: сохраняет человеческое здоровье до самой смерти, а от смерти предохраняет в продолжение двух и трех сот лет³³. Тот, кто сумел бы им пользоваться, мог бы сделаться бессмертным. Этот *Lapis*, по всей вероятности, не что иное, как семя жизни, ядро и экстракт всего мира; из него получают свое бытие животные, растения, металлы и даже сами стихии". Услышав такие странные вещи, я испугался и сказал: "Значит, они бессмертны?" В ответ услышал: "Не всем удастся найти его, да и те, которые находят, не всегда умеют как следует обращаться с ним". Если б я имел этот камень, то я бы уж постарался так с ним обращаться, чтобы смерть не имела доступа ко мне и чтобы у меня было вдоволь золота и для себя и для других. "А откуда добывается этот камень?" – "Здесь готовится", – ответил толмач. "В этих-то котлах?" – спросил я. – "Да".

3. Итак, я отправился, посматривая на все, с намерением узнать, что и как здесь делается, и увидел, что не всем выпадает на долю одинаковая удача. Один развел слишком слабый огонь, и у него не доварилось. Другой развел слишком сильный огонь, благодаря чему его сосуды лопнули, что-то из них улетучилось. Он говорил, что у него вылетел азот, и плакал. Третий, переливая, проливал или дурно смешивал. Четвертому попал в глаза дым, и он не мог присматривать за своей работой; пока протирал глаза, у него улетучивался азот. Некоторые, наглотавшись дыму, умирали. А больше всего было таких, которым не хватало углей в мешке; они должны были бегать к другим одолжаться; за это время все остывало, и труды пропадали даром. И

такие случаи повторялись здесь часто, даже постоянно. Хотя никто не допускался в их среду иначе как с полным кошельком, но у каждого кошелек как-то быстро опоражнивался, так что в нем ничего не оставалось, и нужно было или бросить опыты, или бежать брать в долг.

4. И, смотря на них, я сказал: "Таких, которые даром работают, я вижу много, но никого не вижу их тех, которые добыли бы этот камень. Я вижу, что они, варя золото и разжигая жизнь, теряют и проживают и то, и другое. Где же те – с грудями золота и бессмертием?" Толмач мне ответил: "Они тебе не покажутся, даже если б я им посоветовал. Такая дорогая вещь должна храниться в тайне, потому что если бы кто-нибудь узнал об одном из таких владельцев, то захотел бы его иметь, и последний сделался бы вечным узником. Оттого они должны скрываться".

5. Тут я увидел, что некоторые из таких прогоревших сходятся, и, насторожив уши, услышал, что они отыскивают причину своих неудач. Один взвалил всю вину на философов, которые будто бы слишком мудрено описывают это знание, другой жаловался на хрупкость стеклянных сосудов, третий указывал на неподходящее и неуточное положение планет, четвертый сердился на то, что в ртути нашлась мутная примесь земли, пятый – на недостаточность средств. В общем, причин оказалось так много, что никто не знал, как этому помочь. И вот, когда они один за другим стали уходить, пошел и я за ними.

Глава XIII

Путешественник смотрит на розенкрейцеров³⁴

1. И сейчас здесь на площади я услышал звук трубы; оглянувшись, я увидел всадника, едущего на коне и сзывающего философов. Когда они, как стада, сбежались отовсюду, он начал им рассказывать на пяти языках о несовершенстве свободных искусств и всей философии и о том, как некоторые славные мужи по божьему внушению проследили и дополнили все эти недостатки и подняли человеческую мудрость опять на ту ступень, на которой она была в раю до падения. Делать золото они считали из ста трудностей самым легким, потому что перед ними уже вся природа обнажена и открыта; они, по своему желанию, могут отнять или придать форму всякой твари. Они знают языки всех народов, знают все, что делается по окраинам земли и на новом свете, могут вести беседу, будучи удалены друг от друга на тысячу миль. Имеют будто бы камень, которым излечивают всевозможные болезни и дают долголетие. Ведь их предводитель Гуго Альверда достиг 562-летнего возраста, а его товарищи были немного моложе. Работая исключительно в деле совершенствования философии, они, правда,

скрывались в продолжение некоторых лет, теперь же, когда все приведено к совершенству, они, зная, что повсюду наступают реформы, больше скрываться не хотят, но, всенародно объявляя о своей деятельности, готовы поделиться своими знаниями со всяким достаточно способным. Кто бы ни обратился к ним с вопросом на каком угодно языке, они все поймут и никто не уйдет от них без любезного, ласкового ответа. Но в случае если кто окажется неугодным и придет к ним лишь из корыстного чувства, из жадности или из любопытства, тот ничего от них не узнает.

2. Рассказав это, посланный исчез. Посмотрев на этих ученых, я заметил, что они перепуганы этою вестью. Между тем они начали совещаться друг с другом и одни шепотом, другие громко высказывать по поводу этого свое суждение. Подходя то туда, то сюда, я стал прислушиваться и, к своему удивлению, заметил, что одни ужасно прыгали, не зная от радости, куда деться. Жалели своих предков, при жизни которых ничего подобного не случалось, а себя благословляли, потому что им предлагается совершенная философия, так что каждый в состоянии безошибочно все знать, иметь всего вдоволь и прожить несколько сот лет без болезней и седины, и постоянно повторяли: "Счастливей, счастливейший век!"

Наслушавшись таких речей, я сам стал весел, и у меня явилась надежда, что, Бог даст, и я достигну того, на что надеются другие. Но я увидел других в глубокой задумчивости, в большом затруднении, что о том думать. Они были бы рады, если бы правда была то, что они слышали, но им казалось все это слишком темным и превышающим их разум. Другие открыто отрицали истинность известия, выражали недоверие, считая это обманом и лукавством. Если они, как говорят, появились уже столько лет тому назад, почему же раньше не объявили своего учения? Если они уверены в своих знаниях, почему же смело не выступят на свет, а свищут откуда-то из-за углов, из тьмы, как летучие мыши? Так как философия прочно установлена и не нуждается в реформах, то они дают повод думать, что не будут иметь никакой философии. Другие страшно ругали их за это и проклинали, во всеуслышание объявляя, что все это кудесники, колдуны и дьяволы в образе человека.

3. Одним словом, на всей площади был гул, и каждый просто горел желанием пробраться к ним. Поэтому многие писали прошения (одни тихонько, другие открыто) и посылали им, радуясь, что и они будут приняты в общество. Но я видел, что прошения эти, побывавши во всех закоулках, возвращались каждому без ответа, и веселая надежда переходила в тоску, ибо неверующие смеялись над ними. Некоторые писали снова, второй раз, в третий и более, умоляя и заклиная всеми музами, как кто лучше мог и умел, не удерживать жаждущих знания. Некоторые, не терпящие отсрочек, сами поодиночке бегали из одного края света в другой, жалуясь на свое несчастье, что не могут найти

счастливых тех людей. Причину этого один приписывал своей неспособности, другой появлению тех некстати, и потому один приходил в отчаяние, другой, озираясь, искал новых путей к выслеживанию их, опять мучился, так что я не мог дождаться самого конца: мне стало скучно.

4. Тут опять послышался звук трубы, и так как на этот звук сбегалось много народу, то и я пошел и увидел какого-то человека, который раскладывал лавочку, приглашал посмотреть и купить удивительные тайны, которые будто бы взяты из сокровищ новой философии и удовлетворяют всех жаждущих мудрости. И была радость, что святое "Розовое братство" уже показалось, явно и щедро делится своими сокровищами; многие подходили и покупали. Все то, что продавалось, было упаковано в ящики, которые были раскрашены и со всевозможными хорошими надписями: *Porta Sapientiae, Fortalitium Scientiae, Gymnasium Universitatis, Bonum Macro-micro-cosmicum, Harmonia utriusque Cosmi, Christiano-cabbalisticum, Antrum Naturae, Arx Primaterialis, Divino-magicum, Tertrinum Catholicum, Pyramis Triumphalis, Hallelujah, etc., etc.*³⁵

Всякому, кто покупал, было запрещено открывать шкатулку, ибо эта таинственная мудрость имеет такое свойство, что действует проношением; а если отворится шкатулка, то она выдохнется.

Тем не менее некоторые любопытные не удержались, чтобы не отворить, и, найдя шкатулку пустой, показывали другим, и когда эти также отворяли, также ничего не находили в ней. Закричали тогда: "Обман, обман" – и свирепо стали бранить этого продавца, но он успокаивал их, сообщая им самую сокровенную тайну, что вещи эти, кроме *filiis scientiae*³⁶, никому не видны, даже ни одному из тысячи, что он не виноват тут ни в чем.

5. Большей частью и успокоились на этом. Затем он скрылся, и зрители с разными шкатулками стали расходиться кто куда; разузнали кто-нибудь из них об этих новых тайнах или нет, до сих пор никак не могу узнать. Знаю только, что все потом как-то утихло, и те, которых сперва я увидел бегающими и снующими более других, сидели потом где-нибудь в углу как бы с закрытым ртом, словно были посвящены в тайны (как некоторые думали о них) и дали присягу, что будут молчать, или (как казалось мне, смотревшему мимо очков) они стыдились своих надежд и напрасных трудов. Итак, все утихло и расходилось, как расходятся тучи после бури. Я обратился к своим проводникам: "Из всего этого ничего не будет? Увы, мои надежды! А я-то, видя здесь такие утешительные вещи, радовался, что найду пищу своему уму". Толмач ответил: "Кто знает? Это еще может случиться. Они, должно быть, знают свое время, когда кому показаться". – "Могу ли я рассчитывать на это?" – спросил я, не зная ни одного примера, чтобы из стольких тысяч более меня ученых кому-нибудь посчастливилось. "Не хочу больше смотреть на это. Уйдем отсюда".

Глава XIV

Путешественник обозревает медицину

1. Проведя меня между физической и химической аудиториями какими-то переулочками, остановили на площади, где я увидел ужасную сцену. Распяли человека и, рассекая у него один член за другим, копались во всех внутренностях, с удовольствием указывая, что где нашли. Сказал я: "Но что же это за жестокость – обращаться с человеком, как со скотом". – "Это так должно быть, – ответил толмач, – это их школа"³⁷.

2. Они между тем, оставив это занятие, разбежались по садам, лугам, полям, горам; срывали, что находили там растущего, и нанесли такие кучи, что многих лет недостаточно было бы перебрать и пересмотреть все это. Каждый хватал из этой громады то, что ему попало на глаза, и бежал с этим к упомянутому распоротому телу; накладывая растение на члены тела, одно с другим созрмеряя в длину, ширину и толщину. Один говорил, что это подходит к одному, другой уверял, что не подходит, таким образом спорили об этом с сильным криком; даже с самими названиями трав были большие затруднения. Тому, кто знал их более других, умел мерить и взвешивать, сплетали венок, надевали на голову и приказывали называть его доктором этой науки.

3. Тут я заметил, что к ним приносят и приводят различных раненых изнутри или снаружи, гниющих и больных. Подойдя к ним, доктора рассматривали гниющие места, нюхали идущий от них запах, копались в их извержениях, выходящих и верхом и низом, – даже противно становилось, и это они называли изучением. Потом все это варили, распаривали, прижигали, растопляли, замораживали, жгли, рубили, резали, кололи, зашивали опять, связывали, мазали, делали твердым, мягким, закрывали, заливали и – не знаю, что еще не делали. Между тем пациенты все-таки погибали у них под руками и немало уходило с жалобами на них неумелость или небрежность. В результате я видел, что милым тем целителям их знание приносило кое-какую пользу, но также приносило (если он хотел быть верным своему призванию) много и даже очень много трудной и большею частью отвратительной работы и, наконец, столько же врагов, сколько доброжелателей. Мне и это не нравилось.

Глава XV

Путешественник обозревает юриспруденцию

1. Под конец повели меня еще в одну просторную аудиторию, где я видел знаменитых людей более, чем где-либо. Эти имели на стенах раскрашенные срубы, заборы, перегородки, загородки, ограды и притворы, в которых были проделаны опять те или иные промежутки,

дыры, двери и ворота с затворами и замками и разными к ним ключами, петлями и крюками. Показывая на все это друг другу, они рассчитывали, где и как можно или нельзя перейти. Я спросил, что это они делают. Мне ответили, что они отыскивают способ, каким бы родом каждый, живя на свете, мог оставаться при своем, а также и перевести с другого на себя что-нибудь, не нарушая при этом порядка и мира. Я сказал: "Это хорошая вещь", – но когда еще немножко посмотрел, мне она стала противна.

2. А прежде всего потому, что в эти загородки, как я заметил, ни душа, ни мысль, ни тело человека не запирается, а только имущество, вещь случайная при человеке, ради которой, как мне казалось, не стоило трудиться.

3. При этом я видел, что все это основано для прихоти некоторых лиц и что если кому-нибудь пришло в голову установить то или другое, как правило, так и другие сохраняли это, или же, как я заметил, некоторые люди то делали, то разрушали эти заборы и проходы сообразно своей воле; поэтому здесь много было противоречий, об устранении или согласовании которых иные, очень умные, должны были ломать голову. Я удивлялся, что они потели и напрягали свои силы над такими пустяками, из которых иной едва ли может случиться один раз в тысячу лет и при этом не имеет никакого значения; они же делали это с немалой гордостью. Чем больше кто из них умел разрушить преград, сделать кое-где отверстие и снова его уничтожить, тем больше тот нравился себе и тем больше и иные удивлялись ему. Но другие (проявляя при этом ум) вступали с ним в спор, доказывая, что так, а не иначе должно строить или загораживать; поэтому были споры и разногласия между ними, и, расходившись во взглядах, один рисовал одно так, другой иначе, каждый привлекал к себе зрителей. Насмотревшись на эти забавы и покачав головой, я сказал: "Поспешим отсюда прочь, мне скучно стало здесь". Толмач с гневом спросил меня: "Тебе и на том свете все так же будет нравиться? И самым благородным вещам ты, шаткого ума человек, находишь порицание". *Вездесущ* ответил ему: "Мне кажется, что его мысль занята религиозностью; поведем его туда; может быть, он там найдет что-нибудь по своему вкусу".

Глава XVI

Путешественник смотрит на утверждение в звании магистров и докторов

1. Вдруг послышался звук трубы, как будто сзывающий на торжество, и *Всевед*, сообразив, что будет, сказал: "Вернемся, пока еще есть время, там будет на что посмотреть". – "А что же там будет?" – спросил я. Он ответил: "Академия будет короновать тех, которые

будучи в сравнении с другими самыми прилежными, достигли верха знаний, такие в пример другим будут увенчаны". Желая видеть такой особенно редкий случай и обратив внимание на прибывающую толпу, вошел я за другими и увидел, что здесь под философским небом³⁸ кто-то стоял с бумажным свертком; некоторые из толпы подходили к нему, прося удостоверение об их высоком знании. Похвалив просьбу их, что она вполне уместна, он сделал приказание, чтобы они обозначили на билетике то, что знают и на что просят утверждения. И вот один вывел итог философии, другой – медицины, третий – юриспруденции, подмазывая при этом, где надо, кошельком, чтобы шло глаже.

2. Тогда тот, который стоял со свертком, взяв одного за другим, наклеивал каждому на лоб титул: "Этот – магистр свободных искусств, этот – доктор медицины, этот – лицензиат обоих прав" и т.д. – и утверждал печатью, приказывая под страхом гнева богини Паллады всем присутствующим и не присутствующим при встрече иначе не называть их. Затем он распустил и их, и толпу.

И я спросил: "Будет ли что-нибудь дальше?" – "А разве тебе этого еще недостаточно? – возразил толмач. – Разве не видишь, как перед ними все сходят с дороги". И действительно, все им уступали дорогу.

3. Тем не менее, желая увидеть, что из этого будет дальше, я посмотрел на одного из этих магистров, которому приказали посчитать что-нибудь, – он не сумел, приказали измерить – не сумел, назвать звезды – не сумел, приказали говорить чужими языками – не сумел, приказали сказать речь на своем языке – не сумел, в конце концов приказали прочитать и написать – не сумел. "Какой грех, – сказал я, – писаться магистром семи наук и ничего не знать". Толмач ответил: "Не умеет тот, так умеет другой, третий, четвертый; не может всюду все быть совершенно". – "В таком случае я понимаю, – сказал я, – что после проведения в школе целой жизни, после растраты всего имущества, после приобретения титула и печати необходимо, в конце концов, спросить, научился ли он чему-нибудь? Сохрани Бог от таких дел". – "Не перестанешь ты мудрствовать, – сказал он, – наживешь себе что-нибудь скверное; ожидай, уверяю тебя, достигнешь чего-нибудь". – "Ну их, – сказал я, – ничего больше не хочу говорить, пускай они будут магистрами и докторами семью семидесяти наук, пусть всё знают или ничего, только уйдем отсюда".

Глава XVII

Путешественник обозревает сословие служителей веры

1. Провели меня какими-то проходами, и пришли мы на площадь к язычникам, где стояло множество в различном стиле выстроенных храмов и часовен. Толпы народа входили и выходили отсюда. Мы вошли в самый ближайший; здесь по всем сторонам было множество

гравюр и слепков мужей и жен, а также разных зверей, птиц, пресмыкающихся, деревьев и трав, солнца, месяца и звезд, даже и мерзостных чертей. Каждый из приходивших, выбрав себе, что ему понравилось, становился перед этим на колени, целовал, курил фимиам, сжигал жертвы. Хотя мне казалась привлекательной эта терпимость всех – что каждый, исполняя свой обряд по-своему, терпел исполнение и другого, и каждый оставлял другого при его мнении (чего я впоследствии нигде не замечал), но все-таки я чувствовал здесь какую-то тяжелую атмосферу; страх обуял меня, и я поспешил выйти вон.

2. Тогда мы вошли в другой храм (еврейский), белый и чистый, в котором не было никаких фигур, исключая живых; они или что-то тихо бормотали, раскачивая головами, или, выпрямившись и заткнув уши, разевали рот, испускали крики, очень похожие на вытье волков. Потом, сойдясь вместе, заглядывали в какие-то книги (талмуд); подойдя к ним, я увидел странные изображения, например: зверей с перьями и крыльями, птиц без перьев и крыльев, животных с человеческими частями тела, а людей с частями животных, одно туловище со множеством голов и опять одну голову с многими туловищами. Некоторые чудовища имели вместо хвоста голову, а на месте головы хвост, некоторые имели глаза под животом, а ноги на спине, у некоторых было бесчисленное множество глаз, ушей, ртов, носов, у других этого ничего не было, но зато все у них было переставлено, скручено, изогнуто, искривлено и не симметрично: один член с пядь, а другой – в сажень длиной, один – как палец, другой – толще бочонка; одним словом, трудно поверить, как все было безобразно. Но они говорили, что это – история, и, хваля, как все это прекрасно, старшие выдавали младшими за таинство. А я сказал: "Ну кто бы мог думать, что есть люди, которым такие некрасивые вещи могут нравиться. Оставим их, пойдем в другое место". Выйдя, я увидел, что они смешиваются со всеми другими, но во всех они возбуждали отвращение и были только предметом смеха и шуток со стороны других. Это принудило меня презирать их.

3. Вошел я также в другой храм, который был круглый и не менее прекрасен внутри, чем предыдущий; без украшений, кроме некоторых надписей на стенах и ковров на полу. Люди (магометане), находившиеся в нем, держали себя спокойно и с благоговением, одеты были в белое и с большою любовью к чистоте, так как всегда умывались; раздавали милостыню; благодаря всему этому они становились мне симпатичны. Я спросил: "Какое основание этого учения имеют они?" *Всевед* ответил: "Они носят его скрытым под одеждой". Я подошел и хотел увидеть это. Они же сказали мне, что не всякому будто бы подобает видеть это, исключая толкователей; я все-таки настаивал на своем желании увидеть, ссылаясь на дозволение господина Судьбы.

4. Тогда достали и показали мне таблицу³⁹, на которой стояло

дерево с корнями, идущими кверху, в пространство, а ветвями устремляющееся в землю; около них было множество кротов, и один большой крот, ходя вокруг, сзывал других и руководил работами. И рассказывали мне, что под землей, на ветвях этого дерева, растут разнообразные прекрасные плоды, которые и добывают будто бы эти спокойные и работающие зверьки. "Это, – сказал *Всевед*, – лежит в основе сей религии". Понял я тогда, что эта религия основана на одних глупостях, цель и плоды ее – копаться в земле и утешать себя невидимыми благами там, где их нет, и слепо искать, не зная чего.

5. Отойдя оттуда, я обратился к своему проводнику: "Чем они доказывают, что их религия имеет разумное и правильное основание?" Тот ответил мне: "Пойди и взгляни". Пошли мы за храм на площадь; здесь те умытые люди в белой одежде, обнажив локти, с горящим взором, кусая губы, бегали, страшно крича, рубили всякого встречного и пачкались в человеческой крови. Испугавшись этого и побежав назад, я сказал: "Что же это они делают?" Мне ответили: "Спорят о религии и доказывают, что Алькоран есть истинная книга".

6. Снова вошли мы в храм, и тут, между теми, которые носили эту таблицу⁴⁰, завязался спор, как я понял, о главном кроте. Одни доказывали, что он один лично управляет меньшими кротами, другие утверждали, что он имеет двух помощников.

С такою ненавистью они спорили об этом, что, в конце концов, друг с другом вели диспуты так же, как на площади с посторонними: мечом и огнем. Страшно стало мне.

Г л а в а XVIII

Путешественник обозревает религию христиан

1. Увидя меня в ужасе, проводник мой сказал: "Ну, пойдем, я покажу тебе христианскую религию, которая зиждется на истинных откровениях Божиих, удовлетворяет и простейших и умнейших людей, покажу, как она, с одной стороны, доказывает ясно небесную истину, как, с другой стороны, побеждает и противоречивые ереси, украшение которой – согласие и любовь и которая среди бесчисленных преследований до сих пор сохранилась и стоит непобедимою. Из этого ты легко можешь понять, что начало ее должно быть от Бога, и ты будешь в состоянии найти в ней истинное утешение". Обрадовался я этим словам, и мы пошли.

2. Когда мы пришли, я заметил, что у христиан есть ворота, через которые необходимо пройти к ним. Ворота эти стояли в воде, по которой каждый должен был перейти, умыться ею и принять их знамя, белый и красный цвет, с клятвою, что хочет присоединиться к нравам

и порядкам их, веровать так, как и они, так же, как и они, молиться, исполнять те же законы, что и они. Мне понравилось это как начало прекрасного, определенного порядка.

3. Пройдя в ворота, я увидел большую толпу людей; некоторые между ними отличались одеждою от других и, стоя то тут, то там на ступеньках, показывали какое-то изображение, так чудесно написанное, что чем более кто глядел на него, тем более не мог надивиться; но так как оно не было грубо разукрашено золотом или какими-либо яркими цветами, то издали его не особенно было видно. Поэтому-то я обратил внимание на то, что стоявшие вдалеке меньше были тронуты его красотою; находившиеся же поближе не могли насытиться взорами на него.

4. Те, которые носили это изображение, чрезвычайно восхваляли его, называя сыном Божиим и говоря, что в нем изображена всякая благодать, что образ этот послан с неба на землю, чтобы с него люди брали пример, как соблюдать в себе добродетель. И были радость и ликование, и, падая на колени, поднимали к небу руки и восхваляли Бога. Видя это, и я присоединил свой голос и восхвалял Господа Бога, что он дал мне возможность прийти на это место.

5. Между тем я услышал много разных наставлений, чтобы каждый стремился достигнуть этого образа, и увидел, что они собирались толпами, а те, которым он был доверен, делали маленькие изображения с него и в какой-то обертке раздавали его всем; последние же с благоговением клали его в рот. Тогда я спросил, что это они здесь делают. Мне ответили, что недостаточно рассматривать только снаружи это изображение, но что оно должно пройти внутрь, дабы человек мог преобразоваться в его красоте. Поэтому-то и говорят, что грехи должны уступить этому небесному лекарству. Удовлетворившись этим объяснением, я счел христиан за благословенных людей, раз они имеют такие средства и помощь для победы над злом.

6. Между тем, взглянув на некоторых, которые только что перед этим (как говорили) приняли в себя Бога, я увидел, что они один за другим предаются пьянству, ссоре, грязи, воровству и грабежу. Не веря своим глазам, посмотрел я попристальнее и убедился, что они и вправду пьянствуют и блюют, ссорятся и дерутся, грабят и бьют друг друга и хитростью, и силою, от буйства кричат и прыгают, пляшут, свистят, прелюбодействуют хуже, чем видел я у других; одним словом, я убедился, что они делают все наперекор тому, в чем их наставляли и что они обещались исполнять. Огорченный этим, я с сожалением сказал: "Ради Господа Бога скажите, что это здесь делается?" – "Не удивляйся очень, – ответил толмач. – То, чему предлагают здесь людям следовать, есть ступень совершенства, вступить на которую не каждому позволяет человеческая слабость; те, которые других ведут к

этому, более совершенны, но обыкновенный человек погружен в заботы, не может догнать их". – "Пойдем тогда к этим вожакам, – сказал я, – посмотрю-ка я на них".

7. И привел он меня к тем, которые стояли на ступенях, которые научали людей любить красоту этого образа, но сами, как мне показалось, делали это плохо. Слушал ли и следовал ли их убеждениям кто или нет, им все равно было. Некоторые звонили какими-то ключами, хвастаясь, что имеют власть каждому, кто ослушается, закрыть ворота, через которые ходят к Богу, а между тем никому не закрывали, а если и делали это, то делали как бы в шутку. Кроме того, видел я, они не смели делать этого слишком смело и открыто, потому что, как только кто-нибудь хотел немного построже поступить, на него нападали, что он-де указывает на отдельных лиц. Поэтому некоторые, не смея говорить, письменно боролись против грехов, но и на них кричали, что они распространяют ересь, почему или отворачивались от них, чтобы не слушать, или сгоняли со ступеней, выбирая себе более скромных. Видя это, я сказал: "Глупо желание их в наставниках и советниках иметь своих последователей и льстецов". – "Таков уж свет, – сказал толмач, – и это не мешает. Если бы этим крикунам все было позволено, кто знает, чего бы они не натворили; нужно указать им границу, которой они не могли бы переступить".

8. "Пойдем, – сказал я, – посмотрю, как они дома, вне кафедры, устроили свои дела; думаю, что там, по крайней мере, никто не ограничивает их и не препятствует им ни в чем". Вошли мы туда, где жили священники; я думал, что найду их за молитвой или за изучением таинств, но, к сожалению, нашел, что одни, развалясь в перинах, храпели, другие, сидя за столами, пировали, до дурноты совали и лили в себя, третьи проводили время в пляске и прыгании, иные набивали мешки, сундуки, кладовые, иные занимались прелюбодеянием и пошлостью, некоторые привязывали шпоры и имели дело с кинжалами, шпагами и ружьями, некоторые с собаками гонялись за зайцами, так что за Библией-то проводили меньшую часть времени, а некоторые почти никогда не брали ее в руки, и все-таки назывались учителями слова. Видя это, я воскликнул: "Да сжальтесь же надо мной; неужели таковы должны быть путеводители в рай и примеры добродетели. Найду ли я что-нибудь на свете, в чем не было бы хитрости и обмана?" Некоторые из них, услышав это и поняв, что я жалуюсь на их противозаконную жизнь, начали коситься и роптать на меня; если, дескать, я ищущу ханжей и каких-нибудь показных святых, так искал их в другом месте, они же знают, как исполнять свою обязанность в церкви и как держаться дома и между людьми. Таким образом, я должен был замолчать, хотя отлично видел, что это – безобразие: на ризе носить панцирь, над скуфьей шлем, в одной руке закон, в другой меч, спереди ключи Петра, а сзади кошелек Иуды, иметь ум, наостренный

на Священном писании, сердце, испытанное в религиозных обрядах, язык, полный набожности, а очи – прелюбодеяния.

9. В особенности я обратил внимание на тех, которые очень искусно и набожно умели говорить на кафедре и казались себе и другим не иначе, как ангелами, сошедшими с неба, но в обыденной жизни были так же невоздержны, как и остальные; я не мог удержаться, чтобы не воскликнуть: "Вот трубы, из которых вытекает добро, а в них самих ничего не остается". Толмач сказал мне на это: "И это божий дар – уметь хорошо говорить о божественных предметах". – "Верно, – сказал я, – что это Божий дар, но должен ли он ограничиться одними словами?"

10. Между тем я заметил, что все они имеют над собой начальников (названных епископами, архиепископами, аббатами, настоятелями, деканами, суперинтендантами, инспекторами и т.д.), мужей важных и видных, к которым все питали уважение; я подумал: почему эти начальники не смотрят за порядком среди подчиненных? Желая разузнать причину, я зашел за одним в его комнату, затем за вторым, за третьим, четвертым и т.д. и нашел всех их очень занятыми, так что они положительно не имели времени наблюдать за подчиненными. Занятия же их (кроме некоторых, общих с подчиненными) состояли, как они сами рассказывали, из реестров церковных доходов. Тогда я сказал: "Мне кажется, их по ошибке называют духовными отцами, вернее было бы назвать их доходными отцами". Толмач ответил: "Нужно позаботиться о том, чтобы церковь не потеряла того, чем благословил ее Господь Бог и что даровано ей от признательных предков". В это время один из них с двумя ключами, висящими на поясе (называли его Петром), выступил вперед и сказал: "Мужи, братья, не годится, чтобы мы забыли слово Божие и служили за столами и денежными ящиками; выберем поэтому известных лиц и поручим им эту работу, а сами предадимся молитве и проповеди". Услышав это, я обрадовался, потому что, по моему мнению, это был добрый совет. Но из них никто не хотел понять этого; они считали, принимали, выдавали, а сами опять расходовали; молитву же и проповедь предоставляли другим или исполняли беспечно.

11. Если который-нибудь из них умирал и заботы начальника должны были перейти к другому, я заметил здесь немало заискивания, выглядывания, намеков, подмигиваний: каждый, прежде чем успело остыть место после умершего, торопился снискать себе расположение среди этих начальников. Тот, кто распоряжался свободным местом, собирал от них и о них мнения, которые были очень разнообразны. Один доказывал, что он родственник ему по мужской линии, другой – по женской, третий – что давно уже служит старшим, а потому заслуживает перемены места, четвертый утешался тем, что давно уже имел обещание, пятый, благодаря своему происхождению от знатных родителей, надеялся быть посаженным на почетное место, шестой

предъявлял рекомендацию, выпрошенную где-нибудь в другом месте, седьмой раздавал подарки, восьмой уверял, что имеет глубокие, высокие и широкие знания, требовал места, на котором мог бы показать все это, так что всему этому не было конца. Смотря на это, я сказал: "Ведь это непорядок самому втираться на такие места, а надо бы скромно дожидаться приглашения на них". Толмач ответил: "А что же приглашать нежелающих-то? Кто имеет намерение, тот должен сам объявить". — "А я, в самом деле, предполагал, — снова сказал я, — что при этом надо ожидать Божьего призыва". Он снова заговорил: "Что же, ты думаешь, что Бог с неба призывает кого-нибудь? Призыв Бога есть благоволение старших, которое может заслужить всякий, кто желает иметь место". — "Вижу, — сказал я, — что здесь никого не надо ни искать, ни принуждать к церковной службе, а скорее гнать от нее. Между тем если и надо было искать этого благоволения, то надо было бы искать его так, чтобы каждый добивался его своим скромным, тихим и дельным служением церкви, а не так, как я здесь вижу и слышу. Как бы там ни было, но это непорядок".

12. Увидя, что я твердо стою на своем, толмач мой сказал: "Правда, что в христианской жизни и даже в жизни самих богословов найдется более недостатков, чем где-либо, но и то правда, что и плохо жившие христиане хорошо умирают, так как спасение человека основано не на поступках его, а на вере, и если последняя правильна, то нельзя не достигнуть спасения. Поэтому не горюй, что жизнь христиан нехороша: достаточно, чтобы вера была твердая".

13. "Все ли, по крайней мере, согласны между собою в этой вере?" Он ответил: "Немного разницы и здесь есть, но что ж из того? Все тем не менее имеют одно общее основание". И повели меня за какую-то решетку посередине большого этого храма, где я увидел круглый камень, висящий на цепях; называли его камнем испытания⁴¹. К нему подходили знатные люди, каждый неся что-нибудь в руке, например: кусок золота, серебра, железа, свинца, песка, мякины и т.д.; затем каждый дотрагивался до этого камня тем, что принес, и хвастал, что выдерживает пробу; иные зрители уверяли, что не выдерживает. Из-за этого кричали друг на друга, потому что никто не позволял хулить свое, да и никто не хотел уступить первенство другой вещи; потому-то они ругали друг друга, проклинали, хватали друг друга за волосы, за уши и за что ни попало и дрались. Другие спорили об этом самом камне, какого он цвета. Некоторые доказывали, что он синий, другие — что зеленый, третьи — что он белый, а четвертые — что черный; нашлись даже такие, которые говорили, что он переменчивых цветов: какой предмет приближается к нему, таким он и кажется. Некоторые советовали разбить его и, превратив в пыль, посмотреть, каков он будет; другие не позволяли этого. Некоторые говорили даже, что этот камень возбуждает только ссоры, а потому, чтобы прийти к соглашению, его надо снять и удалить; к их мнению присоединилась

большая часть и самые знатные между ними, другие же осуждали эту мысль, говоря, что они охотнее лишатся жизни, нежели допустят это. Когда ссора и драка стали более общими, видно было, как многие были избиты, а камень все-таки остался на своем месте. Он был круглый и очень гладкий, и кто бы ни брался за него, не мог удержать его: он тотчас же выскальзывал из рук и продолжал свои вращения.

14. Выйдя из ограды, я увидел, что вокруг этого храма находится много часовен, куда входили те, кто не мог прийти к соглашению у камня испытания, и за каждым из них тянулась толпа народа; первые давали последнему предписания, как и чем отличаться друг от друга. Одни отличались тем, что были отмечены огнем и водой, другие всегда имели наготове изображение креста в горсти или кармане, другие носили с собой вместе с тем славным изображением, на которое все должны были смотреть, еще сколь возможно больше маленьких изображений, для большего совершенства; иные, молясь, не становились на колени, считая это фарисейским обычаем, иные не терпели музыки как веселой вещи; иные никому не позволяли учить себя, а довольствовались внутренним откровением; одним словом, обозревая эти часовни, я всюду видел какие-то особые предписания.

15. Одна из часовен была больше и прекраснее всех, блестела золотом и драгоценными камнями, и в ней слышался звук веселых инструментов. Туда повели меня и советовали особенно посмотреть, потому что в ней богослужение лучше, чем где-нибудь. Действительно, по стенам висели какие-то фигуры, указывающие, как попасть в рай. Некоторые были нарисованы делающими себе лестницы; они представляли их к небу и поднимались по ним; некоторые сносили холмы и горы, чтобы по ним подняться вверх; иные делали крылья и привязывали их себе, другие, наловив крылатых животных и связав несколько их вместе, привязывали себя к ним, надеясь вместе с ними полететь, и т.д. Много здесь было священников в разнообразных одеяниях, которые показывали и хвалили народу эти фигуры, выучивая притом самым разнообразным способом, как отличаться от других. Один из них сидел на высоком троне, разодетый в багрянец и золото, и раздавал ценные дары верным и послушным. И мне здесь показался порядок лучше и красивее, нежели где-нибудь. Но когда я заметил, что они осуждают другие секты, страшно угнетают их и все их действия бранят и преследуют, то почувствовал подозрение к этому, в особенности видя, что при несмелых ответах и защите они обманчиво привлекали к себе людей, принуждая их камнями, водою, огнем и мечом или золотом. Мало того, между самими ими видел я много распрей, ссор, зависти, старания столкнуть друг друга с места и другие беспорядки. Поэтому оттуда я пошел посмотреть на тех, которые называли себя обновленными⁴².

16. И вот я заметил, что некоторые из тех часовен (две, три,

находящиеся близко одна от другой) сговорились быть заодно; но никак не могли отыскать ни одного способа, как бы поравняться между собой, так как каждый, что забрал себе в голову, на том и уперся, стараясь и других убедить в том же. Некоторые, поглупее, держались того, что им напели в уши, другие – похитрее, как видели где выгоду, так и переходили туда и опять уходили, так что я очень сожалел об этом странствовании любезных мне христиан⁴³.

17. Но были тут и такие, которые не вмешивались в эти беспорядки, но ходили молча, тихо, как бы в раздумье, взирая на небо и будучи приветливы ко всем; и были они невзрачные, бедные, изнуренные постом и жаждой. Над ними смеялись, кричали и свистали вслед им, толкали и дразнили их, подавали крюк, подставляли ножку и проклинали их; они же ходили среди последних как слепые, глухие, немые. Когда я увидел, что они входили и выходили в особенное отделение на клиросе, и хотел пойти туда и посмотреть, что у них там, толмач остановил меня и сказал: "Что тебе там делать! хочешь, что ли, также служить посмешищем? нашел куда стремиться". Так я и не пошел. Но увы, я не заметил, сбитый с толку своим несчастным *Обманом*: здесь я пропустил центр неба и земли и дорогу, ведущую к полноте радости; и снова повели меня окольными дорогами по лабиринту света, пока мой Бог не спас меня и не привел снова на дорогу, потерянную на этом месте; когда и как это случилось, расскажу потом. Но тогда я не подумал об этом, напротив, в поисках за одним только внешним спокойствием и удобством я спешил рассмотреть свет в других местах.

18. Не умолчу о том, что еще случилось со мной в этой улице. *Вездесущ* мой уговаривал меня, чтобы я поступил в духовный сан, уверяя, что уже самою судьбою я назначен в это сословие, и я сам сознаюсь, что у меня была склонность к тому, хотя не все обычаи священников нравились мне. Тем не менее я поддаюсь увещаниям, беру клобук и капюшон, вхожу туда и сюда рядом с другими на ступеньки, пока не определили мне собственную. Но, оглядываясь на них, я заметил, что некоторые повернулись ко мне спиной, другие качали головой, третьи косились на меня, четвертые грозили пальцем, а пятые указывали вилы. В конце концов, некоторые, набросившись на меня, согнали и поставили другого с угрозой, что этого еще для меня недостаточно. Испуганный, я побежал к своим проводникам и воскликнул: "О я несчастнейший человек на этом свете! ведь после этого все пропало". – "Без сомнения, – сказал толмач, – потому что ты не остерегаешься, чтобы не вооружить людей против себя. Кто хочет быть с людьми, тот должен приноравливаться к людям, а не так, как ты, везде сглула рубить с плеча". – "Я, право, не знаю, – сказал я, – тогда я лучше все брошу". – "Нет, нет, – возразил толмач, – нельзя отчаиваться. Не можешь быть тем, будешь чем-нибудь другим. Пойдем только, посмотрим дальше", – и, взяв меня за руку, повел.

Глава XIX

Путешественник обозревает сословие правителей

1. Мы пришли в другие улицы, где я увидел со всех сторон много высоких и низких стульев; на них сидели так называемые: войты, бургомистры, губернаторы, регенты, канцлеры, судьи, милостивые короли, князья, господа и т.д. Толмач обратился ко мне: "Ну, теперь ты видишь людей, которые при распрях чинят суд и милость, наказывая злых, охраняя добрых, и таким образом поддерживают порядок в мире". – "Конечно, это – прекрасная вещь и, думаю, необходимая для человеческого рода, – сказал я. – Откуда же берутся такие люди?" Он ответил: "Некоторые рождаются для этого, другие правителями или обществом избраны из тех, которые были признаны мудрейшими, самыми опытными и лучшими знатоками справедливости и законов". – "Это – хорошо", – сказал я.

2. В эту минуту мне пришлось взглянуть на них, и я заметил, что некоторые покупают места, другие выпрашивают, третьи приобретают их лестью, четвертые самовольно садятся, и, видя это, я воскликнул: "Ай, ай, непорядок!" – "Молчи, забавник, – сказал толмач, – а то худо будет, если они услышат". Я спросил: "А почему же они не ждут, чтобы их выбрали?" – "Да ведь они, без сомнения, известные люди и к тому же знакомы с этим делом, а раз другие признают их такими, тебе-то что?"

3. Тогда я замолчал и, поправив себе очки, посмотрел на них внимательно и увидел необыкновенную вещь: редко который из них имел все члены, почти у каждого недоставало чего-нибудь необходимого. У некоторых не было ушей, которыми могли бы они выслушивать жалобы своих подданных, у других не было глаз, которыми могли бы видеть беспорядки перед собою, у третьих не было носа, которым могли бы вынюхать плутовские противозаконные уловки, у четвертых не было языка, которым можно было бы говорить за бессловесных угнетенных, у пятых не было рук, которыми могли бы выполнить суд правый, многие не имели даже сердца, чтобы исполнить то, что указывает справедливость.

4. Которые же все это имели, так те, как я заметил, были очень жалкие, несчастные люди, потому что к ним беспрестанно набегало множество людей, и они не могли спокойно ни поесть, ни поспать, тогда как первые больше чем наполовину вели спокойный образ жизни. Я спросил: "Но почему же суд и права доверяются таким людям, которые не имеют необходимых для этого членов?" Толмач ответил, что на самом деле это не так, как мне кажется. "Ведь пословица говорит: *Qui nescit simulare, nescit regnare*⁴⁴. Кто управляет другими, тот частенько не должен ни видеть, ни слышать, ни понимать, хотя бы и видел, и слышал, и понимал. Ты же, как не сведущий в

политических делах, этого не понимаешь". — "А по моему мнению, — сказал я, — у них нет того, что должно бы быть". — "А я тебе говорю, — закричал толмач, — замолчи: коли не перестанешь умничать, очутишься там, куда и не хочешь попасть. Не знаешь, что ли, что за клевету на судей хватают за горло". Таким образом, я принужден был замолчать и стал смотреть на все спокойно. Конечно, я не могу рассказать всего, что особенно заметил на том или ином *стуле*; упомяну только о двух случаях.

5. Внимательнее я остановился на сенаторском суде; тут я заметил такие имена судей: *Безбожник*, *Ссоролуб*, *Себялюб*, *Златолуб*, *Малознай*, *Предубежденный*, *Златомил*, *Даробер*, *Неопытен*, *Слухосуд*, *Легкомысл*, *Поспех*, *Коекак*; председатель над всеми и наивысший судья или начальник был *Хочутак*. По этим именам я быстро начал догадываться, что это были за судьи; впрочем, я имел случай убедиться в этом на деле. На *Правду* жаловалась *Ревность*, что первая оклеветала будто бы некоторых добрых людей, назвав их лихоимцами, скрягами, пьяницами, обжорами и т.д. Приведены были свидетели: *Клевета*, *Ложь*, *Измена*. Защитниками были, с одной стороны, *Лесть*, с другой — *Болтун*, на счет которых *Правда* говорила, что их не нужно. Будучи допрошена, знала ли, что на нее поступила жалоба, она отвечала: Знала, милые судьи, — и прибавила: Стою я здесь и ничего не могу сказать, как только: помоги мне Бог. Тогда, сойдясь вместе, стали собирать голоса. *Безбожник* сказал: Хотя все так, как говорит сия женщина, но зачем это болтать? Оставим ее без наказания, так и нас она будет язвить своим языком, предлагаю наказать ее. *Ссоролуб*: Конечно, если бы одному это так прошло, то и другие захотели бы, чтобы и к ним также относились снисходительно. *Слухосуд*: Я, собственно, не знаю, как было дело, но раз *Ревность* придает такое большое значение ему, то я думаю, что она действительно страдает, да будет *Правда* виновата. *Предубежденный*: Я уже раньше знал, что эта болтуня все, что знает, разбалтывает; нужно прищемить ее язык. *Себялюб*: Оскорбленная — моя добрая знакомая; ради меня, по крайней мере, нужно пожалеть ее и не допускать бесчестить ее так. *Правда* достойна наказания. *Златолуб*: Вы знаете ведь, какие щедрые доказательства привела *Ревность*, нужно защитить ее. *Даробер*: Так мы были бы неблагодарны, если бы *Правда* не была осуждена. *Неопытен*: Я подобного примера не знаю; что *Правда* заслужила, пусть и терпит. *Малознай*: Я этого не понимаю; как рассудите, в таком духе и я дам свое решение. *Коекак*: Как обыкновенно, я присоединяюсь к мнению каждого. *Легкомысл*: Может быть, лучше отсрочить процесс, чтобы все само собою после выяснилось. *Поспех*: Все равно, лишь бы скорее приговор! *Председатель суда*: Конечно, на кого нам смотреть? чего хочет *Справедливость*, то и должно быть. И встав, объявил резо-

люцию: Так как эта болтливая женщина вдалась в столь непристойные дела, всячески старалась тереться около добрых людей, то для укрощения ее скверного языка и в пример другим дать ей 40 пощечин без одной; такой приговор ей объявить. Тогда *Ревность* с прокурором и свидетели, поклонившись, за справедливое решение принесли благодарность и то же приказали сделать *Правде*, но она стала плакать и ломать себе руки. За неуважение к закону приказали увеличить ее наказание и, схватив, повели ее на казнь. Увидев эту вопиющую несправедливость и не будучи в состоянии удержаться, я воскликнул: "Ах, если все таковые судьи бывают на свете, то помоги мне, всемогущий Боже, ни самому быть судьей, ни судиться с кем-нибудь". – "Молчи, сумасшедший, – сказал толмач, зажав мне рукою рот. – Даю тебе слово, что ты до того же, если до чего-нибудь не хуже, договоришься". И вдруг *Ревность* с *Лестью* начали призывать свидетелей против меня. Увидев это и испугавшись, не знаю, как уж, едва переведа дух, вылетел я оттуда.

6. Вздохнув перед этим судилищем, протер я глаза и увидел, что много народа приходит с рапями к суду и тотчас им навстречу бегут поверенные (*Болтун*, *Лесть*, *Кривовед*, *Правоискатель* и др.) и предлагают свои услуги, посматривая главным образом не на что-нибудь, касающееся процесса, а на кошелек. Каждый заботливо носил свой закон (чего я не видел между теологами) и тут же смотрел в него. На некоторых экземплярах я видел надпись: "Земское обжорство", на других: "Хищное земское обманывание"⁴⁵. Больше не хотелось смотреть на это, и, вздыхая, я ушел оттуда.

7. *Всевед* сказал мне: "Еще лучшее осталось. Пойди, посмотри на управление королей, князей и других, наследственно господствующих над подданными; конечно, это тебе понравится". Опять мы пошли куда-то, и я заметил, что названные лица сидели на высоких и широких стульях; редко кто мог подойти к ним и достать до них, кроме как по приспособлениям. Каждый из них вместо ушей имел какие-то длинные трубы с обеих сторон, в которые и должен был шептать всякий, кто хотел сказать им что-нибудь, но трубы эти искривлены и дырявы: много слов, прежде чем дойти до головы, мимо выбегали вон, а которые и доходили, так доходили по большей части искаженными. Отсюда я понял, что не всегда давался жизненный ответ спрашивающим, что иной хоть и достаточно громко кричал, все же не мог докричаться до мозга, иногда и давался ответ, но ни к селу, ни к городу. Подобным образом и вместо глаз и языка были трубы, через которые вещь представлялась не в том виде, какою она была на самом деле, и ответ получался совсем в ином духе, нежели желал и думал сам владыка. Сообразив это, я спросил: "Но почему же они не уберут прочь эти трубы и не смотрят просто, обыкновенными глазами, как другие люди, не отвечают языком, не слушают ушами?" – "Вследствие

высокого положения лиц и достоинства места должны быть такие околичности, – сказал толмач. – Что это – мужики, что ли, по моему мнению, чтобы каждый мог тереться около их глаз, ушей, языка?"

8. Тогда я увидел, что некоторые ходят кругом трона; одни помимо этих труб что-то дуют владыкам, другие насаживают на глаза разные цветные очки, третьи что-то курят под нос, четвертые складывают и прикладывают руки, пятые связывают ноги и снова распускают, шестые поправляют под ними трон и т.д. Увидев это, я спросил, кто это такие и что они делают. Толмач ответил мне: "Это – тайные советники, они информируют королей и великих владык". – "Я бы этого не вытерпел, если бы был на этом месте, – сказал я, – потому что я хотел бы быть свободным в своих движениях и поступках". – "Ни один человек, – возразил толмач, – не может положиться на себя, да этого и нельзя позволить ему". – "Эти великие владыки, будучи так связаны, что ничего не могут делать иначе, как по желанию других, более несчастны, чем простые мужики", – сказал я. "Но зато их существование более надежно, – ответил толмач. – Погляди-ка вон на тех!"

9. Я оглянулся и увидел, что некоторые не позволяли муштроваться себя, гнали прочь этих "информаторов", что вполне соответствовало моему желанию. Но скоро я заметил другие недостатки. Вместо немногих прогнанных явилось много других, которые пытались дуть владыке в уши, в нос, в рот, различно закрывать и открывать глаза, вытягивать туда и сюда руки и ноги; каждый только что пришедший хотел навести и натолкнуть на то, на чем сам уперся, так что иной несчастный владыка не знал, что делать, кому уступить, кому противодействовать и как все сделать хорошенько. Я сказал: "Теперь я вижу, что лучше довериться нескольким избранным, чем быть мячиком для всех. А что, разве нельзя как-нибудь иначе устроить это?" – "Как же устроить? – сказал Толмач. – Само призвание это влечет с собой необходимость принимать от всех иски, жалобы, просьбы, апелляции, основания и последствия и во всем поступать справедливо. Если только они не хотят быть похожи еще вот на этих!"

10. И указал мне несколько таких владык, которые никому не позволяли близко подступать к ним, кроме тех, которые заботились бы об удобствах их и удовлетворяли бы их прихотям. Около них, видел я, вертелись люди, которые гладили их рукой, охорашивали, подкидывали подушки, ставили перед глазами зеркала, делали веером ветер, собирали перья и сор, целовали одежду и башмаки, рассчитывая все на будущее; некоторые даже лизали выплюнутые владыкой слюну и сопли, похваливая, что сладко. Мне и это не понравилось, в особенности когда я заметил, что почти у каждого такого владыки трон колебался и, прежде чем можно было предвидеть, падал с ним, так как не было более прочных подпорок.

11. В это время случилось так, что у одного из владык трон по-

шатнулся, разломался и упал на землю. Событие это произвело шум в народе; оглянувшись, посмотрел я – а они ведут себе другого и сажают на трон, надеясь на то, что будет иначе, чем раньше, и, испуская крик радости, утверждают и укрепляют под ним трон, кто только чем мог. Так полагая, что для общей пользы нужно помочь (ибо так говорили), подошел и я с тем намерением, чтобы вбить клин или два; одни похвалили меня за это, другие злобно посмотрели. В это время павший было владыка собрался вместе со своими приверженцами и с палкой напал на нас, ударил в толпу, так что она вся рассыпалась и некоторые свернули себе шею. Преисполненный страха, я не мог опомниться, пока мой *Всевед*, услышав, как спрашивали, кто больше помогал посадить на трон нового князя и укреплял его, не дотронулся до меня, давая этим знать, чтобы я утекал подобра-поздорову. Но *Обман* говорил, что этого не нужно. Пока я раздумывал о том, кого из них послушать, вдруг мне попало палкой, которою размахивали около меня, и я убежал, наконец, в толпу⁴⁶. Тогда понял я, что и сидеть на этих тронах, и находиться около них, и прикасаться к ним, так или иначе, небезопасно. Поэтому я тем охотнее ушел оттуда с мыслью, что вряд ли когда вернусь сюда, как и проводникам своим сказал: "Пусть кто хочет достигает этих высот, только не я".

12. В особенности потому, что убедился, что хотя все такие хотели называться правителями света, однако всюду был полный беспорядок, ибо допустил ли владыка к себе подданных сам лично или с помощью труб, сам или с помощью других производил следствие, все равно я видел кривды столько же, сколько и правды, столько же слышал вздохов и жалоб, сколько и веселости. Я отлично понял, что справедливость смешивается с несправедливостью и сила с правом, что ратуши, судебские комнаты, канцелярии суть мастерские столько же несправедливости, сколько и справедливости, а те, которые титулуют себя охранителями порядка в свете, бывают столько же защитниками беспорядка (и гораздо чаще), сколько и порядка. Подивившись тому, как много это сословие скрывает в себе тщелюбия и бед, я благословил их и ушел оттуда.

Г л а в а XX

Сословие солдат

1. Потом мы пришли в последнюю улицу, где сейчас же на первой площади стояло немало людей, одетых в красную одежду. Подойдя поближе к ним, я слышал, что они сговариваются о том, как бы дать крылья смерти, чтобы она во мгновение ока могла проникать издалека так же, как и вблизи. Советовались также, как бы разорить в один час

то, что было устраиваемо в продолжение многих лет. Я испугался таких речей, потому что до сих пор все, что я видел из человеческих действий, были только речи и заботы о производстве людей и размножении, об удобствах человеческой жизни, а эти советовались об уничтожении жизни и удобств человеческих. Толмач ответил: "И их стремление такое же, но несколько иным путем, именно: посредством уничтожения того, что служит помехой. Потом ты поймешь это".

2. Мы подошли к воротам, где вместо привратников я увидел каких-то людей, стоящих с барабанами; у каждого желающего войти туда они спрашивали, есть ли кошелек. Когда тот показывал и открывал его, то насыпали туда денег и со словами: "за эту кожу заплачено", –

3. впустив в какой-то склеп, через несколько времени выводили его оттуда обложенного железом и огнем и приказывали идти дальше на площадь.

Ужасно хотелось мне посмотреть, что есть в этом склепе, и поэтому перво-наперво я пошел туда; по всем сторонам – даже не видно было конца – и по земле здесь были такие огромные, что на нескольких тысячах возов не увез бы, кучи различных орудий жестокости из железа, свинца, дерева и камня для того, чтобы ударять, сечь, резать, толкать, рубить, колоть, разрывать, жечь; у меня даже мороз по коже пошел, и я воскликнул: "Для какого чудовища эти приготовления?" – "Для людей", – ответил толмач. "Для людей?! А я думал, что для какого-нибудь хищного зверя и для отъявленных жестоких мошенников. Но ради Бога скажи, что же это за жестокость, если люди для людей придумывают такие ужасные орудия?" – "Чего ты так нежничаеть?" – сказал он и засмеялся.

4. Выйдя оттуда, мы пришли затем на самую площадь, где я увидел стада этих людей, одетых в железо, с рогами и когтями, прикрепленных кучей друг к другу, лежащих у каких-то корыт и чанов, туда им сыпали и лили еду и питье, а они один перед другим лакали и жрали. "Что здесь, свиней откармливают на убой?" – спросил я. – Хотя я вижу образ человеческий, но поведение свинское". – "В этом удобство этого сословия", – сказал толмач. Они же, вставши от корыт, пустились в пляс и скок, на что толмач обратил мое внимание: "Ну, видишь ли роскошь этой жизни: о чем им беспокоиться?! Разве не весело здесь?!" – "Подожду, что дальше будет", – сказал я. Они же между тем разбежались требовать контрибуций у людей другого сословия, у кого ни попало. Затем, развалясь, они занимались мужеложством и мерзостью без всякого стыда и богобоязни, так что я покраснел и сказал: "Этого-то уж нельзя бы им позволять". – "Но приходится позволять, – сказал толмач, – ведь это сословие желает иметь всякого рода вольности". Они, усевшись, снова принялись за обжорство, а нажавшись и напившись до отупения, бросились на землю и захрапели.

Потом их вывели на плац, где на них падал дождь, снег, град, мороз, вьюга и всякая грязь, где они мучались жаждою и голодом, так что многие дрожали, тряслись, шатались, мерзли, отдавали себя на съедение вшам, собакам и коршунам. Иные ни на что не обращали внимания и продолжали свою бесстыдную жизнь.

5. Вдруг ударили в барабаны, зазвучала труба и поднялся шум и крик; и вот каждый, поднявшись и схватив резаки, тесаки, кинжалы и кто что имел, без всякого сожаления стали ударять этими орудиями друг друга, так что брызнула кровь, стали рубить и колоть друг друга хуже, чем самые жестокие разбойники. Шум возрастает здесь со всех сторон, слышен топот коней, шум панцирей, бряцание мечей, грохот стрельбы, свист пролетающих мимо ушей стрел и пуль, звук труб, треск барабанов, крик победителей, крик раненых и умирающих; тут видно страшное оловянное градобитие, здесь слышно страшное огненное сверкание и гром, здесь то у того, то у другого летит прочь рука, голова, нога; один через другого падает, и все плавает в крови. "О всемогущий Боже! Что это делается? – сказал я. – Неужели должен погибнуть этот свет?" Едва опомнившись, не знаю, как и куда попал я с этой площади, и, собравшись немного с духом, но трясясь еще всем телом, спросил своих проводников: "Куда же вы привели меня?" Толмач ответил: "Ну тебя, размазню! человеком быть – значит дать возможность почувствовать свои силы". – "Что же сделали они друг другу?" – спросил я. "Господа поссорились между собою, так нужно уладить это дело". – "И что же, они улаживают его?" – "Конечно, – ответил он, – ибо кто же должен равнять великих господ, королей и королевства, которые не имеют над собою судей? Они сами должны решить это между собою мечом. Кто лучше станет драться железом с другим и повалит огнем, тот свое и поставит на верх". – "О варварство, скотство! – воскликнул я. – Разве не было бы других средств к примирению. Свирепым мошенникам, а не людям свойственно так мириться".

6. В это время я увидел, как уводят и уносят с поля битвы немало людей с отстреленными руками, ногами, головой, носом, с пробитым пулею телом, разодранной кожей; все это обезображено кровью. Когда я с тоскою едва в состоянии был смотреть на это, толмач сказал: "Все это заживет, воин должен быть привыкши к войне". – "А что, – спросил я, – будет с теми, которые свернули себе там шею?" Он на это ответил: "За их кожу заплачено". – "Как же это?" – спросил я. "А разве ты не видел, какое им удобство сначала было предоставлено?" – "А зато какие неудобства они должны были претерпеть! Тем не менее, хотя бы даже самые роскошные наслаждения предшествовали этому, все-таки жалок человек, который за то, что позволил прокормить себя, должен нести себя тотчас же на бойню. Мне противно это сословие, что бы в нем ни было, я не хочу и не хочу, пойдем отсюда".

Глава XXI

Сословие рыцарское

1. "Посмотри, по крайней мере, – обратился ко мне толмач, – какая честь тому, кто держится по-геройски и пробивается сквозь мечи, копья, стрелы и пули". Итак, повели меня в какой-то дворец, где я увидел человека, сидящего под балдахином и призывающего пред свои очи тех, которые оказались храбрее. И приходили многие, неся с собою черепа и ножные кости, ребра, кисти рук, мешки и кошельки с золотом, отнятые и отрубленные у врагов; за это они получали одобрение, и тот, который сидел под балдахином, давал им что-то раскрашенное и какие-то, не в пример прочим, льготы; они, надев это на жердь, носили всем на удивление.

2. Видя это, другие, не только из воинов, как раньше, но даже из ремесленников и ученых, тоже подходили, но, не имея, как первые, шрамов или отнятых у врагов вещей, которые могли бы показать, вынимали и предъявляли свои собственные кошельки или отметки, сделанные ими в книгах; и им давалось такое же отличие, как и первым, но обыкновенно более роскошные знаки, и их впускали в высший зал.

3. Войдя вслед за ними, я увидел множество их прогуливающимися, с перьями на голове, с заостренными пятками и боками, покрытых медью. Я не посмел подойти близко, да и хорошо сделал, ибо сразу заметил, что некоторым, слоняющимся между ними, не во всех отношениях было хорошо. Некоторые слишком близко прикасались к ним, некоторые недостаточно низко сгибали колена перед ними, некоторые не умели достаточно правильно высказать титул; вследствие всего этого между ними происходили кулачные схватки. Опасаясь этого, я стал проситься уйти оттуда. Но *Всевед* сказал: "Рассмотри все это еще получше, но будь осторожен".

4. Тогда я посмотрел издали, какова могла бы быть деятельность их, и увидел, что их работа, сообразно со свободою того сословия, как говорили, состоит в том, чтобы идти по проторенной дорожке, перевешивать две ноги через коня, гонять борзых на зайцев и волков, заставлять мужиков работать, запирают их в башню и опять выпускают их оттуда, сидеть за длинными столами, уставленными блюдами, и держать под ними как можно дольше ноги, уметь шаркать ногами и целовать пальцы, перебирать искусно пешки и игральные кости, нахально, без всякого стыда болтать о пошлых вещах и т.п. Как рассказывали, у них были привилегии, благодаря которым все, что бы они ни сделали, считалось благородным, и никто, исключая дворян, не смел заводить с ними сношений. Некоторые сообща измеряли свои щиты, сравнивая один с другим, и чем старше и подержаннее был который из них, тем большую он имел ценность; а кто носил новый

чит, над тем покачивали головой. Я увидел там еще кое-что и другое, что мне казалось странным и несуразным, но всего рассказывать не смею. Скажу только, что, вдоволь насмотревшись на эту суету их, я снова стал просить своих проводников уйти отсюда и получил согласие.

5. Когда мы шли, толмач сказал мне: "Ну, теперь ты рассмотрел уже человеческие занятия и тщетные усилия, и ничего тебе не понравилось, так как ты, вероятно, предполагаешь, что, кроме труда, эти люди ничего не имеют; но знай, что все те занятия суть дорога к отдыху, к которому в конце концов придут все те, которые не жалели себя в работе, т.е. когда они достигнут имений, богатства, или славы и уважения, или удобства и роскоши, тогда мысль их должна будет найти то, на чем можно вполне успокоиться. Поэтому мы поведем тебя к замку утешения, чтобы ты увидел, какова цель людского труда". Я обрадовался этому, надеясь найти там отдых для мысли и удовольствия.

Глава XXII

*Путешественник очутился среди журналистов*⁴⁷

1. Когда мы подходили к городским воротам, я увидел на площади толпу людей, и *Всевед* сказал: "Эге, мимо этих-то мы не должны пройти". – "Что они тут делают?" – спросил я. Он ответил: "Пойди и взгляни".

Вошли мы посреди них, а они, стоя по двое, по трое, один против другого вертят пальцами, качают головами, бьют в ладоши, чешут за ухом, наконец, одни ликуют, а другие плачут. "Что это здесь делается? – спросил я. – Вероятно, комедию какую-нибудь играют?" – "Какая здесь игра?! – ответил толмач. – У них здесь происходят такие дела, которые заставляют их удивляться, смеяться, сердиться, смотря по обстоятельствам". – "Мне бы очень хотелось знать, – сказал я, – что это такое и чему они так удивляются, чему смеются, на что сердятся?" Взглянув в это время, я увидел, что они возятся с какими-то свистульками и, один к другому наклонясь, свистят на ухо; если который свист был приятный, то плясали; если же какой-нибудь скрипучий, горевали.

2. Но то удивительно было для меня, что звук одних и тех же свистулек одним так сильно нравился, что они не могли удержаться, чтобы не прыгать, другим же казался таким скверным, что они зажимали уши и убегали в сторону или слушали и, расчувствовавшись, плакали навзрыд. И сказал я: "Это что-то противоестественное, если одна и та же свистулька одним так сладко, а другим так жалостно

звучит". Толмач ответил: "Причиной тому разница не звука, а слуха; точно так же, как одно и то же лекарство имеет на пациента не одинаковое действие, смотря по тому, какая болезнь, так и здесь; какова у него внутри страсть или склонность к вещам, таковой получается изнутри и звук, сладкий или горький".

3. "А где же берутся эти свистульки?" – "Отовсюду приносят их, – ответил он. – Разве ты не видишь продавцов?" Я поглядел и увидел тут нарочно предназначенных для этой цели и пеших, и конных, которые разносили эти свистульки. Многие из них ездили на быстрых конях, и от них многие покупали, другие ходили пешком, некоторые даже на костылях, и от этих разумные покупали охотнее, говоря, что они бывают надежнее.

4. Не только смотрел я их, но и слушал их, останавливаясь то там, то здесь, и понял, что и в самом деле есть что-то приятное в том, что слышишь разнообразные со всех сторон доносящиеся голоса. Не нравилось же мне, что некоторые вели себя не миролюбиво, скупая все, что только могли достать, свистульки, и, немного поиграв на каждой, опять бросали прочь. Тут были люди из различных сословий; редко сидя дома, они всегда подкарауливали здесь на площади, насторожив уши, где что пискнет.

5. Мне не понравилось это тем более, что я увидел бесполезность этих занятий, ибо очень часто разносилось грустное известие, так что все становились печальны, но минуто спустя звучало другое, и страх сменялся смехом. Опять некоторые свистульки звучали так приятно, что все ликовали и плясали, и сейчас же вслед за этим звук их стихал или превращался в грустное скрипение; так что тот, кто справлялся по ним, иногда чему-нибудь напрасно радовался, иногда чего-то пугался и все это попусту. Было поэтому чему смеяться, если люди сами поддаются на обман при всяком дуновении ветра. Поэтому я хвалил тех, которые, пренебрегая такими удовольствиями, смотрели больше за своей работой. Но опять-таки я заметил неудобство в том, что тому, кто не обращал внимания на свист, откуда-то попало что-то на шею.

6. Наконец, я заметил и то, что с этими свистулками обходиться как вздумается тоже небезопасно. Вследствие того, что известия воспринимались различными ушами различно, возникали несогласия и драки, что и мне лично пришлось испытать. Попалась мне в руки одна резко звучащая свистулька, и я подал ее рядом стоящему; но другие, взяв ее от нас, швырнули оземь и растоптали, накинувшись на меня, что я распространяю такие вещи; поэтому, видя, что они пришли в бешенство, я должен был бежать. Так как мои провожатые все утешали меня замком *Фортуны*, то мы и отправились туда.

Глава XXIII

Путешественник обозревает замок Фортуны, и прежде всего вход в него

1. Когда мы пришли к этому милому замку, то прежде всего я увидел толпу людей, сбегающих со всех улиц города, бродящих кругом и высматривающих, как бы им попасть наверх. В этот замок вели единственные высокие и узкие ворота, но они были разрушены, завалены, поросли тернием; назывались они, по-моему, Добродетелью. Мне сказали про них, что они были выстроены в давние времена исключительно только для входа в замок, но вскоре потом по какому-то случаю их завалили. Затем понастроили других, поменьше, а их оставили, потому что проходить сквозь них было слишком круто, неприступно и неудобно.

2. Поэтому стены были проломаны и наделано с обеих сторон несколько ворот, рассматривая которые я увидел надписи: укрывательство, ложь, лесть, несправедливость, лукавство, насилие и т.д.; но когда я называл все это так, то входившие слышали меня, роптали, хотели сбросить вниз, так что я принужден был замолчать.

Таким образом, наблюдая, я увидел, что некоторые лезли теми старыми воротами через мусор и терние; одни пролезали, другие – нет; тогда последние опять возвращались к нижним воротам и через них уже проходили.

3. Вошел тоже и я и увидел, что здесь еще не замок, а только площадь, на которой множество народа, со вздохом взирающего кверху. Когда я спросил, что это они тут делают, то получил ответ, что они ждут ласкового взгляда госпожи *Фортуны* и пропуска в замок. "А что, разве еще не все из них туда проберутся? все ради этого усердно работали". Толмач ответил: "Стараться может всякий, как он знает и может, но в конце-то концов от *Фортуны* зависит, кого она хочет или не хочет принять к себе. Можешь посмотреть, как это происходит". И я увидел, что выше там нет никаких ни лестниц, ни ворот, а только какое-то колесо, беспрестанно поворачивающееся; кто за него уцепился, тот был поднимался кверху, на помост, и только тогда уже принимала его там госпожа *Фортуна* и пропускала дальше. Внизу не всякий, кто хотел, мог схватиться за колесо, а только тот, которого привела к нему и посадила на него женщина, чиновница г-жи *Фортуны*, именем *Случайность*; у всякого другого руки соскальзывали. Эта *Регентша*, *Случайность*, ходила в толпе, и кого случалось ей коснуться, того она и усаживала за колесо. Остальные всячески старались вертеться перед ее глазами, протягивали руку, просили, указывая на свои потерянные труды, пот, мозоли, шрамы и другие доказательства своих заслуг. Но я того мнения, что она просто-напросто была глуха и слепа и потому ни на кого не смотрела и не обращала никакого внимания на просьбы.

4. Тут много было лиц из разных сословий, которые, как я видел с самого начала, следуя своему призванию, трудились в поте лица, чтобы пройти через ворота нравственности или через боковые ворота, и все-таки не могли дожидаться счастья; другой, может быть, вовсе и не думавший о счастье, был схватываем за руку и возносим наверх. Из тех же претендентов на счастье многие очень горевали, что для них не хотела прийти очередь, так что иной уже поседел ждавши; некоторые впадали в отчаяние и, потеряв надежду на счастье, возвращались снова к своим занятиям; некоторые, размышлявшие, вторично лезли к замку, стараясь и глазами, и руками обратить на себя внимание г-жи *Фортуны*. Таким образом, с какой стороны ни смотрел я на них, все находил привычки их грустными и жалкими.

Глава XXIV

Путешественник обзирает нравы богачей

1. После этого я сказал своему проводнику: "А с удовольствием взглянул бы я, что там наверху и какие почести оказывает госпожа *Фортуна* своим гостям". — "Хорошо", — сказал он, и, прежде чем я успел сообразить что-нибудь, вознесся вместе со мной наверх, где госпожа *Фортуна*, стоя на шаре, раздавала короны, скипетры, державы, цепи, застежки, мешки, титулы и имена, мед и пряности и только потом уже пускала дальше наверх. Поглядел я на постройку замка, который был о трех этажах, и увидел, что некоторых лиц уводят в нижние, других в средние, третьих в верхние комнаты. Толмач сказал: "Внизу здесь те, которых госпожа *Фортуна* отличила деньгами и имуществом, в средних комнатах те, которых она кормит роскошью, в верхних палатах те, которых она окружает славой, чтобы другие смотрели на них, хвалили и уважали. Некоторым она уделяет и то и другое и даже все три блага; и такие могут прохаживаться, где им угодно. Видишь, какое счастье тому, кому удастся попасть сюда".

2. "Ну, так пойдем прежде всего хоть в эти комнаты". Пошли мы в нижние склепы, а там темно и не весело, так что я сначала положительно ничего не видел, а только слышал какое-то бряцание и чувствовал запах тухлятины, шедший из всех углов. Когда немного стало проясняться у меня в глазах, я увидел множество лиц разного сословия; они ходили здесь, стояли, сидели, лежали; на ногах у каждого были оковы, а руки были связаны цепью; некоторые, кроме того, имели цепь на шее, а на спине какую-то тяжесть. Я ужаснулся и воскликнул: "Ради самого короля, что же это такое? Разве мы пришли в тюрьму?" Толмач ответил, смеясь: "Какой ты неразумный! Ведь это дары госпожи *Фортуны*, которыми она осыпает своих любимых сынов". Рассматривая эти дары у одного, другого, третьего, я видел

стальные оковы, железные цепи, оловянную или глиняную корзину. "Какие же это дары, – сказал я, – я не стал бы и говорить о них". – "Глупец, ты на все смотришь с худой стороны, – сказал толмач, – ведь все это – золото". Посмотрел я снова еще внимательнее и заявил ему, что все-таки я не вижу ничего, кроме железа и глины. "Эй, не мудрствуй очень-то, – ответил толмач, – а верь-ка больше другим, чем самому себе. Посмотри, как они дорожат этим".

3. Взглянул я и убедился, к своему удивлению, как усердно они занимаются своими оковами. Один считал звенья своей цепи, другой разбирал ее и снова складывал, третий взвешивал на руке, четвертый измерял пядями, пятый, прижимая к устам, целовал, шестой, оберегая ее от мороза, от жары, от повреждения, обматывал платком. Некоторые, собравшись вдвоем или втроем, измеряли и взвешивали их один перед другим. Кто имел самую большую и тяжелую, тот ходил кругом, принимал гордый, спесивый вид, превозносил себя и хвастался. Некоторые из них, смиренно сидя в углу, тайно любовались величиной оков и цепей, заботясь лишь о том, чтобы другие не видали; насчет их я того мнения, что они боялись зависти и воровства. Другие имели полные ящики камней, которые и перекладывали то туда, то сюда, отмыкали и замыкали эти ящики, не смея никуда отойти, чтобы не потерять всего этого. Были и такие, которые не доверяли даже и этим ящикам; все это они навязывали и навешивали на себя и при том в таком количестве, что не могли ни ходить, ни стоять, а только лежали, задыхаясь и хрипя. Видя все это, я воскликнул: "Но, ради всех святых, неужели это счастливые люди?! Рассматривая там внизу людские труды, я не видал ничего более бедственного, чем это счастье". *Всевед* ответил: "Это, собственно, правда (зачем скрывать?), что только иметь эти дары *Фортуны* и не пользоваться ими причиняет больше забот, чем благ. Но госпожа *Фортуна* не виновата в том, если кто не умеет пользоваться ее дарами. Не она ими скупится, а те закоснелые, которые не умеют воспользоваться всем этим ни для своих, ни для чужих удобств. Хотя, в конце концов, как там ни рассуждай, а все же великое счастье иметь все это". – "Я за таким счастьем, какое здесь вижу, не гонюсь", – сказал я.

Глава XXV

Нравы людей, пребывающих в светской роскоши

1. *Всевед* сказал: "Пойдем же в таком случае наверх, там, обещая тебе, ты увидишь другие вещи – саму роскошь". Вошли мы по лестнице в первую залу, и я увидел здесь несколько кроватей, устланных мягкими перинами, висящих и качающихся, поставленных в несколько рядов; на них валялись люди, вокруг которых стояло множество слуг с

опахалами, веерами и другими приспособлениями, готовых ко всяким услугам. Если кто-нибудь из них вставал, то со всех сторон подставлялись руки; когда он одевался, то подавались ему одежды не иначе как из шелка, мягкие; если понадобилось переменить место, то переносили его на мягких подушках. "Ну, вот тебе здесь комфорт, какого ты искал! – сказал толмач. – Чего еще можешь желать сверх этого? Иметь так много всего хорошего, ни о чем не заботиться, ни до чего не касаться, иметь в изобилии все, чего только душа пожелает, не позволять даже дунуть на себя злему ветру – разве это не благо?" Я ответил: "Конечно, здесь веселее, чем в тех нижних застенках, но тем не менее не все мне нравится". – "Что опять?" – "Эти лентяи с глазами навикают, с одутловатой головой, отекившим животом, чувствительными членами кажутся мне покрытыми вередями; заденет ли он за что-нибудь, толкнет ли слегка его кто-нибудь, подует ли неприятный ветер, ему сейчас уж плохо. Слышал я, что стоячая вода гниет и распространяет зловоние; подобное этому я вижу здесь. Эти люди ни в чем не пользуются жизнью, а только бездельничают. Здесь нет ничего для меня". – "Станный ты философ", – заметил толмач.

2. Повели меня в другую залу, где моим глазам и ушам предстало много прелестей: роскошные сады, пруды и леса, звери, птицы, рыбы, разнообразная и приятная музыка, толпы веселых товарищей, которые прыгали, гонялись друг за другом, танцевали, фехтовали, водили хоро-воды и не знаю, чего еще не делали. "Это уже не стоячая вода", – сказал толмач. "Это правда, – ответил я, – но дай мне хорошенько рассмотреть". Посмотревши уже, я сказал: "Вижу, что никто досыта не наедается и не упивается этими развлечениями, но каждый, утомившись, бежит в другое место, ища других развлечений. Мне это не кажется большим благом". – "Если ты ищешь блага в еде и питье, – сказал толмач, – так пойдем".

3. Затем мы вошли в третью залу, где я увидел полные столы пирующих; всего у них было в изобилии, и они были веселы. Подойдя ближе, я увидел, как некоторые пичкают себя и наливаются до того, что уж и брюха не хватает для них; они должны были распоясываться; некоторые дошли до того, что все это извергалось у них обратно и верхом, и низом. Другие, чавкая, выбирали только сласти; высказывали желание иметь такие длинные шеи, как у журавлей, чтобы дольше можно было чувствовать вкус⁴⁸. Некоторые хвастались, что в продолжение десяти и двадцати лет они не видали ни восхода, ни заката солнца, потому что, когда оно заходило, они ни разу не были трезвы, когда восходило – не успевали еще вытрезветь. Сидели они, не скучая, так как должна была играть разнообразная музыка, к которой каждый присоединял свой голос, так что слышны были голоса всевозможных птиц и зверей: один выл, другой ревел, третий квакал, четвертый лаял, пятый свистел, шестой чирикал, седьмой рыдал и т.д. со странными при этом жестами.

4. Тогда толмач спросил меня, как мне нравится такая гармония. "Нет в этом ни малейшего смысла", – сказал я. "Что же тебе понравится? – спросил он. – Что ты, бревно, что ли, если даже такое веселье не может расшевелить тебя?" Тут некоторые из стоящих перед столом увидели меня, и один стал пить за мое здоровье, другой приглашал сесть, моргая глазами, третий спрашивал, кто я и что мне здесь нужно, четвертый вдруг заорал на меня, почему я не сказал: "Благослови вас Бог". На это я, разгорячившись, ответил: "Неужели Бог благословил такие свинские пирушки?" Только успел я это сказать, как на меня посыпался целый град тарелок, блюд, чаш, бокалов, так что я еле успел увернуться и убежать прочь. Мне, трезвому, легче было убежать, чем им, пьяным, попадать в меня. Толмач обратился ко мне: "Вот не говорил ли я тебе давно, что держи язык за зубами, не мудрствуй и норови ужиться с людьми, а не надейся на то, чтобы другие твою башку берегли".

5. Засмеявшись и взяв меня за руку, *Всевед* сказал: "Пойдем туда еще раз"; я не хотел. Он продолжал: "Там еще есть на что посмотреть; это возможно было бы, если б ты молчал. Пойдем, но будь осторожен; встань хоть издали". Я уступил, и мы опять вошли. И, зачем скрывать, я позволил уговорить себя, даже присел к ним, позволил пить за свое здоровье, упился сам и, желая испытать до конца, в чем собственно здесь веселье, начал припевать, проливать спяна слезы и припрыгивать, одним словом, стал делать то же, что и другие, но все выходило как-то несмело, потому что просто-напросто все это казалось мне не к лицу. Некоторые, видя, что я не могу попасть в тон, смеялись надо мной, другие возмущались тем, что не так отвечал. Между тем меня под сюртуком что-то начало грызть, под шапкой разламываться, из горла что-то начало выходить; ноги начали спотыкаться, язык стал заплетаться, голова закружилась, и я стал сердиться и на себя, и на своих проводников, громко крича, что это по-скотски, а не по-людски, в особенности когда я поглядел еще немного лучше на других подданных сибаритов из сибаритов.

6. Слышал я здесь, как некоторые жалуются, что им ни еда, ни питье не нравятся, даже в горло не идут; другие жалели их, и, чтобы им помочь, купцы должны были бегать там и сям по свету, отыскивая что-нибудь по их вкусу, повара должны были своим разнообразным блюдам, как лакомствам, придавать особенный запах, цвет, вкус, чтобы возможно было ввести это в желудок; лекаря должны были, чтобы одно уступало другому, наливать сверху и снизу через воронку. Таким образом, все, чем они набивали и наливали живот, отыскивалось с большим трудом и стоило больших денег, с большими хитростями и соображениями вводилось вовнутрь и при сильных болях и судорогах залеживалось в животе или извлекалось вон. Постоянно они чувствовали отсутствие аппетита, икоту, отрыжку, спали плохо, харкали и распускали слюни и сопли, рвотою и калом были полны

столы и все углы; ходили они или валялись с гнилым животом и подагристыми ногами, трясущимися руками, слезящимися глазами и т.д. "И это называется роскошь? – сказал я. – Пойдем, пожалуйста, отсюда, чтобы не сказать чего-нибудь больше и не нажить себе неприятностей". Итак, отвернувшись и заткнув нос, я ушел.

7. Прошли мы в тех же зданиях еще в одну залу, где я увидел людей обоего пола; они шли под руку, обнимались, целовались, и лучше не говорить, что было здесь дальше. Скажу только ради предостережения, что все запертые здесь г-жой *Фортуной* имели на-кожную болезнь, причинявшую им постоянный зуд, который нельзя было спокойно переносить, так что куда приходили, там и чесались чем ни попало, даже до крови. Но от чесания зуд этот нисколько не уменьшался, а только увеличивался, и хотя они и стыдились этого, но в углах втихомолку ничего иного не делали, как только чесались. Что это был мерзкий неизлечимый недуг, легко можно было предположить. Не у одного из них высыпала гадость и наружу, так что и друг для друга они были противны, несносны и вообще отвратительны.

Конечно, здоровым глазам и уму неприятно было на них смотреть и чувствовать идущий от них запах. Наконец, я увидел, что это была последняя палата из палат для сибаритов, откуда нельзя было идти ни вперед, ни назад, исключая какой-то дыры там в глубине, в которую попадали те, которые еще ниже падали в своем невозддержании; в эту тьму за светом они попадали заживо.

Г л а в а XXVI

Нравы высших мира

1. Мы отправились на верхнюю площадку, которая была раскрыта и над собой не имела никакого прикрытия, кроме неба. Здесь стояло множество стульев, один выше другого и все с краю, чтобы снизу, из города, можно было видеть их; каждый сидел на них в том положении, в каком был посажен г-жой *Фортуной*: выше или ниже. Все прохожие (отдавая должное) преклоняли перед ними колени или кивали головами. Толмач обратился ко мне: "Вот, разве это не благородное дело – быть столь возвышенным, чтобы отовсюду тебя было заметно и все на тебя должны были смотреть?" А я добавил: "И быть не защищенным ни от дождя, ни от снега, ни от града, ни от жары, ни от голода". Он ответил на это: "Что на такие пустяки смотреть! Зато хорошо сидеть на таком месте, где все на тебя должны обращать внимание и уважать тебя". – "Это правда, что уважать, – возразил я, – но такое уважение скорее обуза, чем удобство. Ибо на каждом, сколько их тут ни есть, я убеждаюсь, что они не смеют и не могут пошевелинуться без того, чтобы все не увидели и не пересудили. Что

здесь за утешение?" В особенности, когда я убедился, что сколько в глаза проявлялось к ним уважения, столько же было за глаза неуважения. Наверное, за каждым из этих посаженных в кресла стояли такие, которые смотрели на них косыми глазами, подергивали губами и покачивали головами, ставили им сзади рожки, плевали на спину и пачкали их отбросами или чем-нибудь другим; некоторые обдумывали падение сидящего и подламывали стул; в моем присутствии не с одним из них приключилось то или другое несчастье.

2. Эти стулья, как я уже сказал, стояли по краям; будучи немного сдвинуты с места, они сейчас же опрокидывались, и тот, который только что чванился, летел вниз. Стулья эти были как будто выстроены на подвижной оси; стоило дотронуться, чтобы она повернулась и сидевший на стуле очутился на земле. Чем выше был стул, тем легче было уронить его и тем легче было упасть с него. И нашел я здесь сильную вражду одних к другим, завистливые взгляды друг на друга, ссаживание одним другого со стула, лишение званий, сбрасывание корон, стирание титулов друг у друга, так что здесь постоянно все изменялось; один влезал на стул, а другой слезал с него или падал стремглав. Смотря на все это, я сказал: "Плохо, что за такой продолжительный и тяжелый труд, который необходим, чтобы попасть на эти места, такая низкая цена. Иной еще не успевает насладиться славой, и уже конец". Толмач ответил: "Уж так г-жа *Фортуна* все распределяет, чтобы все, кого она хочет наградить, могли быть наделены ее дарами; одни другим должны уступать".

Г л а в а XXVII

Слава знаменитых в свете

1. "Между тем для тех, которые хорошо ведут себя здесь (продолжал свою речь толмач), или собственно для заслуживших госпожа *Фортуна* имеет другое средство сделать их бессмертными". – "Скажи мне, каким образом? – спросил я. – Прекрасно сделаться бессмертным, ну-ка, покажите мне это". *Всевед* повернул меня и указал мне в том же дворце на западной стороне наверху еще площадку или выступ, тоже под открытым небом; туда вела лестница, внизу которой была дверь, а у этой двери сидело что-то, имеющее со всех сторон множество глаз и ушей, так что становилось противно (его называли *Sensor vulgi* – *Всесудом*). Каждый, кто хотел попасть на место, должен был не только назвать себя, но и рассказать про все дела, за которые он считал себя заслуживающим бессмертия, и передать их на обсуждение. Если было в его поступках что-нибудь особенное и необыкновенное, доброе или злое, то он был допускаем вверх; если же ничего – то оставался внизу. Попадало туда, как я заметил, более всего людей из высших слоев

общества, важных и ученых, менее – из среды духовенства, ремесленников и из семейных.

2. Очень было обидно мне, что туда впускали столько же злых (разбойников, тиранов, прелюбодеев, убийц, поджигателей и пр.), сколько и добрых. Ибо я понимал, что это не может быть не чем иным, как только поощрением людей, извращенных нравственно, как и случилось; пришел один, чающий бессмертия, и, будучи спрошен, что сделал достойного вечной памяти, ответил, что все, что видел наиславнейшего в свете, разрушал, что нарочно сжег храм, для которого работало и затрачивало средства в продолжение 300 лет семнадцать государств, и в один день превратил его в развалины⁴⁹. И ужаснулся тот *Цензор* этой постыдной смелости и не хотел впустить его туда, считая недостойным, но пришла госпожа *Фортуна* и приказала впустить его. Поощренные этим примером, другие тоже стали перечислять все, что сделали ужасного: один – что пролил человеческой крови так много, как возможно только⁵⁰; другой – что изобрел новое богохульство для того, чтобы возможно было злоречить Бога⁵¹, третий – что присудил Бога к смерти⁵², четвертый – что, сорвав солнце с небосклона, погрузил его в пропасть⁵³; пятый – что основал новое общество поджигателей, воров и убийц, которые очистят человеческий род⁵⁴, и т.д., и все подряд были пускаемы наверх. Это, признаюсь, очень не нравилось мне.

3. Тем не менее я вошел вслед за ними. Тут тотчас же принимал какой-то чиновник госпожи *Фортуны*, по имени *Фапа*, или *Слава*, у которого, кроме рта, ничего не было.

Как тот, который был внизу, имел только глаза и уши, так и у этого были со всех сторон языки и рты, от которых разносился немалый шум и звук; и прекрасный *immortalitatis candidatus*⁵⁵ имел из этого только ту пользу, что вместе с криком всюду произносилось и его имя. Посмотрев внимательно на все это, я заметил, что крик о каждом из таких понемногу замолкал, потом все затихало, и тогда начинался новый крик о ком-нибудь другом. "Какое же это бессмертие? – спросил я. – Ведь почти каждый, побыв на виду недолго, сейчас же опять исчезает из глаз, уст и мысли человеческой". Толмач сказал мне: "И все-то мало тебе. Ну, посмотри-ка на этих".

4. Оглянувшись, я увидел сидящих живописцев; всматриваясь в некоторых присутствующих здесь, они рисовали их. Я спросил, зачем они делают это. Толмач ответил: "Затем, чтобы память о них пропала не так скоро, как звук голоса; они уже не исчезнут из памяти". Взглянувши, я увидел, что каждого из тех, с которых писали портреты, выбрасывали в пропасть одного за другим; оставался здесь один только портрет, который для того, чтобы все могли видеть, привязывался на палку. "Ах, какое же это бессмертие?! – воскликнул я. – Ведь здесь остаются только бумага и чернила, которые намазаны от их имени, сами же они, как все прочие, жалким образом гибнут. Боже мой, ведь

это обман, заблуждение, потому что какое мне дело до того, что кто-нибудь намарает меня на бумаге, а со мной в это время неизвестно что будет? Ничего я в этом не понимаю". Услышав это, толмач назвал меня сумасшедшим и спросил, на что я годеен на свете с такими противоположными всем другим взглядами.

5. Тогда я замолчал. Тут увидел я новую ложь. Чей-то портрет, кого я при жизни видел прекрасным и молодым, был отвратителен; другого, наоборот, отталкивающей наружности, изображали по возможности более красивым; для иного делали два, три, четыре портрета, и каждый из них выглядел иначе, так что я даже пришел в негодование, отчасти на невнимание живописцев и отчасти на их неверную манеру. Рассматривая эти картины, я видел между ними много ветхих, запыленных, рваных, сгнивших, так что в них мало или даже ничего нельзя было разобрать; многих в куче даже совсем не было видно, да и никто почти не смотрел на них никогда. Вот она, слава-то!

6. Между тем приходила *Фортуна* и приказывала некоторые портреты, не только старые и ветхие, но и новые, свежие, бросать вниз, и понял я, что как это драгоценное бессмертие само по себе ничто, так точно нельзя ничем обезопасить себя от непостоянства какой-то сумасшедшей *Фортуны*, которая то принимала в свой замок, то швыряла из него прочь. Благодаря этому она со всеми своими дарами стала мне еще более противна. Таким же образом, прогуливаясь по замку, она обходилась со своими сыновьями; сласть – сластолюбцам, богатство – богачам она то прибавляла, то убавляла, а иногда вдруг все отнимала и выталкивала вон из замка.

7. *Смерть*, которую я видел расхаживающею здесь по замку и убивающею одного за другим, наводила ужас на меня. Но не всех одинаковым способом она умерщвляла. В богатых она стреляла обычными стрелами или, напав на них, затягивала своими цепями и душила; сластолюбцам подсыпала яду в кушанья; знаменитых сбрасывала, чтобы они свернули себе шею, или прогоняла сквозь ружья, мечи и кинжалы. Почти каждого она спраживала со света каким-нибудь необыкновенным способом.

Глава XXVIII

Путешественник начинает отчаиваться и спорить со своими проводниками

1. Я испугался, что нигде на свете, даже в самом этом замке, нет утешения, нет того, за что мысль, не беспокоясь, смело и всецело могла бы ухватиться. Эти размышления беспокоили меня чем дальше, тем больше. Толмач мой, *Обман*, ничем не мог развлечь меня (хотя

всячески старался), и я, наконец, воскликнул: "Ах, горе мне, неужели же на этом жалком свете не найду ничего утешительного? Все и везде полно тоски и бесполезных страданий". Толмач возразил мне: "Эх ты, размазня, а кто же в этом виноват, как не ты же сам, если все, что должно нравиться, тебе противно? Посмотри-ка на других, как каждый в своем положении весел и спокоен, находя достаточно приятного в своих делах". — "Да потому, что они все сплошь сумасшедшие, — ответил я, — или врут: невозможно ведь допустить, чтобы они наслаждались истинными радостями". — "Сумасшествуй и ты, — сказал *Всевед*, — чтобы облегчить себе тоску". Я ответил: "Даже и этого не могу; ведь знаешь, что сколько раз я пытался, но всегда при виде резких перемен с каждой вещью и жалкого ее конца я бросал все".

2. Толмач заметил: "Всему этому причиной не что иное, как твоя фантазия. Если бы ты не так строго разбирал человеческие деяния и не расшвыривался бы, как свинья соломой, то и был бы как другие, спокоен мыслью, пользуясь в то же время удовольствиями, радостями и счастьем". — "Да, если бы я, как ты, обращал внимание только на внешности, какую-нибудь кислую улыбку принимал за проявление радости, прочтение каких-нибудь обрывков за мудрость, кусок случайного какого-нибудь счастья за верх довольствия. Но где же останутся пот, слезы, стенание, скитания, падения и другие невзгоды, которым я не видел ни числа, ни конца, ни меры во всех состояниях? О горе, о бедная жизнь! Всюду провели меня, а какая мне в том польза? Обещаны и указаны были мне достаток, знание, удовольствие и спокойствие. Где я? — Сам не знаю. Знаю только то, что после продолжительного мыкания по свету, после стольких трудов, после стольких пережитых опасностей, после такой усталости мысли и изнеможения, в конце концов, не нахожу ничего, кроме собственного страдания и ненависти к себе со стороны других".

3. Толмач ответил: "Так тебе и надо. Почему не пользуешься моим советом, который с самого начала был таков: ничего не подозревать, всему верить, ничего не пробовать, все принимать, ничего не осуждать, всем любоваться. Это был бы путь, по которому ты шел бы спокойно, снискал бы себе расположение у людей и нравился бы самому себе". — "Обманутый, без сомнения, тобою, я, как другие, сумасшествовал, плясал, блуждал то туда, то сюда, крепился, кряхтя под гнетом, больной — при смерти вскрикивал как бы от радости. Я увидел и узнал, что я ничто, ничего не имею, как и другие; нам только все что-то такое кажется, хватаем тень, а правда ускользает; везде несчастная эта жизнь".

4. Толмач опять возразил: "Повторяю еще раз то, что уже сказал: ты сам виноват, потому что желаешь чего-то разнообразного и необыкновенного, а это никому не достается". Я ответил: "И потому-

то тем более я страдаю, что не один я, но целое мое поколение жалко и слепо, не знает своих бед". Толмач снова: "Я не знаю, как и чем удовлетворить твои намерения, такую сбитую с толку голову. Если тебе ни свет, ни люди, ни работа, ни бездействие, ни знание, ни незнание, одним словом, никакая вещь не нравится, то я не знаю уж, что с тобой делать и что больше хвалить тебе в этом свете". *Всевед* на это заметил: "Сведем его в стоящий посередине замок королевы; может быть, там он успокоится".

Глава XXIX

Путешественник осматривает замок королевы света, Мудрости

1. Итак, взяли они меня и повели. Вдруг я заметил, что замок этот был украшен внутри разного рода превосходной живописью; у ворот была поставлена стража, чтобы не пускать никого, кроме некоторых имеющих власть в свете. По всей вероятности, только им как слугам королевы и исполнителям ее предначертаний и позволено входить и выходить; другие же, если хотят посмотреть на замок, должны смотреть только с внешней стороны, ибо не всем будто бы прилично выведывать тайны, которыми держится свет. Я видел уже много таких глазающих, смотревших более ртом, чем глазами, и обрадовался, что ввели меня в ворота, сгорая от желания узнать, что это за тайны у этой *Королевы света*.

2. Но и здесь не обошлось без приключений. Стражи, загородив дорогу, стали расспрашивать меня, что мне здесь нужно, стали гнать назад, толкать, но *Вездесущ*, как человек и здесь хорошо известный, ответив, не знаю что, за меня и взяв меня за руку, все-таки провел на первую площадку.

3. Смотря здесь на самую постройку замка, я увидел сияющие белизной стены, про которые говорили, что они из алебаstra, но, посмотрев внимательно и ощупав руками, я не нашел ничего, кроме бумаги и торчащей из щелей пакли; из этого я вывел заключение, что на самом-то деле эти стены пусты внутри и только набиты; подивился этому и посмеялся я над таким обманом.

Затем мы пришли к лестнице, по которой ходили куда-то наверх; боясь, что лестница рухнет, я не хотел идти; вероятно, сердце мое предчувствовало, что должно мне встретиться там. Толмач сказал: "К чему, мой милый, эта фантазия? Бойся, чтобы небо не рухнуло. Разве не видишь, как много других идут вверх и вниз?" Таким образом, по примеру других, пошел и я по высокой винтообразной лестнице; идя по ней, можно было получить головокружение.

Глава XXX

Путешественник обвинен в замке Мудрости

1. Ввели меня в какую-то большую залу, в которой первым долгом осветило меня каким-то необычайным светом, не только потому, что много было окон, но более потому, что (как говорили) стены были покрыты дорогими коврами, блестящими от золота; вместо потолка было какое-то облако или мгла; этого я не имел времени разобрать, потому что глаза мои были обращены в то время на ту милую королеву, которая сидела на самом высоком месте под балдахином; около нее с обеих сторон стояли министры, слуги, свита, величественная до ужаса; ужаснулся я этой славы, особенно когда они начали смотреть на меня, один за другим. *Вездесущ* сказал мне: "Не бойся ничего, подойди поближе, пусть увидит тебя ее милость королева, будь откровенен, но не забывай скромности и вежливости". И так привел он меня в средину и приказал низко поклониться, что я и сделал, не зная, как иначе поступить.

2. Мой толмач, сделавшись на этот раз толмачом против моей воли, начал речь такими словами: "Светлейшая Королева света, прекраснейший, божественный луч, славная *Мудрость*! Этот юноша, которого мы привели пред величие твоего лица, получил от *Судьбы* (регента твоей милости) позволение пройти по свету и обозреть все сословия и порядки твоего преславного королевства, в котором господь Бог поставил тебя, чтобы ты управляла им своею проницательностью, от конца в конец. Мы, назначенные по проницательности твоей воли в проводники ему, провели его через все сословия людей и (о чем с соболезнаванием и покорностью сознаемся пред тобою), несмотря на все наши самоотверженные и искренние труды, не достигли того, чтобы он, выбрав какое-нибудь занятие, спокойно отдался ему и сделался таким образом одним из верных, послушных граждан общей нашей родины; он всюду постоянно тоскует, все ему не нравится, жаждет чего-то необыкновенного. Поэтому, будучи не в силах понять и удовлетворить его дикие желания, мы привели его пред твою светлость и поручаем твоей проницательности, что с ним делать".

3. Каждый может судить, каково было мое состояние, когда я услышал такие речи (которых не ожидал); я понял, что меня привели сюда на суд, и потому боялся за себя, особенно когда увидел у трона королевы ужасное чудовище (не то собака, не то рысь, не то дракон какой был – хорошо не знаю), которое впилось в меня сверкающими глазами; я видел, что достаточно было только натравить его на меня. Стояли здесь тоже двое драбантов королевы, хотя в женской одежде, но грозные, особенно левый, ибо он был в железном панцире, покрытом иглами, как еж (я видел, что до него дотронуться даже небезопасно); на руках и ногах у него были стальные когти, в одной руке копьё и

меч, в другой – лук и огонь. Второй казался мне не столько грозным, сколько смешным; у него вместо панциря был лисий мех, вывернутый наизнанку, вместо алебарды – лисий хвост, в левой руке – ветка с орехами, которыми он постукивал⁵⁶.

4. Когда кончил говорить толмач (или, лучше сказать, мой предатель), королева (с лицом, покрытым маской умнейшего старца) обратилась ко мне с такой важной и пространной речью: "Благородный юноша! Умысел твой – желание обозреть все на свете – не дурен. (Это я желаю каждому из самых милых мне и, кроме того, охотно помогаю им через посредство этих слуг и служанок.) Мне неприятно слышать, что ты разборчив и вместо того, чтобы учиться, как новый гость, вдаешься в мудрствования. По этой причине, хотя я могла бы казнить тебя для примера другим, но так как с большею охотой норовлю сделать известными примеры снисхождения и доброты, чем строгости, то повременю еще и дам тебе здесь в замке при мне жилище, чтобы ты лучше уразумел и самого себя, и мои наставления. Так дорожи этой моей милостью и знай, что не всякому выпадает на долю попасть в эти тайные места, где составляются декреты и решения всего света". Договоривши это, она сделала знак рукой, и я, повинувшись этому знаку, отошел в сторону, снова сгорая желанием посмотреть, что-то будет.

5. Остановившись в стороне, я спросил толмача, как называют тех советников, какой между ними порядок и какие у кого обязанности. Толмач ответил мне: "Эти ближе всего стоящие к ее милости, королеве, – тайные советники: справа – *Чистота, Бдительность, Осторожность, Рассудительность, Приветливость, Миролюбие*, слева – *Правда, Ревность, Правдивость, Храбрость, Терпение, Постоянство*; как советники, они всегда стоят при королевском троне.

6. Стоящие ниже – ее чиновницы и наместницы. Та, в темной юбке – наместница над нижней страной и называется *Усердие*, а другая, в одежде, украшенной золотом, с золотым ожерельем, с венком (кажется, ты раньше уже видел ее) – наместница замка блаженства и называется *Фортуна*. Обе они со своими помощницами находятся иногда там при своих управлениях, иногда здесь, как по обязанностям службы, так и для того, чтобы исполнять приговоры и приказания. Каждая из них, в свою очередь, имеет подрегентов, как, например, госпожа *Усердие*; над семейным сословием – *Любовь*, над ремесленниками и крестьянами – *Трудолюбие*, над учеными – *Остроумие*, над духовенством – *Набожность*, над правителями – *Справедливость*, над солдатами – *Храбрость*."

7. Слыша эти прекрасные имена, но видев все на свете наоборот, я готов был сказать кое-что, но не посмел, и только подумал: "Странное управление этого света! Король – женщина, советники – женщины, и все управление – женское! Есть кому бояться его?"

8. Спросил я еще насчет этих двух стражей, что они представляют

собою и на что они. А толмач мне на это ответил, что ее милость королева имеет своих неприятелей и заговорщиков, перед которыми должна защищаться. Которая в лисьем одеянии – называется *Хитростью*, а другая, в железе и огне – *Властью*; где одна не может защищать, защищает другая, заменяя таким образом друг друга. Собака при них вместо сторожа, чтобы лаем давать знать, когда приближается кто-нибудь подозрительный, и прогнать его. При дворе она называется *Придворной почтой*, а кому ее обязанность не очень-то нравится, те переименовывают ее названием *Соперник*. "Но брось болтовню, послушай и посмотри самые дела, которые будут происходить здесь". – "Хорошо, – сказал я, – с удовольствием".

Глава XXXI

Соломон с громадной свитой пришел в замок Мудрости

1. В то время, когда я приготовился слушать, что здесь будет происходить, вдруг послышались звуки и страшный шум, и когда все обернулись, оглянулся и я и увидел какого-то человека, входящего в замок, в сиянии, с короной, с золотым посохом; за ним шла свита, столь многочисленная, что все почти пришли в ужас. Взоры всех и мои также обратились на него. Представ, он объявил, что наивысшим Богом богов он отличён тем, что свободнее всех тех, которые были до него и будут после него, может обозреть свет и, мало того, взять в жены *Мудрость*, которая есть правительница света. (Он назвал себя *Соломоном*, королем славнейшего под небом народа израильского.)

2. Через чиновницу *Осторожность* получив на это ответ, что *Мудрость* – супруга самого Бога и не может отдаться другому, и если кому-нибудь нравится пользоваться ее расположением, то в этом не будет отказа, *Соломон* сказал: "Теперь я не успокоюсь до тех пор, пока не увижу, какая разница между мудростью и глупостью, ибо мне собственно ничего не нравится из того, что происходит под солнцем".

3. Слыша все это, я несказанно обрадовался тому, что теперь, даст Бог, найду другого провожатого и советника, иного, чем имел до сих пор; с ним мне и безопаснее, все основательнее узнаю и, наконец, пойду за ним туда, куда он пойдет. И я начал хвалить в душе Господа Бога.

4. Соломон имел при себе немалую свиту слуг и друзей, которые вместе с ним пришли посетить *Мудрость*, королеву света; между ними, сейчас же возле него, были мужи почтенные, с важными манерами, которых, на мой вопрос, называли патриархами, пророками, апостолами и т.д. Среди находящихся в этой толпе сзади указали мне некоторых из философов: Сократа, Платона, Эпиктета, Сенеку и др. Все они, а в том числе и я, уселись по сторонам в ожидании, что-то будет.

Г л а в а XXXII

Путешественник осматривает тайные судилища и управление света

1. Вскоре потом я понял, что здесь разбираются только общественные дела, касающиеся всех сословий, а другие – частные – в своих особенных местах, в думах, в судилищах, в консисториях и т.д. Что случилось здесь в моем присутствии, сейчас расскажу, по возможности кратко.

2. Прежде всего предстали чиновницы света *Усердие* и *Фортуна*, объявив о всех беспорядках, которые происходят во всех сословиях благодаря всеобщему безверию, ссорам и разным плутням, и просили как-нибудь исправить все это. Я обрадовался, увидев, что они сами приходят к тому же, к чему пришел и я, т.е. что на свете нет порядка. Толмач, догадавшись об этом, сказал: "Вот видишь, ты думал, что ты только один имеешь глаза, а кроме тебя никто ничего не видит, а между тем вот какой бдительный надзор над этим имеют те, которым поручено это". – "Я с удовольствием это слышу, – ответил я, – дай только Бог, чтобы нашелся настоящий путь".

3. Видел я, что советники собрались вместе и после краткой беседы друг с другом спрошены были через посредство чиновницы *Осторожность*, можно ли отыскать того, кто бы был причиной беспорядков. После долгих поисков было объявлено, что в королевство вкрались какие-то негодяи и бунтовщики, которые сеют тайные и явные беспорядки. Прежде всего вину приписывали (тут же и называли их) *Обжорству*, *Жадности*, *Ростовиществу*, *Сладострастию*, *Гордости*, *Жестокости*, *Лености*, *Безделью* и некоторым другим.

4. Когда произвели следствие, записали и прочитали решение, чтобы посредством открытых листов, вывешенных, прибитых и разосланных по всей земле, в известных местах было объявлено, что ее милость, королева *Мудрость*, замечая, как благодаря тайком пришедшим иноземцам много вводится всяких бесчинств, приказала высылать навсегда из королевства тех, которые подадут повод к тому, а именно: *Обжорство*, *Жадность*, *Ростовищество*, *Похоть* и подобное, притом чтобы с этой минуты тотчас же их не было видно под страхом смертной казни через повешение. Когда это решение было опубликовано посредством изготовления для этой цели листов, то трудно поверить, какой поднялся всюду гул ликующего народа, и у каждого (и у меня) явилась надежда на золотой в свете век.

5. Но немного времени спустя, когда ничего в свете не улучшилось,

многие стали прибегать с жалобой, что решение не было выполнено. На вторичном заседании совета назначены были от королевы комиссары *Недосмотр* и *Нерадение*, к которым для пущей важности причислено было еще из королевских советников *Миролюбие*, с поручением внимательно осмотреть, остаются ли здесь, вопреки повелению, подозрительные и подлежащие ссылке, не имели ли иные из них дерзость возвратиться. Комиссары отправились и спустя несколько времени вернулись и донесли, что собственно они нашли несколько подозрительных, но те не признают себя высланными и называют себя иначе. Один будто похож на *Пьянство*, но называет себя *Веселостью*, другой похож на *Жадность*, но называет себя *Хозяйством*, третий похож на *Лихоимца*, а называет себя *Выгодой*, четвертый похож на *Похоть*, но говорит, что он *Любовь*, пятый – на *Гордыню*, но называет себя *Достоинством*, шестой – на *Жестокость*, но называется *Строгостью*, седьмой – на *Леность*, но что имя его *Добродушие*, и т.д.

6. Когда об этом рассудили в совете, то опять объявили, что ни *Веселость* – *Пьянством*, ни *Хозяйство* – *Жадностью* называться не могут, и т.д. Поэтому отмеченные лица должны быть освобождены, ибо на них приказ не простирается. Как только приговор стал известен, они сейчас же свободно убрались прочь; за ними шла толпа людей, которые знакомились и дружились с ними. Взглянув на *Соломона* и его товарищей, я увидел, что они покачивают головой, но так как они молчали, то молчал и я; только один, я слышал, сказал другому на ухо: "Как видим, осуждены имена, а сами-то изменники и губители, переменявши свои имена, пользуются свободным пропуском. Из этого ничего хорошего не выйдет".

7. Вслед за тем пришли опять представители от всех классов общества, просили себе аудиенции и, будучи допущены, стали со странными жестами передавать покорную просьбу всех верноподданных, чтобы ее милость, светлейшая королева, милостиво изволила припомнить, с какою верностью и послушанием все настоящие сословия держались до сих пор под одним скипетром царствования ее и наперед, согласуясь во всем с нею, покорялись ее обычаям, приказаниям и слушались всех распоряжений; они только высказывают скромное желание, чтобы ради вознаграждения за прошлую верность ее милости королеве и поощрения к новой и постоянной даны были им привилегии и сделано было кое-какое улучшение свободы их (что предоставляется проницательности ее милости королевы). За это благодеяние они обещали постоянным послушанием доказывать свою благодарность. Сказав это, поклонились до земли и отступили назад. Протерев себе глаза, я спросил: "Что же это будет? Неужели свет недостаточно еще имеет свободы, чтобы желать больше? Узду вам, узду и кнут, и немножко чемерицы⁵⁷". Но я только подумал об этом, ибо дал себе

зарок ничего не говорить, тем более что это не подобало в присутствии тех мудрецов и седых старцев, которые тоже обращали на все внимание.

8. Снова стали советоваться, и после длинных разглагольствований королева дала знать, что она всегда стояла за распространение образования и за украшение королевства; к этому она всегда чувствовала склонность и тем более не оставит это без внимания, что слышит просьбы милых и верных своих подданных. Поэтому она постановила, чтобы ради пущей важности во всех сословиях преобразовать титулы, которыми бы они яснее и с большей славой отличались друг от друга. Итак, предписывается, чтобы впредь писались: ремесленники – знаменитые, студенты – просвещеннейшие и ученейшие, магистры и доктора – известнейшие, священники – просто достойные, очень и во всех отношениях достойные всякого уважения, епископы – святейшие, более богатые из мещан – благородные, вассалы – благородные и храбрые рыцари, господа – два раза господа, графы – высокоблагородные господа, а властители, князья, могущественные короли – светлейшие и непобедимые. Чтобы это получило большую силу, предписывалось, что всякий имеет полное право не принимать бумаги, если на ней пропущен или изменен титул.

После этого посланные, поблагодарив, ушли, а я подумал про себя: "Велика вам от этого прибыль – караули на бумаге".

9. Затем подана была просьба от бедных всех сословий, в которой они жаловались на большую неравномерность: другие имеют изобилие имущества, а они терпят нужду, и просили уравнивать это каким бы нибудь образом.

По обсуждении этого дела приказано было ответить бедным, что хотя ее милость королева всем желает тех удобств, каких каждый желает сам себе, но слава королевства требует, чтобы одни вышались над другими. К тому же, по установленному порядку, иначе и быть не может, как чтобы *Фортуна* имела населенным свой замок, а *Усердие* – свои мастерские. Одно лишь допускается, чтобы каждый, не ленись, выбивался из бедности, какими путями может и умеет.

10. Как только этот ответ, данный просителям, сделался известным, сейчас же пришли другие с прошениями от трудолюбивых, чтобы впредь те, которые не ленились, из какого бы ни были сословия и какого бы то ни было занятия, могли быть уверены в том, что достигнут всего, над чем трудятся и чего желают, и чтобы ничего не доставалось благодаря одному только слепому счастью. Совет долго обсуждал эту просьбу, из чего я заключил, что это вещь затруднительная. Наконец было объявлено, что, хотя у регентши *Фортуны* и ее верной помощницы *Случайности* нельзя взять из рук тех прав и преимуществ, которые раз были вверены им, тем не менее будут они помнить и будет приказано им, чтобы старательные имели пред-

почтение перед лентяями (насколько возможно уследить); таким образом возможно будет все устроить. Ушли и эти тоже.

11. Потом пришли депутаты от некоторых исключительных людей, Теофраст⁵⁸ и Аристотель, прося о двух вещах; во-первых, чтобы они не были подвержены таким случайностям, как другие люди; во-вторых, так как по милости Божией они отличны от других умом, знанием, богатством и т.д. (смерть таких людей – всеобщий вред), то нельзя ли им даровать привилегию перед обыкновенными людьми – не умирать. Когда обсудили первую просьбу, дан был ответ, что они просят справедливого и потому им позволено защищаться от случайностей, кто как умеет: знающие – своим знанием, осторожные – осторожностью, сильные – силой, богатые – богатством. Что касается второй просьбы, то королева *Мудрость* приказала тотчас же созвать всех знаменитейших алхимиков, чтобы они елико возможно постарались найти средство, благодаря которому можно было бы достичь бессмертия. Последние, приняв предложение, разошлись. Ввиду того, что долго потом никто не возвращался, а посланные между тем требовали ответа на свою просьбу, то им дана была покамест такая резолюция: "Ее милость королева не одобряет, что такие особенные люди должны погибать наравне с другими, но теперь она еще не знает, как этого избежать". Тем не менее дается им такая льгота: в отличие от бедных, которых тотчас же после смерти хоронят, они будут, по возможности, дольше находится среди живых людей, и в то время, как другие после смерти будут лежать под зеленым дерном, они будут прикрываться каменными плитами. На все это и на то, что они сами себе придумают для отличия от простого люда, дается им привилегия.

12. Когда ушли эти уполномоченные, пришли несколько человек от имени начальствующих, представляя трудное положение этого сословия и прося облегчения. Им разрешено было окружить себя удобствами и управлять делами через наместников и чиновников. Удовлетворенные этим решением и поблагодарив, они ушли.

13. Спустя немного времени пришли посланные от подданных, земледельцев и ремесленников, жалуясь на то, что те, которые поставлены над ними, хотят лишь бить и пороть, и потому гонят, травят, так что кровавый пот течет с них. А те, к которым обращаются в таких случаях, исполняют то же самое с еще большей жестокостью, потому что и сами испили эту чашу. В доказательство они высыпали тут же целую кучу мозолей, синяков, язв и свежих ран (которые они принесли для удостоверения), прося милости. Казалось очевидным, что это – несправедливость, которая должна быть прекращена, но так как начальствующим дозволено управлять через посредство слуг, то виноваты слуги; поэтому сделано распоряжение послать за ними. Разосланы были гонцы по всем королевским, княжеским и дворянским советам, к правителям, чиновникам, купцам, выборным, писарям,

судьям и т.д., чтобы они явились без всяких отговорок. Сказано – сделано. Но они на одну жалобу представили десять: жаловались на леность подданных, непослушание, возмущение, гордость, всевозможные буйства, лишь только маленько отпустят им узду, и сверх того еще приведено много жалоб. По выслушивании их все дело опять было обсуждено в совете, и подданным объявлено: так как они или не хотят, или не умеют ценить ласку и милости начальствующих над ними, то пусть привыкают к жестокостям, потому что в свете так должно быть, чтобы одни властвовали, а другие подчинялись. Но помимо того желательно, чтобы они пользовались сколь возможно большею любовью своих вельмож, управителей, наместников, если только своею услужливостью в состоянии добиться этого.

14. По уходе их остались политики, королевские и господские советники, доктора прав, судьи и т.д., жаловавшиеся на несовершенство писаных законов, по которым не все происходящие между людьми распри (несмотря на то, что законов этих написано на сто тысяч случаев) могут быть разрешены. А из этого выходит то, что они или не в состоянии совершенно держать порядок между людьми, или, ради выяснения прав и прекращения распри, прибавляют кое-что от себя, и тогда неразумные принимают это за натяжку прав и извращение спора, отчего растет и неудовольствие против них и общественные распри. На основании этого они просят или совета, как поступать, или охраны против суда поверхностных людей. Когда им было приказано выступить, то пошел допрос, какая из королевских советниц и что именно говорила тут в их пользу, – пришлось бы долго припоминать, поэтому я расскажу лишь о том решении, которое было объявлено по приглашении их, а именно: к тому, чтобы были написаны новые законы, совершенно подходящие ко всем случаям, ее милость королева не знает средства; поэтому пусть все остается при прежних правах и привычках. Только ее милость королева изволит дать им как правило и ключ ко всем законам такое предписание: в истолкованиях законов и в происходящих по ним судах всегда иметь в виду или свое, или общее благо; и это будет называться *Ratio status*⁵⁹, которым, как считом, они будут в состоянии отражать удары общественной клеветы, говоря, что настоящее положение дел имеет в виду то-то и то-то (что не каждый понимает), что это так должно быть. Политики, приняв это правило, обещались действовать сообразно с ним и ушли.

15. Прошло немного времени, как пришли жены с жалобой, что они должны оставаться под властью мужей, как какие-то рабыни. Нашлись тут также и мужья, плачущиеся на непослушание жен. Тогда королева с советницами собралась заодно на другое совещание, и, наконец, через канцлершу был объявлен такой ответ: "Так как природа дала мужьям преимущество, то оно и остается при них, но с такими достопримечательными исключениями: во-первых, так как жены

составляют половину человеческого поколения, то чтобы мужья без их совета ничего не делали; во-вторых, так как природа часто дары свои более щедро изливает на жен, чем на мужей, то чтобы та, которая умом и силой превосходит мужа, называлась мужланкой и чтобы муж не имел над ней главенства". Таково было первое решение, на котором ни мужьям, ни женам не хотелось остановиться. Жены, вероятно, хотели, чтобы мужья делились с ними господством поровну или чередовались, т.е. чтобы верх в управлении держали то мужья, то жены; нашлись даже такие женщины, которые не хотели господствовать иначе, как всецело, ссылаясь на то, что у них бóльшая подвижность как ума, так и тела; равным образом и потому, что мужья столько тысяч лет имели преимущество; теперь, наконец-то, настало время, чтобы они уступили. Они указывали, что благородный пример такого положения вещей можно усмотреть немного лет тому назад в Английском королевстве, что когда царствовала королева Елисавета, то, к чести ее, все мужья подавали правую руку женам, каковой похвальный обычай сохраняется и до настоящего времени. Так как ее милость королева света, *Мудрость*, и все ее советницы сотворены Богом особами женского пола и поставлены правительницами в свет, то подобает, чтобы, как управляется свет, таково было управление и дома, и общества (*Regis ad exemplum totius componi orbis*)⁶⁰. Полагали, что этой речью легко привлечь королеву *Мудрость* на свою сторону. Но мужья, чтобы через молчание не проиграть процесс, защищались так: "Хотя Бог и доверил управление королеве *Мудрости*, но держит его в руках прежде всего он сам, и притом безраздельно и вечно", поэтому они хотят так, и т.д.

16. После этого было опять несколько собраний, и я мог вывести из всего заключение, что не часто им приходилось разбирать такие трудные дела. Дожидались мы все последней резолюции, да так и не дождались: приказано *Осторожности*, с одной стороны, и *Приветливости* – с другой, вести переговоры в тайне. Взявшись за дело, они нашли такое средство: чтобы мужья ради мира и спокойствия, по крайней мере дома, негласно уступали женам главенство и пользовались их советами. А жены, довольствуясь этим, признавали бы перед светом послушание, потому что таким способом можно будет навсегда остаться в глазах посторонних при прежнем обычае, а их власть в доме тоже недурно будет поставлена; иначе великая тайна общественного управления, что мужья управляют общиной, община – женами, а жены – мужьями, была бы обнаружена, и ее милость королева убедительно просит, чтобы как с той, так и с другой стороны не допустили случиться этому. Видя это, один из общества *Соломона* сказал: "Жена, которая чтит своего мужа, слывет мудрой", а другой прибавил: "Муж – глава жены так же, как Христос – глава церкви". На таком миролюбивом разрешении вопроса и остановились, и мужья с женами ушли прочь.

Глава XXXIII

Соломон разоблачает суету и прельщение света

1. Тут Соломон, который до сих пор смотрел и сидел спокойно, будучи не в силах дольше сдерживаться, стал кричать громким голосом: "Суета сует и все суета! Неужели то, что криво, нельзя выпрямить? Неужели нельзя даже перечесать недостатков?"⁶¹ И, встав, а вместе с ним встала и его свита, с громадным шумом пошел прямо к трону королевы (драбанты с обеих сторон не могли помешать им, так как смущены были криком и блеском Соломона, так же как и сама королева с советницами). Протянув руки, он снял с лица королевы покрывало, которое хотя и казалось чем-то блестящим и дорогим, на самом деле было не что иное, как паутина.

Щеки ее оказались бледными, одутловатыми, на лице было немного красноты, но искусственной (что доказывалось отколупыванием); руки оказались также паршивыми, все тело неприятное и дыхание вонючее. Я и все присутствующие так ужаснулись этого, что стояли как окаменелые.

2. Соломон, повернувшись затем к советницам мнимой этой королевы, снял и у них маски и сказал: "Вижу, что на месте справедливости господствует несправедливость, а на месте святости – кощунство. Бдительность ваша – *подсматривание*, осторожность ваша – *хитрость*, приветливость – *лесть*, правда ваша – *притворство*, усердие ваше – *бешенство*, храбрость – *дерзость*, ваше благодеяние – *произвол*, трудолюбие ваше – *рабство*, глубокомыслие – *догадка*, набожность – *лицемерие* и т.д. Вам ли управлять светом вместо всемогущего Бога?! Приведет Бог на суд всевозможные дела и каждую скрытую вещь, будь она добрая или злая⁶². Я пойду и дам знать всему свету, чтобы не давали себя сбивать с пути и обманывать".

3. И, повернувшись, ушел в гнев, а его свита – за ним.

Когда на улице он начал восклицать: "Суета сует и все суета", то отовсюду сбежались народы, люди разных языков, короли и королевы дальних стран, а он дышал красноречием и поучал их. Слова его подобны были стрелам и вбиваемым гвоздям, и т.д.

4. Я не пошел за ним, а остался стоять на площади со своими перепуганными провожатыми и видел, что тут происходило дальше, а именно: королева, выйдя из своего остоленения, начала советоваться со своими советницами, что теперь делать. В то время, когда *Усердие*, *Правдивость* и *Храбрость* хотели посоветовать собрать все силы и послать за ним, чтобы схватить его, *Осторожность*, напротив, доказывала, что силой ничего нельзя сделать, так как не только он один могуществен, но может увлечь за собой весь свет (как сообщали возвращавшиеся одна за другой почты о том, что происходит там), и

советовала послать за ним *Приветливость с Лестью*, чтобы они, захватив с собою из замка *Фортуны Роскошь*, шли по его пятам и увивались около него везде, где бы он ни был, указывая и восхваляя красоту, славу и довольство этого королевства; таким способом, вероятно, он попадет на удочку; другого средства она решительно никакого не знает. Этот совет был одобрен, и отдано приказание им троем немедленно отправиться в путь.

Г л а в а XXXIV

*Соломон обманут и соблазнен*⁶³

1. Видя это, я заявил своим проводникам, что я бы тоже охотно посмотрел на то, что там будет.

Вездесущ тотчас же дал свое позволение и пошел, толмач тоже. Отправились мы, и я нашел *Соломона* в улице ученых; он, всем на удивление, рассказывал о природе растений, начиная с кедра, который водится в Ливане, и кончая мхом, который растет на стенах; говорил также о животных и птицах, земноводных и рыбах, об основании мира и стихий, об устройстве звезд и о человеческом мышлении. И приходили ото всех народов слушать его мудрые речи. Будучи чрез меру восхваляем, он начал сам себе нравиться за это, особенно когда *Приветливость* и *Лесть*, приластившись к нему, начали возвеличивать его перед лицом всех людей.

2. Двинувшись отсюда, он пошел обозревать другие страны света и, войдя в сословие ремесленников, стал смотреть и вдумываться в их разнообразное искусство и своим высоким умом стал изобретать необыкновенные вещи, искусно устраивать сады, разводить молодые деревья, пруды, строить дома и города и выделять предметы роскоши сынов человеческих.

3. Когда затем он входил в супружескую улицу, лстивая *Роскошь* вела ему навстречу всех наикрасивейших молодых девушек, одетых сколько возможно роскошнее; разнообразно и приятно звучала музыка; самым видным из них она предоставила приветствовать его, называя солнцем людского поколения, короной народа израильского, украшением мира и уверяя, что как в сословии ученых и ремесленников от присутствия его сияния немало прибыло мудрости и просвещения, так и супружеское сословие от присутствия славы его ждет себе возвеличения.

Соломон, вежливо поблагодарив, объявил, что он дал себе слово сделать честь этому сословию присоединением к нему. Поэтому, выбрав из целой толпы молодых девушек ту, которая ему казалась наиболее подходящей, он связал себя с нею узами брака (называли ее дочерью

фараона). Имея ее при себе и будучи тронут ее милостью, он стал больше обращать внимание на нее и развлечения, чем на свою мудрость. Вперив (чего я никак не ожидал) глаза в толпу пляшущих девиц (а лстивая *Роскошь* все больше и больше приводила их на глаза ему), увлекался он красотой и благообразием одной за другой, какая казалась ему более выдающейся, звал к себе, вступая с каждой в брак, так что в короткое время увидел их у себя до семисот, а кроме того, имел около себя триста наложниц, полагая, что его слава в том, чтобы превзойти в этом деле всех живших до него и тех, которые будут после него. И тут уже ничего не было видно, кроме разных вольностей, над которыми его собственные люди начали глумиться и вздыхать.

4. Потом он, перейдя ту улицу, пошел со своей свитой дальше и вступил в улицу теологов, куда тащило его бывшее с ним несчастное товарищество; привлек к себе там зверей и земноводных, драконов, ядовитых червей и с ними начал грустное времяпрепровождение⁶⁴.

Глава XXXV

Соломоново товарищество распалось, взято под стражу и ужасной смертью изгнано со света

1. Видя его перед собой столь сбитым с толку, бывшие в свите его, самые передовые: Моисей, Илия, Исаия, Иеремия, начали страшно возмущаться, протестуя пред небом и землей, что они не желают сделаться причастными такому бесчинству, и наставляя всю толпу удалиться от этой суеты и безумства. И по причине того, что многие все-таки следовали примеру *Соломона*, они, тем более разгораясь в своем возмущении, еще яростнее громили, особенно Исаия, Иеремия, Барух, Стефан, Павел и т.д. Моисей, кроме того, начал препоясывать своих мечами, Илия – звать огонь с небес, Езекия велел растоптать всех этих кумиров.

2. Видя это, те, которые посланы были соблазнить *Соломона*, а именно: *Приветливость*, *Лесть* и *Роскошь*, прихватив с собой философов Мамона и других, обратились к ним, чтобы одумались и вели себя миролюбивее, говоря, что уж если наимудрейший из всех людей, *Соломон*, поддался порядкам света и свyksя с ними, как это видит здесь каждый, то почему же они должны раздражаться и наперекор этому мудрствовать? Но здесь не было никого, расположенного слушать; чем более убеждались, что пример *Соломона* соблазняет и сводит многих с ума, тем более возмущались, бегали, кричали, зывали, и это было причиной большого огорчения.

3. Королева же, будучи уведоmlена своими, прибегла к гласности посредством расосланных объявлений и, назначив в генералы *Силу*,

своего телохранителя, приказала этих бунтовщиков схватить и всех наказать публично. Забили тревогу, и сбежалось множество готовых к бою, не только из сословия наемников, но и из правителей, чиновников, судей, ремесленников, философов, медиков, юристов и даже священников, а также и из женщин, в разнообразнейших костюмах и вооружении (ибо говорили, что против таких открытых бунтовщиков света все, кому позволяет молодость или старость, открыто должны помогать друг другу). Видя надвигавшиеся войска, я спросил своих проводников: "Что это будет?" Толмач ответил: "Теперь узнаешь, как бывает тем, кто организует в свете крамолы и смуты своим мудрствованием".

4. В это время, нагрянувши на одного, другого, третьего, десятого, они начали бить, рубить, поражать, топтать, схватывать, вязать, уводить а тюрьму, смотря по тому, какое у кого было бешенство; при виде этого у меня сердце обливалось кровью от жалости, но, боясь такой жестокости, я, весь дрожа, не посмел и пикнуть. И заметил я, что некоторые из схваченных и избитых складывали умоляюще руки, прося прощения за свои поступки; другие, чем хуже поступали с ними, тем упорнее стояли на своем; потому многих здесь на моих глазах побросали в огонь, других швырнули в воду, третьих вешали, четвертых рубили, распинали на кресте, рвали клещами, резали, кололи, пилили, пекли на хворосте. Всего не могу даже перечесть, каким мучительным видам смерти подвергали их: над этим плясали и ликовали народы света.

Глава XXXVI

Путешественник хочет убежать со света

1. Не будучи более в силах ни смотреть на это, ни переносить сердечную боль, я бежал, желая укрыться где-нибудь в пустыне и, если бы это было возможно, скрыться со света. Но проводники мои, путившись вслед за мной, догнали и спросили, куда это я хотел удрать. Желая отделаться молчанием, я не ответил ничего, но когда они грубо стали настаивать, не желая отпустить меня, я сказал: "Я уж теперь вижу, что в свете лучше не будет! Конец моим надеждам! Горе мне!" – "А ты еще не образумился, убедившись даже, к чему приводят такие примеры?" Я ответил: "Тысяту раз готов умереть, нежели быть здесь, где происходят такие вещи, и смотреть на несправедливость, фальшь, соблазн, жестокость. Поэтому смерть желательнее мне, чем жизнь: иду взглянуть, каков жребий мертвых, которых, вижу, выносят".

2. *Вездесущ* тотчас разрешил, говоря, что хорошо и на это посмотреть и поучиться; *Обман* не советовал, напротив – сильно воспротивился. Не обращая на него внимания, я сделал нетерпеливый жест и все-таки пошел, а он, остановившись, отстал от меня.

3. Озираясь кругом, я поглядел на умирающих, которых везде кругом было много, и увидел жалкую картину: каждый без исключения испускает дух с ужасом, жалобами, страхом и с трепетом, не ведая, что с ним будет и где он очутится вне света. Хотя и я боялся этого, но, в постоянном стремлении понять яснее, зашагал между рядами носилок и, дойдя до краев света и солнца, откуда другие, закрыв глаза, выбрасывали своих мертвых, отбросил очки обмана, протер себе глаза и, высунувшись сколь возможно было, увидел тьму кромешную, которой человеческим разумом нельзя найти ни дна, ни конца; в ней не было ничего, кроме червей, лягушек, змей, скорпионов, гнили, смрада и вони от сырости и смолы, заражающих и душу, и тело, словом – ужас, не поддающийся описанию.

4. От него содрогались все внутренности мои, и все тело мое вздрагивало, и я в испуге упал на землю в изнеможении и жалостно стал звать: "Увы, жалкие, ничтожные, несчастные люди! это ли ваша последняя слава! это ли конец всех ваших великолепных дел! это ли цель вашего искусства и разнообразной учености! это ли после столь бесчисленных трудов и хлопот желанный покой и отдых! это ли то бессмертие, которое вы себе постоянно обещали?! Ах, лучше, лучше бы мне никогда не родиться, лучше бы я не проходил врата жизни, если после всей суеты в свете удел мой не что другое, как темнота и ужас. Ах, Боже, Боже, Боже! Если ты существуешь, то смилуйся надо мной, несчастным!"

Г л а в а XXXVII

Путешественник попал домой⁶⁵

1. Когда я кончил говорить это, весь дрожа от ужаса, вдруг услышал за собой страшный голос: "Воротись". Приподняв голову, я посмотрел, кто это зовет и куда велит вернуться, но не увидел ничего, даже своего проводника *Всеведа*. И этот меня уже оставил⁶⁶.

2. Тут снова послышался голос: "Воротись!" Не зная, куда вернуться и как выйти из этого мрака, я начал горевать; тогда голос в третий раз позвал: "Воротись, откуда вышел, в дом сердца своего, и закрой двери!"

3. Я последовал этому совету, насколько понял его, и прекрасно сделал, что послушался Божьего совета; это был его дар. Собрав тогда, насколько мог, свои мысли и закрыв глаза, уши, уста, ноздри и все сообщения с внешностью, вступил я во внутрь сердца своего, где была тьма. Но когда, прищулив глаза, я немного осмотрелся и увидел незначительный входящий через щели свет, нашел я наверху в своде той моей комнатки какое-то окно большое, овальной формы, стеклянное, но загрязненное и замазанное чем-то так густо, что никакого света через него не проникало⁶⁷.

4. Осматриваясь по всем сторонам при таком слабом и незначительном освещении, я увидел по стенам какие-то картинки, когда-то хорошей работы, по-видимому, но краски уже выцвели и некоторые части были разорваны или отломаны. Подойдя к ним поближе, я заметил надписи: "Благоразумие", "Смирение", "Справедливость", "Чистота", "Умеренность" и т.д. А посреди комнаты я увидел какие-то разбросанные лестницы, изломанные, разбитые и разбросанные клещи, обтрепанные веревки, также большие, но с выдерганными перьями крылья, наконец, колеса от часов с обломанными и искривленными валиками, зубцы, оси – все было разбросано в разные стороны⁶⁸.

5. Я с удивлением думал, что это за приборы, как и кем это было разрушено и как бы снова исправить все. Разглядывая и размышляя, я все-таки ничего не мог выдумать; единственная была у меня надежда, что тот, кто своим зовом привел меня сюда, кто бы он ни был, отзовется еще и направит меня в дальнейших делах. И в самом деле, мне стало нравиться то, чего начало я видел здесь, как потому, что комнатка эта не воняла, как первые места, по которым я ходил в свете, так и потому, что здесь не было никакого грохота и шума, ни крика, ни гама, ни беспокойств, ни напряжения, ни препирательств, ни насилий, чего в свете повсюду было полно; здесь все было тихо.

Глава XXXVIII

Путешественник принял Христа в качестве гостя

1. Обо всем этом я размышлял сам с собой и ждал, что будет дальше. Вдруг сверху блеснул ясный свет; подняв по направлению к нему глаза, я увидел, что верхнее окно полно сияния и в этом сиянии спускается ко мне вниз что-то, фигурой похожее на нас, но судя по сиянию – истинный Бог. Хотя лицо Его сияло чрезвычайно, сияние это было выносимо для человеческого глаза, оно внушало не страх, а какое-то наслаждение, подобного которому я нигде в свете не испытывал. Он, сама нежность, сама дружелюбность, обратился ко мне первым долгом со следующими милыми моему сердцу словами:

2. "Здравствуй, здравствуй, милый мой сын и брат!" Сказав это, он обнял меня и поцеловал. Какой-то нежащий аромат от него проник в мою душу, и я преисполнился такой невыразимой радостью, что слезы потекли из глаз моих; я даже не знал, что ответить на такой неожиданный привет, и, только глубоко вздохнув, взглянул на него покорными глазами. Он, видя, что я вне себя от радости, продолжал говорить: "Где ты был, мой сын? Где ты был так долго? Куда ходил, чего искал в свете? Утешения? А где ты должен был искать его, как не в Боге? А Бога где найти, как не в храме его? А который храм Бога

живого, как не тот храм живой, который Он приготовил сам себе, твое собственное сердце? Смотрел я, мой сын, как ты блуждал, но дольше смотреть не хотел: привел тебя к себе тем, что увидел тебя в храме сердца твоего. Ибо здесь я выбрал дворец для своего пребывания; если хочешь жить со мной, то найдешь здесь то, чего напрасно искал в свете: покой, утешение, славу и довольство во всем. Это я обещаю, мой сын, и ты не будешь обманут, как там".

3. Услышав эти речи и поняв, что мой Спаситель Иисус Христос, о котором я и раньше что-то поверхностно слышал в свете, я обратился к нему не так, как в свете, с боязнью и сомнением, а с полным доверием; сложив руки и подавая ему, я сказал: "Теперь я твой, Господь мой Иисус Христос. Возьми меня к себе, хочу быть и оставаться твоим навеки. Говори рабу твоему и дай мне силу слушать; скажи, что хочешь, и дай мне силу любоваться; возложи на меня, что тебе угодно, и дай мне силу нести; обрати меня, к чему желаешь, и дай силу исполнить твое приказание; пусть я ничто, но сделай, чтобы ты сам был всем"⁶⁹.

Г л а в а XXXIX

Обоюдный их договор

1. "Принимаю это, мой сын, от тебя, — сказал он. — Будь в этом постоянен; будь, называйся и оставайся моим собственным. Собственно, ты был и есть мой вечно, но ты этого прежде не знал. Я давно готовил тебе то утешение, к которому тебя теперь веду, но ты этого не понимал. Вел я тебя к себе дивными путями, кругом и около; ты не понимал и не знал, что я руководитель всех избранных, ты даже не замечал около себя моих деяний, но я был с тобой везде и для того некоторое время водил тебя таким окольным путем, чтобы под конец сильнее привлечь тебя к себе. Ни свет, ни проводники твои, ни *Соломон* не могли тебя ничему научить, ничем не могли обогатить, ничем не могли насытить, ничем не могли успокоить желание сердца твоего, потому что в них не было того, что ты искал. Но я тебя научу всему, я тебя обогащу, я тебя насыщу.

2. Только от тебя желаю, чтобы все, что ни видел в свете, какие ни замечал усилия в житейских делах, ты перенес и обратил на меня. Пусть это будет, доколе ты жив, твоя работа, твои занятия; а то, чего люди ищут и не находят, все это я дам тебе вдоволь: покой и радость.

3. Ты видел в семейном быту, как те, которые нравятся друг другу, все покидают, чтобы только принадлежать друг другу. Ты тоже так сделай, откажись от всего и от самого себя, отдайся мне вполне, и будешь моим, и благо тебе будет. Уверяю тебя, что до тех пор, пока не сделаешь этого, не достигнешь успокоения ума. Ибо все на свете, чего

бы ты ни придерживался, будь то мысль или наслаждение, изменяется, кроме меня; все тебя так или иначе будет занимать и беспокоить и наконец надоест, а наслаждение, которое ты себе в том готовил, обратится в скорбь. Поэтому искренне советую тебе, мой сын, оставь все, держись за меня и будь моим, и я буду твоим! Затворимся здесь, вместе, в этой хранимой обители, и ты испытаешь более истинные наслаждения, чем можно найти в телесном супружестве. Старайся только мне нравиться, иметь меня советником, путеводителем, свидетелем и собеседником во всех своих делах, а если вздумаешь обратиться ко мне с речью, то говори: "Только я и Ты, Господь мой!"; о ком-нибудь третьем заботиться тебе нет нужды. Держись только меня, на меня смотри, дружески беседуй со мной, ко мне приникай, меня приветствуй и всего этого жди и от меня в свою очередь.

4. В другом быту ты видел, какими неисполнимыми работами задаются люди ради выгоды, за какие предприятия хватаются, каким опасностям подвергаются. Все эти бесполезные труды считай суетою, сознавая, что одно только нужно – милость Божья. И потому оберегай единственное свое призвание, которое я поручаю тебе, искренне, с верой, с упорством исполняй свою работу в тишине, поручая конец и цель всего мне.

5. Ты видел между учеными, как они стараются понять все; для тебя же пусть будет верхом мудрости изучать меня в делах моих, как дивно управляю я тобой и всем: здесь ты найдешь больше материала для наблюдений, чем они там, причем испытаешь несказанное наслаждение. Вместо всех библиотек, читать которые неодолимый труд, малая польза, часто вред, всегда усталость и тоска, даю тебе эту книжку, в которой ты найдешь все правила⁷⁰. Здесь будет твоя грамматика – уяснение моих слов, диалектика – вера в них, риторика – молитва и воздыхания, физика – созерцание моих деяний, метафизика – наслаждение во мне и в вечных вещах, математика – перечисление моих добродетелей и, в противоположность им, неблагодарностей света, взвешивание и измерение их; этикой твоей будет моя любовь, которая послужит тебе руководством во всех твоих поступках по отношению ко мне и к ближнему твоему. Знания всего этого ты будешь искать не для того, чтобы быть известным среди других, но чтобы вечно приближаться ко мне. И во всем этом чем проще, тем искуснее будешь: ибо простым сердцам воссияет свет мой.

6. Ты видел между лекарями отыскивание различных средств для сохранения и продолжения жизни. Но к чему тебе сокрушаться о том, сколько ты должен жить? Разве это в твоей власти? Не вышел ты на свет, когда хотел, так и не уйдешь из него, когда захочешь; всем управляет мое предначертание. Поэтому позаботься о том, чтобы достойно жить, а до каких пор ты должен жить – за этим буду смотреть я. Живи просто, относись искренне к моей воле, а я, по твоему желанию, буду твоим врачом; я буду жизнью твоей и долголетием

дней твоих. Без меня ведь и лекарство – яд; когда же я прикажу, то и яд должен быть лекарством. Поэтому поручи мне твою жизнь и здоровье, а сам не беспокойся о них.

7. Ты видел в юриспруденции странные и запутанные дела и то, как учатся спорить на все лады о своих делах. При тебе пусть будет такое законоведение: ни в чужом, ни в своем никому не завидуй, кто что имеет, то при нем и оставляй; кто в чем-нибудь твоим нуждается, не отказывай ему; кому ты должен, тому отдавай; кому и помимо долга можешь чем-нибудь помочь, считайся должником его; ради общего спокойствия жертвуй и самим собой; если кто возьмет твою одежду, прибавь ему и последнюю рубашку; если кто станет бить тебя по щеке, подставь ему и другую. Это мои правила, и если ты будешь соблюдать их, то достигнешь покоя.

8. Ты видел, какие церемонии и споры устраивают люди при распространении религии. Твоей религией пусть будет служение мне в тишине, а не обязывание себя обрядами, ибо я не обязываю ими. И когда от души по правде будешь служить мне так, как я учу тебя, ни с кем не ссорься из-за этого, хотя бы и называли тебя лицемером, еретиком и чем угодно; в тишине обращай внимание свое только на меня и на служение мне.

9. Между начальствующими и правителями человеческих обществ ты узнал, как люди стремятся занять высшие должности и управлять другими. Ты же, мой сын, доколе жив, всегда дорожи низшим местом и желай лучше повиноваться, чем приказывать. Да ведь и легче, безопаснее и удобнее стоять за другими, чем наверху. А коли хочешь всегда управлять и приказывать, то управляй самим собой. Отдаю тебе душу и тело твои вместо царства; сколько в теле членов и в душе различных побуждений, столько будет у тебя подданных, которыми старайся управлять так, чтобы все было хорошо. А если моей предусмотрительности вздумается помимо этого еще большее поручить тебе, то иди послушно и исполняй со старанием, не ради прихоти своей, но ради моего повеления.

10. В военном быту ты видел, что в истреблении и пленении себе подобных заключается геройство. Но я тебе сообщу о других неприятелях, на которых с этой минуты и старайся доказать свой героизм: дьявол, его мир и желание собственного твоего тела; от них защищайся и, сколь возможно только, отгоняй от себя первых двух, а третьего истязай и убивай, и если все это мужественно исполнишь, обещаю тебе – достигнешь более славной короны, чем та, которую когда-либо мог бы дать тебе мир.

11. Ты видел также, чего люди ищут в замке того мнимого счастья и в чем они успевают: в имуществе, роскоши и славе. Но ты на эти вещи не обращай внимания: они не спокойствие доставляют, а беспокойство и служат дорогой к печали. Зачем заботиться об избытке имущества? Зачем желать его? Жизнь малым держится, и мое уже

дело заботиться о всяком, кто мне служит. Поэтому старайся собирать внутренние свои драгоценности, просвещенность и набожность, а я тебе прибавлю все другое: небо и земля по праву наследства будут принадлежать тебе, в этом будь уверен. Это тебя не будет угнетать и стеснять, как других, а, напротив, несказанно радовать.

12. Люди в свете любят искать товарищества. Ты берегись шума и любви уединенности. Товарищество ведет к грехам или каким-либо излишествам, по крайней мере к безрассудству и потере времени. Ведь ты не один, и не бойся, если б даже и один был: с тобой я и легионы моих ангелов; с нами можешь беседовать. А в случае, если б ты иногда пожелал видимого товарищества, то ищи такого, которое было бы одинаковых с тобой мыслей, чтобы ваше товарищество было взаимным укреплением себя в Боге.

13. Радость людей состоит в изобилии кваса, в еде, питье и смехе; тебе же пусть будет приятно со мной и ради меня, когда это нужно, голодать, жаждать, тосковать, терпеть раны. А если я дам тебе удовольствия, то можешь тоже веселиться, но не ради удовольствий, а ради меня и во мне.

14. Ты видел людей, жаждущих славы и почестей. Не обращай внимания на мирскую молву. Говорят ли о тебе люди доброе или худое, для тебя это не имеет никакого значения, если я доволен тобой. Когда знаешь, что нравишься мне, то не дорожи любовью людей: их любовь непостоянная, неполная и извращенная; часто любят то, что достойно ненависти, а что достойно любви, то ненавидят. Да всем и невозможно угодить: желая понравиться одному, опротивеешь другим. Итак, лучше всего сделаешь, если оставишь все и будешь смотреть на меня одного: когда мы будем друг с другом в согласии, то ни тебе, точно так же как и ни мне, человеческий язык ничего не прибавит и ничего от нас не отнимет. Не старайся быть известным многим, мой сын! Слава твоя – быть низким, чтобы мир, если это возможно, о тебе не знал; это лучше, безопаснее. Между тем мои ангелы будут о тебе знать и разговаривать, глядеть на твое служение, рассказывать на небе и на земле о твоих поступках, когда это будет нужно; в этом будь уверен. Потом, конечно, когда придет время к исправлению всех вещей, все, предавшие себя мне, в мои руки, предстанут пред лицом всего света и ангелов в несказанной славе, сравнительно с которой слава этого света меньше, чем тень.

15. В заключение, мой сын, скажу тебе поэтому воистину: имеешь ли имущество, знание, красоту, остроту ума, людскую дружбу и все, что считается хорошим на свете, не гордись всем этим; не имеешь – не заботься, но оставь все это, будь оно у тебя или у других, таким, каким оно есть, и беседуй в сердце своем со мной вместе. Таким образом, обнажившись от всего земного, отказавшись и отрекшись от самого себя, найдешь меня, а во мне и полное спокойствие, это обещаю тебе".

16. На эту речь ответил я: "Господи, Боже мой! Начинаю понимать, что Ты сам – все; кто Тебя имеет, тому легко отказаться от всего света, потому что тот в Тебе имеет более, чем может желать. Теперь я уже понимаю, что заблуждался, скитаясь по свету и ища себе отдыха в сотворенных вещах. Но с этого часа я уже не желаю себе никакого наслаждения ни в чем, а только в Тебе. Теперь я весь предаюсь Тебе; Ты сам только укрепи меня, чтобы я вновь не отклонился от Тебя к сотворенным вещам, вновь позволяя себе те бессмысленности, которыми полон свет. Да храни меня милосердие Твое, на него я уповаю".

Г л а в а X L

Путешественник словно преобразился

Когда я говорил это, во мне становилось все светлее и светлее, и заметил я, что те картины, которые раньше казались потертыми и изломанными, снова начали делаться не только целыми, прекрасными и блестящими, но начали и двигаться перед моими глазами. Ранее разбросанные и поломанные колеса соединились, и из них образовался какой-то совершенный механизм вроде часов, изображающий бег мира и дивное Божье управление. Исправились также и лесенки и поставились кверху, к тому окну, которое пропускало небесный свет; как я понял, оттуда можно было взирать на все. Крылья, которые сначала казались мне с powyдерганными перьями, получили новое, большее оперение. Тот, который говорил со мной, Господь мой, взяв их, прикрепил ко мне и сказал: "Сын мой, я обитаю в двух местах: на небе, во славе своей, и на земле, в сердце смиренном. Хочу, чтобы и ты с этого времени имел две обители: одну здесь, в сердце твоём, где я обещал быть с тобой, другую на небе, у меня; для того чтобы ты мог возноситься туда, даю тебе эти крылья, которые суть стремление к вечным благам и молитва⁷¹; тебе возможно будет, когда захочешь, улететь ко мне, и таким образом со мной будешь, как и я с тобой, делить радости".

Г л а в а X L I

Путешественник отослан в невидимую церковь⁷²

1. "Между тем, ради укрепления тебя в этом и для истинного уразумения той радости, с которой я теперь призвал тебя, отсылаю тебя к другим моим слугам, которые прежде оставили свет и отдались мне, – дабы ты увидел их образ жизни". – "А где они живут, Господь

мой? – спросил я. – Где их искать?" – "Они рассеяны по свету, но свет их не знает. Для того чтобы ты мог узнать их, – поскольку до тех пор, пока я не возьму тебя, ты находишься еще в свете, – я вместо очков и узды, которые надеты были раньше на тебя, наложу на тебя ярмо (которое называется послушанием): ни за кем не следовать, кроме меня. Даю еще тебе впридачу эти очки; сквозь них, если только захочешь, лучше заметишь мирскую суету и будешь иметь возможность увидеть радость избранных моих. (Внешний ободок этих очков было слово Божие, внутреннее стекло – Дух святой.) Теперь иди, – сказал он, – иди в то место, которое ты первый раз оставил, и увидишь такие вещи, каких бы ты не увидел без помощи этих очков".

2. Вспомнив, где это было, я встал и пошел с желанием и торопливо, так что не замечал даже происходящего вокруг меня шума. И вошел я в храм, который назывался христианством, и, увидав в самой внутренней стороне его, которая называется престолом, занавес или покрывало, пошел прямо туда, не обращая никакого внимания на секты, спорящие по ту и другую сторону. Здесь я в первый раз понял, что это за уголок, называемый *praxis christianismi*, т.е. истиной христианства⁷³. Завеса была двойная: внешняя, которую сверху можно было видеть, была темного цвета и называлась *contemptus mundi* – пренебрежение светом; другая, внутренняя, была светлая и называлась *amor Christi* – любовь ко Христу. Видел я, что этими двумя завесами оберегается то место и отделяется от других, но внутренности нельзя было снаружи видеть. Кто входил за эту завесу, тотчас становился иным, нежели остальные люди, полным блаженства, радости и покоя.

3. Стоя еще вне ее и озираясь, я увидел дивную и достойную ужаса вещь: много тысяч людей постоянно ходят около этого святилища, но в него не заходят; потому ли, что они не видали его или просто пренебрегали, или по внешности оно им казалось дурным – не знаю. Видел я, что около него ходят и знатоки Священного писания, и священники, и епископы, и многие другие высокого мнения о своей святости; некоторые даже заглядывали туда, но не входили внутрь; этого мне было жаль. Я видел, что когда иной подходил ближе, то через щель блестел светлый луч или слышался аромат, который привлекал к себе, но тот не хотел только поискать, как попасть туда. Некоторые начали искать двери, но, оглядываясь назад, когда поражал их снова блеск света, возвращались обратно.

4. Самую настоящую причину, почему туда попадали так редко, я увидел тогда, когда подошел к дверям завесы, а именно: очень строгий экзамен, который приходилось здесь держать. Кто хотел попасть туда, тот должен был покинуть все свое имущество, и глаза, и уши, и разум, и сердце свое, потому что, говорили, кто перед Богом хочет быть мудрым, тот в сердце своем должен считать себя глупым; кто хочет знать Бога, тот должен забыть все другое; кто хочет иметь Бога, тот должен оставить все остальное. Потому-то некоторые, не желая

отказаться от своего имущества и знания, уверяли, что это необходимо для неба, и оставались снаружи, а вовнутрь не входили. Кого же пускали, у тех не только осматривали платье, чтобы в них не скрывалось что-нибудь завернутое из светских пустяков, но (что в другом месте было бы необычайно) разбирали и самые внутренности, голову и сердце, дабы ничего нечистое не осквернило Божие обители. Хотя это было не без боли, но небесное лекарство так удачно действовало, что скорее увеличивало жизнь, чем уменьшало. Вместо крови, которая через это прокалывание и резание выцеживалась, зажигался в членах какой-то огонь, который преобразовывал человека в другого, так что каждый из подобных людей сам себе удивлялся, что до сих пор затруднял себя таким бесполезным бременем, принимая на себя то, что свет называет мудростью, славой, весельем, богатством (тогда как на самом деле они не что иное, как тягость). Тут я увидел, как хромы поскакали, заики стали ораторствовать, глупые пристыживали философов, ничего не имущие говорили, что все имеют.

5. Наглядевшись на все здесь у дверей, вошел я дальше за ту завесу и, смотря на их дела (сначала вообще, потом на некоторые из их призваний), смотря с невыразимой радостью, я увидел, что все здесь противоположно тому, как на свете. В мире видел я слепоту и мрак, а здесь ясное сияние; в мире много беспорядка, здесь самый прекрасный порядок; в мире трудяние, здесь покой; в мире заботы и скорбь, здесь радость; в мире недостаток, здесь изобилие; в мире рабство и неволя, здесь свобода; в мире все неудобноисполнимо и тяжело, здесь все легко; в мире везде несчастные случаи, здесь одна безопасность. Все это я расскажу немного подробнее.

Глава XLII

Свет внутренних христиан

1. Мир и кто в нем блуждает руководствуются почти только предрассудком, одни держатся за других в своих действиях, делают все ошупью, как слепые, то здесь, то там задевают и сталкиваются. Но для этих христиан светит ясный двойной внутренний свет – свет разума и свет веры, которыми обыкновенно управляет Дух святой.

2. Хотя входящие в святилище и должны отказываться от разума, но Дух святой возвращает его, и притом возвращает очищенным и утонченным, так что они похожи на всевидящее око; куда бы они в свете ни пошли, что бы они над собой, под собой, вокруг себя ни видели, ни слышали, ни обоняли, ни вкушали, всюду они видят Божии следы и во всем прекрасно умеют действовать во страхе Божиим. Благодаря этому они мудрее всех философов света, которых Бог по своему справедливому приговору ослепляет, чтобы они, воображаю-

щие, что все знают, ничего не знали и не умели давать себе отчета ни в том, что имеют и чего не имеют, ни в том, что делают, ни в том, что должны делать, но не делают, ни в том, куда и к какой цели идут и дойдут ли. Их знание основывается только на шелухе, т.е. на внешнем поверхностном наблюдении; к внутреннему ядру, которое есть повсюду разлитая Божья слава, они не проникают. Но христианин во всем, что видит, слышит, ощущает, обоняет, вкушает, – видя Бога, слышит Его, ощущает, обоняет, вкушает, будучи всюду уверен, что это не предположение только, но истинная правда.

3. Конечно, ему ясно светит свет веры, дабы он видел и знал не только то, что видит и слышит и что находится при нем, но и все невидимое и отсутствующее. В слове своем Бог изобразил и то, что над небесами, в высоте и под землей, в пропасти, и то, что было раньше мира и что будет после мира. Этому христианин верит так, как если бы все это было у него в действительности перед глазами. Мир не может в это проникнуть. Мир не признает ничего, кроме рук и глаз, и доверяет только тому, что держит в горсти; христианин же так смело полагается на невидимое, отсутствующее и будущее, что ради этого чувствует отвращение к настоящему. Мир ничего не желает, кроме доказательств; христианин довольствуется простыми словами божьими. Мир ищет обязательств, залогов, поруки, печатей; христианин ручательством за все безопасности ставит саму веру. Мир различно за собой подсматривает, испытывает, проверяет, исследует; христианин полагается во всем на Божию правду. Итак, в то время как мир всегда имеет, на чем споткнуться, в чем сомневаться, о чем поразмыслить, быть в нерешительности, христианин всегда имеет, чему всецело верить, что слушать, чему поклониться, потому что ему светит свет веры, чтобы он видел и знал все, что неизменно и что иначе быть не может, хотя бы светом собственного разума он и не постигал всего.

4. Осмотревшись здесь при свете веры, я увидел вещи более удивительные, чем могу вымолвить. Расскажу, по крайней мере, хоть что-нибудь. Видел я перед собой здешний мир, словно какой-то преогромный часовой механизм, составленный из разных видимых и невидимых материй, стеклянный, весь прозрачный и хрупкий, имеющий не тысячу, но тысячу тысяч больших и поменьше валиков, колес, крючков, зубцов и зарубок; все это управлялось, двигалось одно чрез другое, одно неслышно, а другое то с шелестом, то с грохотом. Посреди всего этого стояло главное невидимое колесо, от которого и происходило каким-то непонятным образом все движение. Ибо сила того колеса распространялась на все и управляла всем. Хотя вполне постигнуть, как это получалось, для меня было невозможно, но было явно и очевидно, что все – происходило на самом деле. Мне показалось странным и необычайно приятным то обстоятельство, что, хотя все эти колеса постоянно сокращались и исчезали, даже зубцы, зарубки, главные колеса выпадали и вывертывались, тем не менее общий бег

никогда не прекращался, потому что все это каким-то дивным способом высшего таинственного управления пополнялось, замещалось и снова обновлялось.

5. Расскажу яснее. Видел я славу Божию, как Его могуществом и божеством полны небеса, земля, бездна и все, что можно мыслить вне света, даже до бесконечных пределов вечности. Видел я, говорю, как всемогущество Его проявлялось повсюду, ибо оно служило основанием всему; видел я, что все, что бы ни происходило во всех широтах этого света, в самых крупных и самых мелких вещах, — все делается только по Его воле.

6. Скажу, например, в особенности о людях: я видел, что положительно все, и добрые и злые, живы только в Боге и Богом движутся и существуют; каждое их движение, каждый вздох только от Бога и производится Его могуществом. Видел я, как семь очей Его, каждое в тысячу раз яснее солнца, проникают всю землю, видят все; что делается при свете и во тьме, явно и тайно, в самых глубоких местах, и постоянно глядят всем людям в сердце. Милосердие Его распространяется на все Его деяния, но более дивным образом там, где касается это людей. Я понял, как Он их всех любит, желает им добра, грешников терпит, виноватых прощает, блудников призывает, возвращающихся принимает, медлящих ждет, сопротивляющимся дает время, кающихся прощает, покоряющихся обнимает, неумелых учит, печальных утешает, перед падением оберегает, после падения поднимает, просящим дает, не просящим сам уделяет, стучащимся отворяет, к не стучащим сам стучится, ищущим помогает найти, к не ищущим сам идет на глаза.

7. С другой стороны, я видел грозную и страшную ярость к строптивым и неблагодарным, как Он с гневом преследует их, всюду, куда бы они ни повернулись, настигает их своей опалой, так что уйти от рук Его невозможно, а попасть в них невыносимо. Словом, здесь все преданные Богу видят, как гроза и величие Божие владевает над всем, и по Его только воле совершаются все дела, и большие и малые.

Г л а в а XLIII

Свобода преданных Богу сердец

Отсюда к ним приходит то, чего все мудрейшие напрасно ищут в мирских делах: именно полная свобода ума, независимость ни от кого, кроме Бога, неподчиненность никому и необязанность делать что бы то ни было против своей воли. В свете я видел повсюду полную неизвестность. У каждого дела шли иначе, чем он хотел, и, будучи побуждаем к насилию своей собственной волей или волей других, каждый

всегда боролся сам с собой или с другими. Здесь все тихо, ибо каждый из них, отдавшись всецело Богу, не обращает ни на что другое внимания и никого не признает высшим над собой, кроме Бога. Поэтому приказаний света они не слушали, обещаниями его пренебрегали, над угрозами его смеялись, считая все внешнее дурным, потому что они уверены в своем внутреннем благе.

2. Причиной этому то, что христианин, в других случаях открытый, сговорчивый, услужливый, в правах сердца своего не уступчив. Поэтому он ничем себя не обязывает, ни друзьями, ни приятелями, ни господином, ни королем, ни женой, ни детьми, ни самим собой даже, чтобы ради них ничего не могло измениться в его решении и чтоб не выйти из-под страха Божия, но чтобы идти повсюду прямым путем. Что бы свет ни делал, ни рассказывал, ни просил, ни советовал, к чему бы ни принуждал, христианин не позволит склонить себя ни в какую сторону.

3. Так как мир весь навыворот и вместо правды ловит тень, то и свободу в нем видят в том, чтобы свободный никому ничего не одолжал, будь то из лени, гордости или пристрастия. Но христианин далеко не так поступает: оградив только сердце свое, чтобы в своей свободе оно жило сообразно воле Божией, все остальное он обращает на нужды ближних. Видел и узнал я, что нет никого более подчиненного, скажу даже – более близкого к рабству, как человек, преданный Богу, который не стыдится взяться за самую ничтожную службу, за которую, опоенный миром, он не решился бы взяться. Когда только он видит, что можно помочь ближнему, он нисколько не колеблется, ничего не откладывает, ничего не жалеет, исполняемую службу ничуть не преувеличивает, не морщится, не отказывается; видит ли он себе за то благодарность или неблагодарность, все равно, служит с покорностью и весело.

4. О, благословенно рабство сынов Божиих, в сравнении с которым ничего более свободного не может быть выдуманно, в котором человек подчиняется самому Богу, чтобы в другом отношении везде быть свободным. О, несчастная свобода света, в сравнении с которой не может быть ничего более рабского, в которой человек, пренебрегая самим Богом, жалким образом подчиняется другим вещам или из-за имущества служит тем созданиям, над которыми должен был бы властвовать, и противится Богу, которого должен был бы слушать. О, смертные! Хоть бы вы поняли, что один, и только один высший над нами Господь, Учитель наш и будущий Судья, который, имея власть, повелевает нами, повелевает не как рабами, но как детей призывает к послушанию, желая, чтобы мы, если будем слушаться, были свободны и ничем не связаны. По истине служить Христу значит царствовать. Ибо быть подданным Божиим – большая слава, чем быть монархом всего мира; а что будет, если сделаться другом и дитятей Божиим?

Глава XLIV

Порядок внутренних христиан

Господь Бог хочет иметь детей своих свободными, но не своевольными; поэтому особенными уставами он оградил их лучше и совершеннее, нежели в свете, где я не мог заметить ничего подобного. Я видел, что в свете везде много беспорядка, отчасти потому, что и не имеют никакого истинного порядка, отчасти потому, что, имея, не ценят его. Но эти христиане, живущие за завесой, и имеют прекрасный порядок, и соблюдают его. Поистине у них данные самим Богом правила, полные справедливости, которыми предписывается: 1) чтобы каждый, преданный Богу, Его только, единого Бога, имел и знал; 2) чтобы Ему служил в духе и правде, не приписывая Ему, однако, никакого зримого облика; 3) чтобы пользовался языком своим не к оскорблению, но к прославлению достойного имени Его; 4) чтобы праздничные дни, назначенные для службы Ему, не тратил ни на что другое, как на внутреннюю и внешнюю службу Ему; 5) чтобы пребывал в подчинении родителям и другим, назначенным от Бога; 6) чтобы не вредил жизни ближнего; 7) чтобы оберегал чистоту своего тела; 8) чтобы не присваивал себе чужого; 9) чтобы избегал лжи и вероломства; 10) и, наконец, чтобы сдерживал свою мысль и порывы своей воли в границах.

2. Сущность всего этого та, чтобы каждый любил Бога сильнее всего, что только можно поименовать, и ближнему доброжелательствовал так же искренне, как самому себе. Это из двух слов состоящее извлечение правил Божиих, как слышал я, очень хвалили, да и сам я нашел и испытал, что оно не только стбит всех бесчисленных законов, прав и учреждений светских, но в тысячу раз совершеннее их.

3. Кто истинно, от всего сердца любит Бога, тому не нужно указывать, когда, где и сколько раз он должен служить Богу, кланяться и почитать его, потому что уже само сердечное слияние это с Богом и готовность к послушанию – лучшая для него почестъ и ведет человека к тому, чтобы он всегда и везде хвалил Бога и во всех поступках видел славу Его. Кто любит ближнего, как самого себя, тот не нуждается ни в каких обширных указаниях, где, когда и в чем должен он щадить ближнего, в чем не вредить ему, в чем воздавать ему должное; сама любовь, конечно, укажет и вполне докажет, как нужно относиться к ближнему. Признак злого человека – везде искать закона и на бумаге написанного правила, как поступать, тогда как перст Божий в сердце нашем указывает, что мы обязаны делать для ближнего то, чего и себе желаем. Но так как на эти внутренние свидетельства собственной совести свет не обращает внимания и соблюдает только внешние обряды, то отсюда и вытекает, что нет на

свете настоящего порядка, а только подозрение, недоверие, недо-
разумение, злоба, препирательство, зависть, ненависть, воровство,
убийство. Преданные Богу обращают внимание единственно на свою
совесть; что она запрещает им, на то не идут, на что указывает, что
должно делать, то делают, несмотря ни на корысть, ни на дружбу, ни
на что бы то ни было.

4. Отсюда вытекает какая-то однородность и сходство всех их
между собой, как будто все они были отлиты в одной форме, все одно
и то же думают, одному и тому же верят, одного и того же желают и не
желают, потому что научены они от одного и того же духа. И
удивительно, что люди (это я с удовольствием здесь заметил), которые
никогда не видали и не слыхали друг друга и, может быть, отдалены
друг от друга на протяжении целого мира, одно и то же говорят, одно и
то же видят, одно и то же чувствуют, как будто один у другого был
перед глазами или как будто один сидел рядом с другим. Хотя разница
в дарованиях их так же велика, как различны струны в музыкальном
инструменте или как различен высокий и низкий звук флейты, тем не
менее приятна в их согласии общая гармония. Это – доказательство
христианского единства, предвкушение вечности, когда все будет ис-
полнено единого Духа.

5. Из единомыслия вытекает единство чувства, так что с одним
радующимся радуются все, а со скорбящим скорбят все. В свете за-
метил я презлое явление, которое не раз печалило меня: когда одному
не везло, другие радовались тому; когда один заблуждался, другие
смеялись; когда кто терпел убыток, другие в этом искали себе выгоды;
ради выгоды, удовольствия, развлечения доводили ближнего своего до
падения и убытка. Между христианами я нашел иное: каждый так же
заботливо и усердно отстранял от ближнего несчастье, как и от самого
себя, а если не мог отклонить, то скорбел не меньше, чем если бы это
касалось лично его; да оно и касалось его, потому что все они были
одно сердце и одна душа. Как в компасе железные стрелки, будучи
натерты магнитом, поворачиваются к одной и той же стороне света,
так и сердца христиан, проникнутые духом любви, обращаются в одну
и ту же сторону; в счастье – к радости, в несчастье – к печали. И здесь я
познал, что те, которые усердно занимаются своими делами, а ближних
не замечают, суть ложные христиане; они упрямо отверщаются от тех,
на кого легла Божья рука, и, ограждая лишь свое гнездо, оставляют
других на ветре и дожде. Здесь иначе. Когда один страдал, другие не
плясали; когда один голодал, другие не пировали; когда один стоял в
бою, другие не спали – все делалось сообща, так что радостно было
смотреть.

6. Относительно имущества я заметил, что все были большей
частью бедняки, мало имеющие и не дорожащие тем, что свет назы-
вает имуществом. Тем не менее почти каждый всюду имел что-нибудь
собственное, только он не скрывался с этим и не уединялся от других

(как это случается в свете), но имел как будто для общего употребления, охотно и с готовностью пособляя и одалживая, когда кому было нужно. Все делились между собой имуществом своим, как будто столовались за одним столом с общей посудой, которой пользуются сообща с равным правом. Видя это, я устыдился, что у нас часто случается наоборот: одни свои дома, насколько могут, наполняют и переполняют посудой, платьем, провизией, золотом и серебром, другие же, будучи не менее слугами Божиими, едва имеют чем прикрыться и на что существовать. Я понял, что то не Божия воля, а принадлежность и обычай извращенного света, чтобы одни ходили разодетыми, в дорогих камнях, другие – нагими, чтобы одни рыгали от пресыщения, другие зевали от голода, чтобы одни с трудом зарабатывали деньги, другие попусту растрачивали их, чтобы одни развлекали себя, а другие плакали. Вследствие этого появляется у одних гордость, пренебрежение к людям, у других – жестокость, а у третьих – зависть и другие пороки. Здесь нет ничего подобного: у всех все общее и одна душа.

7. Отсюда вытекает их общая семейственность, открытость и святое товарищество, так что все между собой, как бы ни были различны по дарованиям и призванию, считаются братьями. Ибо они говорят, что все мы произошли от одной крови: одной кровью искуплены и омыты, одного Отца дети, одним столом пользуемся, одного наследства на небесах ожидаем. Никто не имеет больше другого, кроме вещей случайных. Поэтому одни других предупреждали учтивостью и приветливостью и охотно служили друг другу и каждый пользовался своим местом для назидания других. Кто мог посоветовать – советовал, кто обладал знанием – учил, кто владел силой – защищал других, кто имел власть – держал все в порядке. Случилось ли кому заблуждаться в чем-нибудь, другие поправляли его, согрешил ли кто, наказывали его, и каждый охотно позволял делать ему наставления и наказывать, готовый все исправить по указанию и даже отдать тело свое, если бы ему доказано было, что оно уже ему не принадлежит.

Г л а в а XLV

Для сердечно преданных Богу все легко и возможно

1. Им не только не казалось горьким находиться в таком положении, но тут было их удовольствие, улада, тогда как в свете каждый ненавидит всякую тяготу, которой не в силах избежать. Поистине Бог, взяв у них каменные сердца, вложил им в тело телесные, гибкие и склонные к исполнению воли Божией. Хотя дьявол лстивыми внушениями, мир злыми примерами, тело – врожденной своей медли-

тельностью к добру причиняют немало всяческих затруднений, они нисколько этим не смущаются, прогоняют дьявола стрельбой молитв; перед соблазнами мира, закрываясь щитом постоянства в намерениях, тело наказывая кнутом научения, принуждая его к послушанию, исполняют свое дело весело, и пребывающий в них дух Христов придает им силы, чтобы они не нуждались ни в хотении, ни в действительном достижении совершенства, какое возможно на земле. Здесь я убедился, что служить всем сердцем Богу не труд, но удовольствие; я понял, что те, которые оправдываются слишком, что они слабые люди, не понимают силы и необходимости нового рождения, а может быть, и не достигли его даже. Должны они поразмыслить о том. Не видел я, чтобы кто-нибудь из них ссылкой на потребности тела выслуживал себе прощение грехов или слабостью характера оправдывал злой поступок. Но если кто отдал все сердце Тому, Кто его сотворил, искупил и освятил, как храм, то за сердцем его уже другие члены свободно мало-помалу склоняются туда, куда хочет Бог. О христианин, кто бы ни был, освободись от оков тела; исследуй, испытай и познай, что преграды, которые мы мысленно рисуем себе, меньше, нежели могли бы противостоять твоей воле, если только она искренна.

2. При этом я видел, что не только поступать по воле Божией, но и претерпеть определенное Богом – возможно. Немало христиан, терпя от мира издевательства, оскорбления и преследования, плакали от радости и, поднимая к нему руки, хвалили Бога за то, что он сделал их достойными также претерпеть ради Имени его и не только верить в Распятого, но и самим быть также распятыми в честь Его. Другие, с которыми этого не случалось, завидовали им святой завистью, боясь без казни гнева Божия и без крестной смерти отлучения от Христа; поэтому они целовали первый попавшийся им на глаза и бич, и жезл Божий, и крест.

3. Все это происходит оттого, что они отдались Богу всей своей волей так, чтобы не делать ничего другого, не желать быть ничем, кроме как Бог хочет. Они уверены, что все, с чем бы они ни встретились, происходит от Бога, от Его промысла. И для таких людей не может случиться ничего неожиданного, потому что они считают благодеянием Божиим раны, темницы, муки и смерть. Живется ли им хорошо или дурно, им все равно, разве только первое считается более сомнительным, второе – более надежным; они наслаждаются своими неудобствами, ранами и язвами и гордятся ими. Одним словом, они так укреплены в Боге, что если не страдают, им кажется, что они бездействуют и теряют время. Но сдерживай свою руку против них, кто может! Ибо с чем большим желанием подставляют они спину, тем страшнее бить их; чем более они похожи на сумасшедших, тем опаснее смеяться над ними. Они поистине принадлежат не себе, а Богу; что причиняется им, все то Бог принимает себе.

Глава XLVI

Святые имеют изобилие всего

1. Свет полон заботливых Марф, которые носятся, спешат, запыхавшись, сбегают со всех сторон, но никогда не имеют недостатка. Внутренние христиане имеют другой характер. Довольный спокойствием и своей долей, каждый сидит у ног Господа своего. За лучшее богатство считает он находящуюся при нем благодать Божию, единственно которой он тешится. Внешние вещи, которые мир называет имуществом, они считают скорее обязательством, чем выгодой, которой пользуются только ради потребностей жизни; говорю – ради потребностей, потому что сколько бы ни уделил им Господь Бог, мало ли, много ли, – каждый считает себя имеющим довольно; веруют, конечно, всецело и полагаются они на то, что они под Божиим попечением, и потому считают неприличным желать себе чего-то большего, кроме Божьего.

2. Странную вещь я видел здесь; одни имели вдоволь имущества, серебра, золота, корон, скипетров (ибо и таких Господь Бог имеет между своими), другие почти ничего, кроме обнаженного наполовину и иссохшего от голода и жажды тела; но первые говорили, что они ничего не имеют, вторые – что имеют все; притом и те и другие были одинаково добрых помыслов. Тут я понял, что в действительности богат и ни в чем не нуждается тот, кто умеет остановиться на том, что имеет; кому много ли денег, мало ли, совсем ли нет их, большой ли, малый ли домик или нет его, роскошная ли, бедная ли одежда или никакой, много ли, мало ли приятелей или ни одного, высокое ли, низкое ли место или никакого, должность ли, честь ли, – словом, быть ли чем-нибудь или ничем, все это для него одно и то же; он верит, что все хорошо и даже лучше, чем он сам понимает, если Бог хочет, ведет и сажает его, чтобы так, а не иначе он шел, стоял, сидел.

3. О благословенное и желанное изобилие! Как счастливы те, кто так богат! Хотя некоторые из них в глазах света были жалкими и мизерными, на самом деле они в тысячу раз лучше обеспечены, чем другие богачи мира, даже со стороны обыденных вещей. Первые сами себе попечители и со своим имуществом подвержены тысяче случайностей: огонь, вода, ржа, воры лишают их этого; последние же имеют охраной Бога, всегда имеют у него живой склад для своих нужд; он ежедневно кормит их из своей житницы, одевает из своих сундуков и выдает из казны своей на расход. Он делает все это если не в полном избытке, то всегда по мере нужды, если не по их разуму, то по своему провидению, на которое они полагаются в тысячу раз охотнее, чем на свой разум.

Г л а в а XLVII

Беззаботность преданных Богу людей

1. Хотя в мире ничто не кажется таким беззащитным и подверженным разным опасностям, как собрание благочестивых, на которых скaredно смотрят и дьявол, и мир, которых колотят и бьют, но я видел их хорошо охраненными, ибо и самая община их явно была окружена огненной стеной, которая, как я заметил, подходя к ней, двигается; она была не что иное, как много тысяч круживших вокруг ангелов, из-за которых никакому неприятелю нельзя было даже подойти. Кроме того, каждый имел Богом приставленного и назначенного ангела хранителя, который наблюдал за ним, оборонял и защищал его перед опасностями, западнями, ямами, засадами, ловушками и всевозможными напастями. Они поистине (это я видел и в этом убедился) любят людей как своих братьев, видя их за обязанностями, для которых они созданы Богом; людям они любят служить, стерегут их перед лицом дьявола, злыми людьми и несчастными случайностями, нося их, где это нужно, на руках, оберегают от вреда. Тут я понял, сколь многое зависит от благочестия, потому что эти прекрасные и чистые духи держатся только там, где чувствуют запах нравственности, а смрад грехов и нечистоты отгоняет их.

2. Видел я также (чего не следует таить) и другую пользу того святого невидимого товарищества, а именно: что они не только охранители, но и учителя для избранных, которым дают часто тайные извещения о тех или других вещах и учат глубоким скрытым таинствам Божиим. Так как они всегда глядят на лик всеведущего Бога, то для них ничего не может быть скрытым из всех вещей, которых может желать благочестивый человек; что сами они знают и что относится к нуждам избранных людей, они объявляют им с Божьего позволения. Вследствие этого сердце благочестивых часто чувствует то, что происходит в другом месте, находится в грустном настроении духа в несчастных случаях, а в утешительных случаях – в веселом. Отсюда происходит то, что посредством снов, или других видений, или тайных внушений у них рисуется в воображении то или другое событие прошлого или будущего. Отсюда и другие увеличения в нас даров Божиих – быстрое, плодотворное мышление, разные удивительные открытия, которыми человек превосходит себя самого, сам не зная, откуда это к нему идет. О благословенная школа сынов Божиих! Это и приводит часто в ужас всю светскую мудрость, когда видят, как простой какой-нибудь человек рассказывает о дивных таинствах, предсказывает будущие перемены мира и церкви так, как будто бы на них глядел, называет по имени еще не родившихся на свет королей и государей мира и предопределяет и объявляет другие события, до которых нельзя было додуматься ни каким бы то ни было ис-

следованием звезд, ни человеческим остроумием. Все эти вещи таковы, что мы не можем за них достойно отблагодарить Бога, своего хранителя, и достойно любить своих учителей. Но вернемся к безопасности благочестивых.

3. Я видел, что каждый из них огражден был не только ангельской охраной, но и славным присутствием Божиим, так что от них был страх тем, которые вопреки воле Божией хотели дотронуться до них. На некоторых я видел чудеса: их бросали в воду, в огонь, львам и диким зверям на съедение, тем не менее ни одна рана не причиняла им никакого вреда. На некоторых постыдно нападали людская ярость, толпа тиранов и палачей со множеством других гонителей обступала их, так что иногда могущественные короли и целые королевства до изнеможения напрягали свои силы, желая извести их, но им это было нипочем: стояли или ходили, глядя весело на свое призвание. Для меня тогда стало ясно, что значит иметь Бога щитом своим. Когда Бог поручает слугам своим совершение известных дел и они мужественно выполняют их, тогда Он, пребывая в них и вокруг них, бережет их, как зеницу ока, дабы они могли пасть не раньше, как по выполнении того, для чего они были посланы в мир.

4. Это они сознают и весело полагаются на эту Божью охрану. Слышал я, что некоторые из них хвалятся, что не боятся самой смерти, хотя бы тысячи тысяч восстали на них, хотя бы бушевал весь смерч, хотя бы земля низверглась в середину моря, хотя бы этот свет наполнился дьяволами и т.д. О счастливейшая, неслыханная в свете обеспеченность, когда человек, так закрытый и охраняемый десницами Божьей, изъят из-под власти всех других вещей! Так пойдем же все, искренние служители Христа, что имеем бдительнейшего стража, хранителя и защитника, самого всемогущего Бога, – и благо будет нам.

Глава XLVIII

Благочестивые имеют покой повсюду

1. Тогда как в свете я заметил везде, во всех сословиях, много шатания, печали, забот, ужасов, страхов, здесь у всех, преданных Богу, я нашел много спокойствия и твердости духа. Бога они не пугаются, хорошо зная Его ласковое к ним сердце; в себе не находят ничего такого, что их печалило бы, так как не имеют недостатка ни в чем добром, как уже сказано; а от вещей, стоящих вокруг них, не испытывают неудобств, так как не обращают на них внимания.

2. Правда, что злой мир не дает им покоя и, как может, делает наперекор, выставляет на смех, дергает, рвет, бросает в них, плюет, сбивает с ног; вообще делает все, что только можно придумать

худшего, как я тому много видел примеров. Но я познал, что это делается по попущению всевышнего Господа, и те, которые хотят здесь хорошо жить, должны носить колпак и бубенцы, ведь в свете есть обычай считать простым безумием то, что у Бога считается мудростью. Многие с благороднейшими дарованиями Божиими подвергались пренебрежению и насмешкам, и часто даже от своих родных; я говорю, что это случается, однако я же видел, что они ничего этого не боятся, но находят наслаждение в том, что мир, как бы от зловония, зажимает перед ними нос, как бы из гадливости отвращает от них глаза, пренебрегает ими, как сумасшедшими, казнит, как злодеев, ибо они избрали своим девизом, по которому узнают друг друга, что они Христовы, – "не нравиться миру", и тот, кто не умеет весело переносить несправедливостей, по их словам, не имеет вполне духа Христова; этим подкрепляли одни других. Говорили тоже, что, если свет своим родным точно так же не прощает, своих родных терзает, обманывает, грабит, мучит, так пусть и нам то же делает. Если мы не можем быть свободными от этих мучений, то хотим переносить их здесь, где бы мы могли быть вознаграждены щедрой добротой Божией за причиненный нам миром вред; таким образом смех его, ненависть, несправедливости и обиды превратятся в пользу.

3. Что мир называет счастьем и несчастьем, богатством и бедностью, честностью и бесчестьем, эти истинные христиане не знают, мало того, о таком подразделении имен и слышать не хотят, говоря, что все хорошо, счастливо и полезно, что все приходит от рук Божиих. Поэтому они ничем не печалются, ни в чем не колеблются и не увертываются ни от чего: прикажешь ли ему господствовать или служить, повелевать или повиноваться, учить других или самому учиться, иметь изобилие всего или терпеть нужду – ему все благо, с одинаковым лицом пойдет он всюду, заботясь только о том, чтобы нравиться Господу Богу. Они говорят, что мир не столь грозен, чтобы его бояться, и не так дорог, чтобы нельзя было его забыть. Поэтому они не печалются ни желанием чего-либо, ни лишением. Ударили его в правую щеку, он спокойно подставляет и другую; хочет ли кто с ним столкнуться о верхней одежде, он оставляет ему и рубашку, полагаясь во всем на Бога, свидетеля и судью, и будучи уверен, что эти дела в свое время дождутся нового и справедливого рассмотрения.

4. Греховной суете света Божий человек не дает себя вывести из спокойствия ума. Многие вещи ему совсем не нравятся, но он из-за этого не упрекает себя, не мучится. Пусть ждет позади то, что не хочет идти прямо; пусть падает, что не хочет стоять, пусть гибнет то, что не хочет или не может существовать. Почему бы христианин, который имеет совесть в порядке и в сердце милость Божию, мучился бы из-за них? Если люди не хотят приспособляться к нашим обычаям, то мы приспособляемся к их обычаям, насколько позволяет совесть. Мир идет от

худого к худшему, это правда, но разве мы поправим его своей печалью?

5. Ссорятся ли, тягаются ли сильные мира из-за короны или скипетра, из-за которых возникают кровопролитие и гибель государств и земель, просвещенный христианин об этом не сокрушается, так рассуждая, что или мало, или даже совсем не имеет значения обладание миром. Как мир, если бы сам сатана держал скипетр его, не сгубит церковь, так, с другой стороны, если бы и ангел сидел с короной над ним, все равно мир не перестанет быть миром, а те, которые хотят быть истинно благочестивыми, должны всегда иметь крест и страдание. Поэтому для них безразлично, кто сидит на троне мира; разве что если благочестивый сидит на троне, то к толпе благочестивых примешивается много лстецов и ханжей, и этой примесью охлаждается благочестие первых, тогда как во время открытого преследования они поистине благочестивы и с полным усердием служат Богу. Особенно если принять во внимание, что многие в таких случаях прикрываются маской общественного добра, религии, честности, свободы, тогда как если бы взглянуть, каковы они на самом деле, то оказалось бы, что не для Христа, а для себя они ищут королевства, свободы и славы. Потому человек-христианин оставляет все это идти, как оно идет или может идти, в сердце своем будучи доволен и Богом и милостью его.

6. Преследования, осаждающие церковь, не беспокоят просветленной души. Знает она наверное, что под конец ожидает ее триумф, который не может быть без победы, как ни победа – без боя, ни бой – без неприятелей и трудного с ними сражения. Они храбро переносят все, что случается с ними или с другими, будучи уверены, что есть Божия победа, что Бог, как наметит, туда и поведет дело, хотя бы ему становились на пути скалы, горы, пустыни, моря, пропасти: под конец все должно уступить. Знают также, что неприятель этим возмущением против Бога должен только содействовать увеличению славы Божией. И если бы это дело, начатое ради славы Божией, не имело никакого отпора, то враги думали бы, что оно начато людьми и преисполнено человеческой силой; а так, чем яростнее свет со своими дьяволами произведет сопротивление, тем яснее выделяется могущество Божие.

7. Наконец, хотя бы и пришлось такие случаи, как я видел тому пример, которые бы причиняли христианину печаль в сердце, все же печаль эта не может долго продолжаться, быстро расплывается, как тучка под солнцем. А происходит это благодаря двум средствам. Первое – воспоминание о радостной вечности, которая стоит за здешними бесчинствами и которая ожидает их; ведь то, что происходит в мире, временно; появившись, оно уходит, теряется, исчезает, а потому, как не следует ничего в нем желать, так не следует ни из-за чего печалиться, потому что все минутная тень. Второе – они иногда имеют дома гостя, высказав которому всю тоску, как бы она ни была

велика, могут отогнать ее от себя. Это Бог, их утешитель, к которому они льнут в сердце своем, высказывая открыто и по-родственному, что их мучит; такова смелая уверенность их, что с каждым почти делом они бегут к Господу Богу, каждую свою ошибку, каждую неудачу, каждый недостаток, каждую слабость, каждую боль, каждое желание принося к отеческим стопам Его, везде и во всем Ему доверяясь. А так как это сыновнее, ласковое к себе доверие Бог может только одобрять, то Он и не может не уделить им своей радости, не придать силы к перенесению страданий. Поэтому тем более при возобновлении и увеличении страданий увеличивается в сердце их покой Божий, который превышает всякий разум.

Г л а в а XLIX

Благочестивые имеют постоянную радость в сердце

1. Даже не только покой пребывает в них, а постоянная радость и ликование, которые разливаются в сердцах от присутствия и очевидности любви Божией. Ибо где Бог, там небо; где небо – там вечная радость; где вечная радость, там человек не знает, чего больше желать. Шутка, смех, всевозможная радость мира есть тень по сравнению с этой радостью; не знаю только, какими словами ее высказать или на нее намекнуть. Видел я, видел и познал, что иметь в себе Бога со всеми Его небесными сокровищами есть нечто более славное в сравнении со славой всего света, великолепием его и блеском, нечто более радостное, чем весь свет может понять или объять.

2. Как должно быть сладко человеку, который чувствует в себе такой свет Божий, такое благородное согласие с Духом Божиим, такое освобождение от мира с его рабством, такое истинное и изобильное попечение о себе, такое от неприятелей и случайностей обеспечение, такое, наконец, отовсюду спокойствие! Это та сладость, которой свет не понимает, та сладость, за которой, отведав ее, всякий пойдет, оставив все; это та сладость, от которой не может отвлечь никакая другая сладость, отлучить никакая горечь, переманить никакое удовольствие, отклонить никакая казнь, даже смерть.

3. Тут я понял, что это значит, что многих из святых Божиих по временам побуждает так охотно бросать почести, дружбу людскую, имение свое; они готовы бы отдать даже целый мир, если бы он им принадлежал. Другие тоже с удовольствием отдавали тело свое в заточение, под кнут, на смерть, будучи готовы подвергнуться и тысяче смертей, если бы свет мог повторить их, припевая себе в воде, в огне, под мечом: "О Господи Иисусе, как Ты сладок сердцам, Тебя исповедующим! Благословен тот, кто понимает эту радость!"

Глава L

Путешественник обозревает христиан по их сословиям

1. До сих пор я рассказывал об общих всем христианам чертах. Увидя потом между ними так же, как и в свете, различие призваний, я захотел посмотреть, кто как соблюдает свое место. Опять нашел я такой благородный во всем порядок, что мне даже стало приятно, но всего обстоятельно я уже не стану перечислять, коснусь вкратце только кое-чего.

2. Я видел, что супружество их не многим разнится от девства, потому что у них как в желаниях, так и в заботах есть мера. Вместо стальных оков, о которых прежде упоминал я, здесь я видел золотое кольцо, вместо старания оторваться друг от друга – радостное соединение тела и сердец. Если и замечалась трудность в соблюдении их устава, то это вознаграждалось расширением в них Царства Божия.

3. Кому выпадало на долю возвыситься над другими и называться господином, тот относился к доверенным ему подданным так, как это в обычае у родителей по отношению к детям: с любовью и заботой; любо было смотреть на это. И многие, складывая руки, возносили молитвы к Богу за такого господина. С другой стороны, кто был под властью другого, старался не только на словах, но и на деле быть подданным, почитая Бога тем, что проявлял всевозможную вежливость и внимание и на деле, и в мыслях к тому, кого Бог поставил над ним, какого бы он ни был нрава.

4. Продолжая ходить между ними, я увидел немало людей ученых, которые, в противоположность обычаям света, насколько превосходили других знанием, настолько и смирением; и были они сама мягкость и ласковость. С одним из них, о котором было мнение, что нет ничего во всех человеческих знаниях, что было бы сокрыто для него, мне пришлось разговаривать, но держал он себя, как самый простой человек, вздыхая над своей глупостью и незнанием. Знание языков у них в малой цене, если к этому не присоединяется знание мудрости. Ибо языки будто бы не дают мудрости, а только служат для того, чтобы можно было разговаривать с другими жителями земли, с живыми или мертвыми, а потому не тот ученый, кто может говорить на многих языках, а тот, кто умеет говорить полезные вещи⁷⁴. Полезные же вещи они называют делами Божиими, познанию которых несколько помогают науки и искусства, но истинный кладезь всех познаний – Священное писание, а учитель – Дух святой, цель же всего – Христос. Поэтому все они со своей наукой направлялись ко Христу как к средоточию всего; если видели что-либо помехой для движения ко Христу, то отвергали это, хотя бы оно было

верхом остроумия. По обстоятельствам смотря, они читают разнообразные светские книги, но усиленно ценят только избраннейшие, везде стараясь, чтобы светские речи и считались светскими. Они сами тоже пишут книги, но не для распространения своего имени, а в надежде, что будут в состоянии поделиться с ближним чем-нибудь полезным, чем-нибудь помочь для общего блага, защитить от зла.

5. Священников и проповедников я видел здесь определенное число, по мере надобности церкви, всех в простеньком одеянии, с кроткими и любезными манерами как между собой, так и по отношению к другим. Время они проводили больше с Богом, чем с людьми, в молитве, чтении и размышлении; оставшееся время они употребляли на учение других в общем собрании или частным образом. Слушатели уверяли меня, да я и сам испытал, что проповедь их никогда не слушается без внутреннего движения сердца и совести, потому что из их уст льется чарующее могущество Божьего красноречия. Я видел и радостные и скорбные слезы слушателей, когда говорилось о милосердии Божиим или о людской неблагодарности; так это делается у них серьезно, с оживлением и искренностью. Они считали бы постыдным для себя учить чему-то другому, причем чего не показали бы прежде всего на себе, так что когда и молчат они, есть чему поучиться у них. Подошел я к одному из них, желая с ним побеседовать. Это был человек с почтительной сединой; в лице его просвечивало что-то божественное. Когда он со мной говорил, то речь его была полна какой-то приветливой строгости, и по всему заметно было, что он Божий посланник: так он ни в чем не напоминал мира. Когда я, по нашим обычаям, хотел его почтить титулом, он не позволил, назвав это светскими пустяками; ему довольно титула и чести, если я назову его слугой Божиим, а если мне нравится – отцом своим. Когда он давал мне благословение, то не знаю, какую-то негу и в сердце возникающую радость чувствовал я; и я поистине понял, что настоящая теология – нечто более могущественное и трогательное, чем вообще принято думать. Я покраснел даже, вспомнив напыщенность некоторых наших священников, гордость, жадность, взаимные распри, недоброжелательство и ненависть, пьянство и вообще плотскость; слова их так далеки от поступков, что кажется, будто ради шутки говорят они о добродетелях и христианской жизни. По правде сказать, мне нравились эти мужи ревностного духа, кроткого тела, любители небесных вещей, не замечающие земных, бдительные над стадом, позабывшие о себе, трезвые в вине, упоенные духом, простые на словах, богатые в делах; каждый из них старался быть первым в работе, последним в хвастовстве; одним словом, поступками, словами и всеми помыслами они старались к усовершенствованию и очищению душ своих собратьев.

Глава II

Смерть истинных христиан

1. Походив вдоволь среди этих христиан и насмотревшись на их действия, я заметил, наконец, что и между ними прогуливалась смерть, однако не такая мерзкая по внешности: не нагая, неприятная, но великолепно окутанная пеленами Христа, которые Он оставил в гробу. Смерть, подходя то к одному, то к другому, говорила, что настало время отойти со света. Ах, какая была радость и ликование для того, кто получил эту новость! Только для того, чтобы поскорее это было, они подвергались разным болям, мечу, огню, клещам. И каждый тихо, спокойно, радостно засыпал.

2. Наблюдая, что с ними будет дальше, я увидел, что ангелы по поручению Божьему облюбовали для каждого место, где бы тело его могло иметь себе покой и отдых; когда его клали туда друзья, или враги, или сами ангелы, гроб охранялся, чтобы тела святых содержались в покое от сатаны и чтобы даже малейшая пылинка с них не исчезла. Затем другие ангелы, вынув душу, несли ее наверх среди дивного ликования; проникнув туда за ними взором веры (поправив очки), увидел я невыразимую славу.

Глава III

Путешественник видит славу Божию

1. На высоте сидел на троне своем Господь народов; около Него был блеск от конца небес и до конца их, под ногами Его был как будто кристалл, смарагд и сапфир, а трон Его был из ясписа и вокруг Его головы – прекрасная радуга. Тысячи тысяч и бесчисленное множество тысяч ангелов стояли возле Него, воспевая: "Свят, свят, свят Господь Саваоф, полны небо и земля славы Его".

2. Тут же были двадцать четыре старца, которые, падая перед троном Его и возлагая венцы свои к ногам Того, Кто жив во веки веков, громко восклицали: "Достоин, Господи, принять славу, честь и могущество, потому что создал все, и по Твоей воле все живет и сотворено".

3. Видел я также перед троном огромную толпу, которой никто не мог бы перечесть, из всех народов и поколений; толпа эта все росла и росла по мере того, как ангелы приносили умерших в мире Божиих святых, и шум увеличивался. И пели они: "Аминь, благословение, слава, мудрость, благодарение, честь, могущество и сила Богу нашему во веки веков, аминь". Вообще я видел блеск, свет, сияние, славу невыразимую, слышал звук и шум неизреченный, радостнее и чудеснее, чем могут постичь наши очи, уши и сердце.

4. И испугавшись, от страха перед этими небесными, славными вещами я и сам упал перед троном величия, стыдясь за свою греховность, стыдясь за то, что я человек с оскверненными устами, и воскликнул:

"Господь, Господь, Господь, Бог сильный, добрый и милостивый, долготерпеливый и богатый в милосердии и правде, делающий тысячи милосердных дел, отпусти несправедливость, преступление и грех. Господи, ради Иисуса Христа, смилуйся и надо мной грешным".

Г л а в а LIII

Путешественник принят в домочадцы Божьи

1. Когда я договорил это, раздался голос с середины трона, и спаситель мой, Господь Иисус, обратился ко мне со следующими утешительными словами: "Не бойся, милый мой, я, твой искупитель, с тобой; я утешитель твой, не бойся. Неправда твоя ныне отнята от тебя, и грех твой прощен. Радуйся и ликуй, ибо имя твое написано между сими; когда будешь служить мне верно, будешь, как один из сих. Все, что ты видел, употреби к возрастанию страха моего, и увидишь в свое время вещи большие, чем эти. Оставайся в том только, к чему я призвал тебя, и ступай той дорогой, которую я указал тебе к славе сей. Будь в мире, покуда я оставляю тебя там, путешественником, чужим, пришельцем и гостем, у меня же – домочадцем моим; право обитателя небес дается тебе. Поэтому знай, что имеешь обиталище здесь, и мыслью вознесись – ко мне, к ближним своим как можно выше, но сам смирясь как можно ниже; покуда ты там, обращайся среди земных вещей, но в небесных находи себе отраду. Будь послушен мне, упорствуй и противься миру и телу; охраняй внутри себя уделенную мной мудрость, вне себя – порученную мной простоту; имей говорящее сердце, тихий язык; к несчастьям ближних будь чувствителен, привыкни сносить неправую обиду; душой служи мне одному, телом – кому можешь или должен. Что под руку тебе, исполняй, что возложу на тебя, неси; на свет не обращай внимания, возносись мыслью всегда ко мне; в свете будь телом, во мне – сердцем. Если будешь так исполнять, блажен будешь и благо тебе будет. Иди, милый мой, и до самой кончины своей оставайся с жребием, выпавшим на долю твою, с радостью пользуйся утешением, к которому я тебя привел".

Г л а в а LIV

Заключение

В это время видение исчезло, и я, упав на колени, поднял глаза наверх и возблагодарил, как сумел, своего милостивца такими словами: "Благословен, Господь мой, достойный вечной славы и хвалы, и благословенно славное и преславное имя Твое во веки веков. Да восхвалят Тебя ангелы Твои, все святые Твои возвестят хвалу Твою. Велик Ты в силе, и мудрость Твоя непостижима, и милосердие Твое над всеми делами Твоими. Буду восхвалять Тебя, Господи, доколе жив, и воспевать

святое имя Твое, доколе станет меня, ибо Ты развеселил меня милосердием своим и наполнил ликованием уста мои, выхватив меня из бурных потоков, вынув меня из глубокой пучины и поставив ноги мои на твердую и безопасную почву. Далеко я был от тебя, Боже, вечная радость моя, но Ты, смиростивившись, приблизился ко мне; грешил я, но Ты образумил меня; блуждал я, не зная куда идти, но Ты навел меня на правый путь; ушел я было от Тебя и потерял и Тебя и себя, но Ты, явившись, вернул меня к Тебе и Тебя ко мне. Пришел я было почти к горечи ада, но Ты, дотронувшись до меня, привел меня к сладостям небесным. Поэтому хвали, душа моя, Господа, и вся внутренняя моя — имя святое Его. Готово сердце мое, Боже, готово сердце мое, буду петь и плясать во имя Твое. Ибо Ты высший над всеми высотами, глубочайший над всеми глубинами, дивный, славный и полный милосердия. Горе душам бессмысленным, которые, отойдя от Тебя, думают найти себе покой; кроме Тебя, его не имеют ни небо, ни земля, ни бездна, потому что только в Тебе самом вечное успокоение. Небо и земля от Тебя, и добры, и прекрасны, и желанны они потому, что Твои; но они не так добры, не так прекрасны, не так желанны, как Ты, создатель их, поэтому они и не могут наполнить и насытить души, ищущие покоя. Ты, Господь, полнота полнот; сердце наше неспокойно, доколе не установится в Тебе. Поздно я возлюбил Тебя, о краса вечная! Потому что поздно познал Тебя. Познал я Тебя тогда, когда Ты, о небесное светило, засветилось мне. Пусть умолчит о хвалах Твоих тот, кто не познал милостей Твоих, вы же, внутренности мои, исповедуйтесь Господу. О, кто даст мне то, чтобы сердце мое пересыщено было Тобой, благоуханием вечным, чтобы я все забыл! Разве Ты не Бог мой? Не скрывайся же от сердца моего, краса наипрекраснейшая. Если здешние земные вещи затемнят Тебя от меня, тогда я умру, чтобы смотреть на Тебя и, находясь с Тобой, больше не потерять Тебя. Удержи меня, Господи, уведи меня, унеси меня, чтобы я не заблудился и не отпал от Тебя. Сделай, чтобы я любил Тебя вечной любовью и рядом с Тобой не любил никаких вещей, кроме как для Тебя и в Тебе только; о радость бесконечная! Но что же еще могу я сказать, Господь мой? Вот я Твой, Твой собственный, Твой вечно. Отказываюсь и от неба, и от земли, чтобы только иметь Тебя; не отказывайся только Ты от меня; неизменно, во веки веков, довольно мне одного Тебя. Душа и тело мое ликуют о Тебе, Боге живом; ах, скоро ли найду возможность появиться перед лицом Твоим? Если хочешь, Господи Боже мой, возьми меня, вот я, стою наготове, призови меня, когда хочешь, куда хочешь, как хочешь. Пойду, куда велишь, и буду делать, что прикажешь. Дух твой благий да наставит меня и ведет среди сетей света на землю праву, милосердием Твоим сопутствуй мне на путях моих и проводи через эту, увы, полную тревоги темноту мира к Твоему вечному свету. Аминь и аминь! Слава в вышних Богу, и на земле мир, в человецех благоволение".

Достопочтенного,
славнейшего мужа
Иоанна Амоса Коменского

ПРЕДВЕСТИК ВСЕОБЩЕЙ МУДРОСТИ (Pansophiae Prodromus),

*в котором основательно, ясно и строго
доказываются необходимость, возможность
и польза этого удивительного и поистине
несравненного труда*

В большом деле, как и в малом, не
следует ничего упускать из виду.

(Сир. 5, 18)

Нет ничего приятнее, чем знать все.

Цицерон¹

Просвещеннейшие читатели!

Если стих поэта "excitat auditor studium laudataque virtus crescit"² – справедлив, то он должен был бы оправдаться и в применении ко мне: такое множество столь лестных отзывов (за выполненное мною, по моему, не столь уж большое дело) должно было подстегнуть меня к труду более крупному и лучшему. Поэтому я стал размышлять, не получу ли я равное одобрение, если попытаюсь предложить нечто такое, в чем больше действительного (realioris) знания и глубокой мудрости, но что сведено к подобной же гармонии? Так появилось желание составить "Дверь вещей", или "Врата мудрости"³, которые послужили бы юношеству для того, чтобы, научившись при помощи "Двери языков"⁴ различать вещи с внешней стороны, оно привыкло затем рассматривать их внутренние свойства и обращать внимание на то, чем является каждая вещь по своей сущности. Я стал надеяться, что если бы такое изучение охватило все (включая в себя все необходимое для знания и действия, для веры и надежды), то могла бы составить некоторая прекраснейшая и доброполезная Энциклопедия (или Пансофиола). Когда через некоторых моравских студентов, отправившихся в Англию, узнали о моем плане, выдающийся муж Самуил Гартлиб попросил от меня в письме некоторый очерк будущего труда⁵. И я сообщил ему нижеследующую "Прелюдию пансофии", в которой коротко и ясно доказываю необходимость, возможность и исполнимость (если за дело примутся по определенному плану) всеобщей мудрости.

Всем, кто любит премудрость, свет и истину, привет и благословение от Христа – источника мудрости, света и истины.

1. Что мудрость (которая, по Аристотелю, есть знание многих и удивительных вещей, по Цицерону – познание вещей божественных и человеческих и причин, от которых они зависят, и, наконец, по Соломону – научающая всему художница всех вещей⁶) с древнейших времен была прославляема великими похвалами – об этом не могут не знать те, кто стремится к ее изучению. Она, как говорит мудрейший из смертных, ценнее всех богатств, с ней нельзя сравнить ничего, к чему люди стремятся; в ее правой руке долгота дней, а в левой – богатство и слава; пути ее прекрасны, и все тропы ее миротворны; древо жизни принадлежит тем, кто ее приобретает, и блаженны владеющие ею (Притч 3, 13–18). Цицерон говорит: "Роду смертных не дано и не будет дано никакого более высокого блага"⁷. Гораций пишет: "Мудрец в

конце концов уступает только одному Зевсу: он богат, свободен; он пользуется уважением, он прекрасен; наконец, он царь царей"⁸.

2. Если ты спросишь, почему так ценят одну эту добродетель, то тебе ответят следующим образом. Сенека говорил, что без изучения мудрости никто не может жить не только хорошо, но даже и сносно⁹. Цицерон считал, что мудрость есть мать всех искусств – она научает нас прежде всего богочитанию, потом праву, коренящемуся в общечеловеческом роде, а также скромности и силе духа; она отгоняет от ума, словно от глаз, туман, и мы начинаем видеть все – высшее и низшее, первое, последнее и срединное¹⁰. Наконец, она есть врачевание духа¹¹. А Соломон прибавляет, что мудрость укрепляет мудрого больше, чем десяток князей (Еккл 7, 19), что она есть неисчерпаемое сокровище, и кто к ней прибегает, тот заключает дружбу с Богом, приблизившись к нему благодаря просвещению, потому что Бог любит только тех, кто живет с премудростью (Прем 7, 14, 28).

3. Поэтому правильно самые выдающиеся из людей во все века, отложив заботу о вещах преходящих – о богатстве, об удовольствиях, о почестях, направляли свои мысли, желания и занятия на то, чтобы, отдаваясь созерцанию вещей, понять все, что доступно уму, и на этом основании овладеть миром. Такого рода люди представляют собой среди остальной толпы смертных то самое, чем является дар мудрости среди других данных смертных благ: это блестящие драгоценные камни, светила во мраке мира, разгоняющие темноту. Итак, надо с благодарностью признать дело божественного милосердия: Бог не только открыл нам театры своей премудрости, природу и Писание, но и снабдил нас орудиями¹² для их созерцания и для уловления света премудрости, а также восполнил в Откровении своим божественным чувством и разумом недостатки нашего ощущения и разума. Мы обязаны божественной милости также и тем, что научные занятия (*litterarum studia*), которые помогают этому изучению мудрости и благодаря которым мудрость от других людей переходит к нам, сохранились до нашего времени и даже в наш век процвели так, как никогда раньше, и не без основания наш век гордится тем, что он век науки (*eruditionis*), причем мерцает надежда на еще больший свет¹³.

4. С миром должно необходимо случиться то же, что происходит и с человеком: мудрость приходит к нему только в его зрелые годы. Да по природе вещей иначе быть не может, так как мудрость приобретается благодаря долгому опыту, а опыт требует и продолжительного времени, и разнообразия обстоятельств. Чем больше человек живет, тем с большим количеством вещей он имеет дело и тем больше увеличивается его опыт, а через опыт – и его мудрость; согласно Сираху: "Муж, опытный во многом, будет иметь и большое понимание"¹⁴. То же говорит и поэт: "Опыт через разнообразную практику создал искусство"¹⁵.

5. Итак, в наше время мы научены таким опытом, какого не имела никакая прежняя эпоха; почему же нам не возвыситься мудростью? Не только благодаря типографскому искусству (которое Бог не без тайного смысла приберег для последних времен) выпущено в свет и стало известным все мудрое, что думали древние и что ранее было неизвестным, но и сами современные люди – под влиянием новых обстоятельств – стали прокладывать новые пути; и мудрость удивительно обогатилась и обогащается со дня на день разнообразным опытом, как это предсказал Бог относительно последних времен мира (Дан 12, 4)¹⁶. У всех народов появилось такое стремление открывать школы, какого не запомнит история ни одной из прежних эпох. Благодаря этому на всех языках и у всех народов стало появляться так много книг, что они стали попадать в руки крестьян, женщинам, тогда как раньше много книг, купленных за большие деньги, могли иметь, да и то с трудом, лишь образованные и богатые люди. Теперь же у некоторых появляется стремление довести метод занятий до такого совершенства, чтобы при помощи его можно было постепенно и с наименьшим трудом внушить умам все достойное человеческого познания. Если это произойдет (на что я надеюсь) и если будет найдено искомое, то есть способ быстро обучать всех всему¹⁷, то я не вижу, что помешает нам приветствовать и с благодарностью встретить наступление предсказанного и давно ожидаемого уже блестящего золотого века¹⁸.

6. Однако, как кажется, для достижения цели не хватает еще одной важнейшей вещи: чтобы подобно тому, как мы пришли к весьма полезному руководству для более легкого изучения языков (опубликованному недавно в "Двери языков"), подобным же образом изобрели "Дверь самих вещей", т.е. некоторый способ легкого усвоения умом всех известных до сих пор искусств и наук¹⁹.

Сначала я докажу, что более чем необходимо начать об этом серьезное размышление, если только мы стремимся к благоразумию в ведении человеческих дел. Потом я попробую найти способ осуществления столь важного начинания. Наконец, я объясню, по какому случаю и с каким успехом я предпринял этот столь необычный труд.

7. Прежде всего я считаю несомненным, что то изучение наук, которым в настоящее время занимается юношество, должно воспитывать умы для достижения мудрости: вне этой цели оно может быть только суетою сует. Решим ли мы, что к знанию надо стремиться для удовлетворения любопытства, или же для забавы ума, или чтобы отличиться и выдвинуться, или для выгоды и достижения внешних благ – во всех этих случаях мы будем поступать нелепо, будем ставить на место высокого, божественного дара вещи низменные и преходящие. Поэтому решим, что надо искать мудрости. А так как мудрость именуется художницей (artifex) всего, которая научит всему (Прем 7, 21), то очевидно, что путем наук и искусств мы должны идти ко всеобщему

познанию вещей, к пансофии (πανσοφία), т.е. к полной, все в себе заключающей и во всех частях согласной с самой собою мудрости: не должно оставаться не изученным ничто – ни явное, ни сокровенное (Прем 7, 21), чтобы человеческий дух поистине стал тем, чем должен быть: образом всемудрого Бога.

Во-вторых, так как мудрость дает, как говорится, юношам разум и науку (Притч 1, 4) и так как ее пути суть пути приятные (Притч 3, 17), то очевидно, что изучение мудрости должно происходить без преткновений и терниев, должно быть гладким, удобным, доступным для всех, настоящим наслаждением.

В-третьих, путь мудрости называется блистающим светом (Притч 4, 18), и поэтому он должен быть свободен от мрака заблуждений.

В-четвертых, сказано, что мудрость дает человеку понимание его пути (Притч 4, 18) и всего, что он делает (Втор 29, 9), откуда следует, что изучение мудрости должно готовить умы ко всему, что случается в жизни, как в действии, так и в претерпевании.

Наконец, говорится (Притч 3, 13), что мудрость делает людей блаженными, подводя к Богу, источнику вечного блаженства. Поэтому изучение ее должно подталкивать к исканию Бога, указывать пути его нахождения и готовить узы любви к теснейшему единению с ним. Иначе все будет бесполезно. И если мы в конце концов отклонимся от этой цели, то лучше нам ничего не знать и даже вовсе не родиться.

8. Посмотрим же, обеспечивает ли все это обычный вид занятий, чтобы, заметив недостатки, можно было проще начать размышление об улучшении дела.

На то образование, которым теперь кичатся школы и которое они предлагают, многие и много жалуются, что оно представляет собой нечто расточительное, если его сопоставить с краткостью быстро-текущей жизни; оно требует больших усилий от средних умов; в смысле охвата материала оно слишком узко и в отношении тонкости и основательности истинного познания вещей – во многих отношениях несовершенно и недостаточно. Более разумные люди уже заметили, что оно недостаточно отвечает своей цели, редко приходит на помощь серьезным жизненным задачам и по большей части заканчивается только предположениями, спорами и туманными неясностями. Раньше, чем перейти к исследованию средств исцеления, мы должны показать, что все это мы говорим не для красного словца, но все именно так в действительности. Изучение мудрости, как оно поставлено сейчас и как оно практикуется в школах, не соответствует:

1) нашей жизни вследствие чрезмерных затрат времени по поговорке: "Искусство долго, жизнь коротка";

2) силам нашего ума вследствие его трудности;

3) самим вещам ввиду множества заблуждений;

4) жизненному применению вследствие чуждости образования тому, что происходит в обычной жизни;

5) самому Богу вследствие недостаточной подчиненности всего стремлению к вечности.

9. Первое соображение, относительно недостатка времени, я заимствую из всеобщего убеждения: кто не повторяет Гиппократова выражения "Жизнь коротка, а искусство долго"! Второе мое основание – огромное количество книг с описаниями вещей. Боже милосердный! Какие огромные томы написаны по всем почти вопросам! Если бы их собрать вместе, то получилась бы такая громада, что только на их перелистывание нужны были бы тысячи лет. Третье: само дело показывает, что теории разрослись выше способности объять; среди множества ученых, которыми полон мир, можно найти едва лишь одного на сто или одного на тысячу, который вкусил бы универсального образования и мог бы разумно сообщить что-нибудь обо всем, что имеет место в деяниях Божиих, а также и в делах человеческих. Всемудрецы и всеведы (πάνσοφοι и παμμάθεῖς) встречаются столь редко, что даже и люди много знающие (πολύμαθεῖς) и полигисторы²⁰ почитаются за чудо.

Отсюда эта обычная односторонность образования, когда люди выбирают себе ту или другую отрасль искусства или науки, а с остальными не знакомятся вовсе. Можно найти богословов, которые едва достаивают бросить взор на философию, философов, совершенно не уважающих богословие; юристы по большей части вовсе не интересуются естествознанием, а медики, в свою очередь, пренебрегают вопросами права и справедливости. Каждая отрасль знания отмежевала себе особое царство, не считаясь с общими, достоверными и незыблемыми основаниями и законами, равно связующими все. Но даже и в самой философии один выбирает себе одно, другой – другое. Одни хотят изучать природу вещей, оставаясь невеждами в математике; другие – наоборот. Некоторые хотят быть нравственными философами, ничего не смысля в философии природы; хотят заниматься логикой, красноречием, поэзией люди, совершенно не имеющие сведений в реальных науках. Кто не знает, что дело обстоит именно так? И кто не замечает того, что такое разделение искусств, наук и специальностей исходит из предположения, что уму одного человека невозможно в достаточной степени охватить все? Как будто бы Бог создал человека, господина вещей, до такой степени не соответствующим вещам! Я не говорю этим нелепости, будто один человек может быть выдающимся во всем; однако я убежден, что он может знать все в меру необходимости, а быть выдающимся специалистом в своей области может и должен каждый, даже средний ум.

10. А вот свидетельства трудности изучения (ибо нелегко усвоить даже и ту частицу образования, которой каждый хочет овладеть). Во-первых, опять же всеобщие жалобы, причем жалуются не только дети, изучающие искусства, но и учителя. Затем – сами школы, полные крика, побоев, синяков. А ведь Священное писание рекомендует нам

мудрость и изучение мудрости в качестве отрады и радости. И по-видимому, древние так это и понимали, так как они обычно называли образовательные учреждения "научными играми" и "школами", что значит "досуг"²¹. Что же удивительного, если, как мы видим, "школы" превратились в места мучений, а "игры" – в крестные муки! Я спрашиваю: от чего это могло произойти, если не от тягостей и трудностей учения! Вследствие этого не только обучение требует большого труда, но и большая часть обучающихся, получив к нему отвращение, страстно стремится вон из школы, как из толчейных мельниц²², чтобы никогда не возвращаться к научным занятиям, тернии которых они испытали, тогда как школы должны были бы быть садом и общей утехой человеческого рода. Наконец, можно и на практике видеть то же. Ведь действительно, кто не знает того, что какой-либо язык легче изучить на практике в человеческой толпе, чем изучая его в течение нескольких лет в школе? Почти то же самое надо сказать и относительно понимания вещей.

11. Мудрейшие из людей давно уже отмечали, что истина трудна; они жаловались на то, что она глубоко скрыта, жаловались до такой степени, что некоторые решались утверждать, что нельзя знать наверное и без ошибки²³. И справедливость этого положения подтвердили своим примером те самые люди, которые осмеивали его как безумие, приписывая себе достоверное знание вещей: что бы ни начинал утверждать кто-либо из философов, то вскоре разрушал кто-нибудь другой; путанице и по сей день нет конца. Все в науке полно разногласий, противоречий, споров. Разве это не свидетельство того, что истина везде поколеблена? Правильно этот самый аргумент привел Иосиф в сочинении против Аппиана²⁴, сказав, что мудрость евреев истинна, а мудрость греков пуста, так как первая всегда оставалась единой, а вторая дробилась на секты и школы²⁵. Ибо истина может быть только единой и простой; заблуждение же может иметь тысячу видов. Если еще и в наше время в богословии и философии появляется столько школ и самым упорным образом защищаются совершенно различные между собой мнения о вещах, то разве это не самое достоверное свидетельство, что и сейчас покрыто еще глубоким мраком неведения все то знание, которым гордится наш век? При этом мы предполагаем, что никто из "знающих" людей не ошибается добровольно и не бунтует против света, как говорит Иов (24, 19). Наконец, свидетельством являются и все выходящие в свет в столь большом количестве книги, которые суть не что иное, как искры, высекаемые столкновением умов и рассыпающиеся во все стороны, причем каждая надеется, что она зажжет пламя. Однако до сих пор еще не зажглись истинные факелы, и эта постоянная тьма разногласий и сомнений еще не показывает восхода сияющего солнца истины.

12. У нас есть свидетельства видных мужей о том, что науки в том виде, в каком они обычно преподаются, недостаточно приспособлены

к потребностям повседневной жизни. Философия, говорит один знаменитый писатель²⁶, обращена к школам, и нет человека, который обратился бы ее к потребностям жизни; она устрашает своими хитросплетениями и занимается только завязыванием и развязыванием узлов, сделанных ею же самою; она предлагает человеку хлеб из камня, который ломает зубы и утомляет умы колючими пустяками. А вот что говорит другой автор²⁷: изучение философии представляет собой в настоящее время не что иное, как трудное и хлопотное ничегонеделание; оно приносит мало пользы: это верчение белки в колесе, при котором люди постоянно бросаются головой вниз, не двигаясь в то же время с места; то же самое делаем и мы, когда философствуем; много трудясь, мы мало чему научаемся, да и это немного делает нас не лучше, а часто хуже. Что это совершенно так, говорит опыт. Люди образованные не только редко превосходят необразованных в стремлении к добродетелям (которые являются основой гражданского общества), но даже большей частью оказываются ниже их в отношении пригодности к задачам жизни. Я говорю не только об одних грамматических буквоедах: относительно большинства стремящихся ввысь философов и богословов справедливо, что, хотя в своих отвлеченных умозрениях они кажутся себе орлами, в делах жизненных и общественных они не более, как кроты. Отсюда и вышла поговорка: "Хороший схоластик — плохой политик". Между тем школа должна была бы быть преддверием жизни.

13. Беру, в частности, метафизику. Известно, какими похвалами превозносится до небес изучение ее как самого прочного основания и самого блестящего завершения мудрости. И если мы правильно оцениваем вещи, это так и есть. Однако царица наук устрашает такими шипами и закутана в такой мрак, что лишь немногие усваивают ее тонкости, да и усвоившие совершенно не умеют применить их к наукам низшего порядка; и получается, что она остается только в своих собственных пределах и не приносит никакой пользы для человеческих дел, кроме минутного удовольствия, которым она тешит своих приверженцев. Поэтому же, далее, некоторые от нее отрекаются совершенно и изгоняют ее не только из сферы философии (как, например, сторонники Петра Рамуса²⁸), но даже и из академий как бесполезный груз бесплоднейшей суетности. Иоганн Ангелий Верденхаген²⁹ свидетельствует, что шведский король, славной памяти Густав-Адольф (который, как показывают его подвиги, был рожден для дел, а не для пустяков), государственным эдиктом изгнал из своего царства всякие занятия метафизикой: ни один книгопродавец под страхом конфискации не имел права ввозить такие книги; никто из подданных не смел их читать, чтобы государство не поддавалось чарам нового варварства и чтобы государь не получил вместо деловых людей пустых спорщиков и толкователей.

14. Изучение логики и риторики должно было ближе подойти к

потребностям жизни, так как эти науки провозглашают своей специальностью изложение правил мышления и речи (этими двумя видами связи обнимается весь человеческий мир). Однако само дело неопровержимо свидетельствует, что мнение Аконтия³⁰ совершенно справедливо. Он говорит: диалектиков везде множество; но если посмотришь на их сочинения и споры, то найдешь, что всего меньше там диалектики. И еще: ты можешь видеть множество людей, хорошо обученных предписаниям риторики; и хотя бы их речь была уместной, красивой, изысканной, обильной, однако для ее убедительности ты пожелаешь в ней больше силы и твердости. Таковы же отзывы и об остальных искусствах и науках: мы занимаемся ими больше, чем требуется для хорошего отправления житейских дел.

15. Наконец, нужны ли свидетельства о том, что наши научные занятия не организованы так, чтобы они вели нас прямым и безошибочным путем к нашей конечной цели – к Богу? Ярче всех свидетельств в наших академиях налицо безбожие, полное разнузданности, тщеславия, расточительности, ссор и всяческого своеволия. Далее, и само учение, какое там преподается, – увы! – для многих является не чем иным, как поводом для лукавства, инструментом для совершения в течение всей своей жизни несправедливости, так что относительно большого числа наших ученых справедливо то, на что жалуется Бог: "Они мудры на то, чтобы делать зло; делать же доброе они не умеют" (Иер 14, 22). Таких людей их мудрость ведет к гибели. Сюда относится божественное слово о том, что избрано немного мудрых, так как мудрость мира сего есть безумие перед Богом (1 Кор 1, 25–28)³¹. Мы же, чтобы не ощущать настоятельность этого божественного слова, беззаботно толкуем его в том смысле, что оно относится к языческой мудрости, но при этом не стремимся сами к иной мудрости. В самом деле, та мудрость, которую до сих пор предлагают нам школы, почерпнута из язычества и заражена змеиным ядом³². Она ищет только такого знания добра и зла, которое надмевает, а не служит любви, которая созидает. И так как в силу наследственной извращенности мы всегда более готовы извинять, чем исправлять наши проступки, то, сверх того, получается, что мы льстим себе, стараясь оправдывать испорченность своей природы, думая, что мы не можем измениться, потому что мы испорчены. Как будто бы не должен был быть противоядием для этой испорченности страх Божий, который Бог столько раз объявлял началом и концом мудрости.

16. Итак, обычно практикуемые научные занятия:

- 1) отягощают людей бесконечным трудом;
- 2) рассеивают ум своей чрезвычайной запутанностью;
- 3) являются постоянной школой заблуждений;
- 4) представляют собой помеху в житейских делах;
- 5) наконец, что всего прискорбнее, дают многообразные поводы к тому, чтобы уклоняться от Бога.

17. Об этом столь бедственном состоянии наук и занимающихся ими ученых уже давно жалели некоторые лучшие люди; они старались отыскивать различные средства против этих болезней. Одни советовали отбросить всю античную мудрость, заимствованную от язычников; другие настаивали на том, чтобы сделать отбор и использовать искусства и философию лишь в очень небольших размерах; некоторые, каждый по-своему, хотели предпринять реформу и переработку всех наук. Поистине всякий, кто может помочь советом или делом, пусть поможет; это более чем необходимо. Во-первых, надо, чтобы познание той малости, которую дают общераспространенные науки, обходилось без чрезмерных усилий; если уж надо затратить труд, то он должен принести более обильные плоды. Затем нам надо защищать себя и науки от порицаний необразованной толпы: когда она замечает, что те, кого предпочитают ей, называя их людьми образованными, вовсе не превосходят ее жизненным опытом, благородством нравов, благочестивым рвением и часто едва поспевают в этом отношении за более простыми, она либо поднимает их на смех, либо начинает выказывать презрение к научным занятиям. И наконец, нужно, чтобы мы не навлекли на себя гнева Бога, который, послав нам с неба дар мудрости, хочет восстановить в нас свой образ, а мы употребляем столь божественный дар не во славу его.

18. Однако, так как неблагоприятно лечить болезнь, не узнав ее причину, мы должны посмотреть, не можем ли мы с уверенностью проникнуть до корней великого зла, от которого страдает дело науки, и открыть их, чтобы потом надежнее перейти к средствам исправления. Поэтому я скажу, каковы, по моему мнению, причины отдельных уже перечисленных нами зол; а вместе с тем объясню, что им надо противопоставить в качестве противоядия.

19. Излишняя затрата времени на научные занятия, как они обычно происходят, возникает, по-видимому, от трех причин. Во-первых, от небрежности в различении необходимого происходит то, на что жаловался Сенека: что мы не знаем необходимого потому, что изучаем не необходимое³³. Так оно и есть. Если из наших занятий исключить менее необходимое, то у нас было бы в распоряжении по меньшей мере вдвое больше времени и мы затрачивали бы вдвое меньше труда.

Не необходимым надо считать: во-первых, все, что можно не знать без ущерба для образования; такова большая часть тех пустяков, которые заимствованы у язычников, например, имена богов с их лживыми историями и тому подобные басни³⁴. Затем все, на что затрачиваются силы ума без всякой заметной пользы, каково большинство грамматических правил, которыми мучат умы детей, губя у них целые годы, и прочие вещи, такого же сорта, которые не будут иметь никакого применения вне школы. Наконец, все хитросплетения вещей и слов не вылушивают зерна, а лишь держат его закрытым. И такого рода вещами наполнено большинство школьных книжек, кото-

рые поэтому мешают и развлекают юношество вещами, по большей части бесполезными и не необходимыми. И удивительно ли, что так редко встречаются люди, получившие более основательное образование?

20. Во-вторых, изучение наук является каким-то безвыходным лабиринтом, в котором большинство бесцельно блуждает среди хаотического разнообразия вещей, среди какого-то океана, в котором легче утонуть, чем его исчерпать. Это делает изучение неотчетливым, так как изучаемое не приведено в достаточно прочный и очевидный порядок. Поэтому необходимо, собрав разбросанное, сжать его в малом объеме.

Средством против этого недостатка будет, если все, подлежащее изучению – крупное и мелкое, – мы расположим в столь наглядном порядке, чтобы приступающие к изучению имели бы его перед собой так же отчетливо, как свои пальцы, и уже на основании начала могли предусмотреть и середину и конец, если они будут уверены в том, что весь океан образования они проплывут на том же самом корабле, на который они теперь всходят, вплоть до достижения желаемого совершенства.

21. В-третьих, изучение наук делается необычайно растянутым от стремления некоторых ко всяким мелочам; им нет конца и меры как в отношении вещей, так и в отношении слов. Правильно говорит Сенека: "Нужно для мудрости небольшое количество предписаний – нужны предписания действительные; нужно только посеять семена: хотя они малы, но, если они попадут в удобное место, они раскроют свои силы и из ничтожества вырастут в очень большие вещи"³⁵.

22. Я считаю причиной очевидной непрямоты и тягостности пути обучения то, что, во-первых, ему не предшествует подготовка к усвоению изучаемого и не примешивается в достаточной степени к полезному приятное, для того чтобы привлечь людей: как и с чем кто приходил, так он и допускался к занятиям. С учащимися обходились не так, как обычно обходятся на пиру с гостями – приветливо, весело, – а так, как обходятся на тяжелой работе с рабами: с криком, насилием, побоями. Ведь кулаки и палки, розги и плети были в школах самым обычным блюдом и ежедневным десертом. И что удивительного, если людей от этого тошнило и они ничего не понимали? Ведь ничто с такой легкостью не становится трудным, как если оно выполняется против воли. Как же могли бы быть легкими занятия науками, проходившие в состоянии дрожи и трепета? Так не обучают ни одному механическому искусству. Строгость необходимо наводит страх; страх столь же неизбежно приводит в смятение ум, так что человек не понимает, где он находится; а если он более или менее слабого здоровья, то испытывает некоторое головокружение. Поэтому, для того чтобы овладеть умами, приманить и ободрить их, нужно искусство. Искусство это состоит частью в гуманности обучающихся, частью в

разумности метода – для того, чтобы изучение наук стало приманкой для умов и начало казаться простой забавой.

23. Во-вторых, значительная часть трудностей зависит от того, что учащиеся изучают вещи не посредством личного рассматривания их, а при помощи рассказа о них, содержащего в себе неясности. Эти рассказы с трудом напечатлевают в уме образы вещей и плохо удерживаются в памяти, так что либо снова из нее исчезают, либо различным образом перепутываются.

Средством против этого будет представлять все на личное рассматривание и на чувствительное восприятие (видимое – на восприятие зрением, объекты вкуса – на восприятие вкусом, осязаемое – на восприятие осязанием и т.д.). Я легче и прочнее запомню образ слона после однократного восприятия его самого (или, по крайней мере, его изображения), чем если мне десять раз расскажут о нем, так как

Медленно дух возбуждается тем, что воспринято слухом;
Быстро познание того, очи что верные зрят³⁶.

24. Третьей и важнейшей трудностью является тот метод, каким обычно передаются науки и искусства, – метод, недостаточно согласованный ни с вещами, ни с человеческим умом. Все кричат, конечно, о том, что надо переходить в порядке природы, т.е. от предыдущего к последующему, от общего к частностям, наконец, от известного к неизвестному; но что есть на самом деле? Мы не видим ничего

подобного: ὅστερα πρότερα ("последующее ранее предыдущего") в действительности затемняет все искусства и науки (если исключить математику)³⁷. Ибо если бы книги, которые мы имеем, постепенно переводили ум от известного к неизвестному непрерывным поступательным движением, то читатели, стремящиеся к науке, пришли бы ко всему неизвестному столь же верно, как мог бы человек взобраться на любую самую высокую скалу, если бы в ней были сделаны ступеньки. Так как этого нет и никто не воспринимает того, о чем говорят эти книги (кроме разве людей особенно способных, которые в состоянии своим личным остроумием проникнуть в положение вещей и подняться своей собственной силой³⁸, или тех, кому то же самое устно разъясняется и так и этак и кто начинает видеть кое-что как бы сквозь туман), то это является несомненным доказательством того, что тут уму приходится идти не последовательными ступенями, не по ровному пути, что его тащат по кочкам, ямам, пещерам и расселинам.

Противоядием было бы такое построение наук и искусств, при котором везде начинали бы с наиболее известного и затем медленно и постепенно подвигались к менее известному. Тогда первые основные положения будут бросать свет на вторые, вторые – на третьи, третьи – на четвертые и так далее до конца – подобно тому как в цепи одно звено захватывает другое и тянет его. Это одно, думается, станет нам

достаточным вознаграждением за труд, если нам удастся настоящим сочинением показать, как все надо сделать.

25. Объясняя, почему истина не проникает весь обиход наук, можно с полным основанием указать троякую причину. А именно: I – разногласия между науками, II – недостаточная внутренняя связь метода с самими вещами, III – частью небрежность, частью неуместная пышность выражений и стиля.

26. Итак, во-первых, я по совести свидетельствую, что в книгах, какие мне довелось читать, я до сих пор не видел ничего, в достаточной степени отвечающего величию и достоинству вещей, ничего, что исчерпывало бы всю их совокупность, хотя бы это были книги по пансофии, энциклопедии, сборники вызывающих удивление искусств (*artis mirabilis*)³⁹, или под какими бы названиями они ни предпочли появляться. Еще гораздо меньше того видел я, чтобы весь аппарат человеческого ума строился на основании незыблемых принципов и на вечной истине, так чтобы все – от начала до конца – было внутренне связано, без всякого нарушения непрерывности истины. Ибо до сих пор никто еще, может быть, не ставил дела так, чтобы, установив и взаимно уравновесив во всех отношениях всеобщие принципы вещей, он во всех направлениях окружил бы растекающееся многообразие вещей четкими пределами разумных оснований. Себе воспевают [хвалу] метафизики; себе аплодируют физики; себе создают хороводы астрономы; себе сочиняют законы этики; себе вымышляют пьесталы политики; себе устраивают триумфы математики; для себя царствуют богословы. В отдельных специальностях и науках почти все создают себе особые принципы, на основании которых строят и защищают свои воззрения, ставя ни во что то, что другие выводят из своих предположений. И разве ветви мудрости можно оторвать одну от другой, сохраняя невредимой их жизнь, т.е. истину? Никто не должен быть физиком, не будучи в то же время и метафизиком; или этиком, не будучи ранее физиком (конечно, обладающим знанием человеческой природы); или логиком, не будучи знаком с реальными науками; или богословом, юристом, медиком, не ставши ранее философом; или оратором и поэтом, не будучи в то же время всем вышеназванным. Света, рук, правил лишает себя тот, кто устраняет от себя что-нибудь из познаваемого. Конечно, астрономы, например, никогда не осмелились бы ввести и защищать столь противоречивые и нелепые гипотезы, если бы свои предположения они черпали из общей основы истины⁴⁰; не было бы и других столь недостоверных и обманчивых воззрений. Все это передается так, что почти никто не строит чего-либо, чего бы другой не разрушал или не замыслил разрушить. Вот ведь философия Платона казалась истине строгой и божественной; и однако какие пустые умозрения обличила в ней школа перипатетиков!⁴¹

Философия Аристотеля казалась самой себе достаточно отде-

ланной, и однако как порицали ее христианские философы за то, что она никоим образом не соответствует ни божественному Писанию, ни истине вещей! Астрономы со своими сферами, эксцентриками и эпициклами в течение стольких веков были довольны самими собой, однако Коперник отверг их. Коперник правдоподобным образом построил свою, новую астрономию на основах оптики, однако так, что его построений не допускают никоим образом физические принципы непоколебимой истины⁴². Гильберт, увлекшись умозрениями относительно магнита, хотел вывести из них всю философию, однако с очевиднейшим нарушением физических принципов⁴³. Кампанелла чуть было не торжествовал победу, восстановив в естествознании принципы античного философа Парменида⁴⁴, однако его опроверг с одной своей оптической трубой Галилео Галилей⁴⁵. Не довольно ли примеров?

27. Поэтому дело должно быть поставлено иначе: надо позаботиться о том, чтобы, придя в ясном сиянии, истина вещей смогла преодолеть пробелы, колебания и противоречия и преодолеть все ошибки. Однако мы думаем, что это может случиться только в том случае, если лучи истины, рассеянные во всем, соединятся воедино – так, чтобы выявилась одна и та же симметрия во всем чувственном, умственном, а также и в божественно-откровенном.

И ее может открыть лишь приведение в единство принципов познания (которые могут быть только тройственными: чувство, разум и божественное откровение) и консолидация их до непоколебимой силы: этим могут быть сняты разногласия относительно вещей. После восхода ясного солнца истины должен исчезнуть дым бесконечного числа мнений и, наконец, должен быть разгромлен с Божией помощью и сам туман атеизма.

28. В качестве второй причины колебаний истины я назвал неустойчивость методов. Она состоит в том, что писатели вообще прилепляются к вещам не для того, чтобы неизменными передать их вполне так, как они существуют сами по себе, а насильственно приводят вещи к некоторому фиктивному и ими самими придуманному согласию и тысячею способов запутывают их.

29. Поэтому пусть погибнут все неясные, придуманные до сих пор и имеющие быть придуманными впредь по произволу умов методы, чтобы когда-нибудь, наконец, все вещи стали излагаться по единому, соответствующему им порядку. И мы доказываем, что нам надо искать христианской философии (или, скорее, пансофии⁴⁶), в которой все восходило бы от незыблемых принципов к незыблемой истине и было бы согласовано между собой при помощи постоянной гармонии, чтобы это создание ума было столь же связано, как связана сама мировая машина. Как вся совокупность вещей управляется не нашим произволом, а неизменно протекает по своим законам, так и ее зеркало – пансофия – пусть излагается методом, от которого нельзя отступить, хотя бы кто-либо и страдал страстью к изменениям. А это будет

достигнуто, если все будет излагаться аподиктически, с доказательствами, через причины и их ближайшие следствия. Однако для этого совершенно необходимо учить о вещах и изучать их не на основании внешних о них свидетельств, а на основании самих вещей. Свидетельства авторитетов могут как прикрашивать вещи, так и объяснять их: во всяком случае они привлекают внимание изучающего к наименее важному и отвлекают его от вещей к самим себе; сами же вещи не могут напечатлеваться на чувствах иначе, чем так, как они есть. Там, где ощущений недостаточно, надо применять разум, действующий по определенным нормам, так чтобы он не мог ошибаться. И наконец, там, где и разум бессилен, должно прийти на помощь божественное откровение. Эти три познавательных принципа должны быть положены в основу пансофии, чтобы затем можно было не считать за изречение оракула все, что выйдет из уст или из-под пера кого-либо из философов и богословов, чтобы, сняв очки, мы смотрели на самые вещи и тщательно исследовали, что именно они собой представляют. Даже великие люди кое о чем мыслили довольно легкомысленно; а их почитатели ввели в обычай преклоняться перед такими воззрениями. Это легко показать на многих примерах; но я воздержусь от этого в надежде, что пред лицом света истины окажется очевидным бесконечное число случаев такого рода.

30. Третий предрассудок, вредящий истине, это, как я сказал, небрежность речи или излишняя болтливость. Он состоит в том, что для объяснения вещей применяются слова, фразы, выражения неподходящие, в переносном смысле, гиперболические, приблизительные, особенно когда поэты, или ораторы, или даже философы и богословы, находящиеся под влиянием поэтического или ораторского стиля, либо преувеличивая, либо преуменьшая, примешивают к вещам, по своему обыкновению, краски и оттенки, благодаря которым вещи принимают вид, отличный от их природы. И что же это, как не прикрасы? А истина вещей хочет, чтобы ее созерцали в ее чистом свете, без приводящей окраски. Небрежность же речи состоит в том, что применяются темные слова и выражения, а также в том, что некоторые термины остаются непонятными (таковы, например, для латинян и для остальных из нас термины греческие), или, наконец, в том, что недостаточно верные формулировки выставляются в качестве норм истины. Такими промахами (стыдно сказать, что это чистая правда!) кишат сочинения философов и богословов.

31. Итак, я утверждаю, что причин, производящих и укореняющих ошибки в изучении наук, как я сказал, несчастная троица: разного рода раздробленность в составе изучаемого, различные его извращения и различные промахи в выражении истины. Кто же, помилуйте, может познать вещи, как они есть, если они представляются отрывочно, не в своем порядке, не в своем виде? Ведь когда игнорируется соразмерность в каком угодно частном предмете, заблуждение становится

чрезвычайно легким. Когда вещи не рассмотрены в их порядке, совершенно очевидно, что везде окажется лабиринт. Более чем вероятно, что, когда вещь появляется не в своей окраске, она обманывает очи. Отсюда почти бесконечные ошибки относительно бесконечного числа вещей; отсюда этот производящий такую путаницу и вызывающий отвращение хаос книг, уже только через силу сносимый миром. Отсюда в столь просвещенный век (таким названием люди у нас тешатся) такая бедность светом; как Тантал, будучи в воде, жаждал воды, так и мы в эпоху "просвещения" жаждем света; будучи окружены книгами, жаждем книг и среди людей образованных ищем образования. Я обхожу молчанием еще довольно частую виновницу ошибок, а именно страсть к созданию партий и сект. Недаром Гален сказал, что те, кто примыкает к той или другой секте, делаются глухими и слепыми; они не только не слышат и не видят того, что легко слышат и видят остальные, но и не хотят изучать истину и противятся тем, кто таковую преподает, — совершенно так же, как пьяные лапифы гонят от себя кулаками и ногами хирурга, приготовляющего приложить лекарство к их ранам⁴⁷.

32. Если занятия словесными науками не готовят достаточно к делам жизни, то виной этому является укоренившаяся в школах привычка или, скорее, болезнь, в силу которой в юношеские годы ум обременяют грамматическими, риторическими и логическими пустяками, а реальное обучение, которое должно просветить и подготовить ум к практической деятельности, откладывается до перехода в высшую школу под тем предлогом, чтобы, обладая более зрелым суждением и получив соответствующее развитие (*jam pares rebus*), ум мог разбираться в реальных вещах более успешно. Но обычно бывает так, что, истощив пыл первой молодости, каждый спешит скорее к цели своего обучения (*ad facultatem suam*), забыв о необходимой предварительной подготовке. Больше того, все почти богословы, юристы (*politici*), медики в великом своем заблуждении *scientes volentes*⁴⁸ перескакивают через изучение метафизики, физики и математики как через некую лишнюю для себя помеху, тогда как основательность суждения никогда не приобретается без основательного образования.

В противовес этому молодежи нужно уже заранее преподносить все, что ей встретится в жизни, и посредством серьезных упражнений готовить ее к еще более серьезному. Как нельзя сделаться мастером, не упражняясь в мастерстве, писцом — не упражняясь в письме, спорщиком (*disputator*) — не упражняясь в споре, так и дети могут стать настоящими людьми не иначе, как через обращение с тем, с чем имеют дело люди; так, чтобы в жизни им ничего не могло бы встретиться такого, чего бы они уже не видели наперед в изображении, в чем бы они не упражнялись в школе⁴⁹. Более того, вся философия должна быть построена таким образом, чтобы быть живым изображением вещей и незаметно располагать души к жизненным делам.

33. И что удивительного в том, что словесная школа не приближает своих питомцев и к Богу. Еще не оставила она языческого нечестия, безрассудно отворачаясь от дел Божиих и даже самого Бога и славу нетленного сменяя на призраки вещей тленных. Вот почему апостол и говорит, что языческие философы осуетились в своих умствованиях и, думая стать мудрецами, сделались глупцами, и Бог отдал их во власть их собственных нечистых влечений, ибо служили они творению больше, чем Творцу, благословенному во веки (Рим 1, 21–24). Но ей-Богу, разве и теперь дело обстоит иначе? Большинство мудрецов наших, так же как и те, мудрствует без Бога. Не от Него они черпают и не к Нему направляют свою мудрость, но черпают ее от творений и направляют к творениям же. Возносятся они в делах своих, забывая о Боге; только себя самих и прочих тлен почитают, только себе и ему служат. Себя назвал Бог альфой и омегой, началом и концом всех вещей, из Него же, Им же и в Нем же вся суть. Но кто из Него (т.е. из страха Его) черпает свою мудрость? Кто Им (т.е. под водительством Его слова и Его духа) стремится познать мудрость? Кто в Нем (т.е. и себя и все свои дела посвящая Его славе) хочет вместить свою мудрость? Закрывают на все это свои глаза многие.

От себя самих мы начинаем, сами по себе продвигаемся вперед, сами для себя являемся целью. Окрыленные собственной самоуверенностью, мы беремся за дело, на собственные силы опираемся, собственным светом руководимся, собственной выгоды и славы добиваемся; и так мы от себя самих к себе же возвращаемся, увлекаемые мирской суетой, пока и сами не истощимся до конца. Таков скорбный путь всякой плоти, на блуждание по которому неизбежно обречены и самые мудрые, как только они отходят от Бога.

34. Средство против этого – по всей пансофии таким образом разбросать семена истинного познания и страха Божия, чтобы, куда ни обратился человек, всюду бы он видел, что ничто не бывает без Бога. Даже более того: христианскую эту пансофию так надо составить, чтобы она была не чем иным, как непрерывным побуждением к богоисканию повсюду, не чем иным, как точным руководством к нахождению всюду искомого Бога; не чем иным, как верным образом почитания найденного Бога⁵⁰. Пусть благодаря этому она будет как бы священной лестницей к восхождению через все видимые вещи к невидимой вершине всего, высочайшему Божьему величию (в сиянии которого все низшее представляется нам не более как отблеском того истинного света), к конечному успокоению в нем, как в неподвижном центре покоя и в цели всех желаний, к погружению для вечного блаженства в этот источник жизни, из которого исходят истоки радостей.

Если мы этого (а равно и того, о чем говорилось выше) не достигнем, тщетны будут все наши усилия, бесцельно само наше

существование, бессмысленно все то, что мы делаем. По-прежнему "мудрецы" будут блуждать по своим лабиринтам, по-прежнему школы будут катать свои сизифовы камни, по-прежнему будет кружиться мир в безумной пляске.

35. И так как дело это очень важное, от которого зависят и слава Божия, и благополучие человеческого рода, то со всем жаром душевным призывом Бога, дабы, умиласердясь над нами, отверз Он темные очи наши, да во свете Его узрим свет. Ибо Христос не только сказал: "Просите и дастся вам", но также: "Ищите и найдете, стучите и откроется вам" (Мф 7, 7). С мольбами и воздыханиями неослабно потщимся, да совлечем с вещей одевающую их пелену и наставим людей в ясном свете видеть всюду великие дела Божии, коими мы окружены.

36. Выступая как человек, вносящий новый светильник или хотя бы искорку огня, чтобы возжечь этот светильник, я меньше всего рассчитываю на собственные силы, но в глубочайшем смирении полагаюсь на милость Божию и небесную помощь, коей не оставлены будут наши усилия во славу Его и на благо многих. Богу, видящему сокровенное сердца моего, ведомо: не гордость ума, но побуждения совести движут мною, и где я только смогу принести какую-либо пользу, там я готов это сделать, чтобы хоть поощрить этим тех, кто может сделать больше. А больше сделать по прошествии столь долгого времени теперь уже и можно, и должно.

37. Внемли, читатель: это множество научных исследований, достижений в области искусств, раскрытых тайн, идейных столкновений, изданных в свет плодов ночных бдений по всем почти возможным вопросам – что это все собою, спрашивается, представляет, как не образовательный материал, добытый в различных лесах и каменоломнях всего мира, обработанный различным образом и различными мастерами и снесенный в различные груды, но еще продолжающий находиться в разбросанном состоянии. Остается лишь приложить руку к тому, чтобы придать этим грудам искусную и надлежащую форму, т.е. выстроить некий всеобщий, украшенный светом истины и гармонией храм мудрости, который по справедливости можно было бы воспеть словами Лукреция:

Но ничего нет отраднее, чем населять безмятежно
Светлые выси, умом мудрецов укрепленные прочно:
Можешь оттуда взирать на людей ты и видеть повсюду,
Как они бродят и путь, заблуждаясь, жизненный ищут⁵¹,

или описать по Соломону: Премудрость воздвигла себе дом и вытесала для него семь столбов, заколола жертву, растворила вино, приготовила трапезу и разослала слуг своих, чтобы объявить на собраниях и высоких местах города: Придите, вкусите от моего хлеба и от вина, которое я растворила для вас. Оставьте детское неразумие и живите,

и ходите по путям премудрости (Притч 9, 1–6). Если к построению этой базилики истинной мудрости не приступят насадители мудрости, они уподобятся неискусному строителю, вечно воздвигающему некое сооружение и никогда его не завершающему. Приходится даже бояться за словесное учение, как бы не обрушилось оно от собственной тяжести, как бы не было оно смыто неудержимым потоком авторов, если этому потоку не будет противопоставлено никаких плотин.

38. Но здесь требуется такое строительное искусство, которого напрасно было бы ожидать от человека, ибо дом, достойный мудрости, и построить может только сама мудрость. Где же находится мудрость? И где место разумению (Иов 28, 12)? Единый Бог разумеет путь ее и познал место ее. Проникает взор его до концов земли (*mundi*), и все, что под солнцем, видит он. Дает он силу ветрам и измеряет потоки вод. Закон он полагает дождям и путь – бурям ревущим. Он один видит и являет ее, ибо он приготовил ее и исследовал ее (Иов 28, 23–27).

И Моисей не мог построить Божией скинии, пока не получил указаний от Бога. Воззри, сказал Бог, и сделай по образцу, который был показан тебе на горе (Исх 25, 40). Слава тебе, Боже, показавший нам и образец для построения храма мудрости, пансофии, – дела Твои и слово Твое, дабы, подобно тому как дела и слова Твои суть истинный и живой образ, так и все, что мы делаем, могло бы быть истинным и живым отражением дел Твоих и слов.

39. Да простят мне учнейшие мужи, о трудах коих решаюсь высказываться. Все виденные мною до сих пор энциклопедии⁵², даже наиболее по своему построению удачные, больше напоминают цепь искусно подобранных звеньев, чем художественно составленный из колесиков и могущий самостоятельно двигаться автомат; больше похожи на тщательно выложенный штабель леса, чем на дерево, растущее из собственного корня, развивающееся своей природной силой в ветви и листья и приносящее плоды. Мы же жаждем живых корней наук и искусств, живого дерева их, живых плодов. "Пансофией" я и называю то, что могло бы служить живым отражением мира – отражением, где все было бы одно с другим связано, друг друга поддерживало, было бы друг для друга плодотворно. Таким образом, хотелось бы нам составить Пансофию в виде такой книги, которая представляла бы собой:

1. Целостный краткий курс всеобщего образования.
2. Яркий светоч для человеческого ума.
3. Твердое мерило истины.
4. Верную картину жизненных дел и занятий.
5. Блаженную лестницу к самому Богу.

40. Чтобы иначе выразить мое заветное стремление, я думаю составить нечто такое, в чем, подобно тому как Бог все расположил по числу, мере и весу (Прем 11, 25)⁵³,

1) было бы перечислено по порядку все, что когда-либо существовало и существует, дабы ничто не ускользнуло от познания;

2) было бы измерено и наглядно представлено отношение всех вещей как к целому, так и друг к другу;

3) наконец, все было бы взвешено и с очевидностью доказано, дабы знать точную истину о всех вещах.

Первое послужит к тому, чтобы знание стало всеобъемлющим, к чему мы стремимся в первую очередь.

Второе – к тому, чтобы оно стало ясным и отчетливым, и этого мы страстно добиваемся.

Третье – к тому, чтобы оно стало истинным и прочным, чего мы всего больше жаждем.

41. Такую книгу, повторяю, хочу я составить, которая заменяла бы собой все сокровищницы всеобщего образования. В ней не должно быть пропущено ничего существенного, и чтение этой книги само по себе должно наполнять умы мудростью. Все это благодаря тому, что вещи представлены в ней в непрерывной, ясной и четкой взаимозависимости, все выводится из своих собственных корней, из своего собственного существа, и каждая вещь оказывается тою самою, как она названа, и представляется именно так, как она есть на самом деле. Ибо все в этой книге обусловлено самой неизменной и внутренне связанной истинной сущностью вещей. Все это, однако, – в сжатом виде, ибо предназначено служить для краткой и быстро текущей жизни. Все – в доступной форме, ибо должно вносить в умы свет, а не потемки. И все – в его внутренней целостности и обоснованности, через непрерывную причинно-следственную связь, поскольку мы нуждаемся в твердо установленной истине, а не в надуманных мнениях. Все доступные познанию вещи (относятся ли они к естествознанию, к морали, к искусствам, к богословию или к метафизике) должны преподноситься с такой же точностью и достоверностью, как в математических доказательствах, чтобы не оставалось никакого места сомнению⁵⁴. Таким образом, не только будет с очевидной ясностью и (совершенно) безошибочно постигнуто все существующее, но, сверх того, откроется источник и для дальнейших бесконечных размышлений, и соображений, и открытий.

42. О, как это было бы желательно! Насколько в лучшем положении были бы тогда человеческие дела. Ведь книги – это инструмент насаждения мудрости, а подлинно хороший, т.е. во всех отношениях совершенно правильный, инструмент в руке мастера не дает возможности ошибиться. Поэтому если бы для научения и изучения всеобщей мудрости существовал такой инструмент, какой я описал, то не только учащаяся молодежь могла бы получить настоящее образование (что, по словам Меланхтона⁵⁵, имеет больше значения, чем завоевание Трои), но и для всех, рожденных людьми, был бы открыт удобный путь к познанию всеобщей основы вещей, для

разумного созерцания творений Божиих и распоряжения своими собственными делами.

43. И по милосердию Божию заживут язвы школ, церквей и государств, и с восстановлением мира в христианском мире не только всякий христианский род процветет в любви к истинной мудрости и благочестию, но, быть может, тем же светом просветятся и будут приведены в христианскую веру (открытым для них по божественному определению путем истины) даже и неверные. И узрим, наконец, предначинанное некогда в пророчестве: наполнится земля познанием Господа, как море наполнено водой (Ис 2, 9), и будет Господь царем всей земли, будет тогда Господь единый и имя Его одно (Зах 14, 9).

44. Но можно ли на это надеяться? Конечно да, если только будет создано это всеобщее руководство для человеческого ума, при посредстве которого умы людские могли бы при ясном свете по непрерывному ряду ступеней подняться, не отступаясь, от основания вещей до самых их вершин.

45. В возможности же создания такого руководства (т.е. совершенного пансофического метода) убеждает нас следующее. Прежде всего, известно, что сколь ни бесчисленными представляются вещи по своему множеству, сколь ни несоизмеримыми по своей различной величине, сколь ни таинственными по сокрытой в глубине своей истинной сущности, — все они ниже человека, все они подчинены его уму⁵⁶. Ибо все вещи созданы ради человека, но ниже его по достоинству. Отчего же ему, последней вершине творения, чистейшему образу своего Создателя, соединяющему в себе одним все, что есть наиболее совершенного во всех других созданиях, не может быть свойственно познавать до конца и самого себя и все прочее? Ведь если поставил Бог человека свидетелем Своей мудрости, наверное, не мог Он не сделать его достаточно на то способным. Так это было бы в том только случае, если бы Бог создал вещи несоразмерно уму или ум несоразмерно вещам. Но лишь одно есть действительно слишком великое, величие чего неисследимо (Пс 144, 3). Остальное же все сотворено по числу, мере и весу (Прем 11, 21; Ис 40, 12), и нужно поэтому все исчислять, измерять и взвешивать, пока глазам нашим не откроется всеобщая гармония⁵⁷.

46. Во-вторых, Бог все сотворил хорошим, говорит Священное писание. Но — все в свое время (Еккл 3, 11), т.е. постепенно. Так неужели напрасно вложил он в человеческие сердца желание мира, желание познать то, что Бог сам делает, от начала до конца? (Там же). Да, напрасно, если бы это желание не достигало своей цели. Однако не свойственно высшей мудрости делать что-либо напрасно.

47. В-третьих, мы уже имеем громадный запас созданных по сие время столь великим трудом и тщанием книжных памятников. Неужели все они ничего не стоят? Но я уже показал, что это невозможно — невозможно благодаря верховному Покровителю всех

вещей, который ничему не позволяет совершаться напрасно, даже заблуждениям. Так что пускай люди грезили и заблуждались во многих вещах, однако Бог, как вечное и неизменное основание истины, не может не устроить все это к тому, чтобы самые заблуждения с необходимостью служили постепенному раскрытию и укреплению истины. Между тем многое уже, как известно, прекрасно открыто: так почему же нельзя надеяться, что то же будет и с остальным? Ведь это немало, что Евклид, Архимед и другие довели понимание количества до такой ясности, что при помощи числа, меры и веса можно прямо чудеса делать. Это немало, что медики, герметики⁵⁸ с помощью химии научились отделять от природных веществ их качества и добираться до их голой сущности. Это немало, что Веруламий в своем поразительном "Органоне" открыл безошибочный способ исследования подлинной природы вещей⁵⁹.

А Юнгий Сакс⁶⁰, который постарался довести в настоящее время логическое искусство до такого совершенства, чтобы можно было устанавливать справедливость тех или иных предложений и вскрывать ложность софистических доказательств с такой же аподиктической достоверностью, с какою выводится любая проблема Евклида. Приводить ли другие примеры? Как клином выбивается клин, так одно открытие подталкивается другим в наше, столь обильное талантами, время. Так следует ли отчаиваться в возможности такого открытия из открытий, благодаря которому все, что только ни было добыто столькими умами, стало бы достоянием всего человеческого рода и каждого человека в отдельности? И не только стало бы общим достоянием все, что только добыто истинного, но и вместо всех (других) способов самого добывания истины утвердился бы один. О, как это было бы прекрасно!

48. Ведь если до сих пор для каждой отдельной вещи были свои инструменты, чтобы ее вскрывать, свои правила, как с ней обращаться, свои весы, чтобы ее взвешивать, то чего бы только мы не достигли, если бы все инструменты объединялись в один инструмент, все правила – в одно правило, все весы – в одни весы?! Чем больше свечей, тем больше и света. Нужно лишь найти способ, как все светочи соединить в один светоч, т.е. как все эти различные и, можно сказать, бесчисленные открытия, познания, соображения могли бы быть сведены к единой, непрерывной, вечной и неизменной форме открытий, познаний и соображений. Найдя этот способ, мы и будем иметь то, что нам требуется.

Отчего же его не найти? Ведь у нас есть позади и немалые "леса" вещей познанных, и достаточно яркий светоч, с которым мы можем достигнуть и остального. Так направим же наши усилия, сверх этого, к последней цели всех вещей и всего пути. Ибо если доступно дальнейшее, то доступно и самое основное. Одна лишь вечность, к коей мы предназначены, может поставить предел нашему уму. Но то,

что находится во времени, все это лежит в пределах досягаемости нашего разума, лишь бы только были достигнуты корни, т.е. вечные, постоянные, неизменные основания вещей, сообразно с которыми все существует и делается.

49. Есть у нас и прямо выраженное обетование с последних времен: будет, что многие пройдут, и умножится знание (Дан 12, 4). И, во всяком случае, многие уже прошли и исследовали (в наше время – больше, чем когда-либо) так или иначе небо и землю, моря и острова, все царство природы и книги божественного откровения. Что же [теперь] остается, как не [ждать] исполнения второй части пророчества.

50. Но перейдем, наконец, к самой сути дела, к тому способу, каким это столь желаемое дело может быть осуществлено. Достаточно это явствует, конечно, из того, что было уже сказано как о причинах развала словесного учения, так и о противодействующих этому средствах. Однако не мешает выразить это еще более определенно.

51. Я полагаю, что достигнуть всестороннего познания вещей, овладения ими и использования их можно не иначе, как только через посредство нового и всестороннего:

1. Пересмотра всех сокровищ и описей их;

2. Сопоставления описей с вещами, чтобы убедиться, таковы ли вещи (на самом деле), как показано в нашем перечне или списке;

3. Нового всеобщего перераспределения того, что окажется налицо, с целью его нового и всестороннего использования⁶¹.

52. Пересмотр всех сокровищ преследует ту цель, чтобы установить, какое же наследство мы имеем и с чем вообще людям приходится иметь дело. Более чем верно, что люди не знают своего добра; не понимают того, что ведь они обладатели мира, владыки тварей, соучастники Бога в самой вечности. Оттого, что лишь немногие это знают, верят в это и в этом убеждены, и происходит, что люди в большинстве случаев занимаются делами пустыми и вредными и в конце концов как недостойные исключаются из наследования. Вот почему подобает христианам хорошенько взвесить слова апостола: мир ли, жизнь ли, смерть ли, настоящее ли, будущее ли – все наше, вы же – Христовы, а Христос – Богов (1 Кор 3, 22–23).

53. Неспроста сказал я, что вместе с вещами нужно пересмотреть и их описи. Ученые труды наши до такой степени обширны и разнообразны, что редко кто помнит их хотя бы по названиям, не говоря уже о том, чтобы знать каждый из них в отдельности и чего они от нас требуют. Нужно их описать для людей подобно закону Божию, ясно и прямо (Втор 27, 8). И так как они должны быть описаны тщательно, то надо проследить, чтобы ничего не было пропущено. Нужно поэтому использовать все ранее кем-либо составленные обзоры, всеобщие и специальные, древние и новые. Хотя их чрезвычайно много, однако предпринять труд по созданию синопсиса всего написанного совершенно необходимо, даже если бы их было еще больше. Но

некоторые замечательные памятники, в том числе книги премудрого Соломона о растениях и животных, уже погибли. Поскольку искать их уже напрасно, нужно захватить по крайней мере те, которые имеются налицо, и в первую очередь – самую священную книгу Божию, Библию, которая есть не что иное, как комментарий самого Бога на все то, что дал Он нам в этой жизни и хранит для будущей. Но так как она говорит лишь о Боге или чаще всего о душе, то не следует обходить и тех книг, которые трактуют о материях более низких, книг, составленных философами, медиками, юристами, механиками, изобретателями всевозможных вещей, историками, космографами, чтобы из всех отдельных наук образовалась, наконец, единая, всеобъемлющая наука наук и искусство искусств, т.е. пансофия.

54. Я здесь имею в виду не то, чтобы собрать в этой книге различные мнения всех писателей о вещах, как это делают те, которые измеряют степень образованности большой начитанностью, чтобы иметь возможность приводить о вещах различные мнения различных авторов, или, набрав такого рода лоскутьев и издав их вместо книг, приобрести таким путем известность. И дело не в простом сопоставлении между собой различных мнений, как это делают те, которые процеживают различные вопросы *pro et contra*⁶² и наполняют томы опровержением неугодных им мнений. Но я хочу, собрав в этом пансофическом труде всех тех, кто только писал о благочестии, о нравственности, о науках и искусствах, будь то христиан или магометанин, иудей или язычник и какой бы он ни принадлежал секте – пифагореец, академик, перипатетик, стоик, эссеи, грек, римлянин – древний или новый, учитель или раввин, какая бы то ни была церковь, синод, собрание – всех их допустить и выслушать, что каждый из них даст хорошего.

55. Я на этом настаиваю вот почему:

1. То, что мы создаем, является сокровищницей всеобщей мудрости, которою род человеческий должен владеть сообща. Поэтому и справедливо, чтобы в ней были представлены все умы, все народы, секты, эпохи.

2. Все мы, посланные в мир, восседаем в общем театре мудрости Божией; нам же, христианам, по праву светит еще, сверх того, и свет божественного откровения. Но почему бы не было позволительно и всякому иному, хотя бы и незначительнейшему человеку, если он что-либо, по его мнению, увидит замечательного, скромно возвысив руку и голос, возвестить об этом остальным?

3. Было бы неправдоподобно, если бы все было предоставлено в какую-нибудь эпоху кому-нибудь одному или немногим, а остальные не получили бы ничего. Но, подобно тому как ни одна страна не производит всего, но что-нибудь производит каждая, так и Бог отдельные искры Своего света распределил между человеческими умами по разным временам и народам. Дух веет, где хочет, сказал

Христос, говоря о Святом Духе и Его действии. И нет недостатка в примерах, показывающих, что и вне церковной ограды дух мудрости осенял многих и многих, как, например, Иова, Элифаза, Элиуя, Меркурия Трисмегиста, Сократа, Эпиктета, Цицерона⁶³. Поэтому решительно никем нельзя пренебрегать (случается ведь и огороднику слово кстати молвить), особенно в таких вещах, которые можно исследовать с помощью естественного света разума. Очень верно Веруламий сравнивает различные мнения людей о природе вещей с различными толкованиями на один и тот же текст – толкованиями, из которых одно может оказаться лучшим в одном отношении, а другое – в другом и каждое помогает заметить что-либо новое. Не найдется, стало быть, ни одной настолько плохой книги, в которой нельзя было бы обнаружить хоть что-нибудь хорошее; если не что-либо другое, то во всяком случае хотя бы повод для исправления какой-нибудь ошибки.

56. Известно, что никто на заблуждается по доброй воле (ибо с какой целью он желал бы этого?), но всякий заблуждается, будучи увлечен чем-либо, похожим на истину; посему и в заблуждениях заключается [известный] смысл. Вот почему и заблуждения надо принимать во внимание, поскольку имеешь дело с разумными созданиями, с людьми. Таким образом, из собранных вместе [различных] рассуждений легче вскрывается обман, правдоподобие уступает место подлинной правде, тень уступает место свету.

Если кого-либо осуждают, не выслушав, – пусть даже осуждают справедливо, – правосудие все же терпит ущерб, потому что дело могло обстоять не так, как оно было представлено на суде; поэтому нужно, по возможности, стараться узнать все до конца. Не говоря уже о случаях крайнего раздражения, бывает, что из предвзятого мнения или подозрения человек к человеку относится с таким предубеждением, что даже не хочет выслушать его доводов. Разве это не то же самое, что сказать брату своему "рака"⁶⁴?

Пусть тот или другой [человек] погрешает в чем-либо, пускай он даже в чем-либо глубоко заблуждается; кто не знает, что чужая ошибка может послужить предостережением мудрому, чтобы не сделать ошибки самому. И строителям пансофии чужие заблуждения, даже самые поводы к заблуждениям, могут дать много полезного ко все большему и большему совершенствованию создаваемой ими всемудрости.

Мы все желаем, чтобы люди избавились когда-либо от распри, чтобы прекратились раскол и взаимная вражда между людьми. Но они не прекратятся, пока будут существовать подозрения, которые люди питают друг к другу. А подозрения не исчезнут, пока люди все вместе и каждый в отдельности не будут окончательно удовлетворены в отношении всех вопросов и сомнений, как своих собственных, так и чужих. А удовлетвориться они не могут до тех пор, пока не будут

выслушаны мнения всех и каждого, пока они не будут спокойно сопоставлены и возведены к одним и тем же законам ясной и непререкаемой истины, которые будут всеми обоюдно установлены.

57. Наконец, достойно замечания то обстоятельство, что при построении священной скинии Моисеевой и храма Соломонова израильтяне собрали и передали строителям не только собственные сокровища, но и добычу, отнятую у врагов народа Божьего – египтян, филистимлян и аммонитян. Ибо и золото собиралось отовсюду, приносились и драгоценные камни, происходившие не из Святой земли, привозились и кедровые деревья, срубленные на Ливанских горах, – все это во славу Бога Израилева и ради блеска дома Его. Таким же образом и при возобновлении этого храма Зоровавелем внушил Бог царю Киру не только предоставить для этой цели собственную свою царскую сокровищницу, но повелеть и подданным своим во всех подвластных ему царствах помогать израильтянам, чем какая страна богата: и серебром, и золотом, и съестными припасами, и скотом (Езд 1, 1–4). Почему же бы и строителям храма премудрости не пускать в дело все, что только найдется драгоценного и блестящего, откуда бы оно ни происходило? Даже гаваоняне, хотя и преданные проклятию, были использованы для рубки деревьев и доставки их к дому Бога нашего (Нав 9, 23). Пусть будет так, ибо так и должно быть.

58. А что до сих пор я, по-видимому, держался иного мнения, проявлял непримиримость и внушал другим ненависть к Аристотелю и [ко всему этому] языческому сброду⁶⁵, то, да, я не отрицаю, что, следуя примеру тех, кто вместе с Неемией возревновал о юношах израильских, на стогнах иерусалимских состязавшихся, говоря не по-иудейски, а по-азотски (Неем 13, 24), я жаловался на то, что в наших школах языческая мудрость и красноречие преобладают над христианской наукой, а это во всяком случае возмутительно. И в тысячу раз лучше было бы, чтобы сгинула вся эта непотребная нечистота языческой мудрости, чем чтобы ею соблазнены были души, которые Христос хочет исполнить духом Своим. Но сейчас речь идет не о преобладании язычества или о его погибельном смешении с христианством. Так как вся земля приносит дары свои Царю вселенной, Христу, и как всякий поток, берущий свое начало от этого источника, возвращается к нему, оставив позади всякую нечистоту, – то да приступят язычники и арабы и пусть принесут ко украшению дома Бога нашего, что могут, в особенности потому, что пансофия рассматривает не только нашу коренную задачу – спасение души, но и житейские дела. А ими-то язычники преимущественно и занимались. Тут-то они и не могли не подметить кое-что полезное, и было бы напрасным предрассудком и легкомыслием это отвергать. Итак, допустим и их, но с тем условием, что, если они измыслили, написали или открыли что-нибудь истинное и разумное, все это будет обращено на пользу общую, а если что-либо из сказанного или сделанного ими

окажется неудачным, идущим против истины и благочестия, то пусть заставят их замолчать, дабы не вечно нечестие препиралось с благочестием, заблуждение — с истиной, мрак — со светом.

59. Но здесь потребны будут беспристрастие и осмотрительность, чтобы в суждении не осудить кого-либо зря. Ибо случается, что мы приписываем другим ложные взгляды, которых они не разделяют, — приписываем потому, что, увлеченные предубеждением или страстью, мы извращаем мнение этих писателей. Каждый является лучшим истолкователем своих собственных слов. В передаче же чужих мнений даже сам прославленный Аристотель, говорят, не был непогрешим. Доказывая свое учение и опровергая древних философов, он так извращал их, что поневоле их взгляды казались очень странными, в действительности же, быть может, они не так уж расходились ни с истиной, ни с воззрениями Аристотеля. Если же дело обстоит таким образом (а ослабить человека ничего не стоит), то составителям пансофии следует быть весьма осмотрительными. Ведь здесь дело не в победе какой-нибудь одной партии над другой, а в достижении всеобщей гармонии; и, конечно, нужно всячески стараться посредством нахождения истины, лежащей посредине, приводить между собою в согласие враждебные мнения, о чем еще будет речь дальше.

60. Это — насчет пересмотра вещей и описи их. Но необходимо еще, как я сказал, сделать сопоставление и выяснить, все ли описано, что существует в действительности, все ли существует, что описано, и таково ли оно на самом деле, как оно описано. Ведь если действительность и ее описание не совпадает точно друг с другом, это сбивает ум с толку и вовлекает его в заблуждения. Более чем верно, что и в наших каталогах (что особенно свойственно некоторым направлениям, склонным принимать грезы и призраки за явь) имеется слишком много такого, чего нет в действительности; и наоборот, в сокровищницах Бога и природы есть многие вещи, еще не отмеченные нами, и, наконец, весьма много не такого, как толкуют наши книги. Вот почему совершенно необходимо все толкования сравнивать с действительностью. Только тогда, и отнюдь не раньше, когда мы это сделаем, выявятся и смогут быть восполнены, устранены и исправлены все пробелы, излишества и неправильности.

61. Но кому из смертных по силам эта работа, принимая во внимание как бесконечную численность, так и бесконечное разнообразие вещей естественных, сверхъестественных, моральных, художественных. Если люди, до сих пор занимавшиеся исследованием вещей, даже в отдельных отраслях так много находили запутанных узлов, что у весьма многих пыл их разрешался в жалобах и на невообразимую сложность природы, и на не поддающееся исследованию переплетение причин, и на всюду встречающуюся непримиримую вражду противоположностей, и на крайнюю недостаточность человеческого ума для преодоления всех этих трудностей, — то что

будет, если кто-либо захочет распутывать с самого начала все эти узлы, взятые в целом.

62. Но нечего падать духом. Где сила не берет, возьмем умением. Исследователи выяснили до сих пор так мало вещей, потому что они пробивались вперед, рассчитывая почти исключительно лишь на силу ума и непосредственное прилежание. Между тем голой рукой, так же как и предоставленным самому себе умом многое не достигнешь, а при наличии соответствующих инструментов и пособий дело выйдет и легче, и вернее.

Все дело в способе. Стало быть, нужен лишь способ, применяя который к вещам и к учениям о вещах, можно было бы удобно отличить необходимое от не необходимого, полезное от бесполезного, истинное от ложного.

63. Таким способом исследования природы является, по-видимому, открытая славным Веруламием искусная индукция, которая поистине заключает в себе путь для проникновения в тайны природы⁶⁶. Однако, поскольку она требует непрерывного труда многих людей и поколений, – и чем она сложнее, тем сомнительнее кажется ее результат, – многие отнеслись к этому славному открытию с пренебрежением, как к чему-то бесполезному. Нам же при построении пансофии эта индукция мало поможет, потому что она (как я уже сказал) рассчитана лишь на раскрытие тайн природы, а у нас речь идет о действительности в целом. Следовательно, мы нуждаемся в каком-то совершенно другом способе, который, быть может, и удостоит явить нам – ищущим – Бог милосердный, Кто прячется, чтобы Его искали, для того и заставляет Себя искать, чтобы быть найденным (Притч 25, 7; Ис 5, 15). Не допустит Бог, чтобы поиски твои остались бесплодными (пишет блаженный Фульгенций к Мониуму)⁶⁷, – Бог, который вдохновил тебя на них, ибо непреложно его верное обещание: просите и дастся вам, ищите и обрящете, стучите и отверзется вам.

64. Приступая к изложению того, что Господь Бог наш открыл и дал увидеть нам – просящим, ищущим и стучащимся, умоляю и заклинаю отнестись к этому с должным вниманием, чтобы иметь возможность обсудить это разумно. В кратких чертах я обрисую сейчас весь этот вопрос.

1. Три вещи составляют все содержание нашей человеческой науки, если хотите – всеведения: познание Бога, познание природы, познание искусства.

Под "искусством" следует понимать все, что относится к человеческой деятельности, размышлениям, речам и трудам. Под "природой" – все то, что возникает и образуется самопроизвольно благодаря силе, вложенной в самые вещи. Под "Богом" – Его могущество и мудрость, как они благодатью [Божией] выявляются в словах Его и делах от века и доселе. Кто знает эту троицу, тот знает, ибо из этого троякого рода вещей состоит все в мире.

65. II. *В познании указанных трех вещей необходимо добиваться совершенства.*

Нельзя считать достаточным кое-что знать о Боге, кое-что о природе, кое-что об искусстве (что доступно и невеждам, и даже совершенным глупцам); все, что может быть понятно, мы должны понимать вполне и совершенно точно.

66. III. *Совершенное познание вещей – это их верное познание.*

Ибо если наше знание не обладает истинностью, то оно принимает мираж за действительность и превращается в насмешку над знанием.

67. IV. *Знание обладает истинностью тогда, когда вещи познаются такими, каковы они суть в действительности.*

Ибо если они познаются иначе, чем существуют, то это будет не познание, а заблуждение.

68. V. *Вещи познаются так, как они существуют в действительности, в том случае, когда они познаются так, как они возникли.*

Ведь всякая вещь такова, какою она создана; если же не такова, какою она создана, значит, это просто уродство.

69. VI. *Всякая вещь создана сообразно своей идее, т.е. по определенному плану, благодаря которому она смогла стать тем, что она есть.*

Ибо если что-либо не может осуществиться, то и не осуществляется, и если что-либо не могло бы стать таким, то оно таким и не становится. Идеей называется, следовательно, возможность такости⁶⁸, в силу которой вещь есть то, что она есть.

70. VII. *Следовательно, все, что только ни совершается, осуществляется сообразно идеям, будь то дела Божии, дела природы или дела искусства.*

Так как идея есть определенный план или смысл вещи, то нельзя себе и представить, чтобы Бог, который Сам есть разум всякого разума, мог что-либо сделать без идеи, т.е. без определенного плана. Подобным образом и природа, производящая хорошо устроенные вещи, и соперник природы, искусство, не могут ничего создавать без плана.

71. VIII. *Искусство заимствует идеи своих созданий от природы, природа – от Бога. Бог – от Самого Себя.*

Первое общеизвестно, о чем свидетельствуют пословицы: искусство бессильно без природы; искусство – соперник природы; искусство подражает природе; искусство – дитя природы. Но с не меньшим основанием можно сказать и так: природа бессильна без Бога; природа – соперник Бога; природа – дитя Бога; природа подражает Богу. Бог же никому не подражает, кроме Самого Себя; не может иначе и не хочет. Не может потому, что в Своей вечности ничего не имеет, кроме

Самого Себя; откуда бы он, следовательно, мог еще почерпнуть начало или форму Своих творений? Не хочет – потому, что, будучи всеблагим, он не может ничего желать, кроме того, что само является наибольшим благом – единым, вечным и совершенным, – а таким благом и является только Он Сам. Скажут, Бог по произволу измыслил идеи творимых им вещей. Но с какой же, позвольте узнать, целью? Если Бог и сейчас не делает ничего напрасного через природу, то зачем бы Он стал делать это вначале? Зачем, имея в Себе совершеннейший образец всякого совершенства, стал бы Он выдумывать что-то иное? Дабы не проявлять всего Своего величия? Но именно его-то Он и хотел сделать очевидным (Рим 1, 20). Дабы отступлением от Самого Себя показать всю глубину Своей премудрости? Но это лишь умалило бы полноту славы Его, указывая на то, что есть и вне его нечто совершенное: а это невозможно. Итак, несомненно, что как творения, так и идеи творений не могли возникнуть ниоткуда, кроме как из сего источника. И если среди творений мы наблюдаем, что всякий делатель стремится уподобить предмет своего дела самому себе, то почему должны мы отрицать это в Создателе, от которого они его заимствуют? Особенно, если иметь в виду, что у Бога не может быть никакой иной цели Своих творений, кроме Самого Себя. Итак, несомненным остается, что Бог ниоткуда не черпал ни целей, ни зиждущей силы, ни формы для Своих творений, кроме как из Самого Себя; только материю, которая составляет субстрат творений и наличие которой отличает творения от Творца, создал Он из ничего.

72. IX. Замышляя мир, Бог замышлял, следовательно, Самого Себя, так что вообще творения пропорциональны Творцу.

Ибо то, что образуется, необходимо должно соответствовать своему образцу, что не мешает наличию в этом соответствии известных ступеней, наличию в нем большей или меньшей очевидности. Так, Сын Божий называется подобным Отцу или отражением Отца (Евр 1, 3), и даже человек назван образом Божиим (Быт 1, 26; 1 Кор 11, 6), да и все остальное не чему иному уподобляет Писание, как некоему образу Божию, когда оно говорит, что невидимые свойства Божии после сотворения мира стали видимыми (Рим 1, 20) и что в величии видимого и сотворенного яснее может познаваться Творец (Прем 13, 5). Оттого-то и произошло, что язычники называли природу не только дочерью Божией, но и самим Богом. Что такое природа, говорит Сенека, как не Бог и не божественный разум, которым проникнут мир как в своем целом, так и в своих частях⁶⁹.

73. X. И так как все причастно идеям божественного разума, то одно всегда причастно другому и всё друг другу взаимно соответствует.

Ибо две вещи, совпадающие с некоей третьей, совпадают и между собой.

74. XI. *Все вещи тождественны друг с другом по своему основанию и различаются между собой лишь формой*⁷⁰, *так как в Боге они существуют как в своем архетипе [прообразе], в природе – как в своем эктипе [отображении], в искусстве – как в своем антетипе [противообразе].*

Это подобно единой форме у печати. Сначала она возникает в уме того, кто ее делает или заказывает. Затем она вырезывается на металле; наконец отпечатывается на воске. Будучи тройной, она все же едина, так как из первой образуется вторая, из второй – третья, каждая последующая по образцу предыдущей. Так и идеи, возникающие в разуме Божиим, налагают свой отпечаток на творения, творения же, способные разумно действовать, – на создаваемые ими вещи.

75. XII. *Основание всех вещей, как и в их создании, так и в их познании, есть гармония.*

Гармонией музыканты называют приятное созвучие нескольких тонов. Такое же согласное звучание представляют собой вечные исключительные свойства божества, сотворенные свойства природы, свойства, выраженные художником в искусстве. Как те, так и другие и третьи гармоничны и сами по себе, и в отношении друг к другу, ибо природа есть образ гармонии божественной, а искусство – образ природы.

76. XIII. *Первое условие гармонии в том, чтобы не было никакой разногласицы.*

Музыкальная гармония слагается из самых различных и даже противоположных тонов, и, однако, противоположность эта приводится к согласию. Так и весь мир состоит из противоположностей (ибо без противоположностей не было бы ни истины, ни порядка, ни самого бытия мира). Так, в Писании многое кажется друг другу противоречащим. Однако все это в нашем уме приводится и должно приводиться к согласию для образования всеобщей гармонии. Как в божеских, так и в наших человеческих делах, мнениях и словах все должно объединиться всеобщим согласием, а всякое кажущееся разногласие – исчезнуть. Но так как этой тайны люди не понимают, то философы хватают из природы, богословы – из Писания, один – одно, другой – другое, и сталкивают природу с природой, Писание с Писанием, извлекают из всего этого противоположные выводы и возбуждают споры и пререкания. Все это неизбежно должно исчезнуть, как только явится свет всеобщей гармонии. Ибо истина всегда совпадает сама с собой.

77. XIV. *Второе требование гармонии, чтобы не было чего-нибудь несозвучного.*

В вещах естественных и в произведениях искусства, очевидно, все гармонично. В животном, в дереве, в музыкальном инструменте, в корабле, в колеснице, в книге, в доме и т.д. все части пропорциональны как со своим целым, так и между собою. Что же касается вещей

божественных, то могут усомниться в том, приходят ли они в какую-нибудь пропорциональность с вещами естественными и с произведениями искусства. Ведь кто-нибудь может думать, что у божественного величия нет ничего общего с сотворенными вещами. Но надо знать, что все, что есть в копии, необходимо должно быть, и притом в превосходной степени, и в архетипе: река имеет в себе нечто от своего источника, тень – от тела, копия – от оригинала. Затем, если произведения природы таковы, что нельзя даже придумать для них лучших форм (что признает Гален⁷¹ в VI кн., в гл. 1), и если одна природа не может меняться и преобразовываться в другую (о чем свидетельствует Тертуллиан⁷², гл. 29), то чем является природа, как не живым образом того, в ком все изначально в высшей степени превосходно, неизменно и не подлежит превращению? Наконец, Сам Бог в Писании приписывает себе уши, очи, уста, руки, ноги, сердце, лицо, спину, а также называет Себя огнем, скалой, крепостью, якорем. С какой целью делает Он это, если все эти слова не могут изобразить ничего в Боге? А если могут, то не что иное, как то, что есть на самом деле, так как слово Божие есть норма истины. Мы знаем, что это сказано фигурально (ибо кто захочет впасть в безумие антропоморфизма?⁷³); однако никто не отрицает того, что в основе этих фигуральных выражений (метафор и парабол) есть некоторая пропорциональность или тождество, так как, прежде чем высказать их, нужно, чтобы такое тождество существовало. Поэтому, как искусственное соответствует естественному некоторой пропорциональностью, так и естественное – божественному.

78. XV. Третье свойство гармонии состоит в том, что хотя бы разнообразие звуков и мелодий было бесконечным, однако оно возникает из немногих начал и определенных видов и различий.

Все различия гармонии, сколько бы их ни придумали и сколько бы ни могли придумать, возникают из семи тонов и трех созвучий. Все тела, сколько бы их ни было в мире, образуются из очень небольшого количества элементов и из нескольких качественных различий. Также и во всем остальном: множественность и разнообразие есть не что иное, как разнообразное повторение сходного. Например, хотя дерево имеет тысячи тысяч листьев, однако все они одной и той же формы, цвета и качества. И сколько бы ни было во всем мире деревьев одной и той же породы, все они одинаковы, одинаково действуют и сами претерпевают одинаковые воздействия. Точно так же и деревья различных пород имеют некоторые общие основания своего бытия.

79. XVI. Поэтому, раз будут изучены основания вещей и виды различия между ними, будет изучено все.

Так, тот, кто в музыке изучил основание тонов и ритмов, умеет петь и сочинять всякие мелодии. И даже придуман способ, благодаря которому органисты на основании одного "баса", так называемого "генерал-баса", могут исполнять все мелодии, так что не может полу-

читься никакой дисгармонии, хотя бы симфония состояла из сотни голосов. Таким же образом, кто изучил общие основы произведений искусства, вещей естественных и сверхъестественных, тот сможет различать и производить бесконечное их количество. Например, кто узнал, что такое прекрасное в себе или каким требованиям удовлетворяет понятие красоты, тот без всякого учителя будет знать, что такое прекрасный ангел, прекрасная душа, прекрасное тело, прекрасный цвет, прекрасная речь, прекрасные нравы и т.д. И обратно – то, что не будет согласоваться с этой идеей, не покажется ему прекрасным. О, как удобен этот путь к познанию многого, состоящий в том, чтобы иметь открытыми источники вещей!

80. XVII. *Эти общие основания вещей должны быть отвлекаемы от вещей при помощи некоторой индукции; их надо считать нормами вещей.*

Например, в чем состоят формы⁷⁴ красоты, добра, совершенства, пользы, порядка, жизни, ощущения – этого надо искать во всем, что прекрасно, что благо, совершенно, при помощи разумного выделения того, что не относится к сущности красоты, добра, совершенства и т.д., пока не останется сама чистая форма. Ибо все, что существует, имеет некоторое определенное основание, в силу которого оно существует. Поэтому все существующее необходимо сходится в некотором общем способе существования: живое – в способе жизни, ощущающее – в способе ощущения, прекрасное – в некотором определенном способе существования, в силу которого оно называется прекрасным, и т.д. В таких общих и как бы внешних основаниях вещей (идеях), если они тщательно отвлекаются от всего, из чего состоит вся совокупность вещей, будет состоять как общий ключ к пониманию вещей, так и норма для действий, удивительный указатель новых изобретений и, наконец, надежный лидийский камень⁷⁵ для распознавания мнений, словом, некоторый богатый источник прекраснейших размышлений.

81. XVIII. *Эти нормы истины должны отвлекаться от тех вещей, которые существуют так, что иначе они не могут существовать, и с которыми каждому удобно производить где угодно эксперименты, т.е. от естественных вещей, вещей природы.*

Вещи божественные сами по себе неисследимы: они познаются только постольку, поскольку они отражаются природой или же открываются словом Божиим. Искусство, насколько в нем есть разум или достоверность, заимствует их от природы, да и то часто говорит вздор. Поэтому тем поприщем, на котором мы охотимся за идеями вещей, является преимущественно природа (конечно, при помощи слова Божия, т.е. Писания). Природа является самым истинным отображением дел Божиих, указывающим, что и с какой целью Бог сделал, делает и будет делать. Из этих двух источников – природы и Писания – должны быть построены те нормы для основания Пансофии, с

помощью которых все – и самое великое, и самое малое, и высшее, и низшее, первое и последнее, видимое и невидимое, сотворенное и несотворенное – должно быть приведено в единую истинную, везде себе и вещам соответствующую гармонию (или, скорее, пангармонию), лучше которой ничего не может быть.

82. Сказанное касается новой нормы размышления о всех вещах; теперь о новой форме их расположения. Ибо мы считаем, что в пансофии необходимо должен применяться самый совершенный метод, а именно такой, который так связывает умы с вещами, что они ставят себе целью познание до конца и больше чувствуют плоды основательного знания, чем трудности его изучения. Это будет так, если:

83. I. Подразделения мира будут точны, если они будут рассекать жилы и члены всех вещей так, чтобы все было наглядным, все было на своем месте без всякой путаницы.

84. II. Надо обращать внимание на значение выражений (особенно более общих, употребляющихся в отношении ко всем частным случаям), чтобы в них не оставалось ничего непонятного, чтобы они были свободны от омонимов, так как из этого могут происходить впоследствии разногласия и споры. Это достигается тщательным определением вещей – таким, какое обычно предпосылают свои доказательства математике.

85. III. К делениям и определениям должны присоединяться положения, или теоремы, и правила со своими доказательствами.

86. IV. И все это (подразделения, определения, правила, т.е. все, что обозначается общим названием "предписаний") должно быть: 1) ясным, 2) имеющим только не подлежащее сомнению применение, 3) истинным само по себе, всегда и везде. Эти три требования с полным правом были до сих пор выставляемы в большинстве философских и богословских сочинений как желательные. Ибо многое излагается спутанно, многое не имеет вовсе никакого применения (или очень малое), кое-что справедливо только в зависимости от случайных условий. Например, теорема метафизики: субстанция не может быть больше или меньше – неверна, а если бы и была верна, то не имела бы никакого применения⁷⁶. Действительно, муж – в большей мере человек, чем зародыш; орел – более птица, чем летучая мышь; солнце – в большей степени светило, чем луна. И разве не праздное дело говорить, что всякая свинья есть свинья, всякая лошадь есть лошадь? Разве кто-либо это отрицает? Кому нужно это навязывать? Предписания же Пансофии содержат только положения серьезной науки.

87. V. Общие предписания Пансофии должны быть реальными и практическими аксиомами, т.е. такими положениями, которые заслуживают доверия сами по себе, которые не надо доказывать при помощи более "первых" положений, а надо только иллюстрировать примерами так, чтобы всякий человеческий ум немедленно признал их за норму истины, как только воспримет их. И такие понятия, на-

печатленные нашему духу божеством, такие факелы ума, бросающие свет на все частности, должны быть ключом к деятельности. Надо только всячески остерегаться, чтобы не допустить в качестве аксиомы чего-либо, что не является таковой на самом деле. Ведь недаром Бэкон Веруламский, Стрезо⁷⁷ и другие жалуются на то, что ходячие логические правила утверждают и отрицают неосновательно, так что лишь редко они служат для доказательства, по большей же части – только для опсларивания (при помощи исключения, ограничения, приведения примеров, опровержений, т.е. вообще посредством споров).

88. VI. Все частное во всей Пансофии не должно привносить ничего нового, оно должно быть только специальным расширением предшествующих ему общностей, как мы это видим в дереве, в росте животного: у дерева и животного не вырастают ежегодно новые члены или ветви, а лишь развиваются дальше прежние.

89. Философия, построенная таким образом, будет: 1) легкой для усвоения, ибо в ней одно будет вытекать из другого; 2) истинность ее будет прочной, так как все последующее будет основываться на предыдущем; 3) она будет чрезвычайно полезна в применении, так как в ней отлично раскроются основания всего мыслимого. И действительно, такое изложение всеобъемлющей науки будет не только рассадником [знания], но некоторым образом будет и оплодотворять его, заставляя все глубоко укореняться, чтобы изучающие не только поддавались увещаниям, но и принуждались к согласию посредством доказательств. Это именно и делает образование прочным.

90. Никто из математиков не говорит: "По Пифагору, трижды три будет девять" или "Евклид выделяет три вида непрерывных величин: линию, поверхность и тело". Все геометры согласны в том, что в треугольнике три угла равны двум прямым, однако кто так нескладно твердил бы такие положения, ссылаясь на авторитеты, того бы осмеяли: в геометрии прямо доказывается, что положение правильно и что иначе быть не может, хотя бы не было никогда ни Пифагора, ни Евклида. Точно так же и в метафизике, физике, этике, политике должно быть стыдом приводить авторитеты там, где дело может решаться рациональными основаниями.

91. Таким методом мы стремимся также и к тому, чтобы вся работа над Пансофией могла совершаться без повторения чего бы то ни было и чтобы эта краткость (все сочинение должно быть чрезвычайно сжатым изложением вещей) не вызывала неясности, так как при последовательном движении вперед дальнейшее освещается уже ранее изученным. Так войдет в обыкновение также и при составлении книг применение правила военного построения: что никакое место не защищает само себя, а защищается другим, – если все преподаваемое будет получать свет и силу от того, что стало известным раньше.

92. В важнейших вопросах надо присоединять авторитет Писания как свидетельства уст Божиих; а также и свидетельства чувств при

помощи опыта, так как для разума истинность вещи подкрепляется экспериментом. Как у математиков из доказанной теоремы выводится научное положение, а из доказанной проблемы вытекает следствие, так из предписаний Пансофии должно безошибочно следовать познание и действие.

93. VII. Если какое-либо положение нельзя довести до демонстративной достоверности, а между тем оно полезно, то его надо отнести к числу вопросов, требующих обсуждения, или надо выставить его проблематически, указав основание, говорящее за то и за другое решение, для того чтобы всем можно было судить, за какую альтернативу говорят больше обстоятельства дела, а также и для того, чтобы другим людям остался случай решать когда-нибудь такие проблемы и отыскивать в таких вопросах непогрешимую очевидность истины. Ибо Бог обычно сообщает людям свет свой постепенно, а где идут с постепенностью, там естественно постепенно же продвинуться далее. При этом то, что было сообщено в научной форме, хотя бы по количеству оно было невелико, для применения будет иметь большое значение. Ибо лучше владеть немногим, но достоверно, в полной мере и правильно, чем носиться мыслью по безбрежности: это последнее дает лишь смутное и основанное на предположениях знание, первое же сообщает неизменные и твердые познания.

94. Между этой книгой Пансофии (если она будет составлена) и теми книгами, какими пользуемся мы сейчас, было бы такое же различие, какое есть между музыкальным инструментом, совершенно приспособленным для полной гармонии, с одной стороны, и несовершенным, во многих отношениях испорченным в своих важнейших частях, с там и здесь поломанными, разноголосящими трубами – с другой. Или какое есть различие между тщательно составленной партитурой, при одном взгляде на которую органист или игрок на кифаре легко может сыграть любую мелодию, и теми нотными партитурами, которыми можно пользоваться только нескольким лицам и которые не всегда и не везде согласуются друг с другом.

95. Часто думая о том, как велико будет применение этой книги для изучения мудрости, я молю Бога и не перестаю просить Его, чтобы он пробуждал героические умы, трудами которых мог бы быть зажжен столь великий свет миру. И так как Он дал мне быть в числе тех, кто признает несовершенство человеческих дел и серьезно желает их улучшения, то я и счел для себя не чуждым испробовать, не пролет ли через меня некоторый новый свет божественная благодать (ибо веяние небесное веет, где оно захочет), или, по крайней мере, не смогу ли я дать толчок другим, которым божественное провидение дало больше умственных сил, образования и досуга к тому, чтобы сделать в этом отношении больше, чем могу сделать я. И кто вменит мне в вину, что я сильно хочу быть полезным христианскому юношеству как сам, так и с помощью других? Вообще мне следовало бояться того, как бы столь

необходимое дело не осталось в области только обещаний и публике не было сообщено ничего, кроме пожеланий. Поэтому я сделал то, на что Бог дал мне силы, чтобы и меня лучше поняли, когда я дам образец, и чтобы другие, кого побудит к этому Бог, имели пример для обучения им подражания.

96. Я думаю также, что не следует обойти молчанием и того, по какому случаю я осмелился приступить к столь важному делу, как и в каком порядке я его осуществлял и, наконец, с каким, по моему суждению, успехом. Все это я делал только потому, что я считаю необходимым раньше представить на справедливый суд все, что я предложил. Насколько я в этом успел, об этом будет свидетельствовать сама наша книжка по пансофии; под ее влиянием само собою сложится мнение у правильно судящих людей.

97. Идет уже двадцатый год⁷⁸ с того времени, как я почувствовал впервые стремление искать средств для облегчения трудностей научных занятий – и это под влиянием моей несчастной судьбы, которая, увы, отняла у меня почти все годы моей юности. Будучи ребенком-сиротой, без отца и без матери, я, по небрежности опекунов, был до такой степени заброшен, что только на шестнадцатом году жизни смог ознакомиться с началами латинского языка. Однако, по благодати Божией, это естественное ознакомление зажгло во мне такую жажду, что с того времени я никогда не переставал работать и стремиться восполнить ущерб, причиненный мне в детстве, восполнить не только по отношению ко мне самому, но и по отношению к другим. Меня печалило то, что людям (особенно моим согражданам) было скучно изучать науку. Поэтому я много думал над тем, каким образом не только побудить множество людей к тому, чтобы они полюбили научные занятия, но и указать, на какие средства и чьими трудами можно открыть школы, в которых юношество получало бы хорошее образование по более легкому методу. Однако так как вскоре (на 24-м году жизни) я был посвящен в служители церкви и так как божественная заповедь "Сие твори" была перед моими очами, то мне пришлось отложить в сторону мои заботы о школьном деле. Но когда через пять лет после этого я, с Божиего попущения, был вместе с другими изгнан и, живя в изгнании и вернувшись на пепелище школьной работы, стал читать различных авторов, то я наткнулся на целый ряд таких, которые в это самое время начали трудиться над улучшением методов научных занятий, а именно: на Ратихия, Гельвига, Рения, Риттера, Главмия, Цецилия и, в первую голову, на Иоганна Валентина Андреэ⁷⁹, человека пылкой души и выдающегося ума, а также на Кампанеллу и Веруламия, знаменитых восстановителей философии. Из этого чтения я вынес большие надежды на то, что столько различных искр сольются, наконец, в целое пламя. При этом я не мог удержаться, чтобы не заметить кое-где и некоторых недостатков и пробелов. И, опираясь на прочные основания, я старался

придумать, что можно было бы сделать и что не допускало бы колебаний. И после многих размышлений, приведя все к незыблемым законам и нормам природы, я написал "Великую дидактику", излагающую способ легко и основательно учить всех.

98. Когда я поработал над компендиумом правил для изучения языков и представил его публике для рассмотрения под названием "Открытой двери языков", он был принят с исключительным и единодушным одобрением со стороны людей ученых и был рекомендован в качестве верного и подлинного средства изучения языков. Это дало мне новый повод попытаться составить также "Дверь самих вещей", или, если хотите, "ключ" к человеческому уму, раскрывающий всеобщим образом чувства для познания всего.

Если бы этот труд удался, я считал бы, что им можно добиться достижений, в такой же степени более важных, в какой правильное мышление выше способности просто болтать латинские слова.

99. Не было недостатка в людях, которые сомневались в возможности составить такую "Дверь" (или "ключ"), ибо я сообщил о своем плане друзьям. Меня же одушевляло стремление ко всеобщей и постоянной гармонии вещей: все, что люди могут познать, допускало сведение к некоторым конечным по числу, но бесконечным по применению правилам. Я рассуждал так. Если язык, этот главный источник духа, при своем бесконечном богатстве может быть так проанализирован, что допускает выражение всех важнейших понятий конечным числом звуков, то почему неясные понятия нашего ума нельзя таким же образом привести в соответствие с группировкой самих вещей? Ибо, хотя вещи вне ума кажутся чем-то безграничным, тем не менее они, как и сам мир, суть изумительное создание Божие; они состоят из немногих элементов и из немногих различий в формах, и все изобретения искусства могут быть сведены к определенным родам и определенным сочетаниям. А так как вещи, понятия о вещах и изображения этих понятий (слова) параллельны между собой, то я и думал, что эти самые основные элементы могут быть одинаково переданы как при помощи вещей, так и при помощи понятий и слов. Мне приходило также в голову, что химиками изобретены сущности (или эссенции) вещей, настолько свободные от избытка материи, что в малой капле их может заключаться огромная сила минеральных веществ, которая окажет в составе лекарств больше действия, чем они смогли бы оказать всей своей массой. И (думалось мне) неужели нельзя придумать что-либо, посредством чего предписания мудрости, рассеянные по столь обширным просторам наук и даже как бы бесконечно разбросанные вне своей области, можно было бы некоторым образом объединить и концентрировать? Не надо отчаиваться, всякое отчаяние есть оскорбление Бога, который обещал помочь просящим, ищущим, стучащимся в двери. Поэтому я и решил, что создание некоторого универсального рассадника образования возможно.

100. Поэтому я, во имя Божие, начал составлять такую ткань вещей, соблюдая и здесь тот же метод, каким я пользовался при составлении "Двери языков". И прежде всего я поставил целью – так же, как там латинские слова, – так здесь все достойные человеческого познания вещи собрать вместе как бы в некоторую сокровищницу. Во-вторых, я старался все приводить только один раз, не считая выводов, а также тех случаев, когда без упоминания о чем-нибудь нельзя разъяснить что-либо другое. В-третьих, все должно было приводиться не иначе как на своем месте и в собственном смысле, т.е. в самом естественном порядке вещей и в самом ясном смысле выражений, так, чтобы здесь давалось все значительное, что содержится в совокупности вещей мира и во всех книгах и библиотеках, – и все это в кратком и ясном изложении. Если бы я достиг того, чтобы при помощи этой нашей "двери" удалось подготовить переход к вещам и к пониманию всех книг без помощи наставника, то я получил бы право на часть той похвалы, какую Тимофей Брайт⁸⁰ наделяет изобретателей краткости и наглядности. Из всех, говорит он, частей философии, в каких трудились любители истины и те, кто изучали высшие вопросы, нет ни одной, которая была бы полезнее для жизни или питала бы дух более благородным удовольствием, чем та, при помощи которой другие знания приводятся к краткому и ясному виду. Поэтому надо приветствовать благодарной памятью труды тех, кто прилагали старание к тому, чтобы учащиеся освободились как от скуки многословия, так и от терний и лабиринтов трудностей (о физике Скрибония, гл. 1).

101. В этом только и состояло мое намерение, когда я начал этот труд: коротко и ясно охватить все. Однако по воле Божией случилось так, что во время работы над этим сочинением у меня явилась более высокая мысль и забота – собрать от самых оснований все более истинное, лучшее и наиболее подходящее для нас, христиан, в смысле использования в этой и в будущей жизни. Я уже говорил подробно о том, что такое намерение было необходимо. И для того чтобы это сочинение было "Дверью" не только в [чтение] авторов, но и еще более в самую совокупность вещей, я внес туда все, что мне показалось выдающимся как в божественных и человеческих делах, так и в книгах, – не в смысле кропотливого и мало полезного, но трудоемкого составления каталогов, а скорее в виде раскрытия истинных оснований всего и объяснения в главных чертах главных моментов, из которых легко складывался бы смысл остального. Поэтому здесь содержится и кое-что новое, не только уже найденное, но и подлежащее нахождению, такое, чего, быть может, нет нигде в другом месте. И новый и более полный порядок вещей часто приводил меня к тому, к чему, по-видимому, не приходил до сих пор еще никто другой.

102. Для того чтобы "Дверь" была одновременно и дверью в божественные Писания, я старался: 1) Все догматы священного кодекса

Божия относить к правилам Пансофии – каждый в своем месте; а все истории иллюстрировать примерами, чтобы юношество узнавало отсюда все те данные нам великие и драгоценные обетования, благодаря которым мы делаемся причастными божественной природе (2 Пет 1, 4), и чтобы оно имело впоследствии опору не только без вреда для себя знакомиться со светскими писателями, но и охрану против искушений всей жизни. 2) Самые темные выражения из Писания я старался так цитировать в соответствующих местах, чтобы цитирование, сделанное в надлежащем месте, бросало свет на излагаемое и служило вместо комментария. 3) Я старался в разных местах так пользоваться фразами и мудрыми выражениями Писания, чтобы юноши осваивались как с содержанием, так и со стилем Духа святого и чтобы в самой Библии им не могло встретиться ничего, не известного им ранее.

103. При этом мы преподносили не то или другое богословие – так, как оно имеет место у отдельных вероисповеданий, – но всеобщую и кафолическую истину, не спускаясь к тому, в чем имеется возможность опасного, двойственного истолкования или где нельзя показать выхода в несомненное. Ибо, по нашему мнению, правильнее кое-чего не знать, чем знать ошибочно, как указывает апостол (Флп 3, 15–16). Подобно тому как человек, прямо и без компромисса присоединившийся к одному из двух противоречивых высказываний (что бывает в Писании даже при чисто буквальном его истолковании), не может не считаться с противоположным высказыванием, а часто – и находится под сильным влиянием последнего, так не могут не исчезнуть без огромной для человека радости бывшие ранее трудности, путаница и смущение, раз открыт средний смысл и обе крайности приведены в согласие.

104. В отношении порядка передачи наук мы надеемся, что с Божией помощью дали образец правильного метода, рассекающего вещи так, как они есть и образуются, и ставящего их перед глазами.

105. Метафизика эта⁸¹ не будет отличаться какой бы то ни было запутанной утонченностью – такой, когда ее могли бы усвоить только острые и уже опытные в изучении вещей умы. Она будет ясной и до такой степени доступной каждому здравому уму, что даже восьми-летние дети смогут овладеть всей этой метафизикой, а при ее помощи – и всеми элементарными науками и искусствами, без всякого труда, напротив, с большим наслаждением. Все основные положения наук мы изложили в виде афоризмов (или аксиом) – истинных, как я надеюсь.

106. И из этих очевидных самих по себе истин мы ничего не приводим без основания, предполагая что бы то ни было другое, как бы из милости добиваясь заранее согласия. Мы же обходимся с человеческим умом так, как обычно обращаются с молодыми лошадьми их укротители: они сначала применяют более мягкие удила – такие, которые скорее приятны этим животным, чем мучат их, и заставляют их

бежать по ровным и приятным для бега местам раньше, чем по круговым извилинам.

107. Это особенно имеет место в нашем методе в такой удивительной степени в силу того, что все важнейшие представления вещей совершаются в нем при помощи трихотомий⁸². При этом я утверждаю, что я искал этого не тенденциозно, не в силу какого-либо суеверия; эти трихотомии сами собою представлялись мне коренящимися в некоторых важных, имеющих большое значение обстоятельствах, в первых атрибутах вещей (единстве, истине, добре), так что я иногда останавливался в изумлении, пораженный новизною дела. Я начинал, исходя из примеров в какой-либо одной отрасли, и видел, что то же самое имеет место и везде. Поэтому я не осмеливался противиться истине вещей, представляющейся по большей части в виде тройственной тайны; напротив, я скорее был рад схватить такую гармонию священной троичности. И я с наслаждением прослеживал ее в остальном, нигде (я в этом твердо уверен) не насилуя вещей, которые как бы самопроизвольно располагались таким образом. Я считал, что это принесет пользу еще и учащимся; а именно: во-первых, в качестве пособия для запоминания – память любит разграничения как при нахождении нового, так и при запоминании; во-вторых, для понимания самих вещей: оно по большей части отлично открывается природой вещей. В этом я резюмирую мнения всех, кто будет оценивать дело благочестиво, внимательно, в страхе Божиим; причем я уверен, что в этом выражается не суетность фантазии, а истина самих вещей. Таким образом, Пансофия, открывая эти тройственные христианские тайны, служит вечному триединому Ягве⁸³, единому всесильному, мудрому и благому, и вечно посвящена поклонению ему.

108. И пусть никто не оскорбляет слово "Пансофия". Мы знаем единого Пансофа – единого мудрого Бога (Рим 16, 27). Мы же говорим о человеческой пансофии, т.е. о знании того, что Бог хочет, чтобы мы знали. Что сокрыто от нас, то находится у Господа Бога; то же, что Он открыл, Он открыл нам и сынам нашим (Втор 29, 29). И мы убеждаем смертных, чтобы они не пренебрегали этим из-за тщеславной неблагодарности.

109. Во Христе скрыты все сокровища мудрости и науки (Кол 2, 3); мы же объясняем здесь преимущественно тайны Христовы, для того чтобы люди признали, что ими руководит Его дух, и поняли, как через посредство Его и вечной мудрости и силы Божией было все сотворено и все происходит, пока не настанет конец, когда Он передаст Отцу царство и всю власть и все могущество (1 Кор 1, 24). Почему же нам не быть гордыми тем, что мы вместе с Христом преподаем истинное и спасительное знание всех вещей? Пользоваться пансофией прилично именно нам, христианам, а не кому-либо другому, так как вне христианства пансофии нет и быть не может. Еще Августин некогда утверждал, что только христианство есть истинная философия (в 3-й

книге, "Против академиков", гл. 19)⁸⁴. И действительно, вне божественной церкви нет Откровения, а без Откровения чувства человека не проникают за пределы настоящей жизни, эта же жизнь ограничена столь узкими пределами, что, рождаясь, мы уже умираем, и конец ее тесно связан с началом. Чем же выдающимся может быть мудрость, собранная одними чувствами и лишь немного выходящим за пределы чувств умом, — мудрость, в течение нескольких дней тешащая нас теми или другими пестрыми наслаждениями, а потом отпускающая нас с пустыми руками? Поэтому мудр тот, кто мудр для вечности. И пусть вместе с тем наши предшествующие слова научат возможно мудрее проводить настоящую жизнь. Отлично сказал в высшей степени озаренный муж: только одни христиане знают, потому что они говорят от Бога; остальные же болтают вздор, так как говорят от себя.

110. Прибавлю, что пансофия есть правильный путь к святому незнанию⁸⁵: она одна может научить нас тому, что вся наша наука есть не что иное, как тень, если ее сравнить с блеском той светлой мудрости, которая есть в Боге.

111. Пансофию, или всемудрость, надо изучать так, как мы рекомендуем и пытаемся испробовать, т.е. в трех отношениях: во-первых, в отношении к самим вещам, против пренебрежения которыми мы предостерегаем, доказывая, что силы человеческого ума надо развивать для покорения всего существующего; во-вторых, в отношении наук, которые, по нашему убеждению, представляют собой не разрозненные знания, а единую науку, обнимающую все. В-третьих, в отношении тех, для пользы которых создается наука, а именно: для пользы всех тех, кто называет себя христианами. Соответственно этому можно надеяться и на тройную пользу от этого сочинения, а именно: для людей образованных, для юношества в школах и для всей массы христиан.

112. Однако мы предприняли написать не "Пансофию", а "Дверь в Пансофию", так как мы прослеживаем не все и не во всех отношениях (это было бы бесконечной задачей, далеко выходящей за пределы сил одного человека), а лишь главные и основные черты всего. Высшей целью богослова является (и должно являться) — указывать людям путь к тому, чтобы проникнуть сквозь все видимое и внешнее к невидимому и вечному. И кто будет иметь право поставить мне в вину, если я сделаю для этой цели не особенно много и кое-что не вполне отчетливо! Почти вся наука юристов посвящена тяжбам из-за земных и преходящих вещей, т.е. из-за мелочей и пустяков. И по-видимому, они сами признают, что их не касается более возвышенная мудрость. Ибо Безольд⁸⁶ — мудрейший правовед нашего времени пишет (в конце своего рассуждения о совокупности всех наук) следующее: "Я позволил бы себе определить полиматию (многознание) как знание, состоящее из высших отраслей и из некоторой высшей мудрости, заимствующей всего более из богословия, много из медицины и мало что из юриспруденции".

113. Поэтому я не оправдываюсь в том, что я, богослов, пытаюсь указать пробелы такого рода полиматии (или, точнее говоря, "панматии" – всезнания). Скорее, я горжусь тем, что я получил от Господа моего благодать явиться хоть каким-нибудь органом для прославления Его милосердия. Евангелие, данное Иисусом Христом, для меня священно и дороже самой жизни. И я не хочу ничего и не стремлюсь ни к чему, кроме как к тому, чтобы быть верным истолкователем его тайн. Господь сказал Петру не только "паси овец Моих", но и "паси агнцев Моих" (Ин 21, 15). Поэтому я знаю, что для меня всего более подходящим будет содействовать богословам в том, чтобы они серьезно заботились о возвращении как тех, так и других на плодородные пастбища в горах Израиля, где они покоились бы на зеленеющих лугах и паслись бы на тучных кормах (Иез 34, 13), особенно после рассеяния Божиего стада (если оно когда-либо случится из-за нападения зверей), чтобы овцы и агнцы Божии как можно скорее собрались опять вместе. Поэтому я с пророком благословляю Господа, который напоминает мне, что я тот, кто слушает и познает.

114. Я не буду извиняться за необработанность стиля. Я не мог, да и не хотел щекотать слух. Этого в мире и без меня более чем достаточно. Для дела важнее, чтобы умы образовывались для чистой и простой мудрости, а это произойдет легче, если вещи будут представлены в обнаженном виде, без прикрас и отделки. Поэтому я стремлюсь лишь выразить смысл, не без основания питая вместе с Плинием надежду, что разум хороших и ученых людей поставит пользу и поддержку выше нравящейся приятности, что они предпочтут краткое и сжатое изложение сущности дела качествам стиля⁸⁷.

115. Я больше всего прошу и заклинаю, чтобы никто не проносил обо мне поспешного суждения, не рассмотрев дела. И я боюсь этого не напрасно; я знаю, как легко и с какой надменностью некоторые, ослепленные великими именами древних, отвергают все новое как совершенно фантастическое. Я надеюсь, что для всех благоразумных людей будет большим удовольствием, если мы, полагаясь на привилегию, которой мы все одинаково одарены⁸⁸, будем рассматривать вещи свободно, без посредников и будем изучать не мнения о вещах, а обратимся к рассматриванию, ощупыванию самих вещей, к их выделяванию, к овладению ими.

116. С этой целью мы произвели новое расчленение (*anatomiam*) мира, чтобы тех, кто ищет не мнений, а истины, можно было перевести от человеческих книг к книгам божественным. И это не потому, что мы считаем справедливым, чтобы они отошли в сторону на то время, пока мы углубляемся в сами вещи, – так как мы знаем, что авторитеты применяются во вред свободе суждения. В первой и во второй книгах нашей "Пансофии"⁸⁹ мы цитируем кое-что из философов, чтобы установить основы всемудрости, однако не как таковые, а в умах тех, кто, имея предвзятые мнения, должен быть их лишен, должен начать

пользоваться в качестве советчиков теми авторами, которыми до сих пор пользовался в качестве руководителей. Мы крайне редко и лишь в важных вопросах цитируем других авторов, которые уже раньше отметили ту же истину, какую излагаем мы, – притом не в качестве судей, а в качестве свидетелей, от которых необходимо исходить, – для того чтобы разумные суждения всех людей совпадали с тем, что вытекает из основания истины.

117. Во-вторых, я прошу, чтобы о наших воззрениях составляли обоснованное суждение, изучив в них все от начала до конца. Если кто-нибудь не понял, из какой основы все возникает и каким образом все связано, то напрасно он будет пытаться судить об отдельных вещах, рассматриваемых с этой точки зрения, так как бессистемное расположение вещей легко причиняет трудности даже в легких случаях. Всякий человек сможет взойти на самую высокую башню и сойти с нее, если он идет по ступенькам. Но уничтожьте несколько ступенек, и тотчас он либо не сможет двинуться вперед, либо окажется в пропасти. Или если живописец начинает рисовать чье-либо изображение, то никто не может быть настолько опрометчивым, чтобы решиться перечеркнуть его рисунок, хотя, быть может, на первый взгляд он и не понравится. Нет, ибо он выжидает, пока изображение не будет закончено, и только тогда решает, соответствует ли рисунок оригиналу. Так же и о комедии не следует судить по одной сцене, по одному акту, а тем более – по одному пассажи, так как в них может быть что-либо, что покажется запутанным и нелепым. Искусство автора видно по тому, как он разрешает весь конфликт.

118. Наконец, я прошу, чтобы образованные читатели, помня о моем намерении, не позволили мне отойти от моей цели, – все равно, будет ли правильно или неправильно то, что я предложил; а именно, чтобы это дело служило успехам нашего века. Либо я ничего не понимаю, либо то, что я предлагаю, сможет многим открыть глаза, научить их лучше мыслить об изучении наук, а через это – и о школах, о церкви, о государстве и о всем роде смертных.

119. И это особенно потому, что до сих пор не было видано, чтобы ум одного человека что-либо изобрел и довел до полного совершенства. Ведь либо я, маленький человек, возьму на себя то, в чем, как я вижу, отказано всем, либо от меня одного будут требовать того, чего никогда не требовали ни от кого.

120. Чтобы побудить людей, Бог велел пророку обратиться к ним с увещанием: "Народ говорит: еще не пришло время строить дом Божий... Как будто настало уже время вам жить в домах ваших украшенных, а дому Божиему пребывать заброшенным. Так говорит Господь воинств: обратите сердце ваше на пути ваши" (Агг 1, 5). Услышьте вы, руководители наук и мудрости во святом христианском народе, вы, из которых большинство действительно делает и испытывает нечто подобное. Не время теперь, говорят многие, братья за

какую-то высшую мудрость – ее надо предоставить будущей жизни. И очень многие, обольщая себя такими соображениями, успокаиваются на бесполезном и смутном познании вещей и на других своих частых утехах. Какая от этого польза? Вы сеете многое, говорит глас Божий (т.е. вы кладете много труда на дело образования умов), но вы мало собираете в житницы ваши. Вы поглощаете (даже пожираете) книги, но не насыщаетесь. Вы пьете из любого попадающегося вам источника, и все вы укутываетесь [различными] покровами, отовсюду собираете плащи авторитетов, – и тем не менее никогда в достаточной степени не согреваетесь светом истины. Поэтому обратите же наконец сердце ваше на пути ваши и решитесь строить с любой затратой труда и средств вместе с нами роскошный храм для обитания мудрости. Я говорю: мудрости, чтобы искусно создать при помощи божественного искусства театр по образцу [божественного] архетипа. В нем, как и подобает божественному начинанию, не должно быть ничего бесполезного, ложного, сбивчивого – только полезное, истинное и приятное. В этот храм пусть будут призваны люди, бросившие пустое изучение преходящих вещей; пусть их пригласят к самим источникам истины и добра и отвлекут их от привычного тумана тщеты к обладанию прочными благами. И это случится, если такая дверь мудрости будет отворена в христианских школах для христианского юношества и если в них будут показаны ценнейшие сокровища мудрости.

121. Есть и другое применение этого нашего небольшого труда для наставления юношества; и оно очень полезно. Ибо как для нового вина, по слову Христа, всего более подходят новые мехи (Мф 9, 17), так и умы юношей, как новые и чистые сосуды, еще не заполненные пустыми понятиями пустой науки, всего лучше могут питаться новыми и более чистыми понятиями, чтобы привыкать черпать не основанную на предположениях и поверхностную, а реальную, обоснованную и прочную мудрость. Я говорю: не такую мудрость, которая приспособлена к пустой пышности умственного щегольства, к школьным состязаниям, а ту, которая служит приобретению основательных суждений о вещах, умножению новых открытий и, наконец, надежному достижению конечной цели жизни – вечного блаженства⁹⁰.

122. В-третьих, мы стремились еще к тому, чтобы сооруженный таким образом маленький амфитеатр божественной мудрости стал общим для всего человеческого рода, чтобы весь христианский народ, какого бы то ни было сословия, возраста, пола, языка, был приглашен и введен в рассмотрение и созерцание тех удивительных школ, которые на виду у всех всегда и везде создает мудрость Божия. Ибо все, рожденные людьми, должны быть направляемы к одной и той же цели – к славе Божией и к своему собственному блаженству; и из этого нельзя исключать никого: ни мужчины, ни женщины, ни ребенка, ни старика, ни знатного, ни плебея, ни ремесленника, ни селянина. Ибо все мы одинаково порождение Божие (Деян 17, 28); всем посланным в

мир одинаково заповедано: "придите и видите дела Господни" (Пс 46, 9). И наконец, всем приходится проводить эту жалкую жизнь в тяготах и томлении духа (как свидетельствует Соломон⁹¹), так как все вообще нуждаются в противодействии против тщеты жизни и в средствах для облегчения тоски. А такие средства можно найти только с помощью истинной мудрости.

123. Поэтому я хочу и заклинаю, чтобы мудрость изучалась впредь не только на латинском языке, чтобы она не оставалась запертой в стенах школ, как это имеет место до настоящего времени, причем народ и народные языки окружены величайшим презрением, и это огромная несправедливость. Пусть всякому народу все передается на его собственном языке и тем дается повод всем заниматься свободными искусствами предпочтительно перед заботами этой жизни, перед стремлением к почестям, к богатству и к остальным суетным вещам, как это постоянно бывает, причем человек растрчивает свои силы и жалким образом губит свою жизнь и душу. И пусть вместе с науками и искусствами получают изящную обработку и сами эти языки. Поэтому я и решил издать эти наши сочинения, если будет на то воля Божия, как на латинском, так и на родном языке. Ведь никто, зажегши светильник, не прячет его под спуд, а ставит в подсвечник, чтобы он светил всем находящимся в доме, по слову Христа (Мф 5, 25). Ведь на что нужны спрятанные сокровища и скрытая мудрость (Еккл 41, 18)? Поэтому пусть все, изучающие мудрость, стараются и в этом проявить ее сияние; пусть они говорят: "Смотрите – трудился не для одного себя, но и для всех, ищущих истины" (Еккл 24, 39).

124. С этой-то целью я и изменил несколько прежнее заглавие моего маленького сочинения, поставив вместо Janua (дверь) – Porta (врата). В отношении латинского языка достаточным было название "двери"; здесь название "врата" показалось мне более отвечающим цели. Ибо через дверь люди входят поодиночке, а через врата – целыми толпами. Дверь, после того как в нее войдут отдельные люди, обычно запирается, городские же ворота бывают всегда открыты. Таким же образом знание латинского языка, который прежде открывал путь к науке, доступно только некоторым; стремление же к мудрости обще всему человеческому роду. Через латинский язык входят желающие или те, кому это нужно; через родные языки, как мы уже показали, должны входить все, рожденные людьми. Поэтому пусть будут открыты врата, ведущие к мудрости. И дай, Боже, чтобы мы уже в поднебесном мире увидели образ того, что ты открыл относительно будущего Иерусалима: чтобы врата его были открыты весь день и чтобы больше не было ночи (Откр 21, 25). Аминь!

ВСЕЛЕНСКИЙ СОВЕТ ОБ ИСПРАВЛЕНИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ДЕЛ

Роду человеческому,
и прежде всего ученым,
верующим и власть имущим Европы

Разве нет больше мудрости в Фемане?
Разве не стало совета у разумных? Оску-
дела мудрость их?

(Иер 49, 7)

Без совета предприятия расстроятся, а
при многих советниках они утвердятся.

(Притч 15, 22)

Выслушайте, мудрые, речь мою, и прикло-
ните ко мне ухо, рассудительные! Уста-
новим между собою рассуждение и рас-
познаем, что хорошо.

(Иов 34, 2, 4)

*Светочи Европы,
ученые, благочестивые, высокие мужи,
приветствую вас!*

1. В афинском Ареопаге было правило: "Без предисловий и страстей". Высокие мужи, вы для меня – великие Афины, вы – славный Ареопаг! Но правила этого я не послушаюсь. Во-первых, предлагаемое вам дело важнее любого, когда-либо стоявшего перед Ареопагом; грех был бы не предупредить об этом. Во-вторых, я вижу вас погруженными в такое множество занятий, что без какого-либо исключительного повода слушать меня вы не будете, а если не будете, то и говорить о столь важных вещах не подобает. Чувствую, в-третьих, уже сейчас, впервые выступая перед вами, что должен заранее отразить любую предвзятость по отношению ко мне и к моему делу не просто щитом, но каменной стеной; ею, с вашего позволения, я и огражусь.

2. Вы видите, к чему мы приступаем! Будем совещаться об *исправлении дел человеческих вселенским образом* (catholice)¹, то есть с такой всеобщностью и с такой ответственностью, как еще не делалось от начала мира. По существу дела, стало быть, здесь нет ничего нового; по способу подхода к делу – небывалая новизна. Конечно, с тех самых пор, как в мире начался упадок, человеческими умами еще ни разу не овладевала такая косность, чтобы они перестали видеть и оплакивать свои беды, стремиться к каким-то добрым переменам; да в любом веке, народе, состоянии разумнейшие из людей уже и потрудились в меру своих сил. Но вплоть до сего дня никогда еще не замышлялось исправление *всех пороков всеми сообща* – к чему вас и побуждаю, возможность чего на благо всему миру и доказываю.

3. Что до первого², то *свидетельством здесь мудрые мысли, речи, деяния, в большом числе донесенные до нас письменностью, начиная от глубокой древности, и в еще большем числе возникающие день ото дня*. Все эти труды можно считать похвальными, если судить по намерениям; и добрыми и дурными, если судить по средствам исполнения; пока еще мало отвечающими поставленным целям, если судить по результатам. Ибо мировое нестроение продолжается, и для всей совокупности человеческого рода дело не тронулось с места, хотя Божией милостью много что заметно улучшается день ото дня в разных местах, затем, правда, снова скатываясь в хаос.

4. Что же мешает попытаться сообща каким-то более действенным образом исправить все множество разнообразных, нелепых и гибель-

ных извращений, мало-помалу совершенно избавив от них человеческий род? Что мешает и нам тоже после других, как другим после нас, приложить свои усилия? Задача заведомо такова, что предпочтительней тысячу раз дерзнуть и потерпеть неудачу, чем тысячу раз воздержаться от попыток, – особенно если Богом будет указан какой-то новый, еще нехоженный путь. А именно таков, как станет ясно, предлагаемый нами. В самом деле, он поистине универсален и направлен на высшие в этой области *цели* человеческих – да, скажу больше, и Божиих – стремлений; он открывает или, открыв с Божией помощью, показывает и *средства*, способные прямо, надежно и безошибочно привести нас к целям; он, наконец, предлагает настолько простые *способы* применения этих средств, что остается единственно лишь захотеть и, призвав на помощь Бога, приняться за веками ждавшее наших рук дело.

5. Подробно развертывая перед всеми этот путь в нижеследующем труде, мы рассматриваем по порядку семь предметов.

6. Сначала мы *определяем, что надо понимать под человеческими делами*: а именно *обращение людей с вещами*, над которыми полная власть, *с другими людьми*, с которыми разумное общение, *и с Богом*, под которым вечное послушание, исполнение Его воли и приуготовление к вечному с Ним соединению завещаны сотворенному по образу Творца человеку, – словом, *познание, государственное устройство*³ и *вера*. Показ того, какими все три области должны были бы быть в свете своей идеи и сообразно божественному намерению, и обнаружение, что все в них не так, все в расстройстве и упадке, служит пробуждению в нас сознания беды и стремления к лучшему, если такое хоть как-то возможно. Эта первая часть называется *ПАНЕГЕРСИЕЙ*, то есть *всеобщим пробуждением*⁴.

7. Потом мы *исследуем способы осуществления и показываем, что действительно рассеять сумерки человеческих неурядиц способно только одно, зато несомненное и могущее средство* – повсеместное распространение *света разума*. Эта часть получит у нас наименование *ПАНАВГИИ*, то есть *пути всеобщего просвещения*.

8. Дальше мы *изыскиваем способ, каким можно было бы охватить в свете разума совокупность мира* некими вехами, чтобы умственному взору предстала *связная, нигде не прерывающаяся цепь вещей*, позволяющая единым взором обозреть все, что где бы то ни было существует, увидев все в той последовательности и таким именно образом, как оно существует. И это будет у нас *ПАНТАКСИЯ*, *всеобщее упорядочение мира*, что раньше обозначалось именем *ПАНСОФИИ*⁵.

9. В четвертой части мы *ищем способ ввести в пределы того же света человеческие умы*, чтобы не было человека, который не смог бы

после обучения постичь мироздание и все мыслимое под небом. Назовем это *ПАНПЕДИЕЙ*, всеобщей культурой ума.

10. В-пятых, мы отыскиваем приемы распространения этого света, чтобы он мог неостановимо просвещать все племена, народы и языки всего мира. Поскольку это возможно только через посредство языка, назовем эту часть нашего Совета *ПАНГЛОТТИЕЙ*, то есть универсальной культурой языка.

11. В-шестых, мы показываем, как на основе всего сказанного можно было бы уже исправлять состояние знания, веры и общественного устройства, по воле Божией вводя во вселенной век просвещения, веры и мира. Мы означиваем это именем *ПАНОРТОСИИ*, то есть всеобщего преобразования.

12. Наконец, наглядно показав не только возможность всего названного, но и несомненно проявившуюся в открытии стольких путей Божию благорасположенность, мы обращаемся к вам, ученые, верующие и властители, а потом и ко всем христианам на свете с увещанием всерьез приступить ко всем этим столь желанным и желательным трудам.

13. Таков предмет нашего труда. Когда я начинаю его таким путем развертывать, на ум не без основания приходят слова Макробия: *Вергилий говорил вначале о себе и о предпринятом им труде, что взялся за столь великое дело, что кажется себе затеявшим его исключительно по нерасчетливости*⁶. Если перед нами нечто подобное (а на самом деле нечто даже намного более громадное), то да сжалится над нами Бог и Сам исполнит Своей целью то, что свыше наших сил! А предприятие наше поистине свыше наших сил; только величие награды в случае успеха нашего Совета гонит прочь всякое представление о трудности, не то что невозможности, дела. *Любовь трудов не чует*. Если мы любим Бога, любим ближних, любим свои души, примемся за труд в высшей степени полезный. *Если можешь верить*, сказал Христос, испытывая веру человеческую, *все возможно верующему*; тот же ответил со слезами: *Верую, Господи; помоги моему неверию* (Мк 9, 23–24). О Господи, от Тебя не скрыта ни шаткость нашей веры, ни немощь сил наших для столь великого дела! Однако не скрыто и от нас, что может при нашей немощи Твоя сила. Так помоги иссякающей нашей вере! помоги слабосильным! чтобы дело совершили не мы, а Твое милосердие, и чтобы через немощных Твоих исполнителей исполнено было то, что предначертала для исполнения здесь на земле Твоя рука!

14. Но прежде чем начать изложение соображений, пожеланий, находок, какие послал нам Бог, сперва, обращаясь к вам, светочи христианского мира, мудрые, благочестивые мужи любого вероисповедания и народа, во весь голос взываю, молю и заклинаю *всех вас*

благосклонно прислушаться к нашим словам, ради Бога и всего, что вам дорого и свято, вот по каким причинам.

15. *Во-первых*, поскольку дело тут идет о всеобщем благе и всего лучше браться за него по всеобщему согласию, я без всякой самонадеянности жажду убедить вас и равным образом выслушать вас всех. Все, что мы намереваемся предложить, вплоть до последних мелочей, касается каждого из вас не меньше, чем меня, как и любого из смертных. *Как же можно желать исполнения этого без вас или втайне от вас? Пусть всенародное совершается всенародно; пусть все делают или хотя бы знают то, что касается всех.* Право самим вести свои дела — не только привилегия и основание общественной свободы какого-то одного племени: таково богоданное право всего человеческого рода. Пока мы на каждом шагу нарушаем его, совещаясь, принимая решения и действуя за других без их участия, не будет конца подозрительности, жалобам, распрям, насилию, противоборству и взаимному разорению. Так покажем же первыми пример, перестанем скрывать друг от друга замыслы и поступки и действовать каждый за себя, начнем сообща советоваться со всеми!

16. *Во-вторых*, торжественно пригласить всех вас, о вожди христианской республики, на общий совет велит главная цель нашего замысла; а она в том, чтобы возвестить еще оставшимся языческим народам Христа, свет к просвещению язычников. Ибо Христос велел апостолам Своим и их преемникам идти по всей вселенной и проповедовать Евангелие всей твари, обещая быть с ними вплоть до скончания века (Мф 28, 19–20). Что в свое время апостолы так и сделали и распространили Евангелие от народа к народу, свидетельством тому христианский мир; а что рвение то отпылало в нас, их последователях, о том свидетельствует сохраняющийся еще по сей день мир неверных. На наше нерадение жаловался в свое время блаженный Златоуст (там, где он толкует слова Христа *Подобно Царство Небесное закваске*, Мф 13, 33) следующим образом: *Если двенадцать человек заквасили всю почти муку мира, то, хорошенько обдумав это в уме, я спрашиваю, какова же наша негодность и малодушие; ведь нас без числа, а мы не в силах обратить остатки язычников, хотя нас должно было бы хватить на обращение даже тысячи миров?*⁷ Верно сказано, мудро, благочестиво. Конечно, если бы нас воспламенил жар божественной любви, недостаточным показалось бы нам быть озаренным светом Евангелия, даже самим быть, как говорит апостол, светом в Господе⁸; мы сострадали бы и мраку, окутывающему землю, и непрестанно бы желали, молились, способствовали в меру наших сил тому, чтобы и оставшаяся область язычников озарилась евангельским светом. Но делалось это до сей поры вполсилы; и само состояние дел свидетельствует, что победы света над

тьмой законными путями или не искали мы, или искали неумело. Оттого получилось так, что мы, христиане, владеем малым уголком земли, да и тем не вполне и не спокойно, весь же остальной мир или не знает, или порочит Христа, Свет мира. И все прочее, относящееся к взращиванию человечности, — нравы, общественный порядок, искусства — чуть ли не только у нас одних процветает; в других местах повсюду дикость, варварство, мрак. Причем для решительного распространения будь то *веры*, будь то *наук и искусств*, будь то *общественного благоустройства* у нас уже почти не осталось новых средств, а в до сих пор применявшиеся старые мы почти уже не вкладываем никаких усилий. Так разве не время каким-то громогласным призывом разбудить столь глубоко спящих и тем готовящих неминуемую гибель себе и близким христиан? Кратет Фиванский, желая обратить родителей к пренебрегаемому толпой воспитанию детей, хотел иметь башню, откуда мог бы взывать ко всем и услышан всеми, но таковой не нашел⁹. Мы, собирающиеся призвать род человеческий к пренебрегаемому им спасению, похоже, видим перед собою башню подобного рода, еще, правда, не готовую, но могущую быть достроенной, если Бог пособит нашему усердию. Что же тогда не спешим мы ее воздвигнуть и взойти на нее, обращаясь оттуда к целому миру? Поскольку тут требуются глаза и руки множества людей, допускаем к строительству всех вместе, сколько ни есть вас христиан. *Будь ты рутул иль троянец, никакого различия мы здесь не делаем*¹⁰. Нет у нас и никакого подозрения к нациям, или вероисповеданиям, или к партиям среди нас, будь то философским, или религиозным, или политическим: ведь если кто хочет единения, он по необходимости забудет партийные и другие разногласия. На одном лишь том основании предлагается все это всем вам, что *вы христиане и обязаны таинством заботиться и радовать о Царстве Христовом, не расточая, но единая; не сужая, но расширяя; не затемняя, но просвещая. И еще — потому, что вы учены и мудры*, не только можете распознавать доводы, какими мы сумеем в божественных искусствах побороть грубых варваров, чтобы они вместе с нами стали причастны Свету, но и способны множить изобретение за изобретением и совет подкреплять советом.

17. Третья причина та, что поскольку просвещение, посредством которого мы готовимся преподнести сидящим во мраке общий свет нашей веры (после светильничков науки), по необходимости будет преподнесено им от имени общего нашего европейского мира (ибо больше веса будет иметь наше общее приглашение идти к вселенскому спасению, как бы от всех ко всем, чем если предпримут попытку немногие или кто-то один от своего имени или от имени своего народа, религии, философии), то нужно будет сперва нам самим среди нас же самих прийти к согласию в отношении всего. Мы, европейцы, плывем

как бы все на одном корабле и видим *азиатов, африканцев, американцев* и прочих словно бы на своих суденышках скитающимися по тому же океану мира и мирских бедствий – невежества, предрассудков, жалкого рабства. И вот, если наш Христос, плывущий с нами на нашем корабле, изобильно благословил нас, переполнив наш невод богатствами из бездны своих таинств, то можно ли придумать что-то лучшее, чем знаками подозвать наших плывущих на других судах товарищей, чтобы они приблизились и помогли нам? Если придут, мы успешнее доведем корабль наш, исполненный благословением Божиим, к порту; и случится, наконец, что, оставив те мирские занятия, которыми Он привлекает нас к Себе (науки, искусства и тому подобное), мы за Ним последуем с более чистым чувством, чем следовали до сих пор, большей частью недостаточно еще Его познав.

18. *В-четвертых*, Бог дал повод предпринять эту попытку, предложив ее прежде всего вам, в том страшном потоке своего гнева, который ныне излился на жителей земли, и главное на нас, европейцев¹¹: *Все поднимут оружие друг против друга, так что народ будет сражаться с народом, и город с городом, потому что Бог приведет всех в смятение* (2 Пар 15, 6). Среди этой вселенской смуты явно необходим новый *Илия* пророк, *который обратит сердца отцов к детям и сердца детей к отцам, чтобы Господь, придя, не поразил землю проклятием* (Мал 4, 5–6). Но кто же этот Илия? и как он обратит к Богу отвернувшихся от Него, а неминуемое проклятие отвратит от земли? Свидетельствует у Иезекииля Господь, что во времена гнева Своего против народа Своего *искал Себе некоего человека, который поставил бы стену и встал бы перед Богом против Него за землю, чтобы Он не погубил ее, и не нашел. Поэтому Он изольет на них негодование Свое и в огне ярости Своей истребит их* (Иез 22, 30–31). Получается стало быть, что каждому дозвоительно выступить и потрудиться ради отвращения гнева Божия всеми способами, какие можно придумать, – а какие вернее, чем моление к Богу, чтобы пощадил, и внушение людям, чтобы перестали гневить друг друга и восстанавливать Бога против себя? И равным образом – чтобы отцовские сердца обратились к сынам человеческим, а сыновние сердца человеческие обратились к Отцу небесному. Наступила и пора советоваться о том, чтобы человеческие сердца взаимно вернулись друг к другу после стольких безумств. А как это сделать лучше, чем с помощью Орфеевой кифары, сладкозвучнейшей гармонии? Цицерон, то ли предчувствуя, то ли приветствуя мирные времена на земле, сказал: *Оружие уступит музам, наградой увенчается слово*¹². Поэтому мы, желая свирепому Марсу, обезлюдившему христианский мир, усмирения и гибели, *чтобы все народы стали наследием Христа, единым стадом, мирно возлежащим и пасущимся* (Ис 11, 6–7),

*народом, перековавшим мечи свои на орала и копья свои – на серпы, чтобы не поднял народ на народ меча и не упражнялся более для битвы (2, 4), чего другого желаем, кроме благозвучной кифары, которая склонила бы души всех людей от жестокости к кротости? Если же таковая найдена, как не выйти перед всеми и не тронуть ее гармоничные струны? Но всеблагий Отец открыл нам эту кифару всеобщей гармонии, готовую сладостно зазвучать по всему кругу земель. Если мы не пожелаем протянуть руку, взять кифару, тронуть перстами струны и нежной мелодией умягчить уши и сердца буйных безумцев, то проявим неблагодарность и будем наказаны за пренебрежение к Богу и людям. Поэтому после того, как Господь показал нам определенные пути света и истины, следовало воскликнуть вместе с теми прокаженными, которые первыми объявили о бегстве врагов от осажденной Самарии и о даре божественного избавления: *День сей – день радостной вести, а мы будем молчать? Если будем ждать до рассвета, нас обвинят в преступлении. Пойдем и уведоим дом царский. И пошли к воротам и объявили все привратникам* (4 Цар 7, 3–11). Поэтому вас, ученые, привратники рода человеческого у врат мудрости! вас, богословы, привратники Царства Небесного, прежде всего должны призвать мы, чтобы вы объявили это в домах царских: сжалились над нами Бог и показал нам путь, на котором мы с успехом сумеем преследовать врагов блаженства нашего, до сей поры нас осаждающих (варварство, нечестие во всем роде человеческом и наши внутренние смуты).*

19. *Пятая причина, велящая предложить этот труд, посвященный роду человеческому, вам первым – ваши же собственные повсюду множющиеся усилия, усилия нашего века, рождающего нечто прекрасное и располагающегося к лучшему.* Едва ли когда от начала мира был век, подобный нашему нынешнему, когда явственно исполнились слова пророка: *Многие проникнут, и умножится знание* (Дан 12, 4). Ибо многие счастливо проникают в тайны неба и земли, день ото дня добывая и раскрывая новые истины. *Если это на каждом шагу прекрасно удастся в частностях, то не подошло ли время для вселенского усилия?* И если робкие недавно высеченные нами в Европе и распространенные под названием "Двери языков" искорки пангармонического света с такой скоростью долетели до самой Азии и начали даже среди неверных возбуждать интерес, так что они уже просят еще большего в подобном стиле¹³, то почему нельзя истолковать это, как Павел истолковал свой сон о муже македонянине, просящем прийти и помочь, – в том смысле, что Господь зовет его благовествовать там? (Деян 16, 9–10). И если среди вас, о христиане, есть не только *Моисеи*, вожди народа Божия, и не только *Аароны*, предстоятели в почитании истинного Бога, но и *Веселеилы* и

Аголиавы, которых Бог исполнил Своим духом, мудростью и разумением, и искусством во всяком деле, чтобы изобретать все, что может быть изготовлено ремеслом (Исх 31, 2–6), то не зря предлагается вам прежде других сей труд, *универсальная пангармония*, для рассмотрения, продолжения и распространения во славу Божию.

20. *В-шестых, все понимают, что миру предстоит катастрофа* (ибо Премудрость Божия играет комедию с нами в круге земель)¹⁴, и *богословы всех стран начинают уже признавать, что приближается день возглашения седьмого ангела, чья труба когда вострубит, совершится тайна Божия, как Он провозвестил через рабов Своих пророков* (Апок 10, 7). Что это за тайна, явствует из следующей главы, стиха 15, где говорится: *И после того, как седьмой ангел возгласил, послышались на небе великие голоса, говорящие: царство мира сделалось царством Господа нашего и Христа Его, и будет царствовать во веки веков*. Вот эта тайна Божия, провозвещенная через всех пророков: *царство Христово, проявившись, достигнет, наконец, до всех языков под небом*, как и предвещал сам Христос (Мф 24, 14), а до Него – все пророки Ветхого Завета, более всех *Исаия, Иезекииль, Даниил, Осия, Софония, Захария*, чьи пророческие книги завершаются триумфом Церкви и Царством святых под небом. А некоторые находят то же самое в "Песни песней" и других исторических книгах Писания. И все ярче и ярче сияет тот пророческий свет, в котором для каждого исследующего суды Божии становится ясно, что *на последние века уготовано славное преображение мира для всех языков*. (Об этом читай даже у одного из римских католиков, *Томмазо Кампанеллы*, написавшего *о Божием царстве и монархии Мессии*¹⁵.) Поэтому когда другие божественными пророчествами взлелеивают радостную надежду на лучшее, отыскивая в событиях наших времен указания на исполнение предсказаний (в меру отпущенной каждому благодати и соответственно степени того пророческого света)¹⁶ и предлагая, наконец, на суд сообщества верующих то, что дает им видеть Господь (*ибо духи пророческие послушны пророкам*, 1 Кор 14, 32), то и нам показалось уместным всенародно предложить на суд Церкви Божией, что нам было дано отыскать, рассматривая с помощью человеческого рассуждения пути того же вселенского восстановления (случай к чему нам подало то же божественное провидение).

21. *Причина седьмая и последняя, почему сей Совет об исправлении мира надлежало предложить прежде всего вам, о христиане*, причем именно со столь торжественным увещанием, чтобы все вы снизошли до просмотра, прочтения, разбора моего труда, – *это несчастнейшие ваши разногласия, терзающие вас злее, чем людей в других частях света, и всего хуже как раз тогда, когда вы силитесь*

исправить ваше положение. О христиане, возлюбленный народ Божий, ваши философские, богословские, политические раздоры, словно бы вечные и нескончаемые, свидетельствуют о вашем непонимании собственного блага. Увы, нет числа раскалывающим вас мнениям! Нет ни меры, ни конца рождающейся отсюда ненависти и смуте. Мы самым зловещим образом яримся друг на друга перед лицом неверных, едва ли замечая, отчего у нас так получается. Такое оцепенение и такое нездравомыслие овладели всеми, что мы почти уже совсем потеряли голову: действенного лекарства, сколько ни было попыток, до сих пор не найдено. И, видно, не осталось уже никакого другого выхода, кроме как, оставив все привычные пути, – которые, судя по всему, крайне похожи на путанные и безнадёжные лабиринты, – попытаться возродить согласие на новых основаниях, а именно подражая самому Богу, Который, желая угасить Свою тяжбу с нами, одним крестом перечеркнул все наши вины и простил во Христе всех, ничего другого не требуя от нас, кроме как чтобы мы распахали себе новые нивы и остерегались сеять между тернами (Иер 4, 3), сделавшись новой тварью (Гал 6, 15). О высокие мужи, великие усилия многих из вас по исправлению многих вещей общеизвестны; известно, однако, и другое: большей частью они остаются без явного и заведомо без прочного успеха! Хотите понять причину – прочтите, молю вас, с пониманием мои слова: частными усилиями замедляется приход всеобщего блага. В самом деле, одни из вас реформируют школы, другие церковь, третьи государство, но поскольку остаются нерезформированными прочие связанные с этими вещи (прежде всего не реформирует каждый сам себя), то либо не выходит ничего значительного, либо возникают новые расколы, иногда хуже и губительнее прежних, и все неизменно скатывается в прежний хаос. Сблагovolите же выслушать новый совет, молю вас, и испытайте, не лучше ли пойдут дела, если взяться за все сразу? и не скорее ли люди согласятся прекратить свои распри, если перестанут спорить о туманных предметах, следуя надежному и неизменному! На то есть какая-то надежда, потому что мы и от расколов своих уже устали, и, тесня друг друга и доводя все до абсурда истерзались, а ни победить друг друга, ни убедить не можем. Ничего не остается кроме как подумать: может быть, воля Божия и правда велят не распасться в расколе, но крепить единство, соединяя все, что можно и должно соединить, то есть все в мире. Ибо среди нас царит раскол, и однако же все имеет корень единения в обоих Адамах¹⁷, этой двоякой основе человеческого рода. Потомками первого, природного, являемся все мы, народы земли; а Новым Адамом стало Слово Божие. Мало того, что ты будешь Моим рабом для восстановления колен Иаковлевых; вот, я сделаю Тебя светом народов, чтобы спасение мое простерлось до концов земли (Ис 49, 6).

И еще: *Как через преступление одного осуждение перешло на всех людей, так через Одного праведность переходит на всех людей: во оправдание жизни* (Рим 5, 18). Поэтому каждый, кто вместе с нами причастен греху и смерти Адама, да возжелает вместе с нами праведности и жизни от Христа; вот чего надо хотеть и в меру сил добиваться. *Но Христос есть Тот, через Кого Отец соблаговолил примирить все, что есть на земле и на небе* (Кол 1, 20). Как мы будем убеждать неверных, христиане, когда так мало мира между нами самими?

22. Поэтому Божией помощи достоин тот сложнейший, чем Гордиев, узел, который в своем труде мы предлагаем вам, о цвет христианского мира, или распутать умелым искусством, или рассечь мечом взаимной любви, чтобы несчастные наши раздоры сменились трижды святым и благословенным согласием и, по утверждению среди вас милостью Божией всеобщей гармонии, свет и истина, мир и покой, а с ними подлинное счастье пришли ко всему остальному миру прямыми и богопоспешными путями и способами.

23. Что это за пути, откроется в нижеследующем труде, где мы излагаем свои заветные мысли, советы и призывы ко всеобщему исправлению человеческих дел, – причем так, что от них не приходится бояться никакой опасности ни для одного человека или народа, ни для одной религии или школы, все равно, выйдет что из моего замысла или нет. *Если выйдет – мы стяжали мир; если нет – мы так или иначе изложили перед Богом и Его светом свои мечты о прославлении Божиим и всеобщем спасении человеческом*, что по крайней мере послужит поводом для более внимательной оценки многих – до сих пор, возможно, остававшихся без рассмотрения – вещей; а отсюда может воспоследовать возрастание святой христианской ревности и неуклонное упрочение спасительной добродетели у многих людей.

24. *А не хватит сил для задуманного, что за беда?* Бог оценивает сделанное по стремлениям, да и другие мудрые судьи – тоже. *Стремящимся быть первыми, – говорит Цицерон, – не стыдно остаться на втором или третьем месте*¹⁸. (Ибо в возвышенных вещах великим будет и то, что следует за наилучшим.) Если и этого мало для оправдания, то можно осудить и очернить наши усилия, а то и весь труд, но все-таки еще никоим образом не породившее его намерение, которое столь высоко и чисто, что не подлежит никакому человеческому суду: совещаться о всеобщем благе побуждает любовь, велит Бог, подстегивает общность по крови; и никому не дозволено желать собственного спасения больше, чем спасения ближнего, как на Своем примере показал Господь, так нас возлюбивший, что всего Себя отдал нам. Как всякое благо вливается в нас от единого Бога, так мы

должны возвращать его Богу и ближним, чтобы ни в чем не препятствовать Его всесвятости и действию в нас. Плохо пришлось Ионе, отказавшемуся посодействовать Богу и призвать великий город Ниневию к покаянию; хорошо Исае, предложившему Богу свою помощь ради обращения народа.

25. Но чтобы не показаться уклоняющимся даже и от человеческого суда, *возвращаюсь к вам, мои ареопагиты, и отдаю себя со всеми своими помыслами и планами на ваш общий, выдающийся мужи, суд. Коли я в чем ошибся, учите меня, а я помолчу; если чего не знал, разъясните мне* (Иов 6, 24). Доверчиво предлагаю вам судить меня и мое дело – *но судить лишь после разбирательства*, и не так, чтобы кто-то один поспешил с приговором, а только по общему и взвешенному решению: не кого-то одного из вас, не немногих, даже не многих, а только всех вместе я делаю своим трибуналом; ожидаю голосования не большинства, но только полного состава. Поистине *так крепка наша вера в дело, которое мы беремся вести перед Богом и вами, что мы ничуть не убоимся предстать перед самым строгим судилищем. Постараемся избегать всего недостойного этой нашей веры и вас, наших высоких зрителей*: не будем в главном и целом ссылаться ни на что, в чем мы не имели бы свидетелями природу вещей, верховного мироправителя – Бога и, наконец, самих же вас, а именно ваши же собственные чувства, – ведь поскольку мы все осязаемо представим всем, никто не сможет отказать нам в согласии, если только он не в споре с самим собой.

26. *Все вместе, о мудрые мужи, вы будете для меня великим Ареопагом, и более великим, чем древний афинский: там судьи собирались в определенном числе, в определенное время для разбора уголовных преступлений в храме бога войны. Я же приглашаю вас в несчетном числе для суда не о чьей-то жизни, а о спасении всего мира, не к алтарю воображаемого божества, а перед лицом живого и истинного Бога Иисуса Христа, покровительствующего не войнам и разбою, а миру и жизни и велящего вам во всеоружии его даров главенствовать в качестве его заместителей над человеческими делами. Так что на Его-то суд я себя и отдаю, коль скоро вы будете исполнять как бы Его работу – ревностно, трезвенно, благочестиво. Постарайтесь, молю вас, не оказаться в доверенном вам деле небрежнее, чем старые ареопагиты были в своем. Собрания Ареопага не прерывались*, пишет Скалигер ("Об исправлении хронологии", кн. 2¹⁹), чтобы правда и невинность всегда имели себе прибежище. Пусть ваше собрание и ваше согласие при разборе моего дела тоже будут единодушными и постоянными, пока вашими трудами не будет обнаружено перед лицом всех все, что у меня сказано верного и доброго. *Славится строгость суда ареопагитов и их неподкупность*;

они проводили разбирательство уголовных дел не днем и не при свете, а ночью и в темноте, чтобы смотреть не на говорящих, а на то, что те говорят; недаром их приговоры считались самыми обоснованными. Поступайте так же и, ради праведности своего суда, будьте совершенно нелицеприятны, со вниманием вникая в суть дела через слова, доходящие до вас как бы из темноты. С тою же целью мы говорим как бы анонимно²⁰, чтобы не пришлось принимать во внимание личность, положение, народность, вероисповедание говорящего, но зато тем отчетливее само дело без покровов выступило бы перед очами вашего ума и вы поняли бы или ощутили, что здесь все служит общему благу и ни одному из смертных не замышляется ущерба.

27. *Все это хотел я сказать, чтобы и пробудить в вас душевный порыв, благоразумные мужи, и придать ему устойчивость.* Пробудить – чтобы вы нетерпеливее захотели исследовать дело. Придать устойчивость – чтобы свой приговор вы вынесли только после полного ознакомления со всем. После обозрения всего труда позволительно будет и судить обо всем, а там и высказать суждение, как продиктует каждому прояснившийся ум (он прояснится, я обещаю) и разгоревшийся в рвении дух (и это, надеюсь, будет). Греки и римляне, более мудрые, чем другие народы, настолько терпимо относились к своим риторам, ведшим судебные дела, что как бы странно то ни ораторствовали, никто не смел ни прерывать, ни отвечать, пока оратор не скажет: *DIXI*. Почему бы нам, говорящим о Божием и всего человеческого рода деле, не подарить столь же терпеливого внимания. Если это кому не нравится, мы заявляем, что обращаемся к разумеющим, а не к глупцам. *Глуп тот и устыжения достоин, кто отвечает не выслушав*, изрек мудрейший Соломон (Притч 18, 13). Так что если ты уразумел, подожди мнения другого разумеющего: *Прежде, чем услышишь, не отвечай, и посреди речи не вставляй слова* (Сир 11, 8).

28. Напоминаю об этом не случайно, но потому, что мы, европейцы, рассеиваемся на бесчисленные философские, политические, религиозные мнения, и каждая партия убеждена, что истина при ней, а других покинула, и все отягощены такими предрассудками, что если кто проповедует что-то иное, будь то даже просто критичность к себе и терпимость к другим, то сразу навлекает на себя подозрение или в вольнодумстве, или в скептицизме, или в подрыве основ. Чтобы со мною, чистым от всяких дурных намерений, не случилось того же, предупреждаю: *ничего никому в каком бы то ни было частном смысле не будет сказано во всем этом нашем труде; речь будет о всей совокупности человеческого общества и о всей массе проникшего в него мрака, смятения, заблуждения.* Поэтому если кто полагает себя обладающим крупицей света, порядка, правды или действительно ими

обладает (а они несомненно присутствуют повсюду, ибо возобладать где-либо мраку над светом, смуте над порядком, заблуждению над истиной не позволяла до сих пор и не позволит во веки вечная божественная благодать), тот, молча радуясь в себе и хваля Бога, пусть не завидует, если другой преуспевает в том же, шествуя подобно нам путем разумения, или по крайней мере пусть не отягощает такое шествие своей подозрительностью, пока не рассмотрит все от оснований до вершины. *Отказать другому в справедливом требовании иначе, как совершив несправедливость, невозможно.*

29. И почему нам должно быть стыдно подражать учителю язычников, апостолу Павлу, который для подзаконных был как бы подзаконным, для чуждых закона – как бы беззаконным, для немощных немощным, и для всех сделался всем, чтобы приобрести всех (1 Кор 9, 19–22), или отчего захочется подражать завистнику? Поистине мудро подражал апостолу Августин, и сам великий учитель истины: столкнувшись с манихеем Фавстом, он добился того, чтобы ни одна из сторон не исходила из уже добытой истины и искала ее, словно еще сомневаясь, чтобы смиренно склониться перед найденной и признанной. Когда согласие было получено, они спокойно вступили в это дружественное состязание об истине, и Августин так потеснил Фавста своими доказательствами (в мягчайшей манере, но очень сильными), что Фавст прослезился и протянул Истине побежденные руки²¹. Почему бы нам не подражать ему? Почему бы с подобною же любезностью и мягкостью не пойти навстречу иудеям, магометанам, язычникам, любым еретикам (будь то действительно таковым, будь то лишь во мнении, что покажет огонь испытания истины)? Зачем враждебно гнать человека, склоняющегося к этому или пытающегося так поступать?

30. Поэтому если кому угодно с презрением отвергнуть совет, предлагаемый одиночкой и как бы из темноты, то он поистине показывает себя несведущим в образе действий Бога, большей частью достигающего Своих целей через смиренных исполнителей. Читайте истории Священного писания, увидите, что даже величайшие события имели простейшие поводы, и для предупреждения или поучения самых мудрых людей приходили простецы. Иофор был мадианитянин, и однако же сумел дать полезный совет Моисею, ежедневно беседовавшему с Самим Богом (Исх 18, 14–23). Сумела и маленькая девочка пленница внушить прекрасный совет военачальнику Нееману, господину своему (4 Цар 5, 3). Сумели нищие в Самарии, к тому же прокаженные, возвестить нечто очень хорошее царскому дому. Сумел Павел, хотя и считали его суесловом, поведать нечто высокое афинским мудрецам (Деян 17, 16–34). Сумела Рода, служанка, объявить апостолам избавление Петра от уз, хотя они сказали ей, что она не в своем уме. Надо ли вспомнить о других? *Суетно и граничит с*

недоверием к Богу, действующему через какие Ему угодно средства, смотреть на лица, а не на дела.

31. *Но здесь выдает себя, скажет кто-нибудь, тщетность замысла, мечта о золотом веке.* Отвечу. Некоторые в конце мира надеются на улучшение положения Церкви и тем самым на наступление примиренного, просвещенного, верующего века; и есть такие, что опасаются постепенного ухудшения (пока не придет Тот, Кто, положив конец миру и его бедствиям, станет для Своих началом вечности). Знаю. Но что это несущественное расхождение заслуживает очень серьезного разбирательства и помешает Совету об исправлении мира, а то и сделает его невозможным, это я решительно отвергаю. В самом деле, первые ли правы или вторые, нам так или иначе надо думать об исправлении. Если нам предстоит увидеть исправленный мир, нам ничто не мешает рассматривать его устройство, помогая так утвердиться благодати Божией. Если же у ворот второе пришествие Господа, мы обязаны готовить путь Господу, не только взаимно увещывая и воспламеняя самих себя, верных христиан, но и взывая к миру неверных и ему показывая путь покаяния, подобно тому как обращался со своей проповедью к готовым вот-вот погибнуть допотопным людям Ной, к содомитам – Лот, к египтянам – Моисей и Аарон, к евреям – пророки и апостолы. Если нас не услышат, мы все-таки облегчим наши души, подобно тем древним святым. *Словом, как ни повернись, думать об исправлении нам неизбежно надо. Горе тому, кто осмелится встать на пути Бога!*

32. Полезно еще помнить: *мы пишем совет, поэтому на всем протяжении своего труда лишь советуемся*, т.е. предлагаем свои воззрения и показываем причину своей уверенности в неложности излагаемого; любому из людей, народов, исповеданий во всем оставляется полная свобода соглашаться или не соглашаться. Если всем все покажется таким же, как мне, и не представится разумных возражений, то воцарится согласие, и общее заключение будет принято за несомненную истину. Если кому покажется иначе, если отыщутся более весомые доводы и откроется возможность изложить полностью дела с большей очевидностью, мы уступим – и опять же окончательной истиной будет служить всеобщее решение. А если ни нам, ни другим не удастся чего-то доказать с последней несомненностью, мы отнесем это к вещам, о которых надо еще подумать, и в молитве к Господу – но при взаимной терпимости – будем просить о прояснении всего сокрытого. Поскольку же весь труд наш совещательный, *везде в нем обращение предпочитается монологу, увещивание – предписанию, мягкий исторический стиль – строгому философскому.* Хочу говорить со всеми так, чтобы каждый слышал свое. *Обращаюсь к вам, ученые, как к учителям человеческого рода, опытным в совете, союзникам по отысканию лекарств; к вам, бо-*

гословы, как к презирающим суету мира первым путеводителям прочих смертных к бессмертию; к вам, цари, государи и властители, как к наставникам рода человеческого, заботливым восстановителям и хранителям доброго порядка.

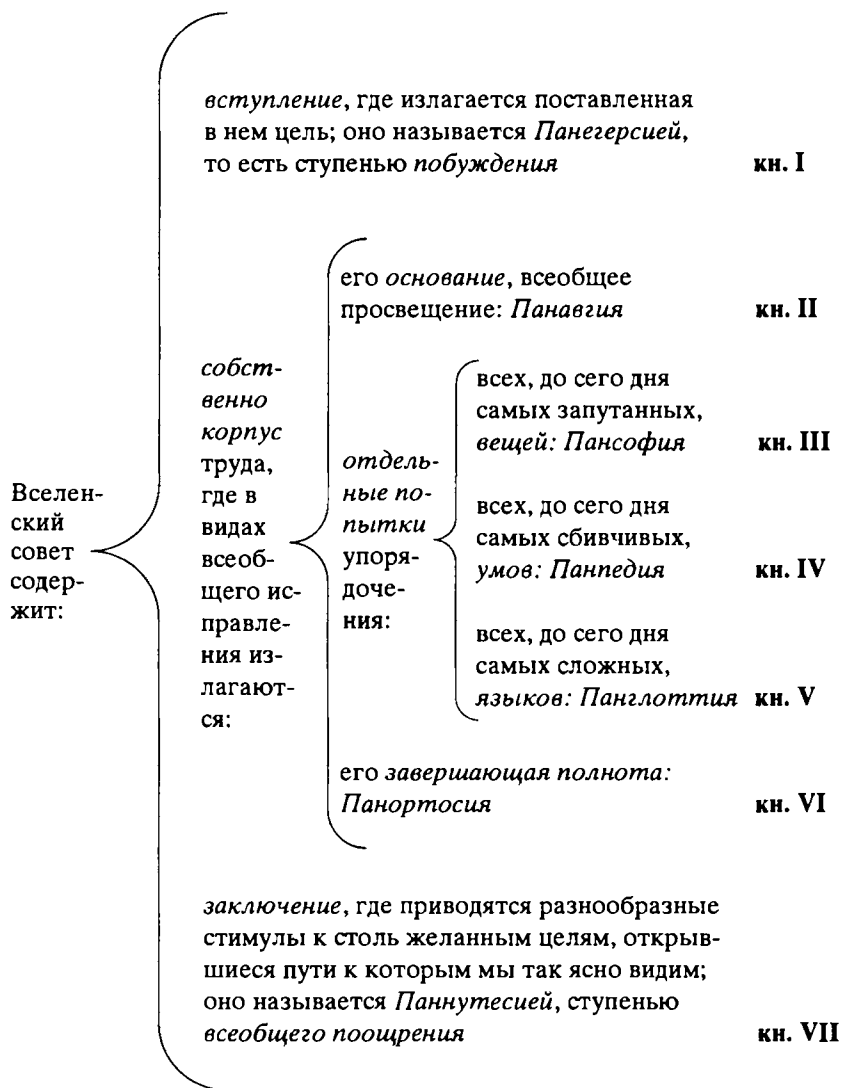
33. И еще: поскольку совет наш ведется как бы со всеми народами земли – в конце нашего труда можно будет найти и план преподания его всем народам на их собственных языках, – а они расколоты и отчуждены друг от друга разнообразием мнений обо всем, особенно о Боге, то мы предполагаем продвигаться с осторожностью, никого не браня за пороки, никому не ставя в счет заблуждения, никого не порицая ни прямо, ни косвенно. Мы знаем, что никто не заблуждается по воле, – ибо ради какой цели он хотел бы заблуждаться? Знаем, что недуги легче изжить добрым порядком жизни, чем сильнодействующими средствами; знаем, что после развития света нет нужды особо бороться с тьмой: она скроется сама. И мы хотим подражать примеру скорее *Сима* и *Иафета*, прикрывших стыдливые места отца своего (а мы – отцов и братьев наших), чем *Хама*, жадно смотревшего на постыдное, показывавшего другим, насмехавшегося. Первое заслуживает благословения, второе стоит под страхом проклятия (Быт 9, 20–27). Недаром и *Павел* начал свою речь в Ареопаге не бичеванием идолопоклонничества и многобожия афинян, а похвалой их набожности (Деян 17, 22). И *Петр* не позорил иудеев за то, что они злобно распяли Христа, хотя именно так оно и было, но скорее извинял их, потому что они сделали это по неведению (Деян 3, 17); точно так же и *Павел* (13, 27). *Сам Христос*, посылая учеников Своих к язычникам, велел их учить, а не бранить (Мф 28, 19). *Учить значит вести* – от известного к неизвестному, – а *водительство* означает действие мягкое, ненасильственное, желанное, не ненавистное; желая вести, я не толкаю, не гоню, не сбиваю с ног, не тащу, а, взяв за руку, любезно сопровождаю или, идя вперед по открытому мною пути, приглашаю следовать за собой.

34. Поскольку же опыт учит бесполезности споров, суетности раздоров и взаимного обличения ошибочных взглядов, то надо приступить к делу с величайшей осторожностью. Мы все хотим и добиваемся примирения, поэтому воинствовать явно не время. Лучше собрать и соединить истины, а заблуждения или полегоньку свести к средоточию истины, или хотя бы скрыть, пока не откроется способ их тоже свести к общему средоточию истины. Словом, как мы считаем, заблуждения, порожденные невежеством (а другого источника у них нет), надо рассеять тихим светом открывшейся правды, а возникшие, расплотившиеся и укоренившиеся во взаимной грызне сект и направлений – размягчить и преобразить дружелюбным теплом участия, потому что другими средствами это не удастся. Тьму тьмой

не изгнать; мнение не уступит мнению, секта – секте, ненависть – ненависти: они скорее ожесточаются и крепнут в противоборстве, ведь одинаковые вещи, пока остаются собой, действуют одинаковым, а противоположные – противоположным образом²².

35. *Итак, собираясь звать людей не к войнам, а к размышлению и к союзу, – чтобы, убедившись в большей богоугодности собрания, чем рассеяния, они приступили к повсеместному соединению разрозненных душевных устремлений, – мы упредим их достойным примером: в нашем труде, смотреть ли на него в целом или в отдельных частях, постараемся брать за исходное вещи, в которых никого из нас еще не разделяет и не восстанавливает друг на друга никакое разногласие, и будем продвигаться вперед с неизменной постепенностью и осторожностью, избегая всего оскорбительного, чтобы даже иудей, турок, язычник, не говоря уж о нас, христианах, какими бы мнениями мы друг от друга ни отгораживались, без оскорбления своих чувств мог принять наше рассуждение и совершенствоваться в нем, пока не окажется на ступени, где, видя себя осиянным лучами света и окруженным очевидностью истины, он не будет уже в состоянии ни отступить, страшась позора, ни удержаться от дальнейшего продвижения, надеясь на увеличение света, и возликует в Господе, что в сообществе с другими пришел наконец к истине и согласию. Достижение этого – во славу Бога, вечного Владыки света и истины – мы и ставим себе целью. Судите вы, достигаем ли мы ее, но как-нибудь в конце концов – в конце концов! – прийти к ней, трижды желанной, помогите!*

Синописис труда о Вселенском совете

Вселенского совета
об исправлении человеческих дел

часть первая

ПАНЕГЕРСИЯ,

*всеобщее пробуждение, где после изложения
того, что такое человеческие дела, насколько
они расстроены, как на небесах и на земле
всегда ведется совет об их исправлении и как
теперь предстоит вести этот совет по-новому,
все люди призываются для всеобщего
советования об этом столь общем для всех
деле*

Синоптическая таблица этой первой книги

<p>Что такое побуждение к совету о спасении рода человеческого? (Гл. I) Это — тройное побуждение</p>	себя самого		гл. II
	<p>других людей, а именно путем</p>	изложения существа и величия того, что мы предпринимаем	III
		что такое человеческие дела	IV
		насколько они расстроены	V
		насколько позорно и губительно это расстройство	VI
		что совет об их исправлении непрестанно шел на небесах и на земле	VII
		что его нельзя прекращать	VIII
		что теперь надо начать новую попытку, но на еще не испытанных, поистине всеобщих путях	IX
		и в согласии с законами правильного совета	X
		призывания всех для советования	XI
		сострадательного Бога, пылкими воздыханиями	XII

Глава I

Какое дело мы предпринимаем, почему для него необходим пробужденный разум и как надлежит его пробуждать

1. Мы намереваемся, испросив у Бога благодати, показать роду человеческому все его благо, описать, как мы, преступив пределы этого блага, блуждаем по бесконечным пустыням тщеты, и открыть истинные, прямые и удобные пути возвращения в конце концов к изначальной простоте, покою и счастью.

2. Таким образом, мы приступаем к делу, важнее которого нет на земле: оно касается всех людей и всего в человеке, служит высшей цели и высшей пользе, теперешней и будущей жизни.

3. Поскольку к великому этому делу можно приступать, лишь пробудившись разумом, добившись единодушия человеческого рода и вымолить согласие Божией благодати, то мы и начнем прежде всего *побуждать, сначала самих же себя, потом всех других, кого только можем, а под конец самого Бога – к милости и помощи.*

4. *Самих себя* надо побуждать потому, что невозможно пробудить других, если мы спим, если видим сны обо всех этих вещах и рассказываем их другим.

5. Потом, других надо стараться пробудить, чтобы они помогли пробудить Бога к милосердию и бодрствовали вместе с нами в деле общего спасения. Но *кого именно пробуждать? И как?*

6. *Будят обычно людей, отягченных неурочным сном*, когда их зовут настоятельные дела, или *если грозят бедой враги*, начавшийся пожар, или *когда чрезмерный сон вреден для здоровья*, а то и смертелен и опасен для жизни, как бывает при летаргическом сне и других сонных болезнях. Но *все эти причины сейчас налицо*, и они заставляют нас любыми доступными нам средствами поднять род человеческий ото сна.

7. В самом деле, благороднейшее создание Божие, человек, посланный в мир ради высоких целей, забыл о лучшей части своего существа и меньше всего занят как раз тем, для чего наделен жизнью. Большинство вконец слепнет, коснеет, дичает. *Приходят в мир – и не знают откуда, живут в мире – и не знают зачем, уходят из мира – и не знают куда. Да и пока ходят по земле, главного не делают, относятся к жизни спустя рукава.* Думают о пустом, заняты пустым, рады пустякам, питаются пустыми надеждами, словно во сне, и вечно из одной пустоты впадают в другую, пока сами не исчезнут. *А меж тем*

враги, сатана да смерть, окружили со всех сторон, ищут, кого пожрать, и пожирают одного за другим; вкруговую облетела нас страшная гроза гнева Божия, близится пожар, в котором сгорит мир. Обуянные сонной одурью люди пойдут в вечную погибель, если не вырваться; стало быть, всех, кого можно, надо будить, чтобы вырвались.

8. Но каким образом? Обычно людей, спящих некрепким сном, пробуждают, окликнув по имени или слегка прикоснувшись; тех, кто спит глубже, будят окриками, щипками, встряской; погрузившихся в глубочайший (летаргический или подобный ему) сон приходится растирать грубой тканью, колоть, прижигать огнем. Мы здесь воспроизведем все эти действия. Вначале обратимся к себе самим и к прочим, дабы затронуть наше внимание – в этой первой части сочинения, т.е. в самой этой побудительной речи. Затем попытаемся всколыхнуть все чувства, откровенно явив положение дел во всех областях нашей жизни, – это займет следующие пять книг. И в конце концов обожжем души огнем благодати – в завершающей части нашего сочинения.

Г л а в а II

Побуждение первое, себя самого; призывание Бога в свидетели чистоты намерений и в помощники великому дерзанию

1. Проснись, мой ум, пробудись, сердце, стряхните сонливость, все мои чувства! Тогда вялая дремота не помешает великому делу, тогда ночные видения не смогут прокрасться на место дневных замыслов и сны не встанут на место вещей.

2. За что берешься ты, малый червь? Куда порываешься? Тебе ли по плечу забота о спасении вселенной? На что, обреченный на смерть, посягаешь, дерзая свыше сил? Не изводишь ли себя, готовя себе неминуемую беду? Не навлекаешь ли на себя обвинение в позорном безрассудстве, насмешки и осмеяние?

3. Тебя, предвечное Божество, от Которого не сокрыто ничто на свете, зову в свидетели, что вот уже много лет, как томится и не терпеливо трепещет мое сердце! Что же делать мне теперь с замыслами, которые, чувствовал я, мало-помалу внедряются в меня под действием как сокровенных движений души, так и явственных внешних знамений, неся больше и больше света, – подавлю их в себе или дам выход? Выскажу или замолчу? Впрочем, как бы я ни решил, пересилит Твоя сокровенная сила, которая и против воли несет, влечет, понуждает!

4. Что не сон, а самая действительная вещь то, о чем хочу напомнить смертным, засвидетельствуешь Ты сам, Бог богов, мощной рукой совершив все, мечту о чем ты вселил в нас и возможность совершения чего на предначертанных тобою путях дал нам постичь.

5. Ты ведаешь, о Господи, Творец всего сущего, сострадающий познавшим тягость пути вдали от Тебя и ищущим прибежища у Тебя, источника милосердия, как с бесконечными воздыханиями, тревожа громкими мольбами небеса, я каждодневно к Тебе прибегаю, полон страха перед ужасным миром, восставшим против себя самого. Но полон и Твоих утешений, которыми Ты преисполнил душу малого раба Твоего.

6. Полон тумана, в который ввергло меня лицезрение бездны людской суеты, но полон и высшего света, озарившего для меня прекрасное царство Твое, нетленное перед Твоим взором. Тебе же слава и благословение во веки веков. Аминь.

7. Что до меня, Господи, я сам ничего больше не чаю под небесами, как только быть принятым в царство Твое.

8. Но я тревожусь о тех, которые не причастились еще Твоего света. О как бы я желал помочь им, хотя бы ценою собственной жизни!

9. Великая печаль объяла меня и неизбежно скорбит сердце мое, что столь далеко от Тебя, своего Творца, блуждает в вечных скитаниях тварь.

10. Грядущая погибель Твоих отступников страхом и скорбью наполняет все мое существо и, словно, огонь, заключенный в самых моих костях, пожирает меня.

11. Ах, как бы я хотел вместе с Моисеем сказать: *Изгладь меня из книги жизни*¹, если бы только за это я мог вымолить моему племени, роду человеческому, благодать милосердия!

12. Как желал бы я вместе с Павлом быть отлученным от Христа за братьев моих, родных мне по крови, населяющих лик всей земли!²

13. Я знаю, Господи, что ни той, ни другой моей жертвы Ты не примешь – Ты, Который пожелал единственной и совершенной жертвой искупить грехи рода человеческого; но Ты не оставляешь благосклонностью ревностный пыл Твоих рабов.

14. Ведь Ты милостиво предал в руки Моисея народ, заслуживший гибель от Твоего справедливого гнева; Павла же ободрил обетованием грядущего спасения всего дома Израилева возвращенной ему благодатью.

15. Ныне же нам, Твоим рабам, коленопреклоненно молящим Тебя об обращении всех народов и о спасении Израиля (ведь мы все – Твои многочисленные Павлы), какой дашь ответ?

16. Отвратишь ли лице Твое от молящихся перед лицом Твоим? Нет, не таково Твое милосердие!

17. Ты утешал Твоего Павла – придет время Твоей благодати, и воссияет она совершенным светом над всеми племенами и над всем Израилем. Удостой утешения и нас – исполнилось уже чаемое веками время.

18. Угодны Тебе эти двое, возлюбившие ближних своих – собственных мучителей, – так не отвергни же и наши молитвы о тех, которые, ненавидя имя Твое, и нас ненавидят, гонят, убивают, ибо доподлинно знаем: они не ведают, что творят. Поэтому вместе с Сыном Твоим восклицаем: *Отче! прости им, ибо не ведают, что творят*³.

19. Господи, сколь жестоко злобствует по всей земле тот род, которому Ты предназначил быть Твоим подобием и разделить с Тобой вечность!

20. Видят это очи Твои – и отвращаются; видят ангелы Твои – и печалются; видят враги Твои – диаволы – и ликуют, ибо все это – верный путь к гибели. Как же ты терпишь это?

21. Видят эту мерзость и благочестивые люди, которым Ты отверз очи, но всего лишь видят – и стеноют, мучимые тревогой, но не имея благого совета, как научить погибающих видеть собственную гибель и страшиться ее: ведь в этой сумятице, когда все и вся перемешались, никто никого не слышит.

22. Да хотя бы и услышал тот или иной, не станут они помышлять о собственном конце, вращаясь в этой нескончаемой круговерти.

23. Так неужто Ты, дав в удел сынам человеческим землю, столь непроницаемо заключил Себя внутри Твоей небесной тверди, что и не взглянешь вниз на переплетения наших путей? Почему не грянешь Ты ужасным голосом свыше и не обратишь нас, несчастных смертных, от наших несправедных дорог?

24. Почему не пошлешь кого-нибудь из Твоих ангелов, дабы он всполохом молнии осветил землю и освободил мир от власти тьмы, многослойной пеленой объявшей его?⁴

25. Почему не пошлешь кого-нибудь из мертвых засвидетельствовать живым, чтобы не стремились они к смерти столь безоглядно?⁵ Но, увы, мы знаем, что ничему они не внимлют и ничего не пойдет им впрок, даже если будешь устрашать их ужасами Содомы, или Египта, или Ниневии, или Иерусалима, или началом Твоего гнева – всемирным потопом, погубившим мир⁶. Все примут они за пустые угрозы и необразумятся.

26. Ты указуешь всем живущим этой брэнной жизнью на Моисея и пророков – да слушают их⁷. Но кто их слушает? Кто почитает? Кто знает, наконец?

27. Помилуй, Господи, смертных, скованных оцепенением безмятежности, и открой им путь молитвы и пробуждения от летаргии.

28. Потряси вновь небо и землю, море и сушу, дабы возросли народы и исполнился славы дом Твой!⁸ Покуда не грянул день гнева и не истребил огненным пожаром небо и землю!

29. Ты сделаешь, что обещал. Но когда? и как? *Волю же Твою кто познал бы, если бы Ты не даровал премудрости и не ниспослал свыше святого Твоего Духа? и так исправилась пути живущих на земле, и люди научились тому, что угодно Тебе, и спаслись премудростью⁹.*

30. Господи, Господин наш, укажешь ли моему взору величественную башню, с которой, как с высоты Фароса¹⁰, откроется носимым мириадами бурь над бездной и рыдающим в смертном ужасе перед неминуемым крушением надежная пристань – прибежище в пучине скитаний? Взойду ли я на нее? Зажгу ли во тьме факелы? Возвышу ли трубный зов, чтобы прозрели, если могут, слепые, чтобы услышали, если могут, глухие?

31. Дай благосклонный ответ рабам Твоим, Человеколюбче! Не звучит ли нам и поныне глас Твой, обращенный некогда к пророку, рабу Твоему? *Возвысь голос Твой подобно трубе! Взойди на высокую гору, возвысь с силою голос Твой!*¹¹

32. Слышу глас завета, Господи! Ибо это есть слово Твое, вечное, как Ты Сам – Ведь Ты, взирая с высоты вечности на ход времен, никогда не применишь слова Твоего.

33. В моем дерзновенном повиновении, Господи, я полагаюсь отнюдь не на себя, ниже на кого бы то ни было из смертных, но единственно на Тебя, первопричину всего сущего. И я восклицаю вместе с Моисеем: *Если Ты пойдешь посреди нас – пойду!*¹² и вместе с Апостолом: *Если Ты пребудешь в моих трудах со мною – потружусь!*¹³

34. Ведь я сам по себе – прах, меня развеет мир. Умозаключения мои – точно так же, как и любого из смертных, – боязливы, их задушат петли софизмов. Мольбы мои, мои воздыхания и слезы натолкнутся на смех нечестивцев.

35. Будь же Ты мне Солнцем и щитом, Боже Иегова! Даруй благодать и славу! Не оставь милостию идущих непорочным путем¹⁴.

36. Боже милостивый, яви милость Твою на негодных слугах Твоих! И то, что Ты открыл взору малого раба Твоего, да покажет он многим, многие же – всем! Да возгорится ярко тот огонь, который Ты пожелал низвести на землю!¹⁵

37. Не огонь гнева, как доселе, разящий нас Твоим праведным судом, но огонь благодати, дарующий озарение и указующий путь к Тебе.

38. Ведь мы приступаем испросить о путях возвращения к Тебе – мы, уклонившиеся от Тебя в наших блужданиях! Ты ли позволил нашим помыслам уклониться от цели столь святой? Удержи

их, имене Твоего ради! Настави наши помыслы *словом Твоим непреходящим, которое одно пребудет вовек!*¹⁶ Аминь, Аминь, Аминь.

Глава III

Зачем на совет об исправлении человеческих дел звать всех, можно ли созвать всех и какой легкий и прямой путь откроется перед этим советом

1. К вам обращаюсь, все причастные вместе со мной человеческой природе и гнетущим ее бедам! Давайте вместе рассмотрим состояние мира, повсюду тонущего во зле, вместе ужаснемся, вместе восплачем о неизменно повторяющихся, а вернее, постоянных и страшных разорениях мира – или лучше посоветуемся о том, как помочь делу, если только можно ему помочь!

2. Кажется вполне справедливым, что в деле, затрагивающем всех, всем хочется принять участие. Действительно, неужели найдется кто-нибудь, до такой степени ненавидящий себя самого, что и не желает даже ни говорить о себе и своих делах, ни слушать, что говорят другие? Едва ли. Ведь любить себя и все, до себя касающееся, и заботиться так или иначе об улучшении собственных дел – от рождения заложено в природе всякой твари.

3. Кто бы ни был ты, читатель, проснись и в уверенности, что речь пойдет и о тебе, настрой на внимание слух, ум, речь; выслушай мысли других о себе с той же охотой, с какой выражаешь свои. Это будет началом твоего советования вместе со всеми другими.

4. Ведь любой из нас, оказавшись в человеческом обществе, будет стремиться соблюдать законы этого сообщества. Каждый должен искать выгоды не себе одному, но всему сообществу. *Безумцу уподобим того, кто лечит один из членов, пренебрегая всем телом.*

5. *Общие блага*, к которым мы обращаемся в первую очередь, *суть наша общая радость, так пусть же общие тревоги*, видимые нами лишь затем, *станут предметом общих забот*: ведь общие заботы побуждают к общему совету.

6. *Ибо тогда только всем может стать лучше, когда все мы вместе*, тщательнейшим образом рассмотрев, где и как запутались наши дела, засучим рукава и, призвав в помощь Бога, *возьмемся собственными силами* высвобождать себя из опутавших нас неурядиц.

7. Никто не думай о себе так дурно и низко, чтобы не считать себя достойным войти в совет о всеобщем спасении; никто не предавайся гордому отчаянию и не гнушайся выслушивать чужие советы и прибавлять к ним свои!

8. И как общий у всех нас Бог человеколюбец, как сообщая переносим мы страдания, тревоги и беспокойства, так да будет у нас общим сострадание всеобщим страданиям и ревностное стремление хоть сколько-то, если дано будет, уменьшить их.

9. Столь непомерны тяготы, нас обременяющие и заставляющие осматриваться вокруг в поисках какого-либо выхода, *что без сомнения, пришла пора созвать весь мир на совет и воззвать к Богу на небеса, да склонится Он к воздыханиям и слезным мольбам всего человечества и да подаст нам силы.*

10. Сперва все кажется несбыточной мечтой, но нет! *Ведь если мы не можем собраться все в одно место телесно* (да и не надо), нас соединит духовная общность, обмен взаимными посланиями и само это солнце, ежедневно пробегающее по всему кругу земель от одних к другим и всем равно дающее возможность совершения полезных дел.

11. *Так воспользуемся же, смертные, дарованными нам возможностями. А что не дано нам осилить сразу всем вместе, будем устраивать постепенно, поочередно излагая друг другу свои сообщения:* так, чтобы язык нам заменил в этом деле перо. Да и что бы тогда могло помешать нам действовать сообща, если мы, обсуждая все это с глазу на глаз с немногими людьми, станем менять собеседников, но не предмет обсуждения, а затем, призвав в помощь Бога, возьмемся наконец за дело?

12. А потом, Бог даст, на каком-нибудь вселенском совете сойдутся главы земли и сообща поразмыслят о том, что заранее будет таким образом подготовлено.

13. *Ну а мы приступим к делу!* Мы собираемся рассуждать о нашем предмете как можно проще, чтобы весь народ (или, по крайней мере, самые разные люди из народа) был в состоянии отчетливо понять, о чем идет речь, и составить об этом собственное разумное суждение.

14. *А посему будем следовать законам, которыми руководствуются все, желающие, чтобы их советование было мудрым, а именно: изложим по порядку, что, какими средствами и каким образом должно совершиться, и предоставим всем и каждому право на непредвзятое суждение обо всем в целом и о каждом предмете в отдельности.* Тогда советование будет истинным, всеобщим и полезным.

15. Следует показать другу, испрашивающему твоего совета в каком-нибудь деле, *во-первых, что он должен поставить себе целью в этом деле и зачем ему к ней стремиться? Далее, при помощи каких средств* он может, не блуждая, прийти к этой цели и почему эти средства предпочтительнее прочих, быть может, оказавшихся в его

распоряжении? И, наконец, каким образом, располагая этими средствами, он должен с толком ими распорядиться, чтобы наверняка достичь поставленной цели, и почему ему следует действовать именно так, а не иначе? Так вот, если ты верно разъяснишь ему эти три вопроса, будь уверен: ты не забыл ничего из того, что следует помнить хорошему советчику, и воистину заслужил признательность друга: ведь ему теперь все ясно и ничего больше не остается, кроме как, разрешив свои сомнения, приступить к делу.

16. Все мы точнейшим образом воспроизведем, с Богом, в наших советованиях и представим, во-первых, чего, по-нашему, следует добиваться и почему; далее – каким единственно верным путем мы надеемся прийти к исполнению наших упований; и наконец – каким образом, по нашим представлениям, лучше всего воспользоваться данными нам средствами и почему именно так.

17. Но однако же, поскольку о вещах неведомых, или почти неведомых, судить никто не может, а тот, кто все же берется, поступает так по опрометчивому недомыслию, ставя тем самым и себя, и других, и самое дело в рискованное положение, мы, прежде всего, приложив все старания, с самого начала придадим предмету, о котором собираемся рассуждать, столь ясный вид, что каждый будет в силах уразуметь его. Ведь толковать с кем-нибудь о неведомых ему вещах – то же, что рассказывать сказку глухому.

18. Ты же, кто бы ты ни был, помни: во всех этих советованиях тебе подобает прежде всего заботиться о том, чтобы постичь истинную суть дела. А далее поразмысли вот над какими вопросами:

- 1) Вправду ли поставленная цель находится на пути ко всеобщему спасению?
- 2) Действены ли средства, избранные нами для исполнения наших упований?
- 3) И наконец, точно ли так, как нам представляется, следует эти средства приложить, или у тебя на этот счет иное мнение?

19. Если все признают, что в наших рассуждениях нет изъяна и наши наставления верны, то, конечно, все одобряет наше начинание. И удача будет сопутствовать нам, достигшим единодушия в столь важном деле! Если же кому-нибудь другому Бог укажет лучший путь, то, каким бы этот путь ни оказался, мы не станем упорствовать и исправим несовершенство наших советов – и опять удача пребудет с нами! Ибо, насколько это в нашей воле, мы будем неукоснительно соблюдать следующую заповедь: никакая цель не может быть предложена иначе, как при полном и всеобщем одобрении; тогда уже сам природный здравый смысл укажет любому, что именно к ней должно стремиться. А что средства, ведущие к цели, в высшей

степени доступны и находятся, можно сказать, в наших руках, каждый засвидетельствует сам, удостоверившись в этом по рассмотрению способностей, дарованных ему Божией волей. Мы же, со своей стороны, покажем только способы применения этих средств, а насколько они непогрешимы и легки в исполнении, подскажет каждому свет разума и здравый смысл. Представляя таким образом все это к рассмотрению, мы будем только предлагать и добавлять, воздерживаясь от каких бы то ни было заключений, кроме тех, что представляются справедливыми всем: действуя таким образом, мы надеемся либо прийти наконец ко всеобщему согласию, либо, по крайней мере, убедиться, что не осталось больше ни одного открытого нашим взорам пути.

20. Так придите же все, чьего слуха могут достигнуть эти наши слова! И на вещи столь всеми чаемые, столь несомненно полезные и столь заманчиво доступные (эта доступность, вы слышали, была здесь обещана, а далее вы сами легко ее увидите) обратите все ваше внимание, рвение, надежду, которые подобают в столь важных делах.

Г л а в а IV

Что такое человеческие дела? Это познание, религия, политика

1. Прежде всего следует рассмотреть, что именно мы называем *человеческими делами*, дабы с самого начала не запутаться в разногласиях, когда один подразумевает одно, другой – другое, а сказанное нами так и остается непонятым.

2. Воистину велико, можно сказать, несметно множество вещей, окружающих нас в этом мире; одни пытаются завладеть нами, другими – мы. Однако мудрые знают, что некоторые из них суть лишь наши спутники, как тень – спутник тела, другие же – скорее нам помеха, нежели помощь, и, заботясь о собственном спасении, лучше быть от них подальше (а мы зачастую обманываемся, опрометчиво полагая их частицами нас самих и привыкая к ним, как к милым любимцам).

3. Мы считаем поэтому, что *человеческими делами* надо называть, собственно, только те – но также и все те, – которые служат величию человеческой природы; ведь все прочее, общее у нас с животными, именно потому не собственно наше, что общее с ними. Так что даже блага, когда это низшие блага, надо целиком подчинить более высокому: тому, чем мы отличаемся от животных, чем мы

возвышаемся над животными и что возносит нас к богоравному величию.

4. *Ведь окончательное суждение, отчетливо определяющее сущность какой-либо вещи, может исходить только из признаков, отличающих эту вещь от других, а не совпадающих у нее с другими.* Возьмем для примера железные часы. Если кто-нибудь, никогда ранее их не видавший, заглянет внутрь механизма, он будет судить об их назначении и действии вовсе не по тому, что они железные: в самом деле, и топор, и нож, и ключ, и множество других предметов тоже железные. И не по тому только, что механизм их состоит из колесиков: ведь и мельницы, и колесницы, и многие другие вещи тоже состоят из колес. Но по тому, что кружки цепляются друг за друга таким образом, что движение одного вызывает движение прочих, и этим самым движением они обозначают промежутки времени – большие и меньшие. Так вот, лишь исходя из этого он заключит, что перед ним *орудие для измерения времени*, и без труда поймет, какими признаками определяется его сущность.

5. Подобным же образом и тот, кто, сравнивая человека с остальным тварным миром, захочет понять назначение человека и средства к исполнению этого назначения, будет первым делом рассматривать не то, в чем человек подобен металлам и камням, деревьям и неразумным животным (то есть не то, что он, скажем, рождается, растет, питается, двигается, чувствует), а то, в чем он их всех превосходит, и, таким образом, будет иметь в виду только его преимущества.

6. *А наше преимущество перед неразумными животными заключается вовсе не в каком-нибудь особенном сложении тела, не в лучшем питании и не в утехах роскоши, но в превосходстве души.* Ибо изяществом тела, гибкостью, силою, живучестью, а также прожорливостью и похотливостью некоторые животные далеко превосходят человека. Но ведь человек, пусть уродливый телесно, неуклюжий, слабый, болезненный, даже умирающий, лишенный всех радостей и плотских наслаждений, все же не перестает быть человеком.

7. *Но человеческой душе присуще то, чем не обладает больше никакое живое творение, – живой образ живого Бога, а именно: понимание сути вещей, или разум; свободное суждение, или воля; и наконец, возможность исполнять задуманное, или способность к действию, простираемая на весь окружающий мир.* И все, что только есть в мире, подчиняется человеческому разуму; все, что есть благого, упорядочивается его выбором; все, что только возможно, соразмеряется с его возможностями.

8. Кто не знает по себе, что все это так? Кто не находил в других подтверждение этому? Что касается силы разума, то, несомненно, всякий человек по природе своей ищет знаний. *Мало того, он*

желает знать как можно больше, а если бы это только было возможно, – даже все. И наконец, он стремится к знанию истинному, не желая обманываться. В меру своих сил он всячески старается избежать заблуждений рассудка, а если и ошибается, то только по неведению или невольно. Если же человек сам чувствует, что ошибся, или его обвиняют в этом другие, он переживает это болезненно. Ибо духу человеческому присуще сознание, что неведение и заблуждение не пристали его божественной природе. Итак, наш разум, повинувшись побуждению природы, стремится к познанию мира и к истине.

9. Ну а для чего дана нам воля? Что она ищет? Благо. Ибо каждый человек желает себе блага; он трепещет, предчувствуя беду, горе, тревоги, и всеми силами стремится избежать их. И напротив, усмотрев для себя какое-нибудь благо, то, что так или иначе привлекает его, человек желает обладать этим благом и бывает в высшей степени раздосадован, упустив его. Однако он желает блага истинного и воспринимает как тяжкую обиду попытки одурачить его подрумяненным обманом. К тому же он желает блага без конца, содрогаясь при мысли о смерти и гибели, и, пока дышит, чаёт некоей бесконечности. Итак, человеческая воля ищет разнообразных благ, истинных благ, благ, длящихся без конца.

10. А сколь велика наша власть над вещами и жажда претворения данных нам возможностей, свидетельствуют человеческие дела – великие, удивительные, вечные. Мы поистине наполнили мир нашими причудливыми созданиями – мы, малые черви, возомнившие себя соперниками нашего Творца, и нет этому ни конца, ни краю, и ни перед чем не останавливаются самые деятельные из нас, не придумывая разве что только новых миров. Без сомнения, немислим для человеческого усердия закоснелый покой. А потому, попавшись на приманку какой-то бесконечной улады, бьемся мы в сетях, беспрестанно строя одно из другого, и не видно этому конца. Неутолима жажда человеческой природы управлять вещами сущими, вновь и вновь, себе на радость, выдумывать новые, господствовать всюду и словом, и делом.

11. Думаю, сначала все должны согласиться со мной в том, что есть три присущих человеческой душе корня человеческого величия: исследующий вещи разум, ищущая благо воля и влечение к действию, имеющее в своем распоряжении всевозможные способности. Посмотрим, какие из этих корней произрастают побеги, какие на них созревают плоды.

12. Из жажды истины происходит философия, искание мудрости. Из желания блага рождается религия, то есть почитание высшего блага и наслаждение им. Из стремления властно распоряжаться вещами

при высшем его усилии достигается полития, то есть приведение людей, вечно пускающихся в разнообразные предприятия, к такому порядку, когда в своих знаниях они не мешали бы, а помогали другим.

13. Эти три начала (философия, религия, полития) суть три высших ἔργα¹⁷ человечества, все же остальное – не более чем πᾶρρηγᾶ¹⁸, – это, я надеюсь, будет далее показано достаточно убедительно, чтобы ни у кого не возникло основания для сомнения.

14. Начнем с того, что, как известно, среди всех видимых творений первое место принадлежит человеку, ибо он создан по образу Божию. А посему он подобен Богу и есть некое живое изображение Его совершенств. Кому же не ведомы три высокие Божии совершенства? Власть, которою Он созидает и хранит все сущее; мудрость, которою знает, видит, провидит, направляет все; и благодать, с которою Он, святой Сам в Себе, простирает справедливость и милосердие на все Свое творение. И столь велики эти совершенства, что, конечно, должны запечатлеться живые оттиски в образе Бога живого, а коль скоро они существуют, им должно возвышаться над всем. В самом деле, точно так же, как Бог все видит, знает, понимает, так и образ Божий, человек, наблюдая в зеркале своего разума образы окружающих вещей, постигает и откуда они произошли, и куда и каким путем направляются. И подобно тому, как Бог благ и свят и свободен от всякого несовершенства, так и образ Его, человек, ревнитель божественной благодати, хранит себя от всяческой нечистоты, дабы явить совершенства Того, Чьим видимым подобием он предстает перед всем видимым творением¹⁹. И наконец, подобно тому, как Бог Своею властью управляет всем по Своему благоусмотрению, так и человек, по мере своих сил, господствует над тем, что дано ему во власть, а иначе он никоим образом не был бы достоин называться образом Божиим.

15. Эти же три начала ты обнаружишь, если рассмотришь все то, с чем человек имеет, или может иметь, дело. Все, что он имеет ниже себя, вокруг себя и над собой. Ниже него – все видимые творения: ведь ему предназначено быть выше их всех. Вокруг него – люди, наделенные тем же достоинством. Над ним – Бог, Творец всего сущего. На чем зиждутся отношения человека с низшими созданиями? На господстве и употреблении, так что он заставляет все служить себе. А это не могло бы быть, если бы он не знал обо всех вещах вместе и о каждой в отдельности: цели, для которой они предназначены, замысла, по которому они созданы, и путей, которыми можно достичь господства и привести их к повиновению. Но ведь все это – прямое дело мудрости и философии, которая мудрости ищет. Что управляет

отношениями человека с равными ему людьми? Сообщество. Ведь все люди стремятся к общению разумному, мирному, справедливому, взаимно уча, поддерживая и утешая друг друга. Здесь – область политики. А какие отношения связывают со Всевышним, с Богом Творцом, человека (Его творение)? Смирение, благоговение, глубокое упование. Так что, навсегда связав себя с Ним, человек может радостно наслаждаться Его благодатью и в этой жизни, и в вечной. Это – область религии.

16. *И разве мы не убеждаемся, что человек имел дело с тремя этими началами с самого своего появления? Ведь Бог, сотворив отца нашего, Адама, повелел ему наблюдать все творения, дать каждому собственное имя и господствовать над ними²⁰ – это и было началом философии. Сразу же вслед за этим дана была ему помощница из его собственного ребра, Ева, и наказано было ей приумножать род людской, покуда он не заполнит всю Землю²¹. Вот тут и было положено начало человеческому сообществу. И наконец, дан был человеку завет воздержаться от известного запретного плода²², дабы помнил, что зависит от воли Божией. Это и есть основание религии.*

17. *Нет сомнения, что до сих пор еще не было на земле народа, города, семьи и никогда не было такой эпохи мира, когда нельзя было видеть стремление людей к мудрости, к политике и к религии, пускай иногда очень слабое и крайне путанное, но все-таки никогда не иссякающее. Как тут можно не понять, что человеческий дух создан для этого, на этом основывает свое величие и, значит, этому должен посвятить себя?*

18. *И если бы как-то удалось заглянуть в каждую человеческую душу (а в свою может заглянуть каждый), то открылось бы, что эти три божественные черты – воля к знанию, воля к власти и воля к наслаждению вечным благом – неизгладимо запечатлелись в человеческой природе. Только чудовище в образе человека или недочеловек предпочтет незнание знанию, захочет лучше рабствовать, чем повелевать, и скорее не будет придерживаться никакой религии, нежели хотя бы какой-нибудь, то есть захочет скорее отвергнуть благосклонность божества и вечное блаженство, нежели наслаждаться ими. В самом деле, хотя иногда и встречаются такие чудовища, они повсюду несут за собой свое наказание, будучи и другим, и самим себе ненавистны как доноски и выродки.*

19. *Ведь даже и все те, кому – по рождению ли, или из-за недостатка воспитания – не удалось ничему научиться, кому выпало на долю стать рабами и невольниками и не дано было украсить себя истинной добродетелью, свидетельствуют о свойствах, неотделимых от*

человеческой природы, ибо стыдятся самих себя. *Воистину, невежество, рабство, мерзость пороков, дурная слава перед Богом и людьми всегда постыдна для человеческой природы.* Именно поэтому свое незнание, свою беспомощность, свои пороки каждый, если может, скрывает, а если не может, оправдывает, взваливая вину на плечи других или на свой несчастный жребий. Если же не удастся какими угодно (пусть поддельными) красками поправить в глазах других свою оплошность, каждый предпочитает совершенно открыто признать тот или иной поступок недостойным возвышенной человеческой природы.

20. *Что же касается тех, кому, по сравнению с другими, уделено чуть больше учености, власти, благочестия, – Боже правый, сколь довольны собой они из-за этого бывают – разве только не почитают самих себя богами!* Ведь человека, по природе его, столь тешит сознание *собственной власти, собственной мудрости, собственной святости* (неважно, истинной или ложной: право, человеческий дух предпочитает скорее ошибаться на этот счет, нежели признаться в отсутствии этих божественных черт), что с этим довольством не может сравниться никакое другое наслаждение.

21. *Те же, кому дан дух более возвышенный и кто более прочих наделен высокими качествами человеческой природы, столь страстно жаждут: одни – власти, другие – знания, третьи – святости, что не знают в этом ни меры, ни границы.* Нам все это хорошо известно благодаря бесчисленным примерам людей, для достижения власти, учености, святости не щадящих ни усилий, ни денег, ни трудов, ни бессонных ночей, ни самой жизни (они бестрепетно и готовно принимают даже смерть, изнуряя себя ради свободы и славы, ради религии и ради науки и издерживая на это всю свою жизнь).

22. *Вот и выходит, что именно в этих трех замечательных стремлениях человеческой природы ревностное усердие рода человеческого столь сильно, что подобного мы никогда не увидим в других делах.* Кто, например, видел, чтобы о вещах, общих у нас с дикими зверями (о жизни, внешнем облике, пище, питье, наслаждениях и т. д.), спорили целые народы? А завистью и соперничеством *из-за власти, знания, религии* полон мир. Кому должно стать во главе других, кто лучше постиг природу вещей, чьи молитвы принимаются Богом благосклоннее, – вот какие споры – политические, философские, религиозные – ведутся в человеческих сообществах испокон веку, и мы не видим, чтобы о чем-нибудь спорили столь же горячо. А в таком случае, скажите на милость, не остается ли нам только одно: поразмыслить над тем, как *внедрить в себя эти вечные корни: великую власть, высшую мудрость, вечную благодать?* И хотя ясно, что по нашей вине полития, философия, религия вызывают весьма опасные столкновения, столь же нелегко предотвращаемые и

усмиряемые, заставляют нас задумываться, куда влечет и торопит нас возвышенный порыв, и убедиться в том, что столь дорогие и любезные нам блага – *владение, религия, собственный разум* – законно и по преимуществу принадлежит нам.

23. *Итак, мы видим, что из самой глубины нашей души как бы разрастаются три дерева, под ветвями которых весь род человеческий греется в лучах Солнца. Эти три дерева суть: философия, религия, политика.* Так посмотрим же теперь, какие плоды производят эти деревья.

24. *Коль скоро сами деревья различны, то и плоды они приносят разные.* Однако все это – плоды хорошие, сладкие, целебные, без которых немислима человеческая жизнь; нужно только употреблять их сообразно их назначению. *Так, философия стяжает светоч разума – мудрость, и, просвещенные ее благодатью, мы находим дорогу в окружающем нас мире. Политика стремится к согласию в человеческом сообществе, чтобы, сколько бы нас ни было, мы жили в добром единодушии и мире, не причиняя никакого вреда один другому, взаимно поддерживая и утешая друг друга. И наконец, религия старается снискать божественное благоволение, делает все, что может, дабы укрепить вечные узы, связывающие людей с Богом и Бога с людьми, дабы вселить мир в души людей и сделать их сопричастниками вечного блаженства в царстве Божием (по окончании этой жизни).*

25. *Я полагаю, никто не может усомниться в том, что все обстоит именно таким образом и что эти три устремления ведут нас именно к этим трем целям: слишком уж очевидным представляется дело.* Не усомнится никто и в том, что то, о чем нам с величайшим усердием подобает молиться во имя исправления человеческих дел, то, что нам следует подвергнуть тщательнейшему рассмотрению в этом нашем советовании, суть *просвещение, религия, политика, ибо они всегда и везде столь присущи всякому человеку, что отделить их не представляется возможным, разве только вознамерившись сделать из человека нечеловека.* Кроме того, все прочие человеческие дела так же соотносятся с этими тремя началами, как обычно соотносятся меньшие части с большими, и так же подчиняются им, как средства обычно подчиняются цели.

26. *Итак, для нас отныне ясно, что такое человеческие дела: это забота о разумном познании, сердечном благочестии и мирной жизни; это философия, религия и политика, служащие поискам, сохранению и распространению столь великих благ.* Если кому кажется иначе, если кто сумеет иначе и точнее определить и разграничить человеческие дела, то пусть объявит об этом, ко всеобщему благу.

Глава V

О расстройстве человеческих дел и о том, что послужило поводом к расстройству

1. *Исправляют только то, что расстроено*; стало быть, зовя на совет об исправлении человеческих дел, мы тем самым заранее признаем их расстроенность. Особого доказательства здесь, наверное, и не надо, потому что повсеместно слышны жалобы, что все сдвинулось со своих мест и сбивается с прямого пути то вправо, то влево. Поистине все, умеющие хоть что-то видеть, видят на месте мудрости воцарившееся невежество или софистику, на месте религии – атеизм или предрассудки, на месте политики – ἀναρχία²³ и хаос или тиранию и насилие. А поскольку мы постановили, что наше исследование должно отправляться от самых истоков, рассмотрим прежде всего, что значит слово "расстройство" или что под ним подразумевается.

2. "Расстроенным" мы называем предмет, до такой степени изменивший своей собственной сущности, что он более не в состоянии ни воплотить свою идею, ни соответствовать своему назначению. Каково же назначение наших дел?

3. По божественному замыслу этот мир, в котором мы рождаемся как Его посланцы, должен быть школой Божией, исполненной света, храмом Божиим, исполненным благоговения, царством Божиим, исполненным порядка и справедливости. К тому же это должна быть единая школа, ибо у всех нас один Учитель и наши уроки сходны. Единый храм, ибо един Бог, сотворивший нас всех, и нет другого Бога кроме Него. Единое царство, ибо все мы – единый народ, побег одного ствола, и у всех нас одни и те же законы и установления, начертанные в сердце каждого из нас одной и той же рукой.

4. Если бы все это неукоснительно соблюдалось всеми, то обязательно в конечном итоге мы все, просвещенные столь мудрыми наставлениями и советами, стали бы учеными и мудрыми; ведомые столь совершенным и безупречным Создателем, – праведными и добродетельными; покорные столь справедливой власти и управлению, – справедливыми и разумными; и так пребывали бы в согласии и с миром вещей, и с людьми, и с Богом.

5. Итак, поскольку наш ум устремляется ко всему сущему, дабы найти уладу в полном познании, и, сделав выбор, с радостью отдается тому, что, как он видит, принесет ему наибольшую пользу, то, следовательно, цель познания вещей есть согласие ума с вещами. И человек, поскольку видит себя окруженным другими людьми, из которых каждый занят собственным делом и с усердием помогает собст-

венной выгоды, приходит к выводу, что следует остерегаться не только быть потревоженным в своих делах другими, но и самому потревожить других в их занятиях. А посему во всяком взаимодействии с себе подобными он опирается на некий разумный расчет, имя которому – политика. *Значит, подлинная цель политики есть душевное согласие между людьми.* И наконец, ощущая зависимость всех вещей и людей, в том числе свою собственную, от воли всевышнего Божества, каждый приходит к выводу, что, дабы Всевышний, потеряв терпение, не разгневался на нас и не покарал нас, а, напротив, благословил, нам следует, обратиться к религиозному усердию, снискать себе Его благоволение. *Таким образом, истинное назначение религии есть стяжание согласия нашей совести с Богом.*

6. И если с этим образцом мы сопоставим понятия нашего разума, побуждения нашей воли и меру наших способностей – то есть, вообще говоря, корни нашей возвышенной природы (см. об этом гл. IV, §§ 7–11), – затем – нашу мудрость, религию и политику, уподобляемые деревьям или ветвям (см. об этом там же, §§ 12–23), и наконец – плоды, которым должно было произрасти на них (см. об этом там же, § 24), любой вынужден будет признать, что наши дела находятся в тяжком расстройстве.

7. В самом деле, разум большинства людей взамен истинных понятий наполнен темным невежеством, воля не стремится к благу, но тяготеет ко злу, да и способности многих прозябают в бездействии, делая их никчемным и тягостным для земли бременем. И если кто заявляет, будто не видит этого, пусть подтвердит, что никогда не видел в мире людей глупых, нечестивых, праздных. А уж сказав такое, он явит себя слепым безумцем и лишь увеличит число глупцов на белом свете.

8. Слишком уж многие дали закоснеть своему уму, дарованиям, чувствам и возлюбили вместо знаний потемки собственного невежества. Мир полон ослов, не знающих ровным счетом ничего. Нет, однако, недостатка и в отклонившихся к противоположной крайности, то есть в *чрезмерно любопытных*, жаждущих знать все (даже и то, в чем нет никакой необходимости). Днями и ночами мучая, истощая, разоряя, изводя, изнурая себя, они уподобляются мотылькам, стремящимся к огню столь же жадно, что, подлетев к нему слишком близко, в нем же и сгорают. Ведь поскольку многие вещи недоступны человеческому разуму, что же удивительного, если они вовсе неблагоприятствуют душевному миру? Если непросвещенные умы утопают в густых сумерках и не знают, куда обратиться, когда настанет время принять какое-либо серьезное решение, – что же в том удивительного, когда даже и люди ученые натываются на бесчисленные препоны, которые им не дано преодолеть, и застревают в хитросплетениях, распутать

которые не в человеческих силах? А потому они постоянно удручены, обеспокоены, терзают себя и других бесконечными сомнениями, так что даже мудрость ученийших бессильно замирает перед вопросом: *а возможно ли вообще какое бы то ни было знание?* Воистину, не мы владем вещами, а они держат нас в плену.

9. *А кто же не видит извращенности воли, искаженных пороком желаний? Мне стыдно за род человеческий*, – говорит Сенека и объясняет почему (Письма. 76)²⁴. *Потому что подлинными, уделенными только ему благами, возвышающими его над неразумными животными и приближающими к Богу, – разумом и добродетелью – человек легко и бездумно пренебрегает, цепляясь только за низменные блага, общие у него с животными; и благо мимолетное, удовлетворяющее лишь мгновенный зуд желания, предпочитает благам незыблемым, истинным, нетленным.* Так что же удивительного, если люди не находят согласия ни внутри себя, ни между собой? И что разгораются, получая обильную пищу, нескончаемые войны, побоища, ссоры всех со всеми, столкновения мнений, желаний, слов, устремлений? *Да что там, вся земля, все человеческие сообщества, большие и малые, суть не что иное, как некая арена для борьбы. А посему нам не дано насладиться безмятежным согласием с Богом, ибо собственная совесть обвиняет каждого и влечет на суд Божий, а Бог в Своих приговорах изливает неоскудевающий гнев на наши бесчинства.*

10. *Каковы обычные человеческие заботы, на которые мир тратит лучшие силы? Погоня за богатством, почестями и наслаждениями.* Кому не ясно, что толпа здесь полагает основание своего счастья, что именно ради этого хлопочет весь мир? *А ведь что все это такое? Богатства – неминуемые тревоги, почести – летучий дым, наслаждения – сладкий яд, приманка зла, коль скоро всего этого ищут так, как обычно ищет толпа, то есть имея первой целью только это в отрыве от более высоких вещей.* Если бы человек первым делом искал первые и истеннейшие блага – *мудрость, благоразумие, благочестие*, – он получил бы в придаток и *почести, и богатство, и наслаждение* с такой обязательностью, с какой падает тень от стоящего на солнце тела, причем эти вторичные блага в сопровождении своего противоядия стали бы безвредными и даже более приятными. Не понимая этого, люди *ловят голые тени без вещей и, отдаваясь тщеславию, сами превращаются в тщету, уходя от правильного применения вещей, и от источника вещей, Бога, а в конце концов – и от самих себя.*

11. *Словом, люди ищут себя – вовне себя, вещи – выше себя, Бога – ниже себя. Себя вовне себя – поскольку, не зная божественного сокровища своей души, ищут богатств, познаний, наслаждений вовне*

себя, хотя внутри себя владеют большим, чем весь мир. *Вещи выше себя* – поскольку подчиняются и идут в рабство к вещам, над которыми должны бы господствовать. *Бога ниже себя* – ища и придумывая себе такого бога, чтобы не им от него, а ему от них зависеть, не им его волю исполнять, а его иметь в подчинении слугою своих страстей, чтобы своим повелением он превращал в истину все, что они безрассудно измыслили, в благо – все, чего они безрассудно добиваются, в успешное деяние – любое их безрассудное предприятие. Разве не здесь очевиднейшие свидетельства расстройств человеческих дел? А это расстройство, без всякого сомнения, происходит оттого, что мы извращаем эти самые дела, подбрасываем дров в костры мятежей, не пользуемся данными нам по рождению средствами (не вживляем в души других людей просвещение, религию, политику).

12. *Поразмысли теперь вот над чем. Разве эти три начала (власть, знание, религия), которые должны были бы быть сопряжены в каждом человеке (ибо только вместе делают они человека воистину человеком – образом Божиим), не пребывают в большинстве случаев в печальном разладе друг с другом?* Власть имущие слишком часто равнодушны к мудрости, к религии. Мудрые (о, сколь многие!) ищут мудрости вдали от Бога. А сколь многие живут, не умея управлять даже собой, не говоря уж о других! И наконец, многие люди набожные так самозабвенно предаются своим благочестивым занятиям, что не находят времени ни черпать мудрость в познании природы вещей, ни наставлять других людей в праведности, ни направлять их на путь добродетели. Так что же это за странные уроды: *стремиться к власти, стремиться к знанию, стремиться к добродетели и в то же время не уметь желать, не уметь властвовать, не уметь знать?*

13. *Ужасно еще вот что. Даже те, кто пытается преуспеть во всех этих трех делах, неизменно, однако, терпят неудачу, ибо мы расколоты на множество философских, политических, религиозных направлений. Кому под силу перечислить философские школы, а также разнообразные, а то и противоположные, взгляды и мнения отдельных философов о природе вещей? Политики так до сих пор и не пришли к согласию относительно основ правления (предпочесть ли монархическое управление человеческими сообществами, или аристократическое, или демократическое). А кто может без ужаса взирать на хаос религиозных раздоров, где нет единодушия даже в вопросе о Боге, предмете религии? Ведь в мире суть четыре главные религии: иудаизм, христианство, магометанство и язычество или идолопоклонство, причем каждая из них распадается на множество более мелких течений. Но ни одна из этих религий не раздираема столь острыми противоречиями, как христианство, осененное*

самой большой благодатью (или, по крайней мере, полагающее себя таковым). Так что прочим религиям оно – предмет соблазна, себе же самому – грозное препятствие (ведь оно не в силах устроить даже собственные дела).

14. В таком беспорядочном нагромождении разногласий и противоречий кто не может разглядеть, где и в чьих руках находится истина? В самом деле, все (в философских спорах не меньше, чем в политических и религиозных) ее беспрестанно переставляют с места на место, но никто не покажет так, чтобы и другие смогли увидеть и нащупать ее. А если кому-нибудь это удастся, то придет конец всем спорам. Ведь поскольку все мы домогаемся истины, то коль скоро она будет найдена и отчетливо показана, никто не отвергнет ее. Ибо запечатленная в нас (своем подобии) божественная истина не позволит, чтобы разум отверг то, что признал воистину истинным, а воля – то, что сочла подлинным благом. Ведь разум, хотя бы и сбившись с пути, с таким пылом преследует призрак истины, а воля, даже и в ослеплении заблуждения, – призрак блага, что человек часто предпочитает умереть, нежели разлучиться с тем, что полагает за истину или благо. Это и есть главная причина, почему люди упорствуют даже в своих заблуждениях и пороках. И если столь глубоко почитают заблудившие ложные пути, ведущие под призрачный кров, где не обитает истина, а грешники – зло, подкрашенную подделку под благо, так неужели же их не охватит куда большее благоговение перед истинной истиной и благом, если они и впрямь познают их? Но где же те, кто истину и благо, которыми наслаждаются сами (если наслаждаются), показали бы другим столь отчетливо и наглядно, чтобы те не смогли не увидеть, не поразиться, не уверовать, не отправиться немедленно по указанному пути? Признак знания – умение научить. А признак незнания – неумение научить, показать с полной ясностью. Значит, либо в этой сумятице мнений истина до сих пор так никому до конца и не раскрылась, либо никто никогда не встретил ее озаренной тем светом, противиться которому человек не в силах. Но так или иначе, убитки, которые мы здесь терпим, ужасны.

15. И тем не менее, каким же все-таки образом одни передают просвещение другим? В старину люди носили мудрость в себе, теперь ее начали доверять бумаге. И тогда она, заточенная в книгах и библиотеках, все реже стала появляться в людских мыслях, речах и делах. Здесь сослужило дурную службу уже само множество и разнообразие книг. Ведь их столько, что для того, чтобы прочесть хотя бы тысячную их долю, не достанет жизни никого из смертных; и они столь же различны, что в их круговерти любой, даже самый крепкий, человек не избежит головокружения. И одно из двух: либо эти груды книг служат более для того, чтобы пустить пыль в глаза, нежели для

пользы, и питают лишь пустое тщеславие, либо, если кто-нибудь все же столь укрепитесь духом, что рискнет вступить в их лабиринт, порождает путаницу, и тогда вред, конечно, тоже налицо. Отсюда – легионы невежественных ученых или просвещенных безумцев. Получается, что ученые – вовсе не мы, а книги, а если все же нас можно назвать учеными, то наша наука бестолкова и беспорядочна, а уж если мы и овладеем какими-нибудь отчетливо выстроенными знаниями, то как бы поневоле, пополняя свою ученость не свидетельствами самой природы, но чужими наблюдениями и выводами.

16. *Но и те, кто провозглашают, будто действительно стремятся к просвещению, редко ставят перед собой достойную цель (а именно – исследовать все сущее, отбирая самое лучшее в поисках истины, с тем, чтобы потом явить ее другим и послужить тем самым Богу, Отцу небесному): куда чаще их манят преходящие блага.* Многие учатся, чтобы учиться, то есть удовлетворять зуд любопытства. Другие учатся, чтобы разбогатеть, то есть в божественных угодах преследуют самую ничтожную добычу – добычу алчности. И наконец, третьи раздуваются от самодовольства, то есть суть слуги своего пустого тщеславия. Вот и видно, что мы, люди просвещенные, наперегонки похваляясь друг перед другом умом или образованностью, столь бесстыдно друг друга язвим, браним, колотим, поносим и глумимся один над другим так разнузданно, что являем неученой публике зрелище соблазнительное и презренное, настоящее посмешище. *От тусклого и коптящего пламени исходит свет разума, которым мы похваляемся.*

17. В область образования входит наука о языках, этих посредниках между ушами. Ведь Бог пожелал видеть в мире не человека, но людей. И чтобы они жили не рассеянными по свету наподобие диких зверей, но собранными в сообщества, причем не в сообщества бессловесных и бессмысленных существ, но говорящих и разумных, обменивающихся друг с другом мыслями о Боге, религии и других достойных предметах. А для этого Он даровал сообществам связующее начало – язык. Но нам, то есть *нашему великому сообществу, или великому братству, каковым мы считаем род человеческий, распростиравшийся по всей земле, так не хватает этого самого единого всеобщего связующего начала. Нет у нас языка, на котором мы могли бы разговаривать с любым жителем земли, а посему нет и всемирного общения между людьми.* И страдаем мы от этого безмерно: в самом деле, мы, ничтожная горстка людей, понимаем друг друга лишь в пределах одной какой-нибудь области или страны (какая разница, большой или маленькой?), в то время как с неисчислимым множеством прочих народов мы можем общаться примерно с тем же успехом, с каким общаются между собой дикие животные. Откуда же

берет начало такое положение дел? Ясно, что от самого сотворения мира так быть не могло. *Ведь поскольку род человеческий был единым (ибо мы все произошли от одного прародителя), язык тоже не мог не быть единым. Но случилось так, что все пришло в расстройство, мы были разлучены*, людскими сообществами овладело смятение, да и по сию пору положение становится все более безрадостным и тревожным. *Здесь не место рассказывать, насколько каждый из языков запутан, несовершенен, темен, дик (это относится ко всем языкам без исключения):* в свое время будет ясно показано, что ни один из них не в силах охватить всего многообразия вещей, ни один не проникает до конца в природу вещей, и наконец, ни единый, пусть даже самый науученейший, человек никогда еще не постиг полностью какого-либо языка, разве только основательно изучив его, да и ныне ни один язык нельзя признать совершенно понятным и до конца постижимым. Так уместно ли здесь нагромождение примеров? Скорее уж нам пристало горько оплакивать несовершенство и повсеместное расстройство наших дел.

18. Далее, часть нашей образованности составляют *ученые труды, в которых мы силимся показать, будто способны постичь природу вещей и приложить действительное начало к страдательному*: что порой можно видеть, например, по достойным восхищения открытиям некоторых *математиков, механиков* и изредка – *врачей*. Но (я надеюсь) по мере продвижения нашего труда все отчетливее будет заметно, сколь ничтожно малы наши познания в сравнении с пучиной нашего неведения. *И вот что можно утверждать без сомнения: мастера-ремесленники отшлифовали свое искусство лучше и довели его до большего совершенства, нежели философы, теологи, политики – свое.* Ведь первые исполняют то, что обещают, всегда имея под рукой готовые образцы своего искусства; вторые же – и это очевидно – в своих искусствах не преуспевают вовсе, как бы они все – и те, и другие, и третьи – сами себя не превозносили за свое искусство (и в самом деле, тьма так и не изгнана из людских умов, нечестивость – из сердец, смута – из государств).

19. Если взять только лишь то, что касается религии, и вникнуть в бытующие ныне представления о ней, мы увидим бездну, разверзшуюся перед нами из-за ужасающего расстройства наших дел, и взору одна за другой откроются новые мерзости.

20. *Бог есть, – гласит всем известная истина, столь глубоко запечатленная в сердцах людей, что Цицерон говорит: едва ли можно счесть пребывающим в здравом уме того, кто отрицает существование Бога*²⁵, а у библейского царя и певца написано: *никто не может сказать в сердце своем: Бога нет, – разве только глупец*²⁶. Так откуда

же взялись в наш век эти сонмища глупцов? Да к тому же хлынули на открытый простор, и не в сердце уже раздаются эти глупые слова – *Бога нет*, но исходят из уст и из-под злобного пера! Вот оно, вопиющее, ошеломляющее, проклятое расстройство наших дел, – *входящий в силу атеизм*.

21. Поистине большая часть мира верит в то, что есть Бог, все и повсюду Собою объемлющий; верит – и говорит о том. *Так как же это получилось, что лишь совсем немногие испытывают благоговейный страх перед Его священными очами?* А большинство (особенно в укромных убежищах, где они мнят себя скрытыми от чужих глаз) живут так, будто и нет над ними всевидящего ока. Вот очевидное свидетельство повергающего в трепет расстройства наших дел – *царящее повсюду нечестие*.

22. Далее, *третья* всем известная истина гласит: *Бог есть первая среди вещей* – от Него, через Него и благодаря Ему суть все прочие, а посему Он един (ведь быть первым, не будучи притом единственным, – противоречит здравому смыслу). *Но откуда же тогда столько кумиров, столько идолов, столько ложных богов?* Вот несомненное свидетельство несомненного расстройства наших дел – *исподволь расплзающаяся вишь идоломания*.

23. *Есть еще одна истина, начертанная в каждом человеческом сердце: Бог есть разум, или дух, и почитать Его должно разумом и духом*. Откуда же повелось, что сплошь и рядом религия воздаст почести Богу, пользуясь чужими обычаями и рассчитывая стяжать благосклонность вечного разума делами, творимыми без участия разума (как некогда Каин)? *Воистину, место религии заняло у нас ее дьявольское подобие*.

24. Далее. Мы знаем, что наделены бессмертными душами, однако об истоках этой самой вечности печемся столь небрежно, что большинство из нас ничего общего не имеют с Богом, хранителем вечности. *Что это, как не знак полнейшего смятения и расстройства, царящего в наших сердцах?* Тем более, что, вообще говоря, человек по своей природе весь устремлен в будущее, о чем свидетельствует его врожденная жажда скорее знания будущего, нежели прошлого. И никто не удивится, если я скажу вот что: мы почитаем прорицателей будущего людьми, вдохновенными свыше, и разве что не поклоняемся им. Отсюда и присущая каждому из нас от природы изощренная изобретательность в попытках предвидеть свое будущее. Так почему же мы куда менее устремлены к тому, что и есть в собственном смысле будущее, окончательное, вечное? *О несомненном расстройстве нашего рассудка говорит Бог в книге Моисея: О если бы они знали и могли провидеть свой конец!*

25. Если мы попристальнее *присмотримся к тем, кто первенствует в религии (которой мы, разделенные на течения, следуем порознь) или кто были в ней наставниками, не однажды откроется нам расстройство наших дел. Во-первых*, только тот может научить чему-либо, кто до тонкости знает предмет. Следовательно, религии, то есть общению души с Богом, в состоянии научить только тот, кто близко знаком с Богом, кто связан с Ним вдохновенными душевными беседами. А таковы ли суть все те, благодаря кому мы имеем столь различные между собой религии, стоит удостовериться не раз и не два. (Ведь есть очень даже веские основания подозревать, что, отправляясь от одного и того же Бога, невозможно идти столь разными, а то и вовсе противоположными путями). Ну а что же мы? Беспечно почитаем. Почти никто не открывает глаза и не взглянет, где же все-таки истина и благо, все мы плетемся вслед за стадом идущим впереди, так что, по сути дела, место религии у нас заняла привычка.

26. *Затем. Всякий предмет имеет соответствующий его природе способ самовоспроизведения. Не то ли и с религией?* В самом деле, мастер обучает мастерству мастерством, рисовальщик своему искусству – рисованием, певец – пением и т.д. Да и сама ученость воспроизводит себя учением, власть – властвованием, а религия в таком случае – не религиозными ли деяниями? Почему же тогда наукой о вещах божественных сплошь и рядом занимаются люди, не имеющие в себе ничего божественного: тонущие в мире мирских забот, не чкающие ничего небесного, превосходящие прочих своим нечестием? Конечно, здесь все пришло в расстройство. Ведь если ни один врач не станет лечить болезни советами, а теология есть врачевание душ, то почему, скажите на милость, теологи вознамерились одними советами (то бишь возбуждением ревности к делам божественным и благочестивыми увещаниями, обращенными к другим) исцелить все недуги? Почему они сами, в назидание прочим, не живут на земле небесной жизнью? И здесь очевидно расстройство наших дел.

27. *И наконец, поскольку религия среди всех человеческих дел есть самое божественное, то и пути ее распространения могут быть только божественными, угодными самому Богу, средоточию и цели религии.* А что же Он? Он зовет всех – не принуждает никого; терпит всех – не губит никого, откладывая Свой суд до суда грядущего. И о чем тогда свидетельствует наша ненависть, воспаляющая одних против других в религиозных раздорах, и эти лютые войны из-за религии, если не об откровенном расстройстве наших дел? Чего общего может быть у религии с оружием? Воистину, она обладает собственным оружием для защиты от своих врагов, однако оружием духовным, ибо сама она духовна, и Бог, к Которому она обращена, есть чистейшее духовное начало, Отец всего духовного.

28. *Рассмотрим состояние политики!* Ее основание – управление собой, потому что править по-настоящему может только правый, и невозможно править другими, в то же время или, вернее, прежде всего не управляя собой. Бог возвысил человека до такого достоинства, что подчинил ему все низшие создания, и в довершение всему дал ему самостоятельность, чтобы каждый, управитель и судья всего, не принадлежал никому, а правил собой по свободному разумению. Ясно поэтому, что стержень всякого доброго порядка среди людей и всего человеческого счастья в том, чтобы предназначенный для управления другими человек прежде всего хотел, мог и умел разумно править собой; а причина гибели – нежелание, неспособность, неумение править собой. И Бог не упустил позаботиться о том, чтобы человек хотел, мог, умел править собой. *Чтобы хотел, Он вложил в него любовь к свободе.* Конечно, признаки свободы мы видим и у других созданий: конь сбрасывает седока, бык покидает ярмо, овца оставляет загон с кормом единственно ради того, чтобы принадлежать самим себе; но у человека жажда свободы поистине огромна, так что многие предпочитают смерть рабству, то есть действию не по своему, а по чужому решению. *Чтобы человек мог править самим собой, Бог дал ему постоянных советников, всегда готовых помочь, всегда внимательно изучающих положение, всегда напоминающих ему о делах и задачах: разум и совесть. Чтобы, наконец, он и умел править собой, Бог развернул перед ним в пример ему бесчисленное множество творений, которые (по природному побуждению) соблюдают положенные им законы и тем сохраняются в своем бытии; разумно рассматривая их, человек может узнать образ действия вещей и применять его для разумного управления собой в своих целях.* (Впрочем, Бог Своим словом добавляет к этому еще и новые законы, и разнообразные советы, о которых в другом месте.)

29. *Умение править человеком, правителем всего, – это искусство искусств, даже когда человек прилагает это искусство только к одному себе, не то что ко многим людям, сопричастным вместе с ним той же высокой свободе.* Если бы мы соблюдали божественные правила этого искусства, изваянные в природных вещах, запечатленные в нашем сердце, постоянно звучащие в наших ушах, то всякое человеческое общество воссияло бы порядком, покоем и миром, потому что, полные любви к порядку, покою и миру, главенствующие свободно бы главенствовали, а подчиненные свободно подчинялись.

30. *Но о том, как мы их соблюдаем, говорят распри, раздоры и войны в каждой семье, селении, городе, царстве, и здесь не надо других свидетелей, кроме наших же глаз и ушей, кроме отовсюду доно-*

сящихся жалоб и стонов. В самом деле! Власти назначены от Бога для всеобщего и взаимного с подданными блага, чтобы власти служили подданным, а подданные – властям; отчего же получается, что эти тем, а те этим так часто бывают тягостны, противны, невыносимы, взаимно губительны? Будучи обязаны спокойно нести на плечах своих властителей, как тело – голову, подданные нередко свергают и изгоняют их; те в отместку, устояв против бунта или силой возвратив себе бразды правления, сильнее натягивают узду и пускают в дело шпоры, кнут, батоги, мечи, и все тонет в насилии.

31. Рассмотрим причины. *Люди не умеют править, не умеют подчиняться: не умеют править другими, не умеют править собой; не умеют подчиняться чужому управлению, не умеют своему собственному.* Главное, большинство людей, забыв о своем достоинстве, так рабствуют духом, что покидают себя на произвол самых низменных вещей, желудка, чревоугодия и прочей пустоты, давая им править собой, вести, увлекать себя, как угодно помыкать собой и теряя право называться именем человека – творения, предназначенного для господства над вещами. Так глупый и преступный моряк, покинув руль во время морской бури, подвергает себя и спутников смертельной опасности. На деревянных ладьях столь безумных моряков, пожалуй, не сыщешь, но именно таким образом безумствуют большинство смертных при управлении ладьей собственного тела и души.

32. Есть и такие, кто, не довольствуясь управлением лишь собой и своим достоянием, неистово рвутся управлять другими (то есть *вертеть ими по своей прихоти*) и для того только, чтобы явить свою власть, с превеликой радостью бьют, изгоняют, порабащают, топчут других. Чаше же всего те, кто главенствуют над другими, не задумываются, почему они главенствуют. Они полагают, что мир существует для их личных нужд, и помыкают людьми, будто скотом, как им заблагорассудится; а стоит им почувствовать противодействие – ведь человеческая природа неизменна и не может полностью стряхнуть с себя данную ей от сотворения свободу и пожелать ярма, они изыскивают средства вернуть непокорных к повиновению. Какие же средства? Жестокие: *бичи, палки, оковы, тюрьмы, путы, мечи и т.д.* Это ли нужно для порядка? Так ли следует управлять мыслящим существом?

33. Несомненное расстройство наших дел еще и в том, что *управлять людьми ставят тех, кто управлять не могут, не умеют, не хотят. Не могут* – робкие, чересчур мягкосердечные, не пользующиеся никаким влиянием. *Не умеют* – бездарные, не знакомые с искусством управления. *Не хотят* – ленивые, изнеженные, интересующиеся другими вещами и занятые ими. Итак, поскольку ничто не

может управлять, кроме как правильное, и ничто не будет правильным, кроме как то, что подчиняется правилам, и наконец, ничто не будет прочно, кроме как подчиняясь правилам незыблемым, то, естественно, большинство правлений в мире плохи. Ибо те, кто управляют другими, не управляют собой, не управляют по правилам, а поворачивают их так, как им заблагорассудится и (как говорят) учитывая обстановку. Итак, все полно *Сарданапалами*²⁷, посвящающими себя не управлению, а утехам роскоши; либо *Нимродами*²⁸, управляющими без закона; либо, наконец, *макиавеллистами*²⁹, направляющими силу законов по своему усмотрению при помощи ловких уверток и властвующих таким образом по законам, подправленным их пером.

34. *Ничто не осталось невредимым в наших делах, ибо рассудок, религия, полития во всем роде человеческом пришли в состояние расстройств.* Многие люди (а кое-где даже и целые народы) живут, не зная Бога, не помня о себе, не ведая о человеческом достоинстве, словно скот на пастбище, ведя жизнь почти животную. И найдется ли кто-нибудь, кто в нашу защиту скажет, будто именно то, что главным образом и делает нас людьми, не пребывает в смятении и расстройстве?

Глава VI

О том, что расстройство человеческих дел позорно и преступно

1. Как не хватит глаз, чтобы охватить нашего смятения, так не хватит и слез, чтобы оплакивать наш позор и преступления. *Именно потому люди мудрые недовольны состоянием всех человеческих дел, что все человеческое пусто, глупо, нечестиво, жестоко, устремлено прямо к гибели.*

2. В самом деле, коль скоро мы делаем не то, что помогло бы нам жить в этом мире, но совсем иное, никоим образом не относящееся к цели, разве мы не *пусты*? Коль скоро мы совершаем поступки, прямо противоречащие цели (то есть такие, которые просто-напросто не могут не обернуться нам и всему человеческому сообществу во зло), разве мы не *глупы*? Далее, коль скоро мы пренебрегаем источником благодати во имя вещей сколь угодно презренных, да к тому же без стеснения бранимся, злобствуем, богохульствуем (а это, увы, делают слишком многие!), разве мы не *нечестивы*? И наконец, коль скоро мы тысячами способов унижаем, терзаем, губим друг друга, разве мы не *жестоки*?

3. Но рассмотрим ближе эту нашу пустоту, глупость, нечестивость, жестокость – насколько они позорны и преступны, а для этого исследуем в целом и по отдельности состояние ступеней в покосившейся башне нашего величия и превосходства над прочим творением (то есть состояние просвещения, религии, политики).

4. Если разобраться в состоянии нашего ума, у большинства из смертных не отягощенного благими познаниями, то, скажите на милость, разве это не позор: каждый из нас носит в себе зеркало вещей столь необыкновенно ясное, предназначенное явить нам подобие возвышенного Бога, но в этом зеркале либо – в большинстве случаев – не отражается ровным счетом ничего, либо ничего, кроме разных безделушек и мусора, – решительно никаких вещей значительных, прекрасных, возвышающих наш дух. Не знать, не размышлять, не вопрошать: кто ты? откуда идешь? куда влекут тебя все твои дела? – вот уж воистину позорнейший позор и скотское тупоумие.

5. Стоит ли говорить о тех, кто что-либо знают или почитают себя знающими? Из-за какой-то ничтожной частички или тени учености они столь самодовольны, что высокомерно презирают прочих. А продвигаться дальше, к совершенному и истинному свету просвещения, они и не думают. Светлым умом наделил нас Создатель – ах, отчего же нас более влечет тень, нежели свет?

6. Постыдно еще вот что: хотя Создатель снабдил каждого собственным рассудком и другими орудиями для исследования истинной природы вещей, люди, однако, в большинстве своем предпочитают, смежив веки, влачиться наподобие слепых вслед за другими без всякого смысла, нежели свободно выбирать себе дорогу среди сущих вещей. Да и все то, что принято называть ученостью (о каком бы ее направлении ни шла речь), есть вещь рабски зависимая, поскольку зиждется не на созерцании мира, каков он есть сам по себе, но на чужих рассказах о природе вещей. Из многих тысяч едва ли сыщешь одного, кто, взирая очами собственного ума, размышляет о том, каким образом Бог правит миром, и о том, благодаря какой силе все сущее возникло, пребывает, сохраняется, гибнет и вновь возникает, и куда, наконец, все это направляется. Вот и выходит, что знание большинства людей, даже и тех, кто почитают себя Соломонами, есть, в сущности, только мнение, а не знание.

7. Это, однако, было бы еще терпимо, если бы мы признали наш недостаток и не переходили бы границ благоразумия. Но если нас распирают наши мнения, будто воздух – надутые пузыри, если одни чванятся перед другими, и мы разыгрываем между собой такие трагедии, что едва ли где-нибудь можно увидеть столько острейших

столкновений, да еще между людьми учеными, — что можно сказать про все это? Зрелище сражающихся андабатов (ведущих бой с закрытыми глазами), быть может, не было бы лишено приятности, если бы сражение происходило в шутку; если сражаются всерьез, — это очевиднейшее свидетельство глупости, если насмерть, — бешенства. Но кто же мы, несчастные, как не толпы андабатов, — мы, сражающиеся за знания столь невежественно, за благочестие столь неблагочестиво, за господство над миром столь рабски?

8. *Недостойно человеческой природы довольствоваться чем-то поддельным, то есть наполнять божественную мастерскую познания подобиями взамен подлинных вещей.* Воистину недостойно и то, что большинство из нас в храме разума поклоняется не прекрасным образам прекрасной истины, но безобразным идолам заблуждений, а именно так поступает большинство смертных. Ведь поскольку истина везде единственна и едина, *истинным может быть только одно.* И сколько бы ни было разных, а то и противоположных, суждений о какой-либо вещи, все их, кроме одного (если есть хотя бы это одно!), необходимо признать ложными. *О, сколь блаженны те, кому дано видеть истину! И сколь несчастны те, кому выпало на долю быть обманутыми!* Ибо разве это не самый постыднейший стыд — не признавать истину, пребывающую в сущих вещах и в Боге, но соблазниться сказочками, выдуманными людским или бесовским лукавством?

9. И наконец, если мы здесь (где речь идет о познании природы вещей) все вместе поразмыслим, то, скажите на милость, разве не признаем мы постыдным то обстоятельство, что *мы — мы сами!* — столь невежественны в вопросах нашего же собственного блага и зла? Ведь мы, европейцы, искушенные в сухопутных и морских странствиях, больше знаем о других, нежели они о нас. Конечно, мы знаем не все, но уж, по крайней мере, то и в тех пределах, что и в каких пределах нам было необходимо. Нам известно, что нет нигде места, не освященного присутствием Бога, и Он расточает Свои разнообразные дары между народами, племенами, языками, поколениями. Так что, если бы мы взяли на себя заботу свести все воедино, то, как всякая земля исполнена Его славы, так и все сердца могли бы исполниться Его света. Но сколь велика наша беспечность, если мы до сих пор не дали себе труда слить свет наших собственных искр и лампад!

10. Рассмотрим теперь, *сколь неприглядны и недостойны рода человеческого те несуразности, которые мы допускаем в наших взаимоотношениях, иначе говоря, в нашей политике.* Волки, медведи, тигры, драконы, прочие свирепые звери живут в согласии со своими сородичами, за исключением, разве что, презренных псов, — только они то и дело затевают свары. Мы же, создания разумные, увы, сколь

непримиримыми противоречиями раздираемы мы повсеместно! Звери, коль скоро возникает у них потребность в вожаке, следуют за тем, кого сами себе изберут, – как, например, вепри – или за тем, кого они видят своим вожаком по рождению, – как пчелы; прочие же и вовсе не нуждаются в управлении. Ну а мы, выходит, менее разумны, нежели неразумные животные: бросаемся ли мы всей толпой под покровительство власти или, напротив, отвергаем всякую власть без разбора, – все равно мы опутаны бесконечной сетью неурядиц.

11. Любое животное обитает в своей стихии: птицы – в воздухе, рыбы – в воде, пресмыкающиеся твари – на земле, дикие звери – в лесах, скот – на лугах и т.д., – каждый вид – в соответствии с божественным установлением. Так же и роду человеческому Бог вседержитель предназначил круг земель, распределив его между всеми таким образом, чтобы всякий род, семья, дом, человек на установленном для них месте с усердием служили бы Создателю. Что же за бешенство нами владеет, что мы повсеместно налетаем друг на друга? Так что ни горы, ни реки, ни озера, ни моря, ни даже сам океан, разделяющий земные полушария, не в состоянии оградить нас от нас самих? Мы набрасываемся на себе подобных хотя бы и из другого полушария – и грабим, и обращаем в бегство, и убиваем друг друга.

12. Прежде всего, постыдна эта, уже, к несчастью, вошедшая в привычку, жажда войны. Верно сказал о ней один великий муж: *Я не перестаю удивляться, что же все-таки довело людей до такой степени безумия, что они с необыкновенным усердием, не взирая ни на расходы, ни на опасности, взаимно подгоняют друг друга к гибели. Ведь из чего состоит вся наша жизнь, если не из войн? Дикие звери не воюют между собой – разве только хищники, – однако и они нападают не на себе подобных, но на других животных. Кроме того, они сражаются собственным оружием, мы же – механизмами, придуманными с дьявольской изобретательностью. Они нападают не по любому поводу, но лишь защищая потомство или добывая пищу. А наши войны в большинстве своем происходят либо от тщеславия, либо от вспыльчивости, либо от какого-нибудь другого подобного недуга. И наконец, они не собираются такими тысячными толпами, как мы, для устройства взаимной гибели.*

13. А теперь коснемся слегка тех постыднейших безобразий, что столь тесно обступили нас в делах религии. Прежде всего, скажите на милость, что можно выдумать омерзительнее этих чудовищ в образе людей, которые никого не боятся, не признают никакого божества, ничему не поклоняются! Некоторые, не признавая ни божественного бессмертия, ни Того, Кто дарует бессмертие, и тем самым отсекая для самих себя надежду на бессмертие, сознательно и по доброй воле

причисляют себя к зверям, сосредоточивая все свое жизненное благо в пище для чрева и в летучем дыме тщеславия. И хотя, по всей видимости, такие люди существовали во все века, во всех народах и религиях, однако ныне, когда их сонмы озарены сиянием христианства, это сопряжено с позорнейшим бесчестьем для имени христианина. Если в прекраснейших одеждах заводится мошь, на безупречном теле появляются безобразные бородавки, на яркий свет набегают тень, и тьма почитается паче света, – все это не удивительно, однако, право, постыдно.

14. Но постыдно и то, что делают многие другие: не отвергая Божество устами, они отвергают Его поступками, иначе говоря, пренебрегают и Божеством, и всем тем, что касается воли Божества и блаженного единения с Ним. В самом деле, не знать, или не считать достойным внимания, кто тебя создал, зачем прислал в этот мир, что тебе предназначил, что следует тебе делать, дабы угодить Ему, – все это если не чистой воды *атеизм*, то уж, вне всякого сомнения, – *эпикуреизм*. А ведь именно эти вопросы менее всего занимают человеческие умы, и, с другой стороны, некоторые людишки, мнящие себя утонченно образованными, именно за свое презрительное невежество в этих вопросах урывают себе кусочек славы.

15. *Ну а те, кто не оставили попечения об этих вещах, каким образом о них пекутся? По большей части – поверхностно, крайне редко – достойно существа предмета.* В то время, как ничто в мире не требует более ответственного и осознанного отношения, нежели религия, заключающая в себе надежду и страх вечной жизни и смерти, едва ли в чем-нибудь мы более беспечны; большинство из нас плетутся за стадом идущих впереди, направляясь не туда, куда следует, но куда идут все. Сколь немногие могут сказать: *Ведет ли к спасению путь, избранный мною? Не таится ли здесь какой-либо обман? Отчего мы столь далеко отстоим друг от друга?* Ведь единый мир и единый в нем род человеческий могли произойти только от единого Бога. А поскольку Он един, то едина и воля Его, предписывающая нам чтить Его. Почему же мы все вместе не следуем ей? Откуда такое множество божеств, столько разнообразных и противоположных обрядов поклонения божеству? По всей видимости, повсюду гнездится обман. Точнее, все обман, кроме одного. Но где же это одно? Действительно ли я обладаю той самой благословенной, единой, исключительной, истинной религией? Конечно же, я на это надеюсь. Но ведь и другие надеются, что они вступили на правильный путь. Итак, необходимо рассмотреть, где истина, а где заблуждение. Однако я не смогу ни рассмотреть этот вопрос, ни распознать и отличить истину до тех пор, пока не узнаю, чего придерживаются те, другие, третьи. Так начну же, будучи готовым, если найду что-либо лучшее, последовать ему, если же ничего лучшего не отыщется, с еще большей стойкостью про-

должать мой путь и еще пламеннее служить Богу тем путем, в непреложности которого Он дал мне увериться столь явственно! Итак, если бы все воистину искали истинного исповедания истинного Бога, и с Божией помощью воистину нашли, эта прискорбная многоголосица исчезла бы сама собой. *Однако никто теперь этого не ищет, но каждый остается в той религии, в которую забросил его жребий рождения или иной какой случай. А посему религия вечно разъединяет нас друг с другом не менее, чем реки, моря, горы, языки и обычаи. Право, постыдна такая разобщенность в школе, царстве, храме единого Бога.*

16. Рассмотрим еще вот что. *Разве, скажите на милость, религия, которая должна уподобить нас Богу, не призвана быть неким всепримиряющим началом?* Так отчего же для нас столь непереносимы другие люди, отличные от нас в вероисповедании? В то время, как Тот Самый, Кого религия умиляет либо гневит, принимает с молчаливой благосклонностью тех, кто угождают Ему, тех же, кто Его гневит, терпеливо выносит. Вот и получается: Тот, у Кого нет недостатка в перунах (если Ему заблагорассудится через них явить Свою славу), не разит этим оружием; мы же, не имеющие перунов вовсе, не перестаем потрясать ими.

17. *И самое постыдное, что едва ли кто-нибудь более непримирим в своем разладе, более злобен в своей религиозной вражде, нежели те, кто как раз и почитают себя обладателями истинной религии, укрепленными в ней многочисленными божественными открытиями, то есть христиане.* Конечно, нам неизвестно, что чем более яркий свет исходит от какого-либо предмета, тем яснее обступает его тень, а ревность в стяжании Бога, Которого мы почитаем совершеннейшим из всех совершенств, по природе своей не должна и не может не быть самой пылкой. Отсюда с необходимостью следует, что там, где есть подлинное знание – либо в действительности, либо в воображении, – возникает и подлинная ревность, сообразно этому знанию или из-за его отсутствия. Однако же побуждаемая подобными мотивами ревность или, иначе говоря, бешенство, с которым мы набрасываемся друг на друга, никоим образом не может найти извинения.

18. Итак, будем считать, что о позорном расстройстве наших дел в области просвещения, политики и религии сказано достаточно. Пусть теперь каждый поразмыслит: *если мы из-за себялюбия не признаем за собой никаких пороков (ведь любовь слепа) и не понимаем всей глубины нашей мерзости, неужели из этого следует, что равно глух и слеп Тот, тысячи очей Которого светлее самого Солнца?* Неужели мы полагаем, что пока наши ученые без конца спорят, политики без конца бранятся, теологи без конца враждуют, тем временем ушам Божиим слышится какая-то иная гармония, нежели та, которая

звучала бы в наших ушах, если бы кто-нибудь попытался извлечь ее из блеяния овец, мычания коров, хрюкания свиней, вопля ослов, шипения гадюк и т.д., сведя их стада воедино? Увы нам, несчастным, столь далеко отклонившимся от вечной гармонии!

19. Однако не один только позор, сопряженный со всей сумятицей наших дел, но и опутавшая нас *гибельная вина* должна вселять в нас заслуженный ужас. Прежде всего, мы ввергнуты в пучину несчастий, отклонившись от истины – к заблуждениям, от свободы – к рабству, от Бога, источника света и жизни, – к потемкам и к смерти. Иметь слепые глаза, глухие уши, немой язык, увечные ноги, – конечно, несчастье, но в тысячи раз большее несчастье выпадает на долю того, у кого слеп ум, глухо сердце, увечно, надломлено, разбито, расшатано все. А ведь, право же, все у нас по большей части таково, едва ли что осталось невредимым.

20. *Прибавьте сюда еще и то, что большинство не желают ни признать свои пороки, ни изменить что-либо к лучшему и не терпят, когда это пытаются сделать другие.* Они не хотят, открыв глаза, обратить их к свету, полагая, что им хорошо и в потемках. Не хотят поднять сердца к Богу, думая, что им хорошо и без Бога. Не хотят приложить душевные усилия к установлению порядка внутри собственного сообщества, воображая, будто им хорошо среди бесчинств и оков. Увы! Многие из них, подавленные бедствиями, в рыданиях и вздохах едва влачат свою жизнь. Куда больше таких, которые и не ощущают своих несчастий: знай себе резвятся под их бременем, поклоняются собственным крестам, насмеваются над собственными мучениями.

21. *Чего-нибудь недостойного они добиваются с настырностью и упрямством, если же им представляется случай достичь чего-либо лучшего, они сопротивляются.* Своего рода извращенность и стремление одержать верх даже и в несправедном деле весьма явственно видны в некоторых людях, если не в целых народах и религиях. Ложью пытаются подавить истину, лицемерием – религию, силой – невинность; что с такими сделаешь?

22. Одним словом, *стоит только внутри рода человеческого зародиться какому-нибудь злу – откуда бы оно ни брало начало – едва лишь оно пустит корни и, как всякий бесплодный сорняк, пышно разрастется, выкорчевать его не то что сложно, но вовсе нет никакой возможности.* Первый человек, наш общий прародитель Адам, начал домогаться недозволенного, выказывать непокорность Богу, преступать Его заповеди – и сразу же был наказан, дабы безнаказанное зло не послужило примером³⁰. Однако мы с усердием продолжаем в том же духе: ведь весь мир полон Адамова потомства, достойного своего прародителя. Каин первым попытался обмануть Бога своим лицемерием – и был наказан³¹, однако весь мир полон

лицемеров и человекоубийц. *Допотопный мир* погряз в разгулах, пьянстве, похоти, перестал чтить Бога – и был наказан потопом³²; все погибли, но не забылся пример, которому с величайшим усердием следуют обитатели мира нынешнего. *Ной* первым начал напиваться пьяным и, став предметом соблазна и насмешки для своих ближних, был опозорен³³; мы же не можем остановиться, все полно теперь пьяных, обнажающих собственный стыд. *После потопа люди* стали строить башню до неба, то есть ухищрениями собственного рассудка искать пути к Богу. Народы были смешаны и рассеяны³⁴. Мы же, хотя и разбросаны по всему свету, так и не прекратили строить Вавилон: мы не только продолжаем злоумышлять против Бога и друг против друга (ведь с тех пор мы повсюду распространили свои поселения и, все вместе взятые, являем собой один большой Вавилон, который будет развеян в вечности, если только мы не образумимся), но и каждый из нас в отдельности – сам себе уже крохотный Вавилон. *Нимрод* начал охотиться на людей и установил свою монархию над народами; ее, как и все последующие, разрушил Господь. Мы, однако, все не перестаем громоздиться одни над другими, попирая оказавшихся ниже нас.

23. *И самое худшее, что все эти бесчинства против нас же и обращаются, нас же самих и губят.* Конечно, взглянув со стороны, скажешь, что, по сравнению со всеми прочими, дела ученые менее всего разоряют род человеческий. В самом деле, соперничество в мудрости до сих пор никогда еще не приводило к войнам и не проливало потоки крови, подобно тому, как мы видим это в соперничествах религиозных и политических. Однако *путаница в просвещенных умах тоже по-своему гибельна.* Действительно, пока ученые сражаются между собой, неучи глазеют в оцепенении; пока одни несут всякую чушь, другие пребывают в непрестанном круговращении, ибо по мановению одних поворачиваются другие. Но что получится, если поводыри слепых сами будут слепы? И что будет с истиной, о которой и ведется спор? Как справедливо гласит старое изречение, она теряется в чересчур жарких спорах. Ведь когда нам нужна только победа над другими, в дело идут по большей части софизмы – и будь, что будет, с истиной, лишь бы только нам не сдаться. Но даже и те, кто отстаивают истинные суждения, чаще всего набрасываются на непосвященных со столь резкими упреками, что не могут стяжать ничего, кроме ненависти к себе и к той истине, которую они отстаивают.

24. *В ниспосланной нам каре смещения языков самое ужасное вот что:* не связанные едиными узами, мы разобщены и телесно, и духовно, а будучи непроницаемыми друг для друга (чего бы не было, если бы мы были единым народом, говорящим едиными устами), большинство народов ничего не знают друг о друге, о взаимных несчастьях и радостях. Вот и получается, что мы не в состоянии ни

сострадать и приходить на помощь другим в их несчастьях, ни разделять и сообща радоваться их радостям.

25. Куда больше бросаются в глаза *разрушительные несчастья, навлекаемые на род человеческий соперничеством сильных мира сего*. Нет нужды упоминать все: *одна лишь эта мерзевшая пагуба, война, – сколько бедствий* (Боже правый!) *принесла она роду человеческому!* Это проявится, если мы рассмотрим хотя бы только эту нынешнюю войну, огнем которой вот уже скоро сорок лет полыхает несчастная Европа³⁵. Сколько она разорила городов, сколько опустошила селений, истребила народов, разрушила цветущих государств, сколько могущественных царств обратила она в безжизненные трупы! И не видно конца этому бешенству: те, кто уцелели, изо всех сил стараются покончить с собой. Где же предел и конец бедствиям?

26. *Ну а что сказать о религиозных соперничествах? Здесь большая часть беснующихся и без конца запутывающих дело – как раз из тех, кому подобает быть миротворцами и посредниками между Богом и людьми*. Еще губительнее то обстоятельство, что эти самые благочестивые люди своими нескончаемыми и запутанными в сложнейшие узлы парадоксами без конца истязают и умы ученых, и совесть неученых и тем самым души, которые должно было бы исполнять предвкушением райского блаженства, исполняют ужасом и страданиями, так что многие, испытывая отвращение к этой жизни, неуверенные в будущей, не знают, куда им обратиться. Но *что же противопоставить всему этому? Где, у кого искать истинного утешения? Лучше уж было не рождаться вовсе, нежели родиться обреченными на такие мучения и в конце концов низвергнуться в пучину смерти, не ведая, что за ее гранью*.

27. Кое-кто из язычников пытались противопоставить страданиям жизни то утешение, *что выход всегда к нашим услугам*. Но это утешение не имеет никакой силы в применении к вечным страданиям – отсюда кто надеется найти выход? и куда? Поистине плачевен наш жребий, если только не найдется надежный заслон, которым мы могли бы бестрепетно отгородиться от множества настоящих и будущих ужасов жизни и смерти. О Боже, Боже, Боже, помилуй!

Глава VII

О том, что совет об исправлении человеческих дел ведется с начала их расстройств и до сих пор

1. О людях говорят, что они *советуются*, когда они принимают какое-либо решение о разумном устройстве новых вещей, или о восстановлении пришедших в расстройство, или об обретении утерянных: 1) либо каждый в собственной душе; 2) либо обмениваясь

соображениями с друзьями; 3) или даже, наконец, на деле прилагая усилия во избежание некоего зла или с целью стяжания некоего блага.

2. *Так что, можно сказать, испокон веку длится этот тройственный совет об исправлении человеческих дел, а именно – в размышлениях, рассуждениях, усилиях – разнообразных, серьезных, неустанных – с надеждой на Бога и людей.* Ибо ведь ни Бог никогда не оставлял Своим вниманием дела человеческие, клонящиеся к худшему, ни люди – самих себя во всех своих начинаниях. Но давайте отложим до удобного случая рассуждения о том, что сделал Бог во спасение пропадающего рода, что делает и по сию пору (сколь настойчиво с самого начала расстройств наших дел указывал Он всевозможные пути преодоления наших заблуждений, сколь явно все дела божественного провидения направлены исключительно на это), и рассмотрим теперь, что же сделали до сих пор сами люди, сиюсь исправить собственные дела.

3. Вот каково, в нескольких словах, мое мнение. *Если бы кто-нибудь смог проникнуть в помыслы, услышать беседы, прочесть сочинения, оценить деяния всех разумных, благочестивых, мудрых людей, живших во все времена от самых истоков человеческой истории, то едва ли он открыл бы в них что-либо иное, кроме рассмотрения недугов рода человеческого и многочисленных попыток найти средства от этих недугов;* хотя успех здесь всегда столь ничтожен в сравнении с упованиями, что почти незаметен.

4. *Впрочем, и все, что когда бы то ни было делали – и делают по сию пору – множество всех прочих людей, есть не что иное, как непрестанные усилия, направленные на исправление человеческих дел, хотя люди, конечно, и не ведают, что творят.* Ведь каждый человек желает что-то знать, а для того, чтобы знать, старается каждодневно приумножать свое знание, то есть каждодневно что-то слышать, видеть, осязать, делать, изобретать что-нибудь новое, короче говоря, едва ли найдешь человека, коснеющего в полной бездеятельности. В самом деле, что может остановить людей, добывающихся свободы или борющихся за ее сохранение? Даже и рабы – как они ищут любого случая, чтобы стряхнуть с себя иго рабства! Нельзя сказать также, чтобы люди вовсе не принимали в расчет собственную совесть. Только одни лелеют ее, храня послушание Богу, дабы жить с нею в согласии, другие же ударами заставляют ее умолкнуть, будто собаку, дабы отделаться от ее лая. *Далее, почему так получается, что никто из смертных не бывает доволен собственным жребием? Что все и всегда ищут для себя лучшей доли?* Пусть даже кто-нибудь достиг такой степени благополучия, что, по мнению прочих, может считаться счастливым, – но и он непременно полагает, будто обделен чем-то, и не

оставляет помыслов о приумножении или усовершенствовании собственного достояния. Даже и те, чьи устремления не слишком украшают человеческую природу, кто домогается достатка, почестей, наслаждений, – даже и они убеждают себя, однако, будто стремятся к благу. И уже самой своей целью – ведь они надеются, добиваясь всего этого, облегчить собственную жизнь – вызывают в себе потребность в лучшем существовании.

5. Но оставим все то, чем каждодневно занимаются частным образом частные лица, и рассмотрим лишь общественные деяния людей мудрых, направленные на исправление общественных дел и предпринятые вплоть до настоящего времени: во-первых, в *стремлении к знанию*, далее, в *религии*, и наконец, в *политической мудрости*, неизменно останавливаясь при этом на действии любого, хотя бы единственного, найденного средства или на продвижении к лучшему.

6. В области разума *первой попыткой* было предприятие более одаренных людей, которые целиком отдавались созерцанию, намереваясь всю жизнь не делать ничего или почти ничего, кроме изучения природы вещей и увеличения света познания в себе и в других. Они получили название *φιλοσόφων*, то есть *влюбленных в премудрость*; благодаря им человеческий разум сделал большие успехи, были изобретены многие науки и искусства.

7. Но поскольку не всегда они проникают в самую суть вещей, и более поздним исследователям многое видится иначе, нежели их предшественникам, да и современники нередко смотрят на вещи по-разному, коль скоро возникают время от времени новые гипотезы, то кто же все-таки на самом деле будет ближе к истине: избравшие этот путь? или этот? или, может быть, этот? Ведь пока все не свелось еще к непогрешимым образцам и правилам, появляются многочисленные новые открытия, более совершенные, нежели прежние. Но до тех пор, пока иные почитают для себя недостойным отступление от собственных догматов или полагают, будто нет ничего более достоверного, чем только что найденные решения, – до тех пор *во множестве будут рождаться философские школы, распадающиеся, в свою очередь, на секты, каждая из которых будет отстаивать свои собственные взгляды*. Такое положение дел побуждает, с одной стороны, глубже вникать в самую суть вещей, но, с другой стороны, дает повод к сомнениям в истинности наших столь противоречивых выводов о природе вещей и в конечном итоге приводит даже к разнообразным заблуждениям.

8. Ну а поскольку нигде не виден светоч столь яркий, чтобы в его свете все взглянули на вещи одинаково, а человеческой душе претят разногласия, *люди вступают в препирательства по поводу ис-*

тиности, или правдоподобия, своих догматов. Вот здесь-то и коренится начало всех споров, которые не умолкают между людьми просвещенными в течение стольких столетий, споров, порой ведущихся, конечно, не без пользы для охотников за истиной, но с меньшей, однако, пользой, чем того требует важность самого дела. Главным же образом эти споры показывают и служат неопровержимым доводом к тому, что природа вещей нами не понята: ведь если бы ее понимали, то уж, конечно, показали бы таким образом, чтобы она была очевидна всем. А что являют нам эти уже вошедшие в привычку нападки, брань, угрозы, ненависть, сопутствующие всем спорам? Воистину, не пристало нам, зрячим, гневаться на слепых, но, скорее, сострадать им. Так что для распространения света знаний эти схватки, достойные палестры³⁶, едва ли самое подходящее средство.

9. Несколько миролюбивее были нравы тех философов, которые предпочли совокупными усилиями сплести заманчивые словеса. Подобные общины-братства известны еще с древних времен (вспомним общины патриархов, египетских жрецов, брахманов, магов, друидов, раввинов), существуют они и по сей день: такие, как, например, в Италии – братство линцев, во Франции – розиев, в Испании – иллюминатов, в Германии – фругиферов³⁷, – известны, наверное, и иные.

10. Другие, дабы более полно послужить общественному благу, решились открыть общественные школы. Посещать их, слушать рассуждения многочисленных учителей мудрости, толкующих о самых разных предметах, – все это не возбранялось никому и, прочно войдя в обиход, принесло немалую пользу многим. Именно поэтому, согласно изречению Сенеки, философов следует называть наставниками рода человеческого³⁸.

11. А чтобы свет познания мог распространяться и до дальних, было задумано писать книги и заносить в них все прекрасное и достопамятное, либо храня затем эти книги в библиотеках, откуда их можно извлекать при всякой необходимости, либо размножая их переписыванием и передавая кому угодно из смертных. Книги дали возможность распространить занятия науками среди многих народов и языков.

12. Этот замысел получил сильнейшее подкрепление с открытием типографского искусства, которое позволило размножать книги с невероятной быстротой и изяществом, так что всякий легко может по желанию научиться из них и познать едва ли не все. Благодаря искусству книгопечатания все, что дошло до нас в памятниках древности, появилось на свет и все, что рождает умы нашего века (едва ли менее плодovitого, чем древность), без малейшего труда

переносится от одного народа к другому. *Если бы только сюда не примешались неблагодарность и множество злоупотреблений великим Божиим даром!* Честолюбие и жадность, без надобности умножив число книг (и хороших, и плохих), наводняет и затопляет школы и умы настоящим их потопом, так что насколько раньше книга была в чести, настолько теперь к ней относятся с пренебрежением. Вдобавок *тупоумные люди скупают книги ради указателей* и, надеясь воспользоваться ими при необходимости и найти там все потребное себе, не заботятся о просвещении души познанием вещей. Так получается, что в наше время есть ученые книги, но нет ученых людей, и если древние хранили мудрость в сердцах, то мы храним ее на бумаге.

13. Лишним свидетельством того, что, несмотря на все разнообразнейшие усилия, далеко не вся еще древняя мудрость усвоена нами, служит в нынешний век неутомимое прилежание множества пишущих и жаждущих читать все эти новые книги, чего не видел еще ни один из предыдущих веков. Приходится признать, что в этих последних книгах раскрывается много прежде неизвестного. Так что же, разве и пишущие, и читающие не признают откровенным образом, что обнародованного до сих пор недостаточно и все еще остается открыть нечто лучшее и более полезное? Уж молчу о многочисленных похвальбах, что открыты секреты того или иного искусства; действительно ли они открыты, или это пустое хвастовство – в любом случае мы видим здесь ясное доказательство того, что, по всеобщему убеждению, все известное неинтересно и не удовлетворяет ни надобностям дела, ни человеческой любознательности.

14. Замыкают это шествие появившиеся за последнее время в огромном множестве там и здесь *дидактики*. Кропотливо и старательно *силятся они расчислить и показать способ, каким необходимо изгонять незнание из грубых умов, исправлять ошибки школ, облегчать трудности обучения и, наоборот, с большей легкостью и меньшими неприятностями как для учащихся, так и для обучаемых приобретать более полное и основательное образование*. Ради достижения этой цели один предлагает тот, другой этот метод, и как разнообразны таланты и усилия, так разнообразен и успех. Каждый по-своему заслуживает похвалы за свои старания, однако не видно, чтобы кто-то успешным и достаточным образом смог устранить существующие заблуждения. *Мир томится почти все в том же мраке и варварстве, как и прежде, и несметные сокровища и запасы знания у большинства людей лежат без пользы*.

15. Для исправления положения дел в религии уже были предприняты самые разнообразные попытки. И *прежде всего, с глубокой древности ведет начало обычай, воспринятый в конце концов всеми наро-*

дами, в праздничные дни устраивать священные собрания, на которых все великое множество людей – и на словах, и на примерах – научается истинно благоговейному почитанию Божества. Но ныне и этот обычай прервался у большинства народов, а если где и удержался еще, то уж, во всяком случае, едва ли соблюдается достойно нетленного величия природы, его породившей.

16. А для того, чтобы дело столь богоугодное не проигрывало во внешнем блеске, чтобы не только привлечь чем-то людей к этим священным собраниям, но и удерживать потом их внимание, были учреждены свыше (а возможно – и придуманы человеком) многочисленные священные обычаи, захватывающие все человеческие помыслы и подвигающие душу на труды, ей предписанные. Но и они все со временем отчасти обветшали, отчасти выродились в суеверия, и мы, будучи тому свидетелями, ставим это в вину друг другу.

17. Поскольку таким образом невозможно настроить всех на благочестивый лад, а множество обрядов, собирающих множество людей, скорее смущают, нежели питают религиозную ревность, в разные времена и у разных народов самые набожные и преданные Богу люди объединялись в особые братства или общины и, связанные между собой строгими законами, обрядами, обетами, взаимным примером подвигали друг друга на самоотверженное и преданное служение Богу.

18. И вот, поскольку состояние религии представлялось удручающим и не было никакой надежды исправить ее в целом, от единых церковных общин отложились отдельные общины и образовали отдельные религии, что мы видим у иудеев, христиан, магометан. Далее уже внутри этих религий наметились схизмы, секты, ереси. Вот сколь безмерно владеющее человеческими душами желание безупречно служить Богу и сколь неодолима потребность с возможным совершенством постичь истину и указать ее другим или же следовать за теми, кто ее указывает!

19. Римляне когда-то приняли в свою государственную религию всех богов и богинь, почитавшихся у разных народов, полагая, что таким образом они уже точно не упустят из виду истинную религию истинного Бога, кто бы Он ни был. А потому они воздвигали храмы и каждому из богов в отдельности, и всем вместе, дав имя этому последнему πάνθεον³⁹, подобно тому, как афиняне воздвигали алтарь неведомому богу⁴⁰. Но в их сознании смешивались Бог истинный – с идолами, подлинная религия – с подложными, ведь истинным Богом может быть лишь единственный Бог, а истинной религией – лишь единственная религия, поскольку может существовать только одна истина и никак не больше.

20. Некоторые же вступили на путь как раз противоположный: они не терпят никакой религии, кроме своей. И, полагая лишь тот путь

почитания Божества законным, которого придерживаются сами (кто, впрочем, так не полагает?), думают, будто тем выкажут истинное послушание Богу, что будут распространять эту единственную религию, прочие же, как ненавидистые Богу, истреблять. И это неистовство, как мы видим, до такой степени овладело многими, что они жаждут беспощадно искоренить все религии, хоть сколько-то разнящиеся с их собственной, не гнушаясь при этом и сами, если позволяют возможности и силы, приложить руку к этому делу. Но это неистовство не имеет ничего общего с истинным знанием: ведь не такой пример явил миру Бог, терпящий всех.

21. Нашлись и такие, кто, охваченные ужасом при виде такого повсеместного смятения в религиозных делах, *почли за лучшее искать спокойствия в отказе от всяческой религии, то есть в отрицании Божества*, желая испытать, не станет ли душе хоть чуточку лучше, если удалить Того, Чье присутствие повергало бы ее в вечный трепет. Это, конечно, верх безумия, проистекающего, впрочем, из того же самого источника, что и все остальное: из ощущения присутствия Божества, от страха перед Которым и сияются избавиться.

22. Одним словом, как видим, ничто не осталось не испытыванным, кроме вдумчивого почитания Божества и подчинения велениям собственной совести. *Некоторое продвижение вперед все же наблюдается, о чем свидетельствует хотя бы то обстоятельство, что безумие, в былые времена столь распространенное – полудѣла (поклонение многим богам), – с Божией помощью уже преодолено.* Все мы, населяющие ныне круг земель, молимся одному Богу, Творцу неба и земли, – все, за исключением тех немногих, оставшихся еще и по сей день, кто не знают, к кому обращаться молитвы. Да просветит их поскорее вечный свет! А нам, прочим, да позволит Он во все дни лицезреть Себя в полном сиянии, дабы мы увидели Его таким, каков Он есть, и служили Ему так, как Ему благоугодно!

23. *Посмотрим теперь, что было предпринято родом человеческим во имя стяжания мира и согласия, сколь многообразны были эти попытки и какого успеха они достигли. Первым средством было основание сообществ, где множество людей объединяются вместе, подобно членам одного тела, управляемого, однако, головой, дабы все его действия были подчинены единому порядку.* Таким сообществом стало прежде всего сообщество домашнее – семья, затем – содружество нескольких семей – община, далее – нескольких общин – город, и наконец – объединение нескольких городов в одну область и нескольких областей – в одно царство. Такого рода соподчиненность есть при всех обстоятельствах основа любого доброго порядка, однако сама по себе, без иных сдерживающих уз, она не в состоянии предотвратить возможные отклонения.

24. *А посему люди осознали необходимость установления законов, дабы каждый следовал своим путем, твердо зная круг своих обязанностей и приучившись жить, сообразуясь с предписанными правилами.* Но насколько это средство благотворно для защиты порядка от посягательств извне, настолько оно лишено какой бы то ни было силы для предотвращения внутренних беспорядков, ибо человек, никогда не забывая о дарованной ему от сотворения свободе, по природе своей ничто не воспринимает так болезненно, как попытки связать его свободу законами. *Мы (в большинстве своем) всегда силимся достичь недозволенного и желаем запретного, ибо мы желаем жить только по собственному разумению.*

25. *И вот, на помощь власти пришли мудрецы, философы и поэты, укоряя людей за недостойное поведение, за то, что разумное существо не желает подчиняться доводам разума, но одной лишь грубой силой. Именно потому Диоген⁴¹ в Афинах, прохаживаясь в полдень с зажженным светильником в толпе людей, твердил, что ищет человека: он пытался таким образом пристыдить народ за его дикость и склонить хоть кого-нибудь к своим взглядам. Именно поэтому Гераклит⁴² проводил жизнь в непрестанных вздохах, слезах и сетованиях, непрестанно оплакивая человеческую глупость. Демокрит⁴³, напротив, принимался смеяться при виде любого человека, свидетельствуя тем самым, что все люди пусты и достойны осмеяния. Другие действовали иными методами, но с подобным же расчетом, а в особенности – комические, трагические и сатирические поэты, которые, то прославляя и вознося хвалу человеческой природе, то бранясь и жала, предвещая ужасный конец злодеям, являли собравшемуся на представление народу образцы добродетели и порока, наград и наказаний. Но жизнь учит, что с беспорядками нельзя справиться ни жалобами, ни слезами, ни смехом (если не прибегнуть к иному средству), ибо большинству людей смешна не собственная глупость, но слезы – равно как и смех – всех этих мудрецов.*

26. *А следовательно, деятельная человеческая природа нуждается в помощи добрых советов – отсюда и возникла философия (исследующая назначение вещей и подбирающая средства в соответствии с этим назначением). Но хотя философию превозносят безмерными похвалами: она и врачевание души, и учительница жизни, и исследовательница добродетелей, и обличительница пороков, и освещает путь к блаженству, и делает человека равным Богу, и т.д., однако она помогает мало и немногим, большинство же не слушают ее слова и не понимают, о чем идет речь.*

27. *Итак, были учреждены и определены наказания для преступивших закон, ибо без этого дурные люди были бы вовсе*

безудержны в своем произволе, и никакое человеческое сообщество никакого народа не могло бы существовать. Однако даже и это не могло преградить путь злодеяниям и насилию, не говоря уж о том, чтобы покончить с ними вовсе, — об этом достаточно убедительно свидетельствуют темницы, тюрьмы, колодки и тому подобные средства обуздания злодеев и злодеяний, никогда не прозябающие без дела.

28. И вот, при столь шатком положении дел были испробованы разные способы правления: передача кормила государственной власти одному человеку, и нескольким избранным, и всем без разбору. Но оказалось, что каждый из этих способов управления (монархический, аристократический, демократический) имеет свои изъяны, каждый по-своему пробивает брешь в здании порядка. В самом деле, поскольку в каждом из них есть некоторая примесь насилия, а врожденная любовь к свободе, присущая человеческому уму, до такой степени неискоренима, что мгновенно распознает любую попытку обмана или утеснения (неважно, один или многие злоупотребляют доверенной им властью), то просто невозможно не искать выход, насколько это вообще в человеческих силах.

29. К тому же, дабы меньше страшиться опасности со стороны других, люди начали связывать себя договорами. Прежде всего стали заключать взаимные договоры цари со своими подданными на основе строго определенных законов, затем — соседние города, области, царства. Если же одна из сторон обнаруживала, что договор нарушен и дело не может быть исправлено жалобами и настоятельными требованиями, то приходилось карать вероломство войной и возвращать себе свободу.

30. Но прибегали и к другому — менее жестокому средству от раздоров, а именно — к объединению нескольких стран под властью одного скипетра, что должно было предупредить возможные распри. Потом началось слияние мелких царств, так что дошло до соблазна сведения всех царств мира под единое начало. Однако и эти столь многочисленные попытки стольких монархов и народов ни разу не увенчались успехом. Ведь одного человека не может хватить на все, и управление — даже при монархическом строе — доверяется многим. А они либо властолюбивы и, желая царствовать, а не служить, восстают против своих повелителей и лишают их царств (что происходило уже не раз), либо, как и все наемники, ведут дело спустя рукава, преследуя собственные корыстные интересы и потакая своим прихотям. Отсюда народное недовольство, ропот, в конечном итоге беспорядки, восстания, крушения царств и на их обломках возникновение новых, более мелких царств.

31. И все эти столкновения между разными царствами и странами ведут лишь к тому, что в мире, столько раз уже затопленному кровью

и дотла разоренном, не иссякают, однако, причины войн – и не иссякнут, покуда одни не прекратят посягать на свободу других, а те, в свою очередь, неусыпно охранять свою свободу, покуда по малейшему поводу будут вновь и вновь начинаться раздоры и резня.

32. Мы видим, стало быть, что несмотря на тысячекратные попытки исправить положение дел в религии, в политике, в образовании или науках, пока еще не найдено ничего, способного удовлетворить всех. Люди хвалят по большей части свое, снисходительны к своему, но едва ли кто не испытывает угрызений совести или не сознает опасности, в которой находится. А у других разве не видим мы одно только чудовищное? Не только все средства оказывались по большей части безуспешными, но хуже того, зло лишь возросло от самих лекарств. Стремясь взаимно преодолеть друг друга, секты не исчезают, а множатся. Враждебность, воинствуя, не уменьшается, а укореняется. Науки чем больше возрастают, тем больше запутываются. *Так что раньше страдали от болезней, потом – от лекарств, а теперь – от того и другого, уже ни болезней своих, ни лекарств против них мы перенести не в силах.*

33. Покажем на примерах, что все средства, доселе изобретенные, лишь усугубляют болезни. *Среди наук, занимающих человеческий ум, медицине отведено не последнее место – посмотрим же, как она встала на ноги и какую пользу принесла!* Древние знали одно только средство от болезней – благоразумную воздержанность, и когда позже в человеческую жизнь мало-помалу вошли сначала невинные утехы, а за ними и неумеренные страсти, не заставили себя ждать и самые разные болезни. Изысканные против них средства были поначалу незатейливы, однако на первых порах достаточны. Так и пошло: *вместе с болезнями крепла врачебная наука, вместе с наукой – болезни*, так что конца этому не видно. Ведь наука всеми доступными ей способами сопротивляется болезням, болезни же, в свою очередь – науке. Ибо, пользуя человеческое тело несметным множеством снадобий, врачебная наука одновременно будит и вызывает к жизни несметное множество таившихся в теле семян болезней (которые без ее помощи едва ли дали бы ростки). Да и сами люди, не в меру уверовав во всемогущество медицины, пускаются во все тяжкие и, став соблазнительной приманкой для сил преисподней, навлекают на свою голову такую лавину разных недугов, что в конце концов никакая медицина уже не в силах ей сопротивляться. *Так что, по-видимому, разумнее всех поступают те, кто вовсе незнакомы с медициной и не прибегают к ее помощи, а чтобы избежать повода для знакомства с ней, остерегаются всякой неводержанности.*

34. *Подобным же образом обстоит дело и с попытками упорядочить судебный обиход: здесь наплодилось столько законов и разных толкований этих законов, что судебная практика стала делом*

запутанным сверх всякой меры, сомнительным, рискованным и, в конечном итоге, первоначальный замысел был совершенно извращен. Отсюда следует, что, по-видимому, предпочтительнее было бы вовсе не ведать всех этих тонкостей, строя все исключительно на основе естественного права⁴⁴. В этом убеждают примеры общественного устройства у народов, не знающих просвещения, которые, хотя мы и почитаем их за варваров, улаживают все возникающие у них тяжбы справедливо и ко всеобщему благу, имея благодаря этому куда меньше ссор и ведя жизнь куда более спокойную.

35. То же можно сказать и о науке, постигающей мудрость, – о философии: она многолика, расчленена на тысячи тысяч мелких подразделений, исследующих вещи сколь угодно малые (ведь о вещах великих философия и по сей день ничего не знает); все в ней столь безнадежно запуталось в тернистых дебрях разных каверз, что кто бы ни попался в их сети, непременно будет захвачен этой круговертью (понятий ли, или фантастических построений – все равно). Так что едва ли не предпочтительнее было бы пребывать в полном неведении, нежели бесконечно метаться между бесчисленными взглядами и взамен света знания обрести лишь чад мнений.

36. Справедливость требует сказать то же и о занятиях религией, то есть о теологии, каковая являет собой неопределенный хаос разных мнений о Боге и о божественном, – все равно, сопоставляем ли мы между собой многочисленные религии, повсеместно видимые нами в мире, или же исследуем какую-нибудь одну, взятую отдельно от остальных. Ведь если мы хотим рассмотреть их все вместе – кто сочтет их все, а если каждую в отдельности – кто сумеет проникнуть в их сущность? Самые первобытные из них суть не что иное, как бездна тьмы, страшная не столько своей пустотой, сколько чудовищными представлениями о Боге и о божественном. И напротив, у религий, желающих казаться самыми развитыми и утонченными, теология разрывается между таким несметным множеством вопросов, сомнений, противоречий, бесконечных споров и тяжб, что никакого разума не хватит на постижение всех ее тонкостей, никакая совесть не переварит все ее мелочные каверзы (которых становится тем больше, чем больше в них углубляешься). Так что не без основания некоторые, разбив свой ум о бесчисленные утесы, изранив его в бесчисленных теснинах, пришли вот к какому мнению: лучше было бы вовсе не знать всех этих религий, погрязших в сварах и сведении счетов, предпочтя им молчаливую и тайную связь ума с Божеством.

Глава VIII

Нужно ли и впредь совещаться об исправлении человеческих дел, и почему это необходимо

1. И до такой степени взяли над нами верх наши невзгоды, что, кажется, уж и быть не может никакого средства от них (после того, как все испробованные средства потерпели крах) – есть, от чего нам всем пасть духом. Так что же, опустить руки? Ни в коем случае! Не пристало прекращать лечение, пока не миновала болезнь, – напротив, следует упорно продолжать его, чередуя разнообразные методы, как советует поэт:

Ну а коль скоро сменилась болезнь – переменим лекарство:
Тысячеликое зло – тысячу встретит препон⁴⁵.

Порой врачу улыбается счастье вступить в поединок с болезнью в тот момент, когда она уже идет на убыль, и строптивница, не желавшая ранее уступать самым сильным средствам, уступает вдруг сравнительно слабым. *Так что, кто знает, может стать, и нашим нескончаемым бедам поможет само время.* Ведь вылечивает же иные юношеские болезни сама старость.

2. *Человеческие дела, хотя и расстроены, однако не погублены, ибо даже и под забродившей гущей заблуждений, пороков и путаницы сохраняется первозданная сущность божественного творения.* Не угасают жажда познания, чувство почитания божественного начала и любовь к мирному труду. Все это надо не восстанавливать или создавать заново, но только исправить и упорядочить с Божией помощью, чтобы ничего не выходило из предначертанных границ. *Не беда, что порывы к добру скованы, что понятие об истине затуманено, что способность к действию ослаблена:* в самом своем расстройстве все это проявляет свою природу и даже среди заблуждений восходит к цели, потому что Божия работа берет верх над примешавшейся порчей. В самом деле, люди допускают зло? Явно не иначе, как под видом какого-либо добра. Верят в ложь? Не иначе, как под видом истины. Не исполняют свой долг? Несомненно, лишь под видом невозможности, трудности или бесполезности его исполнения. Значит, надо сорвать личины с вещей, чтобы все увидели, что поистине истинно, поистине благо, поистине возможно, просто, полезно, – и люди, которые сейчас, не видя, обманываются, возрадуются, когда увидят все без обмана и смогут истинным путем идти к истинным целям всех своих способностей.

3. *Что все сказанное не только свойственно людям, но и в высшей степени присуще самим их способностям, показывает то,*

что при нашем неумении применять свои способности эти последние скорее ввергнут нас в бездну заблуждений, пороков, безрассудства и, следовательно, падения, чем останутся коснеть в праздности. В самом деле, люди предпочитают лучше заблуждаться, чем не иметь никаких мнений, лучше избрать зло, чем ни к чему не стремиться, и лучше совершить худое дело, чем коснеть в бездействии. Так отчего бы нам и не надеяться, что, если только мы, позаботившись о том заранее, будем питать наши ненасытно алчущие способности воистину истинным, благом, доступным, то, вскормленные таким образом, они станут побуждать нас к более достойным деяниям. Несомненно есть надежда, если питать разум только предметами истины, – прийти, наконец, к соглашению относительно *общих понятий*; если воле предлагать только истинные блага, – свести наши *побуждения к общему*, которое увлечет нас всех в единодушном устремлении; если наши *деятельные способности* основывать только на выполнимом и законном, – в скором времени убедить каждого, что любовь к гармонии должна порождать прекрасное, а не безобразное. В самом деле, ведь человек по природе своей – а она столь самовластна! – таков, что, видя других преуспевающих в стяжании истины, блага, достатка, а сам не имея на то надежды, места себе не находит от зависти и досады. Действительно, каждому хочется знать о том, что его окружает и переплетается с его жизнью. Хочется уметь управлять собой и своим достоянием, а тем самым и все подчинить своей воле. Хочется, наконец, чтобы Божество было к нему милостиво и не оставляло бы его Своим благоволением ни в этой жизни, ни в вечной. Каждый почел бы за лучшее вовсе не существовать, нежели влачить несчастное существование. Так вот, когда порой человек видит, что ему не достичь того, что дано другим, он досадует, страдает, печалится, доходя даже и до отчаяния.

4. *А значит, если бы возможно было показать людям их благо во всей его полноте, то они просто не могли бы не обратиться к нему, больше того – не броситься к нему стремглав.* В самом деле, если даже какое-то частное благо так притягивает к себе людей, что уж тут говорить о благе в целом? (Понятно, что куда сильнее привлекает огонь, чем искра; море – чем капля; гора – чем песчинка.) Ныне люди не видят всего своего блага, потому что не видят всех своих целей, в особенности же – конечных; потому что не отличают благо истинное от блага мнимого, а также потому, что не замечают разных ступеней блага и, следовательно, не знают выбора между благом, лучшим и наилучшим. И, однако, каждый домогается той части совокупного блага и в тех пределах, какие доступны его взору. А посему есть надежда: если люди увидят его целиком, и увидят таким, каково оно на самом деле, они изберут скорее лучшее, нежели худшее.

5. Далее, если бы показать людям совершенно надежные пути ко всякому их благу, то можно было бы несомненно устранить все множество заблуждений, из-за которых несчастные делают совсем не то, что хотят: ведь почти все человеческие заблуждения происходят от несоответствия между применяемыми средствами и целями; должные средства или не применяют, или дурно, или непоследовательно применяют, отклоняясь таким образом от поставленных целей.

6. Если высвободить наконец все человеческие способности из пут, чтобы люди знали: все, чего они хотят (и знают, как этого добиться), им под силу, – то есть надежда, что человечество устремится к своим лучшим целям. А отсюда вытекает, что, если бы общие побуждения и общие понятия были уже упорядочены и сведены воедино (и явлены умственному взору человечества), дело приняло бы иной оборот и было бы наконец достигнуто желанное согласие душ, устремлений и деяний.

7. Вот из чего мы это заключаем. Общие побуждения указывают нам, к чему каждому из нас следует стремиться, дабы наши устремления не расходились. Общие понятия наставляют, каким образом мы можем уразуметь самую суть вещей, дабы наш разум не запутался в противоречиях. Ну а способности подсказывают, как именно подобает действовать каждому из нас, дабы мы согласовали наши усилия. Таким образом, если бы мы все во всех наших понятиях, привязанностях, деяниях черпали из единого источника, могла бы осуществиться та самая единая, истинная, благая, всеобщая, удовлетворяющая всех философия, религия, политика.

8. Я взываю к тебе, читающему сейчас эти строки, – проверь самого себя. Если приходится тебе погружаться в философские раздумья, разве не стремишься ты постичь истинный смысл вещей, чтобы никогда не исходило из твоих уст пустого слова, чтобы твой ум проникал все преграды, чтобы тебе стала ясна природа сущего мира и причины, им движущие? Далее, размышляя о религии, разве не предпочтешь ты истинное Божество ложному? И разве не согласишься ты, что следует поклоняться Ему должным образом, а не каким-нибудь неподобающим, рассудив, что иначе ты не принесешь себе никакой пользы, а только прогневишь, себе на горе, Божество. И наконец, если доведется тебе управлять, разве не захочется тебе царствовать безмятежно и разве не станешь ты стремиться скорее к спокойствию, нежели к волнениям? Ну, а если ты открыл, что все это верно по отношению к тебе, то суди по себе и обо всем роде человеческом, – и тогда тебе, без сомнения, станут понятны всеобщие молебны о всеобщем счастье. Ведь того, чего желаешь ты, полагая это благом для себя, не может не желать для себя и любой другой, если

только он в здравом уме. А значит, исходя из своих собственных упований, ты можешь постичь и упования всех.

9. Но оглянись вокруг, взгляни на прочих людей – *и ты увидишь, что и теперь общими усилиями человечество пытается отыскать путь к общему благу*, хотя люди, уже осознав в нем потребность, не умеют пока найти его. Однако мерцают искорки оставшегося еще в нас божественного огня – светлые души праведников, – все больше и больше сясь разогнать тьму нашего смятения. Кто же запретит нам надеяться, что сбудется наконец: искорки, объединившись, сольются в пламя, и из этого пламени родится желанный благодатный свет подлинного знания, подлинной добродетели, подлинной власти?

10. *Ведь несметное множество людей ищут света и, одни вслед за другими, зажигают повсюду лампы знания, так что уже и теперь, можно сказать, зажжены бесчисленные факелы, сияющие – и достаточно ярко – светом истины.* Осталось только найти способ, как соединить все эти факелы, дабы свет каждого из них влился в сияние единого света, исходящего из великого светоча.

11. Другие ищут некую совершенную религию и с этой целью придумывают себе религии одну за другой. Если бы Господь дал всем увидеть истинную (благодатью которой все обратились бы к почитанию единого Бога всех людей, изливающего на всех свыше Свое благословение), то они не смогли бы не принять ее. Если только (говорю я) все воочию узрят один единственный истинный и совершенный путь поклонения Богу.

12. *И наконец, человечество жаждет мира и спокойствия, и от этой самой жажды оно изнемогает и даже гибнет.* Ведь все войны ведутся только во имя мира: те, кто затевают войны, дабы поработить другие народы, домогаются власти над усмирненными державами, царствами, владениями; те же, кто обороняются, желают восстановить и защитить свою свободу. И те и другие действуют силой оружия, не видя иного способа защитить себя и свое достоинство. А что, если бы Бог указал нам всем более спокойный путь к истинному, надежному, прочному всеобщему миру? Разве нет оснований надеяться, что все успокоится в его ласковых объятиях? Будем же тверды в надежде, что настанет время, когда все люди научатся быть царями собственной души, цари же станут тогда царствовать над царями – мудро, великодушно, могущественно, служа человечеству так же усердно, как служат Богу.

13. *Увеличивает надежду на то, что мир рано или поздно все же будет приведен к гармонии, и сама эта бешеная ненависть, с которой разные религиозные, философские, политические секты взаимно преследуют друг друга.* В самом деле, откуда она может проистекать, как не из любви к единству, истине, благу. А единство есть начало всего су-

щего, ибо все сущее образуется соединением частей и пребывает благодаря взаимной связи между ними. Отсюда можно заключить, что, пока существует истинное единство, всякая вещь пребывает в благополучии. И, следовательно, поскольку разъединение подразумевает разлад, а значит, и упадок, оно вызывает тревогу и скорбь. А посему, едва только покажется нам, будто кто-то – кто бы он ни был – покушается на единство, мы сочтем его достойным ненависти. Но до тех пор, пока мы не смотрим на вещи одинаково, ни наш разум, ни наша воля и, следовательно, наши усилия не могут позволить нам идти одним общим путем. Тем самым мы становимся друг для друга причиной страха и опасений, ненависти и скорби. Однако когда всякое страдание станет чуждо человеческой природе, когда все станут жить, наслаждаясь всеобщей любовью, тогда, будем надеяться, заложив истинную основу истинного единства (а значит истины и мира), все радостно воспрянут и с готовностью сменят взаимную ненависть на взаимную любовь. Ныне же нам ничего иного не остается, кроме как молить Бога, дабы Он надоумил нас взяться за спокойное и бесстрастное исследование и обратиться друг к другу со словами: *Установим между собой рассуждение и распознаем, что хорошо!* (Иов 34, 4)

14. Видя таким образом, что сама по себе человеческая природа не лишена воли к восстановлению гармонии (с вещами, друг с другом, с Богом), *как смеем мы сомневаться, что когда-то сможем убедить людей делать то, к чему они и без того склонны?* Тем более предлагаемое нами и совершиться может тоже действием самой природы вещей! *В самом деле, мир в природном отношении един; почему бы ему не стать единым и в нравственном отношении?* Правда, Европа отделена от Азии, Азия от Африки, Африка от Америки, страны и провинции тоже отграничены друг от друга горами и долинами, реками и морями, так что мы не можем все взаимно общаться. И между тем общая мать земля держит и питает всех, воздух и ветры всех овевают и одушевляют, одно и то же небо всех укрывает, одно и то же Солнце с прочими небесными светилами всех обходит и попеременно озаряет – и ясно, что все мы пользуемся общим жилищем, питаемся одними жизненными токами. Так если все мы – сограждане одного мира, что нам мешает сойтись в единое государство под одними и теми же законами? Некогда, рассеянные по своим долинам, люди жили замкнуто, без взаимного общения; каждый делал то, что почитал за благо, каждый питался собственными вымыслами, каждый говорил со своими на своем языке и делал вместе со своими близкими, что хотел; недаром представления, языки, нравы людей стали так разнообразны. Но с тех пор, как люди начали селиться в поселках и городах, собираться в сообщества и связывать себя законами, многое прежде разрозненное стало спланиваться: семьи в города, города в государства, малые государства в большие. И вот, раз единый Создатель и Правитель мира Бог

непрестанно день ото дня делает мир для Себя все более раскрытым и повсюду прозрачным, что мешает нам надеяться, что в конце концов все мы станем единым благоустроенным сообществом, скрепленным узами одних и тех же наук, законов и истинной религии? Ясно ведь, что все сколь угодно разрозненное можно собрать в числа, все сколь угодно разрозненные числа можно собрать в суммы, и ничто не мешает появиться даже сумме всех сумм.

15. *К тому же, ведь человеческая природа одинаково присуща всем людям на Земле, какое бы место под Солнцем они ни занимали; все черпают ощущения, умозаключения, волю и устремления, побуждения и способность к действиям из одного и того же источника; все окружены одним и тем же миром вещей, наблюдают одни и те же его явления, испытывают на себе одни и те же его воздействия, и сами действуют на него сходным образом; все поклоняются единому Богу. У всех вошло в привычку подчиняться одним и главенствовать над другими, дабы царил строгий порядок. И при всем этом все единодушны в стремлении к лучшему. Нет никакого сомнения, что все с отвращением отшатнулись бы от всех своих заблуждений, если бы только нам удалось показать всем с достаточной ясностью истину во всей ее полноте. Отшатнулись бы и от ложной религии, если бы мы сумели показать истинную. Отшатнулись бы и от тирании и всяческого насилия, если бы мы дали всем воистину почувствовать вкус к истинной свободе. Так что, право, нам не хватает теперь только одного, а именно – уметь осуществить все то, к чему мы стремимся и что нам под силу.*

16. И наконец, надежде на то, что положение вещей изменится рано или поздно к лучшему, не дадут угаснуть наши упования на милость Божию, ибо Господь, сотворив род человеческий, предназначил его Себе, а не сатане, а значит, не всегда же Он будет терпеть царящий на земле обман. Уповаем мы и на мудрость Божию, ибо Господь радуется, возвышая Свое творение и разрушая замыслы лукавого. Итак, Он доведет Свое творение до совершенства, явив в нас Свою мудрость, козни же сатаны разрушит, дабы нам нечего было страшиться. А поскольку Он благ, то не попустит никакого зла иначе, как с благой целью: Ему угодно, чтобы каждое случившееся зло являло миру небольшую частичку общего блага, – и так до тех пор, пока миру не будет явлено высшее благо⁴⁶. Иначе говоря, Он, управляя всем действием, доведет до счастливой развязки драму, столь неудачно начатую земным творением (а точнее – мудро Им задуманную, но бестолково и превратно разыгранную сотворенными Им актерами). Так положимся же на Него, ибо в Его власти завершить столь печальную земную драму счастливой развязкой!

17. Тем более, что уже и теперь совершенно очевидна всеобщая

готовность к некоей великой перемене. Воистину никогда еще от самого сотворения мира не разгорался столь жарко ревностный пыл множества людей к исправлению человеческих дел, дающий повсеместно добрые плоды. Так отчего бы нам не надеяться на довершение начатого? Что будет наконец явлено взору человечества то, что с такой заботливой тщательностью по частям сооружает незримый Зодчий всего мироздания, божественный промысел? Этот Архитектор, наблюдающий свыше за ходом работ, никогда не раскрывает Своего замысла строителям, но лишь позволяет им по мере возведения отдельных частей здания догадываться о великолепии грядущего творения. И мы бы не блуждали в растерянности, если бы уразумели, что Бог (все деяния Которого суть части Его замысла) не стал бы будить дух беспокойства в человеческом сообществе иначе как во благо этому сообществу и что нашим благочестивым – но и мучительным, подобно родовым потугам, – усилиям спасти и возвысить Церковь во славу Господню способствует рука самого Господа.

18. *Ну а раз нами движет такая надежда, возьмемся смелее за поиски путей к грядущему благу рода человеческого, послужим таким образом замыслу милосердного Бога!* В самом деле, если в нас осталась еще хоть капля благочестивого поклонения Божеству, это должно не побуждать даже, но принуждать нас к неустанным и непрерывным размышлениям о славе Господней и о том, сколь неоплатен наш долг Господу. И тогда, если даже и не дадут наши размышления иного полезного плода, то уж во всяком случае небо и земля, ангелы, люди и Сам Господь станут свидетелями, сколь неизбежно скорбим мы оттого, что сумятицей наших дел мы – несчастные создания – безмерно сокрушаем Его отеческое сердце. Так приступим же смелее к делу, изыщем способы и пути, как нам, разбив оковы сатаны, выйти наконец на свободу, для которой мы и были созданы, смиренно помолившись сперва Господу, да наставит нас на путь истинный.

19. Однако, как нам представляется, вначале следует избавиться от песчинок сомнения, нередко тревожащих людскую совесть (прежде они беспокоили и нас): *а что, если это наше намерение – исправить человеческие дела во всей их совокупности – превышает человеческие возможности? А вдруг люди по неведению берутся за то, что подвластно одному только Богу?* Все эти вопросы следует рассмотреть, дабы мы, убедившись в обоснованности попыток нашей совести воспрепятствовать нашим дерзаниям, смелее приступили к делу, спеша услужить этим Господу, если только окажется, что Его неизреченной милости угодно, чтобы, воспользовавшись Его соизволением, мы легче и быстрее продвигались к цели столь вожделенной по пути, простертому перед нами Его всемогущей десницей и указанному нам Его мудростью.

20. А что мы с чистой совестью можем искать пути к исправлению, более того – что именно совесть нас к тому обязывает, доказывают следующие доводы. Во-первых, осуществлять свое право над вещами, находящимися в нашем распоряжении (то есть приспособливать вещи к своим нуждам, исправлять неполадки, если таковые возникнут, а также видоизменять вещи сообразно потребностям владельца), *дозволяет каждому естественное право*. Ну а наши вещи суть наши – и не только предметы низшие, подлежащие воле Господа нашего (земля, камни, металлы, растения, животные), но и те, которыми щедро оделил нас Создатель от Своих совершенств, – *разумение истины, воля к стяжанию блага и способность к осуществлению желаемого*. Все это, говорю я, наше – нам дано, нашему попечению поручено. И если мы оказались ненадежными хранителями, если не уберегли доверенное от порчи, наше право и обязанность исправить дело: мы этим не только не прогневим, но и обрадуем Бога, – не все же нам небрежно разбрасывать Его дары, нужно когда-нибудь и собрать их вновь, дабы впредь хранить с подобающей бережностью.

21. Кроме того, *искать свое утраченное достояние естественное право дозволяет каждому. А мы все утратили упорядоченность дел, согласие душ, спокойствие совести, многие даже и Бога; мы до такой степени лишились всего, что не находим уже и самих себя*. Так может ли кто-нибудь запретить нам искать утерянное? Бог сотворил для нас *вещный мир*, соединил нас взаимными узами, отдал нам и *Самого Себя*. И Бог никогда не раскается в Своей щедрости, ибо, будучи благим по самой сути Своей, Он никогда не пременится, ниже пременит слово Свое, никогда не отнимет Своих даров и не откажет никому в Своей милости, лишь бы только искали ее, просили, стучались бы к Нему. Так примемся же за поиски утерянного блага! Попросим вернуть нам отнятое прежде за наши провинности! Постучимся, дабы отворились перед нами запертые двери! Следуя этой дорогой, мы непременно встретимся на ней с Богом, и Он протянет нам Свои дары и вернет утраченное нами.

22. Поразмыслим еще вот над чем. *Сбившемся с дороги не возбраняется вернуться на нее* (не говоря уж о том, чтобы обдумать свое возвращение), *да что там, он просто обязан вернуться – и тем настоятельнее, чем важнее дело, ради которого он отправился в дорогу, и чем опаснее бездорожье, по которому ему теперь приходится брести*. Но ведь и мы все в наших блужданиях оказались в невообразимой дали и от света, озаряющего мир, и от Бога, Пастыря душ, и от сонма сопутствующих нам ангелов, и от согласия между нами самими; ужасающие опасности таит в себе пропасть, в которую низверглись и тела, и души наши. Так может ли статья, чтобы всеблагой Бог

запретил нам размышлять о путях нашего возвращения, – Он, Который сам окликнул нас, скорбя о наших страданиях, сам приказал нам вернуться, предупредив об опасностях, и не перестает тревожить строгими напоминаниями всех, кто еще медлит, цепляясь за разные увертки.

23. Далее, *коль скоро дозволяется желать и добиваться чего-либо, тем самым дозволяется и уяснить себе способы достижения желаемого и, соответственно, тщательно исследовать предмет*, ибо Господь, не ставя перед нами бессмысленных целей, не требует от нас и бессмысленных действий, да и не желает их. В самом деле, ведь все, что дает нам надежду на исполнение, милостью всеозаряющего света, наших всеобщих упований – все эти вещи порознь, без сомнения, уже теперь в нашем распоряжении и, следовательно, нам необходимо понять назначение каждой из них в отдельности. А значит, вне всякого сомнения, нам не заказано понять и совместное их предназначение. Поясним на примерах. *Нам всем уже теперь необходимо обучать каждого предметам истинным и благим, отучать от ложного и превратного и знать некоторые случаи проявления того и другого. Так что же мешает нам искать способ, которым любой из нас сумел бы указать любому и в любом случае на истинное и благое, равно как и внушить непреодолимое отвращение ко всему ложному и превратному? Нам, христианам, уже теперь должно – каждому в меру своих сил – прославлять царствие Христово, разрушать козни диавола. Так отчего же нам не искать пути, как побудить всех разделить с нами наши усилия? Нам необходимо жить в мире со всеми. Так отчего же нам не наставлять прочих – и всех, если только это возможно, – на путь мира? И если наш свободный разум без всякого принуждения исследовал до сих пор истину, томящуюся в плену тьмы, опутанную сетями противоречий, что может помешать ему исследовать истину, вырванную из власти тьмы, распрямившуюся под надежной защитой, теперь, когда пришло время излить ее свет на весь мир? А если Господь (Который сам есть истина и не желает, чтобы кто бы то ни было блуждал в стороне от истины) дозволяет нам это, отчего же нам не попытаться явить наконец и истину всеобщему взору? Ведь здесь одно вытекает из другого и все находится в неразрывной связи.*

24. Короче говоря: *все, что существует и возникает помимо нас, возникает без наших усилий* (Иов 38, 4, 12, 21, сл.). *То же, что предназначено для нашей пользы, возникает и устраивается не без нашего участия.* Например. Наше развитие в утробе матери происходит, казалось бы, независимо от нас. Однако не без содействия нашего духа, который, перелившись в нас от родителей и обретя собственное вместилище, начинает обустраиваться в своем крохотном жилище. В рождении младенца участвует лишь Господь Бог и мать, однако не

обойтись, конечно, без помощи повивальной бабки, да и вообще все, кто случились рядом во время родов, должны содействовать им, прилагая все усилия, дабы роженица счастливо разрешилась от бремени. И уж тем более ясно, что все необходимое для последующего роста и становления рожденного человека, все, касающееся его тела и души, нуждается в человеческих усилиях. Ведь и сама жизнь, хотя и есть дар Божий, поддерживается, однако, благодаря пище (для заготовления и приготовления которой требуются усилия наших рук, а для переваривания – наших внутренностей). Больному возвращает здоровье Бог, однако при помощи врачей и врачебного искусства. Сотворив человека, Он без всякого участия человека пригласил все необходимое для поддержания его счастливого существования, однако сразу же вслед за этим повелел ему самому о себе заботиться⁴⁷. Ною указал средство избежания гибели – Ковчег, который, однако, тот должен был соорудить для себя сам⁴⁸. Он перевел народ Израиля через Красное море, однако им пришлось идти всю ночь, торопясь уйти от преследователей⁴⁹. Он привел их в Землю Обетованную, которую, однако, нужно было отвоевать у врагов⁵⁰. Он поставил Давида на царство, во имя стяжания которого, однако, тому пришлось прежде немало потрудиться и претерпеть⁵¹. Он послал в мир Благоую Весть, но предназначенные для ее возвещения апостолы должны были услышать Его призыв, разбудить свой дух, приготовить себя к великому поприщу, усвоить Его учение, дабы стать в руках Божиих послушным орудием обращения народов. Поэтому они сами именовали себя служителями Божиими (2 Кор 3). А значит, и главное пророчество Евангелия, и обращение народов не свершатся без нашего содействия. Великий Царь готовит великую свадьбу Своему Сыну, и не одни только те Ему служат, кто ушли созывать народ, но также и те, кто остались дома расставлять яства и утварь к приходу гостей.

25. Итак, Господь, *хотя и нарек окончательное утверждение Церкви Своим порождением* (Ис 66, 7, 8, 9), *однако не отвергает и нашей помощи в родах*. Так что если мы сами тот плод или тот новорожденный, которому уготовано облекаться в сияние нового света, если мы чувствуем: близко время *παλιγγενεσίας*⁵², положимся на волю Божию! Если же мы лишь слуги тех, кому должно народиться, – станем прислуживать при этих родах со всем усердием и, не мешкая, приготовим новорожденному свивальники, колыбель, пищу и все необходимое для пестования младенцев. Так мы исполним волю Божию. Исполним, говорю я, волю Того, Кто Своею всемогущей властью мог дать совершенное знание миру еще в первом его поколении так же, как может дать его едва появившемуся на свет младенцу, но следуя естественному ходу вещей, определяемому природой самого знания, не делает ни того, ни другого, ибо знанию *свойственно продвигаться вперед постепенно, шаг за шагом, а не мчаться неровными скачками*.

А отсюда вытекает вот что. Если человек, даже и от Бога не получая знания, не в силах воспринять его сразу, но, желая с годами преумножать его, вынужден употребить на это немало сил и благоразумия, а не ожидать, праздно сложа руки, пока знание явится ему во сне, — то уж воистину и во сне не пригрезится, будто все человечество — если, конечно, оно уже созрело до того, чтобы вкусить наконец созревший плод знания, — свободно от всяческих забот во имя его стяжания. Ибо до тех пор, пока в нашем распоряжении остаются еще хоть какие-то средства (сколь бы ничтожными они нам ни казались), ожидать чудес — значит искушать терпение Господа.

26. Иные усомнятся: *а не окажется ли эта ноша — обращение всех на путь истинный — под силу одному только Божию всемогуществу, но не людской помощи?* Отв. Бог всегда и всюду правит всем, без Него немыслима никакая тварь, и все, что вершится без него, ведет лишь к заблуждениям, падениям, гибели. Известно, что от самого сотворения мира Господь никогда не действует в тварном мире Сам, но всегда — лишь через Свое творение, ибо наилучший *путь управления всяким творением — через него же само*. Именно потому Он заложил в природу каждого любовь к самому себе, стремление к сохранению и поддержанию собственной жизни и хитрую изобретательность во всем, что этого касается. Животным пропитание, бесспорно, дает Бог, но так, что им приходится самим добывать его. Малым птицам Он prepares гнезда, но их же собственными трудами. Лисам строит норы, но пользуясь все тою же, заложенной Им в самую лисью природу, хитрой изобретательностью. Так пристало ли человеку, наделенному чутким умом, жадным до всего, что его окружает, человеку, которому прежде всех прочих тварей Господь повелел днем и ночью печься о собственном спасении, глумиться над Господом, оставив всякую заботу о себе? Ведь и самое божественное провидение по отношению к человеку обнаруживает себя именно в том, что человек, полагаясь на Бога, использует находящиеся в его распоряжении средства, а пользуясь этими средствами, полагается на Бога. Больной может молить: *Господа, исцели меня!*, но может, более того — должен (если не желает искушать Господа) и пользоваться лечебными снадобьями. Можно молиться: *Хлеб наш подай нам!*⁵³, но можно, более того — должно (если не искушаешь Господа) в трудах добывать хлеб свой. Одним словом, *все кругом равно свидетельствует и о том, что люди не могут действовать без Бога, и о том, что Бог не желает действовать без людей — во всем, что касается самих же людей*, как мы уже говорили немного раньше. Так не воспротивимся же Божию замыслу, имеющему в виду нас самих, но обратимся к ревностным молитвам и трудам, дабы стяжать все необходимое для спасения.

27. Могут возразить еще вот что. *Все это верно, если речь идет о*

собственном спасении: тогда каждому должно печься о самом себе. Но тревожиться о спасении всего мира – не нашего ума дело: здесь мы нуждаемся в высшем попечении. Об этом, дескать, и говорит наша пословица: *каждый за себя, Господь – за всех.* Отв. Будем считать, что эта пословица – плод людского смирения, однако и тогда прибегать к ней грешно, а в данном случае – и неуместно. Вернее будет сказать: если Господь печется обо всех, то и нам пристало делать то же, ибо мы – образ Божий. Подойди, читатель, к зеркалу – ты увидишь образ свой, в точности такой, как ты сам. И делает он то же, что делаешь ты. Ты краснеешь? И он тоже. Бледнеешь? И он вслед за тобой. Ты смотришь на него? – и он на тебя. Отворачиваешься? И он отворачивается от тебя. Ты смеешься? – смеется. Плачешь? – плачет. Берешь что-либо в руки? – и он тоже. Кладешь? – и он кладет. Да послужит это тебе назиданием, человек, как подобает тебе быть живым образом Бога живого! Ты видишь, что Он благ? И ты стремись к тому же, не жалея трудов. Видишь, что Он щедр на добро? Будь таким же. Видишь, что Он зовет всех причаститься Его благодати? Подражай Ему. Видишь, что Он ничего не жалеет, дабы отвратить Свое творение от гибели? Будь уверен: тебе следует делать то же, в противном случае можешь считать себя не образом Божиим, но трупом, некогда являвшим собой Его образ. А значит, раз Господь печется об исправлении всех людей и, тем самым, о всеобщем спасении, нам ничего иного не остается, кроме как добиваться того же – благочестиво, серьезно, упорно, – до тех пор, пока не обречем желаемое.

28. *А не чересчур ли это самонадеянно, – скажет кто-нибудь, – приписывать себе знание путей, ведущих к преображению всего мира?* Отвечу. *Это делают все, кто пишут книги, предназначенные для всеобщего чтения.* Различны у нас лишь способы и области приложения. Например. Пишущие книги по логике, этике, физике, истории и т.д. с какой целью это делают? Не для того ли, чтобы просвещать умы? Без сомнения. Но какие умы? Любые. Ибо никому не возбраняется знать эти науки, если есть желание. Ведь людские умы устроены сходным образом, так что, зная один из них, знаешь все. Следовательно, *кто бы ни писал что-либо разумное, на самом деле пишет это для всех.* А значит, мы не посягаем ни на что сверх уже сделанного, разве только пытаемся изыскать способы его приложения, размышляя о тех самых искомых началах, благодаря которым все, что Господь даровал нам, предназначив ко всеобщему благу человечества, и все, что открыли мудрейшие из нас, станет всеобщим достоянием. Так можно ли, скажите на милость, усмотреть в том самонадеянную заносчивость?

29. *И наконец, опору всем нашим надеждам – и на Божие великодушие, на успех наших собственных начинаний (если мы возъ-*

мемся за дело с подобающим рвением) – мы находим еще и в том обстоятельстве, что теперь мы вступили уже на открывшийся перед нами, благодаря неизреченной божественной милости, путь постижения непосредственных причин (отчего испробованные до сих пор средства против человеческих заблуждений не возымели почти никакого действия). Ведь если мы верно уловим эти причины, то основа искомого средства, почитай, у нас в руках – подобно тому, как врач, коль скоро разглядел истинные корни болезни, не сомневается, что сумеет теперь избрать верное средство для ее изгнания. Так есть ли у нас основания сомневаться, что и мы сумеем найти средства против наших ошибок, если, прибегнув к опыту всего мира и всех живших до нас поколений, научимся, наконец, избегать заблуждений? Мы уже теперь ясно видим, где именно мы сбились с верного пути, а значит, мы видим и куда нам следует вернуться. Мы видим, какие средства мы безуспешно испробовали вплоть до настоящего времени, следовательно, мы можем видеть, от каких средств должно отныне отказаться, заменив их прямо противоположными. И когда-нибудь непременно обнажится, наконец, дно в чаше наших заблуждений.

30. Врачи привыкли извлекать пользу даже из самих ошибок – своих и чужих: видя, что лечение не продвигается вперед тем или иным путем, они обращаются к другим способам, хотя бы и противоположным, и, действуя таким образом, часто приходят к спасительным решениям и справляются порой с безнадежными недугами. А чтобы мы могли надеяться преуспеть с Божией помощью в наших замыслах, выслушаем с готовностью, сколь прекрасное начинание, сопряженное с величайшей надеждой на успех, нас ожидает.

Глава IX

***О том, что надо пытаться исправить человеческие дела
еще не испытанным, поистине всеобщим путем,
а именно – путем единства, простоты и добровольности***

1. Бог открывает еще не хоженный, но простой, удобный и ясный троякий путь возвращения людей и всех человеческих дел к гармонии: *путь единства, путь простоты, путь добровольности*. Если нам удастся правильно объяснить его и правильно вступить на него, то не достичь желанной гармонии для всех нас и всего нашего окружения окажется так же невозможно, как невозможно человеку, идущему одним общим путем со всеми остальными, не прийти туда же, куда и они.

2. Напрасно кто-нибудь заподозрит, что мы здесь похвально открытием некоего небывалого и чудодейственного пути: это – старый путь, совечный человеческому роду, изначально показанный Богом и всегда прокладываемый Им перед нашим лицом; только вот люди, невнимательные в наблюдении, не увидели его с достаточной ясностью и никогда на него всерьез не вступали, разбредаясь по своим перепутьям. Рассмотрим этот путь поближе: сначала отдельные его части, а затем и весь путь в целом.

3. *Единым мы называем то, что во всех своих взаимосвязанных частях сплочено таким образом, что при движении целого движется и все ему принадлежащее.* Так Солнце в небе едино, хоть искрится тысячью лучей: все лучи слитны с ним и все дают свет миру. *Единству противопоставляется множественность*, где все вещи разрознены, не взаимосвязаны, а потому не движут, не увлекают друг друга и не имеют взаимодвижения, взаимовлечения и взаимодействия, как зажигаемые у нас в разных местах огни разрозненны и непричастны друг другу.

4. *Простым мы называем то, что внутри себя не сложено из многого, а потому повсюду подобно себе, самодовлеюще и неизменно,* наподобие солнечного слияния, исходящего из своего собственного источника, а потому негасимого. Наоборот, *сложное* есть то, в чем смешано многое и что поэтому не равно себе, изменчиво и непостоянно, наподобие пламени от нашего огня, которое питается тучностью поленьев или другой материи, а потому, не будучи самодовлеющим, ищет пищи вовне себя и подлежит рассеянию, то есть угасанию.

5. Наконец, *добровольно то, что действует так или иначе по своему произволению, то есть свободно и по собственной склонности.* Так пламя само собой влечется вверх, рассеивая лучи вокруг себя. Противоположность – *принуждение*, когда вещь приводится в движение не своим, а каким-либо другим движением, как бывает, когда камень бросают вверх.

6. *Теперь может немного проясниться, что мы здесь понимаем под путем единства, простоты и добровольности. Смысл таков: мы должны вернуться от множественности, в которую впали, к единству, – то есть от бесконечных частичных устремлений, на которые мы бесконечно разбрасываемся, к единой всеобщей заботе о всеобщем спасении. Мы должны вернуться, далее, от многообразного смешения, в котором запутались, к той простоте, с какой изначально сотворены и мы и вещи. Наконец, от насилия, которым мы наполнили все вокруг, мы должны вернуться к нашей природной свободе.* В самом деле, кто же не видит, сколь неузнаваемо изменилось бы положение наших дел, если бы все окружающие нас стало

простым, без путаницы, и неурядиц; если бы все стало заманчивым, зовущим к себе без принуждения и устрашающих угроз; если бы, наконец, все стало общедоступным, разумно приспособленным для всех, дабы никто не оставался безучастным?

7. Однако вышесказанное нуждается в более полном разъяснении. *Во-первых*, как Господь заложил в природу людей и вещей это единство, эту простоту и эту добровольность и как многочисленными примерами неустанно напоминает, что нам должно в пути не терять их из виду (с § 8 по 18). *Во-вторых*, каким образом мы когда-то сбились с дороги, да так до сих пор на нее и не вернулись (с § 19 по 21). И *в-третьих*, как же нам наконец вернуться на путь истинный, если, конечно, мы вообще желаем достичь когда-нибудь лучшего положения вещей (с № 22 до конца).

8. *Единство, а значит, единение и общность, есть образ божественной природы.* Ибо Бог есть одно и в то же время – все; есть все и в то же время – одно. Он одно по сути Своей и все – по Своим совершенствам, ибо Он один заключает в Себе все сущие истоки, образы, совершенства. И хотя Он уделил свойственные Его природе начала внешнему миру и рассеял в нем все великое множество сотворенных вещей, Он, однако, связал все узами единого порядка, так что во всей Вселенной ничто не пребывает вне некоего целого, не сообразуясь с его назначением. Но рассмотрим теперь, сколь прочными взаимными узами сочетал нас друг с другом и с Собой Творец всего сущего уже после того, как была запущена в ход машина мироздания!⁵⁴

9. *Дабы заложить несокрушимые основы единения и общности между всеми людьми, Господь поступил так. Он сотворил всех из одного и того же вещества. Запечатлел в наших душах единый образ единого Бога. Воздвиг для всех общее жилище – сущий мир. Дал всем общую опору – землю. Увенчал наше общее жилище единой кровлей – небесами. Снабдил нас общими средствами для поддержания жизни – произведениями земли. Для того, чтобы нам сподручнее было вершить наши дела, Он даровал нам всем единое светило, которому повелел каждодневно являться всеобщему взору, дабы, пока оно сияет с небесной вышины, мы могли справиться с совместными трудами, и каждодневно скрываться из виду, дабы мы все предавались отдыху.*

10. *Стоит нашего пристального рассмотрения еще вот что. Господь, хотя и мог сам сотворить каждого человека, как сотворил ангелов – каждого в отдельности, так что любой из них происходит из себя самого и продолжает свое существование в себе же самом, однако сотворил вначале одного единственного человека – как бы единый ствол, а затем повелел прочим побегам, подобно ветвям одного ствола, произрастать из этого общего корня, очевиднейшим*

образом явив в том Свою волю: сплотить нас всех в тесном единении и общности. Так что, выходит, *мы связаны между собою гораздо более близким родством, нежели ангелы*: ведь они суть как бы разрозненные деревца, посаженные в небесном саду, – каждое стоит само по себе и произрастает из своего собственного корня, мы же подобны ветвям одного дерева, произрастающим из единого корня и черпающим из него все жизненные соки. Все мы сопричастны той единой природе, которой были наделены от самого сотворения мира, подобно тому, как каждая ветвь, любой побег или листик дерева сопричастны единой природе дерева. А эта наша тождественность – и по крови, и по природе – необходимая предпосылка некоего совершенного единения и совершенной общности.

11. Добавим еще, *что как бы ни рассеял нас Творец по всему кругу земли, какими бы непроходимыми горами, лесами, реками, морями ни разделил, Он, однако, оставил открытыми вполне доступные переходы через них*, так что для нас, как мы видим, открыт (благодаря мореплаванию) даже и доступ в противоположное земное полушарие. И пусть Он разлучил нас друг с другом сменой поколений (ибо Ему угодно, чтобы мы выходили на подмостки один за другим и так же, один за другим, уходили за занавес), но ведь Он открыл перед нами и путь взаимного общения – письменность, благодаря которой мы можем рассказать все необходимое потомкам, они же – рассмотреть наши дела столь подробно, будто жили вместе с нами, обратить все достойное себе на пользу и, в свою очередь, передать своим потомкам и наше, и свое достояние. Из всего сказанного понятно, что *Бог, Который один есть все, желает, чтобы мы, Его образ, все вместе являли собой одно*. Перейдем же теперь к тому, что касается простоты.

12. Недаром говорят, что *простота есть знак присутствия Бога*. Ведь как Он прост Сам в Себе и не состоит ни из каких частей (Он есть чистая власть, чистая мудрость, чистая благодать), так просты и дела Его – и для Него Самого, и для нас. Для Него Самого – поскольку Его мысли, воля, деяния никогда не сопряжены ни с какими сложностями, преградами, усилиями, борьбой; Он охватывает все сущее единым взором, никогда не обманываясь; единой волей желает все, что Ему угодно, не зная сомнений; единым мановением вершит все, что вершит, не прибегая ни к каким орудиям. Он Сам Себе и глаза, и руки, и уста, и сердце – все. Для нас же просты дела Божии, поскольку образы, запечатленные Им единожды в сущих вещах (в согласии с предстоящими им в вечности идеями), Он не изглаживает и не меняет. То есть природа быков, орлов, дельфинов, плодов, роз, железа, золота и т.д. и сейчас такая же, какой была в самом начале, и такая же здесь, как в ином каком-нибудь месте. И хотя вещи были разделены на разные виды, или разведены по разным ступеням, однако как они были

в свое время разделены, так до сих пор и пребывают, так и остаются. Ничего случайного или неопределенного не может найти человеческий ум в делах Божиих, хотя и воображает иной раз, будто находит, пороча тем самым себя, но не Бога и не дела Его.

13. Ну а поскольку и сам человек есть дело рук Божиих, к тому же Его последнее, то есть самое совершенное, творение, ясно, *что человек не просто несет на себе знак Божия присутствия, но сам есть образ божественной простоты, иными словами, человек устроен так, что в наименьшей степени зависит от внешних обстоятельств, довольствуясь (после Бога) лишь самим собой.* В самом деле, Господь, чтобы знать что-либо, не нуждается в посторонних глазах, ушах, языке – то есть в уведомлении или рассказе, – ибо Он сам видит все. Значит, человек, очевидно, устроен так, что, имея внутреннее око разума, предается созерцанию, а созерцая – выносит собственные суждения, короче говоря, в своих суждениях о сущем мире он не зависит ни от чего извне. Далее, Господь, чтобы пожелать чего-либо, не нуждается в чьих бы то ни было увещаниях, ни, тем более, в повелениях или приказах, ибо Он сам тяготеет над Собой и над всем сущим и сам склоняет свою волю к чему пожелает. А посему, очевидно, человек устроен так, что его желания суть свободные желания, принуждение претит ему, ибо ему присущи собственные устремления и побуждения – как бы некий весомый груз, заложенный в природу всякого мыслящего существа и склоняющий его волю к тем или иным предметам. И наконец, подобно тому, как Господь, обладая беспредельным могуществом, вершит Свои дела без всякой помощи извне, так, очевидно, и человеку даны внутренние силы, с помощью которых он совершает то, что согласуется с его природой, иначе говоря, разумно осуществляет желаемое.

14. Рассмотрим теперь строение нашей души (которой мы главным образом и обязаны тем, что мы – люди) и разберемся в ее слагаемых. Ведь наша душа заключает в себе *тройкую способность – мыслительную, волеизъявительную, действенную.* Мыслительная способность есть ум – присущее нам внутреннее зеркало мира. К чему устремляется все, что входит в нас через отверзтые двери наших чувств, – и отражается в нем. Волеизъявительная способность есть сама воля, эта тайная вершительница всех дел, которая по собственному произволу обращается к тому или иному предмету, либо отвращается от него. Деятельная способность есть присущая человеку сила, позволяющая ему разумно осуществлять желаемое. Эти три начала вмещают в себя бесконечность, ибо уму свойственно мыслить о бесконечном, воле – устремляться к бесконечному, умению – бесконечно творить (одно из другого). И так очевидно, что этот тройственный отпечаток собственной бесконечности (всеведения,

всехватывающей воли и всемогущества) запечатлел в наших душах Сам Господь! Но в то же самое время это и отпечаток Его простоты. В самом деле, ведь единственное зеркало – зеркало нашего ума – отражает весь мир! И чем проще оно, чем меньше загромождено разным посторонним хламом, тем лучше и чище отражение. Так же и единственная воля объемлет все желания, какие только можно изыскать во времени и в вечности, и чем она будет проще, чем меньше будет в ней лишних побуждений, влекущих ее в разные стороны, тем лучше. И наконец, нашим естественным способностям подвластно все, что дано нам сделать в этом мире, и чем они проще и беспримеснее, тем лучше. Воистину, никто и вовек не измыслит лучшего устройства и расположения для человеческого глаза, уха, руки и всего прочего.

15. Но мало того, что человеческая душа наделена всеми этими благотворными способностями, – к ним еще присовокуплены некие мерила, или жесткие рамки, предохраняющие наш разум, волю, деяния от греховных заблуждений; иначе говоря, данные нам затем, чтобы наш разум, исследующий истинную природу вещей, не потонул во лжи; воля, устремленная к благим целям, – во зло; претворяющая сила, воплощающая себя в действии, – в ошибках; дабы за подлинные понятия, влечения, осуществления не принимали уродливые подобия понятий, влечений, осуществлений. Таким образом, наш ум имеет внутри себя самого некие сокровенные законы, или врожденные светочи, следуя которым он легко и быстро находит дорогу среди мысленных построений, отличая истинные от ложных. Ну а поскольку подобные законы присущи каждому человеку, они именуются *общими понятиями*. Имеет и воля свои законы, или условия равновесия, – как бы некие гири, склоняющие чашу весов к благу, в каком бы облиции оно ни встретилось, и не дающие перевесить злу. Они опять-таки присущи каждому, и посему именуются *общими устремлениями*. И наконец, претворяющая сила тоже имеет свои собственные, в точности соразмерные ей самой и ее деяниям, орудия, посредством которых она может осознанно осуществлять желаемое. Поскольку подобные орудия тоже присущи каждому человеку, их по праву именуют *общими способностями*.

16. Три вышеназванные начала суть в высшей степени простые и в то же время совершенно достаточные основы любого истинного умозаключения, любого благого волеизъявления, любого плодотворного действия, заложенные в нас всех Самим Богом Творцом; они суть базис всеобщего согласия и единства, каковые воцарятся, если мы не станем переходить положенных нам пределов. Ведь общие понятия – достаточная мера для всего умопостигаемого; общие устремления – достаточно надежное кормило для управления все-

ми желаниями; общие способности – достаточное средство для упорядочения всех действий. Итак, *Господь снабжает человека средствами, достаточными для достижения видимой Ему цели.*

17. Отсюда следуют два вывода. *Во-первых*, об общих понятиях, которые суть как бы мерил частных понятий, верно сказал Августин: *Никто не судит о них, но лишь посредством их.* То же с полным правом можно сказать об общих устремлениях: *никого не вдохновляют они сами, но лишь что-либо – посредством их.* И об общих возможностях, или способностях: *никто не prepares их для себя, но лишь посредством их – что-либо другое.* *Во-вторых*: если мы все с их помощью станем истинно судить обо всем истинном, вдохновляться с их помощью благими устремлениями на все благое и следовать с их помощью должным образом всему должному, то у всех людей установятся одинаковые взгляды на одни и те же вещи, одинаковые пристрастия к одному и тому же, одинаковое усердие, направленное на одни и те же предметы, то есть среди людей воцарится гармония, мир и согласие. Ведь Господь вложил эти первичные – безупречно простые – мерил в душу каждого человека без исключения. А из этого вытекает следующее: *то, что все естественным образом воспринимают одинаково, несомненно, истинно. То, к чему все естественным образом устремляются с одинаковым рвением, есть, несомненно, благо. То, к чему все могут приложить естественные орудия, несомненно возможно.*

18. *Перейдем к добровольности*, о которой мы с полным основанием можем провозгласить великую истину: *свобода есть свойство божественной природы.* Ведь коль скоро Бог, по самой сути Своей, не имеет никого над Собой, Он, соответственно, ни от кого не зависит в Своей воле. И поскольку нет в мире никого могущественнее, чем Он, значит, нет и никакой силы, способной связать Его волю или воспрепятствовать ей. Одним словом, Он свободен и действует так, как пожелает. *И это же самое свойство Он запечатлел в человеке – Своем образе, – дабы, имея перед Своим взором как бы Свой собственный живой оттиск и наблюдая за разнообразными и свободными человеческими поступками, иметь удовольствие наблюдать как бы некое подобие Себя Самого.* Ведь Он подчинил человеку все (и не только низшие создания, но и его собственные тело и душу), *так что и человеческая воля, и его поступки – в его собственных руках: если он творит благо, то себе на благо, если зло – себе во зло.* И хотя Он побуждает, учит, вдохновляет человека на благие мысли, желания, действия, однако никогда не принуждает. И хотя отучает, отваживает, отвращает от всяческого зла, однако не удерживает

силой: ибо не желает ни лишать повиновение добровольности, ни отнимать раз и навсегда данную свободу суждения (иными словами – делать из человека нечеловека). Вот почему там, где творится зло, Он снимает с Себя вину – и гневается, упрекает, карает (еще бы, ведь Он дал человеку возможность желать блага, познать истину, предпринимать то, что следует); там же, где творят благо, Он и его приписывает самим людям – и благосклонно одобряет, радуется благим деяниям, обещает награду и воздает ее. *И, Сам никогда не причиняя насилия человеческой природе, Он бывает крайне раздосадован, когда насилие причиняют другие.* Он дает нам это понять, являя многочисленные свидетельства Своего недовольства гнетом сильных над слабыми и требуя от всех разумного и мирного сожительства.

19. Итак, мы видим, сколь явно и откровенно Господь наставляет нас и наши деяния на путь единства, простоты и добровольности! *Но наши нынешние обстоятельства показывают, сколь мало идут нам впрок Его наставления. Прежде всего, что касается пути единения и общности, то есть пути всеобщего единства – здесь едва ли существовала у нас когда-либо хотя бы отчетливо заметная утоптанная тропинка.* Раздроблено и разорвано все – в науке, в религии, в порядке вещей и ведении дел политических, экономических, – каких угодно. Да едва ли и вообще когда бы то ни было существовала сколько-нибудь прочная связь между вещами: едва ли сыщется какое-нибудь царство, церковь, школа, дом, существо, в которых, наподобие самодвижущегося механизма, все части были бы столь совершенно подогнаны друг к другу, что ни одна не мешала бы прочим, но, напротив, каждая способствовала бы слаженной работе целого. А причина одна: *предметом наших усилий никогда не было единое целое, но лишь отдельные части этого целого.* Нет нужды здесь ссылаться на многочисленные раздоры между народами, языками, религиями, философиями, государствами: сколько голов, столько умов, столько желаний, столько разных устремлений. Каждый полагает, будто он один что-то смыслит (человек действительно незаурядный может включить в число разумных еще несколько своих единомышленников), прочие же способны лишь нести всякий вздор. Каждый хочет – и старается, – чтобы было хорошо ему (или, в лучшем случае, его близким), до прочих же ему нет никакого дела. Скорее наоборот, он смотрит на них с ревнивым страхом: не перехватили бы у него чего-нибудь. Каждый в меру своих сил стремится урвать первым, будто все мы здесь участвуем в какой-то игре, где выигрывает тот, кто сорвал больший куш. Да что там, ради собственной выгоды никто не пощадит даже и крови ближнего: люди, сообщества, народы пожирают и обирают друг друга.

20. *И путь простоты мы – весь род человеческий – тоже поте-*

ряли из виду. Наблюдая это, библейский мудрец сказал: *Я нашел, что Бог сотворил человека правым, а люди пустились во многие помыслы* (Еккл 7, 29). В самом деле, люди не довольствуются дарованными от Бога понятиями, но бесконечно выдумывают себе свои собственные частные представления; и каждый, полагая собственные измышления за истину, желает, чтобы и другие уверовали в его правоту, а посему один начинает насаждать свои убеждения, другой, в свою очередь, – свои, и так разногласия громоздятся на разногласия без конца. Подобным же образом, не довольствуясь общими побуждениями (иными словами, тем истинным благом, на которое указывает Бог и человеческая совесть), люди выдумывают себе некие частные блага – и нередко устремляются к ним с поистине чудовищным рвением, приводящим, по большей части, к гибели. Так что и здесь тоже источник раздоров и столкновений. (Ведь однажды отступив от единства и простоты, трудно уже положить себе какие-то пределы.) И наконец, мы не довольствуемся отмеренными нам силами, сиречь уделенными нам от Бога способностями, но соблазняемся всем на свете, сообразно нашим бредовым представлениям, а посему усилия смертных по большей части бессмысленны, пусты, бесплодны. Вот так, оставив этот всеобщий, данный всем от Бога, прямой и простой путь, мы оказались на скрещении множества путей и полной мерой извели бесконечные расхождения бесчисленных умов, желаний, усилий и деяний. Так что, можно сказать, каждый строит свой собственный маленький Вавилон (правда, чья-то башня может быть выше, чья-то – ниже), ну а все мы вместе строим тот самый большой Вавилон, за которым – ужающая бездна смятения и безграничный хаос.

21. *Утратили мы и свободу: насилие, принуждение, рабство почти безраздельно воцарилась в школах, храмах, собраниях государственных мужей.* Не в одних только школах, но вообще повсюду одни наставляют других и одни учатся у других; и так редко мы осознаем, что понимание природы вещей приходит само собой. Все это потому, что знания проистекают не из врожденных понятий и проникают в нас не прямыми путями солнечных лучей, но черпаются из разбросанных повсюду ложбинок, наполненных чужими мнениями, и, движимые по искривленным трубам жесткой metody, загоняются в нас силой. Вот и получается, что согласие в большинстве случаев мы можем обрести не иначе, как выклянчив его, а не то – выманиваем его разными посулами либо исторгаем силой, либо, наконец, выколачиваем угрозами и побоями, так что полагают и провозглашают себя знающими что-то, верящими во что-то, желающими чего-то, способными на что-то те, кто на самом деле, если присмотреться поближе, не знают, не верят, не желают, не могут. Не иначе обстоит дело и в религии: большинство действует здесь вынужденно, а значит – лицемерно и

притворно. Ну а насколько повсюду полны насилием дела политические, я полагаю, нет нужды распространяться, ибо все вопиет об этом.

22. *Следовательно, если необходимо вернуться, необходимо вернуться к началу. Возвратимся к тому месту, где когда-то сбились с пути: от разобщенности – к единству, от многообразия – к простоте, от насилия – к добровольности.* И это будет поистине царский путь, путь Царя царей, путь света, мира и блаженства – путь, не изведанный и не осиленный еще смертными, сияющими исправить дела человеческие, который, однако, должно осилить теперь во имя Бога святого!

23. *Я сказал "еще не осиленный", ибо хотя многие частности время от времени достойно исправляются, тем не менее, всеобщее исправление всех и всего еще только предстоит осилить.* Ведь все врожденные понятия, все естественные побуждения, все природные способности еще не перечислены, не сведены в единую систему и не приспособлены, наподобие табулатуры⁵⁵, к человеческим помыслам, устремлениям, деяниям, а уж об их освобождении из-под мусорной кучи нагроможденных сверху мнений и ошибок и говорить не приходится. А потому большинство смертных в глубине своей души, среди своих собственных раздумий, вождений, устремлений и действий блуждают, будто в дремучих лесах и непроходимых ущельях. (Пусть спросят себя даже и самые просвещенные, разве не извели и они тягости скитаний по хитросплетениям внутренних лабиринтов!) Здесь представляются вполне уместными слова Соломона: *Проходил я мимо поля человека ленивого и мимо виноградника человека скудоумного, и вот, все это заросло терном, поверхность его покрылась крапивою и каменная ограда его обрушилась* (Притч 24, 30, сл.). Взгляните, поле нашего сердца все полно крапивы и терний! Если бы нам иметь ум Соломона, который сказал о себе там же: *И посмотрел я, и обратил сердце мое, и посмотрел, и получил урок.* Если бы мы слышали, что советует нам Господь устами пророка: *Распахните себе новые нивы и не сейте между тернами!* (Иер 4, 3).

24. *Так уверуем же: настало время сжечь крапиву, вырвать терны, заново построить ограду!* Время, говорю я, оставить наши окольные пути и проторенные боковые дороги, в недобрый час принятые нами за общий путь! Время вернуться на путь воистину общий, царский, божественный, на тот единственный путь, который освободит нас от наших заблуждений и невредимыми приведет к цели. Одним словом, *на путь всеобщности, простоты и добровольности.* Ну а что именно для этого требуется, сколь твердую надежду на поистине всеобщее исправление человеческих дел это сулит, сколь легко за это

взяться и сколь ничтожны страхи и недоверие, могущие у кого-нибудь возникнуть, – все это мы рассмотрим по порядку, своим чередом!

25. *Путь всеобщности научит нас, как соединить то, что можно и должно соединить, то есть все.* Под всем разумею все наши расстроенные дела – в философии, религии, политике. И соединить на благо всего человечества. Пустив в ход все дарованные нам свыше средства, дабы не пренебречь (из-за неблагодарности или по нерадению) ни одним из них. Словом, как соединить все, на благо всех и всевозможными средствами.

26. *Предметом исправления должно стать все, ибо все в наших делах взаимозависимо.* Ведь если хотя бы что-нибудь одно останется не исправленным, порча перекинется и на все прочее, и мы будем беспрестанно скатываться к тому, с чего начали. Взгляни на сломанные часы, ожидающие починки. Их сочтут действительно исправленными не раньше, чем можно будет поручиться за надежность их употребления. Поручиться же можно будет не раньше, чем будут восстановлены все детали механизма, ибо, если мы недосчитаемся хотя бы одного винтика, либо оставим его шатающимся или согнутым, движение прервется, и часы не пойдут. Подобным же образом дело обстоит и с человеческим телом, пораженным болезням и жаждущим исцеления. До тех пор, пока не все излечено, пока болезнь коренится внутри, мы не избавлены от опасности новой вспышки, ибо с пораженной части болезнь перекидывается на еще не затронутую и разгорается с новой силой. В самом деле, ведь семя, оставленное в земле, или корень срубленного дерева, сколь бы малыми они ни были, не замедлят произвести новые молодые побеги, которые вырастут со временем в новую траву или новое дерево. Вещи всегда легче ломать, нежели поддерживать в исправности. А значит, *расстройство человеческих дел* (хотя и многочисленных, однако составляющих как бы единое тело) немислимо устранить до конца, не выкорчевав все без исключения корни, которые оно успело пустить.

27. *Но необходимо к тому же исправлять все во всех, ибо все люди тоже суть единое тело, существующее благодаря всем своим членам.* Мы уже видели, что оставив неисправленным хотя бы один из членов, мы рискуем всеми прочими. Именно по этой причине врач, когда лечит тело, сплошь изъязвленное нарывами, либо изнуренное чахоткой, водянкой, лихорадкой, не накладывает пластырь на нос или на ногу, но дает больному снадобье для всего тела, и целебная сила этого снадобья, распространившись по всем частям тела, будит в нем его собственные силы, дабы изгнать все вредоносные соки, все же животворные начала (освобожденные из оков), напротив, вновь собрать воедино и вернуть телу его изначальную природную крепость. Равным образом, когда речь идет о теле всего человеческого сообщества, совершенно напрасной будет надежда на исцеление всего тела благодаря ис-

целению какой-нибудь его части, ибо лечение не возымеет успеха, если рядом со здоровой частью тела будут беспрестанно источать ядовитые выделения прилегающие к ней члены, а если даже и покажется, будто мы продвинулись в лечении, то успех не может быть продолжительным, когда живые тела располагаются вперемешку с мертвыми, сиречь больные члены со здоровыми.

28. Нельзя упускать из виду вот еще что. Первый шаг к расстройству человеческих дел, сделанный первым человеком, состоял в том, что он оставил общий источник и обратился к заботе о самом себе, — и ни в чем ином. *Да и не дали до сих пор о себе знать никакая иная причина и никакой иной повод к этим расстройствам, кроме как наше несчастное пристрастие к частностям, когда мы радеем не о всеобщем спасении, но каждый о себе. Да и о себе самих мы печемся не в целом, пытаясь утвердить свое полное благополучие, но как-то отрывочно: один направляет весь свой пыл на одно, другой — на другое, позабыв обо всем прочем, нередко — куда более важном.* Итак, все у нас разобщено, все запутано, и в воздаяние на наше мелочное себялюбие мы получили нескончаемые тяжбы всех со всеми, а также каждого с самим собой и с Богом, Который, один будучи всем, создал все, возлюбил все и печется обо всем, а значит, не может не возненавидеть и не наказать мелочное себялюбие. Именно потому, когда Нимрод вознамерился царствовать один и начал строить для себя Вавилон, последовало смешение языков и народов. Когда философы желают уразуметь смысл всего сущего каждый для себя помимо других и вразрез с другими, погрязая в бесконечных противоречиях, происходит смешение суждений и умов. И когда какая-нибудь религия желает безраздельно царствовать, рождается ненависть и пренебрежение, а отсюда — либо преследования и мучительства, либо нечестие и атеизм. Так что до тех пор, пока будет преобразовывать себя одна школа, одна церковь, один народ, ничего из этого не выйдет, все вновь придет в расстройство, ибо никогда не исцелится и не окрепнет по-настоящему один член тела без всех прочих. *Да изыдет из всех нас дух мелочного себялюбия, дабы ко всем вернулось поистине вселенское единение!*

29. И наконец, необходимо налечь на исправление человеческих дел со всех сторон, то бишь пустить в ход все дарованные нам от Бога средства. Ведь только употребленные во всей своей совокупности они смогут дать основу для исправления столь всеобщую, что ее достанет на все наши построения, и столь прочную, что она выдержит все их бремя. Нашему общему обиталищу в этом мире подлежит единая основа — Земля; никто не может ни покинуть ее по своей воле, ибо все мы заключены в ее пределах, ни нечаянно соскользнуть, ибо она крепко держит нас на своей поверхности. Так что мы не только преспокойно разгуливаем по ней, но и нагромождаем на нее наши дома, баш-

ни, города. *Подобного рода основа нужна нам и в этом нашем начинании – столь всеобщая, чтобы ничто не могло остаться вне ее, и столь прочная, чтобы в состоянии была выдержать бремя всех наших построений.* Ведь если мы не сведем в конечном итоге все наши дела к таким надежным, непреходящим, неизменным началам и не обратимся к ним сами, мы никогда не придем к согласию, но будем лишь отдаляться друг от друга, и чем больше мы станем спорить и выяснять отношения – тем больше. Ибо ум, желания, способности человека, заключая в себе образ бесконечности, блуждают в этой самой бесконечности, если только не закрепить их на недвижимой основе. Да и в нас самих никогда и ничто не пребывает неизменным: мы беспрестанно меняемся, а вместе с нами – и все наши мнения, устремления, деяния, испокон веку и до сих пор. Все наши начинания суть покрывало Пенелопы: то, что один соткал, другой распускает. А иные днем ткут свое покрывало (как Пенелопа), а ночью – распускают⁵⁶.

30. Если же кто полагает, будто мы затеяли дело непосильное и невозможное, ответим: наши планы не только не заключают в себе ничего невозможного, но, напротив, весьма легки в исполнении – гораздо легче, чем если бы не все, а лишь те или иные отдельные дела, люди, средства были частями единого замысла. Примеры, подтверждающие это, найдутся и в природе, и в ремеслах. Когда обитателям Земли необходим свет для их трудов, Солнце простирает свои лучи не на одну какую-нибудь страну, город, поле, сад, но восходит одновременно для всех и, поднявшись ввысь, взирает на всех с поднебесья и щедро одаривает всех светом, теплом, жизнью, так что никто не может пожаловаться, будто оно сокрылось от его взора или пренебрегает им. Равным образом, когда наступает черед ночи, лета, зимы, дождя, ветра, и они приходят одновременно ко всем жителям одной страны. Знак Божией скорби и гнева, когда над одним городом проливается дождь, а над другим не проливается (Ам 4, 7). Подобны этим и прочие природные явления, которым весьма разумно подражают многие ремесла, так отчего бы не подражать и нам в нашем начинании? В самом деле, садовник скорее вырастит крепкое, красивое, плодоносящее дерево, если с самого начала предусмотрительно посадит его в подходящем месте, станет поливать его и заботиться обо всем дереве, а не об одной только его части. А если дерево начало чахнуть, то он скорее вернет ему крепость, если освободит его от мертвой коры, окопает со всех сторон его корни и унавозит почву, нежели если вознамерится вернуть жизненную силу, или не дать ее утратить, лишь одной какой-нибудь части дерева. Но ведь мы все – единое древо, и вся эта поросль наших пороков произрастает из одних и тех же корней. Врач скорее вернет всему страждущему от недуга телу здоровье, если применит к нему общее лечение, нежели если станет эмпирически лечить одну какую-

либо его часть. Итак, от всеобщего духовного снадобья, предписанного против всеобщего недуга, можно ожидать куда большей силы, если применять его ко всему телу рода человеческого, а не к отдельным его членам.

31. *От наших сомнений в возможности задуманного не останется и следа, если мы примем в соображение тождественность природы самой себе. Людей много, но человеческая природа едина. Если знаешь одного – знаешь всех. Если сумеешь научить, воспитать, направить одного – сумеешь и всех.* Ведь чего хочет один, хотят и все: существовать, или жить; иметь, или владеть; что-то знать и что-то уметь. Мало того, владеть, знать, уметь многое и к тому же действительно владеть, действительно знать, действительно уметь, ибо быть обманутым не хочет никто, да и с чего бы, собственно говоря, хотеть? Ну а из этого корня произрастает вот что: каждый человек любит самого себя, желает себе блага и старается избежать несчастий. К тому же он желает истинного блага, а если порой и избирает нечто неподобающее, то лишь будучи введен в заблуждение. И желает себе полного блага, а потому ради собственного спасения готов поступиться частью целого, если не может обрести спасение иной ценой. И, ко всему этому, он желает существовать бесконечно, а потому страшится смерти, которая уничтожает его. По той же самой причине он, если суждено ему пребывать и далее, за гранью смерти, желает пребывать в блаженстве. Одним словом, никто не может не стремиться к счастью, и это правило настолько не знает исключений, что даже и те, кто жаждут смерти, а то и собственной рукой несут ее себе, делают это из любви к себе, то есть, будучи не в силах долгие терпеть какое-нибудь зло, тем самым полагают ему предел. *Итак, устремления всех людей направлены к одному и тому же, если, конечно, всем ведом верный путь к желаемому. Врожденные понятия у всех сходны.* Что знает от наставницы-природы один – знает и другой. Например: *целое больше своей части; дважды два – четыре; четное и нечетное дают в сумме нечетное и т.п.* И еще множество представлений такого рода, которые, подобно неким необходимым мерилам, выверяющим истинность того или иного суждения, в раздумьях о природе вещей всегда у нас под рукой. *Подобное сравнение уместно и в приложении к естественным способностям.* Что может один – могут все. А именно: видеть предметы, пробовать их на вкус, осязать, добиваться обладания и владеть ими, приспосабливать их к своим нуждам тысячью разных способов. (Ведь вся разница лишь в степени проявления этих способностей и в благосклонности судьбы, но не в самих предметах.) А отсюда следует вот что: все наделены одним и тем же набором органов и способностей – как внутренних, так и внешних. *Ибо ни Бог, ни сама природа вещей не попустят, чтобы цель существовала без средств к этой цели, ниже, напротив, чтобы средства существовали отдельно от цели.* Итак, всякий рожденный

человек, несомненно, наделен человеческой природой, и, в свою очередь, всякий получивший в дар человеческую природу, должен быть снабжен и способностями, позволяющими ему надлежащим образом выполнять соответствующие человеческой природе обязанности. Вот как обстоит дело с путем единства.

32. *Путь простоты научит нас не знать ничего иного сверх того, что угодно Господу; не соблазняться никакими иными благами сверх тех, которые являет нам Господь; не делать ничего иного сверх того, что предназначил Господь нашим деяниям.* А это значит, мы вернемся к нашей исходной точке, то есть туда, где между нами не будет разлада, где мы сможем не бояться заблуждений, ибо все там будет ясно, несомненно, надежно. В самом деле, если бы мы договорились (к чему, собственно, склоняет нас здравый смысл), что никто не возьмет на себя смелость решительно утверждать что бы то ни было, за исключением бесспорной и очевидной истины, ниже отрицать что-либо, за исключением заведомо ложных положений, в прочих же случаях каждый почтет за лучшее воздержаться (ἐπέχειν) от суждений; далее, что никакая вещь не подлежит безоговорочному одобрению, за исключением очевидного блага, и ничто не может быть безоговорочно отвергнуто, за исключением очевидного зла, в прочем же нам должно придерживаться середины; и наконец, что никому не следует приниматься за какое бы то ни было дело, не удостоверившись прежде в его необходимости, выполнимости, доступности, и ни от одного начинания (из тех, которые сочтены необходимыми) не следует отступаться, не удостоверившись прежде с полной ясностью в неустранимости и непреодолимости вставших на нашем пути преград, к прочему же следует относиться безразлично; так вот, если все вышеуказанное будет неукоснительно соблюдаться всеми, неужели не откроется нашему взору самый простой путь к мудрости, знанию и ко всем добродетелям?

33. *Ведь такой путь насущно необходим, если, конечно, нам вообще суждено когда-нибудь найти выход из хитросплетения наших неурядиц.* Необходимо, чтобы от окружающих нас предметов, поглотивших и рассеявших наши усилия, мы вновь сосредоточили все наше внимание в центре. *Ведь мы не раньше сможем понять что-нибудь в этом мире, чем поймем себя самих, и не раньше овладеем всем прочим, чем собой, и не раньше почувствуем себя в безопасности среди окружающих нас вещей, чем обезопасим себя от нас же самих.* В самом деле, ведь даже дерево находит защиту (от натиска ветров, жара солнечных лучей и других бедствий) в собственных корнях, а будучи срубленным, восстает из того же корня. Врачи тоже в самых без-

надежных заболеваний (когда снадобья, даже и приготовленные самими изощренными способами, ничего не дают) прибегают к самому простому средству – здоровому распорядку жизни. То есть больному не предписывается ничего, кроме умеренности и воздержания, а все прочее предоставляется природе или, иначе говоря, Богу, ведущему нас простыми путями природы, и нередко это приводит к удивительным успехам. Так что после того, как сильнейшие средства, смешанные в самых разных составах (измышленные человеческим разумом и без конца громоздящиеся друг на друга мнения, законы, обычаи, споры, каверзы, а вместе с ними – раздоры, ненависть, кровопролитие и убийства), не сдвинули недуги рода человеческого с их насиженного места, *что же мешает нам испробовать это простейшее средство, настоящее исключительно на общих побуждениях, понятиях, способностях, на здоровом распорядке жизни?* Великую надежду заключает в себе такое лечение! Ибо Божий промысел щедро снабдил нас доступными каждому противоядиями от всех наших ядов (да еще и в тысячи раз превосходящими по силе самые яды). *Источник гибели есть и источник спасения. Из-за превратных побуждений, понятий и способностей началось все расстройство наших дел, следовательно, в исправленных побуждениях, понятиях, способностях – вся наша надежда на спасение.* Ведь в точности таким же образом обстоит дело и с недугами телесными: неочищенный винный камень – источник большинства из них в то время, как очищенный винный камень используют в качестве средства от тех же самых болезней⁵⁷.

34. *Путь добровольности* приведет к тому, что люди без всякого принуждения станут познавать истинное, желать благого, делать должное. А это не произойдет до тех пор, пока их умственному взору не откроются причины, движущие сущим миром, дабы люди, ясно различая, что воистину верно и что неверно, что благо и что зло, что возможно и что невозможно, имели бы внутри себя тот самый светоч разума, того доброго спутника и проводника, указующего путь среди должного и запретного, за которым они бы с радостью последовали. Истинно сказал Соломон: *Сладок свет и приятен для глаз* (Еккл 11, 7). И подобно тому, как слепой нуждается в проводнике (за которым, впрочем, он тоже следует не без боязливой дрожи), а тот, кто видит собственными глазами свет и в этом свете – дорогу перед собой, не ищет никакого иного проводника, но сам идет вперед бодро и бесстрашно, также и слепцу, лишенному очей внутренних, не разумеющему движущих миром причин, коль скоро он не понимает, для чего необходимы те или иные действия, им производимые, требуются принуждение и покаяния. Тот же, кто видит сам, радуется своему видению и делает все, что сочтет нужным, для стяжания блага или во избежание зла. А вывод таков. *Исправление наших дел не продвинется*

ни на шаг, если мы не избавимся от любого насилия, какое только есть в человеческих делах. Ну а избавиться от насилия можно не иначе, как восстановив среди людей свободу, которую одарил нас Создатель всего сущего. Ее же мы восстановим не раньше, чем избавимся от тьмы, заставшей наши глаза, – от тьмы, в которой они и так находятся уже непозволительно долго.

35. Стало быть, что бы ни было предпринято во имя спасения человеческих дел и что бы ни предпринималось до сих пор, – все останется втуне, если только всем нашим попыткам не будет сопутствовать то, что мы называем добровольностью (на каких бы путях мы ее ни обрели). Из единства и простоты складывается неповторимое в своей гармоничной соразмерности целое, и тем не менее, если в него не заложена еще и добровольность, оно так и останется никчемным механизмом, лишенным движущей силы. Как если бы тебя ждала приготовленная к выезду колесница в полном снаряжении, но без впряженных в нее коней. Или готовая к плаванию трирема⁵⁸, но – ни ветра, ни весел. Или искусно изготовленный механизм, но к нему – никакого груза, дабы привести его в движение.

36. Итак, спрашивается: возможно ли, чтобы люди обрели такую добровольность, подвигающую их на благие дела? Отв. Если естественные устремления, присущие всем, суть неизблемое свойство человеческой природы, то, разумеется, нет ничего невозможного в том, чтобы все без принуждения делали то, что должно делать. Ведь цель, удовлетворяющая всем устремлениям, есть благо, к которому, при всем различии в способностях, невозможно не стремиться по собственной воле. Растолкуй кому-либо, что должно увидеть именно то, что он и сам стремится увидеть, – и он не сможет не обратиться к этому свой взор. Дай ушам приятное для слуха, дай устам, дай чреву, дай душе, дай воле желанные предметы и цели – и они без всякого принуждения охотно возьмутся за свое дело. Для любой человеческой способности предмет ее приложения есть своего рода приманка и пища, так что человек просто не может не обратиться к нему с готовностью и не найти в том улады для себя. Следует только соблюдать меру, дабы не допустить ничего несвоевременного, ничего излишнего, а иначе и самое сладостное не вызовет ничего, кроме тошноты.

37. И наконец, на этом трояком пути вот чего следует придерживаться: простота закладывает основу предпринимаемого нами исправления дел, а добровольность увенчивает это предприятие. Ведь что бы ни пришло в расстройство, исправление всегда заключается в сведении к первоначалам, ибо по слову Христа, исправлявшего наши искривившиеся пути, сначала не было так⁵⁹. Но разве первоначала суть первоначала не вследствие своей простоты? Вне всякого сомнения. А поскольку из простых частей, взятых в различных

сочетаниях, можно получить все, что угодно, то очевидно, что из простоты непосредственно вытекает всеобщность, что верно и в случае предпринятой нами попытки к восстановлению первоизданного благополучия человеческих дел. *Ведь простейшие вещи все имеют, знают, могут употребить* – или уж, по крайней мере, коль скоро представится случай, не могут их не принять, не познать, не суметь ими распорядиться. Ну а уж *отсюда следует добровольность*, ибо никто не может не следовать самому себе, если видит, что сам может быть своим собственным вожатым, ведь стремление к независимости – всеобщее врожденное свойство, неотделимое от человеческой природы. Ну а поскольку *то, чего желают все, есть, несомненно, благо, то, что разумеют все, – несомненно, истина и то, что могут все, несомненно, выполнимо*, совершенно очевидно, сколь ясным стал бы наконец путь всеобщего согласия, если бы только все пожелали вернуться к нашим врожденным первоначалам (к общим устремлениям, общим понятиям и общим способностям), и сколь твердой надежде (выбраться наконец – и притом по собственной воле – из вороха опутавших нас и повсюду загромождивших наши пути невзгод и терзаний) послужит это твердой основой.

38. *Ну а не приведет ли этот новый путь к разрушению ныне существующих философий, религий, политий?* – спросит кто-нибудь. Отв. *На этом пути мы ничего не погубим, но доведем все до совершенства.* Ведь к тому, чего нам не дано достичь, следуя привычными извилистыми путями, нас приведет этот простой и прямой путь. Какой "этот"? *Соединение истин, благ, усилий.* Давайте, прошу вас, разберемся вот в чем. *Никакая философия прямо не учит глупому образу мыслей, никакая религия – нечестивым действиям, никакая полития – смуте в человеческих делах. Однако же мы приписываем друг другу глупые мысли, обвиняем друг друга в богохульстве, уличаем в злодеяниях – и не без оснований.* Ведь подлинные несообразности, подлинное нечестие, подлинная тирания являют себя там, где – пусть и помимо нашей воли – ложь смешивается с истиной, зло – с благом, беспорядки – со стремлением к миру. А коль скоро все это перемешалось столь неподобающим образом, нам необходим метод разделения, и все кругом укрепляет нас в надежде найти его в отпущенном нам Богом *запасе устремлений, понятий и способностей.* В самом деле, если бы мы высвободили *общие понятия* из клубка опутавших их противоречий, мы тем самым имели бы в руках яркие светильники, озаряющие перед нами путь к познанию всего сущего, и тогда мы все поняли бы друг друга во всем. И если бы мы пришли к верному пониманию *общих устремлений* и законов, управляющих нашими упованиями, и сумели бы освободиться от неотвязных сомнений, силы наших устремлений хватило бы для достижения самых благих целей (и общих, и личных), и

мы превосходно согласовали бы наши воли, и не было бы никакой нужды в войнах. И наконец, если бы мы отчетливо осознали наши *общие способности* и освободили бы их от сумбурных примесей, мы все смогли бы сделать все, что позволит нам сделать Господь. Так вот, *если из этих простых, четких и ясных начал будут (с Божией помощью) слагаться в единое целое предметы и цели нашего познания, выбора, деяний, то отчего бы тогда кому бы то ни было бояться за свою философию, свою религию, свою политику?* Ведь ничто истинное, благое, мирное не может при этом погибнуть, но, напротив, должно быть сведено воедино и собрано в общую сокровищницу.

39. Но и здесь мы можем наткнуться на возражения: *дескать таким образом мы заключаем философию, религию и политическую науку в тесные рамки.* Отв. Господь не мог не ведать меры, достаточной для нашей разумной, благочестивой, счастливой жизни, и мы можем с величайшей уверенностью положиться на Его волю. *Лучше остановиться на несомненном, нежели браниться из-за вещей сомнительных, и лучше идти общей дорогой, не страшась заблуждений, нежели блуждать по неведомым и опасным перепутьям.* А стало быть, да будет *философия* проще – лишь бы ее достало для объяснения природы вещей и для незаносчивых умов. Да будет *религия* – лишь бы ее довольно было для поклонения Богу, источнику простоты, и для праведной совести. Да будет *полития* – лишь бы она удовлетворяла собственной цели: хранить в мире род человеческий.

40. Итак, будем надеяться, мы изложили все преимущества этого пути – пути единства, простоты и добровольности – достаточно красноречиво, чтобы уже теперь все остановили свой выбор именно на нем: ведь стало уже слишком ясно, что для столь всеохватывающих начинаний не достанет мелких частных; для того, чтобы высвободиться из столь злополучной путаницы, не подойдет средство сложное и запутанное; для того, чтоб смягчить столь сильное ожесточение и избавиться от столь привычного насилия, не возымеет силу ничто, кроме добровольной и всеобщей договоренности.

Г л а в а X

Форма и законы правильного совета, с которыми должен сообразоваться этот наш великий Совет

1. Всякому благоразумно начатому делу предшествует *решение* или, если дело это большой важности и касается многих, *совет*, то есть сопоставление многих предлагаемых решений для выявления наилучшего. Перед нами, однако, *дело более великое, чем когда-либо начи-*

налось на земле, притом касающееся всех, всего и во всех отношениях. Всенепременно необходим поэтому совет. Но какой? Давайте установим себе непреложные законы совещания, чтобы ничто не грозило ни нарушить предпринятое дело, ни прервать его, ни сделать его бесполезным.

2. Законы же эти нам неоткуда почерпнуть, кроме как из разумно построенной идеи нашего совета и из верно понятых потребностей, обусловленных этой идеей. А посему, умоляю, да не сочтет никто зазорным остановиться и всесторонне рассмотреть этот предмет, проникая умом во все его тонкости.

3. Совещание есть дружественное и благоразумное обсуждение большим числом людей какой-либо желанной, но сложной и трудной вещи с точки зрения того, следует ли к ней стремиться, с помощью чего и каким образом ее всего легче достичь.

4. Таким образом, во всяком совете сочетаются три вещи:

- 1) *Намерение*, то есть какая-либо полезная, но трудная ввиду связанных с ней колебаний или помех цель;
- 2) *Многие лица*, разбирающие между собой эту цель;
- 3) *Спокойное и благоразумное при рассмотрении любых вопросов разбирательство*, продолжающееся до тех пор, пока все не придут к единству взглядов, ибо тогда кончается совет и начинается исполнение.

5. Пишу для совета дает, как я сказал, какая-нибудь полезная, но неясная вещь; ведь иначе и быть не может, поскольку:

Аксиома

I. *Не может быть совета ни о чем.*

II. *Совет о вещи бесполезной есть глупейшее занятие.*

III. *Совет о вещи понятной есть праздное времяпрепровождение.* (Если разумеется, о некоем предмете заведомо известно, что это — ничто, бесполезно или понятно.)

6. Здесь непременно требуются многие лица — для того, чтобы было кому 1) *поставить вопрос* и испросить совета; 2) *высказать свои советы*; 3) еще раз тщательнейшим образом их рассмотреть до тех пор, пока благодаря такому тщательному и всеобъемлющему рассмотрению не будет установлено нечто непреложное. В особенности это необходимо в тех случаях, когда много либо испрашивающих совета, либо советников, либо самих советов: ведь здесь никого и ничто нельзя оставить без внимания. А посему можно принять за аксиомы следующие утверждения:

IV. *Если никто не спрашивает совета, советование не начинается.*

V. Если никто не высказывает своих советов, советование не продвигается.

VI. Если никто не полагает этим советам пределов, советование не завершается.

7. Правила, предписанные совету, заключаются в том, что рассмотрение должно проводиться:

1) по всем возникшим вопросам; 2) спокойно; 3) благоразумно.

8. По всем вопросам – значит: 1) по цели совета должно быть ясно, чего желают добиться; 2) по средствам – при помощи чего мы надеемся достичь цели; 3) по способам – к чему следует приложить уже найденные средства. И все, что мы здесь найдем или предложим, следует каждый раз подвергать тщательной проверке: верно ли это? и почему? – до тех пор, пока полезность желанной цели, употребимость отысканных средств и легкость способа действий не станут очевидны всем, и пока в этом не убедится всякий, склоняющийся к иному мнению.

Итак:

Акс.

VII. Необходимо, чтобы советующиеся не расходились в целях.

(Ибо между людьми, желающими разных вещей, невозможен никакой совет, точно так же, как люди, направляющиеся в разные стороны, не могут стать спутниками.)

VIII. Необходимо, чтобы советующиеся не расходились в средствах.

(Ибо если нет согласия в средствах, всякий совет распадется – точно так же, как, если один из путников хочет добраться до цели сушей, другой – морем; один – пешком, другой – на колеснице, им неминуемо придется расстаться.)

IX. Необходимо также, чтобы советующиеся не расходились в способах действий.

(Ведь если один хочет приступить к делу и вести его так, а другой – иначе, то они не смогут ни приступить к делу, ни вести его, и тогда как цель, так и средства – сколь бы ни было желанно первое и надежно второе – останутся втуне.)

9. Добавим еще вот что: для совещания требуется рассмотрение дружеское и спокойное.

10. Дружеское – поскольку недруги, до тех пор, пока они недруги, не советуются, но лишь бранятся.

X. Необходимо, чтобы советующиеся были друзьями и действовали дружески.

11. Мы нуждаемся в спокойном рассмотрении, поскольку даже

когда за рассмотрение берутся друзья, стоит только дать волю неумеренному пылу и страстному нетерпению, как возникают споры и соперничества, едва ли полезные и благоприятные для дела.

XI. Советующиеся должны действовать неспешно и мирно.

[В самом деле, страсти – слуги не разума, а воли, и больше того, они тяготеют к действию, будучи как бы его шпорами, так что они стоят на полпути между волей и деятельной силой; надо поэтому остерегаться, чтобы во время разбирательства, когда надо тщательно взвесить все, страсти не сотрясали весов разума. Их надо приберечь напоследок, когда по принятии решения встанет настоятельная задача исполнения. Совестьливый советник не станет поэтому разжигать страсти (тем более дурные – страх, гнев, ненависть), а будет, скорее, успокаивать и умиротворять их. Ни один здравый человек не будет пить мутную воду, не дав ей сперва отстояться до чистоты. Так и во время совета нет места для возмущения духа: *гнев мешает душе различить истину*, а любовь к себе и к своему, равно как ненависть к чужому, – кривые очки, искаженно преувеличивающие или преуменьшающие вещи и показывающие их в другом положении, образе, цвете, чем они есть.]

12. И наконец, для советов требуется *благоразумие, и, само собой, оно равным образом необходимо как требующему совета, так и дающему, и анализирующему его.*

13. От требующего совета требуется *благоразумие, дабы изложить, чего он хочет, что смущает его* в этом деле и *почему это его смущает*. И сделать это нужно по возможности *откровенно, кратко и ясно*, дабы тот, у кого испрашивают совета, мог правильно устроить дело.

XII. Спрашивающий совета должен верно изложить суть дела.

XIII. Должен открыть все свои недоумения относительно этого дела.

XIV. И вместе с тем должен объяснить причины своих недоумений.

(В противном случае недомолвки и туманности в вопросе породят недомолвки и туманности в совете.)

14. *От дающего совет требуется: 1) чтобы он все отчетливо усвоил; 2) чтобы тщательно взвесил все обстоятельства этого дела; 3) чтобы все лучшие плоды собственных размышлений без утайки вынес на всеобщий суд.* Дабы выполнить первое из вышеперечисленного, требуется человек внимательный и усердный. Второму требованию удовлетворяет человек, разумеющий положение вещей

или, во всяком случае, всесторонне его рассматривающий. Для *третьего* нужен человек добрый, готовый даже и недругу дать надежный совет. (Ибо совет есть вещь священная, и относиться к нему должно с благоговением.)

XV. *Если не усвоена суть вопроса, совет будет поверхностным.*

XVI. *Решение человека, не знающего положения вещей, будет сомнительным.*

XVII. *Лукавство в улаживании спора есть нечестие и поношение Господа, Отца истины.*

15. От анализирующего совет требуется, чтобы он тщательно взвесил: 1) *Правильно ли поставлена цель?* 2) *В состоянии ли предложенные средства прямо привести к этой цели?* Удобен ли предложенный метод приложения этих средств? Ведь может оказаться, что предлагается нечто благое, однако совсем не соответствующее складу ума человека, обратившегося за советом; может статься, средства будут подходящими, однако для достижения чего-либо иного, не того, о чем речь идет теперь; может быть, они подходят именно для того, однако не в меру сложны в употреблении. А в таком случае совет окажется неисполнимым, ибо сложное – все равно, что неисполнимое. Итак:

XVIII. *Смотри, чтобы совет имел в виду верную цель.*

XIX. *Следи, чтобы средства строго соотносились с целью.*

XX. *Взвесь, удобен ли способ действий.*

16. Ну а если случится так, что на какой-либо совет будут созваны или сойдутся большинство людей, то уж здесь необходимо будет сугубое благоразумие.

1) *Чтобы никому не возбранялось объяснить свои затруднения.*

2) *Чтобы все без исключения могли высказать свое мнение и никого от этого не удерживали.*

3) *Чтобы никакое заключительное решение не принималось иначе, как со всеобщего и полного согласия.*

Рассуди сам: ведь собравшиеся имеют равное право на вещи, ради обсуждения которых они собрались. *Ибо только в том случае совет будет и полным, и выполнимым, и твердым, если ничего не предлагается, не рассматривается, не решается иначе, как при всеобщем согласии.* И к тому же по одним и тем же общим законам (а именно, чтобы неизменно речь шла вначале о цели, затем о средствах, и наконец, о благоразумном употреблении этих средств). Да не позволено будет никому вбивать прочим в голову свое мнение, как некий оракул, но да будут все готовы выслушать прежде мнения и сообра-

жения других. Ибо если все они согласуются между собой – прекрасно, тем надежнее будет наше заключение; если же они будут расходиться – что ж, представится случай еще раз получить все взвесить, и так до тех пор, пока не откроется нам нечто превосходное и бесспорное. Ведь различие мнений и соображений всегда дает пищу для рассмотрения и поиска некоего более основательного заключения, не вызывающего ничьих возражений.

Итак:

XXI. *Те, кто сходятся на совещание, должны иметь к тому общие предпосылки.*

XXII. *Те, кого объединяют общие предпосылки, должны иметь также общие мнения и соображения.*

XXIII. *Те, кто имеют общие мнения, должны прийти и к общим заключениям.*

В самом деле, ведь только в этом случае единодушным будет и исполнение, о котором здесь тоже следует кое-что напомнить.

17. *При исполнении советов следует соблюдать три условия: 1) Чтобы оно не было опрометчивым. 2) Чтобы не растянулось надолго. 3) Чтобы не было дерзким и самонадеянным.* Опрометчивость, как во всем прочем, так и в советовании и в исполнении советов, ставит дело с ног на голову. Редко одновременно удовлетворяются оба условия: *быстро и хорошо*. Чаще то, что быстро устроилось, быстро и погибает: и собака второпях рождает слепых щенят. Промедление, в свою очередь, тоже чаще всего губительно для предусмотрительно устроенных дел: если за советованием упущено время для действия, то тем самым мы позволяем благоприятным для свершения необходимого случаям выскользнуть из самых наших рук. Ну и наконец, если кто-нибудь, будучи уверенным в собственной мудрости, посулит и себе, и другим какие-нибудь необыкновенные советы и необыкновенный успех этих советов, то легко может стать, что, поддавшись нерадивой безмятежности и проворонив успех, он выставит себя на всеобщее посмешище. Итак:

XXIV. *Для того, чтобы единожды постановить нечто, следует, не жалея времени, взвесить это.*

XXV. *То, что безошибочно взвешено, следует немедленно отдать для исполнения.*

XXVI. *В деле, исполняемом по добром размышлении, следует ожидать успеха, даруемого Богом.*

Достоинство доброго мужа убеждать всех взяться за исполнение советов там, где все обещает добрый успех, обещать же самый успех (особенно в делах ненадежных, исход которых называют случайным)

недостойно благоразумного человека. Главным образом – из-за людской неблагодарности: ведь если повезло, и добросовестное претворение данного совета привело к успеху, люди легко забывают об этом, если же случилось иначе – винят советчика. Как будто тот, кто предложил совет, и впрямь может дать вместе с ним и успех. Взгляните на свидетельство премудрого Соломона: что хранит нас под Солнцем (Еккл 9, 11).

18. Все вышеназванные положения суть законные, как мы твердо надеемся, законы грядущего праведнейшего совета, и если мы в нашем великом совете избираем их для соблюдения (во всяком случае, мы должны это сделать), то мы вполне созрели для того, чтобы рассмотреть, что именно нам должно делать теперь и в будущем. Отметим некоторые особенно важные положения, еще раз повторив их, дабы ни одно из них не осталось неизвестным кому-либо.

19. *Коль скоро причина у нас общая – человеческие дела (исправить которые не может не желать, не стремиться, не силиться ни один человек благодаря самой своей причастности человеческой природе), то, значит, ни один человек не должен быть исключен из этого совета, ни один не должен исключать себя самого.* Стало быть, и мы, пользуясь общим правом, излагаем и впредь будем излагать все терзающие нас недоумения, ну а все прочие люди, воспользовавшись тем же правом, пусть взвешают, действительно ли наши терзания достойны рассмотрения.

20. *Затем, коль скоро в общем деле каждому дозволяется принять участие, мало того, каждому дозволяется давать советы, – воспользуемся и тем, и другим нашим правом.* Итак, мы откровенно расскажем, что нам представляется наилучшим выходом в каждом отдельном случае. Вы же, воспользовавшись тем же правом, с открытым сердцем примите и обсудите все это.

21. В конце концов, *коль скоро нам предстоит совещаться, а не ссориться, давайте придем на совет со всецело чистыми и безмятежными чувствами, какие я от себя обещаю, от других требую. Я требую от себя и от других при столь важном обсуждении столь великого дела, во-первых, искреннейшей искренности, во-вторых, строжайшей строгости, в-третьих, внимательнейшего внимания, затем должного терпения при слушании, полной свободы суждения и скромности при разногласиях и, наконец, постоянных и полных надежды воздыханий, обращенных к Богу.*

22. Итак, стало быть, коль скоро мы набрались духу, обратившись с единым воззванием ко всем, призвать всех к объединению наших советов, а также наложить на всех оговоренные определенными условиями и соглашениями обязательства, то приступим теперь же к делу!

Глава XI

Приглашение всех людей на мирный совет об исправлении дел в мире

1. Собираясь засеивать поле, или убирать урожай, или готовить древесину и камень для постройки и т.д., мы обычно смотрим на сами эти вещи (рассматривая, что из них можно сделать или чего в них не хватает), но совещаться с ними нет необходимости, потому что они в нашей власти: противиться нашим рукам, нашим серпам, нашим топорам они не могут. Все обстоит иначе, когда приходится иметь дело с разумным творением: наделенное свободной волею, оно ничего не позволит решать о себе заочно.

2. А посему, коль скоро предпринятое нами начинание касается людей, мы не можем ничего решать без их ведома. *Ну а поскольку оно касается всех, то и взяты за него следует вместе со всеми.* Мы с тем и делаем все открыто, перед ликом этого Солнца, чтобы то же самое, что и мы, слышали, видели, обсуждали, делали, наконец, все те, кого все это непосредственно затрагивает. И те же самые вещи, необходимые нам для исправления дел – *единство, простота, добровольность*, – подходят как неременное предписание и самому этому совету.

3. *Это значит, все, что здесь говорится, говорится для всех и к тому же так просто, что не может не быть понято всеми, притом каждому человеку – и великому, и малому – оставляется полная свобода суждения.* Ибо говоря все это всем, мы исходим из общих начал. А именно: *побуждения, общие для всех людей, должны указать общие, всем желанные цели; общие, дарованные нам свыше, способности – общие средства для достижения наших целей; и наконец, свойственный всем здравый смысл и начертанные в сердце каждого общие понятия укажут способы, как можно употребить эти средства таким образом, чтобы нелегко было не достичь цели.*

4. Как пишут, Пифагор говорил, что, *если кто-нибудь сумеет разумно расспросить восьмилетнего ребенка о любой части философии, то услышит на все разумный ответ, потому что свет разума, если умеешь им пользоваться, есть мера всех вещей*⁶⁰. Применим то же в нашем теперешнем деле! Верю, если мы сумеем разумно предлагать вопросы, любой наш будущий читатель обязательно или сам найдет в своей душе ответ на каждый вопрос, или одобрит предлагаемое ему; ибо мы пойдем впереди и будем представлять не только проблемы, но и способы справиться с ними, а напоследок и свое решение о том, какой из многих способов (если их окажется много) кажется наилучшим.

5. Не будет причины, по которой кто-то остерегся бы приступить к нашему совету, ведь никто ему здесь ничто не предпишет, а сам себе во всем и в каждом он будет творцом, судьей, свидетелем. И мы надеемся преуспеть на этом пути, где никому не придется продираться сквозь неведомый лес незнакомых ему писателей, но его поведут по открытому полю вещей, чтобы собственными глазами, а не через чужие очки, он смог все видеть и все исследовать. *Поистине только сами вещи, будучи тем, что они есть, способны привести нас к согласию, чего никогда не добиться людям, которые сами еще спорят между собой о вещах.*

6. Тогда, наконец, с Божией помощью обнаружится, что прирожденные нам три начала познания, воли и действия (общие понятия, побуждения и способности) – это заложенные в нас священные пандекты⁶¹ божественной премудрости, а все не содержащееся в них – с необходимостью подозрительно; что это запечатленные в нас как в образе Божиим законы, чем дальше отступаешь от которых, тем больше запутываешься в ошибках, пороках и несчастьях; что это золотые опоры, алмазные основания, над которыми надстраивается все здание человеческого знаний, добродетелей и действий; что это нерушимые границы, которыми Бог обнес все пути наших помыслов, стремлений и деяний и выйти из которых значит подвергнуть себя неминуемой опасности блуждания, греха и гибели; что это полюсы и оси, вокруг которых вращаются все нынешние и будущие мысли, слова и поступки и отклонение от которых есть крайность, ненормальность, заблуждение и ошибка; что это, наконец, наши сияющие внутри нас солнца и наши звезды, сопровождающие нас везде, куда бы мы ни обратились, и предупреждающие нас от ошибок, пороков и опасностей; без них все во мраке. *Опираясь на столь всеобщие начала, наш совет будет поэтому всеобщим, великим, надежным и удобным путем, единственно способным привести нас туда, где мы начнем понимать себя и исцеляться от наших недугов.*

7. Так придите же все, чьему сердцу близко спасение и свое, и человеческого рода, к какому бы вы ни принадлежали народу, языку, религии – все боящиеся Бога, все, кому опротивели мировые неурядицы, все жаждущие лучшего! Придите и не отделяйте своего решения от всеобщего решения о всеобщем спасении! Пожалеем о жалком состоянии человечества, и если кто-то способен на какой-то совет или помощь, то вынесем их на всеобщее рассмотрение!

8. Придите! У нас благая, да что там – превосходная! – цель: исправление наших расстроенных дел – во славу Божию, в поношение сатане, во спасение рода человеческого. И для цели столь превосходной мы обретем прекрасные средства; не будет у нас недостатка и в замечательных способах приложения этих средств; а стало быть,

если благословит Господь наши начинания, мы просто не можем не надеяться на добрый исход дела.

9. *Придите! Дерзнем вновь побудить наши свободные души*, да узрят они истинную природу вещей в самих вещах, да освободят наше благо – каково бы оно ни было – от смешавшейся с ним грязи; да приспособят его ко всеобщим чаяниям! Потрудимся же все вместе, дабы изгнать все, что заслоняет от нас свет разума, что отдаляет нас от Бога, Творца всего сущего, что разделяет нас друг с другом!

10. *Придите! Рассудим спокойно между собою*, есть ли какой-нибудь ясный ответ на все, что и доселе так терзает нас: есть ли в мире Бог? и кто Он? и как следует должным образом Ему поклоняться? – дабы единственно Ему одному служили мы все единой десницей и дабы никто не отошел от Его воли. *Рассудим*: есть ли какая-то власть одних над другими? и какова она? – дабы не угнетали и не теснили мы друг друга с такой силой. Ведь поскольку мы все обладаем сходными чувствами, умами, руками и всем прочим, чем только снабдила нас природа, то и все вещи представляются нам в сходном свете. *Рассмотрим*, говорю я, можно ли так устроить, чтобы мы все одинаковым образом видели, слышали, ощущали, разумели, желали, делали все, что есть, и все, что следует сделать или на что следует уповать, не соблазняясь при этом тем, чего нет, или тем, чего делать не следует и на что не стоит уповать?

11. *Придите, я призываю вас! Рассмотрим, есть ли вообще где-нибудь истина без лжи; благочестие без суеверия; порядок без смятения?* Если где-нибудь есть – вы, обладающие всем этим, укажите и нам; сделайте так, чтобы ваше благо стало благом общим. Вы, имеющие в своих руках свет знаний, воздвигните его на постамент, возвышающийся над всем миром, дабы светил всем. Вы, познавшие истинного Бога и предержащие истинные законы поклонения Ему, сделайте так, чтобы этот благословенный свет воссиял и в душах других людей. Если, наконец, вам ведом истинный образ воистину свободного и всепримиряющего устройства (царства ли, или городской общины, или дома, или себя самого), поделитесь, дабы перестали мы метаться из стороны в сторону, и набрасываться друг на друга, и стремиться безоглядно к вечной гибели!

12. *Если же все-таки не будет открыто ничего столь совершенного, что подходило и нравилось бы всем, – что ж, воспользуемся случаем, дабы отыскать нечто лучшее, нежели наш нынешний удел*, ведь именно теперь и настал тот самый случай. Придите же и отыщем лучшее, отыщем превосходное! Отыщем для себя, отыщем для всех! Станем искать упорно, искать беспрестанно – до тех пор, пока живем на этом свете. Чего лучшего можно ждать от жизни, нежели, отыскивая истину, обрести и истину, и мир, и жизнь?

13. *Мы не призываем предлагать к разысканию ничего такого, что не представлялось бы желанным решительно всем; призывать к чему бы то ни было, кроме того, что все люди сразу же признают возможным; и наконец, обещать что бы то ни было, кроме того, к чему можно указать либо уже объясненные, либо объяснимые ясным и простым рассуждением пути.* Если же ничего такого не найдется (такого, мы разумеем, что казалось бы всем и желанным, и возможным одновременно, а если речь пойдет о чем-то, что может быть принято лишь по известном размышлении, то еще и легко выполнимым), то пусть будет во всеуслышание объявлено (для тебя говорю это, злоумышляющий против нашего начинания), что дело здесь лишь в каком-то неудачном, а то и вовсе бесполезном, совете (прислушайся к этим словам, хулигель наших замыслов). А в таком случае Господь воздвигнет дух какого-либо человека, способного ясно показать всем всеобщее благо.

14. А чтобы позволено нам было надеяться на это, придите, друзья, и отыщем (с помощью милосердного к нам Бога) выход из наших потемок, из путаницы наших неурядиц, из нашего нечестия! Возьмемся за это все, дабы стяжать благо для всех! И если не исполнятся до конца все наши упования, все же милосердие Божие не попустит, чтобы пропали даром все наши усилия. Уж хотя бы то дано нам будет обрести Его милостию, что больше станет во всем круге земель света – меньше мрака, больше сил Божиих – меньше сатаны, больше мира и порядка – меньше раздоров и смятений. *Если мы не найдем средства от всех болезней, позаботимся хотя бы, чтобы открыто было как можно больше снадобий, по крайней мере – от самых тяжких болезней. Если мы не в силах полностью избыть незнание из человеческой жизни* (быть может, этот запрет соблюдается для жизни будущей), нужно постараться хотя бы избыть незнание о собственном незнании, дабы мы не полагали, будто знаем то, чего на самом деле не знаем; дабы мы узнали, сколь обширны неведомые нам пределы, и с обновленным пылом увлеклись этой жизнью, где среди прочих благ хранятся и сокровища знания. *Если мы не можем избыть полностью всякое нечестие, не пожалеем усилий хотя бы на то, чтобы не осквернялось столь чудовищными богохульствованиями имя святейшего Божества. И наконец, если мы не можем полностью избыть наши дразги, можно обрести хотя бы некоторую передышку, чтобы не наскакивать друг на друга и не терзать самих себя столь неустанно: ведь если мы в наших отношениях с Богом, миром, с собой избавимся от столь упорного легкомыслия, мы все рано или поздно выйдем наконец на путь разума. Короче говоря: целесообразнее оставить лишь что-то нетронутым, нежели пребывать всем.*

15. *Чем важнее искомая вещь, тем настоятельнее наш долг отыскать ее и тем глубже наша вина, если мы вдруг отступимся, потеряв надежду на успех.* Потерпеть провал в великих начинаниях куда лучше, нежели вовсе не приступать к ним. *Но мы не можем потерпеть полный провал.* Ведь мы либо найдем то, что искали, либо, по крайней мере, чем больше нас будет и чем большее усердие подвигнет нас на поиски, а также чем меньше успехов мы добьемся, убедившись тем самым, что и этот путь бесплоден, тем ужаснее покажется нам бездна нашего расстройств, с которым справиться может одно только Божие всемогущество; тем большим жаром будут исполнены наши воздыхания, обращенные к Богу, дабы простер Он над нами Свою десницу; и наконец, тем большей надеждой на грядущий в вечности день окончательного всеобщего спасения будут дышать все богобоязненные люди.

16. Ну а вы – те, кто способны судить о вещах столь важных, принимать в них участие и давать советы, – не отвернитесь от нас! *Никто да не вообразит себя в этом мире гостем, чуждающимся наших дел. Или особой чересчур возвышенной, чтобы спуститься к нам. Или слишком низкой, чтобы дотянуться до нас. Любая низменность возвысится и любая гора и любой холм принизятся, ибо здесь готовят пути Господу.*

17. *Но прежде всего пробудитесь вы, кому дано управлять человеческими делами: вы, философы, воспитатели человеческого рода; вы, теологи, водители духа от земных обителей к небесным; вы, мирские власти, временные судии земли, хранители и радители мира среди народов! Все вы вместе – врачи рода человеческого, занятые болезнями разума, воли и деятельной способности. Вот, мы представляем вам сразу всех ваших больных, всю больницу мира! Придите же, посоветуйтесь сообща! Сделайте то, к чему вас призвал Бог и чего сам больной с мольбой от вас просит, вверяя вам свое здоровье! По крайней мере, раз уж здесь предполагается вести совет о всеобщем спасении, придите на него впереди других и прежде других и следите, чтобы обсуждение шло правильным порядком: вы дадите отчет перед Богом, если из-за вашей сонливости будет допущено что-то такое, что или нанесет ущерб человечеству, или даст пропасть или погибнуть чему-либо спасительному.*

18. *От вас, философы, которым подобает проникать в самую сущность вещей, я требую, чтобы вы рассмотрели, все ли, что предлагается, зиждется на разумных основаниях, и яснее ли мы откроем сущность вещей таким образом, нежели на торных путях. От вас же, теологи, которым подобает отделять драгоценное от ничтожного, будучи потому как бы устами Господа (Иер 15, 19) – чтобы вы внимательнейшим образом рассудили, достаточно ли тщательно отде-*

лено здесь драгоценное от ничтожного, и точно ли этим путем можно вести людей от мирской тщеты к небесной истине. И наконец, от вас, политики, которым подобает смотреть, чтобы государство не потерпело какого-нибудь ущерба, я требую, чтобы вы рассмотрели, можно ли надеяться, что, сведя таким образом все к Божиим и естественным законам, мы достаточно обезопасим земное государство от потерь и бедствий.

19. Давайте же все мы, остановившись благоговейно у порога нашего начинания, будто перед очами Господа, договоримся уже теперь о следующем. Во-первых, что у нас не будет иных целей, кроме одной единственной: спасения рода человеческого. То есть требуется решить, каким образом можно раз и навсегда освободить мир 1) от пристрастий к многочисленным учениям, между которыми мы без конца разрываемся, – в школах, в церкви, в политике; 2) от многообразия, в котором мы без конца путаемся и застреваем, – в школах, в церкви, в политике; 3) от насилия и жестокости, с которыми мы без конца мучим и терзаем друг друга, – в школах, в церкви, в политике. И каким образом можно объединить всех в едином стремлении к общему (и притом охватывающему все без изъятия) спасению; к простой всеохватывающей истине; и наконец, к ясному спокойствию во всех делах.

20. А коль скоро это наше предприятие в руках Божиих, примемся все вместе за его исполнение не только с благоговением, но и с великой надеждой, рассуждая о Боге так, как того требует Его величие. Провозгласим, что Он благ и не желает ничего иного, кроме блага для Своего творения; мудр и умеет найти средства, подходящие для исполнения Своей воли; всемогущ, и в Его власти претворение всех Его замыслов.

21. В-третьих, согласимся на том, что об этих вещах, коль скоро они касаются спасения рода человеческого, следует беседовать: живо, без медлительности; спокойно, без суетности; разумно, без софистики. Иначе говоря, так, чтобы среди всех не нашлось ни одного, кто противился бы общим желаниям, или отвергал очевидную истину, или, будучи в состоянии внести в общее благо свою лепту, замыслил в душе не делать этого, но, наоборот, воспрепятствовать общему благу. А если кто попытается посягнуть на него, да воздаст ему за это Господь!

22. В-четвертых, договоримся, что на все наше начинание мы будем смотреть лишь с точки зрения всеобщего спасения – и ни с какой другой. Соображения, принимающие в расчет личные пристрастия, те или иные народы, языки, религии, отбросим как таковые, дабы не примешивались как-нибудь к нашим советам любви

или ненависть, зависть и пренебрежение к другим – дурные советчики в деле, требующем согласия. Да и от чего бы одним из нас презирать других? Все мы – граждане одного мира, больше того, в наших жилах течет одна кровь. Ненавидеть человека за то, что он родился в ином месте; за то, что он как-то по-иному смотрит на вещи; за то, что разумеет больше или меньше, чем ты, – что за вздор? Оставим это, заклиная вас! Ведь мы все – люди, а значит – все несовершенны, значит – все нуждаемся в помощи, и, следовательно, в этом смысле все – должники всех. И в особенности – те, кого больше других Бог наделил мудростью, либо благоразумием, либо силой, дабы они, подобно Богу, были всем для всех. А поскольку Господь расточает Свои дары на самых разных людей, так что одному в одном, другому в другом чаще бывает ниспослано озарение либо ослепление, и поскольку Он использует порой и самые ничтожные орудия (чтобы именно там, где меньше всего надежды, блеснула золотоносная жила Божией премудрости), то, давайте, прошу вас, оставим Богу Его право употреблять удобные Ему орудия, и да подаст Он нам теперь, при этом нашем советовании, любой удобный Ему добрый совет, исходящий от любого народа, любой страны, любой религии, а будут они первыми или последними, зависит от Его воли. Ведь мы все – Его, Он знает нас всех, Он располагает всеми нами по Своему благоусмотрению. И оттого, что мы свирепо взираем друг на друга или отвращаем друг от друга взор, наше небесное светило, Солнце, не лишит никого из нас своих лучей и не станет светить одним иначе, нежели другим. Куда слабее сияние вечного милосердия освещает наши пристрастия: ведь нам бы хотелось, чтобы оно светило тем, кто нам угоден, и не светило тем, кто не угоден нам. Итак, я вновь и вновь взываю и призываю: *да будет предпринимаемый нами совет делом общим, как общие у нас все эти неурядицы, средство от которых мы ищем, и этот Бог, на милосердие Которого мы уповаем, моля об облегчении наших страданий.*

23. *А посему я требую, умоляю, призываю, чтобы, стремясь к исправлению наших расстройств, мы стремились к исправлению истинному и действительному, а не воображаемому и изображаемому, чтобы серьезные попытки не вылились в игру или забаву.* Согласимся, что следует искать знания о природе вещей, однако истинного знания; следует искать путей почитания Божества, однако истинных путей; следует искать мира для человеческого сообщества, однако мира истинного, прочного, незыблемого. *Какой, скажите на милость, может быть толк в ложной философии? в ложной религии? в ложной политике?* Пусть вечно обманываются те, кто хотят быть обманутыми! Мы же, дабы не обмануться больше, порешим искать лишь истинное благо! Никто, будучи в здравом уме, да не пожелает приобрести подкрашенную обманку.

24. *А поскольку мы уповая на милость Божию, надеемся, что в предпринятом нами совете можно показать людям то, что Он дает нам увидеть: прежде всего – истинные источники всеобщего света; затем – полный круг вещей, представивший нам в этом свете; далее – некие воронки, сквозь которые можно будет осторожно влить в людские умы знание о природе вещей; готовые пути для распространения этого света среди всех народов, и наконец, прекраснейший лик грядущего лучшего века, то мы требуем, в-пятых, чтобы кем бы ни был ты, пришедший увидеть это, ты пришел с отверзтыми очами! Да будут очи твои ясны, да не застыт тебе свет стекла очков, дабы, если встретится тебе что-нибудь новое, кажущееся тебе необычным, ты не оказался в плену предвзятого суждения! Эти наставления вовсе не имеют целью ввести тебя в грех легковерия и сделать, чего доброго, жертвой обмана, но лишь убедить тебя взглядываться в предмет, дабы не быть так или иначе обманутым. Итак, приступай к делу с открытыми глазами, не бойся ничего – и ты увидишь все в ясном свете. Если ты и раньше видел все точно так же, ты порадуешься, что не пребывал до сих пор в неведении и не блуждал вокруг истины. Если же ты этого не видел или видел по-иному, ты тем более порадуешься, что освободился от неведения и миражей. Ну а если, наконец, ты видел все лучше нас или прозрел теперь, ты сможешь, к великой радости – и своей, и нашей, – указать прочим это лучшее и обогатить тем самым общую сокровищницу.*

25. *Я требую, в-шестых, чтобы любой, кто вздумает принять участие в этих советованиях, не вздумал потихоньку удалиться до тех пор, пока не выслушает все советы. Мы не зря настаиваем здесь на полноте и заклинаям от частичных знаний. Следует либо судить обо всем замысле в целом, либо вовсе не подступаться к нему. Ну а тому, кто хочет судить обо всем в целом, следует прежде узнать все в целом, ибо из рассуждений о деле незнакомом или малознакомом ничего доброго не выйдет.*

26. *В-седьмых, во всем этом деле я ставлю условие: да укрощены будут все страсти и да избавимся мы от зуда нескончаемых тяжб. Не ссорьтесь в дороге, – сказал своим братьям Иосиф⁶². Не станем же и мы ссориться на этой дороге братского совета, не станем укорять друг друга в каких-то былых ошибках или подозревать в новых. Новая надежда на всеобщую истину, готовую вот-вот засиять на нашем общем небосклоне, да устремит наши взоры вперед и да позволит нам позабыть обо всем, что осталось за спиной. Не станем ссориться, выясняя, как начался пожар, – лучше озаботимся тем, чтобы как-то потушить его. Пусть никто более вслед за сынами грома, Иаковом и Иоанном⁶³, не призывает огонь гнева небесного на головы противоречащих им, но причастимся все вместе огня благодати, воп-*

лотившегося во Христе, и станем молить Бога, да воссияет он над всею землей. И не станем кичиться друг перед другом мнимой ученостью, но благословим друг друга на взаимное служение, твердо зная, что Господь больше печется о смиренно блуждающих по бездорожью, нежели о надменно шествующих по истинному пути. Итак, да будут нам надежными проводниками на пути ко всеобщему согласию смирение перед Господом, милосердие к собратьям и ясная любовь к познанию истины.

27. Если же тем не менее какой-нибудь зоркий человек все же отыщет в наших рассуждениях уязвимое место, вызывающее его обоснованное несогласие, *мы требуем, в-осьмых: да будет его несогласие дружеским, а не враждебным, то есть из-за несогласия в том или ином вопросе он не должен подвергать сомнению остальные утверждения или, тем более, все начинание, столь гармонично задуманное.* Мы не случайно предостерегаем от этого: нам ли не знать, что малейшие разногласия способны возмутить любое согласие! Здоровье тела заключается главным образом в тонкой соразмерности содержащихся в нем соков, но сколь сильно меняются эти соотношения при заболевании хотя бы одного органа и сколь тяжело это сказывается на состоянии всех прочих органов! *То же, как мы видим, происходит и в познании природы вещей, устройстве человеческой жизни, поклонении Божеству; одно единственное разногласие весит больше, нежели тысяча согласованных положений.* Персы согласны с турками во всем магометанском учении, разногласия вызывают какие-то самые незначительные мелочи – и с какой дикой жестокостью они воюют друг с другом! Наши иудеи наравне с азиатскими израильтянами призывают Моисея и пророков, однако из-за некоторых талмудических тонкостей, принимаемых нашими и отвергаемых теми, они предают друг друга ужасающим проклятиям. Ну а мы, христиане? Мы в целом признаем учение Христа и расходимся лишь в толкованиях, однако – увы! – сколь враждебно расходимся! *Разумеется, Творец создал нас столь гармонично, что любая дисгармония нам невыносима.* Однако лишь для человека изнеженного все невыносимо – сильный муж выдерживает все и, если может, исправляет. И тому, и другому учит нас сам Господь бесчисленными примерами.

28. Я прошу, наконец: *помолимся все единодушно Богу, чтобы не разгневался Он на нас с высоты Своего величия за эти усилия, предпринимаемые во исправление нашего бедственного положения, но, напротив, благосклонно поддержал их и увенчал желанным успехом.* Это дело, несомненно, не в нашей власти, но во власти Того, Чьими несчастными созданиями мы себя именуем. В самом деле, наши тела, наши души, наша жизнь, все нас окружающее, в том числе и сам

этот мир, принадлежит Тому, Кто их сотворил, даже и при том, что Он сотворил все это ради нас и вверил нашему попечению. А значит, и то, что мы собираемся исправить, тоже принадлежит Богу, а ведь не пристало распоряжаться чужими вещами без соизволения господина. И сколь бы много Он ни позволял нам по Своей благодати, однако на что мы, по нашей немощи, можем надеяться без Его помощи? Мы достаточно явили нашу глупость, разрушив то, что устроила Его премудрость! Восстанавливать теперь – Его, не наше дело.

Г л а в а XII

Всеобщие воздыхания рода человеческого, обращенные к Богу

1. *Всемиловитый Хранитель мироздания, пресвятой Бог богов, единственный во всей Вселенной, истинный, живой Бог, помимо Которого нет никакого другого бога, Бог всей земли, Которому поклоняются даже и те, кто вовсе не знают поклонения.*

2. К Тебе обращены наши помыслы, и мы все прославляем Твое благословенное имя, благодарные Тебе за все Твои благодеяния, средоточием которых Ты избрал нас, – Ты, сотворивший нас, а ради нас – и этот мир; Ты, столько тысячелетий простирающий Твою чудесную милость над столькими поколениями людей, – а вместе с ними – и над этой их юдолью.

3. Но увы! Мы сорвались в столь глубокую пропасть несчастий, которые Ты видишь или, лучше сказать, в бездну мерзостей, ненавистных Твоей душе.

4. Никто из нас не уберется от порчи; все тело рода человеческого страждет от болезней.

5. От подошв и до темени не осталось в нем ни единого здорового места, но все оно – одна рана, один кровоподтек, один воспаленный нарыв. И никто не перевязал его, не дал лечебного снадобья, не помазал целительным елеем.

6. Ибо Ты, гневаясь на наши грехи, пустил все народы брести по угодным им дорогам, никогда, впрочем, не оставляя их без благого знамения, свидетельствующего о Твоем попечении, ниспосылая нам с небес дождевую влагу, подавая пищу нашему чреву и исполняя радости наши сердца.

7. И снисходительно прощая наши безрассудства во времена нашего неведения, Ты возвещаешь ныне всем людям: настало время раскаяния.

8. Мы же, *Господи*, мы готовимся вновь искать лице Твое, искать исправления наших путей!

9. Мы знаем: ничто не под силу нам, несчастным созданиям, если

только рука, нас сотворившая, не споспешествует нам, а потому мы молим Тебя, взывая к Твоему милосердию: не воспрети нам искать средства от наших несчастий, не оставь ищущих Твоею милостию!

10. Дай нам увидеть, *о нетленный Свет*, все, что ни есть полезного! дай следовать всему благу! дай исполнять, наконец, все, что угодно Твоей воле!

11. Мы – Твоя поросль, помилуй нас! Не попусти, чтобы без конца длилась наша разлука, блуждание, забвение – вдали от Тебя и друг от друга!

12. Боже, неужто наслаждаешься Ты нашей тьмою, нашими недугами, нашею погибелью?

13. Но прочь, нечестивые помыслы, порочащие Твою неизреченную милость! Ведь в числе Твоих творений нет смерти – как же можешь Ты наслаждаться гибелью живых?

14. Ты создал все, дабы все пребывало, а значит – исцелимы сотворенные Тобою народы, населяющие круг земель.

15. Ты милуешь всех, ибо можешь все, и снисходительно прощаешь грешное человечество, дабы оно образумилось.

16. Ведь Ты возлюбил все сущее и не возненавидел ни одно из Твоих творений, ибо Ты не сотворил бы ненавистное Тебе.

17. Призри же и на нас, рассеянных по всему кругу Твоего мироздания!

18. Се, *Господи*, мы размножаемся по Твоему обетованию⁶⁴ и наполнили уже *Европу, Азию, Африку, Америку* и все *острова морские*! Но не умножил Ты доселе радость в сердцах наших.

19. Помилуй же нас, о Господи, ныне помилуй нас! Ниспошли нам всем свыше свет и благословение Твое – мы все молим за всех!

20. Ведь мы все – одно, однако не являем собою одно, ибо взял над нами силу греховный разлад.

21. То, что мы – одно, исходит от Тебя, единого Творца; то же, что между нами царит разлад, – от некоего сильного и лукавого искусителя, Твоего и нашего врага.

22. Бесконечно ли будешь Ты терпеть этого искусителя? Всегда ли будешь позволять ему смущать поросль Твою, порожденную Тобою на радость Тебе, а не ему?

23. Ужели вечно будешь Ты взирать на тьму, объявшаую нас, и никогда не рассеешь ее?

24. Мы знаем, наша собственная вина в том, что, погнавшись за тщетою, мы потеряли из виду Тебя, свет мира.

25. Но обратись к нам, как мы обращаемся к Тебе, *Господи*!

26. Озари нас яркими лучами твоего света, *о нетленный Свет*! Да рассеется густая пелена нашей тьмы!

27. Ведь мы не ищем ничего иного, кроме того, что могло бы послужить Твоей славе, *о Боже!* дабы мы все стали одним в Тебе, как Ты один сотворил все сущее; дабы воссоединились для познания Тебя, единого Бога, помимо Которого нет иных богов, и для того, чтобы вместе принять на свои плечи служение Тебе, единому Господу, кроме Которого нет у нас иных господ.

28. А если кто из нас уже теперь видит свет, просветленный Тобою, дай и прочим увидеть его – и возликовать!

29. *О Отец светов*⁶⁵, очисти коптящий свет наших умов! дабы мы все увидели Тебя, и то, что от Тебя, и то, что подлежит Тебе, – как оно есть!

30. *О Возлюбивший наши души*, дай всем душам воспламениться Тобою, дабы мы все следовали за Тобой, ведомые единой и чистой любовью!

31. *О Правитель Вселенной*, исправь наши искривившиеся пути! Сделай так, чтобы под Твоим единым скипетром, в этом Твоем поднебесном царстве мы все зажили бы наконец мирно и разумно!

32. *Господи, дай нам истинную философию, дай подлинную религию, дай умиротворяющую политику!* Дабы мудро, благочестиво, спокойно провели мы остаток этого века, покуда не перейдем в царствие Твое, и обрели бы удел с Тобою, в Твоей блаженной, непреходящей вечности!

33. *О Творец всего*, будь же и милосерд ко всем!

34. Ты, Который озарил всех извне лучами Твоего Солнца, озари всех и изнутри лучами твоего милосердия!

35. *О Любовь! О Милость!* Даруй нам милость, дабы мы размышляли о Тебе! даруй простоту, дабы мы искали Тебя! дай нам обрести Твою благодать!

36. *Господи, да пребудет с нами в веках Твое милосердие!* Не оставь попечением творение рук Твоих! *Аминь, Аминь, Аминь.*

Вселенского совета
об исправлении человеческих дел

часть вторая

ПАНАВГИЯ,

*где совет ведется о некоем всеобщем
свете, который прежде всего должно
возжечь в умах, дабы в нем все смогли
всецело увидеть всё*

Главы Панавгин

Панав-
гиня ус-
танав-
ливает
всеоб-
щего
света

Необхо-
димость

- I. Почему предпринимается рассмотрение света и что при этом необходимо соблюдать.
- II. *Существо и виды света*, а также его противоположности, тьмы.
- III. *Что такое* желанная нам *полнота умного света* и почему она необходима.

Воз-
мож-
ность

- IV. *Может ли* умный свет возгореться с такой полнотой?
- V. О первом источнике умного света, *природе вещей*, или о божественных деяниях в *мире*.
- VI. О втором источнике умного света, *светильнике вещей*, т.е. о сияющем в нашем *уме* образе Божиим.
- VII. О третьем источнике умного света, *мериле всех вещей* — обращенном к нам и наставляющем нас в необходимейших вещах *слове Божиим*.
- VIII. О *тройком оке*, дарованном человеку для созерцания этого тройкого Божиего света и всего являемого им: о *чувстве, разуме, вере*.
- IX. О *тройком подспорье тройкому оку*, или о тройком методе тщательного рассмотрения вещей: *аналитическом, синтетическом, синкритическом*.

Доступ-
ность

- X. Доступность всеобщего света благодаря изобретению ключа *Пангармонии*.
- XI. Доказательство всего предыдущего с помощью *свойств природного света*.
- XII. Как возможно применить и сосредоточить свойства света для повсеместного изгнания тьмы.
- XIII. Рассмотрение *препятствий*, по вине которых древние не обладали полнотой всеобщего света.
- XIV. Рассмотрение *препятствий*, которые и теперь еще тщатся противостоять всеобщему свету, но тщетно. Здесь же разделение последующих сочинений на *Пансофию*, *Панпедию*, *Панглотию* и, наконец, *Панортосию*.
- XV. О том, что всеобщий духовный свет требует очищения всех душ от бельма предрассудков.
- XVI. Воздыхания к Отцу светов¹ о восхождении полного света.

Глава I

Почему предпринимается ныне рассмотрение света и что при этом необходимо соблюдать

1. В главе IX "Пробуждения" мы выяснили, что для преобразования человеческих душ к лучшему необходимо некое *универсальное*, то есть общее всем *средство*, при этом *простое*, то есть *самосохраняющееся* и *самодетальное*, и в то же время *мягкое* и *согласующееся с добровольностью*. Выясним теперь, возможно ли отыскать нечто такое, то есть *можно ли отыскать что-нибудь, чьему простейшему, но могучему и в то же время приятному воздействию подвергались бы все и вся, и под этим воздействием объединялись, преображались, радовались?*

2. Стоит провести надлежащее разыскание, как окажется, что это должно быть нечто *подобное свету*. Ведь *невозможно найти в мире ничего столь же всеобщего, до всего касающегося, все образующего, все преобразующего, всех веселящего, чем этот ярчайший небесный светоч – Солнце*. От его сияния и тепла ничто не может укрыться, да ничто и не хочет укрыться. Ибо свет его – наслаждение для глаз, и все в мире ощущает питающее и хранящее воздействие его живительной силы, почему и почитается Солнце носителем жизни, предводителем и властителем всех порождений в области природы.

3. Следовательно, если мы ищем сходное воздействие в области человеческих сердец, – а именно такое, от которого ощущают души просветление, движение, изменение к лучшему, – что иное можем мы отыскать, *как не духовный свет разума, мудрость?*

4. Если бы оказалось возможным усилить этот свет до подобного Солнцу мощного сияния, способного просветить всех людей, раскрыть всю истину вещей и тем самым изгнать из человеческих душ весь мрак заблуждений и невежества, мы, несомненно, обрели бы искомое. Ибо все нагромождение неурядиц, об устранении которого начали мы совещаться, есть не что иное, как *мрачный хаос тьмы*. А чтобы *разогнать тьму, нет иного средства, кроме света*.

5. Стало быть, мы воздаем свету должное, начиная это сочинение с рассмотрения свойств света – ведь мы подражаем в этом самому премудрому Создателю мира, *ибо Господь, как свидетельствуют книги Бытия, пожелал, чтобы началом дел Его был свет*. Зачем? Это ясно из дальнейшего: а именно, не только затем, чтобы имеющие вот-вот подняться из бездны мрака создания его стали зрими и благовидны, но и для того, *чтобы само творение их озарялось светом*.

6. Ведь *свет и огонь* так созданы промыслом мудрейшего Творца, что обладают силой, постоянно испуская во все стороны лучи, пронизывать элементарную материю, и, пронизывая, истончать, и, истончая, колебать, и, колебля, нагревать, и, нагревая, расплавлять, и, расплавляя, сообщать ей способность принимать разнообразные формы. Благодаря такому своему воздействию они помогают как своему Создателю, так и прочим Его созданиям в образовании и преобразовании всевозможных вещей.

7. Исполняют они это с такой неизменностью, что сохранение в определенном порядке как всех вещей через постоянное порождение, так и всего мира через постоянное поступательное движение считается, да и в действительности является делом неба и звезд (то есть света и тепла).

8. Значит, мы могли бы не вотще надеяться на подобное же воздействие нашего совещательного сочинения об исправлении дел, если бы удалось *поначалу возжечь как бы сияющий факел умного света, достаточно яркий, чтобы полностью рассеять в умах всю тьму*. Несомненно, общие наши размышления принесут тем больше пользы при исследовании как путей наших заблуждений, так и вечного порядка, к которому восходят и *вещи, и умы, и языки, и все вообще*, чем лучше мы уясним себе все основания света.

9. Так приступим же к созерцанию света! Пусть душа наша так устремится к нему, как стремятся телесные очи насладиться телесным светом и всем при его посредстве видимым.

10. *Но да помнит каждый, что позвали его сюда не на пустое зрелище*, где бы он оставался лишь зрителем, и *не на суд*, где услышишь лишь решения по делам. *Ты позван на совет!* Так пусть будут открыты глаза твои и уши, и не с моих слов учись, что есть свет, и что он может, направленный так или иначе, но у самого света. Свидетелями же да будут тебе лишь собственные глаза и сами вещи, сколько их будет пред тобой освещено.

Глава II

Существо и виды света, а также его противоположности, тьмы

1. Свет, взятый вообще, есть разлитое по вещам сияние, обнаруживающее и выявляющее их, так что глядящим становятся видны очертания, положение, движение, взаимные отстояния и взаимные отношения вещей.

2. Тьма, напротив, есть туман, окутывающий и скрывающий вещи, так что невозможно разглядеть, что нас окружает, каково оно и какого размера, а того менее – оценить взаимные отношения вещей.

3. Из этого явствует, что *свет и тьма – противоположности*, и, следовательно, противоположны их свойства и действие. Ведь *свет* обнаруживает, проясняет, открывает, делает доступным взору самое себя и вместе вещи. *Тьма*, напротив, самое себя и вместе вещи укрывает, затемняет, прячет, ухоронивает.

4. *Поэтому от света идет познание вещей, от тьмы – невежество в вещах.* Свет придает вещам и душам прелесть и веселье, тьма – печаль и омерзение. Наконец, свет подобен жизни, тьма – смерти.

5. Однако и *свет, и тьма имеют разновидности.* В божественных откровениях по большей части упоминается *троякий свет*, и *тройкая тьма* помрачает (или оттеняет) его. А именно, свет бывает *вечный, внешний, внутренний.*

6. *Вечный свет* есть то неприступное для человеческих чувств сияние, в котором обитает Бог (1 Тим 6, 16). Созерцая в этом сиянии как самое Себя, источник всякого блаженства, так и основания всего сущего либо могущего существовать вовне, Он наслаждается бесконечной блаженной жизнью, извечно и вовек. Этому свету причастны творения, которым даровано соцарствие с Творцом, в блаженном видении созерцающие Бога и бесконечно наслаждающиеся в Нем преизобилием радости.

7. Этому вечному свету противостоит *вечная тьма.* Ее вовсе нет в Боге, источнике света (ибо *Бог есть свет и нет в Нем никакой тьмы*, 1 Ин 1, 5), а обитает вечная тьма в творениях, предназначенных некогда для соцарствия с Творцом, однако удаленных от лицезрения Творца своего так, что вовеки не увидеть им ни луча, ни искорки блаженного Его света. Это бездна вечного страха и ужаса (Пс 48, 20; Мф 25, 30).

8. *Внешний свет* есть то доступное телесным очам сияние, которым Бог озарил видимое нами ристалище телесного мира, а источник этого света – небесные звезды, особенно Солнце. Пока Создатель не возжиг эти светильники, не было ничего, кроме *tohu vabohu*², громадной и пустой бездны, недвижной, безжизненной и безвидной. Но там, куда не проникает этот свет, и по сей день все покрывает непроглядная тьма, как в глубине земной утробы, а ночью – и на поверхности земли. Вся прелесть вещей во тьме исчезает.

9. Наконец, *внутренний свет* есть зажженное умом в мыслящей твари сияние, озаряющее ее и направляющее на ее путях. *Этот свет, в свою очередь, тройкий*, освещающий тройкую же глубину человека: *разум, волю, чувство.*

10. *Свет в разуме* есть основательное понятие о вещах, благодаря которому человек услаждает свой дух, исследуя истину вещей и рассматривая их разумные основания. Если этот свет ярок, его назы-

вают *Мудростью*. Мудрость – это верное понятие о сущем, благоразумное и благотворное обращение со всем.

11. А *противоположная этому свету тьма, невежество* – воистину тьма, повергающая ум в косность и оцепенение. Если же ум, побуждаемый врожденным стремлением, все же замечется из стороны в сторону, пытаясь хоть куда-нибудь продвинуться, то его ждут не только постоянные блуждания среди ненадежных мнений, но и западни ошибок, всевозможные ямы, падения, ловушки и наконец гибель.

12. Вторая ступень внутреннего света – *воля*. Благодаря ей человек, стремясь к благу среди вещей и ощущая его сладость, радуется всему святому и чистому.

13. Противостоящая этому свету тьма – *нечистота ума*. Оскверненные ею люди называются *сынами Тьмы*, так как их веселят дела темные.

14. Третья ступень внутреннего света – *в совести, или чувстве*. Это безмятежность и радость сердца, рожденная сознанием обладания истиной и приобщения к святости. О ней говорит Писание: *Свет сияет на праведника, и на правых сердцем – веселие* (Пс 96, 11).

15. Противостоящая этому свету тьма – *уныние ума*, сознающего за собой лживость и лукавство. Это уныние – предвестие вечной адской тьмы.

16. Чтобы нам, смертным, распознавать и отвращать эту духовную тьму, мы *прежде всего исследуем свойства умного света*, ибо где этот свет сияет ясно и ярко, освещая путь воле, воля следует за светом и чувства пребывают в безмятежности, по слову Христа: *Светильник твоего тела есть око твое. Если око твое будет чисто, то и все тело твое будет светло* (Лк 11, 34).

Г л а в а III

Что такое желанная нам полнота умного света и почему она необходима

1. Мы жаждем света, который показал бы людям *все их благо*, притом *всем и всецело*, без малейшей примеси морока или заблуждения. Это-то и будет Панавгией (Παναυγία), *сиянием всеобщего света*.

2. *Все благо*, а именно, праведные наши цели, к которым побуждает сама природа, ибо каждый из нас желает себе блага, и притом бесконечного. Однако что это за благо, чей далекий аромат нас так манит, и где его искать, мы, можно сказать, не ведаем. Большинство людей, несомненно, вовсе не имеют о нем определенного понятия,

однако домогаются его неустанно, сами не зная, чего домогаются. Поэтому желательно, чтобы смертные отчетливо сознавали *свои цели*, так их влекущие, и к тому же ясно видели, что нет недостатка в *надежных средствах* их достижения – лишить человека оных не пожелаала бы мудрая благодать Божия. Следует знать также, как разумно пользоваться этими средствами, *чтобы, куда ни обратится человек во всю свою жизнь, все было залито светом.*

3. И мы надеемся так просветить каждого человека, чтобы имеющий глаза мог видеть, имеющий уши – слышать, имеющий разум – понимать. Никому не позволительно при столь ярком свете – не видеть, в столь ясной жизни – заблуждаться, от врожденных, неизменных своих устремлений полностью отказываться.

4. Наконец, желательно, чтобы люди были просвещены истинным светом всецело, то есть чтобы они видели вещи, а не призраки вещей, и чтобы знали, что известное ими они знают, а не угадывают.

5. Опираясь на сказанное выше, мы полагаем, что *желателен свет, в котором предстало бы взору все временное и вечное, все, что надлежит нам познать и совершить, чего надлежит бояться и на что надеяться, чем обладать и чем наслаждаться, благо и зло. Желательно все это затем, чтобы легко было видеть, где, как и почему были до сих пор допущены ошибки в науках, в религии, в правах владычества одних над другими, и вместе с тем очевидны стали способы исправления в каждом отдельном случае.* Это произойдет, если мы отчетливо увидим, что есть в вещах, а чего нет; что в религии угодно Богу, и что не угодно; на каких основаниях разумное создание в государстве можно или нельзя привести к исполнению обязанностей.

6. *А сейчас, окутанные многослойным туманом, запутавшись в темном хаосе вещей и собственных действий, мы словно замороженные:* благо кажется нам злом, и зло – благом, полезное – вредным, и вредное – полезным. От этого происходят извращенные суждения о вещах, а за ними – неверные выбор и пристрастия. Ведь мы избегаем блага и стремимся ко злу, – ибо ошибаемся в суждении. *А ошибаемся потому, что глаза наши не могут не затмеваться, пока мы смотрим не на вещи, а на тени вещей.*

7. *В самом деле, человеческая природа устроена так, что первое основание всех ее действий – благих и дурных – коренится в разуме.* Ведь тело в своих движениях следует тому, что повелевает ему царица Воля. Царица же повелевает согласно своему решению. Решает же она согласно своему выбору, а избирает согласно своему разумению. Разумеет же она согласно тому, как воспримет каждую вещь чувствами. А воспринимает она согласно тому, как вещь перед ней предстанет: в ясном ли свете, или туманно, в истинном ли своем цвете, очертаниях, положении, или в чудовищно искаженных. *Следователь-*

но, настоящим источником всех стремлений и действий является ум. Значит, прежде всего надлежит очистить этот источник, если мы хотим, чтобы чистыми текли ручейки наших стремлений, а от них и действий.

8. Хорошо видно, как безошибочно судит о вещах разум людей, у которых ясен свет знания! Как воля их без промедления избирает или отвергает! Как способности их легко идут на приступ и достигают чего угодно! *Ведь когда дело вполне очевидно, нет нужды ни рассуждением добиваться согласия, ни мольбою склонять волю, ни принуждать к повиновению члены – они сами идут на приступ и с торжеством или захватывают, или преследуют свою добычу.*

9. Обратное этому происходит повсюду, где отягощает ум тьма невежества. Ибо как идущий по темному и к тому же незнакомому месту не может, пусть он и твердо стоит на ногах, и все его чувства здоровы, да и само место ровное, не таящее никаких опасностей, не трепетать, не ступать боязливо, и даже не ушибаться, не спотыкаться, не падать, если попадутся ему препятствия, бугры, ямы, так и тот, кому случается о вещах, ему неизвестных или малоизвестных, судить или выбирать из них что-то и этого добиваться (а действиями такого рода полна наша жизнь), не может не говорить вздор, не плутать, не ошибаться. А воля тем временем – она ведь не может не велеть – гонит. Куда? К этим самым воспринятым, точнее, дурно воспринятым, чудовищным искажениям вещей. И члены, не имея силы противостоять нажиму воли, вершат чудовищные дела. И так все наполняется чудищами.

10. Стоит вспомнить о том, что, по словам *Кебета*, поведал ему в храме Сатурна старец, излагавший миф о чудовище Сфинксе³: *Неразумие для обуянных им людей – вроде Сфинкса. Оно губит их, если не понято, и гибнет само, если понято.* И в самом деле, не ведающий, что в жизни зло, а что благо, гибнет от собственного невежества и неосмотрительности. В том же, кто и то и другое понимает, само неразумие гибнет. Значит, чтобы не погубило нас невежество, нам надо его погубить.

11. Однако кто-нибудь скажет, может быть, что нередко грешат и обладающие знанием, покоряясь дурной привычке, а то и со злым умыслом. Это, конечно, так. Но и это проистекает из того же источника. Ведь дурная привычка вкрадывается по некоей невнимательности, по допущенной вначале небрежности. А грехи злонамеренные – плод величайшего легкомыслия: упрямец думает, что причиняет вред другому, а не замечает, что вредит всего сильнее самому себе и навлекает на себя гнев Божий.

12. *Стало быть, от невежества, от одного лишь невежества, так густо и губительно окутывающего своим туманом и вещи, и*

умы, следует прежде всего готовить лекарства. Но лекарства сильные, способные очистить души и полностью изничтожить весь этот мрачный хаос тьмы. Таким лекарством может быть лишь *полнота умного света*, всякую вещь показывающего целиком, ясно и отчетливо.

13. В самом деле, чтобы уберечься от ошибок, мало увидеть что-то от истины, что-то от блага, что-то от возможного и должного. *Если не видишь всего в целом, уже есть место ошибке.* Поскольку пустоты не существует⁴, все, что в понятиях об истине, о благе, о должном оставлено пустым, неизбежно заполнится не-истиной, не-благом, не-должным. Поэтому несомненно, что *и наивернейшее может ввести в заблуждение, если рассматривать его лишь в частностях.*

14. Поясним это на примере. Пусть собрались где-то люди, отлично тебе известные, и каждый обращает к тебе лицо, но только закрытое тканью. Видя лишь отдельные части (ведь люди так укутаны, что у одного торчит лишь нос, у другого – ухо, у третьего – лоб), ты этих людей, пожалуй, не узнаешь. А если бы любого из них ты увидел целиком, узнал бы сразу. *Значит, каждая вещь объясняет не только самое себя, но и вещь соседнюю, и тем самым целое, к которому она принадлежит.*

15. Поэтому неизбежно при всяком рассмотрении вещей *то, что познается не полностью, познается не безошибочно.* Ибо истина, будучи единой в вещах, хочет оставаться единой и в умственном о них понятии. Вот и доподлиннейшая причина несогласий, поскольку вещи не рассматривают во всеобщей их связи и каждая из них не рассматривается достаточно полно и отчетливо, но различным образом расчленяют и дробят их. Что же удивительного, если одному кажется так, а другому – иначе.

16. *Ведь также обстоит дело и с изделиями ремесла: незнание малейшей детали или вовсе лишает их действия, или мешает ему.* Возьми, например, механические часы: если в них окажется хоть один недостающий винтик или зубчик, или лишний, или искривленный, или просто попадет туда соринка, часы остановятся. И исправить поломку сможет лишь тот, кто верно разбирается в устройстве всего механизма.

17. *То же происходит и в области нравственной.* Пусть все в человеке нам нравится, и лишь что-то одно пришлось не по вкусу – это вызывает такое раздражение, что мы избегаем беседы и общества этой особы. *Одна несогласованность разрушает здесь всю гармонию с той же силой, как и при исполнении музыки.* Следовательно, незнание или ошибка в малейшей частности могут поколебать согласие людей об истине.

18. Недоумение, заблуждение, смятение возникают также, когда вещь видна хотя и целиком, но смутно и туманно. Апостолы при виде своего Господа возопили, охваченные ужасом, думая, что видят

призрак. Почему так? Ночь была, в темноте не узнали. Нигде не написано, чтобы такое с ними случилось днем⁵. Как часто и с нами случается то же, когда пугалом кажется наилучшее, а губительное, напротив, — усладой; или когда мы не доверяем друг другу, и увидев нечто необычное (будь то в философии, религии или государственном устройстве), поспешно решаем, что это призрак. Причина этому — лишь тусклый свет познания.

19. *Нет и не может быть иного средства прекратить споры и раздоры* (ими шумит повсюду мир, раздираемый и смятенный), *как только истинный, полный и всеобщий свет*. Ведь если одни и те же вещи все увидят одинаково, о чем тогда препираться? Всякий спор происходит от неуверенности, а неуверенность — от неясного знания предмета. Это последнее, в свою очередь — либо от тусклого света, либо от частичного и дробного рассмотрения предмета и слишком поспешного суждения. Так и выходит, что даже одному и тому же человеку кажется то одно, то другое, не говоря уж о разных людях. А поскольку самим себе мы верим с легкостью, и всякий убежден, что уж он-то не ошибется, то и выискивает он для своего мнения подкрепление, где только можно, а то, чем другой пытается утвердить свое, стремится опровергнуть, чтоб казалось, что лишь его мнение стоит прочно. Это — и только это — называется *спором*. И в нем совсем не было бы нужды, *если бы все вещи целиком и полностью оказались на свету, чтобы все они, целиком и полностью, казались такими, какими они предстают; а представляли так, как они существуют; а существовали так, как они суть*. Неудивительно, что во тьме или в сумерках сомневаются относительно цвета, и тут возможен спор. А при ярком свете он невозможен.

20. Кроме того, *человеческая природа по врожденному своему свойству, даже благо и истину стремится избирать свободно*. Потому даже истина (эта излюбленная пища для ума) нежеланна, если она навязана силой. И даже наслаждение (этот вечный соблазн для воли) оборачивается горечью, если не выбрано свободно. А поскольку споры и вслед за ними принимаемые решения о том, что считать истинным, часто кажутся насилием или принуждением, неизбежно у молчаливой, но в сиянии встающей истины больше сил для победы, чем у сварливой и свирепо защищаемой. *Всякому человеку легче по доброй воле заключить договор с истиной, чем склонить перед ней шею, как побежденному в борьбе*.

21. Словом, *если бы удалось возжечь среди людей полный свет познания вещей, ясно показывающий все, всем и всецело, нам открылась бы прямая дорога к всеобщему исправлению, т.е. дорога к единству, простоте и добровольности. Тогда единым станет суждение об одном и том же, из чего произойдет и подлиннейшее, чем*

доселе, согласие душ. Ведь поскольку *все* сущее предстает в этом свете так, как оно есть, не остается пустот и зияний для невежества или смутных догадок. И если бы в этом свете все было видимо *всецело*, то не осталось бы повода для сомнения об истине вещей; и если бы все и *всецело* было видимо *всем*, некому было бы противоречить, подымать ссоры и смуты. И так под благодатным действием света дела человеческие, несомненно, пришли бы к ясности, благодати, покою и, тем самым, были бы исправлены.

22. Вот что должны говорить друг другу христиане, если кто-то из них еще, может быть, не понимает этого учения о свете. *Ничто не может так послужить к распространению христианской веры, как всеобщий умный свет, обнимающий создания и природы, и ремесел: ведь умы при постепенном восхождении к высшему свету становятся и жаднее к нему, и восприимчивее.* Ибо верно заметил Аоста⁶, рассуждая о проповедании Спасения индейцам: *Ныне нет уже нужды в чудесах, как прежде.* Скорее, нужно пробудить народы к пониманию величия христианского учения. *Что нужды в подтверждении великими чудесами там, – говорит он в кн. II, гл. IX, – где скорее требуется возросшее разумение, которое пытливо исследовало бы глубину нашего учения.*

23. Мы присоединяемся к его мнению и *утверждаем, что для распространения христианской веры среди народов нельзя придумать ничего более действенного, чем убедить их остановиться, выслушать, позволить сравнение их религий с нашей.* Мы надеемся, что произойдет то, что неизменно происходит, когда в темную комнату вносят светильник, – тьма отступит. Ведь христианская религия – единственная надежная, основанная на прочнейшем камне, поэтому даже истинные построения ума, а тем более свидетельства божественных откровений никак не могут ее поколебать; а прочие религии, на песке построенные из сухой травы и соломы человеческих измышлений и дьявольских наущений, не могут выдержать ни напора потоком льющихся разумных доводов, ни огня божественных откровений.

24. *Вот, значит, главная наша забота – как сделать, чтобы все захотели слушать и сумели понять.* А поскольку известно, что для того и другого важнейшим препятствием является укоренившийся в человеческих душах предрассудок, по причине которого каждая сторона считает, что только она знает верную дорогу, а все прочие сбились с пути, и даже выслушать не удостоивает, а если и слушает, то остается глуха, нужно рассмотреть, как можно было бы устранить столь губительное зло, до такой степени отвращающее сердца и слепящее глаза. Но и для этого невозможно отыскать ничего действеннее всеобщего света, вполне выявляющего истину вещей и мощно разгоняющего туман предрассудков. И если все его примут (а как

смогут не принять, когда он явится во всем своем блеске), *мы спокойно можем натравить свои посохи на египетских змей и с приятностью наблюдать, кто кого проглотит*⁷, – ибо с нами будет сила Божия. Только бы убедить нам поклонников Ваала⁸, чтобы они остановились и с нами вместе стали допытываться, *Вaal или Иегова – Бог. И мы увидим, как наш Бог, Бог истинный, защитит свое дело.*

25. Что для очищения теологии и всей религии нельзя найти ничего действенное всеобщего света, ясно объясняющего все на глазах у каждого из верных, – знал тот, кто написал: *Темная философия породила нам сварливую философию. А за сварливой философией последовала сварливая теология, а уж за ней – шаткая и колеблющаяся вера.* Если это верно (а это верно даже слишком), то, когда воссияет всеобщий истинный свет, можно будет увидеть все вещи воистину, как они есть. И все смогут познать их так, как увидят. И тогда прекратятся, с Божией помощью, ссоры, и вернется согласие душ.

26. Будем надеяться, что против этого никто не станет возражать. Ведь вопрос, скорее в том, *есть ли надежда обрести такой свет, открывающий все, всем и всецело.* Итак, следует рассмотреть его возможность.

Глава IV

Может ли умный свет возгореться с такой полнотой?

***Здесь же о трех Божиих светильниках¹¹,
или о трех источниках света***

1. Создатель света тот же, что и Создатель мира. Не зажги Он древле для мира видимый нами свет, все и поныне было бы похоронено под вечной тьмой. И если бы Он не зажег в умах свет, нам желанный, мы напрасно мучались бы вовек, жалкие и темные.

2. Но милостивый Отец светов зажег его и готов помочь ему разгореться – лишь бы мы своим упрямством не мешали Его делу. Заботливая Его рука не менее требует нашего участия в этом, чем когда желает извлечь из кремня и стали или иных природных подручных средств нашими руками внешний огонь для внешних наших нужд и внешний происходящий от него свет.

3. Рассмотрим же, как это устроено, чтобы и на этот раз свидетельствовать о Боге нашем: *ничего не упустила милость Его для нашего блага; и так мы поймем, что именно может привести нас к благу.*

4. Свет, чьих оснований мы доискиваемся, есть умный свет, озаряющий ум. Но что значит "озарять ум"? Безусловно, *обучать*. А так как обучение у нас возможно тремя способами, ни одного из них Бог не упустил. В самом деле, человек человека учит прежде всего

примером: делая что-либо на глазах у другого, он молчаливо приглашает его к подражанию. (В этом смысле справедливо замечено: *показать другому свое ремесло – значит научить его ремеслу.*) Затем можно обучать наставлениями, или *правилами*, показывая орудия и объясняя, для чего они служат и как применяются. И наконец, вмешательством в действия другого, порицанием и исправлением ошибок, наставлением не упорствовать в ошибке.

5. Теми же способами угодно было просвещать нас и Богу. Ведь Он обучает нас, *во-первых, примерами премудро устроенных своих творений.* Их Он выставил перед нами столько, сколько есть вещей в мире. *Во-вторых, Он наделил душу светом разума,* непрерывно сообщаящего нам правила для всего, с чем мы встречаемся. *А если мы все же заблуждаемся, Он воспрещает и исправляет уклонения,* обращаясь к нам своим *гласом свыше* (или давая нам в руки прежние свои наставления, запечатленные Писанием).

6. Вот три Божьих светильника, из которых изливается на нас сияние Божие: мир, вечная мастерская Божией премудрости; наш ум, вечно показывающий и объясняющий нам основания вещей; слово Божие, вечно воспрещающее и исправляющее наши ошибки.

7. Эти три светильника справедливо называются также *тремя книгами Божьими, и тремя Божьими ристалищами, и тремя зеркалами Божьими, и тремя законами Божьими, и тремя нашими Пандектами, и тройким источником премудрости.*

8. Они называются книгами Божьими. Первая из них и величайшая, *книга мира,* изнутри и снаружи исписана бесчисленными буквами божественной премудрости. Близко с ней связана *книга ума,* также обильно исписанная на все распространяющимися и все себе подчиняющими правилами, которые называют *врожденными понятиями, врожденными устремлениями и врожденными способностями.* Третья – *книга божественных откровений,* содержащая слова Божии, издревле переданные людям или внушенные человеческой душе и по велению Божию записанные для остальных, дабы ни в одном важном деле не оставаться нам без божественного руководства.

9. Они называют *ристалищами:* ибо великолепные игры устраивает на них для нас премудрость Божия, едва ли не всякий день являя в мире новые зрелища, новые открытия человеческого ума, раскрывая все новые тайны из глубин Писания.

10. Они называются *зеркалами,* ибо в них Бог сокровенный, пребывающий в вечности, зримо являет свою незримость. Ведь мир – не что иное, как отражение скрытой мощи, премудрости и благодати, оставивших на чувственной материи разнообразные отпечатки, так что в каждом творении, словно в *зеркале,* можно видеть саму творящую премудрость, мощь, благодать. И поскольку она сотворила все в мире по

числу, мере, весу согласно определенным первообразами, она запечатлела эти первообразы вещей, число, меру, вес в наших душах, дабы в них сияли основания всех вещей. Наконец, свой тайный и вечный промысел о нас она повелела занести в книги своего Писания, облекши в точные и ясные слова, чтобы оттуда он мог отражаться на нас, словно из зеркала.

11. Они называются также *законами*, ибо если мы желаем обдумать, высказать, сделать что-то четко, разумно, благочестиво, свято – надежнее всего соразмерить это с тем, что сотворил, внушил, сказал Бог.

12. Наконец, мы называем их нашими *Пандектами*, или *сводами всего, что должно быть ведомо или неведомо*. Ведь мир поистине содержит Пандекты всего чувственно воспринимаемого, дух наш – умопостигаемого, а Писание – духовного и вечного. В первом представлено все, что можно воспринять чувствами, во втором – все, что можно постичь умом, в третьем – все, во что можно и должно верить ради спасения. Если нечто не представлено, этого знать не следует.

13. Но уместнее всего будет назвать их *всеобщими источниками света*, ибо ручейки всех когда-либо бывших, ныне сущих или могущих быть человеческих помыслов текут и могут течь только оттуда, и притом их довольно *на все, для всех и во всех отношениях*.

14. *Этих источников света на все довольно*, и что бы ни потребовалось нам узнать, это можно почерпнуть оттуда, а больше ниоткуда. Ибо как существовать может лишь то, что сотворил Бог, так и познавать можно лишь то, что явил Бог. А Он все, что нужно нам знать, явил и являет этими самыми тремя способами: *через внешние творения, через внутренние веления и, сверх того, через слова*, толкующие Его сплошь и рядом недопонятую волю. Так что *многое нам открыто, и достаточно у нас учителей: вне нас – все творения, внутри нас – мы сами, над нами – Бог, Создатель наш, не покидающий свое творение*. Все твари, силою какого-то им самим неясного побуждения, все свои дела вершат у нас на глазах, дабы мы учились, что и как может происходить. Однако еще полнее мы познаем все, что дано *желать, мочь, знать*, из самих себя, если всматриваемся во *врожденные свои побуждения, способности и понятия*. Наконец, Господь, добавляя здесь и там толкования, объясняет недопонятое и направляет нас, *пуще всего предостерегая, чтоб не уклонялись мы от конечных целей*. Значит, если мы уразумеем эти три Божии книги, мы станем *всезнающими, но тем человеческим всезнанием, которое нам позволил и которого от нас даже требует Бог*. Ведь если бы Он не желал, чтобы заключенное в них было ведомо, Он бы не явил этого на ристалищах. А раз явил, тем самым выразил желание, чтобы это видели. Но с какой целью видеть, если не познавать? Если же есть у

Бога нечто скрытое, здесь не явленное, то оно, поскольку узнать о нем мы никак не можем, не должно нас заботить. Поэтому верно, что трояким этим светом и сиянием Божиим открывается все.

15. Что явленное таким образом *явлено всем*, очевидно из того, что эти *Божии светильники* освещают путь всем людям. Ведь первый светильник зажжен на всенародном ристалище мира и виден каждому под небесами. Второй заключен в душе у каждого. Третий дан людям так, чтобы его передавали из рук в руки и служил он каждому. *У каждого из нас перед глазами мир, где вечно на виду у нас вершит свои дела десница Господня*; и никто не может не обретаться в нем, хотя многие бесстыдно отворачиваются и расхаживают при таком свете с закрытыми глазами. *А ум, полный мысли, непрестанно сообщающий нам вечные законы вещей, каждый человек ощущает в себе даже ночью, когда уснули все внешние чувства*. И если бы мир устранить, а оставить лишь человеческий дух в бездне небытия, он, возможно, не переставал бы созерцать основания вещей и создавать новые миры – так жарко пылает в нас этот внутренний светоч. *Что же до звучащего вокруг нас гласа Божия*, то его, конечно, не все слышат в равной степени, но те, кто действительно слушает, слышат. Скоро станет ясно, что все могут и должны слышать его так же.

16. Наконец то, что *этих Божиих светочей* довольно для познания всего во всех отношениях, следует из того, что зажжены они нам Богом, который есть Истина и не может обманывать или обманываться. А значит, в них – истинный свет. *Стало быть, мир – не пустое видение, но создание действительнейшее, повсюду воспринимаемое чувствами; не обман и свет ума, если рассматривать его в чистом виде*, хотя иногда ум, поврежденный, перегруженный, затемненный множеством и разнообразием вещей, не в силах соразмерять свои действия, впадает в ошибки. Однако глубина души, заключающая врожденные уму понятия, вечно хранит неизменные законы истины, что станет ясно чуть позже (*как и об откровениях слова Божия*), когда мы рассмотрим эти источники света по отдельности, дабы надежнее убедиться в их достаточности.

Глава V

О первом источнике умного света, природе вещей, или откровениях Божиих в мире

1. Под словом "мир" мы понимаем *обширнейшую машину*⁹ неба и земли со всем, что она в себе заключает. Устройство это так сочленено божественным искусством, что и в целом своем, и в каждой мельчайшей части являет совершеннейший образец совершен-

нейшей мудрости. И все мы, рожденные людьми, допущены в мир как на ристалище, дабы созерцать разнообразные игры божественной премудрости.

2. Итак, я надеюсь, что все мы признаем следующее: 1) *мир есть*; 2) *он от Бога*; 3) *он создан с той целью, чтобы невидимое Божие представало зримо*; 4) *люди посылаются сюда, словно в школу, как ученики божественной премудрости*; 5) *творения, все вместе и каждое в отдельности, суть живые книги Божии в этой школе*; 6) *числом их столько, сколько надо, чтобы представить полноту незримой мощи, мудрости, благодати*; 7) *все существует здесь для этой цели и поэтому все должно изучаться*; 8) *всеми, кто сюда послан*; 9) *для почерпания истиннейшей мудрости*; 10) *затем это так для нас предусмотрено, чтобы, если мы постигнем все это, мы преисполнились света, словно отовсюду озаренный образ премудрого Бога*.

Дабы во всем этом достичь всеобщего согласия, следует сказать отдельно о каждом утверждении.

3. Были некогда сомневавшиеся в том, что мир существует, а именно школа позднейших академиков¹⁰, утверждавшая, что *знать ничего нельзя, что все неясно и может быть доказано в любую сторону (даже и то, существует ли некий мир, и люди, спорящие об этом, или это только так кажется)*. Но поскольку мы признаем, что верно сказал о них апостол: *осутились они в умствованиях своих и омрачилось несмысленное их сердце, так что, называя себя мудрыми, обезумели* (Рим 1, 21–22), остается лишь сказать – да побудим мы свои чувства к деятельному созерцанию блистательнейшего зала, где все мы восседаем, *чтобы не попасть в число безумцев, если, видя, не будем видеть того, что отовсюду наполняет зрение и все прочие чувства*.

4. Другие, признавая действительное существование мира, не могли, однако, доискаться, *начал ли он существовать и откуда, подозревая, что он либо был всегда, либо возник в силу случайного стечения причин*. Но как могло извечно существовать целое, все части которого текучи? Как может быть нерожденным то, что целиком состоит из причин и следствий, непрерывно следующих друг за другом? Там, где есть последовательность, несомненно, есть предыдущий и последующий; а где предыдущий и последующий, там первый и последний. Перед первым же нет ничего. Значит, не было ничего и перед тем первым, от которого идет к нам последовательность вещей. А как мог такой прекрасный, такой определенный, такой поразительный порядок вещей родиться случайно? Порядок вещей может случайно погибнуть, но чтобы он мог случайно родиться – это

противоречит всякому разумению. Так что вся тварь взывает к нашему слуху: *Он сотворил нас, а не мы сами* (Пс 99).

5. *Но зачем сотворил? Чего добивалась вечная мощь устроением вещей? Лишь самой себя, ибо кроме нее самой ничего еще не было.* Стало быть, она стремилась отобразить самое себя, отбрасывая вовне видимые тени своего невидимого света, и тем самым приобщала к своему существованию, а значит, и к благодати, и к мудрости, эти выведенные вовне вещи. *Значит, все творения – не что иное как тени и отражения вечного света.*

6. А чтобы эти видимые проявления невидимого Божиего не остались без свидетеля, Бог создал человека, венец творения, наделенный образом Божиим. И Он пожелал, чтобы человек все рассматривал, сопоставлял, всему удивлялся и тем самым пробуждался и поднимался к сознанию Его невидимого величия.

7. *Значит, любое творение на земле и в небе – словно отдельная книга Божья. И столько в ней листов, сколько членов, и столько букв, сколько сочленений, и столько знаков, сколько мельчайших частиц его сущности.* И каждая такая книга, всякий раз как предстает нашему зрению и иным чувствам, словно взывает к нам: *Погляди на меня, прочти меня, пойми меня, с каким искусством я составлена, что и какую силою делаю, и какую пользу приношу тебе этими своими действиями по велению Творца!*

8. Поскольку творения так многочисленны и так разнообразны и поскольку ничего, несомненно, не делает напрасно высшая мудрость, следует предположить, что в мире присутствует полнота всех вещей, какие могут существовать и мыслиться умом, то есть в творениях не упущено ничего, что могло бы указывать на незримую красоту, прелесть, совершенство. Стало быть, присутствуют все возможные роды вещей, и в каждом роде даны все ступени, от первоначал сущностей до конечных их пределов, со всеми промежуточными степенями без перерыва, нарушения или сдвига. И если мы способны помыслить нечто необходимое для совершенных и незыблемых полноты и порядка, значит Бог мог это сотворить. И не только мог, но и пожелал. А пожелать Он мог лишь наилучшего, и все творения Его совершенны. Как сказал Августин: *Ты можешь не мыслить чего-то, что в вещах есть. Но разумно мыслить то, чего в вещах нет, ты не можешь. Ибо ты не можешь мыслить разумнее, чем Тот, кто один открыл все основания вещей и один их знает*¹¹.

9. Поскольку доказана полнота творений, из этого следует, что мир, эта книга Божья (и как бы вместилище всех книг), столь совершенен, что его с избытком достаточно для почерпания оттуда всего необходимого человеку под небом знания. Ведь здесь все учит,

показывая самое себя. И при этом с тем многообразием, какое ему присуще, а значит, с совершенной полнотой. Отсюда это: *Подлинно: спроси у скота, и научит тебя, у птицы небесной, и возвестит тебе, или побеседуй с землею, и наставит тебя, и скажут тебе рыбы морские. Кто во всем этом не узнает, что рука Господня сотворила сие?* (Иов 12, 7). А также: *Невидимое Его, вечная сила Его и Божество, от создания мира видимы при рассматривании творений* (Рим 1, 20).

10. И не одному какому-нибудь человеку, или немногим, говорят так творения, являя зримо незримость Божию, но всем, каждому, кто прислушается. Одно лишь условие ставит апостол: чтобы творение рассматривалось. Ведь не для деревьев и трав создал Господь эти зрелища, но для образа своего, разумной твари. Значит, сколько ни есть народов под небом, причастных свету разума, ко всем молчаливо обращается Создатель через свои творения, так представляя глазам, ушам, ноздрям, рукам каждого особенности, соотношения, действия вещей, чтобы по этим внешним признакам легко было понять внутренние возможности творений, а по ним – предназначение и употребление каждого из них, а по этим последним – благодать, премудрость и мощь самого Творца.

11. Если всматриваться старательно, с непрерывным усердием, это непременно принесет многообразную пользу, и свет познания усилится почти беспредельно. Как в темной комнате, чем больше зажигается светильников, тем больше проникает туда лучей и тем окончательнее усилением света рассеивается тьма, – так в душе, если какое-то верно познанное творение вносит туда лучи понятия о себе, непременно воссияет ярчайший свет. И как любой светильничек, пусть крохотный, если он в самом деле горит, испускает настоящие лучи света, которые что-то, пусть совсем немного, добавляют к лучам других светильников, – так не может быть в мире вещи столь незначительной, чтобы она, будучи воистину понята, не научила чему-нибудь истинному, и тем не усилила бы воистину свет разума. Успех при этом будет такой, что, если добавится к этому еще мастерство в искусном подражании природе, человек сможет создавать наизумнейшие и потому восхитительные творения.

12. Итак, достаточно выставлено перед нами в школе природы образцов всевозможной премудрости. И если, при правильном их понимании, мы будем еще и усердны в правильном их воспроизведении, мы станем едва ли не всемогущи, то есть мы сумеем делать и добиваться всего, что может быть сделано согласно природе, то есть приложением деятельного к страдательному. Ведь природа – лучший мастер, и кто ей следует, не заблуждается.

Глава VI

О втором источнике света, нашей душе, то есть сияющем в нас образе Божиим

1. Второе ристалище, где Божия премудрость проводит свои игры, она возвела внутри самого человека: это человеческий ум, или душа с вложенным в нее светом, просвещающим всякого человека, приходящего в этот мир, чтобы он умело исследовал, ясно понимал, свободно судил об основаниях всех вещей в мире. Вот откуда слова сына Сирахова (Сир 37, 18): *Душа человека иногда более скажет, нежели семь наблюдателей, сидящих на высоком месте для наблюдения. И Сенеки: Надлежит отомкнуть душу и извлечь наружу то, что в ней таится* (Письмо 73)¹². Философы часто говорят таже о находящемся в душе врожденном свете, запечатленных в душе понятиях и т.д.

2. Мы часто называем этот свет совестью, и говорим о велениях совести не в теологическом, а в природном смысле¹³. Ведь каждый человек сознает, какими побуждениями он движим, светочами каких понятий озаряется здесь и там его разум, и на что он способен или не способен по природным своим силам.

3. Но как бы мы ни называли этот вложенный в умы свет, нам необходимо условиться вот о чем: 1) свет нам дан; 2) дан для того, чтобы служить водителем, наставником и законодателем при рассмотрении вещей; 3) что он есть по своей сути и из каких частей состоит; 4) с его помощью все может быть изучено; 5) каждым человеком; 6) с полной безошибочностью; 7) значит, и в этом отношении все для нас предусмотрено, так что желать остается лишь одного – чтобы мы пользовались нашим светом с благодарностью и усердием.

4. Различие, существующее в восприятии вещей животными и нами, доказывает, что человеческой душе присущ некий особый свет, открывающий ей лик вещей. Ведь животные видят то же, что и мы, например Солнце, чье сияние поражает их зрение так же, как и наше. Но какая огромная разница! Что видят животные, видя Солнце? Пылающую глыбу, и только. Ведь они не различают присущих Солнцу числа, движения, порядка движений, воздействия, и т.д. А человек, глядя на Солнце, видит, что оно единственно, что подобного ему в мире не существует. И видит, что по форме оно – шар, имеющий центр и поверхность, длину, ширину и глубину. Видит также, что исходящие от него лучи разгоняют тьму и приносят миру свет, который мы называем днем; что от его тепла все произрастает; и что иногда оно затмевается неким темным телом; наконец, что это тело – Луна. И так в каждой отдельной вещи человек видит бесконечное, а животные не

могут увидеть этого ни рысьими, ни орлиными глазами. Почему так? По той единственной причине, что человеку присущ некий изнутри сияющий свет, являющий ему, как только вещь будет воспринята внешними чувствами, то, что непременно, хотя и неощутимо, этой вещи сопутствует. А поскольку животные такого света лишены, они не могут проникнуть далее поверхности вещей.

5. Поэтому очевидно, что разумное создание, зритель творений Божиих, непременно должно было быть наделено таким внутренним светом, ибо без него созерцание игр божественной премудрости оказалось бы ущербным: для нас в этом не было бы никакого удовольствия, и для самой премудрости – небольшое. Поэтому Бог пожелал, чтобы всякий раз, когда вещи мира предстают внешним чувствам, наш внутренний свет приходил на помощь, и, обратившись на вещи, оценивал, считал, измерял, взвешивал их¹⁴ снаружи и изнутри, чтобы человек понимал, что есть каждая вещь и для чего она, и как устроена, и, поняв, узнавал в вещах божественное искусство и восхвалял его, а при желании подражал ему в своих собственных делах и, благодаря этому, возгорался любовью и благодарностью к премудрому Творцу. Словом, как видимый свет необходим для большого мира, так необходим свой свет и малому миру, человеку. Иначе невозможно было бы видеть рассыпанные повсюду сокровища Божии, и все было бы слепо, глухо, тоскливо.

6. Итак, что же такое умный свет? Обычно его определяют через общие, или врожденные, понятия, которыми наш разум пользуется при счете, измерении, взвешивании, то есть при рассмотрении вещей. Например: дважды два – четыре; всякое целое больше своей части; большее сильнее меньшего; из двух благ надлежит избирать большее, а из двух зол – меньшее; и так до бесконечности. Такие мерил вещей называют общими понятиями, ибо они общи всем людям, чей ум здрав и невредим; и нет человека, который мог бы отрицать подобное, если только он верно понял, о чем речь. Врожденными же их называют потому, что они не приобретаются наблюдением и опытом, а вложены самой природой в душу равно невежественному простецу и образованнейшему человеку, хотя только образованный понимает, что обладает ими и умеет ими пользоваться. Также обстоит дело с глазами, ушами, ногами, языком, сердцем – каждый человек из чрева матери выносит способность с помощью этих членов видеть, слышать, ходить, говорить и мыслить, однако возможность видеть, слышать, говорить, ходить и мыслить переходит в действительность, лишь когда эти члены укрепляются, получают применение и от частых упражнений приобретают сноровку.

7. Все это так, но для описания умного света этого недостаточно, ибо пример внешнего света, да и сама очевидность убеждают нас, что

для полноты его строения требуется еще нечто. Ведь как приходится признать, что чувственный свет мира превосходит все прочие предметы чувственного восприятия, также невозможно отрицать, что умный свет превосходит все прочие духовные дары. И как небесному свету присуща, кроме сияния, делающего вещи видимыми, соединенная с ним теплота, способствующая изменению, зарождению и гибели вещей, а также движение, разнообразно распределяющее изменение вещей, так и нашим душам, кроме умного света, необходимого для познания вещей, сообщен еще и дар воли для рассмотрения, предпочтения или отвержения вещей, а также стремления души с их деятельными способностями, для постижения вещей. Все это вместе довершает в нас сей светоч Божий, и делает его пригодным к употреблению.

8. *Ведь эта троица настолько нераздельна, что если разделишь, все погубишь и сделаешь бесполезным.* Лиши мир света (хотя бы только Солнца), и ты лишишь его тепла, а вместе с теплом и движения, и всего, из движения происходящего, – размножения, разнообразия форм, и самой жизни. Подобное случится, если лишишь ум рассудка: этим ты уничтожишь и сам ум с его образами и представлениями о вещах; и воля не будет знать, куда себя направить и к чему применить, и способностям не к чему станет устремляться, и так будет уничтожен всякий разумный подход к вещам.

9. Значит, хотя обычно глаз человека замечает в небесных светилах прежде всего свет, то есть сияние, которое делает вещи зримыми, мудрецам следует непременно учитывать и способность светил согревать мир и приводить его в движение. То же и с душой человека; хотя до сих пор было принято рассматривать в ней лишь врожденные понятия, наш Божий светильник включает в себя целиком все устройство души. Ведь творящая премудрость не менее наделила побудительную и могущую способность души, чем разумеющую, чувством для восприятия своих целей, любовью для прилежания к ним и мерами для их применения.

10. Очевидно потому, что не только свое знание, но и свою волю и свои возможности, человек наилучшим образом познает из своей природы. Ведь он про себя прекрасно знает, чего побуждает его природа желать, что разуметь и делать – ибо глубоко чувствует это. Когда же он видит, что и другие влекутся к тому же, он понимает, что происходит это не по какой-то частной причине, но так устроена сама человеческая природа: вот этого она должна желать как блага; вот это – знать как истину, вот это – мочь как возможное. В самом деле, то, чего все одинаково желают, что знают и могут, непременно должно быть естественным. А что естественно, то не может быть дурным, ложным, тщетным, ибо дурного, ложного, тщетного не мог

создать Бог, Создатель естества. *И не может быть вернейшего признака истинного, благого, должного, нежели то, что все так чувствуют, так желают, так действуют, повинаясь природе.*

11. Несомненно, Бог, создавший все сообразно числу, мере и весу, не мог не вручить человеку, которого он поставил судьей вещам, число, меру и вес вещей. Ведь никто не мог бы считать без числа, измерять без меры, взвешивать без веса. Поэтому мы получили от божественного Провидения вес, то есть склонность к благим и полезным вещам, побудительную причину все наших действий; получили меру, то есть те самые врожденные понятия об основных истинах, мерила и пробные камни всякого нашего суждения о вещах, а значит, и предпочтения или пренебрежения; получили число, то есть деятельные способности, при помощи которых мы достигаем желаемого и добиваемся поставленной цели.

12. Эти общие и врожденные понятия, общие и врожденные побуждения, общие и врожденные способности – то же самое для нашей души, что для макрокосма – Солнце, Луна и звезды, от которых весь свет и прелесть, движение и сила, порядок и непрерывность мира, и что для нашего тела – душевная, жизненная и природная силы, от которых происходят чувства, жизнь и крепость тела. Одно в мире Солнце, но бесчисленны его сияющие лучи, и поэтому его одного довольно на всех; одна и сила разума, но она столь мощно распространяет на все свои лучи, что пределы мира едва способны ограничить ее воздействие. Луна, чье сияние приближается к солнечному, хотя и движется самостоятельно, но свет заимствует у Солнца; так и наша воля движется и действует самостоятельно, согласно своему волеию, доставляя нам особый род сведений о различных вещах, но озаряется она умом и почти во всем следует его наставлениям. Наконец, многочисленны звезды, они разбросаны по всему небу и отовсюду посылают лучи на землю; так и действительные способности, рассеянные по всему веществу души и тела, откликаясь на каждое веление и шевеление мысли и воли, наполняют все бодростью и движением. *И так небо души обретает свое совершенство, которым и держится микрокосм.*

13. Перейдем к четвертому нашему утверждению. Что этот умный свет достаточен для рассмотрения всех вещей, ясно, во-первых, потому, что у умного света в душе и у светил небесных в мире один Создатель, и премудрость его не создает ничего несовершенного, несамодостаточного, тем самым несовершенного. Он смог, сумел, захотел создать небесные светочи столь многочисленные и громадные, чтобы весь мир сохранялся живым, движущимся и упорядоченным. Так откуда же подозрение, что Он не смог, не сумел или не захотел того же для мира духовного?

14. Во-вторых, известно из опыта, что лучи нашего внутреннего света действуют согласно своим законам, и так на все распространяются, что ничего не оставляют нетронутым. Ведь наша воля считает своим все, что подпадает под определение блага, каково бы оно ни было и где бы ни таилось, и преследует это своими желаниями. И, напротив, то, что является или кажется злом, она отвергает как для нее не касающееся и даже бежит этого как для себя разрушительного. Разум, в свою очередь, встречая нечто истинное или ложное, применяет к нему мерилу рассудка, горя желанием узнать, в самом деле или только по видимости это истинно или ложно. Наконец, действительные способности примеряются ко всему – возможно это для нас или невозможно. Стало быть, всё мы можем рассматривать до самых глубин при внутреннем своем свете.

15. А поскольку это может кто-то один, то может и всякий, рожденный человеком. Ведь все мы созданы одинаково, по одному образу и подобию Божию. И мы хорошо знаем по опыту, что каждый человек имеет суждение о вещах, как ученый, так и неученый. Значит, у каждого есть внутри законы, согласно которым он выносит суждение. Но неученый их может почерпнуть лишь из себя самого, то есть из общей природы, которая и делает его человеком. Проверим это иначе. Предложи совершенно необразованному и неотесанному человеку некое очевидно истинное высказывание, из тех, что составляют первые аксиомы, то есть врожденные понятия, он сразу согласится и засвидетельствует, что это верно. Но свидетельствовать всякий может лишь об известном ему. Значит, пробный камень истины в самом деле налицо в таких людях, даже прежде, чем они поймут, что обладают им. Посмотри на простейшие действия любого человека, даже самого глупого, – ты всегда обнаружишь в их основе свет рассуждения. Например: шел некто по дороге, нашел монету, нагнулся, поднял ее. Что им двигало? Следующее понятие: не должно пренебрегать полезным. Ударь кого-нибудь. Он или станет сразу защищаться, или убежит. Первое, потому что ум подсказывает ему закон природы: силу отражают силой; второе, потому что он вспоминает, видя, что ему не устоять: слабейший да уступит сильнейшему. Да и сама речь, используемая людьми, как бы она ни была безыскусна, есть непрерывная ткань рассуждений. Итак, всякий человек исполнен разума, то есть света озаряющего, устанавливающего и восстанавливающего вещи, и нужно лишь уметь им пользоваться.

16. Мы сказали, что этот свет необманен и вполне достаточен для безошибочного познания истины в вещах. И так повсюду, куда бы мы ни обратились. Чуть выше мы сказали, что каждый человек имеет

суждение о вещах. Но очевидно, что иметь суждение о чем бы то ни было можно только при помощи законов, согласно которым вещи оцениваются и получают свой приговор. Законы же всегда исходят от высшего и повелевают низшим. Стало быть, эти запечатленные в человеческой душе законы принадлежат не самому человеку, а кому-то высшему. Но выше себя человеческая душа признает лишь своего Создателя. Значит, эти законы исходят от Него. Следовательно, это Его законы; следовательно, они истинны; следовательно, совершенны. Ведь Он есть истина, и все дела Его совершаются в истине. Иначе не достиг бы своей цели в нас Тот, кто рек через пророка: *Все свидетели мои* (Ис 43, 10). Ведь если умный свет, которым Он снабдил нас – подобие Свое – для созерцания и оценки Своих творений, недостаточен, этот свет, тем самым, лжив. Значит, Он лживо ведет себя с нами (да не будут эти слова кощунством), и мы будем Ему лжесвидетелями. Но какая Ему в этом честь? И нам какое благо? Безрассудно, глупо и нечестиво помышлять такое.

17. Итак, да будет признано несомненным: I. *То, что сообщено всем людям через общие понятия, без всякого исключения, истинно*; II. *То, к чему направляют всех людей общие побуждения, без исключения, благо*; III. *То, для чего обладают все люди всем им общими орудиями, без исключения, возможно*. А следовательно, несомненно истинное все мы знаем; несомненно благого все мы желаем; несомненно возможное все мы можем, и Богу угодно, чтобы мы это совершали. И поскольку бесчисленны истины, внушенные нам общими понятиями; и поскольку блага, к которым устремляют нас общие побуждения, включают в себя самое полное и бесконечное блаженство; и поскольку возможности, предоставленные нам общими способностями, достаточны для достижения всех наших целей, ясно становится, какое сокровище света вложил в нас Отец светов.

18. Уж конечно, нас Он одарил этим внутренним светом не менее щедро, чем большой мир – светом внешним; скорее наоборот. Ведь внутренний свет души чище и доступнее нашему разумению, нежели телесным очам – свет Солнца. А именно, Солнце восходит и заходит, и мы не можем видеть его, когда нам вздумается; внутренний же наш свет находится при нас с наименьшим постоянством, чем мы сами при себе. И все потому, что свет Солнца не есть в то же время око, воспринимающее свет. А умный свет присущ уму так, что сам же и является самым этим умом. Поэтому телесное око, видя окружающее, не видит самого себя, а ум в себе видит все и во всем – себя. Ведь он – подобие Того, Кто все создал, все проникает и Сам есть все.

19. Значит нужно, принимая с благодарностью великую милость,

не только *остерегаться*, как бы не стать *врагами света*, как гневно говорит Бог о нечестивцах (Иов 24, 13), но, более того, прилагать все усилия, чтобы *разжигать, очищать и* должным образом мудро *применять* хранящийся в нас Божий свет.

20. *Разжигать в себе свет ума* значит *раздувать скрытые в глубине души искры, поднося к ним различные предметы, словно к кремню – огниво, и доставлять им горючее, чтобы из них могло возгореться пламя*. Так необходимо делать потому, что этот со- рожденный душе Божий свет, как и прочее в человеке, лишь потенциален и действительным становится только тогда, когда применяется. То же и внешний огонь, скрытый в кремне, от соприкосновения с огнивом вырывается наружу, а если добавить ему горючего, превращается в пламя. *Наша душа – такой кремень, а огниво – все чувственно воспринимаемые вещи, чье трение высекает искры познания, и если эти искры надлежащим образом поддержаны горючим вниманием, из них возгорается пламя*. Стало быть, искусства, науки и любое знание, действие и польза скрыты в золотых рудниках нашей души и должны быть добыты оттуда верным и неустанным нашим трудом.

21. *А очищать свет души – значит прилежно удалять примеши- вающийся туман всяческого морока, дабы он не мог полностью или частично затмевать свет Божий*. Все мы, христиане, знаем слово Божие: *Свет во тьме светит, и тьма не объяла его, и Се свет истинный, который просвещает всякого человека, приходящего в мир* (Ин 1, 5 и 9).

Мудрые толкователи Писания начинают понимать, что в этом известнейшем месте подразумевается *действие вечного света в каждом из нас, светильник врожденных понятий*. А тьма, которая не объяла света, – *животные страсти человека*. И чтобы эта тьма животности не объяла сияющий в нас свет Божий и отступила пред ним, надлежит разгонять ее всеми возможными способами. Самым действенным из них представляется следующий: *собрать все имеющиеся в нас лучи божественного света воедино и мощно направить их на этот мрачный хаос тьмы*. Скажу яснее, что это означает.

22. Философы до сих пор довольно много говорили о *врожденных понятиях*¹⁵, но о *лучах врожденных побуждений и способностей* они хранят глубокое молчание. Однако я надеюсь, что не будет между нами спора о том, что это тоже части человеческого ума, Божиего образа в нас, а потому и части умного света. *Значит, все эти глубинные части нашего света должны отныне рассматриваться и исследоваться вместе, словно реки, протекающие из единого источника. И тогда свет будет усиливать и очищать сияние света*.

23. Но вот еще что. *Что бы ни думали и ни говорили философы о врожденных понятиях, никто не попытался сосчитать их и выстроить по порядку. Вероятно, никому не приходило в голову, что это возможно или нужно сделать, так как число их кажется бесконечным. Поэтому их используют беспорядочно, по мере того, как они обнаруживаются в обращении с предметами или служат основой для рассуждений и умозаключений. Однако, если мы хотим, чтобы умный свет был полным и лучи его достигали всюду, и при этом не смешивались, не пересекались между собой, не перебивали и не затмевали друг друга, но прямо падали на вещи параллельно друг другу, нельзя оставлять необработанным все это скопление врожденных понятий, а так разделить их, в соответствии с самими предметами, чтобы все было доступно взору. И проделать это необходимо не только с врожденными понятиями, но и с врожденными побуждениями и способностями, чтобы ясно стало, словно из общего перечня или описи, сокровищем каких истин, желаний и возможностей обладает каждый из нас. Тогда в дальнейшем мы будем судить не о них, а с их помощью, и при таком сгущении лучей света нам легче будет рассеять тьму любых заблуждений и невежества.*

24. Если это будет сделано, *наш свет станет очень мощным, и умный свет предстанет наконец во всей своей красе, в приятнейшем и восхитительнейшем своем действии. Пока же он был словно свет в первый день творения, успешно преобразующий мир от неживого вещества к появлению жизни. Стбит лучи умного света распределить по порядку, по видам, как был разделен на четвертый день Моисеев свет по небесным светилам, создав упорядоченнейшее небесное воинство, ярче станет и свет, открывающий основания всех вещей. И тогда область умопостигаемого наполнится наконец движением и жизнью, как случилось, когда в пятый и шестой день появились творения, наделенные свободным движением.*

25. *Ведь если в общие понятия не будет вкрадываться путаница, мы все начнем разбираться в них в самой полной мере, а в остальном, из них вытекающем, даже и в наиболее сложном, легче и лучше. Так же, если мы будем правильно понимать общие побуждения нашей природы и их законы, мы все придем к единству воли, и войнам наступит конец. Ведь у нас достаточно побуждений к праведным целям как частным, так и общим, лишь бы мы успели избавиться от примешавшихся к ним целей ложных. Наконец, мы все сможем всё, если ясно постигнем и освободим от вкравшейся путаницы наши общие способности. Ибо вот конечные цели божественного света в нас: чтобы все мы всего благого желали, всё истинное знали, всё возможное могли.*

Глава VII

О третьем источнике света, слове Божиим, обращенном к людям и наставляющем их в наиважнейших вещах

1. Может показаться, что мы теперь достаточно оснащены для мудрых деяний – ведь перед нами ристалище премудрости Божией, полное всевозможных образов того, что можно знать, делать или использовать; а в нас – первообразы всего того, что необходимо знать, мерилა всего, что нужно совершать, и стремление ко всему, чем надлежит воспользоваться. Но Богу, от переизбытка милости, угодно было сверх того еще и обратить к нам глас Свой и наставлять в необходимом, тем самым открывая нам третий источник света, который и завершает человеческое всезнание.

2. Чтобы убедиться в этом, рассмотрим все по порядку: первое, что слово Божие, наставляющее людей в самом необходимом, действительно дано нам; второе, если дается несколько подобных наставлений, необходимо установить безошибочные критерии, устанавливающие, что от Бога, а что нет, дабы не вкрался какой-нибудь обман; третье, все, что когда-либо предлагалось под именем божественных откровений, должно быть испытано согласно этим критериям, как испытывают золото в огне; четвертое, все, что окажется, по испытании, воистину от Бога, должно быть признано несомненно божественным; пятое, в этих божественных писаниях следует доискиваться того, о чем ни мир, ни ум наш не могут дать нам понятия, и все в них должно быть таковым; шестое, каждый человек должен стремиться к этому, ибо и этот свет ниспослан для общего употребления. Только тогда наш внутренний свет станет, наконец, полным, не терпящим никакого вредоносного тумана. Рассмотрим каждое положение в отдельности и по порядку, дабы в столь важных вещах не осталось места сомнению.

3. Похоже, что большинству смертных не ведомо, было ли какое-нибудь божественное откровение после сотворения мира и наделения человека умом. А некоторые, может быть, сомневаются или даже отрицают это. Но поскольку разногласие или недостаточное согласие в этом вопросе было бы опасной основой вечных разногласий в делах величайшей важности, рассмотрим, прежде всего, возможно ли нам прийти здесь к единому мнению. Вот как обстоит дело с первым вопросом.

4. Если Бог вообще существует и если Он имеет попечение о мире, а именно, если Он желает, чтобы род человеческий двигался к

спасению (безусловно все мы, кроме одержимых невероятной тупостью, на это надеемся и желаем этого), было бы вполне естественно для божественной благодати и крайне необходимо для нас, чтобы иногда Бог говорил с нами, предупреждая или исправляя пагубные наши заблуждения. Вот основание для такого вывода: поскольку все мы, люди, приходим в мир учениками, а ученик не может учиться без ошибок, или греха, каким бы жалким было наше положение, если бы в самых важных делах, касающихся надежды обрести божественное спасение или страха его утратить, некому было опекать нас, предупредить об опасности, а находящихся в опасности – выволить. Ни один достойный человек не может глядеть, как другой погибает, и не броситься ему на помощь. Так могли Достойнейший из достойных бесстрастно взирать на любимое Его чадо, бесконечно блуждающее и срывающееся в пропасти, и даже словом Своим не дать необходимых наставлений! Это нелепо, и нельзя без греха и помыслить такое о божественной благодати.

5. Если же Бог беседует с нами, это должно быть или гласом великим, гремящим с неба, или Он делает это через определенные орудия. Таким орудием, притом разумным, может быть творение-посредник – ангел или человек. В обычной нашей жизни Бог не вещает гласом великим, разве что когда гремит молнией, но мы сейчас говорим не об этом. Мы имеем в виду членораздельную речь, внятно нас наставляющую. Стало быть, беседовать с нами так Богу не угодно. Мы знаем по опыту, что Бог и через ангелов не обращается к каждому из нас, возможно, потому, что при этом могли бы вкрасться лживые видения. Значит, Он говорит через людей. И на людей этих должны снизойти столь необычайные откровения, чтобы они, говоря, говорили не свое, но внушенное Богом, и притом не своими словами, но теми, которые сам Бог вложит им в уста.

6. И такие люди либо должны находиться всегда и везде, во всяком народе и языке, и во всякое время, чтобы через них все необходимое открывалось остальным; либо открытое однажды кому-то должно передаваться другим народам и языкам, и следующим векам. Первого мы не наблюдаем. Значит, последнее.

7. Если, таким образом, Богу угодно, чтобы божественные откровения передавались от народа к народу из века в век, это должно осуществляться либо изустно, либо при помощи письма, то есть книг. Однако изустная передача кажется недостаточно надежной: ведь что прошло через уста двух-трех человек (не говоря уж о многих), уже изменяется и удаляется от своей сути. Все мы хорошо это знаем по опыту различных слухов и сообщений. Значит, при таком способе передачи божественные откровения оказались бы в целом недостоверны. Значит, скорее они передаются через книги.

8. *Есть у нас и в других местах такие книги, которые хранители их считают написанными по велению самого Бога и с Его слов – и неужели найдется наглец, который осмелится огульно все их назвать подделкой? Очень это опасно – желание противиться Богу, Чья рука, возможно, здесь присутствует. Ведь возымевший такое желание желал бы, видимо, вовсе не слышать и не признавать гласа Божиего. А это значит – себя делать глухим, а Бога – слепым, то есть представлять Бога каким-то истуканом, слепым, глухим и немым или неким тираном, спокойно, а может, и насмешливо вззирающим на наши падения и погибель, и уж во всяком случае не приходящим на помощь, хотя Он и мог бы помочь. Но поскольку никто не станет стремиться к столь несообразному Богу, никто не пожелал бы и воображать его таким. Поэтому всякий человек, когда слышит, что есть книги, называемые молвой божественными, надеется, что они и в самом деле божественны и что он в самом деле сможет услышать Бога. Вот и первое, с чем необходимо согласиться: такие книги, в которых звучит глас самого Бога, непременно должны существовать, где бы ни пришлось их отыскивать.*

9. *Но смертным надлежит тщательно избегать и другой крайности, а именно, как бы не принять за божественное то, что таковым не является: ведь можно попасться на обман, тем более что одни из нас почитают божественным одно, другие – другое, и как раз то, что первые осуждают как соблазн. Ясно, что кто-то здесь обязательно заблуждается. Поэтому, прежде всего следует остерегаться, как бы не воздать лживому идолу почестей, подобающих одному лишь Богу живому. И напротив, как бы не отказать Богу в чем-то, ему принадлежащем. Место это скользкое, и опасность велика, так что всем нам следует пребывать в страхе и трепете. Нельзя высказываться ни об одной книге, хоть кем-то почитаемой посредницей гласа Божиего, не разобравшись в деле до глубины, до последних оснований. А чтобы суметь разобраться и не погрешить в своей оценке божественных книг ни друг против друга, ни против истины, нам необходимо условиться, прежде всего, о критериях, или признаках, согласно которым можно было бы точно и безошибочно отличить божественные книги от небожественных.*

10. Скажу наперед, что книги действительно божественные (и к чьим свидетельствам все мы должны иметь никакого исключения не терпящую веру, словно к устам самого Бога), должны быть написаны не с помощью человеческого дарования, но по внушению самого Бога, который не только объясняет своему писцу предмет, но подсказывает и самые слова. Только в этом случае мы можем быть уверены, что и предложения, и отдельные слова, и буквы в словах

закljučают в себе достойные Бога таинства. Ведь если бы писцу откровений было дозволено строить речь по своему усмотрению, всегда оставалось бы опасение, верно ли он понял Божию мысль, верно ли выразил. Именно поэтому иные книги, созданные по воле человека, пусть они содержат одну только истину, не могут сравниться по своему значению с божественными. Ведь они написаны не по божественному вдохновению, но с помощью собственного человеческого дарования. Итак, рассмотрим признаки, которыми первые от вторых отличаются.

11. *Признаки боговдохновенных книг – тройкого рода. Во-первых, внешние*, предшествующие божественным книгам, сопровождающие их и следующие за ними. *Во-вторых, внутренние приметы*, изнутри отличающие божественные книги. *Наконец, глубинные признаки*, которые Божией благодатью запечатлеваются в душах людей, с вниманием и должным смирением внимающих гласу уст Божиих.

12. *Внешние признаки таковы.* Во-первых, *благочестие, здравость ума и простота* получивших откровение и записавших его. *Благочестие*, дабы они не пожелали обмануть мир, выдумав откровение; *здравость ума*, дабы они сами не были обмануты меланхолическими видениями; *простота*, дабы они не способны были и помыслить подобное. Это очевиднейшее доказательство божественного наития, когда вещи столь величественные открываются через простецов, когда величайшее строится из неподходящего для него. Ведь известно, что Бог дарует миру красноречие через бессловесных, мудрость через немудрящих, силу и славу – через немощных.

13. Второй внешний признак – *сопутствующие чудеса*, которыми Бог укрепляет веру в Свои откровения. Это должны быть истинные и несомненные чудеса.

14. Третий внешний признак – *непрерывная передача божественных книг из рук в руки к потомкам*, то есть *постоянное свидетельство Церкви*, ибо у Бога не должно быть недостатка в свидетелях. Заверение этого свидетельства – *мученичество*, когда или сами писцы Божии или другие свидетели той же божественной истины бестрепетно встречают насилие или даже гибель от руки нечестивцев, противящихся слову Божию.

15. *Внутренние признаки божественности*, запечатленные в самих книгах, *таковы*: во-первых, *поразительное величие предмета*, вовсе превосходящее человеческие возможности, *при определенной простоте слога*; это величие особенно ярко проявляется в трех вещах: 1) *в возвышенности откровений*, то есть содержание их не может вымыслить человеческий разум, ибо не видело подобного ни одно око, не слышало ни одно ухо, и в сердце человеческое подобное не всходило. Таково то, что было до начала мира, или пребывает вне

мира, или будет после конца мира; а также удивительные изменения, ожидающие мир в будущем, о которых заранее никто не может знать, кроме Всеведущего; 2) *в святости наставлений*, дающих нам духовнейший способ богопочитания, достойный такого величия; 3) *в значительности обетований*, сверх которых ни одно творение ничего не может ни предложить, ни иметь, ни желать.

16. *Второй внутренний признак божественных откровений – постепенное возгорание божественного света, непрестанно усиливающегося*, так что позднейшие откровения всегда озаряют новым светом предыдущие. Эту особенность можно наблюдать и в устройстве первого Божиего ристалища – мира, в котором каждый день являет новое творение, совершеннее предыдущего. То же и на ристалище ума – свет его Отец светов неизменно усиливает на протяжении веков. А у сатаны-супостата обычай противоположный – он обещает свет и устремляется во тьму, куда постепенно и ввергает неосторожных.

17. *Третий внутренний признак божественных книг – согласие откровений как между собой, так и с последующими событиями, и наконец, с явлениями, наблюдаемыми на двух других ристалищах – мира и ума. Внутреннее согласие откровений, возвещенных в самое разное время разными людьми на разных языках, – неперемное условие, заставляющее поверить, что все это исходит от единого Бога, единственного источника истины. Если этот признак обнаруживается в книгах Божиих, это весомое свидетельство их божественности: только во всем истинное может быть во всем согласованным. Однако и согласие предсказаний с последовавшими событиями необходимо, чтобы ясно стало, что говорили уста Всеведущего. А согласие писания с природой вещей и со здравым умом необходимо потому, что, если Творец у них один и тот же, – Бог, Он не должен противоречить сам себе. Стало быть, хотя Бог может открыть многое, превосходящее разум, Он не должен ничего открывать противоречащего ему, – да не побивает и не разрушает истина истину. Бог не может желать или позволять такого, ибо не может Он противоречить сам себе в том, что выразил Своими творениями, внушил Своему образу и подобию, и что вещает с небес глаголом.*

18. *Глубинные признаки, запечатлеваемые истинно божественными книгами в человеческих душах, таковы: 1. Озарение ума, превосходящее то, которое исходит и может исходить от человеческих писаний, и рожденная им необычайная радость. 2. Потрясение сердца и сверхъестественное его преобразование к полному послушанию воле Божией и полному подчинению собственной воли Богу. 3. Сила духа, готового принять даже смерть за свидетельство об этом свете. Ярчайший пример этой силы – мученики.*

19. *Таковы, по нашему мнению, признаки подлинности божест-*

венных книг, числом трижды три. А если кто знает что-то сверх этого, пусть скажет. Но мы уверены, оно не будет отличаться от сказанного нами.

20. *Приступим же к поискам этих книг, несущих нам божественный свет.* Ведь мы установили, что они непременно должны где-то существовать (разве что мы пожелали бы отрицать существование Бога), и к тому же хорошо знаем теперь, по каким признакам их можно отличить. Где же мы будем их искать? *Обратимся к народам, которые уверяют, будто обладают чем-то подобным.* И поскольку их, насколько нам известно, три – иудеи, христиане, магометане, гордящиеся Законом, Евангелием, Алькораном, рассмотрим прежде всего их, а после обратимся к другим племенам Земли, дабы они, если обладают чем-то подобным, сообщили об этом и представили на испытание. *Ведь справедливо, чтобы любой народ, имеющий некое сокровище от Бога, не скрывал его, а передал, как всеобщий дар всеобщего Бога, для всеобщего же пользования. Никто, зажегши свечу, не ставит ее под сосудом, но на подсвечнике, и светит всем в доме,* – говорит наш Христос. И невероятно, чтобы Бог, сотворивший чувственный свет в мире и умный свет в душе столь всеобщими, не пожелал, чтобы всеобщим был свет, откровенный Его гласом.

21. *Не только народ, обладающий, или считающий, что обладает, божественными откровениями, обязан делиться ими, но и прочие народы обязаны к ним прислушиваться и разбирать, таковы они или не таковы.* Если окажутся таковы, пусть и эти народы возликут в свете Божиим, впервые ли он им открылся или только усилен новым приобретением. А если окажутся не таковы, они смогут отворотить своих ближних от заблуждения. *Ведь в высшей степени вероятно, что и сюда вкрадывается коварство человеческое, либо дьявольское, от которого очень желательно было бы всем избавиться. Значит, во всех отношениях необходимо устроить испытание всех книг, выдаваемых за божественные, согласно открытым нами признакам. И что окажется в самом деле таковым, то да усилит собою общий светильник рода человеческого; а что таковым не окажется, да будет отложено – либо навеки, если это очевидная во всех отношениях подделка, либо, если возникает сомнение, на время, пока и этого не явит Господь.*

22. Первые среди гордящихся божественными откровениями – иудеи. Из рук Моисея получили они Закон, изложенный в пяти книгах по воле Божией. А позже для обеспечения его они получили книги других пророков, числом более 30. Если провести испытание этих книг согласно предложенным нами критериям, они его полностью выдержат. Мы надеемся, что ни малейшего основания не найдется для противоположного суждения.

23. *Христианам куда труднее убедить иудеев, что и евангельские книги в самом деле божественного происхождения, ибо среди иудеев существует упорнейшее предубеждение о совершенстве их Закона, не нуждающегося в дополнениях, и о том, что время пришествия Мессии все еще не настало. Но если бы они пожелали взвесить наши книги на одних весах со своими, то увидали бы, что чаши уравнились. Ведь Иисус и апостолы Его, чрез которых возведено миру Евангелие, были, как хорошо известно и самим иудеям, люди простые, не обученные светской премудрости, не вооруженные властью. Но Бог такими чудесами засвидетельствовал их учение, что мир был поражен и покорился. Подозрение иудеев, будто эти чудеса были вызваны каким-то чародейством, не может служить возражением. Язычники не только подозревали то же самое относительно Моисея, но Плиний даже решился об этом написать¹⁶. Однако люди благоразумные знают – следует обращать внимание не на то, что может измыслить клеветник, а на то, что есть на самом деле. И притом наши книги оказались настолько неуязвимы для клеветы, что желавшие их опорочить и устранить не могли даже выдумать что-нибудь правдоподобное, поэтому одно лишь вопияли язычники, что новое учение ниспровергает древнее почитание богов, а иудеи гневались, будто оно противоречит учению Моисея. На самом деле Христос лишь объясняет Моисеев Закон, апостолы же черпали подтверждения Христовым догматам исключительно из Закона и пророков. И хотя мир, не познав Божиего промысла, ожесточенно сопротивлялся – как иудеи, так и язычники, – и хотя Христос, апостолы, а также тьмы и тьмы других верующих были преданы позорной казни, не смог мир одолеть мощь Евангелия и воспрепятствовать его проникновению к народам всей земли. Разве не явила себя в этом Божия мощь через человеческую немощь?*

24. Поскольку основная причина, по которой иудеи не доверяют Евангелию, в том, что они усматривают в нем *противоречие своему Закону*, христиане готовы доказать – лишь бы те согласились выслушать, – *что во всем евангельском учении нет ничего, что по сути (мы не станем отрицать внешних, кажущихся противоречий) противостояло бы учению Закона. Можно даже доказать, что положения Евангелия подтверждаются из Закона и Пророков, что Евангелие было предсказано пророками, что все случилось согласно их учению. Если христиане не смогут доказать этого, пусть признают себя побежденными. Но чтобы это строгое испытание могло осуществиться, чтобы сами иудеи смогли стать на нем зрителями и судьями, придется им сперва взяться за евангельские книги и внимательно их изучить, – как мы не ленимся тщательно изучать все их учения.*

25. А пока иудеи подумают над следующими вопросами: *первое,*

правдоподобно ли им кажется, чтобы Бог пожелал открыть миру через Моисея все и сразу, так чтобы уже ничего нельзя было в свое время добавить? Ведь обетование, данное через Моисея, о неисполнении в будущем другого великого пророка (Втор 18, 18) свидетельствует об ином. А именно, когда просили отцы ваши, говоря "да не услышим впредь глас Господа Бога нашего, вещающего с небес"¹⁷, Бог, видя их невежество и неспособность выдержать величие откровений, исполнил их просьбу и пообещал, что будет говорить с ними через Моисея, пока не придет другой, также говорящий именем Божиим, кого нужно будет слушать наравне с Моисеем. Что, как вы думаете, должен был возвестить этот другой? Неужели ничего нового? Тогда зачем новый посланец? Бог не может действовать бесцельно, ибо он мудр. Значит, этот великий пророк, подобный Моисею, должен был возвестить нечто совершенно новое. Однако новое не в смысле "иное" или "противоположное", но большее, более полное, более совершенное. Умоляю, прислушайтесь, и вы сами признаете, что некое более совершенное откровение было необходимо! И вместе с тем взвесьте, не усиливает ли откровение Христа многократно свет Божий, дарованный через Моисея. Дабы это стало очевидно, сравним вкратце откровения, наставления и обетования, данные через Моисея и Христа.

26. Из тайн своих Бог открыл через Моисея сотворение видимого мира, и то, что Он Сам, единый Бог, правит миром, а не несколько богов, ибо в то время в силе было нелепое мнение о множественности богов. *Наставил же Он* в обрядовых церемониях, законах честной жизни и прочем, относящемся к внешнему. *Обетовал Он* землю Ханан и прочие внешние блага. Сами иудеи признают, что во всех своих книгах Моисей ничего не сказал открыто о вечном. *Так разве этим исчерпывается божественное? Или хотя бы человеческое? Неужели Богу нечего больше открыть нам, нечего потребовать от нас, нечего обетовать покорным Ему? И неужели человек ничему более не научится от Бога, ничего более не должен Богу и не ждет от Бога?*

27. *Посмотрим, что же принес Христос? Все, чему он научил, что заповедал, что обетовал – внутреннее, духовное, вечное. Ведь Его откровения заключают тайны самой вечности, что предшествовала миру и последует за ним, то есть вечный промысел Божий о сотворении мира и спасении человека; и о кратчайшем пути на небо; и о состоянии душ после смерти; и о конце света, когда и каков он; и о положении вещей по возвращении в вечность; и прочее подобное, прежде неслыханное. А то, чего Он именем Божиим требовал от людей и что велел соблюдать – это не какие-нибудь обряды (об этом Он и не учил вовсе), но внутреннее преобразование человека и, как Он*

говорит, возрождение его к новой, святой, полностью духовной жизни. *И обетовал Он послушным ему не какие-то телесные и внешние блага – скорее, Он завещал своим последователям крест и страдания, как необходимые Божии орудия умерщвления нашей плоти, – но радости духа и жизнь вечную. Короче: Он открыл нам духовный мир, духовное богочитание, духовные и вечные награды. Внешнее Он учил презирать и сам презирал.* Он не имел никакой собственности в мире и презрел, когда хотели провозгласить Его царем. Он призвал своим примером беспорочно жить, безвинно умирать и смертью переходить к жизни. *Так что же, бесполезны откровения Христа, возвещаемые Евангелием?*

28. Хорошо бы иудеям обдумать и следующее: *достаточно ли полно Моисей донес до людей послание Божие?* Ведь он передал полученный от Бога Закон одному лишь своему народу, а к остальным не пошел. Неужели так ограничено владение Бога богов? – *Господня земля, и что наполняет ее, вселенная и все живущее в ней* (Пс 23,1). Нам хорошо известно, что некогда Бог, оскорбленный безумием народов, ударившихся в идолопоклонничество и оставивших Бога живого, сам их оставил и избрал Себе в удел Израиль. Однако Он не отлучил тем самым остальных от надежд на спасение и многократно засвидетельствовал это через Моисея и пророков, призывая племена ликовать вместе с его народом и давая надежду на всеобщее к Себе возвращение. Полны таких свидетельств и Моисеевы книги, и Пророки, и Псалтирь. Так когда же Бог послал великого пророка к язычникам, как Моисея – к ним? И о ком слова (Ис 49, 6): *мало того, что ты будешь рабом моим для восстановления колен Иаковлевых и для возвращения остатков Израиля, но я сделаю тебя светом народов, чтобы спасение мое простерлось до конца земли?* Это сказано после Моисея, а значит, не о Моисее. И вы не можете указать ни одного из ваших пророков, кто был бы с таким светом послан к язычникам. А наш Христос, хотя сначала и был послан к вам, чтобы исполнились обетования, будучи от вас презрен (и это тоже многократно и открыто предсказано в Законе и Пророках), отправил посланцев ко всем племенам и велел проповедовать Евангелие всякой твари под небесами. А успех Его вы видите сами – имена богов забыты под небесами и вся земля, кроме немногих, еще ждущих обращения племен, чтит единого Бога, творца неба и земли. О, если бы вы прислушались к этому и не отвращали глаза от чуда – народов, собравшихся под знамья Христово (как предсказал Исайя, 11, 10)!

29. *Суть сказанного и имеющего быть сказанным такова:* чтобы установить несомненно, в самом деле божественны книги Нового Завета, возвещенного Христом, или нет, нужно позвать на публичное испытание и всех христиан, и иудеев, и все остальные народы, племена и языки мира. Если эти книги таковы, пусть сей Божий свет, зажженный

миру через Моисея и Христа, станет светом единым, светом великим, неугасимым, который обетовал Бог ко времени всеобщего обращения народов, Ис 60, 20 и др. Однако сначала перейдем к другим племенам и посмотрим, не обнаружатся ли у них роднички божественного света.

30. Мы знаем, что у магометан имеется *Алькоран*. Они считают, что он также дарован Богом через третьего великого пророка, Магомета, посланного небом, чтобы исправить заблуждение иудеев и христиан и злоупотребления Законом и Евангелием. Следовательно, они признают Моисея и Христа пророками и при том великими, через которых сам Бог открыл миру Свою волю. Значит, им следует признать божественную непререкаемость книг, содержащих их учение, и подчиниться ей. А если они подозревают, что книги эти искажены, пусть объяснят, кем, где, когда и с какой целью. Ведь мы, иудеи и христиане, неусыпные стражи этих Божиих скрижалей, бережем их вплоть до мельчайших значков, дабы ничто не могло пропасть или подвергнуться изменению (как они, мы знаем, подозревают). Мы готовы скорее погибнуть, чем допустить с нашего ведома и соизволения малейшее искажение. Наверное, именно с этой целью Господь и позволил, чтобы христиане и евреи, а также те и другие между собой, с самого начала разошлись во мнениях и разделились на разные секты, чтобы благодаря этому соперничеству и взаимному недоверию они зорче охраняли сокровище Божие, пока не пришли времена, когда решил Господь *опять дать народам уста чистые, чтобы все призывали имя Господа и служили Ему единомудно* (Соф 3, 9), и когда *все будут знать Господа от мала до велика* (Иер 31, 34).

31. Если магометане будут упорствовать в своем недоверии, придется просить их, чтобы они не прежде выносили решение, чем рассудят, а судили не прежде, чем выслушают. И вот чем мы докажем им, что книги наши не испорчены и ничего несообразного не содержат: тем, что они во всем согласуются сами с собою, с природой вещей и со здравым рассудком. Ведь то, что не всецело истинно, ни в коем случае не может быть всецело согласованным. Итак, докажем, что все, возвещаемое чувствами и здравым рассудком, может быть подтверждено из наших книг. А то, что наши книги открывают сверх этого, никак не противоречит чувствам и рассудку. Скорее, эти последние служат свидетелями Богу и говорят в Его пользу. Кроме того, покажем, что нельзя назвать в мире и в царствах мира ни одного значительного события, которое не было бы предсказано Тем, кто внушил эти пророчества, и т.д. И после этого предоставим им право судить и решать.

32. Что до самого Алькорана, мы не возьмем на себя суждение о

нем. Мы смело назначим их самих судьями их книге. Мы только попросим их, чтобы они приложили к своей книге предложенные выше критерии и соблаговолили ответить на наши вопросы (по порядку 9 признаков, установленных в §§ 11–18). Например: 1. Уверены ли они, что Магомет был человеком праведным, не запятанным ни жестокостью, ни честолюбием, ни похотливостью, ни другим каким-нибудь значительным пороком? так что у него не было никакой внешней причины вымыслить откровение, и не было причины распространять откровение, кроме желания спасти род человеческий. 2. Дал ли Бог чудеса в подтверждение этому учению? и какие, насколько великие, каким числом? 3. Есть ли у них списки Алькорана, хранимые столь бережно, что можно с уверенностью отрицать возможность искажения? 4. Есть ли у них мученики, кровью подтвердившие истинность этого учения? Не погибшие на войне – война безумна, но те, кто пошли на это намеренно, чтобы ликовать даже среди пламени о чистоте своей совести и о сладостной надежде, почерпнутой из этого учения (именно в этом ярче всего проявляется сила веры, побеждающей мир и ад). 5. Содержит ли Алькоран достойные Бога откровения, при том более возвышенные, чем Закон или Евангелие? а также наставления более светлые и обетования более полные? Ведь Алькоран, говорят, дан после Евангелия, значит он должен в этих трех отношениях превосходить Евангелие настолько же, насколько Евангелие превосходит Закон, чтобы дело Божие – дело света – росло, а не хирело. И, раз они верят, что Алькоран, как последний дар небес, послан в завершение первых двух, открывает ли он тайны столь глубокие, что ничего полнее уже не остается желать, разве что на небесах? 6. Был ли Алькоран послан большему числу народов и языков, чем Евангелие? И кто его проповедники и переводчики? Ведь благодати Божией свойственно все шире распространять свои дары. 7. Содержит ли Алькоран славные пророчества? Какие? Подтверждены ли они ходом событий? Ведь мы можем отыскать в наших книгах как все, что до сих пор совершилось в мире важного (это и магометане признают), так даже и то, чего следует ожидать миру в будущем. 8. Не содержит ли Алькоран чего-нибудь, противоречащего здравому смыслу и философским истинам, подтвержденным свидетельством чувств? 9. Не противоречит ли он в чем-нибудь нашему Писанию, чья божественная природа несомненна? 10. Ощущают ли магометане, что эта книга настолько их просветила, чтобы они могли судить о нас и просветить нашу тьму? 11. Ощущают ли они, что своим учением приближаются к святости и умирляют в себе плотские страсти? 12. Наконец, готовы ли они умереть за истинность своего учения? Может быть, подвергнув Аль-

коран такому испытанию, они сумеют сами разобраться, что в нем истина, а что суета.

33. *И пусть любой другой народ под небом, считающий, что обладает неким откровением, покажет его. Мы будем судить о нем столь же свободно, сколь охотно, с искренней готовностью позволим им судить о наших книгах.* Ведь там, где для всеобщей пользы ищут всеобщий свет, чистый и истинный, делается общее дело.

34. А пока будем без сомнения пользоваться тем, что мы признаем без сомнения божественным. А именно, книгами пророков и апостолов, которые называются у нас святой Библией (т.е. святыми книгами), и священным Писанием, и записанным словом Божиим, которые считаются единой Библейской книгой.

35. Вот что следует здесь попутно заметить: *эта книга не была создана сразу, с самого начала, единой, полной, во всем согласованной системой, наподобие двух других книг (мира и ума); в разные времена и по разным случаям, разное внушалось святым Божиим, а после бывало по воле Божией записано, дабы не погибло от забвения, пока последний из апостолов, Иоанн, не заключил все это Откровением, которое дал ему Бог и повелел записать.* Поэтому, хотя при поверхностном взгляде эта книга не обнаруживает той гармонии строения, которой обладают первые две книги, но тем сильнее и удивительнее внутренняя гармония ее, ибо чувствуется, что все в ней связано божественным искусством. И в свое время это станет ясно.

Г л а в а VIII

О трояком оке, дарованном человеку для созерцания этого троякого Божиего света и всего, что в нем открывается: о чувстве, разуме, вере

1. Бесплезен свет, если отсутствует око, которое воспринимало бы свет и освещенные им предметы (отражения которых свет при помощи испускаемых им лучей представляет в зеркалах). *Следовательно, ристалища и светильники природы, Писания и нашего ума были бы для нас бесполезны, если бы Бог не наделил нас очами для созерцания всего этого. Мы сейчас с благодарностью увидим, что и здесь нас не оставила Божия милость.*

2. Телесное око есть не что иное, как живое зеркало, воспринимающее видимые отражения вещей, доставленные ему силою света, а обитающая внутри душа, чьих окон эти отражения таким образом достигают, созерцает и оценивает их. Если кому-либо это неясно,

пусть подойдет и заглянет в око другому. Он увидит там уменьшенное подобие предстоящего предмета (то есть своего лица), как бывает в других зеркалах. Вот и причина, по которой *нельзя ничего увидеть с закрытыми или затянутыми бельмом глазами или в темноте*. Ведь когда образы вещей не достигают глаза, душе нечего бывает созерцать.

3. *Образы вещей достигают глаза с помощью света трояко. Во-первых, когда вещь как таковая предстоит оку как таковому, и подлежащее рассмотрению находится непосредственно перед его взором*. Так ты, читатель, смотришь на эту страницу – здесь непосредственно присутствуют и ты, и она, и глаза твои. Такое зрение мы называем *прямым*. *Во-вторых, когда на пути между рассматриваемой вещью и глядящим оком располагается зеркало, которое, вобрав образ предмета, отражает его и передает оку смотрящего*. Так ты, читатель, взяв в руки стеклянное зеркало, стал бы разглядывать в нем меня, или самого себя, или эту страницу. Это называется *отраженным зрением*. *Наконец, когда находящееся между рассматриваемой вещью и глядящим оком препятствие устраняется за счет принесения в этот промежуток какой-либо прозрачной среды*. Например, монета, лежащая на дне сосуда, скрыта от глаза стенкой сосуда. Это препятствие можно устранить, если налить в сосуд воды. Монета как бы всплывет и будет хорошо видна. Это называется *преломленным зрением*. *Других способов увидеть что-либо внешними очами нет*. Следовательно, и во внутреннем свете, который нам предстоит рассмотреть, и в тех вещах, которые являет нам с его помощью Бог, будем искать троякий аналог этому.

4. *Вещи мира, окружающие нас со всех сторон, пронизывают нас лучами своей сущности, своих качеств и действий, и благодаря этому могут быть непосредственно восприняты (т.е. видимы, слышимы, обоняемы, вкушаемы, осязаемы)*. Ведь премудрость Божия для того снабдила нас органами восприятия, т.е. *глазами, ушами, ноздрями, языком и руками*, чтобы мы не оставались и неведении о том, что происходит вокруг. Таким образом, наши чувства, дарованные нам *от Бога, суть первое наше око, воспринимающее вещи мира непосредственно, прямым зрением*.

5. *А запечатленные в уме понятия об умопостигаемом и заложенные в уме побуждения с приданными им способностями – все, что постоянно подстрекает нас изнутри и показывает нам число, меру, вес вещей, – воспринимается внутренним оком, отражающим эти число, меру, вес и собирающим их в некие общие образы, или идеи*. Это око ума, изнутри рассматривающее и различающее все умопостигаемое, мы называем *разумом*. Разум – явственное подобие в

нас божественного ока. Он *отраженным зрением* созерцает вещи так, как если бы они уже были помещены внутрь ума. Ведь ум *поистине есть зеркало вещей*, вбирающее отражения всего сущего. И сила, сопоставляющая между собой основания этих отражений, и потому называемая *разумом*, *воспринимает не непосредственно вещи* в их особенности и отдельности, как они существуют вовне и воспринимаются чувством, *но отвлеченные идеи вещей в уме*, и в этом разум некоторым образом подобен Богу, Который заключает в Себе основания всех вещей и, видя Себя, видит все.

6. Наконец, *возвещенное гласом Божиим* воздействует на *третью способность нашей души, которая дает словно бы преломленное зрение вещей*. Ведь множество вещей существует вне восприятия наших чувств и нашего разума (например, что происходит сейчас в государстве Чили, мир там или война, здоров ли их государь или болен, или уже умер, и прочее, чего мы не можем воспринять непосредственно чувствами, ни постичь мыслью, находясь здесь, в Европе). И чтобы мы не отвергали подобных вещей, когда их доносит к нам молва, и тем не лишали себя их познания, мудрый Творец души наделил ее особой способностью, дающей нам познать гораздо больше, чем могут нам сообщить чувства и разум. *Эта способность состоит в склонности охотно принимать все, рассказанное нам другими*, если только рассказчики внушают довольно доверия. Мы называем ее *доверчивостью, или верой*. В данном случае *сообщение, известие, чужое свидетельство* есть своего рода прозрачная среда, которая открывает взору то, что было от него скрыто, и обуславливает таким образом *преломленное зрение*.

7. Итак, мы, по милости Божией, имеем очи и наделены орудиями для восприятия всего, что представлено на сияющих Божиих ристалищах, каким бы образом оно ни было представлено. Ведь для восприятия *всего отдельного и единичного, что содержит мир*, нам дано подходящее орудие, а именно чувства, внешние и внутренние. А ум *содержит все общее, т.е. идеи и мерила этого отдельного*, и для охоты в области умопостигаемого у нас также есть подходящее оружие – *разум, взвешивающий, что может или не может произойти, и почему, и каким образом*. В свою очередь, слово Откровения *содержит все духовное и вечное* (а также то, что телесно и временно, но, по удаленности от чувства и рассудка, может быть познано только через слово), и для восприятия этого мы также вооружены, имея веру. Поэтому, *если усердно применять все это, превзойдя чувствами все единичное, разумом – всё общее, верой – всё, данное в Откровении*, мы сможем *всецело познать все*, что познаваемо по воле Божией и представлено на ристалищах Его.

8. А чтобы достаточность троякого ока стала яснее, я добавлю

следующее. Человек неизбежно вступает в тройное взаимодействие; с миром, полным вещей, людьми, обитателями мира, и Богом, хранителем мира и людей. И вот, тройное око направляет это тройное взаимодействие! Ведь чувственное восприятие управляет в основном взаимодействием с вещами, разум – с людьми, вера – с Богом, хотя зачастую они помогают друг другу. Итак, нашему взору открыто все.

9. Притом открыто каждому человеку, ибо все дано всем одинаково. Всякий, кто послан на внешнее ристалище, в мир, получает внешние орудия, чувства. Всякий, в ком возводится меньшее, но величайшее (angustius, sed augustius) ристалище, ум, также получает способность самоотражения (благодаря которой он ощущает, что ощущает, и понимает, что понимает), разум. Всякий, кто чувствует, как Бог открывает, повелевает, воспрещает, сулит ему нечто или грозит ему, чувствует также, что Богу подобает вера, если только не сомневается, что говорит Бог. То, что иногда ошибкою природы или воли появляются слепые, глухие, глупые, неверующие и т.д., не столь важно. Как правило, все мы получаем чувства, пусть у одних они острее, чем у других; все получаем разум, пусть у одних он прозорливее, чем у других; все наделены способностью верить, пусть одни поддаются убеждению легче или труднее, чем другие. Кузница чувств, мастерская разума, строение веры (в смысле требуемого для пробуждения в нас веры) одинаковы у всех. Поэтому роза пахнет не различно для араба и для перса: ведь устройство ноздрей и мозга у них одинаково. Также индус и африканец одинаково понимают исходное положение: *всякое целое больше своей части*, – ведь строение общих понятий у них одинаково. Иудей почитает Закон так же и по той же причине, по какой христианин чтит Евангелие, а мусульманин – Алькоран, – а именно, каждый из них понимает, что гласу Божию подобают почтение и послушание. Мы можем ошибаться в применении, но мы не можем не применять одни и те же орудия к одним и тем же вещам (чувства – к чувственно воспринимаемым, разум – к умопостигаемым, веру – к вероятным).

10. Из этого вытекает важное следствие: *если бы все мы сумели избежать ошибок, мы все непременно пришли бы к единой истине во всем. Значит, вся загвоздка в том, чтобы представленное Богом на ристалищах Его увидеть не смутно, а отчетливо.* Тогда обман или заблуждение не смогут вкратиться ни в чувственное восприятие, ни в разум, ни в веру. Если это нам удастся, все, и даже мы сами, прояснится во всех отношениях. Итак, начнем искать способы и пути ясного рассмотрения вещей, ясного объяснения их другим и, тем самым, предупреждения ошибок.

Глава IX

О трояком подспорье троякому оку, или о трояком методе тщательного и безошибочного рассмотрения вещей: аналитическом, синтетическом, синкритическом

1. По трем причинам даже здоровый глаз при наличии света не всегда может ясно рассмотреть предмет. Во-первых, если этот последний находится вне поля зрения, так что зрительные лучи, всегда направленные прямо вперед, на него не попадают. Так, я не могу видеть того, что находится у меня за спиной, или загрождено стеной или как-нибудь скрыто. Во-вторых, если предмет находится перед глазами, но слишком далеко, так что зрительные лучи не способны его достичь. Так, я не могу отчетливо разглядеть человека на расстоянии мили. В-третьих, если предмет, хоть и находится близко, до того мал, что недоступен взору. Так, если бы кто захотел разглядеть строение уха или шерстку, или пух у блохи или какого-нибудь еще более мелкого животного, он не смог бы этого сделать из-за самой их малости.

2. Так и для нас, когда мы рассматриваем вещи, явленные на Божиих ристалищах, одно бывает скрыто за другим и потому не видно, или оказывается слишком далеко или по самой своей малости недоступно взору. Ведь ристалища Божии огромны и вмещают огромное количество вещей, и потому из-за множества своего и тесноты они заслоняют друг друга и укрываются от взгляда – я не говорю уж о глубочайших безднах мира, ума, Писания, куда трудно проникнуть нашему взору. Да и сама огромность Божиих ристалищ причиной тому, что многое мы видим лишь издали, а потому или не различаем вовсе, или различаем смутно. Наконец, кто сосчитает, кто поймет все малое в природе вещей, в устройстве человеческих душ и в тайне Писания, в котором столь разнообразно проявляет себя непостижимая премудрость Божия?

3. Возможно ли чем-то здесь помочь? Несомненно, точно так, как для внешнего зрения изобретены три подспорья при трех этих помехах. А чтобы увидеть предметы, расположенные вне поля зрения, если не сами их, то хотя бы их образы, издавна придумано подспорье, называемое *зеркалом*, которое отражает в наш глаз образы вещей, расположенных вне поля зрения. Употребление зеркал известно с глубокой древности, ибо сама природа от начала мира дала образец в *поверхности воды* и прочих весьма гладких вещах. В наше время изобретены *оптические трубы*, приближающие к глазам даже очень отдаленные предметы и позволяющие рассмотреть их словно вблизи. Эти трубы называются *телескопами*. Оставалось лишь отыскать способ ясно рассматривать малые вещи. И вот недавно изобретены

приборы, называемые *микроскопами*. Они сделаны столь искусно, что с их помощью мельчайшие песчинки можно рассматривать словно холмы со своим протяжением, углами и выступами, впадинами и углублениями, очертаниями и границами, и это приятнейшее зрелище. Кажется, в этом отношении нечего уже больше искать или желать.

4. *Есть ли у нас нечто аналогичное в помощь троякому умному оку?* Есть, также по милости Божией. Ибо Он явил вещи на ристалищах Своих не для того, чтобы они были вечно скрыты, но для того, чтобы, одна за другой представая взору, они славили Его величие, а для нас разнообразили наслаждения и умножали пользу. Я имею в виду, что для проникновения во все, в силу своей скрытости, или удаленности, или малости, недоступное ни чувственному восприятию, ни разуму, ни даже вере, мы имеем троякий метод, соответствующий трем вышеназванным оптическим приборам.

5. Первый метод – *сравнительный* [синкритический]¹⁸. С его помощью невидимое само по себе рассматривается на себе подобном. Например, человек не в состоянии увидеть свои внутренности, их число, расположение, очертания и пр., однако, выпотрошив любое животное, он все-таки сможет получить о них представление, поскольку различие не слишком велико. Так и о Боге, Которого никто никогда не видел и видеть не может (1 Тим 6, 16), мы узнаем многое по делам Его, которые Он из глубин Своей вечности выставляет взору, словно тени Своего всемогущества, премудрости и благости. *Прежде всего премудрость, благость и всемогущество незримого Бога можно узреть в живом Его подобии, – человеке. Ведь если человек, жалкий червь, благодаря отпущенной ему искорке божественного света способен облететь мыслью землю и небо, неужели сама бездна света, Бог, не может видеть всего и сразу? Если добрый человек жалеет несчастных, оделяет нуждающихся, гневается на дерзких преступников и противостоит им, а смиренных и умоляющих щадит, неужели сам Источник Добра не таков в бесконечно большей мере? Если человек силою разума может укрощать свирепейших зверей, с помощью сложных устройств возводить башни, передвигать горы, осушать моря, неужели Тот, всемогуществу Которого ничто не может противиться, не пожелает совершать ничего подобного?* И т.д. и т.д. На подобном основании может быть рассмотрено все, что по своей сути скрыто, но обнаруживается через свои подобия, или воздействия, или воздействия своих воздействий, или через любые другие признаки.

6. Второй метод – *разъединительный* [аналитический]. С его помощью части, не видимые в составе целого, выводятся на свет и, будучи приближены к глазам, становятся видны так отчетливо, что уже не могут оставаться непознанными. Например, когда анатом,

рассекая человеческое тело, открывает взору все его строение, оказывается, что оно состоит из оболочек, вен, артерий, нервов, мускулов и костей.

7. Наконец, существует *метод соединительный* [синтетический]. В этом случае всякое целое познается через предварительно познанные его части, причем понимание расположения, строения и свойств отдельных частей позволяет уяснить свойства и действие целого. Например, философ, рассматривая природу и свойства костей, хрящей, мускулов, крови, мокроты, желчи, узнает, что может делать или претерпевать составленное из них тело, а если действия и претерпевания тела были ему известны и раньше, как и какою силою оно действует и претерпевает.

8. Первый наш метод, *сравнительный*, смело уподоблю зеркалу, поскольку он основан на принципе: *все подобное отражается в подобном*. В зеркале также видна не сама вещь, а ее отражение. Второй метод, *разъединительный*, соответствует *телескопу*, ибо основание его таково: *части предмета таковы и их столько, сколько и каких требует целое* (поэтому вещь такова же вдали, какова вблизи). Это становится ясно, когда она приближается к глазу с помощью телескопа. Наконец, третий метод, *соединительный*, подобен *микроскопу* в том смысле, что рассматривает мельчайшие части вещи, чтобы иметь возможность судить о больших. Основание его следующее: *каковы части, таково и целое*.

9. Первый наш способ рассмотрения вещей и доказательства (одно через другое, подобное через подобное) известен и применяется людьми с глубокой древности, как явствует из дошедших до нас памятников. Ибо множество иносказаний, притч, пословиц и тропов, каковыми блещут древние книги и языки, показывает, что едва ли не вся мудрость древних заключалась в символизации вещей.

10. Позднее философы открыли метод прямого рассмотрения вещей, притом двоякий. Во-первых, взгляд издалека, имеющий в виду конечную цель каждой вещи и средства, которыми вещь может быть приведена к этой цели. Такой метод называли *θεωρητικήν*, созерцательным; а когда его начали применять также к сложным вещам, подлежащим разложению на части, он стал называться *αναλυτικήν*, *разъединительным*. Во-вторых, взгляд вблизи или рассмотрение того, что требуется для каждого уже обретенного искомого, то есть как добыть средства, ведущие к назначенной цели, и каковы они должны быть, чтобы мы безошибочно достигли своих целей. Этот метод называли *πρακτικήν*, деятельным, или *συνθετικήν*, *соединительным*. Он может применяться и к уже существующим вещам; в этом случае части рассматриваются для того, чтобы стало ясно, как они действуют внутри целого.

11. В наши дни философы пользуются только двумя методами, аналитическим и синтетическим. Но на самом деле и третий наш метод, сравнительный (назовем его *συγκρίτικῳ*), прекрасно может приносить пользу, пусть некоторым он и кажется менее совершенным, поскольку надежнее рассматривать саму вещь, чем ее отражение. Но мы ведь не отказались от зеркал после изобретения телескопа и микроскопа. Так не будем из-за открытых Аристотелем научных методов, аналитического и синтетического, отбрасывать древний, милый и приятный, синкритический метод. Он тоже сможет нам кое-где пригодиться: так, зеркало иногда приносит пользу там, где не помогут ни телескоп, ни микроскоп, например, если ты хочешь увидеть самого себя, или что-нибудь у себя за спиной, или еще где-то вне поля зрения. Так не будем сами отнимать у себя Божии дары и лишать себя ни одной из отпущенных нам возможностей видеть свет в свете Божиим. Будем пользоваться целиком данной от Бога троякой помощью зрению, трояким методом, дабы в школе света ничего не было упущено.

12. Разъединительным методом мы будем пользоваться в основном при рассмотрении мира и вещей, доступных чувственному восприятию, разделяя составное на составные части, большее на меньшее, пока не придем к мельчайшим составляющим. Соединительный метод послужит в основном для рассмотрения нашего ума и заключающихся в нем понятий, побуждений, способностей. По ним, как бы по частям души, мы сможем познать все ее устройство. Третий метод пригоден для рассмотрения божественных откровений, в коих Бог по большей части обозначает духовное через телесное, так что уместно было бы назвать все Писание одним непрерывным иносказанием. Однако все три метода послужат при изучении всего; ведь для большей ясности можно соединять и сравнивать между собой предметы мира; предметы мышления – разъединять и сравнивать; предметы Писания – соединять и разъединять.

13. Анализ, собственно говоря, исследует части вещи; синтез – порядок частей в целом; синкриз – внутреннюю форму, общую для идей и их воплощения, в которой заключена жизненная сила вещи.

14. Следовательно, начинать всегда следует с анализа, чтобы ознакомиться с каждой частью предмета. Затем применяют синтез, чтобы верно представлять порядок частей в их взаимном сочетании. Наконец, следует синкриз, проясняющий применение как целого, так и частей. Синкриз, повторяю, идет последним, ибо сравнивать можно только вещи заранее известные. Известными же они становятся только после тщательного применения анализа и еще более тщательного применения синтеза.

15. Таким образом, анализ используется для обнаружения состава вещи. Синтез – для установления того, как вещи возникают, существуют, сохраняются; синкриз – для одновременного рассмотрения нескольких подобных вещей. Ведь тот, кто понял природу огня, жара, тепла, света, поймет и все происходящие от них метафоры (как духовный огонь, жар, тепло, свет и т.п.).

16. Аналитический метод будет весьма действенным, если при рассмотрении любой вещи правильно разделить ее на мельчайшие части, потому что синтез лучше всего начинать именно с мельчайших частей. Ведь как понимание, так и правильное применение самого великого достигается через самое малое, то есть целого – через части, частей – через частички, и так вплоть до атомов; и родов – через вид, а видов – через особи. Ибо как величайший свет рождается из искр и из искр состоит (так как искры – мельчайшие части пламени, а соединение их дает пламя, то есть свет), так и понимание величайших вещей состоит из понимания мельчайших. О, сколько света заключено в этом!

17. Итак, к всеобщему свету надлежит применить все три вышеназванных метода, если мы хотим разглядеть даже мелкое, отдаленное и скрытое от глаз, дабы наши действия были правильными. Я поясню свой совет примером. Бог сказал Аврааму: "Сосчитай звезды, если ты можешь счесть их" (Быт 15, 5). Авраам не мог этого, и никто в те времена не мог, поскольку искусство тогда не помогало зрению. А теперь, благодаря телескопу, мы их считаем, причем насчитываем неизмеримо больше, чем можно разглядеть невооруженным глазом. Например, в созвездии Тельца обычно насчитывают 44 звезды, а Антоний Рейта¹⁹ с помощью своей трубы обнаружил 200; в Плеядах их видно семь, а он обнаружил более 100; в Орионе считают 39, а он увидел более 1000, и т.д. Значит, если мы трояким оком ума, применив троякую помощь зрению, рассмотрим книгу Божию, не предстанет ли нашему взору бесконечно большее, величественнейшее, великолепнейшее, чем прежде?

18. Итак, все, видимое нами, должно рассматриваться:

- 1) аналитически, чтобы увидеть составные части вещи;
- 2) синтетически, чтобы понять соотношение частей;
- 3) наконец, синкритически, чтобы вполне уяснить форму, лежащую в основании вещи, и законы действий с вещами.

19. Также ты научишься и делать что-либо, во-первых, аналитически, глядя на образец, понимая, каким образом нечто сделано, и возгораясь надеждой самому сделать подобное; во-вторых, синтетически, воспроизводя образец с целью приобретения сноровки в подобном действии; и, наконец, синкритически, сравнивая свое воспроизведение с образцом (или с другими воспроизведениями), чтобы испра-

вить его, если ты допустил ошибку. Первое создает условие для практики; второе есть сама практика; третье подкрепляет практику и приносит умение.

20. Мы в нашем Совете применим сперва аналитический метод, повсюду начиная с желаемой цели: желательно ли нечто и почему, чтобы выявить необходимость вещи. Затем перейдем к вопросу о средствах, которыми желанная цель может быть достигнута, то есть вопросу о возможности желанной нам вещи. Наконец рассмотрим надежные способы применения этих средств, чтобы они неизбежно вели к назначенной цели – так мы обнаружим доступность вещи. Если теоретическое рассмотрение будет успешным, мы перейдем к синтетическому методу, следуя от простейшего к более сложному, от меньшего к большему, от частей к целому. Наконец, везде, где возникает необходимость объяснить наше наставление с помощью уподобления, ничто не мешает нам вкрапливать синкриз.

21. Такой метод будет поистине математическим, так как состоит: 1) из чистых определений, дабы недостаточная определенность предмета не дала повода к ошибке или спору; 2) из чистых постулатов, дабы не потребовалось привлекать что-то сверх доступного или приемлемого для чувств каждого человека; 3) из чистых теорем, излагающих все начала, по установлении которых можно доказать все требуемое относительно предмета; 4) и наконец, из чистых задач, наглядно показывающих, как из данной теории получается все то, что должно получиться.

22. Такой четырехчленный и кубический метод будет кубом мудрости, непоколебимым, сохраняющим неизблемость при любых перемещениях. Он будет составлен из четырех причин вещей, поскольку определение показывает форму всякой вещи, постулаты открывают ее благу и желанную цель; теоремы объясняют материю, то есть необходимые условия существования вещи; наконец, проблемы составят действующую причину, поскольку всякий тщательно следующий этим предписаниям сможет действовать искусно²⁰.

Глава X

Доступность всеобщего света через понимание Пангармонии начал

1. Мы рассмотрим, что необходимо, чтобы возжечь людям всеобщий свет. Это: 1) три открытых нам Богом источника света; 2) троякое око – органы, которыми мы черпаем свет; 3) протоки, способные доставить свет на любую глубину – троякий метод. Разве не все у нас есть для возгорания великого света?

2. Кто-нибудь возразит, быть может: *все философы читают книгу мира и, однако, расходятся во мнениях; все люди читают книгу души и все же блуждают в потемках; иудеи и христиане читают книгу божественного Писания, но это не мешает им разделяться на секты.* Отвечаю: это правда, и в самом средоточии света жалкими слепцами бродят не только толпы пренебрегающих Божиими книгами, но и те избранные, кто полностью посвятил себя их чтению. При этом они, особенно христиане, обвиняют друг друга не только в невежестве, но и в заблуждениях, которым приписывают различные причины. *Некоторые из нас считают причиной наших заблуждений философию, другие – злоупотребление Писанием, третьи – чрезмерную свободу, предоставленную нами чувственному восприятию и разуму.*

3. Но мы покажем, что *никто не вводится в заблуждение божественным Писанием*, но только тем, что не знает его, как говорит Христос²¹; *не вводится и философией*, но тем, что не знает философии истинной; *не вводится ни чувственным восприятием, ни рассуждением.* Словом, от Бога данные подспорья свету не вводят нас в заблуждение; а заблуждаемся мы, не пользуясь ими, или пользуясь неумело, или злоупотребляя. Ибо:

4. *Большинство людей, присутствуя в амфитеатре Божиих деяний, все же не снисходит до рассмотрения их. Большинство людей, хотя исполнено изнутри разума, обыкновенно не обращается внутрь себя; большинство людей, хотя слышит отовсюду глас Божий, однако не вслушивается.* Всё, что угодно, они готовы делать, только не то, что делать должно. Другие, хотя и желают воспользоваться дарами Божиими, не знают как это сделать. Они смотрят на мир, как на некий хаос, в себя заглядывают, как в темную бездну, на божественное Писание глядят как не знающие грамоты (Ис 29, 12). *Для таких людей свет не свет, разум не разум, и Бог, говоря, не говорит.* Они не обретают света на Солнце, воды в потоке; они тянутся к тому, что у них в руках. Но самое опасное злоупотребление – когда некоторые, видя, не желают видеть, и заставляют истину вещей, божественные свидетельства и даже внушения своего сознания отступать перед своими измышлениями.

5. А если мы захотим, сможем, сумеем использовать книги Божии, мы обречем искомое: тот самый всеобщий, истинный, блистающий свет познания, что разгоняет любую тьму невежества, самих заблуждений наших, откуда бы она ни бралась.

6. Следует заметить, забегая вперед: *все наши сомнения и даже самые наши ошибки исходят от света и свидетельствуют о свете в нас; ведь если бы не сиял в человеке свет разума, никто никогда ни в чем не сомневался бы*²². В самом деле, что такое сомнение, если не

подозрение в ложности? А такое подозрение может родиться только от некоего света, то есть от знания о какой-либо вещи, в силу которого не всякое утверждение кажется нам истинным. Да и само заблуждение *есть свет, но искаженный, пропущенный через замутненную среду*. Говорят: *знание о некоторой вещи ложно. Знание?* Вот свет! Ложно? Вот искажение! *Словом, умный свет предшествует, сопутствует, исторгает, разрешает, наконец, завершает и скрепляет всякое рассмотрение, будь оно истинно или ложно.*

7. Но вот что важно не забывать, а, напротив, с благодарностью принимать и проповедовать во славу Отца светов: *здесь, как и повсюду в природе вещей, Он пожелал, чтобы лекарство было недалеко от болезни*. Пусть все Божии светильники так или иначе слепят нам глаза, самой своей полнотой давая нам, неосторожным, повод к бредням и заблуждениям, однако, если мы сумеем присмотреться, мы увидим разом и лекарства, или *противоядие от ошибок*. Это противоядие, или лекарство, от тьмы в нашем уме мы назовем *Пангармонией, то есть такой упорядоченностью лучей света, что, при умении ее соблюдать, мы непременно обретем сияющий свет, не затуманенный никакими вредоносными примесями, не омраченный пагубными пятнами заблуждений*. Имеет смысл объяснить это подробнее.

8. Музыканты называют *гармонией* приятную согласованность нескольких голосов, будь то живые голоса или издаваемые музыкальными инструментами, духовыми, струнными, либо ударными. Гармония тем приятнее для слуха и для души, чем многочисленнее хоры поющих или чем больше музыкальных инструментов. Поэтому *полную и всеобщую согласованность всего со всем* уместно называть *Пангармонией*.

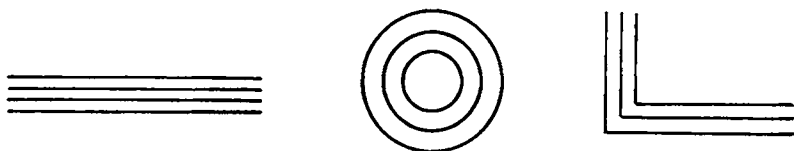
9. И раз мы окружены *божественными голосами, звучащими в речениях Его глагола, осязаемыми в делах Его рук и проникающими тихим шепотом в глубочайшие тайники нашей души*, необходимо постоянно следить за тем, как бы не оказалось тут нечто несозвучное, отвращающее своей нескладностью наш дух, так что он сам лишает себя звучания божественной музыки, или, предвосхищая разногласицу, сам становится нескладен.

10. Как мы дожили, с помощью Божией, до умения приводить в гармонию внешние голоса при пении, так же *необходимо научиться тому, каким образом можно добиться созвучия для нашего слуха окружающих нас божественных голосов*. Я говорю "для нашего слуха", ибо сами по себе они, творения высшего мастера, обладают наивысшей гармонией. Однако для нас, если слушать их неумело, они создают какофонию или ἀφωνίαν, то есть разногласицу или безмолвие. И тогда они или вовсе бесполезны – для людей несведущих, полностью невежественных, или своей несогласованностью вызывают

отвращение и разнообразные помрачения – так происходит с теми, кто недостаточно знает вещи и не способен в них разобраться.

11. Поскольку то, что музыканты называют *гармонией* в хоровом пении, геометры именуют *параллелизмом* в линиях, *пропорцией* – в фигурах, а оптики – *симметрией* или *соразмерностью* в зрительных лучах, а также *благовидностью* или *слаженностью*, *лепотой* или *красотой*, я кратко скажу об этом, дабы яснее стало основание Пангармонии, о которой мы начинаем речь.

12. *Параллелизм* – это равное *взаимоотстояние* линий, двух или нескольких, так что, сколько их ни продолжай, они никогда не совпадут и не пересекутся, но и не разойдутся и не удалятся друг от друга, будь то прямые линии, окружности или что-либо иное. Например:

13. *Пропорция* – это *подобное взаимоотношение* между несколькими линиями или фигурами, то есть как первая относится ко второй, так вторая к третьей и так далее. Пропорция может быть двойная, тройная, четверная и т.д. При этом вещи хотя и отстоят одна от другой, но с равномерной постепенностью, так что можно некоторым образом видеть одну в другой, и одна может быть мерой для другой. Например, как соотносятся 1–2–3–4, так 2–4–6–8 и 3–6–9–12. Как 1 относится к 3, так 3 к 9, 9 к 81, 81 к 6561 и так далее.

14. *Симметрия* – это хорошо *вымеренная пропорция частей*. Если она наблюдается в зрительных лучах, от этого происходит приятный для глаз вид предмета, или та его привлекательность, которая называется *красотой*.

15. Поэтому, когда мы предписываем в пользовании Божьими книгами *гармонию*, то есть *параллелизм*, и *взаимную пропорцию* и *симметрию* как вернейшие средства от ошибок и заблуждений, цель у нас следующая: чтобы эти от Бога данные подспорья и руководства света применялись нами: 1) все; 2) в законном порядке; 3) взаимно поддерживая друг друга, до тех пор, пока не станет очевидна истина, благо и единство в вещах и не исчезнет возможность расхождений или сомнения.

16. Когда мы говорим, что следует применять все подспорья света, мы имеем в виду следующее: во-первых, прочтены должны быть все книги Божьи: мир, ум и Писание. Затем каждая из них должна

быть исследована трояким оком, то есть *чувствами, разумом, верой*; наконец, они должны быть пропущены через призму троякого метода: *аналитического, синтетического, синкритического*. Если хотя бы что-то одно упущено, наступает перерыв, молчание, зияние, нарушенное или несовершенное согласие. Если же применить что-то из этого неверно, возникает заблуждение, разнобой, многообразные нелепости.

17. *Затем применять все это следует по порядку, во избежание путаницы. Начинать следует с чувств, возбуждая и упражняя их при помощи чувственно воспринимаемых предметов, то есть с внешнего мира, дабы знать, что в вещах существует; затем, следует обозреть разум, возбуждая, упражняя, применяя понимание (rationes) вещей, дабы не оставаться в неведении о том, что вещи суть, и для чего они, и почему столько их, таких, такой величины и так далее. Наконец, надлежит привлечь свидетельство извне, как о вещах, уже воспринятых нашими чувствами и разумом, чтобы крепче становилась в нас истина и слаще согласие, так и о вещах, в которые нам не дозволено было проникнуть собственными чувствами и разумом, чтобы восполнить лакуны и усилить гармонию доверием.*

18. *В третьих, скажем, необходимо использовать одно в поддержку другому, чтобы если что-то оказывается недостаточным, неясным, вводящим в заблуждение, остальное приходило на помощь, возмещая недостающее, проясняя темное, указывая и исправляя ошибки.* Так, мир, раскрывая перед нами дела рук Божиих, *да приходит на помощь уму*, не способному иначе раскрыть свои понятия, и *Писанию*, чей смысл порой таится под покровом. В свою очередь, *понятия ума пусть иногда объясняют мир*, отдельные части которого таятся в глубоких укрытиях, а иногда *Писание*, порой не раскрывающее смысл полностью, но позволяющее догадываться о большем, нежели сказано. (Поэтому говорят, например: *Вникайте в Писание. Читающий да разумеет. Говорю для разумеющих.*) Наконец, *Писание да приходит на помощь как миру* в случаях, когда он сам о себе не способен свидетельствовать (например, о своем рождении и гибели, о том, что находится вне его и т.д.), *так и нашему уму*, никоим образом не способному самостоятельно проникнуть в вечные божественные тайны.

19. Именно так могут и должны поддерживать друг друга *чувства, разум и вера*, дабы там, где *чувство* бессильно или ошибается, оно *дополнялось бы и исправлялось разумом и верой*; а если *разум*, то *чувством и верой*; если же *вера*, то *разумом и чувством*. Ведь *чувство*, предоставленное самому себе, может оказаться бессильным или ошибиться, что, как правило, и случается, если ему не приходит на помощь

другое чувство, или разум, или вера. То же бывает и с *разумом*, и с *верой*. Например, шест, наполовину погруженный в воду (особенно под углом), кажется сломанным, хотя на самом деле цел. Ошибка обнаруживается или с помощью другого чувства, например, осязания; или другого способа осмотра, если вытащить палку, чтобы она целиком была на воздухе; или с помощью рассуждений философа²³ о том, почему зрительный луч, прошедший через две прозрачные среды, кажется преломленным; наконец, благодаря свидетельству опытного человека о том, что такие вещи только кажутся сломанными, но не сломаны в самом деле. Поэтому суждения *разума о природных явлениях часто нуждаются в поправках чувственного восприятия, а суждения о духовном и божественном – в поправках веры. Но и вера обманчива, если не подкреплена как должно чувственным восприятием и разумом*, то есть если ты не удостоверился, что о данном предмете сказано в самом деле то, что считается сказанным (что смысл слов в самом деле таков), и что тот, чьим словам ты веришь, не обманывает и не обманут сам. Если оставить это без внимания, возникнет множество ошибок и уж конечно помех и препон для познания. Это очевидно, если поглядеть и на простой народ, который довольствуется руководством чувств, и на философов, которые, витая в долинах разума, пренебрегают данными чувственного опыта, и на множество религиозных фанатиков, которые выхватывают из божественного Писания все подряд, не взвесив ни чувством, ни разумением. Ведь и те, и другие, и третьи невероятно часто ошибаются и имеют самые нелепые понятия, а все потому, что они не соблюли параллелизма и гармонии между началами познания.

20. *Наконец, составляющие троякого метода также должны приходить на помощь друг другу.* Пусть синтез покажет, правильно ли анализ вычленил части целого, анализ же обнаружит, правильно ли синтез воспроизвел вещь. А синкриз выявит, правильно ли проведены они оба, путем сравнения с чем-то другим, более очевидным. Может быть, он разоблачит вкрапшуюся где-то ошибку, а может быть, обнаружит ту же самую истину, сделав ее еще яснее и таким образом упрочив ее еще большим наслаждением духа.

21. Устроить все это должным образом поможет *гармония, малая, большая и величайшая; малая – девяти родов; большая – троякая, величайшая – единая, заслуженно именуемая Пангармонией.*

22. *Малая гармония* налицо, когда отдельные орудия света находятся в полном согласии сами с собой. *Девять родов она имеет по числу орудий света:* ведь книг Божьих три; и око наше трояко; и подспорье зрению тройное. Значит, *мир гармоничен* для того, кто рассматривает и изучает его с помощью предпосылок, каждая из которых удовлетворительно отвечает на любой вопрос о любом явлении мира.

Ум гармоничен у того, кто отчетливо видит все врожденные свои понятия, побуждения, способности. Писание гармонично для того, кто понимает истинный смысл его, извлекая из него не ведущие к противоречию представления. Наконец, гармония чувственного восприятия налицо, если все чувства согласно свидетельствуют об одном и том же. Гармония разума состоит в том, что все основания единогласно подтверждают одно и то же заключение. Гармония веры присутствует, если все свидетельства Писания согласно утверждают одну истину. Наконец, гармония анализа проявляется в том, что при любом способе членения, и кто бы это членение ни производил, вещь всегда делится на одни и те же части. Гармония синтеза – в том, что при любом способе соположения частей получается одно и то же целое. Гармония синкриза – в том, что при сравнении с самыми разными вещами, восходящими, однако, к общему прообразу, обнаруживаются одни и те же свойства и одни и те же их основания.

23. *Большая же гармония возникает тогда, когда согласуются однородные орудия света. Она тройка. Во-первых, гармония между книгами Божьими, когда законы, данные творениям в мире, и законы, запечатленные в нашем уме, и законы, предписанные книгами откровений, совпадают столь полно, что не услышишь ни одной выбивающейся ноты. Второй вид гармонии – между внутренними и внешними нашими очами, когда чувственное восприятие, разум, вера дружески согласны и совпадают так, что не обнаруживается ни малейшего отталкивания. Наконец, гармония между самими методами – когда анализ, синтез и синкриз неизменно показывают одно и то же.*

24. *Наконец, из всех этих отдельных, гармонично устроенных хоров премудрости возникает одна величайшая, всеобъемлющая, всеобщая гармония. Благодаря ей сладко созвучно все и каждое, во всем и каждом, чрез все и каждое. В ней все и повсюду приходит к созвучию через три постоянных интервала: приму, терцию и квинту (музыканты знают, что созвучие невозможно помимо трех этих звуковых интервалов). Возьми начала, середины и концы вещей, при любых отстояниях концов и сочетаниях середин. Повсюду тройной интервал – вечный корень вечной гармонии, и в вещах и в наших понятиях (как и в музыкальном созвучии). Все же прочее повсюду, в любом числе и в любом виде – чистые октавы, например, параллелизм и соотношения большего и меньшего, высшего и низшего, первого и последнего, внутреннего и внешнего, видимого и невидимого, телесного и духовного, земного и небесного, временного и вечного и т.д.*

25. *О Гармония, восхитительнейший отпечаток божественной премудрости на нас и на вещах! О неоценимый дар Пангармонии, при-*

береженный для последних веков мира! О смягчительница света, пылающего в нас, но бешеным метанием пламени затемняющего себя! О целебная мазь для глаз! Благодаря тебе, по милости Божией, мы куда зорче будем глядеть на творения Бога нашего и на самих себя, и на вертоград божественных пророчеств. Для всех скрытых тайн теперь найдутся у нас ключи. И лес вещей, прежде казавшийся непроходимым, станет для нас прелестнейшим садом.

Г л а в а X I

Доказательство всего предыдущего с помощью свойств природного света

1. Покажем, что мы, по милости Божией, понимаем свойства умного света. Поскольку мы сумели понять их благодаря параллелизму с внешним светом, находящимся со светом внутренним в пропорциональном отношении, мы сумеем так же и доказать их. Мы поступим так тем охотнее, что *при этом обнаружится сила и сладость синкритического метода.*

2. *Знаешь ли ты, по какому пути разливается свет*²⁴, – спросил Бог у Иова, не указав этим на безнадежность поиска, но разжигая пламя любознательности. Что Бог, говоря в том же месте о невозможности поймать кита²⁵, в другом месте – о непроницаемости для человеческого разума земной глубины²⁶, и в третьем – о неисчислимости звезд²⁷, и тому подобное, указывает на трудность, а не на невозможность всего этого, очевидно потому, что всех этих вещей в какой-то мере уже в достаточной степени достигло человеческое умение. Ведь северяне научились ловить на крюки китов, космографы – измерять глубину Земли через ее окружность, астрономы – считать видимые человеческим глазом звезды (ведь не невидимые показывал Аврааму Бог!). Да и оптики кое-что узнали о свойствах света – они теперь с математической точностью указывают все, что относится к свету, происходит от света, делается в свете, они близки даже к пониманию сущности света, так что не остается сомнения в точности этой науки.

3. Итак, посмотрим, *можно ли из понимания свойств этого вечного света и сравнения их со свойствами света внутреннего добыть основания для замышляемого нами здания, чтобы природа сама показала нам тропинки к искусству, а искусство – к искомому свершению.* Мы не будем излагать здесь все, относящееся к природе света (речь сейчас не об этом), но вкратце докажем все, относящееся к настоящему предмету, теоретически и практически, через *теоремы и задачи*, по обычаю математиков. Но если и случится нам распространяться о чем-

то более подробно, все же подобное рассмотрение света столь важно, что светлым умам не следовало бы жалеть на него труда и времени: ведь в недостатке усердия им, может быть, пришлось бы раскаиваться.

Теоремы о свете

I

4. *Свет имеет свой субъект, из которого истекает, и объект, в который втекает. Также среду, через которую протекает.*

(Например: дневной свет истекает от Солнца к Земле через воздух. И всякий другой свет истекает от какого-либо светящегося тела в темное тело через диафаническое, то есть прозрачное, тело.) Так же умный свет, познание, исходит от вещей, через чувства, в ум.

Королларий 1

5. *Итак, в телесном свете присутствуют три тела: светящееся прозрачное, темное.*

(Устрани светящееся – не будет истечения света. Устрани прозрачное – не будет протекания. Устрани темное – не будет втекания, то есть не будет течения в целом, не будет света.)

Так и свет знания невозможен там, где отсутствуют или предмет, или чувственное восприятие, или ум.

Королларий 2

6. *Вся природа света – в течении, то есть движении.*

(Ибо луч света переходит от чего-то, через что-то, во что-то.)

Так и познание вещей есть некий переход, при котором ум переходит от чего-то известного к чему-то неизвестному посредством чего-то частью известного, а частью неизвестного.

Королларий 3

7. *Природа света – полностью служебная, то есть предназначенная для воссоединения чувственного восприятия и отстоящих от него предметов.*

(Чтобы можно было решить, надлежит ли их обходить или отстранять.)

Так и познание вещей – не самоцель, а предназначено для их выбора и использования.

Теорема II

8. *Поскольку в свете есть течение, есть и нечто текущее. А также есть пределы, откуда, куда и через что он течет. Есть также определенные способы протекания.*

(То, что течет – луч света; то, откуда течет – само светящееся тело; то, через что течет – прозрачная среда; то, куда течет – предмет, будь он прозрачный, гладкий или темный. Способы протекания – прямой или косвенный.)

Так, в познании вещей, то, что переходит – это образы или отражения вещей; то, откуда они переходят – сами вещи; через что переходят – внешние чувства; куда переходят – ум; при этом пронизываемая часть ума, передающая и отдающая свет – легкомыслие; гладкая, воспринимающая и отражающая свет – внимание и память; а темная, рассеивающая свет – понимание и суждение, быстро умножающие свет, почерпнутый из рассуждения. Способы – большее или меньшее напряжение.

Определение 1

9. *Луч – это некое отражение или образ светящегося тела. (Ты убедишься в этом, если против чего-нибудь светящегося – Солнца, Луны, свечи – поставишь зеркало. Ты тут же увидишь его образ запечатленным в зеркале. Откуда же, как не от проскользнувшего туда луча?)*

Так и то, что привносится в ум для познания и сияет в уме – это отражения (или образы, или подобия, или идеи) вещей.

Определение 2

10. *Светящееся – то, что испускает лучи.*

(Например, Солнце, Луна, звезды, свеча и т.д.)

Познаваемо то, что излучает свой образ через цвет, звук, запах, вкус и т.д.

11. *NB: Не только светящееся, но и светлое, или освещенное, испускает лучи силою залившего его света. Мы убеждаемся в этом, видя, что зеркало при свете отражает все телесные предметы, а в отсутствии света – ничего. Почему, как не потому, что залитые светом тела испускают лучи, а не залитые – не испускают.*

Определение 3

12. *Сквозное – то, что пропускает лучи невредимыми.*

(Например, воздух, вода, стекло, рог, некоторые драгоценные камни и т.д.) Иначе эти вещи называются *прозрачными*, по-гречески – *диафантическими*.

Определение 4

13. *Гладкое – то, что отражает лучи и невредимыми отправляет их в другое место.*

(Таковы предметы с блестящей поверхностью: вода, масло, шлифованный металл, непрозрачное стекло и т.д.)

Определение 5

14. *Темное – это то, что расщепляет коснувшиеся его лучи, рассеивает их по соседним телам и делает эти тела видимыми.*

(Таковы тела с грубой шероховатой поверхностью – земля, камень, древесина и т.д.)

15. Кто угодно может наблюдать действие этих трех объектов света (*прозрачного, гладкого, темного*), если в темном, со всех сторон закрытом помещении откроет окошко и впустит луч света. Если этот проникший в комнату через окошко луч найдет на противоположной стене другое окошко, то, в силу своей прозрачности, воздух, заполняющий это окошко, пропустит луч и выведет наружу, так что в комнате и следа не останется света. А если луч упадет на зеркало, ты увидишь на противоположной стене отражение солнца. Наконец, если луч упадет на саму стену или нечто столь же плотное, то, отразившись и рассеявшись, он осветит всю комнату.

Так и человеческие души неодинаково воспринимают лучи истины. Одни ничего не усваивают прочно, все пропускают сквозь себя без пользы – это тупицы. Другие возвращают ровно столько, сколько получили, – это памятливые. Наконец, третьи раздробляют воспринятое, то есть связывают причину и следствие, и неутомимым рассуждением умножают знание – это люди мыслящие.

Определение 6

16. *Прямой луч – это луч, падающий на поверхность предмета перпендикулярно. Косой – тот, что падает под углом.*

Например, когда полуденное солнце находится у кого-нибудь над самой макушкой, оно достигает его прямо; а для кого оно на горизонте, тех лишь касается косыми лучами.

II. О светящемся и о луче

Теорема III

17. *Предметы светящиеся, откуда истекает свет – это либо тела, помещенные Богом на небосклоне – Солнце, Луна, звезды, либо созданы человеческим искусством – свечи, светильники и др.*

Так и вещи, доставляющие свет в умы, либо даны Богом, либо изобретены людьми. Даны Богом и, будто светочи, предстоят нашему разумению: 1. сам мир, полный вещей; 2. дух человеческий, лучащийся врожденными понятиями, почему Соломон и назвал его Светильник Господень (Притч 20, 27); 3. сверх того, писаная заповедь, о которой Соломон сказал Заповедь есть свет (Притч 6, 23). А факелы, изобретенные людьми, – это творения мастерства и книги, созданные человеческим дарованием. Но насколько уступают наши светильники небесному светилу, настолько же человеческие писания и творения уступают Божиим.

Теорема IV

18. То, что находится в светящемся как его часть, само светится, больше или меньше.

(И Солнце, и свеча – целиком пламя, и сияют каждую своей частичкой. Однако и на самом Солнце можно заметить пятна. Это не потому, что какие-то его части – темные, а потому, что они менее сияющие, чем остальные.)

Так, все в мире, уме, Писании, что сделано, сказано, вдохновлено Богом – все истина, хотя одно может быть яснее, чем другое. Но если взять все это вместе, чтобы одно освещало другое, родится единый, воистину сияющий свет мудрости.

Теорема V

19. Все, что светится, испускает лучи. (Это ясно из определения светящегося.) Так и все истинное излучает свою идею, или образ, и, благодаря ему, познаваемо.

20. Все, что светится, испускает лучи постоянно. (То есть лучи текут от светящегося тела непрерывно, без всякого промежутка, независимо от того, наблюдает их кто-нибудь или нет. Таково Солнце, пока оно Солнце. И любое пламя, пока оно пылает, не может не испускать лучей.)

Так и истина вещей непрерывно обнаруживает себя через свои свойства, действия и претерпевания.

Теорема VI

21. Все, что светится, испускает лучи отовсюду. (Ибо в светящемся нет несветящейся точки, по определению 2. Следовательно, от светящегося тела, например Солнца, исходит не один луч, а бесконечно много.)

Так и все, что истинно, не только в целом, но и в каждой мельчайшей части истинно и являет себя истинным.

Теорема VII

22. *Чем ярче свечение, тем сильнее излучение.*

(Так, Солнце излучает сильнее, чем Луна, ибо оно ярче, а Луна сильнее, чем звезды, так как она к нам ближе и кажется больше, и потому больше и количество лучей. Поэтому более сильное излучение означает или большее количество или большую мощь лучей.)

Так и в качестве истины запечатлевается в уме или то, что само по себе наиболее истинно, например, общие понятия, или то, что доступнее чувствам, например, данные чувственного опыта.

Теорема VIII

23. *Всякое светящееся тело кажется тем ярче, чем темнее окружающая его среда.* (Так, зажженный в поле костер днем едва виден, в сумерки – заметнее, а темной ночью – бросается в глаза. Так и звезды светят ярче всего в отсутствие Солнца и Луны, при Луне – не так ярко, а сиянием Солнца вовсе затмеваются.)

Так и значение какой-нибудь безделицы в уме невежды кажется огромным и сияет для него достаточно ярко, а дух человека образованного, где пылают знания куда более великие, то же самое считает за ничто.

Теорема IX

24. *Всякий луч протягивается по прямой линии.*

(Поэтому, попадая на любой темный предмет, он резко прерывается. Это очевидно во всякой тени, которая есть перехват лучей. Ведь светящееся тело, испускающее луч, темное тело, перехватывающее луч, и затемненное тело, у которого лучи перехвачены, всегда находятся на одной прямой линии.)

Так луч истины прямо достигает ума, в котором запечатлевается. Но если вмешивается какой-нибудь ложный предрассудок, луч бывает перехвачен.

Теорема X

25. *Луч никогда не протягивается до бесконечности, но лишь докуда может.*

(Это очевидно по звездам, которые, в силу своей малости, испускают более слабые лучи, так что их невозможно видеть без помощи оптических приборов. И если ночью в широком поле зажечь свечу, она дает довольно света для стоящих рядом, меньше – для стоящих дальше, а для находящихся совсем далеко – исчезает, то есть не достигает их своими лучами.)

Так угасают и лучи слишком отдаленной истины. Как может занимать мой ум нечто, столь удаленное от моих чувств, что я не могу получить об этом ни малейшего представления?

Теорема XI

26. Луч тем сильнее, чем ближе он к светящемуся телу, и тем слабее, чем дальше, причем сила луча находится в пропорциональном отношении к расстоянию.

(Это следует из последней аксиомы. Ибо свет ярче всего в своем источнике, а растекаясь оттуда лучами, он слабеет. Отсюда следует, что читающие книгу при свече на разном от нее расстоянии в разной мере причастны свету. А именно, тот, кто читает на расстоянии локтя от света, получает вдвое больше света против отстоящего на два локтя и втрое – против отстоящего на три локтя и т.д.)

Так и истина вещей постигается тем точнее, чем ближе рассматривается сама вещь.

Теорема XII

27. Все, что светится, испускает лучи сферически.

(То есть свет распространяет лучи во всех направлениях. Это очевидно, если ночью внести в комнату свечу: она озаряет комнату целиком – и впереди, и сзади, и сбоку.)

Так и истина вещей распространяет свой образ повсюду и общается всем, стремящимся ее познать.

Теорема XIII

28. Следовательно, всякий луч имеет свою сферу распространения, за которую не выходит. У большего света сфера больше, у меньшего – меньше.

(Именно поэтому, чтобы озарить небольшое пространство, достаточно небольшой свет, а для большого потребен больший. Так, чтобы осветить комнату, достаточно свечи, а для просторного чертога нужно или несколько свечей, или огромнейший факел. А чтобы озарить мир, едва-едва хватает Солнца, как оно ни громадно.)

Так и вещи ослепительно истинные имеют большую сферу действия, а более тусклые – меньшую. И ум обширный нуждается в познании многого, а скудный насыщается немногим.

Королларий

29. Из этого ясно, что ближе к центру лучи сильнее, а на периферии слабее.

(Причина в том, что они гуще. А чем шире они разливаются в сфе-

ру, тем сильнее вытягиваются или делятся на ручейки, а значит, и разреживаются.)

Так и при обучении, чем сильнее приблизишь предмет к чувствам, тем сильнее и яснее он их поразит.

Теорема XIV

30. *Внутри своей сферы распространения луч никогда не пропадает.*

(Ведь если он *передается* сквозь прозрачное, то свободно протягивается, покуда можно, до периферии своей сферы; а если он *отражается*, то невинно отправляется в другом направлении; если же *преломится*, то разделяется на много меньших лучей, и сила его этим только увеличивается.)

Так и истина вещей вечна. Если кто-то пренебрегает ею – она пребывает; если кто-то передает ее другому, она перейдет к тому; а если кто расчленил ее рассмотрением, она тем сильнее засияет и умножится.

III. О сквозном, или прозрачном

Теорема XV

31. *Все прозрачное пропускает лучи. Все темное задерживает лучи.*

(Это ясно из определения прозрачного и темного.)

Так и истина вещей проходит сквозь чувства и запечатлевается в разуме и памяти. Ведь если слон не стоит перед моими глазами, образ его пропадает из глаз, но не из разума и памяти.

Теорема XVI

32. *Без помощи прозрачного свет не попадает к темному.*

Так и истина вещей без помощи чувств не достигает разума. Отсюда известная формула: в разуме нет ничего, что не было бы прежде воспринято чувствами.

Теорема XVII

33. *Плотные тела препятствуют прохождению света не потому, что они плотные, а потому, что темные.*

(Ведь стекло – достаточно плотное, твердое и крепкое вещество, но поскольку оно чисто и прозрачно, лучи сквозь него проходят.)

Так и чувства препятствуют порой проникновению истины в разум не потому, что они телесны, а потому, что заняты другим, обременены, замутнены.

Теорема XVIII

34. Прозрачные тела не способны осветить сами себя, а тем более другие тела. Но при наличии света они сразу воспринимают его и передают темным телам. (Это очевидно.)

Так и наши чувства сами по себе неспособны познать никакую истину, зато они воспринимают ту, что предоставляют им вещи, и передают ее разуму.

Теорема XIX

35. Чтобы прозрачное передавало свет в его чистоте, оно должно быть чисто от всякого цвета.

(Через цветное стекло невозможно увидеть собственный цвет вещи.)

Так чувства и ум, если они хотят передавать разуму истину вещей в ее чистоте, должны быть чисты от всякой посторонней влаги, болезни и от всякого предрассудка.

Теорема XX

36. Двойная прозрачная среда преломляет луч и искажает вид предметов.

(Например, шест, опущенный в реку, кажется сломанным, хотя он и цел, так как одна его часть видна сквозь воду, а другая сквозь воздух. При этом часть, видимая сквозь воду, кажется другого цвета и толще, чем та, что видна сквозь воздух.)

Так, если чувственное восприятие вещей исходит не непосредственно от вещей, а опосредовано чужой передачей, оно по большей части порождает ошибочные и неверные понятия.

Теорема XXI

37. Следовательно, то, что находится на преломлении лучей, искажается относительно своих протяжения, очертаний, цвета. (То есть кажется выше или ниже, больше или меньше, чем есть, или другого цвета.)

Так все, что познается через предрассудки, познается неверно; также по большей части и то, что познается с чужих слов.

IV. О гладком предмете, отражающем свет, то есть о зеркалах вещей

Теорема XXII

38. *Всякое зеркало, повернутое к свету, отражает полученные лучи.*

Так всякое внимание запечатлевает в разуме воспринятую истину.

Теорема XXIII

39. *Зеркало, поднесенное к более сильному лучу, отражает сильнее, к более слабому – слабее.*

(Что такое луч более сильный и луч более слабый, ясно из теоремы XI. Поднеси зеркало к свече на расстоянии ладони и оно с силой отразит свет, куда захочешь. Но отодвинь то же зеркало на несколько локтей и ты увидишь, что оно отражает все слабее.)

Так и внимание, чем непосредственнее обращено на сами вещи, тем лучше их воспринимает и запечатлевает в разуме; а чем более отдалено от них, тем слабее.

Теорема XXIV

40. *Всякое зеркало отдает столько света, сколько получило, то есть или полное отражение светящегося предмета, или частичное.*

(Например, если поставить перед зеркалом человека во весь рост, оно всего его воспримет и отобразит; а если только лицо или руку, столько оно и отобразит, ни больше ни меньше.)

Так и внимание воспримет столько, сколько ты ему предложишь, и передаст разуму.

Теорема XXV

41. *Плоское зеркало дает отражение предмета в натуральную величину. (Не больше и не меньше. Плоские зеркала – это те, что не выпуклы и не вогнуты.)*

Так и внимание, если оно соразмерно предмету, способно оценить его по достоинству.

Теорема XXVI

42. *Выпуклое зеркало дает уменьшенное изображение предмета, а вогнутое – перевернутое изображение.*

Так и внимание, если оно недостаточно устремлено на предмет, замечает его лишь вскользь и не может оценить его величину. А внимание превратное оценивает превратно.

Теорема XXVII

43. Разбитое или еще как-нибудь испорченное зеркало дает ломаное и испорченное отражение вещей.

Так и внимание, рассеянное по многим предметам или несоразмерно распределенное, порождает исковерканное, несоразмерное, искаженное и чудовищное понятие о вещах.

V. О темных телах, рассеивающих свет**Теорема XXVIII**

44. Все темное удерживает лучи света, то есть мешает им продвигаться дальше.

Так разум удерживает в себе истину вещей, ибо глубже, чем в ум, истине продвигаться некуда. Следовательно, там она и останавливается, как в своем обиталище.

Теорема XXIX

45. Все темное тем самым, что задерживает лучи, рассеивает их, то есть дает свечение.

(Дело в том, что луч, как и вся природа света, есть движение, и нельзя остановить его так, чтобы он пребывал в неподвижности. Он либо весь меняет направление, как при отражении, либо весь раздробляется вокруг, как при рассеивании. И этот рассеянный луч называется свечением.)

Так и ум принимает в себя истину вещей не так, чтобы она в нем успокоилась, но либо отражает ее на других, обучая, либо умножает почерпнутый оттуда свет познания для себя и других, делая выводы и заключения.

Теорема XXX

46. Свечение, в свою очередь, испускает лучи и, попадая на темный предмет, вновь рассеивается.

(Поэтому оптики делят свет на падающий и рассеянный; падающим называется тот, что сияет непосредственно из раздробившего лучи темного тела: таков свет на оказавшейся против Солнца стене; а рассеянный – это тот, что возникает от повторного раздробления и рассеивания падающего света: таков свет на книге, если поднести ее к освещенной стене.)

Так и понимание вещей происходит не только от вещей непосредственно, но и от рассуждения, и само, в свою очередь, порождает новые рассуждения.

Теорема XXXI

47. Рассеянный свет слабее падающего. Но при их соединении получается свет намного сильнейший.

(Ведь если, желая прочитать книгу, повернуть ее к лучам солнца, света на ней будет больше, чем если повернуть ее к стене, которая осветила бы книгу рассеянным светом. Но больше всего света попадает на книгу, если собрать вместе падающий свет солнца и рассеянный свет стены.)

Так и понимание непосредственно воспринятого несомненно важнее любых основанных на догадках рассуждений, однако рассуждение и разнообразное испытание истины делают понимание вещей прочнее и ярче.

Теорема XXXII

48. При многократном рассеивании свет переходит в конце концов в тень и мрак.

Так и свет рассуждения становится все темнее по мере того, как удаляется от предмета и чувственного восприятия. В частности, мы видим, как это произошло со светом религии. Ведь изначально полученный от Бога через Закон и врожденные понятия свет богопознания (θεογνωσις) в конце концов превратился в тень, и не только у язычников, но и в недрах самой церкви, сначала иудейской, а позже христианской. Случилось же это потому, что они, пренебрегая источником света, Законом, передавали друг другу только отраженный свет, через Предание, и тем все дальше и дальше удалялись от падающего ясного света²⁸.

VI. Об озарении вещей

Теорема XXXIII

49. Свет, возникнув, постепенно усиливается.

(Например, когда искрой поджигают факел. Сначала из темного кремня извлекают искру, которая, попав на горючее, разгорается. При добавлении серы вспыхивает пламя; и наконец, когда светильник или факел зажжены, становится светло. Также когда ночь сменяется днем, сперва занимается заря, потом рассвет, потом мы видим свет восходящего солнца, и наконец, сияние взошедшего и т.д.)

Так и отчетливому знанию предмета естественнейшим образом предшествует смутное, ясному – темное, но постепенно проясняясь, оно приобретает блеск.

Теорема XXXIV

50. Свет делает видимым все, что встречается на его пути.

(Ибо он мгновенно рассеивает мрак и заставляет его отступить.)

Так и благое основание, или идея любой вещи, попадая в разум любого человека, заставляет его светиться и изгоняет оттуда невежество.

Теорема XXXV

51. Свет втекает в предмет только через соприкосновение.

(Иначе: свет озаряет лишь то, чего касается своими лучами.)

Так и образы вещей могут проникнуть в разум, лишь будучи переданы ему услужливыми чувствами.

Теорема XXXVI

52. Луч света падает на противостоящее ему прямо – прямо, на находящееся под углом – под углом, а находящееся позади – никак.

Так и образы вещей, если прямо направлять на них внимание, запечатлеваются хорошо; если косвенно, то слабее; а если не направить вовсе, то никак.

Теорема XXXVII

53. Множество источников света, чьи лучи соединяются, делает свет сильнее.

(Это видно в комнате, которую несколько свечей освещают лучше, чем одна.)

Так и в уме, чем больше познаваемого постигнуто, тем ярче свет знания.

Теорема XXXVIII

54. Однако свет более яркий затмевает слабейший.

(Так, при солнечном свете не заметен свет ни Луны, ни звезд, ни зажженной свечи, ибо их сияние очень слабо сравнительно с солнечным сиянием.)

Так и в человеческом уме: вещи возвышенные, величественные, божественные занимают душу целиком и так воспламеняют ее, что желание, размышления, понимание, касающиеся дел менее значительных, меркнут.

Теорема XXXIX

55. Сильный свет весьма способен к созданию тепла.

Так, если ярок свет разума, воля мощно склоняется к благу и мощно отвращается от зла, умея ясно различить то и другое.

Теорема XL

56. Возможно так собрать, соединить, сгустить лучи света, что они сойдутся в одной точке.

(Это делается путем собирания лучей и сведения их воедино с помощью прозрачного выпуклого предмета, как видно на примере зажигательного стекла.)

Так можно искусно направлять и силу ума, собрав воедино чувство и воображение и приковав их к чему-то одному.

Теорема XLI

57. При таком сгущении свет мощно все проникает и жжет.

(Потому эти стекла и "зажигательные", хотя сделаны из очень холодного стекла.)

Так и духовные лучи вещей, будучи собраны воедино, могут мощно влиять на души, так что не только озарят ум, но и подожгут и воспламят волю. Это случается даже когда эти лучи направлены на вещи, недостойные такого пыла (земные, нечистые, вредные).

Теорема XLII

58. В источнике света свет присутствует первично, а в освещенном теле – вторично.

Так истина в вещах находится первично, а в уме человека, правильно понимающего вещи, – вторично.

VII. О видении вещей**Теорема XLIII**

59. Все светящееся достигает зрения при наличии глаза.

Так и все умопостигаемое стремится быть постигнуто, нужно только предложить его уму.

Теорема XLIV

60. Одного света недостаточно для зрения – нужна еще соответствующая работа глаза. Глаз, в свою очередь, имеет свое строение, действие, пути, которыми он идет навстречу свету.

Так и истина вещей: хотя она и предстает уму через чувства, но, если ум не примет в этом участия, понимание не осуществится.

Теорема XLV

61. *Чтобы глаз видел, он должен обратиться к предмету видения.*

Так же и ум – к предмету познания.

Теорема XLVI

62. *В освещении нуждается не глаз, но рассматриваемый предмет.*

(Так и любое зеркало лучше принимает и отображает подобия вещей, находящихся на свету, само стоя в тени, чем если его тоже выставить на свет. Причина в том, что лучи светящегося предмета сильнее лучей освещенного (по определению 2 и теореме XXX). Поэтому, если сам свет заполняет глаз своим сиянием, он мешает видению других предметов, так как затмевает их, по теореме XXXVIII. Именно поэтому люди с глубоко посаженными глазами лучше видят. И мы, желая разглядеть что-нибудь при ярком свете, обыкновенно смотрим из-под руки, стараясь по возможности уберечь глаза от солнца.)

Поэтому, если мы хотим ясно понять какой-нибудь предмет, нам нет нужды терзать и принуждать разум. Достаточно ясно представить ему истинное основание этого предмета, и он тотчас же ясно его постигнет.

Теорема XLVII

63. *Глаз видит не сферически, но только прямо перед собой.*

(Выше мы сказали, что свет испускает лучи сферически (теорема XII). Не то глаз, который способен воспринимать лишь лучи предметов, находящихся впереди него. Поэтому следует прямо направлять его исключительно на ту вещь, или часть вещи, которую хочешь увидеть.)

Так и внимание ума по природе своей устремляется на одно. Принуждая его сразу ко многому, ты его разрушишь, и оно ничего не воспримет верно, поскольку восприятие, направленное сразу на несколько предметов, притупляется в отношении каждого из них.

Теорема XLVIII

64. *Зрение, как и свет, имеет свою сферу распространения, далее которой не проникает.*

(Ибо видение осуществляется по пирамиде, основание которой –

диаметр видимого тела, а вершина – центр глаза. Образ видимого тела отражается в окружности глаза, или зрачка, и если предмет находится близко, отражение крупнее, а если далеко – мельче и т.д.)

Так и ум хорошо воспринимает подробности предметов только при большом приближении – пропорционально расстоянию.

Теорема XLIX

65. *Чтобы глаз ясно видел, он должен быть свободен от всякого постороннего вещества.*

(Потому страдающим желтухой, у которых глаз полон желтой желчи, все кажется желтым, а меланхоликам – черным.)

Так и ум, чтобы ясно видеть вещи, должен быть свободен от предвзятых мнений.

Теорема L

66. *Незамутненный глаз видит именно то и именно так, что и как ему показано.*

(То есть именно тот предмет, который ему предложен, а не другой. И не только того же самого размера, но и в том же положении, тех же очертаний, того же цвета. Если показываешь человека, увидит человека, если всего, то всего, если часть, то часть, если стоящего, сидящего, лежащего, встающего, белого, черного и т.д. – то также именно такого.)

Так и разумение, если ум здоров, понимает именно то, столько и так, что, сколько и как предстает ему в ясном свете. Поэтому всякое зеркало, всякий глаз, всякий ум с одинаковой легкостью воспринимает и отражает светлое и темное, прекрасное и безобразное, мертвое и живое, небо и землю и т.д.

Теорема LI

67. *Видение осуществляется последовательно, по мере продвижения взгляда по частям предмета.*

(Причина этому следующая: лучи, исходящие от глаза, падают прямо на что-то одно, словно застывая в одной точке. Поэтому, когда требуется рассмотреть предмет, имеющий длину и ширину, луч не может распространиться сразу во все стороны, он должен двигаться постепенно.)

Так и умственное наше зрение, не будучи способно созерцать все или многое сразу, вынуждено разделять предметы на части и рассматривать их одну за другой.

Теорема LII

68. *Поскольку движение совершается во времени, а время требует длительности, то и последовательное созерцание требует длительности.*

Поэтому предметы, увиденные мимоходом, лишь задевают зрение, и не могут быть правильно восприняты ни чувствами, ни умом.

Теорема LIII

69. *Приятны для зрения темные предметы, ибо разнообразие их очертаний и цветов вызывает разнообразное рассеивание света, улаждающее глаз.*

(Если бы не это разнообразие очертаний и цветов, свет сам по себе был бы не приятен, а скорее утомителен. Это становится ясно, если при полуденном солнце смотреть на груды песка или гладь моря, или белую стену, или чистую бумагу. Ведь удовольствие вызывается лишь разнообразием, которого лишен однородный свет.)

VIII. О помехах зрению

70. Скажем также о помехах зрению, дабы научиться устранять препятствия к духовному видению. Помеха зрению может исходить от самого глаза или от света, или от прозрачной среды, или от самого видимого предмета, и основания при этом будут различны.

Ибо:

Теорема LIV

71. *Слабый, заполненный посторонней влагой, недостаточно широко открытый или находящийся на слишком ярком свету глаз видит плохо.*

(Например, когда острота зрения слабеет от старческой немощи, или еще по какой-нибудь причине; или глаз из-за болезни заполнен дурной влагой; или веки сомкнуты сном, либо болезнью; или, наконец, глаза навывкате и поэтому чересчур на свету. Ведь глубоко посаженные глаза видят лучше, так как глаз, незаполненный лучами солнца, воспринимает только лучи предмета и притом отчетливо.)

Так и немощный, пропитанный ложными мнениями ум, небрежно прикасаясь к вещам или, напротив, слишком поспешно на них набрасываясь, плохо различает вещи.

Теорема LV

72. Разреженный, слабый свет слабо освещает предмет; но слишком сгущенный и мощный также притупляет зрение.

Так и вещи, слабо представленные уму, мало что ему говорят; но и изливаемые потоком забивают ум.

Теорема LVI

73. Ровный свет (каковы свет Солнца и хорошо заправленной лампы) нежно касается зрения и делает видение приятным. А свет пылающий или дрожащий (каков свет бушующего огня или плохо заправленной лампы) уязвляет, ранит, расстраивает зрение и мешает видению.

Так и молчаливое созерцание вещей приятнее и полезнее, нежели столкновение доводов в споре.

Теорема LVII

74. Несколько источников света вредят и друг другу, и глазу. Сосредоточенный свет ровнее и спокойнее.

(Поэтому лучше иметь один большой источник света, чем много малых: пусть по силе света они ему равны, но из-за смещения лучей и многообразных их пересечений они повреждают и расстраивают зрение.)

Так и единый, истинный, надежный метод рассмотрения вещей куда как предпочтительнее многих, произвольно сменяемых.

Теорема LVIII

75. Свет, попадающий в глаз непосредственно, повреждает его; а свет, рассеянный по предметам, можно наблюдать безопасно и с пользой.

Так и свет метода и весь порядок вещей, если рассматривать их отвлеченно с помощью предписаний и правил, вредят неопытным, вызывая у них помрачение и головокружение. Но если использовать их для постижения вещей, они позволяют видеть все ясно и приятно.

Теорема LIX

76. Замутненная прозрачная среда замутняет зрение; двойная – преломляет его, и в обоих случаях – обманывает.

(Увиденное сквозь туман кажется больше, чем есть, или дальше; увиденное через воду и воздух кажется сломанным и искривленным и т.д.)

Так, если чувственное восприятие повреждено, вещи не предстают перед разумом так, как должно, и т.д.

Теорема LX

77. Неясный, переменчивый, темный предмет бывает плохо виден.

Так и предмет познания, не ограниченный точными пределами, не имеющий ясной и определенной сущности, воспринимается с трудом.

Теорема LXI

78. Пыль, пепел и тому подобные мелкие вещи, а также пар и дым, могут быть хорошо рассмотрены только в большом скоплении.

Также и слишком мелкие подробности вещей. А если кто все же занимается ими свой ум, этим расширяет и ослабляет его.

Теорема LXII

79. Предмет, представивший глазам не в обычном своем положении и порядке, недоступен познанию.

(Настолько, что даже прекрасно известного тебе друга ты можешь не узнать, если внезапно увидишь его стоящим на голове; попробуй также эту страницу, которую ты так легко читаешь, с той же легкостью прочитать, перевернув книгу.)

Поэтому способ подачи чрезвычайно важен и для предметов умопостигаемых. Если предлагать их беспорядочно, превратно, не с того конца, последует смущение ума, а не свет.

Теорема LXIII

80. Предмет, поднесенный к глазу слишком близко, не виден целиком; а у слишком удаленного невозможно разглядеть части.

(Например, если приложиться глазом непосредственно к стволу дерева, всего дерева не увидишь, так как кусочек ствола займет весь зрачок. Если же удалиться от дерева на несколько стадиев, то не различить числа, очертаний, положений даже ветвей, не говоря уж о плодах.)

То же в умозрении: созерцание целого помимо частей, или какой-то части помимо целого дает несовершенное знание.

Теорема LXIV

81. Если глаза скосить, предмет кажется двойным, и оба изображения – неверные.

Так и ум, обозревающий многое сразу, ничего не схватывает верно.

Теорема LXV

82. Если между глазами и свечой поместить палец, то или свеча, или палец непременно будут двоиться.

(Если сосредоточить взгляд в основном на свече, свеча будет одна, а пальцев два, а если в основном на пальце, то наоборот.)

Так и ум, если он устремлен не четко на сам предмет, а на что-то за предметом, может увидеть то, чего нет, или увидеть не так, как оно есть.

IX. Каким путем мрак затмевает свет

83. Мы рассмотрели ясные пути света. Рассмотрим теперь темные пути мрака. Пусть это не столько пути, сколько боковые тропинки и закоулки, их все же следует знать, чтобы их остерегаться. Поэтому расскажем в немногих словах, где, как и какую силою мрак порой превозмогает свет.

Теорема LXVI

84. Там, куда не проникает никакой свет (ни прямой, ни косой, ни падающий, ни отраженный), прочно залегает мрак.

(Как в глубоких подземных пещерах.)

Так и в умах, куда не проникло никакое знание, неизбежно царствует невежество.

Теорема LXVII

85. Там, куда не проникает подающий свет, но один лишь рассеянный, свивает себе гнездо тень.

(Например, в уступе горы, или под деревом, или в углу дома и т.д.)

Так тот, кто довольствуется лишь косвенными сведениями о вещах, непременно получит лишь смутное и темное о них понятие.

Теорема LXVIII

86. Всякое темное тело, чья внутренность скрыта, есть обиталище мрака.

(Например, внутренность камня.)

Так темен бывает изнутри человек, лишенный чувственного восприятия или не желающий, или не умеющий, или пренебрегающий обратить его на рассмотрение вещей. Поэтому князь тьмы предложил людям земные блага и насытил ими их чувства, чтобы они не могли видеть истиннейшего и лучшего блага.

Теорема LXIX

87. Темное тело, расположенное на свету, с одной стороны освещается, с другой затеняется.

(Так бывает с Луной, Землей и любым находящимся на свету предметом.)

Так и человек, находящийся в мире, окутанный телом и всяческой телесностью, освещен постольку, поскольку он занят собиранием света мудрости; а поскольку теснят, задевают и волнуют его земные вещи, постольку он погружается во тьму.

Теорема LXX

88. То, что отворачивается от света, само себя затемняет.

(Например, бык, отвернувшийся от Солнца, видит перед собой свою тень.)

Так и разум, отвернувшийся от вещей к самому себе, порождает вместо верного суждения о вещах тени ложных представлений. И воля, отвернувшаяся от Бога, истинного своего света, чем бы она себя ни улаждала, по собственной вине принимает тени за сущие вещи.

Теорема LXXI

89. Тень и мрак прикидываются, будто обладают действительной и положительной сущностью, каковой на самом деле не имеют.

(Ведь они хотят казаться действительнее, плотнее, осязательнее самого света, а сами суть лишь отсутствие действительной сущности, света. При появлении света они мгновенно исчезают, и становится ясно, что они – ничто.)

Так и невежество, даже самые заблуждения, нравятся сами себе и выдают себя, покуда нет ничего иного, за подлиннейшее знание и истину. Но появление знания и истины разгоняет их, как Солнце разгоняет туман.

Теорема LXXII

90. Тень воспроизводит очертания темного тела, которым отброшена, и поэтому словно льстит ему, показывая его изображение.

Так, невежество и заблуждение зачастую нравятся невежественным и заблуждающимся как собственный их образ. И если появляется что-нибудь иное, это кажется им неуместным.

Теорема LXXIII

91. Свет не боится и не избегает тени и тьмы, а тень и тьма боятся и избегают света.

Так ясное и точное знание предмета не обеспокоено чужим невежеством и заблуждением. Зато невежественные и заблуждающиеся, не будучи вполне уверены в себе, обычно бегут и уклоняются от света истины.

Теорема LXXIV

92. Когда свет удаляется, наступает тьма, а с его возвращением отступает.

Так тот, кто пренебрегает светом познания, прокладывает к себе путь мраку невежества. Если кто не заботится о том, чтобы увериться в истине, он открывает к себе доступ заблуждениям. Напротив, тот, кто усердно умножает свет знания истины, отклоняет от себя тьму невежества и заблуждений.

Теорема LXXV

93. Тень, бегущая от света, всегда обосновывается в противоположном свету месте.

Так невежество и заблуждение обосновываются преимущественно там, где не чуют исследования и испытания.

Теорема LXXVI

94. Чем ярче свет и чем темнее находящееся против него тело, тем гуще тень.

Так, чем ярче сияет человеку свет истины и чем упорнее он противится этому свету, тем глубже погружается в слепоту.

Теорема LXXVII

95. Насколько светящееся тело меньше темного, настолько слабее оно его освещает, и тем самым позволяет тени расти и шириться. И напротив, насколько светящееся тело больше темного, настолько ярче оно его освещает, сокращая и изгоняя тень.

(Это известно из оптики, да и видно наглядно, если кто захочет провести опыт.)

Так и малый свет не изгонит заблуждения из заблуждающейся души, а скорее усилит его. А яркий свет ярко озарит ее и поколеблет, ослабит и, наконец, изгонит тень.

Х. Королларии к теории о свете и тьме

96. *Путь во тьме опасен.*

Так и всё, затеваемое во тьме ума, невежестве, безрассудно.

97. *Опасно ступить даже на один шаг, если не знаешь, куда ступаешь, и уж вовсе безрассудно продвигаться таким образом.*

Но много безрассуднее действовать в жизни, не руководствуясь постоянно светом мудрости и истинным познанием всех вещей.

98. *Итак, свет единственное, зато мощное средство против тьмы.*

Так и мудрость – единственное средство против невежества, безрассудства, глупости.

99. *Чем ярче свет, тем легче он проникает всюду, даже в малейшие щели, изгоняя ненавистную ему тьму.*

Значит, если умный свет станет ярким, неужели не останется у него сил отогнать от рода человеческого тьму заблуждений?

100. *Сотворенный свет не бывает столь чист и ярок, чтобы к нему не примешивалась никакая тень или пятно.*

(Нет ничего ярче Солнца. Но и с ним не только бывают порой затмения, но есть даже пятна на самом его теле.)

Так и в сотворенном уме свет не бывает без изъяна.

101. *Пути света так созданы Божественным искусством, что всякое блуждание исключено, и все сводится к незыблемым законам, что может быть доказано с математической точностью.*

Подобным образом и умный свет, мудрость, может и должна быть сведена к незыблемым законам метода. В обучении и учении не должно остаться ничего зыбкого и текучего, все должно обладать осязательностью механики.

102. *Мрак не может без конца бродить, как ему угодно. Пусть против воли, но он подчиняется законам света.*

Так и невежество, морок, заблуждения не смогут бесчинствовать на воле, если их должным образом вывести на простор света и стреножить путами истины.

103. *Следовательно, нам надлежит стараться, чтобы все наши выводы были ясны, связны, несокрушимы.*

Глава XII

Как возможно применить и сосредоточить свойства света для повсеместного изгнания тьмы

Итак, у нас была теория света и тьмы. Теперь следует практика. Уже теперь ясно, что оптические науки могут быть применены к практике умного света. Но если привести для примера несколько задач, это станет еще яснее.

Задача I

Добиться, чтобы светящееся светилось ярко

Это достигается трояким образом: 1. Добиваясь, чтобы все части светящегося светились, то есть удаляя те, которые могут затмевать свет, например, летающие в самом пламени кусочки золы. 2. Прозрачная среда должна быть светлой и тонкой, не туманной, не плотной, по возможности однородной (теорема XXX и т.д.). 3. Сам предмет должен быть правильно повернут к свету дабы на него был направлен подающий свет, или падающий и рассеянный одновременно (по теореме XXXI).

Так и в разуме возгорится яркий свет, если: 1) Все творения, слова и веления Божии будут употреблены для освещения человеческого ума. 2) Они проникнут туда через незамутненные чувства. 3) Ум будет со вниманием обращен к ним.

II. Хорошо осветить предмет

1. Нужно взять большое светящееся тело, так чтобы лучи были либо многочисленнее, либо мощнее (по теореме VIII). 2. Предмет нужно поместить внутри сферы свечения и как можно ближе к светящемуся телу (по аксиомам XI, XII, XIII, XIV). 3. Следует так повернуть его к свету, чтобы лучи падали на него прямо перпендикулярно (аксиома XXXIV). Предмет, поднесенный к свету таким образом, будет хорошо освещен.

Итак, если ты хочешь ярко озарить человеческий ум, приблизь к нему ярчайшие светочи, то есть саму природу вещей, и понятия души, и слово Божие. И помести ум посреди них, чтобы отовсюду падали на него лучи. И к каждому из них направь внимание. Невозможно, чтобы не возник из этого великий свет.

III. Сделать вещь видимой

Первое – это нужно поднести ее к глазам, а не к затылку (по аксиоме XLV, XLVII). 2. Открыть глаза (теорема XLIV). 3. Зажечь

свет, чтобы предмет начал испускать лучи (определение 2 со своим королларием). *Так же происходит и в уме.*

IV. Помочь слабому зрению

Если слабость происходит от разреженности зрительных сил, применим *стеклянные очки*, которые собирают исходящие от предмета лучи и приближают их к зрению (ведь обычные очки – это род телескопа).

Так и слабому уму бывает легче, если самые необходимые вещи предстают наглядно с помощью метода, а подробности опускаются.

Если же слабость зрения происходит от недостатка сил, как при посте, надлежит вовремя дать спасительное пропитание. Так произошло и Ионафаном, когда вкусил он меда и просветлели глаза его (1 Цар 14, 27).

Так теоретическое разумение подкрепляется практикой. Поэтому Христос сказал: Кто захочет творить волю Божию, тот узнает о сем учении, от Бога ли оно (Ин 7, 17). А также: Моя пища есть творить волю Божию (Ин 4, 34). А псалмопевец: Разум верный у всех, исполняющих заповеди Его (Пс 110, 10).

V. Чтобы вещь любого размера была видна целиком

Целиком представь ее зрению, и целиком увидишь (по аксиоме XXIV).

Так, если, показывая нечто разуму, показывать это целиком (от края до края, от начала до конца, сверху донизу, справа налево), разум непременно целиком и воспримет.

VI. Чтобы предмет казался таким, каков он есть

Этого можно достичь, предлагая предмет зрению в естественном (а не обратном) порядке его частей (теорема XXV, XXVII), через чистую, однородную, незатуманенную среду (по аксиоме XIX).

Следовательно, если очам ума ты представишь предмет так, как он есть; и если ты представишь его непосредственно как таковой, а не по чужим о нем рассказам и предрассудкам, ум увидит его так, как он есть.

VII. Чтобы вещь была видна ясно

Ее следует поместить: 1. Перед ясным оком; 2. В ясном свете и ясной, без преломления, прозрачной среде; 3. На должном расстоянии.

Так и для ясного понимания вещей их нужно предлагать: 1) зоркому уму; 2) ясно, в должном освещении метода; 3) возбудив внимание и дав необходимое время. Предмет непременно будет воспринят.

VIII. Чтобы вещь была видна отчетливо

Следует показать ее не только мимоходом в целом, но и по частям, частицам, частичкам и т.д. Для этого нужно время, так как, чтобы рассмотреть отдельные части, приходится переводить глаз с одного на другое. А движение, будучи последовательно, не происходит мгновенно, но требует длительности (теорема LI, LII). Однако и каждая отдельная часть требует времени, если нужно рассмотреть все отчетливо, так как и части, в свою очередь, имеют свои частицы, частички и т.д.

И ум не иначе способен проникать вещи и т.д.

IX. Чтобы удаленную вещь можно было рассмотреть как близкую

Приблизь ее к глазам, или, если ее нельзя сдвинуть, подойди к ней сам. Если то и другое невозможно или нежелательно, возьми подзорную трубу и с ее помощью приблизь к себе образ вещи, и ты сразу сможешь лучше о ней судить.

Так же и с предметами, далекими от нашего разума; или следует постараться приблизиться к ним, чтобы они могли быть восприняты чувствами, или применить подзорную трубу Пангармонии, при помощи которой предмет, непознаваемый как таковой, может быть отчасти познан по однородным с ним и ему параллельным.

X. Не видеть того, чего видеть не должно

Пусть такое или постоянно изгоняется, чтобы никогда не попало на глаза; или пусть не появляется при свете; если же избавиться от него невозможно, пусть оно появляется не обнаженным, а каким-либо образом прикрытым.

Так, то, чего мы не желаем знать и разуметь, не следует допускать к чувственному восприятию, или следует отвлечь куда-нибудь внимание, или, наконец, следует применить надлежащие меры к устранению вреда.

XI. Полностью осветить и воспламенить предмет

Плотное прозрачное вещество (каковы стекло, драгоценный камень, лед, рог и т.д.), которому определенным образом придана выпуклость, собирает лучи солнечного света (пример Солнца – самый

очевидный, ибо оно наиболее мощно) в конус, и всю их озаряющую и освещающую силу сгущает в одну точку, так что глаз бывает ослеплен блеском. И если дано довольно времени, и если вещество, на которое падают лучи, горячее, то оно воспламенится.

Подобную силу обретает и излучение вещей духовных (в особенности небесных), если оно, будучи воспринято со всею силой внимания и воображения, сходится в средоточии сердца. Тогда душа бывает залита невероятным светом и охвачена пламенем. Это можно было бы делать по строгим правилам, и даже прежде, чем в случае с телесным светом, если бы у нас было достаточно разработано искусство убеждения и смягчения душ и если бы люди поддавались обработке так же хорошо, как стекло и ему подобные вещества.

XII. Изгонять отовсюду тьму

Это не требует искусства. Достаточно внести свет, и тьма сразу обратится в бегство (по теореме LXXI, LXXIII). Ведь не приходится человеческим трудом разгонять тьму, готовить проход восходящему Солнцу. Тьма сама отступает, вернее, бежит, стоит Солнцу взойти. Одно только нужно: распахнуть окна. И раздвинуть занавеси, если они есть, чтобы полнее залили комнату солнечные лучи.

Так и умственная темнота сама исчезает при появлении предмета познания, поскольку и свет очей, и прочие чувства, а через них и ум, сами стремятся к своей пище. Так что истине нет нужды, укрепляя свое царство, тратить силы на борьбу с заблуждениями, ей стоит только показать свою незыблемость, и заблуждения рассеются, как дым. Нам же остается лишь разогнать туман небрежения, раздвинуть завесы предвзятых мнений, дабы лучи истины проникали в душу легче и свободнее.

XIII. Осветить места, сами по себе недоступные лучам света

Это можно сделать с помощью отражающих лучи зеркал (аксиома XXII и т.д.). А куда не может проникнуть прямой луч (например, в расщелины земли, подземные впадины, пещеры и т.д.), туда может проникнуть отраженный, хотя и с многократным и сложным преломлением. Ведь можно поставить много зеркал. Конечно, при этом не обходится без некоторых потерь и уменьшения света, поскольку вряд ли бывает зеркало настолько гладкое и так чисто отражающее лучи, чтобы луч частично не повреждался и потому не терял чего-то при отражении.

Так и если кто погряз в столь глубокой бездне невежества или заблуждения, что не видит ни проблеска находящейся снаружи истины, то следует при помощи связанных умозаключений вывести его туда, где он сможет увидеть хоть лучик истины.

***XIV. Чтобы глаза, привыкшие к мраку,
приспособились переносить свет***

Рассказывают, что люди, долгое время томившиеся в подземельях и отвыкшие от света, слепли, когда их внезапно выводили на свет. Нечто подобное происходит с людьми, привыкшими к мраку заблуждения: воссиявший внезапно свет истины пугает и раздражает их, и они либо бегут от него, либо яростно ему сопротивляются.

Что же тут можно сделать? Это ясно из теоремы XXIII. Нужно, чтобы свет, особенно небесный (в делах религии), представал не сразу в полном своем сиянии, а постепенно. А именно, из мрака люди должны постепенно подняться к тени. От тени – к освещенному месту. От освещенного места к свету и, наконец, к самому сиянию света. Иначе это не бывает. Следовательно, если нужно людей светских приготовить к небесному, плотских – к духовному, неверных – к вере, следует действовать строго постепенно, начиная с известного и постепенно переходя к неизвестному. Примеры такой осторожности дали нам также Христос и апостолы.

Однако начнем прилагать эти свойства света к нашей всеобщей задаче.

***XV. Зажечь для мира величайший всеобщий свет,
ярче которого не дано***

Если взяты разом все возможные источники света, возникает ярчайший возможный свет. Мы уже убедились (теорема III), что таких источников света, способных просветить умы, только три, те, что даны от Бога: природа, Писание и врожденные понятия. Итак, если все три взять разом и соединить в единый свет (дабы в небе нашего разума лучились сразу все имеющиеся там звезды, Луны и Солнца), возникает величайшее возможное пламя света. Величественнее его может быть только сам вечный, не подобающий смертным, свет.

***XVI. Предложить величайшему свету величайший предмет,
величественнее которого не дано***

Предмет умного света – человеческий ум, который надлежит преисполнить разумением вещей. Следовательно, величайшим предметом умного света будет всечеловеческое разумение, которое надлежит просветить этим всеобщим светом.

***XVII. Добиться, чтобы все люди обратили взоры
к этому свету***

Для этого не нужно тайного искусства. Пусть только всеобщий свет пылает не под сосудом, а на подсвечнике, чтобы лучи его свободно расходились по дому мира²⁹, и взоры всех людей сами обратятся к нему. Что природа света действительно такова, ясно видно по новорожденным: свет привлекает их прежде, нежели доступное всем другим чувствам, и они, хотя и бессознательно, следят за ним глазами. Так неужели красота вещей, которую для всех обнаружит при своем возникновении всеобщий свет, не сумеет каждого пробудить от привычной спячки? Не важно, что сейчас мы трудимся не над общим, а каждый над своим. Это можно пояснить примером внешнего света.

Если люди собираются где-то ночью (например, в храме, школе или какой-нибудь огромной мастерской), там горит множество светильников, и никто не следит за всеми сразу, и все не следят за одним, но каждый смотрит на свой. А когда восходит Солнце, чьего сияния довольно на всех, разве не наступает для всех покой и не гасят эти частные светочи? То же бывает и с нами, когда мы развлечены мирскими занятиями. Одни ищут света в мире и чувствах, другие в разуме и воображении, третьи – в рассказах и откровениях, человеческих и божественных, а из этих последних одни в Законе, другие в Евангелии и т.д. Но когда все эти истинные источники света сольются в один воистину великий свет, кто же не повернется к нему?

***XVIII. Убедиться, что этот свет проникает даже
к отдаленным племенам***

Если бы в мире имелось несколько солнц (например, два, находящихся друг против друга), у всех народов был бы вечный день. Но день без ночи предназначен не этому веку, он приберегается для вечности (Откр 21, 25). Однако и одного Солнца хватает, чтобы озарить всю Землю постепенным своим движением, дневного и годового, а также с помощью своих наместников – Луны и звезд.

Так и всеобщий умный свет, однажды загоревшись, сможет через отражение лучей (т.е. перевод необходимых книг на народные языки) постепенно сообщиться всем народам.

***XIX. Добиться того, чтобы любая человеческая деятельность
проходила в свете***

Когда над Землей стоит Солнце, то куда бы ни повернулся человек в открытом поле, он всегда будет на свету. Так, если солнце мудрости, выявляющее и объясняющее основания всех вещей, озарит сердце человека и все его действия и помыслы, человек, где бы он ни был, непременно поймет, как, отчего и каким образом все повсюду происхо-

дит. И поскольку наивысший свет души – Бог, сияние Его так может и должно разливаться по вещам, чтобы куда душа ни повернется, перед очами ее было блистание этого света. Разве что, отвернувшись от света (по теореме LXX), она станет ему противиться (Иов 24, 13), каковое извращение называется вечной тьмой (теорема XXXVI).

***XX. Добиться, чтобы не затемнялось разумение,
уже залитое светом***

Как тень отбрасывается темным телом, находящимся между нами и источником света (теорема LXIX), так и разумение помрачается туманом предвзятых мнений и ненадежных преданий; если прогнать от себя этот туман, чтобы вещи сияли твоему разумению непосредственно, всегда будешь ясно видеть то, что есть.

XXI. Препятствия возвращению мрака

Нам следует остерегаться, как бы, довольствуясь рассеянным светом, не пренебречь первичным, то есть падающим. Ведь то, что хранится небрежно, может потеряться (по теореме XXXII).

До сих пор мы рассматривали свойства того и другого света параллельно. Я надеюсь, что это дает надежду на такую же точность и неопровержимость нашего труда об умном свете, каковы точность и аподиктичность оптического рассмотрения внешнего света. Если только хватит у нас сил, заложив правильное основание, с полной тщательностью довести дело до конца. А мы, желая совершить, сколько даст Бог, всего Податель (ведь Он различно распределяет Свои дары и разные уроки раздает трудящимся для Него), нуждаемся лишь в одном – чтобы глаза наши были чисты и внимательно устремлены на все, что открывается в ясном свете.

Г л а в а XIII

***Рассмотрение препятствий, по вине которых древние
не обладали полнотой всеобщего света***

1. *Мрак покрывает земли, и тьма – народы, –* вопиял в свое время Исайя (60, 1). Чего только ни предпринимали за века, чтобы разогнать эту мглу. Философы приложили немало усилий, чтобы избавить от мрака умы. Политики перепробовали тысячи способов упрочить государство. Теологи всех времен и направлений корпели над очищением религии. И каковы же достижения? Они видны по нескончаемым вздорным спорам, по царящим всюду тираниям с их разнообразными жестокостями, наконец, по утеснениям совести.

2. То тут, то там нередко возникала великая надежда на исправление дел. Но кончалось все тем, что после очередного переустройства впору бывало воскликнуть вместе с тем же Исайей: *Приближается утро, но еще ночь* (21, 12); *Ждем света, и вот тьма, – озарения, и ходим во мраке* (59, 9).

3. Возможно, кто-нибудь удивляется, почему так вышло? Почему полный свет до сих пор не был увиден полностью? Ведь похоже на правду, что дарования древних были живее наших, поскольку и мир был моложе; и досуга для постижения мудрости было у них больше: да и жили они дольше – каждый из них проживал век нескольких наших поколений. Стало быть, им не было причины повторять Гиппократово изречение: *Жизнь коротка, а ученье – долго*. Притом жизнь их (я говорю о допотопных патриархах) проходила в полнейшем покое, ибо войны еще не сотрясали мир. Ну, а мы – вчерашние³⁰, рождаемся и умираем, и даже немного, что нам отпущено, бывает то вовсе отнято у нас, то исковеркано в разнообразных потрясениях. И Божией помощью те, несомненно, не были оставлены, ведь Божией мудрости любви простецы. Нередко Бог устаивал даже обратить к ним слово Свое. *Так что же? Почему не нашли они или не открыли панацеи от тьмы, всеобщего света? На это должны быть причины, и их надлежит рассмотреть.*

4. *Причины можно искать в Боге, людях и в самих вещах.*

5. *Что касается Бога, на ум приходят три причины, почему Бог лишь постепенно открывал человечеству умный свет.* Мы почерпнули их из троякого Божиего промысла о человеке (создание человека, поселение его на Земле, предоставление самому себе), который объясняется в откровениях.

6. *Первая причина состоит в том, что Богу угодно было создать людей не всех сразу, как ангелов, но так, чтобы от одного человека, будто от корня, произошел постепенно весь человеческий род, словно развернувшееся всеми своими ветвями дерево.* Раз так, и удел его не может быть иным, чем у дерева – а именно, постепенно набирать силу для роста и плодоношения, становясь все больше и все лучше. Молоденькое нежное деревце не способно приносить плоды. А когда оно впервые их приносит, эти плоды бывают жесткими, водянистыми, недозрелыми. Причина – в близости кроны к корню, а также рыхлости древесины. А взрослое дерево приносит плоды более сладкие, потому что сок в нем дольше течет по длинным протокам ветвей и, благодаря твердости древесины и узости проходов, бывает чище, а также и потому, что плоды, висящие в воздухе, лучше растут и лучше вызревают со всех сторон. Если жизнь всего человеческого рода сопоставима с жизнью одного человека (что, несомненно, так), становится вполне ясно, почему позднейшие поколения обладают большим знанием. Ведь мальчик знает больше, чем младенец; юноша

больше, чем мальчик; мужчина больше, чем юноша, и наконец, старец знает больше, чем они все. Дело в том, что он более опытен, ибо каждая ступень жизни дает случай испытать нечто новое. Именно поэтому говорит Бог у Ездры: *как младенец не может производить того, что свойственно старцам, так Я устроил созданный Мною век* (3 Езд 5, 49). Значит, если все идет как следует, мы, стоящие ближе к старости мира, должны, в результате стольких испытаний и ошибок предшествовавших поколений, сделаться мудрее.

7. *Второй промысел Божий о человеке при помещении его в это поднебесное ристалище был таков, чтобы мир не только вскормил его, но и научил*, дабы здесь он заранее упражнялся в том, что сделает его пригодным для вечной академии и созерцания несотворенного света. Мудрые устроители школ делят младшую и среднюю на классы, последовательно подчиненные высшей школе (академии). Не мог не сделать того же и мудрейший Основатель и Устроитель школы мира. Поэтому во все возрасты мира Ему было что показать, и людям всегда было за что признавать, восхвалять и превозносить мудрость Божию. Отсюда следует, что люди первых веков проходили младшие классы Божией школы, люди средних веков – средние классы, и они не могли перескочить первые и средние ступени продвижения. И насколько мы ближе к концу времени и открытию вечной академии, настолько ближе мы подходим к мудрости (как и требует закон поступательного движения), пока времена сменяются временами, события – событиями, свет – светом.

8. *Третий промысел Божий касательно помещенного на землю человека заключался в том, чтобы предоставить его до времени самому себе, дабы Бог, глядя на игры подобия Своего, забавлялся ими*. Сама мудрость Божия объявила об этом пером Соломона, уподобив игру Свою с нами невинной забаве детей, когда один прячется от другого, потому что хочет, чтобы его искали, а искали, чтобы нашли, а нашли, потому что это забава для них обоих (Притч 25, 2): *Слава Божия – облекать тайною дело, а слава царей – исследовать дело*. Значит, чтобы играть с человеком, Бог не захотел общаться с ним непосредственно и открыть ему сразу все. Бог, выставив перед глазами человека порядок вещей и вложив ему в душу некий свод правил, захотел посмотреть, что он станет делать. Бог не собирался вовсе покинуть его, если будет нужда в наставлении, но намеревался наставлять лишь по мере нужды. Именно поэтому Он позволил человеку, и даже поручил ему, *рассмотрев вещи, всем им дать названия, и благодаря этому повелевать ими*. Усмотрение о третьей книге, книге сверхъестественных откровений, Он оставил себе: Он не стал отдавать ее в человеческие руки всю и разом, а передавал по разным поводам через разные промежутки времени, дабы ясно стало, что небо небес Господу, а землю Он дал сынам человеческим (Пс 113, 24), взирая с

неба на которых (Пс 32, 13–14), Он мог бы время от времени исправлять их заблуждения.

9. Мы сказали о причинах позднего роста умного света, относящихся к Богу. *Если мы обратимся к людям, то увидим, что они не могли, не желали и не умели иначе.*

10. *Люди, предоставленные таким образом самим себе, могли продвигаться лишь постепенно по тому самому, что они люди, а не боги.* Ведь один лишь Бог, поскольку Он существует в вечности, видит все извечно и вовек так, что ничто не укроется от Его ока. *И все творения Его совершенны* (Втор 32, 4), ибо *ведомы Ему от вечности прообразы дел Его* (Деян 15, 17). А сотворенный человек, поднявшись из пустоты, из бездны тьмы, может лишь постепенно обзреть и самого себя и все вещи. И делам своим он учится лишь по мере делания, и так, создавая иное, создается сам. К тому же для первых людей существовало первое препятствие к рассмотрению всего, а именно, *отсутствие "третьего основания", то есть божественных откровений.* Ведь патриархи не обладали толкованиями творений Божиих, *божественным Писанием.* Лишь на третьем тысячелетии от сотворения мира Бог дал откровение, записанное Моисеем, а позже дополнял его новыми пояснениями. Но раз языческим философам все это было неизвестно и они философствовали о делах Божиих и о самом Боге одним лишь зыбким своим разумом (как слепые стали бы рассуждать о никогда не виденных ими цветах), могло ли из этого получиться что-то великое? А когда божественный канон был завершен и дан новой церкви, не многие могли держать эту Божию книгу в руках, ибо до изобретения книгопечатания недоставало списков. *Следовательно, светильник был зажжен, но помещен под сосудом.* В остальные же книги Божьи, *мир и ум,* человечество в ту начальную пору философии не способно было достаточно вникнуть: ведь в каждой книге Божьей заключаются обширные расселины и глобчайшие пучины, которые не так-то легко одолеть и переплыть. Поэтому все люди, все поколения должны протягивать друг другу руки, если мы хотим выбраться из этих пучин. Так что если мы знаем что-то, неизвестное древним, это не в похвалу нам и не в порицание им – ведь эти постоянно увеличивающиеся успехи принадлежат не людям, а векам. Мне не потому мудрее древних, что даровитее, а потому, что позднее. Современные люди – словно дети, сидящие или стоящие на плечах великанов. Они видят дальше не потому, что они выше, а потому, что сидят на плечах у высоких.

11. *Однако и люди не без вины: они не прилагали все усилия, чтобы как можно скорее воспользоваться уже дарованной божественной помощью.* Третью книгу Завета сами получившие ее – народ Израиля – хранили так небрежно, что даже потеряли (2 Пар 34), и не

позаботиться сам Бог о ее сохранении, мы бы уже ее лишились. И такую небрежность в хранении этого источника внутреннего света мы проявляли многократно. Но еще большей и была всегда, и по сей день остается у многих беспечность касательно орошения душ ручейками почерпнутого оттуда света. *Божественная книга томила и томится по большей части узницей в библиотеках, где никто не читает ее. И даже те, кто читает, читают невнимательно и слишком поверхностно.* Нам приятнее заниматься любыми человеческими писаниями, любыми изукрашенными безделками, щекочущими фантазию, нежели речениями Бога нашего. Поэтому исполнилась угроза Божия: для божества *эта книга запечатана, и, взяв ее в руки, не умеют прочесть ее* (Ис 29, 11).

12. *Наконец, Божиими книгами не умели пользоваться, хотя у некоторых и возникало желание.* Главное проявление этого невежества в том, что мало кому приходило в голову объединить эти Божии светочи. Одни искали озарения лишь в чувственно воспринимаемом, – таково *простонародье*; другие – лишь в умопостигаемом, – таковы *философы*; третьи – лишь в предметах веры, – таковы *теологи*. И поскольку всякое философствование не проверялось несомненным свидетельством чувств, а всякое верование – несомненным свидетельством разума, догматы либо внедрялись насильно, либо внушались с малой пользой для умного света. Ведь разделенная сила (даже сила света) неизбежно слабее.

13. К тому же *тройкий метод рассмотрения вещей был еще недостаточно известен.* Древние владели одним лишь *синкритическим* методом, и то смутно. Но следующие поколения изгнали его из душ своих потомков, удержав лишь *аналитический* и *синтетический*. Между тем *этот первый метод, заключающий в себе тайны великой важности, воистину врата света и ключ всеобщей мудрости, стоило сохранить.* А поскольку *аналитический* и *синтетический* методы также не были еще прочно установлены, они порождали разноречивую и разнообразную заблуждения, так что одни и те же вещи разными людьми по-разному испытывались, изучались, расчленялись, дробились поверхностными произвольными действиями на тысячи бесформенных форм, порождая бесконечный хаос мнений и полное отсутствие прочного знания, что скорее запутало лабиринт вещей и сгустило потемки движущегося среди них разума, чем устранило их.

14. Поэтому они не соблюдали учения о *расчленении* (в вещах, понятиях, словах), *то есть, каким образом последнее происходит из первого, высшее из низшего, наибольшее из наименьшего и как все тайно или явно связано через взаимозависимые ступени.* Следовательно, они не могли понять, как устроено (от начала до конца, через все промежуточные ступени) все единство мироздания.

15. *С точки зрения вещей также мыслима тройкая причина, по которой величайший свет, способный обнаружить все скрытое, не мог и не должен был возгореться до последних времен мира.*

16. *Первая причина состоит в том, что вещи возникают постепенно, по мере того, как обнаруживают себя. С другой стороны, несомненно, что книги Божии в величайших своих таинствах могут быть прочтены и объяснены только из самих себя (я имею в виду не только их взаимную помощь, но и каждую из них в отдельности), через гармонию событий. А поскольку великий свет возникает лишь в решительные моменты (то есть в периоды значительных событий), невозможно было верно понять все вещи до того, как они обнаружили себя, а обнаружиться полно они могут лишь за большие промежутки времени. Так, истинное движение небес, величина Земли и повсеместная ее обитаемость, очертания всех материков и морей, искусность человеческого духа во всевозможном преобразовании вещей и все с нею связанное могли стать известны лишь с течением времени, благодаря бесчисленным и разнообразным событиям. Великое рождается поздно.*

17. *Вторая причина состоит в том, что, поскольку совершенное познание вещей может возникнуть лишь из полного познания противоположностей (ведь противоположности как порождают друг друга, так, по большей части, и объясняют), величайшая мудрость не могла быть ни рождена, ни познана человеческим родом прежде величайшей глупости, и величайший свет прежде величайшей тьмы. Ведь и то и другое растет и умножается с тех пор, как Бог засеял поле подобия своего благим семенем, а противник Божий посеял на том же месте семена плевел. И рост их не прекратится, пока не придет время жатвы в конце времени.*

18. *Наконец, столь велики количество, разнообразие, тончайшая сложность вещей, что большая часть их от большинства ускользает, если ограничиться внешним зрением, без надлежащих подспорий. А подспорья эти могли быть изобретены лишь по мере появления разнообразных поводов, в разнообразной борьбе разных людей с миром вещей. Так что нет ничего удивительного в том, что от глаз древних было скрыто все то, что было выведено к свету впоследствии и что не перестанет впредь выводить к свету усердие наших современников и будущих поколений.*

19. *Подспорий этих, движущих человечество к усилению умного света, к настоящему времени насчитывается, скорее всего, семь, причем их открыли и начали использовать в разные века и времена. Первым была αὐτοψία³¹, данная человеку сразу по сотворении, когда он был еще один (Быт 2, 19). Благодаря ей человек так преуспел в наблюдении творений божественной мудрости, что, видя совокупления*

животных, понял, что ему недостает супруги. И ему была дана спутница (по обычной благодати Бога, который или предупреждает нашу нужду, или, если и допускает ее, желая подстрекнуть наше стремление и закалить наше терпение, вскоре восполняет ее).

20. И тут, поскольку их было уже двое, у них пришел в употребление новый, отличный от первого, способ делиться друг с другом знанием – *обоюдная речь*, или рассказы о разных вещах. Благодаря ему каждый из них мог узнать даже о том, чего сам не видел.

21. Чтобы это успешнее развивалось и люди, развлекшиеся суетой, легче могли вернуться к тщательному наблюдению вещей и самих себя, возник *обычай учреждать школы, или общественные сходки*, где сразу многие могли бы удобным и кратким способом обучаться наилучшим предметам (Быт 4, 26).

22. После потопа, когда век людской укоротился, зато наполнился грохотом суеты и недосуга, было изобретено действенное *подспорье памяти*, и надежное средство донести до потомков все, достойное увековечения, – *письмо*. Благодаря ему люди смогли обмениваться необходимыми сведениями на расстоянии, и даже мертвые – беседовать с живыми.

23. Но поскольку *переписывание книг* было трудно и дорого, плоды столь великого открытия были доступны не всем. Однако в самое последнее время Богу угодно было дать новое применение человеческому усердию, открыв людям чудесное искусство с невероятной быстротой размножать книги – *книгопечатание*, этот *пятый путь* распространения света среди рода человеческого. Благодаря ему мир наполнился разными книгами и грамотными людьми, и началось благословенное общение веков. Этим путем вышли на свет знания, которые с глубочайшей древности скрывались во мраке. Мы можем знать теперь все, что знали древние, а все, что знаем мы, будет известно и потомкам.

24. *Под шестым путем распространения света мы понимаем искусство мореплавания, открытое также в самое последнее время благодаря компасу*. Это искусство дало возможность общаться людям, разбросанным по разным материкам Земли и островам моря. Прежде они были оторваны друг от друга и ни хорошего, ни дурного друг о друге не знали. Поэтому и знания наши стали намного полнее, и появились новые, неизвестные прежде возможности передать наш свет диким племенам.

25. Но всеблагову Богу мало было открыть нам *при помощи компаса* любые уголки Земли. Он *обнаружил перед нами и тайны неба*, позволив с помощью стекол увидеть поразительные, совершенно неизвестные нашим предкам, творения божественной премудрости. А именно, число небесных тел – оно оказалось куда больше, чем насчитывали древние, истинные их размеры, отстояния, очертания, наконец,

свойства и многое другое, чрезвычайно важное для познания природы как целого. Это стало возможным благодаря вышеупомянутым хитроумным *оптическим трубам*, изобретенным в Бельгии, а в Италии, Франции, Пруссии усовершенствованным так, что они стократно увеличивают небесные тела, устранив пылающие их лучи, и в них можно ясно видеть даже диск Солнца.

26. *Что же удивительного, если древние, не вооруженные столь многочисленными и действенными подспорьями, не могли сделать многого из того, что мы надеемся суметь.* Неблагодарны мы будем, если не станем признавать щедроты Божии к нам, в которых отказано было древним. И мы недостойны столь щедрой помощи, если не подвигнемся духом на нечто лучшее и величайшее. *А может ли быть что-нибудь лучше и величественнее, чем искать и обрести с Божией помощью всеобщую пользу от всех этих по отдельности переданных роду человеческого даров?* То есть, нам нужно добиваться по мере сил, чтобы при таком свете все люди раскрыли глаза и начали читать и понимать книги Божии, и чтобы благодаря этому все они узнали друг друга, словно жители одного дома, и вместе стали наслаждаться столь великими благами, все вместе восхваляя Бога. Блаженным был бы этот *восьмой путь света!*

27. Таков он и будет, мы уверены в этом, все дает нам надежду. Древo рода человеческого разрослось уже, как только могло. Пора ему принести плод. Мы пришли к концу времен, и вскоре уже переноситься нам в небесную академию. Следовательно, все, что осталось нам еще познать здесь, должно проясниться сейчас. Почти все убежища тьмы уже раскрыты, повсюду проложены пути лучам света. Пора им уже полностью сомкнуться, а тьме — отступить отовсюду. До предела дошла противоположность между нашей глупостью, упрямством, плачевным состоянием человеческих дел и премудростью, мощью, благодатью Божией. И то и другое очевидно, и пора возоблать мудрости над глупостью, мощи над упрямством, благодати над лукавством.

Г л а в а XIV

Рассмотрение препятствий, которые и теперь еще тщатся противостоять всеобщему свету, но тщетно.

Здесь же разделение последующих сочинений на Пансофию, Панпедию, Панглотию и, наконец, Панортосию

1. Из всего сказанного должно быть ясно, что требуется такой всеобщий свет, силою которого

I. *Все вещи были бы приведены к единому порядку.*

II. *Все умы обратились бы к вещам.*

III. *Все народы вернулись бы к развитию ума и правильному общению с вещами.*

2. Вот что, по-видимости, яростно противостоит столь великим намерениям: *Во-первых, бесконечное множество и разнообразие вещей* и столь тонкое и сложное их сплетение, что кажется, будто никакой сотворенный ум не в состоянии все это распутать. *Во-вторых, бесконечная занятость людей*, особенно тех, кто по рождению обречен на рабскую долю, или тех, кого гнетет нужда и кто вынужден трудиться за кусок хлеба, так что у них нет возможности заниматься развитием ума. *В-третьих, бесконечное разнообразие языков и смешение их*, которое настолько препятствует нашему взаимному разумному общению, что к большинству народов мира мы вовсе не умеем найти доступ.

3. *Великие и неоспоримые препятствия, приходится признать!* Но поскольку совет идет о спасении мира, все же необходимо отыскать лом, чтоб отодвинуть этот засов, подобрать ключи, чтобы отпереть эти запоры, найти клинья, чтобы распутать эти узлы. И если с Божией помощью мы отыщем все это, ничто не сможет воспрепятствовать святым начинаниям.

4. Итак, попытаемся, во славу Отца светов, руководствуясь уже обретенным светом, предпринять три эти дела. *Прежде всего, привести совокупность вещей к единому, вечному, во всем последовательному порядку. Порядок же этот должен быть столь ясен, чтобы никому уже никогда не мог показаться безграничным хаосом, а представлял упорядоченнейшим войском, где каждый находится только в своем легионе, центурии, декурии³² и как сам по себе, так и с другими связан определенными законами. И назовем мы это Пансофией, всеобщей мудростью.*

5. Затем составим *перечни занятий человеческой жизни, а именно, в чем и как человек с первых шагов своих в мире может с пользой упражняться, и как сделать, чтобы каждый мог, хотел и умел находить время не только для забот о теле и земной жизни, но и для того, что служит душе и жизни будущей. Это мы назовем Панпедией, то есть всеобщим духовным воспитанием.*

6. Наконец, мы поищем *способ облегчить изучение языков, чтобы каждый мог легко и быстро изучить любой язык или любое сочинение. А также рассмотрим, каким образом один какой-нибудь язык может стать общим для всего мира. Это мы назовем Панглоттией, всеобщим применением языка.*

7. И в конце концов мы *постараемся найти способ так все это соединить и сделать полезным, чтобы, если люди захотят воздать хвалу Богу и следовать по столь приятным путям света, дела для всех*

пошли бы лучше. Эту часть совета мы назовем *Панортосией*, то есть желанным нам *всеобщим исправлением дел человеческих*.

8. Все склоняет к такому построению и к такому порядку. Ведь как *един мир*, полный упорядоченных вещей, *так и книга, образ вселенной, должна быть едина*, с единым, непрерывным, связным, незыблемым, объясняющим все вещи порядком.

9. *И как ум един у всех людей* (то есть одно и то же у них снаряжение для подчинения вещей разуму), *так единым должен быть и метод обучения всех всему*, дабы всякий мог быть достаточно образован в том, что касается общего спасения.

10. *И как один род человеческий, так должен быть един для всех, со всеми, через все пролегающий путь сообщения всего*.

11. Наконец, *как едины для всех основания вещей*, так едина и неизменна *должна быть* изучающая и исследующая их *философия*. И как едино и неизменно основание порядка, которому подчиняется всякое разумное создание, так одно для всех должно быть *государственное устройство*. И как един и неизменен Бог, Создатель всего, так единым для всех должно быть основание богопочитания, *религия*.

12. Стало быть, правилен именно такой порядок, когда за *Пансофией* следует *Панпедия*, а за ней *Панглоттия*, и, наконец, *Панортосия*. Ведь Бог сначала создал мир, исполненный вещей, потом человека, исполненного разума. Затем он дал ему подругу и повелел роду человеческому разрастись до целого общества; а связует человеческое общество – язык. И если во что-то из перечисленного вкралась какая-нибудь ошибка, надлежит исправить ее раз и навсегда, не дожидаясь, пока она приведет к большим отклонениям и смутит гармонию в *Панортосии*.

13. Итак, *Пансофия* ищет способы сделать всю совокупность познаваемого доступной отдельному человеку. *Панпедия* изыскивает средства передать это познание от одного человека многим. *Панглоттия* исследует способы распространять этот свет от народа к народу. Наконец, *Панортосия* попытается достичь, на основании всех этих исправлений, единого, совершенного, во всем исправного положения дел.

14. *Пансофия* будет исследовать вещи безотносительно к умам. *Панпедия* будет искать способ внедрения вещей в умы безотносительно к различным языкам. *Панглоттия* будет искать пути к народам через всеобщее применение языка. Наконец, *Панортосия* согласует все со всем.

15. *Цель Пансофии* – избавить вещи от предвзятых мнений; *цель Панпедии* – избавить умы от невежества; *цель Панглоттии* – избавить народы от варварства. Наконец, *цель Панортосии* – избавить филосо-

фию, религию, политику от тьмы и неурядиц и привести их к свету и миру. Тогда в *философии* мы имели бы истинный *аристотелизм*, то есть совершенство (ведь именно таково значение этого слова). В *религии* – истинное *христианство*, то есть святость – именно ее воскресил, ей учил словом и делом Христос. В делах государственных – истинный *платонизм*, то есть единение истинно порядочных людей. Платон, сам того не ведая, учил именно этому.

16. *Осуществимы ли наши замыслы?* Это станет ясно по ходу нашего совета. Наперед скажу лишь одно: самый важный ключ ко всем запорам мы уже выбрали и осветили – это *Пангармония*. Основание ее таково: *все подобно всему, ибо все создано по одним и тем же прообразам*.

17. *Тот, кто отыщет прообразы (ideas) вещей, сможет создать Пансофию*, то есть книгу, которая по верно намеченным общим заголовкам, прообразам вещей, может описать частности целиком, значит, без пропусков, и *по порядку*, следовательно, кратко и в каждом случае – начиная с самых основ, и поэтому *верно*. Ибо все – единое творение единого Архитектора.

18. *Тот, кто постигнет строение человеческого ума в его прообразе, сможет найти верный, краткий и приятный способ просвещать ум каждого человека*. Ведь все созданы по единому образу Божию, и в существе своем одинаковы.

19. *Тот, кто постигнет прообраз языка как целого, со всеми его сущностными и привходящими составляющими, найдет метод обучать и обучаться всем языкам*. Он сможет даже создать новый язык, более богатый и совершенный, чем все доселе бывшие, а именно, язык полностью значимый, полностью вещественный, то есть выражающий в самих названиях вещей, в строении букв, слогов и слов само строение предметов, в полной мере правильный и основанный на аналогии.

20. *Наконец, тот, кто познает истинную идею исправления вещей, сумеет исправить не одну какую-то вещь, и не несколько, и не много, а все. В теории он не ошибется, лишь бы оказалось в наличии все, требуемое для практики*.

21. Эти части нашего совета будут не чем иным, как распространением *на все, на всех и всецело* всеобщего света, уже обретенного в Панавгии. Можно будет назвать *Пансофию светом сущего (entium)*, *Панпедию – светом умов (mentium)*, *Панглотию – светом народов (gentium)*, *Панортосию – светом лучшего века, или светом церкви*.

22. Но все величие этого света, как бы ни был он ярок, возникнет из тех светильников Божиих, которые здесь, в Панавгии, уже указаны и словно бы помещены на подсвечники, дабы светить всем. Причем *Пансофия даст анализ мира, Панпедия – анализ человеческого ума; а*

конечная цель Панглоттии состоит в том, чтобы книги откровений стали доступны для всех народов. Ведь мир и ум у нас с ними общие, а вот третья книга им до сих пор неизвестна, и к ней-то мы и желаем их приобщить. Или так: в Пансофии будет изложено все, что содержат книги Божьи; в Панпедии их содержание будет представлено всем; в Панглоттии – всем всецело; в Панортосии будут изложены улады рода человеческого от воссоединения с всеобщим светом. Это и есть та конечная цель, к которой устремлены все наши помысли и труды – изменение мира к лучшему, то есть всеобщее наше подчинение законам мироздания и законам Бога – владыки мироздания, и разумное совместное проживание.

23. Но поскольку вся надежда на исправление дел человеческих зависит от установления правильного порядка в делах, Пансофия прежде всего стремится привести их к соответствующему их сущности, непоколебимому никаким человеческим произволом, подобному незыблемой скрижали порядку.

24. А поскольку вся надежда на улучшение человеческой жизни зависит от правильного воспитания юношества, Панпедия будет исследовать столбовые дороги правильного образования, с которых невозможно (разве что сознательно и злонамеренно) уклониться к забуждению и пороку.

25. И поскольку от установления правильного метода применения языков зависит надежда на более полное общение внутри человеческого рода и на всеобщее совместное созидание, Панглоттия будет стремиться расчислить для всех народов пути друг к другу, то есть языки, чтобы во всем мире человеческой общности не оставалось более непроходимых мест.

26. Поскольку бесполезно знать первоосновы вещей, не прилагая их к вещам, Панортосия будет стремиться показать всеобщую пользу Пансофии, Панпедии и Панглоттии для всеобщего улучшения положения всех людей. Мы будем неустанно напоминать, на каком основании возникла такая надежда, чтобы возбуждать все большее стремление к столь спасительным вещам, дабы к Богу неслись воздыхания, дабы охотнее предпринимались общими усилиями советы.

27. Стало быть, Пансофия стремится и добивается, чтобы силою внесенного в мир света рассеялись в мире тьма, туман, чудовищные видения; Панпедия – чтобы силою внесенного в умы света рассеялись в умах тьма невежества, клубы предрассудков, туман заблуждений; Панглоттия – чтобы силою внесенного в языки света рассеялись в употреблении языков неясности, логомахии и губительная и позорная для рода человеческого ἀφωνία³³ между народами.

28. Цель Пансофии, чтобы вещи более не были: 1) скрыты, 2) пе-

репутаны, 3) противоречивы для ума; *Панпедии* – чтобы люди перестали: 1) не понимать себя и все вокруг, 2) сражаться из-за различия мнений, 3) губить самих себя; *Панглоттии* – чтобы народы перестали: 1) не понимать друг друга, 2) бояться друг друга, 3) ненавидеть и пренебрегать друг другом.

29. Для *Пансофии* надежда на успех зависит от познания вечных прообразов вещей, согласно которым все должно быть исправлено; для *Панпедии* – от познания вечных законов ума, которым охотно станут повиноваться умы всех людей; для *Панглоттии* – от понимания параллелизма вещей и понятий, к которому легко можно будет свести слова и все языковые ухищрения, если и не в ныне употребляемых языках, то уж точно в новом, гармоническом языке.

30. Важное и существенное требование для всех этих книг – *действительность*: мы должны в самом деле знать, что известное нами существует. Видеть то, чего нет – это обман зрения; так и не основанное на действительном знании, словно оптические видения, попусту и напрасно заполняет прозрачную среду ума – а это ведет к заблуждениям и сварам.

31. Следовательно, в этом нашем совете нам придется рассмотреть все вещи как они есть в действительности. При этом все, что может и должно быть истинно познано, придется излагать трижды: во-первых, в том порядке, в каком вещи связаны между собой – в *Пансофии*; во-вторых, в том порядке, в каком они могут и должны быть внедрены в человеческий ум – в *Панпедии*; в том порядке, который выдающимся искусством способствует всеобщему познанию языков – в *Панглоттии*.

32. Когда все это будет сделано, *Пансофия* представит нам наидостовернейшие образы вещей, *Панпедия* – наивернейшие ключи к человеческому уму, для просвещения человеков, а *Панглоттия* навсегда уничтожит препятствия к общению всех со всеми. И тогда, наконец, станет поистине возможна истинная *Панортосия*.

33. Пусть не забывает читатель, что мы излагаем ему наши цели, побуждения, надежды, а не обещаем с самого начала и собственными только силами достичь столь замечательных успехов. *Смертный человек не может все предвидеть, нигде не обмануться, и всегда только давать, а не принимать советы.* В наших начинаниях неизбежно будут многочисленные, крупные и тягостные недостатки, а может быть и заблуждения. Ведь ни об одном человеке, который всего лишь человек, нельзя сказать: *Все он сделал хорошо*³⁴. Мудрым будет поэтому уже и тот, кто знает свои недостатки, не стыдясь, признается в своем незнании и ищет средств против невежества и заблуждений, как своих собственных, так и чужих.

34. Поэтому вполне достаточно, если мы сумеем, в меру наших

возможностей, сделать наш свет ярче, а именно: написать эти для всех предназначенные книги, краткие изложения книг Божьих, с такой тщательностью, чтобы всякий, кто станет их читать, почувствовал себя окруженным светом, захваченным, согласным, воспламененным желанием лучшего, и, чувствуя это, возрадовался. Если этого удастся добиться, мы, будем надеяться, достигнем своей цели. Но свет наш, поскольку он рукотворен, не может быть вовсе свободен от тени, как мы видели в главе XI § 100.

Г л а в а X V

О том, что всеобщий духовный свет требует очищения всех душ и освобождения их от бельма предассудков

1. Весь наш совет по сути дела – это один силлогизм. Посылка его (опуская "Всеобщее пробуждение", представляющее собой вступление) содержится здесь, в *Панавгии*, и она такова: *Если может быть зажжен великий умный свет, благодаря которому: 1) откроется истинный порядок всех вещей; 2) станет виден истинный путь, ведущий к озарению этим светом человеческих умов; 3) наконец, откроется верный подход к просвещению этим светом всех народов, то может быть также найден истинный и надежный способ всеобщего исправления.*

Это была большая посылка, изложенная здесь, в *Панавгии*, через свои термины и доказанная в общем виде через истинность своего следствия.

2. Теперь надлежит доказать по частям меньшую посылку. В *Пансофии*, к которой мы уже приближаемся, мы в первую очередь докажем, что вещи могут быть представлены уму в том самом порядке, в каком они связаны между собой, так что не сможет ничто укрыться, ничто – оказаться не на месте, ничто – показаться не таким, каково оно есть.

3. Но прежде чем перейти к исправлению вещей, я хотел бы, чтобы все мы – это совершенно необходимо – согласились вот о чем: остерегаться на пути света, на который мы вступаем, того, что может помешать нашему продвижению, или затмить ясный свет тучами или туманом, или, наконец, примешать к приятному наблюдению вещей некую досаду.

4. Первое случится, если кто-то из нас не удовлетворится всеобщими, от Бога данными светочами и вздумает завести свои собственные. Второе случится, если кто-то, вместо того, чтобы пользоваться собственными глазами, станет по укоренившейся привычке доверяться чу-

жим. Его это, несомненно, задержит, и света убавит. *Третье*, если кто-то станет заниматься этим мирным наблюдением вещей с раздражением, затеявая ссоры по каждому вопросу, недостаточно ясному для него или для нас.

5. Следовательно, мы прежде всего потребуем, чтобы на протяжении всего нашего совета все мы вместе и каждый в отдельности справлялись только с книгами Божьими: 2) все мы и каждый смотрели на все вещи вместе и на каждую в отдельности только собственными глазами; 3) и делалось все это мирно и дружелюбно. Требование наше справедливо, ибо это важно и для нас самих, участников совета, и для людей, которые будут обо всем этом судить, и, наконец, для самой истины.

6. А важно это для нас потому, что нам таким образом легче будет завершить столь обширное предприятие; для остальных – ибо легче будет судить обо всем предприятию; для истины – ибо чище она потечет к нам из чистейших источников и легче одержит победу над мраком с помощью свойственного ей оружия – безыскусности и наготы.

7. Мы легче выполним свою задачу, по всем вопросам справляясь лишь с книгами Божьими как с основным текстом, чем если добавим к ним, словно глоссы, человеческие книги, труды и разъяснения. И поскольку нет числа толкователям и изъяснителям, дело никогда не придет к концу. С книгами Божьими этого не приходится опасаться, ибо все в них кратко, а в человеческих книгах нет конца противоречиям и спорам. В божественных книгах гармония настолько же незыблема, насколько верно, что Бог – единственный устроитель всего и не может отступить от самого себя. К тому же, человеческими книгами нельзя полностью удовлетвориться и невозможно никого заставить ими удовлетвориться. А раз уж нужно, во избежание обмана, обратиться к источникам, то почему не прямо? Каждый сам лучший толкователь своих собственных слов. Если мы признаем это в отношении человека, то почему не признаем относительно Бога, то есть Его длани, Его вдохновения, Его уст? Лишь бы только услышали Его повсюду, и Он не даст нам заблудиться. Тем более что сейчас, когда мы настолько разделены различными своими желаниями, мнениями, стремлениями, у нас одна лишь надежда вновь прийти к согласию – восстановить истину вещей, начиная оттуда, где нас еще не разделяет никакое разногласие. Ведь каждый верит своему чувству, своему разуму, своему Богу. Лишь бы только нам удалось достичь согласия в том, что значит ощущать, мыслить, верить в Бога. Движемся же на все сразу, дабы каждый чувствовал, мыслил и верил не отдельно, а со всеми вместе, и, Бог даст, одна и та же истина вещей одинаково запечатлется в чувствах, разуме и вере каждого из нас.

8. И поскольку наша цель – узнать мнение об этом всех людей, а большинство людей – простецы, ничего не ведающие кроме того, что сообщают им органы чувств и вещает доморощенный разум, нам следует так говорить со всеми, чтобы все понимали. То есть мы должны говорить на основании тех всеобщих начал, которые содержатся только в книгах Божьих. В этом случае есть надежда на откровенность и согласие, ибо ясно, что относительно этих начал мы и так уже все согласны. Ведь когда люди говорят, исходя из врожденных понятий, то христиане, иудеи, турки прекрасно понимают друг друга. Когда люди воспринимают чувствами природные явления, то тоже все во всем совпадают. Когда христиане непредвзято читают Библию, все верят всему и никто не обнаруживает противоречия. Отчего же, в таком случае, перейдя к личным мнениям, люди уже не обретают меж собой подобной гармонии? Это несомненное указание на то, что бесполезно искать единство вне единого. Итак, испытаем, что будет, если мы начнем беседовать между собой, исходя исключительно из божественных книг.

9. Наконец, истинные основания вещей мы можем найти только в Боге и в том, что от Бога. Ведь один лишь Бог так мыслит, говорит и действует, что лучше не может никто. Стало быть, самое надежное – брать за образцы лишь Его мысли, слова и дела. Известно, что астрономы, желая тщательно вычислить затмения светил, откладывают в сторону рукотворные часы (поскольку не могут им довериться) и справляются лишь с великими часами самого Бога, которые не могут подвести, – с Небом. Почему бы нам не последовать их примеру в подобном, но неизмеримо важнейшем предприятии? А именно, если мы хотим безошибочно вычислить затмения чувств, разума и убеждений рода человеческого, отложим, молю, хоть ненадолго, людьми состряпанные карты.

10. К тому же, божественных книг самих по себе вполне достаточно как для насыщения человеческого любопытства, ибо они открывают все необходимое, так и для сдерживания и обуздания этого любопытства, ибо они устанавливают пределы вещам и не позволяют за них выходить, а также и для надежного знания, ибо они одни – источники света, а ко всему остальному, даже ангельскому, всегда примешана тень. Значит, они одни могут преисполнить нас светом.

11. И поскольку мы имеем подлинник книг Божьих, в основе своей неиспорченный (мир все тот же, каким видел его первый человек вскоре по сотворении; побуждения, понятия и способности души те же, какие тот же первый человек получил впервые от Бога; слово то самое, что текло из уст и с пера святых пророков и апостолов), – не дороже ли он нам всяческих списков? Ведь человеческие книги – это списки с божественных, но по большей части искаженные.

12. Израильтяне просили некогда, чтобы говорил с ними Моисей, а не Бог. А мы предпочли бы скорее, *чтобы с нами говорил Бог, а не Моисей*: ведь даже Моисей может сказать нечто не истинное и не благое, когда говорит от себя. Так что отложим в сторону всех земных наставников. Ведь каждый из них в чем-нибудь слаб, несведущ, недостаточен. И выберем все вместе в наставники Того единственного, Который на небесах: Он один все знает и ни в чем не ошибается. Ему известно также, сколько нам надлежит знать и как нас наставить. *Поэтому не станем оскорблять Его, Им не довольствуясь, ища себе других наставников, кроме Него. Набираться мудрости из книг Божьих – значит набираться ее вместе с мудрейшим и быть наученными от Бога.*

13. Но не будем голословными, требуя оставить сотворенное людьми ради надежды на больший свет, *попытаемся однажды проверить на опыте, действительно ли божественные книги содержат такое сокровище света* (много болтающих о нем, но немного к нему стремящихся). Это, несомненно, надлежит наконец выяснить точно, чтобы надежда наша в столь великом деле и для нас самих не висела в воздухе, и другим не казалась вечно сомнительной. И поскольку без испытания сурового и строгого достичь этого невозможно, что ж, будем испытывать!

14. При этом *всех нас нужно низайше умолять, чтобы мы пользовались собственными глазами и отложили очки предрассудков* – ибо это вернейшая дорога к правильному познанию вещей и достижению поставленных целей собственными силами. Важно, чтобы мы, видя, видели сами вещи и склонялись к тому, к чему они нас склоняют. А случится это, *если советы нам станет давать не кто-то другой, неизвестно откуда взявшийся, а каждый сам себе*, самолично осматривая и ощупывая каждую вещь, прежде чем вынести о ней и о себе собственное суждение. *Ведь все люди, даже и простецы, легче и охотнее верят собственным глазам, нежели чужим.* Тем более людям ученым, которые сами все понимают и потому не нуждаются в авторитетах, лучше участвовать в совете таким образом. Поэтому всем лучше принимать во внимание только всю имеющуюся совокупность вещей.

15. *Добавим следующее.* Пускай одни, другие, третьи привычно следуют за авторитетами, нам всем надлежит полностью от этого отучиться, особенно и непременно в данном случае, когда все должно быть установлено твердо. *В самом деле, авторитет, как правило, велит остановиться у поверхности вещей, в то время как чувства и разум устремляются к основаниям вещей и жадно их исследуют. Поэтому авторитет по большей части затемняет и скрывает истину, в то время как чувства и разум раскрывают и объясняют ее. Следовательно, авторитет требует согласия, а чувства и разум*

сами добиваются его. Авторитет создает веру, а те – знания. Авторитет движется вокруг вещи, а те вперяются в нее. Поэтому авторитет разделяет умы, а те, ведя их все к средоточию истины (которая едина для всех), всех объединяют.

16. Наконец, пусть то, чему учит, что хранит, что соблюдает тот или иной автор, школа, церковь, государственное устройство, – истинно, хорошо, полезно; для меня, однако, оно не прежде станет несомненным, благим и полезным, чем я сам испытаю это (*Что знает тот, кто не имел опытов?* Сир 34, 10). Если прийти в конце концов придется к тому же, то почему бы не прямо? И если можно идти через опыт раздробленный, выбирая между многим более или менее истинным, благим, полезным, то не лучше ли – через опыт единый, устанавливая лишь самое истинное, самое благое, самое полезное (а именно, столь истинное, благое, полезное, что никто из людей не может судить об этом иначе)? *И поскольку этому последнему, отыскав его общими усилиями, мы хотим проложить настоящую столбовую дорогу, оградив ее от разных боковых тропинок, отступлений, противоречий, лучше всего было бы до времени отложить все то, в чем те или иные из нас сомневаются.* Мы не станем объявлять все это ни полностью истинным, ни полностью ложным, но без предвзятости оставим до времени вопрос нерешенным.

17. *Так соберем же в одну грудку все наши истины, но и все наши заблуждения, не разбирая, что мое, что твое, что его. Пусть все будет общим, – как бы общими сомнениями рода человеческого, – пока не станет ясно, что в каждом предмете заключалось истинного. И тогда все истинное станет общим для всех.* Итак, мы предлагаем принимать лишь то, что несомненно истинно, хорошо и полезно. Кого испугает такая предосторожность? Ведь каждый обретет и приобретет истину более прочную вместо более зыбкой.

18. Я решительно не вижу, почему бы хоть кто-нибудь из смертных должен был или мог бы отвратиться от столь дружеского, свободного от личных, национальных и кружковых предрассудков или страстей, рассмотрения вещей? В самом деле, если ты убежден, что обладаешь чем-то благим, истинным, полезным, оно, конечно, таковым и останется, если оно в самом деле таково, к тому же и вернется к тебе с прибылью. Ты много наживешь на свой талант, пустив его таким образом в оборот, ведь в сообщество истин и добродетелей будут приведены и другие. А если где-нибудь ты увидишь нечто лучшее, истиннейшее, полезнейшее, разве за это ты не отдашь с радостью свое, поскольку оно похуже? *Ты сам себя обворовываешь, не желая совершенствоваться.*

19. Свету не страшно скопление тьмы – так золото не боится огня. Не отказался Бог Израилев быть помещенным вместе с

Дагоном (1 Цар 5, 2), быть призываемым вместе с Ваалом (3 Цар 18, 24). Значит, никакая истина (будь она философская, теологическая, политическая) не боится испытания вместе с заблуждениями, ибо во всеобщей гармонии истин погибает только не-истина. Если к свету твоему примешалась тень, к золоту твоему – уголь, к истине твоей – заблуждение, к Богу твоему – нечто не от Бога, неужели не желаешь ты отсечь, выжечь, рассеять и сгубить его? Пусть каждый из нас скажет то, чему некогда научил Господь свой народ; Боги, которые не сотворили неба и земли, исчезнут с земли и из-под небес (Иер 10, 11).

20. *Нет ничего проще, чем вообразить, будто ты уже нашел истину и обладаешь ею.* Даже тем, кто заблуждается, это не трудно, потому что мы с легкостью воображаем то, чего нам хочется, а всякому человеку хочется не заблуждаться. Но поскольку признак мудрости – скорее склоняться к опасению, чем к надежде, то и нам, если только мы намеренно не хотим быть неблагоразумными, надлежит постоянно опасаться ошибки. *Безопаснее лишний раз подвергнуть испытанию нечто несомненное, чем признавать нечто сомнительное за достоверное.* Было бы слишком печально, если бы божественному зеркалу нашего ума мы вместо прекрасных отражений вещей представили бы чудовищные их искажения.

21. *Пусть каждый из нас признает, что он такой же человек, как другие.* Другие могли ошибаться? Так почему же ты не можешь? *Разве мир перед тобой не тот же, что перед другими?* Разве множество, разнообразие и сложность вещей не могли точно так же смутить и твои чувства? Или свет разума в тебе не тот же, что в других? Разве не может твой ум, как любой другой, повстречаться с теньями вещей и затмиться? Или, наконец, в руках у тебя не та же самая книга божественных откровений? Если есть у тебя другая, покажи. А если нет, то и с тобой, как с другими, может случиться, что книга Божья окажется для тебя закрытой или открытой неполностью. *Также и устройство чувств, способности суждения и веры (то есть той склонности, что заставляет нас соглашаться с правдоподобным) у тебя такие же, как у других.* Если другие могут ошибаться чувствами, суждением, верой, то почему у тебя те же самые орудия будут непогрешимы? Если ты не можешь ошибаться, то и другие не могут. Значит, заблуждения не существует вовсе. Однако ты сам можешь засвидетельствовать, что они существуют во множестве. Следовательно, они могут встречаться где угодно. Следовательно, у подобных существ они должны иметь подобную вероятность возникновения.

22. *Если так велика ущербность каждого человека, кто решит положиться хотя бы на самого себя, не говоря уж о других?* Мы часто подозреваем других в том, что они строят свою науку, религию, государственное устройство не на истине вещей, а на своих или чужих

домыслах. В том же самом подозревают они нас. Стало быть, мы друг другу подозрительны. Так пусть каждый подозревает и самого себя, и своих – тех, кто указывал или до сих пор указывает нам путь.

23. *А раз уж мы себя подозреваем, станем за самих себя опасаться. Но кого? В первую очередь, самих себя* – как бы не оказались наши помыслы такими, как у большинства смертных, очень похожими на сон: они лишь видятся, но не существуют, услаждают, но не насыщают.

24. *Если же разумный человек опасается самого себя, то он остерегается и других. Кого именно? Всех.* Все ведь – люди, а значит, немощны. *Мы все блуждаем, словно овцы,* – вопиет пророк³⁵. Поэтому, когда человек следует за человеком, овца следует за овцой, – заблудившись, следует за блуждающим. *Один лишь Бог не может заблудиться*, ибо Он Вездесущий и Всеведущий. *Значит, самое надежное – следовать за одним лишь Богом, куда ведет Он деяниями, глаголом и волей Своей.*

25. Наконец, если мы все же не хотим вовсе потерять из виду людей, что ж, *обратим внимание и на них. Только не на одного кого-то, и не на многих, а на всех.* Притом будем видеть в них не вождей или повелителей, а спутников на общем пути света и вскоре будущих свидетелей общей истины. *Но слушать мы их станем лишь по завершении этого пути света.*

26. Что я имею в виду? Если по завершении общего пути всеобщих истин еще понадобится исследовать те отдельные, словно бы частные, тропы истин и мнений, по которым мы разбрелись, что ж – это будет многого полезнее, чем сейчас. И тогда все, что было в частном владении благого и истинного, будет и легче распознано и охотнее всеми признано, и достойнее обогатит сокровищницу благого и истинного.

27. *Требуя избавиться от предрассудков, мы не добиваемся от человека, чтобы он завязал себе глаза или отказался от того, что знает наверное.* Мы хотим лишь, чтобы очи всякого вступающего на путь света были чисты, не замутнены посторонней жидкостью или бельмом, и чтобы он готов был видеть все без прикрас, будь то чужое или его собственное.

28. Значит, мы не отбрасываем никаких творений человеческих, или книг, или принятых мнений, или обычаев (это было бы отступлением от намеченной нами цели), *мы только просим отложить все это до того времени, когда мы превзойдем все, дарованное божественным светом.* Мы просим сделать так для того, чтобы превзойти все это *легче* (ибо оно проще) и *быстрее* (ибо оно короче), и *надежнее* (поскольку все здесь основано лишь на божественном авторитете).

29. Когда мы придет к согласию относительно божественного, нам легче будет и прочесть, и понять, и привести к гармонии все, созданное людьми.

30. Тогда мы сможем прочесть, если захотим, *философов* любой школы как *толкователей природы*. И сможем легче судить и точнее понимать, чье толкование в том, в другом, третьем случае вернее (ведь каждый не во всем ошибается, если каждый и не во всем прав).

31. Мы прочтем *политических мыслителей* любой школы как *толкователей разума*. И сможем легче судить и точнее понимать, чье толкование в том или другом случае вернее достигает своей цели.

32. Мы прочтем *богословов* любой школы как *толкователей божественного Писания*, и сможем легче судить и точнее понимать, чье толкование в том, другом, третьем случае полнее соответствует священному тексту, божественному разуму и всей гармонии учения.

33. И тогда, может быть, те из нас, кого сильнее, чем прочих, озарит божественный свет, *сами напишут толкования и разъяснения к книгам Божьим*. И толкования эти будут не обрывочными, а гармоничными, и послужат к умножению всеобщего света и к установлению истинных *вселенских философии, богословия и политики*.

34. А до времени, пока мы изучаем книги Божии, я снова умоляю – *условимся справляться лишь с Божиими книгами, и будем это делать так, как если бы до нас ничего и никем не было сказано, и мы, только что придя в мир и погрузившись в глубины нашей души, и прислушавшись к Богу, обратившему к нам Свое слово, теперь впервые начали воспринимать то, что преподносит нашим глазам, ушам и душам Бог*. Это и значит – обратиться к Богу чистую душу, дабы он залил ее чистым своим светом. Он непременно так и сделает, если увидит нашу готовность к этому, и тогда через Свои творения, слова и вдохновения даст нам все познать.

35. Тогда исполнится сказанное Иовом: *спроси у скота, и научит тебя, у птицы небесной, и возвестит тебе; или побеседуй с землею, и наставит тебя, и скажут тебе рыбы морские* (Иов 12, 7–8). И сказанное сыном Сираховым: *Душа человека более скажет, и лучше, чем семь наблюдателей, сидящих на высоком месте* (Сир 37, 18). И сверх того *Всевышний, смиренно призываемый сидящими у ног Его, не престанет управлять пути их в истине* (Сир 37, 19).

36. Тогда, *выученники одной Божией школы, мы не будем уже так чудовищно несогласны, как ныне*. Мы ведь выяснили, что смертным, так разнообразно враждующим, *стоит попытаться вернуться однажды к согласию и гармонии*. Раз это нужно, следовательно, должно быть предпринято. Но как за это взяться в нынешней разногласице, когда каждый шумит лишь о своем? Нужно выяснить, есть ли дорога к нашей цели. *Если все согласились, что согласие желательно, то уже положено начало согласию. Стало быть, нужно согласиться, но со-*

гласиться мы не можем из-за укоренившихся между нами разногласий. Так что же делать?

37. Выход один: *ни согласие, ни несогласие не должны больше существовать привычным образом, то есть недвижно и пристрастно.* Нужно сложить все (как я сказал уже раньше, и теперь, ввиду важности предмета, повторяю) в общую груду, и пусть никто ничего не забирает оттуда, пока не будет общеустановлено всеми чувствами каждого в отдельности и полным единочувствием всех вместе, *что это вещь несомненно истинная, несомненно благая, несомненно доступная, то есть, как говорится, осуществимая и тем самым надежная, должная, приносящая общую пользу.*

38. И что всеми будет признано таковым, то путь берут все без исключения, владеют этим, следуют этому. А что, как будет доказано единодушным свидетельством рода человеческого, не таково, того пусть никто не берет и даже не прикасается – лучше предать эту вещь честному забвению.

39. Итак, *мы уверены, что удастся кратчайшим путем устранить пристрастия* (то есть заблуждения и причины заблуждений), *если в свидетели призвать только Бога, единого для всех, и вещи, равно для всех непреложные, и собственную душу каждого человека, которая для каждого – водитель его, свет и закон.* Этим свидетелям всякий вынужден будет верить.

40. *Такова единая, единственная, истинная, действенная, необманная дорога к истине, согласию и гармонии, другой же никогда не будет.* Ведь если мы не *отыщем Бога в Боге, вещей в вещах и самих себя в самих себе, то напрасно будет искать все это где-нибудь еще.*

41. Я, поэтому, *подавая пример другим, даю нерушимую клятву перед Богом, что ничего не привнесу из предвзятых мнений, но буду все выводить из всеобщих первоначал, чтобы все предложенное нами ни в чем не отзывалось пристрастием к какому бы то ни было народу, учению, языку или мнению.* Как математики рассматривают отдельные фигуры, отвлекаясь от тел, так и я, рассматривая и расстройство, и исправление дел человеческих, отвлеку свой дух от всяческих тяжб. Может быть, закончив речь о первообразах, в заключительном побуждении я и дам некоторые наставления в том, что, по моему мнению, могло бы послужить более легкому их воплощению, но уж конечно не стану с ненавистью преувеличивать разногласия и уклонения. *Да не будет мною ничего сказано от себя, но все лишь от Бога, в согласии с Богом, словами Бога – теми ли, которые изрек Он устами святых Своих пророков и апостолов, или теми, которые Он вписал в сердце каждого из нас, или теми, которые Он запечатлел в великой книге творений и так ясно предоставил нашим чувствам. А*

если здесь окажется записанным что-нибудь, почерпнутое не оттуда, да будет оно не сказанным. И напротив, если кто, видя, что все выполнено именно так, без обмана, захочет все же идти супротив, да будет он супостатом свету и да покарает его Бог.

42. Последнее, о чем я прошу, — да примем мы все на свой счет слова мудрого мужа Людовика Вивеса³⁶, так наставлявшего в занятиях естественной философией: *Здесь место не для споров, а для молчаливого созерцания вещей. Если что-то недостаточно ясно, то требуется не спор, а более тщательное рассмотрение.* Поэтому, если во всем нашем совете то или иное положение покажется недостаточно верным, пусть никто не затевает со мной ссоры и брани. Ведь я твердо намерен не предлагать, и уж тем более не доказывать ничего такого, что равно по твоему, моему и общему суждению не было бы всецело истинно, хорошо, полезно и гармонично. Если что-то не таково, укажи — я сразу же с благодарностью уступлю. Не нужно против меня оружия — ведь я вооружился лишь глазами, чтобы видеть то, что есть, а не то, чего нет. Вооружись и ты своими — тогда мы увидим одно и то же и не сможем не согласиться. И поскольку един Создатель вещей и порядок вещей, и устройство глаз — твоих и моих, ты не можешь не видеть того, что вижу я, если я вижу верно. Не можешь ты и видеть иначе, чем я. Ты можешь видеть острее и вернее в подробностях, и можешь прийти ко мне на помощь, если я слаб. Но ты не можешь и не должен воевать со мной — смиренным учеником истины, готовым всегда и во всем ей подчиниться. О если бы все мы были готовы к тому же! Тогда к нам милостив был бы Тот, Кто направляет кротких к правде и научает кротких делам Своим (Пс 24, 9).

43. Добавим кое-что из Священного писания в пользу наших источников. В 9 главе Левита описываются *нечистые животные*, соприкасаясь с которыми нечисты делаются человек, одежда, пища, питье. Однако добавляется (с. 36), что *источники вод, соприкоснувшись с трупами их, остаются чистыми, равно и семена, которые сеют* (с. 37). Над этим стоит задуматься: здесь должна скрываться некая тайна. Какая же? Не то ли сообщает нам Бог, что, *хотя все человечество и испорчено, все же в нас остались чистые Его семена и источники, из которых орошает нас божественная мудрость.* И хотя чудовищные деяния отступников, различные ереси и дурные обыкновения мира внесли, как кажется, порчу в творения Божии, в Писание и даже во врожденный наш свет, на самом деле они не могут их испортить. Поэтому именно оттуда, из этих своих источников, должны и могут быть почерпнуты единство, истина и благодать. *Молю, подумайте те, кто на это способен, можно ли из этого Моисеева места извлечь другой достойный божественной мудрости и несущий нам благое наставление и утешение смысл.*

44. А Елисей, который, чтобы очистить воды Иерихона, ставшие вредоносными из-за проклятия, поднялся к истоку вод и исцелил его, бросив туда соль? (2 Цар 2, 21). Разве это не учит нас исправлять то, что у нас испорчено? Нужно подняться к истокам, а если они не вполне невредимы, их можно исправить солью слова Божиего.

45. И в первую очередь следует вспомнить воды Иезекииля, текущие на четыре стороны света (Иез 47, 1–2), безмерно умножающиеся, чтобы исцелить воды моря (с. 3–5) и оживить всякое живое существо (с. 9), и вспоить деревья с плодами и листьями для пищи и для врачевания (с. 12). Что же это за воды? Текущие из-под порога дома Божиего (с. 1). Ты воздадим же хвалу Богу, и не воспрепятствуем с порога дома Его, из источников длани, уст и сердца Его течь живым водам во спасение народов.

46. Прислушайтесь, молю, все, в нынешнем веке живущие, не к вам ли обращено это Божественное, при описании всеобщего преобразования мира сказанное слово: *И в радости будете почерпать воду из источников спасения, и скажете в тот день: славьте Господа, призывайте имя Его; возвещайте в народах дела Его; напоминайте, что велико имя Его; пойте Господу, ибо он содеал великое, — да знают это по всей земле* (Ис 12, 3–5). Почерпайте же, почерпайте! Вам, живущим в нынешнем веке, это наконец можно. И почерпайте в радости, ибо это источники спасения! Пусть будут знать об этих делах Божиих народы по всей земле!

47. Придите, возлюбленные, отворим источники, откуда потекут к нам и ко всему миру чистые ручьи света, — тогда не будет у нас больше нужды в болотах. И если будут нам светить сии божественные и общие всем солнца, нам больше не будут нужны отдельные, вечно чадающие светильники. А не то, отказавшись от источников и от Солнца, мы окажемся достойны вечно пить помои, и вечно слепнуть от дыма, разъедающего глаза.

48. Придите, зрячими пройдем среди Божиих творений, радостно глядя, как рассеивается наша и сатанинская тьма, уступая дорогу божественному свету. Только постарайся, пришедший, если ты желаешь, все рассмотреть, руководствуясь светом, отложить хаос размышлений, и все отчетливо видеть и различать. Стремись, превзойдя весь круг человеческого всезнания, распознать истину всех и каждой вещи так отчетливо ясно и ощутимо, как ясно ты различаешь в этой книге, которую держишь в руках, связь и последовательность абзацев, предложений, слов, слогов и букв; и как отчетливо, связно, упорядоченно располагается все это в твоём уме.

49. Придите, уверенно, через ясный свет всех вещей приблизимся к этому зрелищу света, достойно укрепив души надеждой на успехи

добра! Ведь можно не опасаться, что нас, следующих по пути света, оставит Бог, источник света; лишь бы мы были тверды, и не оставили и самих себя, и свет, и Бога.

50. Но поскольку мы не можем видеть внешнее Солнце в отсутствие Солнца, и нам дано созерцать его, лишь когда оно появляется над горизонтом и, разогнав тучи, показывается нам на глаза, так и вечный свет, и непосредственно от него истекающий умный свет мы напрасно старались бы отыскать, если бы он сам не открывался нам и не показывался. Так обратим к нему полные томления взоры, падем, преклонимся и смиренно и усердно станем молить о милостивом истечении лучей его ради спасения мира.

Глава XVI

Воздыхания к Отцу светов о восхождении полного света

1. Боже, будь милостив к нам и благослови нас, освети нас лицом Твоим, дабы познали на земле путь Твой, во всех народах спасение Твое (Пс 66, 1–2).

2. *О жизнь и свет человеков, во тьме светящий, которого тьма не обнимет! О Свете истинный, который просвещает всякого человека, приходящего к мир* (Ин 1, 4–5, 9), не преставай все сильнее просвещать нас, живущих в мире Твоем!

3. О Отче светов, Боже мой, облеченный славою и величием, Ты, что одеваешься светом как ризою! (Пс 103, 1–2), с которым обитает свет (Дан 2, 22) и который сам обитает в неприступном свете (1 Тим 6, 16), сделай, чтобы и мы оделись светом, чтобы и с нами обитал свет, чтобы и мы обитали в свете.

4. Господи, которого очи отверсты на все пути сыновей Адама (Иер 32, 19), отверзи и наши очи, чтобы и мы видели пути Твои! Пошли свет Твой, и пусть он придет!

5. Призови его, и пусть он повинуется Тебе с трепетом! Пусть звезды Твои воссияют на стражах своих! Пусть они скажут Тебе: *вот мы*, и воссияют с радостью перед нами, для кого Ты и сотворил их (Вар 3, 33; Втор 4, 19).

6. О повелевший некогда из тьмы воссиять свету, озари наши сердца, дабы просветить нас познанием славы Божией (2 Кор 4, 6).

7. Ты дал нам очи, Создателю наш. Дай и свет, без которого все слепо, слепы и сами очи наши. Ведь сладок свет, и приятно для глаз видеть солнце Твое (Еккл 11, 7).

8. Слепой Вартимей, спрошенный Тобою, чего он хочет, ответил:

Господи, чтобы мне прозреть! (Мк 10, 46 и сл.). Тысячекратно спроси нас, чего мы хотим в этой молитве. И тысячекратно мы восплачем: *Господи, чтобы нам прозреть!*

9. Другой слепец, не понимая, что Ты исцеляешь его, на вопрос, видит ли что, отвечал: *Вижу людей, словно ходячие деревья.* А Ты, возложив руки на глаза ему, исцелил его, так что стал он видеть все ясно (Мк 8, 22). Посмотри, Господи, и с нами то же самое. По милости Твоей проник свет в нашу тьму, но все еще она не рассеялась. *Мы чувствуем, как движутся вещи вокруг нас, но каждую из них в отдельности не различаем.* Смилуйся же над нами, и как его древле, исцели полностью и нас.

10. И раз уж по милости Твоей Ты показал нам искры ярчайшего света, вот, стали мы зажигать от них светильники. И не под сосуды ставим их, где их теснила бы и, может быть, вновь погасила тьма, но на подсвечники, чтобы светили они всем в доме твоём (Мф 5, 15).

11. Молим, Господи, во имя света и истины Твоих, не воспрети нам исполнить заповеди Твои и позвать к причастию света всех людей, которых Ты предназначил к соучастию в свете (то есть в светлом образе Твоём)! Ведь Ты знаешь, что мы добиваемся лишь Твоей славы, ибо очи Твои в тысячу крат светлее Солнца и проникают в места сокровенные (Сир 23, 27–28).

12. Ах, Господи, многих видишь ты *Савлов*, пылающих огнем невежественного усердия, то есть ложным огнем. О, да придет, да придет с небес истинный Твой свет и да осияет их (Деян 12, 7)!

13. Видишь Ты и многих *Петров*, сидящих в темнице. О, пошли же, пошли ангела света, который окружил бы сиянием обиталище сердца их, чтобы они прозрели, пробудились, освободились от тьмы (Деян 12, 7).

14. Ты видишь, что *тьма покрывает землю и мрак – народы* (Ис 60, 2). О, пошли же ангела Твоего, сходящего с неба и имеющего власть великую, чтобы от славы его осветилась земля (Откр 18, 1), чтобы ходили народы в свете Твоём, и цари – в сиянии восхождения Твоего (Ис 60, 3).

15. О, пошли, пошли вновь к народам Павлов твоих, войско провозвестников, чтобы открыть глаза слепым и чтобы они обратились от тьмы к свету, от власти сатаны к Богу (Деян 26, 48 и Пс 68, 12).

16. О Господи, Боже всей земли, весь народ земли – Твой народ, но ходит он во тьме, живет в стране тени смертной. Ужели Ты не сжалишься? Ужели не дашь нам увидеть свет великий? Ведь ты обещал (Ис 9, 2), что мы увидим свет великий, то есть Твой свет, истинный свет, о Свете истинный! *Пусть больше не светит нам свет наших светильников* (Иер 25, 10).

17. Ведь до сих пор мы ходили во мраке, и не было у нас света! *И раз огонь наш лишь искры, мерцающие и не светящие* (Ис 50, 10–

11), *мы просим, чтобы слава Божия осветила нас и светильником нашим был агнец* (Откр 21, 23).

18. Се, Господи, Боже наш, настает вечер мира. Исполни обетование твое, что *в вечернее время явится свет, и отступит наш сумеречный свет, который ни день, ни ночь* (Зах 14, 7).

19. О, зажги свет Твой, Отче светов, Свете истинный, Свете великий, единственный, могущий развеять мрак всего мира, пред Которым затмятся все наши коптящие светильники и тусклые искры человеческих домыслов! А если есть в них что-то от истинного света, то есть Твоего света, то да присоединится к Твоему свету.

20. Ты, Боже, еси огонь, огонь же – пламя, а пламя – свет. Но до сих пор, из-за грехов наших, ты был для мира *огнем поядающим* (Евр 12, 7), теперь же стань наконец *огнем светлым*, освещающим государство Церкви, восстановленной по воле Твоей (Откр 21, 23), в свете которой ходят народы и в которую цари земли приносят славу свою и честь.

21. Сделай, Господи, чтобы все искры всей Земли разгорелись в огонь. И всякий огонь – в пламя! И всякое пламя воссияло бы как Солнце! Как обещал Ты, свет Луны станет как свет Солнца, а свет Солнца станет светлее всемеро, как свет семи дней, в тот день, когда перевяжет Господь рану народа Своего и исцелит нанесенные ему язвы (Ис 30, 26). Это Твои слова, Твое обетование, да будет Твоим и исполнение, о вечно истинный, живой и поклоняемый Боже!

Аминь, Аминь, Аминь

КОММЕНТАРИИ

Ян Амос Коменский и западная философия

¹ Статья написана видным славистом и историком философии Дмитрием Ивановичем Чижевским (1894–1977). Чижевский родился в местечке Александрия Херсонской губернии в семье художницы и отставного офицера, который после ареста за либеральные взгляды, заключения и ссылки проживал в своем имении. Духовная атмосфера родительского дома рано определила интересы будущего ученого. Чижевский кончает классическую гимназию, изучает математику и астрономию в Санкт-Петербургском университете, а затем философию и славянскую филологию – в Киевском. Он участвовал в политическом студенческом и рабочем движении и в 1916 г. подвергся аресту. Освобождение принесла революция 1917 г. В 1920 г. Чижевского избрали доцентом общего языкознания Высших женских курсов в Киеве. Однако, разочарованный политикой большевистского правительства, Чижевский решил отправиться за границу и продолжить там свое образование. В 1921 г. он выехал в Германию, где изучает философию в Гейдельберге и Фрейбурге. Его учителями, как он сам пишет в своей автобиографии, были Гуссерль, Ясперс, Риккерт, Кронер, Коэн, Эббингауз, Хайдеггер. К середине 20-х годов Чижевский окончательно определил основные направления своей научной деятельности, которым будет неуклонно следовать всю жизнь: история философии на славянской почве и история славянской литературы.

С 1924 г. Чижевский начинает активную преподавательскую работу, сначала в Чехо-Словакии (Украинский педагогический институт в Праге и Пражский украинский университет), а с 1932 г. в Германии (Университет в Галле). Установление национал-социалистического режима, конечно, осложнило положение Чижевского. В адрес университета поступали запросы из службы безопасности о его идеологической лояльности. Однако либеральному руководству Галльского университета удалось отстоять Чижевского, даже несмотря на "неарийское происхождение" его жены. Окончание Второй мировой войны застает Чижевского в Марбурге. Здесь он ряд лет руководит семинаром по славистике в Марбургском университете. Затем несколько лет, с 1949 по 1956 г., работает в Гарвардском университете в США. По возвращении в Германию Чижевский обосновался в Гейдельберге, где был профессором Гейдельбергского университета и возглавлял Институт славистики. Чижевский написал множество работ по истории философии и славянской филологии. Укажем только некоторые из его крупных произведений – "Греческая философия до Платона", "Философия на Украине", "Тегель у славян". Он был видным ученым и энтузиастом своего дела. В Вольфенбютеле он создал музей

славянских древностей, где была собрана уникальная коллекция старых славянских рукописей и старопечатных книг.

В 1934 г. в архиве сиротского дома в Галле Чижевский нашел рукопись "Вселенского совета об исправлении человеческих дел", которая долгое время считалась утерянной, и в ряде своих публикаций дал ее первые описания. Настоящая статья *Comenius und die abendländische philosophie*, написанная Чижевским где-то в первой половине 50-х годов, взята из сборника: *Čiževskij Dmitrij. Aus zwei Welten. Beiträge zur Geschichte der Slavischwestlichen literarischen Beziehungen*. Mouton & Co. Printers, The Hague, 1956. S. 155–164. Ее перевел с немецкого В.В. Биbihин. Мы помещаем эту статью Чижевского в данном издании не только потому, что она посвящена одной из центральных тем изучения философского наследия Коменского – его места в системе западноевропейской философской мысли. Мы обращаемся к ней и потому, что нас не может не интересовать точка зрения первого и наиболее авторитетного исследователя "Вселенского совета об исправлении человеческих дел", которому мы прежде всего обязаны тем, что это главное философское произведение Коменского сегодня вообще имеется в нашем распоряжении.

² На кончину Коменского

Старец блаженный, теперь житель неложного мира,
 Чье описание нам ты заботливо дал!
 Наши ль людские дела и несчастные распри, свободный,
 Зришь с высоты, скорбя зрелищем нашей беды,
 Или Вершину Вещей, так что таинства мира открылись
 Пансофии твоей, скрытые здесь на земле, –
 Не оставляй надежд; твои замыслы смерть переселят;
 Почва хранит семена, ты рассеивал их не зря.
 Скоро потомство пожнет урожай, зеленеют уж всходы,
 Судьбы сумеют сдержать все обещанья свои.
 Мало-помалу себя являет природа счастливым,
 Только б усилья свои соединить мы могли.
 Время придет, и твои, Коменский, деянья, надежды
 И даже сами мечты племя благое почитит.

Перевел с латинского В.В. Биbihин

³ Статья Д.И. Чижевского сопровождается следующим списком литературы: *Kvačala (Kvacsala) J. Comenius*. Leipzig; Wien, 1892; *Kabitz W. Die Philosophie des jungen Leibniz*. Heidelberg, 1909; *Tillmann B. Leibniz' Verhältnis zur Philosophie der Renaissance*. Bonn, 1912; *Mahnke D. Leibniz, Band I*. Halle a.d.S., 1925; *Mahnke D. Der Barockuniversalismus des Comenius // Zeitschrift für Geschichte der Erziehung und des Unterrichts*, XII–XIII (1931–1932); *Mahnke D. Die Rationalisierung der Mystik bei Leibniz und Kant // Blätter für deutsche Philosophie*, XIII (1939); *Stjernhjelm G. Samlade Skrifter*, 1924 ff., прежде всего т. II, части 1 и 2 (редакция и комментарии Нордстрёма); *Dunin-Borkowski St. Spinoza, Band II* (1933); мои сообщения о Коменском: *Comeniana // Zeitschrift für slavische Philosophie*, XIX–XX (1947 и 1949), а также обзор обнаруженных мною пансофических рукописей: *Archiv pro badání o životě a spisech Komenského*, T. XV (1940).

Лабиринт света и рай сердца (1623)

Прижизненно выходил дважды: в г. Лешно в 1631 г. (*Labyrint Swęta a Lusthauz Srdce, to gest Swętlř Wymalowánj, kterak w tom Swętě, a węcech geho wssechněch, nic nenj než Matenj a Motánj, Kolotanj a Lopotowánj, Mámenj a Ssalba, Bjda a Tesknost a naposledy Omrzenj wsseho a zauffánj: Ale kdož doma w srdcy swém sedě, s gedíným Pánem Bohem se wzawjrá, ten sám k prawému a plnému myslj vpokogeni a radosti že pricházý*) и – с добавлением гл. IX, §§ 12, 15–16 – в Амстердаме в 1663 г. Это выдающееся произведение чешской литературы продолжает переиздаваться, переведено на немецкий, английский, польский, шведский, другие языки. Здесь "Лабиринт света" дается в переводе Н.П. Степанова (СПб., 1904) с нашей (В.Б.) сверкой и исправлениями по фототипическому воспроизведению чешского издания 1631 г. в кн.: *Comenius J.A. The labyrinth of the world and the paradise of the heart. Ann Arbor, 1972.*

Символ лабиринта, проходящий по всем педагогическим и многим другим произведениям Яна Амоса, был близок мыслителям его эпохи (см.: *Hocke E.R. Die Welt als Labyrinth. Hamburg, 1957*), когда единство церковного авторитета разрушалось бесповоротно, а с изобретением книгопечатания каждый читающий человек оказался окружен лесом противоречивых мнений, проектов и призывов, среди которых приходилось ориентироваться на свой страх и риск. В аллегории "Исправление афинской обветшалой ткани Паллады" (издана в составе анонимной "Славы розенкрейцеров...", Кассель, 1615) божественно прекрасный Филомат (Любитель учености), взобравшись на высокую башню, пытается разобраться в устройстве Критского лабиринта. Так же путешественник Коменского взбирается на высокую башню, озирая мир. И если его старания освоиться в мире скоро кончаются отчаянием и бегством, то сам автор "Лабиринта света и рая сердца" посвятил жизнь тому, чтобы блуждания людей по лабиринту мира не кончались трагически. Воспитание, понятое как выведение молодежи из лабиринта вещей (*e-ducatio* как "выведение-из"), стало задачей Коменского-педагога (*Schaller K. Die Pädagogik des J.A.Comenius und die Anfänge des pädagogischen Realismus im 17. Jahrhundert. Heidelberg. 1962, S. 166–169; cp.: Blekastad M. Comenius. Versuch eines Umrisses von Leben, Werk und Schicksal des Jan Amos Komenský. Oslo; Praha, 1969. S. 109, 156*).

В предисловии к сборнику пророчеств о будущем Европы ("Путь света, найденный и искомый, или Разумное рассмотрение того, какими способами теперь, наконец, когда приближается вечер мира, можно успешно распространить интеллектуальный свет души, мудрость в умах всех людей и среди всех народов" – Амстердам, 1668; современное издание с чешским переводом – Прага, 1961) Коменский сказал о решении, принятом им в конце 1620-х гг., в разгар Тридцатилетней войны: "Когда войны захватили соседние страны и вскоре затем всю Европу, угрожая целиком разрушить христианский мир... я подумал, что если тут возможно какое-то соработничество человека (с Богом), то не остается ничего другого, как вырвать молодежь из лабиринтов мира и, опираясь на первые основания, лучше наставить ее во всех вещах". Один не дошедший до нас учебник Яна Амоса, построенный в форме "загадок и решений", носил название "Лабиринт премудрости для молодежи, изучающей

науки " (ок. 1628). Когда Коменский получил возможность реформировать Шарошпатакскую гимназию по принципам пансофической школы, свою вступительную речь 13.2.1651 при открытии первого класса гимназии он построил вокруг образа лабиринта, выйти из которого позволяет ариаднина нить педагогического метода. Впрочем, иногда сама школа его времени с ее унаследованной от прошлого пестротой форм, еще более запутанных предпринимавшимися повсюду и редко доводившимися до конца педагогическими реформами, казалось Коменскому лабиринтом; в амстердамское издание его "Полного собрания дидактических трудов" (1657) вошло эссе "Выход из школьных лабиринтов на простор, или Дидактическая машина, в согласии с механическим методом построенная для того, чтобы впредь не застревать на одном месте в делах преподавания и изучения, но продвигаться вперед".

Призыв к народам земли собраться с силами для выхода из философских, богословских и религиозных лабиринтов стоит в предисловии к "Всеобщему совету об исправлении человеческих дел" ("Светочи Европы..."). Под конец жизни в коротком художественном автобиографически-исповедальном произведении "Единое на потребу, или Что надо знать в жизни, в смерти и после смерти и что старик Ян Амос Коменский на 77-м году своей жизни, устав от не-необходимых вещей мира и отдавая себя единому необходимому, предлагает на рассмотрение света" (*Unum necessarium... Amsterdam, 1668*) он подытоживает свой жизненный опыт в трех образах земного пути человека: лабиринт, Сизиф, Тантал. Миф о лабиринте, который был построен на Крите для того, чтобы заключить в него Минотавра, сына жены критского царя Миноса, родившей его от быка, изображает отпадение человеческой души от Бога, ее подверженность животным, звериным искушениям эгоизма и похоти и ее греховность, видя которую, Бог для наказания и воспитания души превращает материальный мир, этот "театр божественной премудрости", в лабиринт. Разрозненные человеческие усилия становятся после этого Сизифовым трудом, который лишь ослепленной душе может казаться осмысленным, но в смертный час обличает себя как напрасная суета. Наше стремление к преходящим благам, даже после их приобретения не дающим радости, превращает земную жизнь в муки Тантала, который видел вблизи изобильные яства и питье и не мог до них дотянуться. Как в "Лабиринте света...", в "Едином на потребу" Коменский перебирает в памяти свой жизненный путь, обличает ложь и пустоту путаного множества царящих в мире научных, политических, религиозных систем. Он скорбит, но не отчаивается: природа не вселила бы в нас стремление выбраться из лабиринта мира, если бы избавление было невозможно; гармония между временным и вечным достижима, лишь бы не упускать из виду "единое на потребу" (Лук 10, 41–42), во всяком деле сперва спрашивая себя, отвечает ли оно истинной цели. Искусство отличать нужное от ненужного – это и есть пансофия, всемудрость; с помощью этого "метода нахождения единого на потребу" удастся, наконец, по-настоящему реформировать школы, найти выход из богословских лабиринтов и научить политиков вести народы к истинной жизни, "ибо есть лишь одна жизнь, но бесчисленны формы смерти, лишь одна истина, но бесчисленны заблуждения".

В знаменитой главе X "Единого на потребу" Коменский благодарит Бога за то, что Он дал силу стремиться через все закоулки к "океану добра": "Все мои усилия до сих пор были... озабоченными хлопотами Марфы из любви к

Богу; прежде всего такими хлопотами были педагогические труды, которым я в течение долгих лет посвящал себя в стремлении выволить школы и молодежь из их страшных лабиринтов... И если мои начинания до сих пор не привились и школы не перестали блуждать в лабиринтах, я все же имею крепкую надежду и жду от Бога, что моя мысль еще принесет пользу, когда пройдет зима церкви, кончится буря и цветы зацветут в нашей стране". В словах Коменского гордость оттого, что пройдя все лабиринты он различает вдаль спасительный свет.

"Лабиринт света и рай сердца" был криком души. После битвы у Белой Горы под Прагой 8.11.1620 г., когда Чехия утратила независимость и австрийские католические завоеватели, опиравшиеся на испанскую армию и инквизицию, решили, что лучше превратить страну в пустыню, чем оставить ее жителей погибать в своей протестантской ереси (в старейшей гуситской церкви Праги новый католический настоятель заявил насильственно согнанным прихожанам, что "скорей коровы и телята будут летать над городом, чем будет дозволена какая-либо другая вера, кроме католической"), началось разрушение чешской культуры. К лету 1622 г. чистка духовной верхушки нации вплотную коснулась и Яна Амоса; на него, одного из виднейших деятелей общины чешских братьев в Моравии, был выписан приказ об аресте. Уже в 1621 г. он скрывался как участник восстания, оставив семью. В 1622 г. ему удастся напечатать тайно в Чехии посвященное жене и содержащее в качестве предисловия письмо к ней "Мысли о христианском совершенстве", скорбное выражение готовности переносить самые злые испытания (*Přemyslování. O dokonalosti Křesťanské: Kterauž Bůh wywoleným svým w slowu swém vkazuje...*, без указания места, 1622). Ему реально угрожала смертельная опасность. Ходила легенда, что он прятался в дупле большого дерева в парке просвещенного барона Карела Жеротинского Старшего, который лояльно относился к победителю императору-католику Фердинанду II, был его наместником в Моравии и все-таки помогал, как умел, гонимым соотечественникам. У Жеротинского Коменский продолжал работу над картой Моравии (*Moraviae nova et post omnes priores accuratissima delineatio. Amsterdam, 1627*; современное издание: J.A. Komenského mapa Moravy z roku 1627. Ostrava, 1958), составил сборник существеннейших цитат из Библии (*Manuálnjk. Aneb Gádro cele Biblj Swate... Amsterdam, 1658*), начал стихотворный перевод Псалтири на чешский язык (*Zálmy métre m poetškým složené. Žalm I–LXIV // Jireček J. Časoměrné překlady žalmův Br. J.A. Komenského... Videaň, 1861*) и написал небольшой трактат "О чешской поэзии" (обнаружен в наше время в Ленинградской библиотеке им. М.Е. Салтыкова-Щедрина и издан: *Škarka A. Komenského rozprava "O poezii česke" z leningradského sborníku // Slezský sborník. 1955. N 53, č. 4. s. 479–527*). Летом 1622 г. во время эпидемии, вызванной военным опустошением и неурожаем, умерли жена Коменского и его новорожденный сын, а потом и другой его, двухлетний сын. К концу этого года даже влиятельный Карел Жеротинский не мог больше укрывать в своем замке "еретиков", и в 1623 г. Коменский вместе с другими изгнанниками-проповедниками перебрался в Брандис на северо-востоке Чехии – единственный город, жителей которого пока еще не коснулись репрессии. В Праге тем временем сжигают все рукописи и книги Коменского, кроме части библиотеки, которую он успел перевести в безопасное место. Лишившись семьи, привычной среды, общины, учеников, дела жизни, родины, книг, имущества, не видя

просвета в будущем, он разбит и подавлен, теряет веру в смысл жизни, не может спать по ночам от "невыразимой тоски". Некоторые его товарищи по изгнанию кончили жизнь самоубийством. Коменский ищет выхода горю, чтобы не пасть окончательно духом среди сомкнувшихся вокруг жути и хаоса. Одно за другим он создает в конце 1623 г. три произведения поэтически-исповедального свойства: "Средоточие обеспеченности", попытка понять страшный мир как громяющее колесо, губительное для всех, кроме утвердившихся в его неподвижном центре; диалог "Скорбящий", беседа разбитого сердца с пытающимся утешить его рассудком (вторая часть дописана в 1624 г., третья – в 1651 г., четвертая – в 1660. См.: Truchlivý, to gest smutné a tesklivé člověka křesťana nad žalostnými vlasti a církve bídami naříkání... // *Veškeré spisy J. A. Komenského*, XV. Brno, 1910, s. 93–180); и, наконец, "Лабиринт света и рай сердца" (дописан в 1624 г., затем к изданию 1631 г. дополнен гл. XVIII, 9–11; XXV, 5; XXVIII–XXXV и XLII). В предисловии-посвящении Карелу Жеротинскому Коменский называет свою пеструю, но скрепленную единым лирическим чувством книгу драмой: "Поскольку в этом отшельничестве, в этом моем нежеланном безделье, оторвавшем меня от забот моего призвания, мне и не подобало и не хотелось предаваться праздности, я в последние месяцы начал, среди прочего, размышлять о тщете мира (а поводов к тому повсюду множество), и в конце концов под руками моими родилась эта драма, которую я предлагаю твоему светлейшеству... Признаю, что все предлагаемое мною хотя и начато, однако не окончено; вижу, насколько богата эта материя, до чего она пригодна для изощрения ума и оттачивания языка и как можно ее распространять с помощью все новых изобретений". На поверхностный взгляд "Лабиринт" – нравоучительная аллегория, но живость изображения, сила языка делают его впечатляющим художественным образом пустоты мира, из которого вынуты любовь и сердечное влечение, и тоски человека по душевной устроенности. В обширной литературе о "лабиринте" его сравнивали с "Дон Кихотом"; называли Коменского одним из предшественников Гоголя (см.: Denis E. *La Bohème depuis la Montagne-Blanche*. P., 1930, p. 225); в свою очередь, как на предшественников "Лабиринта" в европейской литературе указывали на "Град Божий" Августина, "Божественную комедию" Данте, "Королеву фей" Спенсера (1596). Иногда "Лабиринт", особенно в его второй части ("Рай сердца"), сопоставляют с утопиями Томаса Мора ("О наилучшем состоянии государства и о новом острове Утопии", 1516) и Томазо Кампанеллы ("Город Солнца", 1623). Однако известная исследовательница жизни и творчества Коменского Милада Блекастад (*Blekastad M. Comenius...*, s. 110) замечает, что в "Лабиринте" нет главной черты утопии, а именно требования каких бы то ни было внешних изменений общественного порядка. Преображение мира, которое начинается путешественник после возвращения в тишину и покой собственной души, не нуждается ни в каких предварительных условиях и переменах; в этом преображении для Коменского нет ничего нереального, невозможного или неосуществимого здесь и теперь ("Не басня то, читатель, что ты будешь читать, хотя и имеет сходство с басней; нет, все это правда". – "К читателю", § 5). Для самого Коменского его книга стала спасением из мрака отчаяния. «Я взялся тогда за перо, – писал он позднее о диалоге "Скорбящий", однако его слова в еще большей мере относятся и к "Лабиринту", – и обрисовал для самого себя ... ужас, через который я прошел, и божественное врачевание, божественное солнце, которое пробилось сквозь тьму и разогнало

мрак... Никогда в жизни не вкушал я ничего более сладостного, чем тогда» (письмо к голландскому печатнику Петеру ван дер Берге. См.: J.A. Komenského correspondence. Praha, 1892, s. 235). Как бывает с крупными литературными произведениями, по композиции и материалу "Лабиринт" зависит в своей первой "мироописательной" части от теперь почти неизвестного латинского сочинения "Блуждания пилигрима в отечестве" швабского писателя и богослова, проповедника двора в Вюртемберге, впоследствии (после 1628 г.) друга Коменского Иоганна Валентина Андреэ (1586–1654), а во второй части ("Рай сердца") – от утопий того же автора "Описание христианополитанской республики" и "Христианский гражданин", где описано возвращение пилигрима домой (эти книги Иоганна Андреэ вышли соответственно в 1618 и 1619 г.). У Андреэ его пилигрим, выходя в жизнь, встречает женщину по имени Плоть, которая ему навязывает в проводники Порыв; Порыв надевает на странника узду и после этого показывает чудеса мира. Странник проходит через страну Лентяев, встречается с Диогеном; видит впавших в бесчувствие Фаталистов со стеклянными глазами и каменным сердцем; в царстве Фортуны присутствует на пире; в царстве Сатаны встречает Сатану, окруженного семью дамами: Удачей, Слепой Верой, Невоздержанностью, Безбожностью, Ложной Мнительностью, Суестью и Лицемерием. Пилигрим взмаливается к Богу с просьбой об избавлении, слышит тайный зов и, повинаясь ему, возвращается домой, где находит в своем малом святилище образы добродетелей и всевозможные инструменты, но поврежденные; затем его озаряет божественный свет, вся разрушенная утварь сама собой восстанавливается, и церковь превращается в великолепный собор. "Христианополитанская республика" в свою очередь близка к утопии Кампанеллы. Если Андреэ схематичен и аллегоричен, заставляя в своей книге действовать чистые понятия, то Коменский создает художественные образы и описывает во многом реальные события своей жизни.

¹ Весь этот абзац по мысли и большинству формулировок повторяет вступление к "Ученому незнанию" Николая Кузанского, который был известен Коменскому (см.: *Николай Кузанский*. Соч. Т. 1. М., 1979, с. 49–50).

² Коменский поздно (для своего времени) выбрал образ жизни; лишь 16-ти лет от роду он поступил в латинскую школу в Пшерове (ср. "Предвестник всемудрости", 97).

³ "Мудрость" здесь – та "мудрость мира сего", которая, по апостолу Павлу, "обращена в безумие" (1 Кор 1, 20). О двух мудростях см.: "Предвестник...", 109.

⁴ *Mámenj* – "заблуждение" – слово среднего рода.

⁵ В сочинении Коменского имеется рисунок, изображающий этот город (подлинник сохранился в библиотеке Братиславы).

⁶ Ср.: *Саллюстий*. Два письма об упорядочении государства, I, 1 ("Каждый – кузнец даже и собственной смерти").

⁷ Летом 1622 г. умерли жена Коменского Магдалена Выжовска, с которой он вступил в брак в 1618 г., и оба их ребенка.

⁸ Начинающаяся отсюда часть этой главы IX появилась впервые в издании 1663 г.; она основана на реальном случае: первый корабль, на котором Коменский отправился в августе 1641 г. в Англию из Гданьска, попал в шторм, потерял руль, две недели без управления носился по Балтийскому морю и к

2.9.1641 г. вернулся обратно в Гданьск. Лишь со второй попытки Коменский 21.9.1641 г. благополучно прибыл в Лондон.

⁹ Считалось, что выделения слизистой оболочки носа связаны с функциями мозга.

¹⁰ *Гораций*. Послания, I, 17, 36 ("Не всем удастся достигнуть Коринфа").

¹¹ Типичные в ту эпоху названия распространенных в ученом мире и не любимых Коменским словарей, справочников, сборников, указателей: "Антология", "Общие места" (т.е. общепринятые риторические приемы), "Конкордансы" (указатели к текстам). "Цветники" (собрания полезных изречений).

¹² Помощники памяти (лат.).

¹³ *Аристотель* оспаривал платоновское учение об идеях, указывая, что никаких отдельно парящих в умопостигаемом мире сущностей нет. Ритор, государственный деятель и философ Цицерон, противник Цезаря, находился, как принято считать, в жестокой борьбе с историком Саллюстием (86–34 до н.э.), сторонником Цезаря, хотя достоверных первоисточников, свидетельствующих об их вражде, нет, и соперничество Цицерона с Саллюстием – это, возможно, своеобразный миф, основанный на факте партийных расхождений, а также на том обстоятельстве, что Саллюстий был женат на разведенной жене Цицерона Теренции. Богослов-францисканец *Иоанн Дунс Скотт* (1266–1308) критиковал величайшего схоласта XIII в. доминиканца *Фома Аквинского* за недостаточное внимание к разрыву между природным и откровенным знанием; всемогущая божественная воля, подчеркивал Дунс Скотт, вполне свободна и не может быть уловлена человеческими рассуждениями. Знаменитый итальянский ученый юрист *Бартоло из Саксофферрато* (1314–1357) нашел в своем не менее знаменитом ученике *Пьетро Бальдо из Убальди* (1327–1406) противника своего "диалектического" метода преподавания права. Война *Дезидерия Эразма* (1466–1536), "государя гуманистов", и его последователей, прежде всего Хуана Луиса Вивеса, с логической формалистикой, утвердившейся в Парижском университете после его упадка в XIV в., составляла одну из постоянных тем Эразма. Французский философ *Петр Рамус* (*Пьер де ла Раме*, 1515–1572) в своем ожесточенном антиаристотелизме доходил до заявления (при получении докторского звания в 1536 г.), что у Аристотеля неверно вообще все; *Томмазо Кампанелла* (1568–1639), сторонник эксперимента и опытно-чувственного познания, тоже враждовал с "аристотеликами". О *Николае Копернике* (1473–1543), отвергнувшем геоцентрическую систему *Клавдия Птолемея* (II в. н.э.), см. ниже – гл. XI (см. также "Предвестник всеобщей мудрости", прим. 42). Немецкий врач, философ и мистик *Теофраст Парацельс* (*Теофраст Бомбаф фон Гогенхейм*, 1493–1541), желая описать суть христианского причастия, первым сказал перенятые затем Фейербахом слова: "Человек есть то, что он ест" и считал, что пора отойти от рабского подражания главным медицинским светилам средневековья – Галену и Авиценне. *Брентий* (*Иоганн Брентц*, 1499–1570) был организатором лютеранской Реформации на юго-западе Германии, в Швабии; он цитируется как противник смертной казни для еретиков в книге Себастьяна Кастелло (вышла под псевдонимом Мартин Беллий) "О еретиках: надо ли их преследовать" (1554), которая много сделала для прекращения в Европе сожжения лиц, уличенных в религиозном инакомыслии. *Теодор Беза* (1519–1605), сменивший Иоганна Кальвина в Женеве, наоборот, считал

необходимым "наказание еретиков гражданской властью" и, в частности, не осуждал сожжение Мигеля Сервета в 1554 г. Знаменитый французский публицист, историк и философ *Жан Боден* (1530–1596) призывал в книге "Демонomania колдунов" (1580) к беспощадному истреблению колдунов и колдуний, ворожей и волшебников; немецкий врач *Иоганн Вир* боролся против популярных представлений о колдовстве. *Иоганн Слейдан* (1506–1556) – немецкий лютеранский историк Реформации (Комментарии о состоянии религии и государства при императоре Карле V, в XXVI книгах. Страсбург, 1555); *Лаврентий Сурий* (1522–1578), перешедший из лютеранства в римское католичество и ставший монахом картезианского ордена, написал резко отрицательную историю Реформации, где полемизировал со Слейданом (Краткий комментарий о событиях, происходивших на земле от года 1500 до года 1568, Кёльн, 1568). *Шмидлейн* – это *Якоб Андреэ* (1528–1590), выдающийся последователь Лютера, дед друга Коменского И.В. Андреэ; участвовал в разработке "Формулы согласия" (1580), которая объединила разные толки лютеранства в отмежевании от богословия Меланхтона и Кальвина. *Франциск Гомарус* (1560–1609), профессор восточных языков Лейденского университета, учил по Кальвину о божественной предопределенности спасения и жестоко полемизировал со своим коллегой *Якобом Ариминием* (1560–1609), который усомнился в кальвинистском учении, что независимо от своих усилий избежать греха люди предопределены к спасению так, как того хочет Бог, а не как надеются они сами. О *розенкрейцерах* см. ниже гл. XIII и примеч. 34.

¹⁴ Все эти "характеристики" идут в основном от несколько скандальных "Жизнеописаний философов" Диогена Лаэртция (см.: *Диоген Лаэртский*. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1979), однако Коменский пользуется здесь не непосредственно книгой Лаэртция, а сочинением И. Андреэ "Мифологии христианской, или образов добродетелей и пороков человеческой жизни, три книги" (Страсбург, 1619, гл. 40).

¹⁵ *Павел Тарсийский* – апостол Павел. Коменский и здесь пользуется сочинением И. Андреэ "Блуждания пилигрима в отечестве".

¹⁶ Так Коменский изображает занятия грамматикой. Ниже идут соответственно риторика (3), поэзия (4) и диалектика (5, изготовление очков).

¹⁷ "De culice" ("Комар") – стихотворение, приписываемое Вергилию: "De passere" ("Воробей") и "Lesbia" ("Лесбия") – два известных стихотворения Катутла. "К Приапу" (Приап – римский бог полей, садов и оплодотворения) – цикл из примерно 80 стихотворений, возникший в эпоху поэтического расцвета при императоре Августе, возможно, в кружке Мессалы. "Ars amandi" ("Наука любви") – поэтический трактат Овидия. *Эпикюши* – хвалебные оды. *Сатиры* – стихи на разоблачительные, нравственно критические темы; известными поэтами-сатириками были Гораций и Ювенал. Коменский не мог не понимать художественных и жанровых достоинств всей перечисляемой им "легкой" поэзии, но в отрешенно-трезвом ключе "Лабиринта" она предстает, конечно, пустой забавой. Впрочем, настроение трезвого ригоризма у Коменского всегда доминирует (ср. осуждение эротических языческих поэтов как не совместимых с христианскими добродетелями в "Великой дидактике" XV); это черта всего так называемого Северного Возрождения, к которому Коменской отчасти принадлежит. Позиция Яна Амоса здесь наиболее сходна с настроениями Хуана Луиса Вивеса (1492–1540), который и по занятиям, и по

складу ума тоже был педагогом (см. "Предвестник всеобщей мудрости", примеч. 33).

¹⁸ Очки (лат.).

¹⁹ Вспомогательные понятия (лат.).

²⁰ *Коллирий* – глазная мазь, частый еще со времен Средневековья символ просветления "очей ума".

²¹ Петр Рамус (см. о нем "Предвестник всеобщей мудрости", примеч. 27).

²² Архимед.

²³ Евклид.

²⁴ Правила: *trium* – исключенного третьего, *societatis* – сочетаний, *alligationis* – присоединения, *falsi* – правило доказательства от противного.

²⁵ Алгебра в ее современном виде была создана французским математиком Ф. Виета (1540–1603).

²⁶ "Никто не знающий геометрии да не войдет" – надпись на воротах платоновской Академии. В форме геометрии выступала тогдашняя (так называемая геометрическая) алгебра, оперировавшая не со знаками, а с местами и позициями геометрических фигур.

²⁷ Это Скалигер, как поясняет авторская маргиналия в 1-м издании. *Иосиф Юст Скалигер* (1540–1609) – выдающийся протестантский ученый (француз по происхождению, живший в Лейдене). Не будучи по своим основным занятиям математиком, он выпустил в 1594 г. книгу "Элементы циклометрии", где пытался решить задачу построения квадрата, равного данному кругу.

²⁸ *Кристофер Клавий* – профессиональный математик, выполнявший всю вычислительную работу по составлению современного григорианского календаря. Он показал ошибку, допущенную Скалигером в своей "квадратуре круга".

²⁹ Здесь можно видеть характерную для чешских братьев нелюбовь к церковной музыке.

³⁰ "Аномалия неба" (лат.). В рукописи Коменского против этого места поставлено на полях: Коперник. В следующей фразе тоже содержится намек на Коперника, который "поднимал землю до звезд". Об отношении Яна Амоса к Копернику см. также "Предвестник всеобщей мудрости", примеч. 42.

³¹ В астрологии (которая часто не отличалась еще тогда от астрономии) аспектом называлось склонение звезды над землей или угол ее вхождения в поле зрения наблюдателя. Аспект звезды или планеты, под которыми рождался человек, назывался его гороскопом.

³² Соответственно мужество, воздержание, справедливость, согласие, владение собой – добродетели; гордость, чревоугодие, похоть, раздор, тирания – пороки.

³³ Маргиналия к этому месту: *lapis philosophicus*, "философский камень".

³⁴ С 1610 г. по Германии ходила в рукописях, а в 1612, 1614 (Кассель) и 1615 гг. (Франкфурт) издавалась книга под названием "Слава Братства Р[озен] К[рейцеров], или Сообщение Братства высокохвального ордена Р.К. Ко всем ученым головам Европы. Вместе с их же исповедью на латинском языке". В почти пародийном стиле здесь провозглашалось открытие всех теософических и алхимических тайн мира неким Розенкрейцером, немецким дворянином, который якобы ездил в 1378 г. на Восток и вывез из Индии тайны философского камня и эликсира жизни. Книга упорно приписывалась Иоганну В. Андреэ, хотя до сих пор достоверным остается лишь то, что она действительно

по теме и стилю примыкает к юношеской работе Андреэ "Химическая свадьба Кристиана Розенкрейцера" (1603, опубл. 1616), где он, по его словам, "играл с алхимическими тайнами". "Слава братства розенкрейцеров", несмотря на свою ироничность, вызвала в тогдашнем обществе невероятный, ни с чем не сравнимый взрыв самых серьезных чувств; за короткое время вышли сотни сочинений друзей и врагов розенкрейцеров; Европа словно ждала этого знака, чтобы повсюду прорвалось недовольство существующей системой образования, науки и даже государственного управления, стремление преобразить все на основе нового, безошибочного, тайно хранимого каким-то секретным обществом знания. "В условиях распада общественного порядка зов розенкрейцеров раздался как фанфара новых времен, как надежда на новую жизнь, как сигнал борьбы против всякого человеческого авторитета" (*Blekastad M. Comenius...*, p. 67), пробуждая повсюду жажду свободы (см. о розенкрейцерах: *Peuckert W.E. Die Rosenkreuzer. Jena, 1928*). Поскольку никаких подлинных розенкрейцеров разыскать никому не удалось, а общество "Братство Христово", основанное самим Иоганном В. Андреэ в 1617–1618 гг. и распавшееся в 1620 г., было открытым, чисто просветительским и ничего чудотворного и "алхимического" в себе не содержало, в 1622 г. в Гааге было основано быстро разросшееся мистико-алхимическое братство розенкрейцеров, а затем к середине XVIII в. появились новые розенкрейцеры, представлявшие собой одну из высших ступеней франкмасонства. Насколько глубоко задела молодого искателя Коменского эта история, пришедшаяся как раз на его студенческие годы, хотя он быстро разочаровался в мифических розенкрейцерах как таковых, можно видеть из того, что еще незадолго до смерти в своих дневниковых записках "Вопли Илии" ("*Clamores Eliae*", изданы во фрагментах: *Blekastad M. Comenius...* p. 708–727), мечтая о просвещении мира с помощью Коллегии света и об основании "новой Церкви, подлинно католической, братолюбивой", он называет предвестием этого желанного преобразования "появившееся полвека назад братство розенкрейцеров" ("*...nebyloliž by to Ludus sapientiae Dei, cuius praeludium ante semiseculum Fraternitas Rosae Crucis?* // *Ibid.*, p. 712), а "первым исполнением" – единство чешских братьев.

³⁵ Типичные названия литературы вокруг розенкрейцеров и их братства: "Врата премудрости", "Крепость знания", "Школа вселенной", "Благой макромикрокосмикон", "Гармония обоих миров", "Христианская Каббала", "Пещера природы", "Твердыня первоматери", "Божественная магия", "Всобщее триединство", "Триумфальная пирамида", "Аллилуия".

³⁶ Сынов знания (лат.).

³⁷ Преподавание практической анатомии было введено в Пражском университете в бытность его ректором Яна Есенского (1566–1621) и оставалось еще новинкой в 1620-х гг., когда Коменский писал "Лабиринт".

³⁸ "Философское небо" – название матерчатого навеса над креслом ректора "философской области", или "сферы" ("сфера" понималась символически как одна из небесных сфер).

³⁹ Т.е. закон Корана.

⁴⁰ Речь идет о двух главных толках, на которые раскололся ислам. *Шииты*, к которым принадлежит большинство иранских мусульман, считают звание имама и халифа принадлежащим по божественному праву только дому Магомета, т.е. Али, мужу дочери Магомета Фатимы, и их наследникам.

Сунниты, наоборот, считают, что высшие духовные вожди ислама могли и могут избираться из членов всего рода корейшитов, из которого был Магомет.

⁴¹ В образе этого камня выступает Библия. У Иоганна Андреэ ("Блуждания пилигрима в отечестве", § 40, "Ереси") есть фраза, послужившая источником для Коменского: "А в середине зала был подвешен на золотой цепи лидийский камень, за которым все признавали чудодейственную силу и неисчислимую ценность. Однако о его цвете существовало невероятное расхождение мнений".

⁴² Obnovenými Коменский называл всех протестантов, как лютеран, так и "реформированных" (англикан).

⁴³ Судя по этому месту, Коменский хранил мечту об объединении всех протестантских церквей. Позднее, в "Пансофии", он строил планы примирения всего христианства и всех религий мира.

⁴⁴ Не умеющий притворяться не умеет править (лат.).

⁴⁵ Пародирование названия свода законов: вместо Práva a zřízení zemská Коменский пишет Žrava hrýzení zemská, а также Dravá šizení zemská (т.е. вместо "Свод земельных законов" — нечто вроде "Глод земельных драконов").

⁴⁶ В 1620 г., после битвы у Белой Горы, Коменский симпатизировал молодому королю Богемии Фридриху, который почти невольно оказался во главе восстания чешских и моравских "сословий" против императора Фердинанда II. Коменский вывесил портрет нового короля в своей школе в Фульнеке, зачитал с кафедры распространявшийся тогда в Моравии манифест о присоединении к Богемии; какими еще способами он "укреплял под ним трон", неизвестно.

⁴⁷ Nowináři — собиратели и передатчики новостей.

⁴⁸ "Желание иметь такие длинные шеи, как у журавлей" — ср.: Атеней (III в. н. э.). Софисты за обеденным столом. Кн. XII о случаях чудовищного сластолюбия (изложение трактата см. в кн.: Лосев А.Ф. Эллинистическая эстетика. М., 1979, с. 290).

⁴⁹ Герострат Эфесский, желая сохранить свое имя в истории, сжег храм Артемиды в Эфесе 21.7.356 г. до н.э.

⁵⁰ Возможно, имеется в виду герцог Альба (1508–1582), генерал Филиппа II, подавлявший восстание в Нидерландах (1567–1573) и хваставший тем, что казнил 18 000 человек.

⁵¹ По-видимому, имеется в виду Арий (IV в. н.э.), который учил, что Христос был сотворен Богом из ничего как высшее из всех творений (Логос) и имел тело, душу, но не имел духа, вместо которого в нем был божественный Логос, так что Христос и не Бог и не настоящий человек, а что-то третье.

⁵² "Присудил Бога к смерти" Понтий Пилат, прокуратор Иудеи между 26-м и 36-м гг. н.э.

⁵³ "Погрузил Солнце в пропасть" Николай Коперник, не любимый Коменским (ср. "Предвестник всеобщей мудрости", прим. 42).

⁵⁴ Говорится об Игнатии Лойоле (1491–1556), основателе ордена иезуитов, который стал главной силой контрреформации. Еще злее об иезуитах Коменский отзывался в своем раннем анонимном трактате "Спасение от антихриста" ("Retuňk proti Antikristu a svodům jeho...", 1617, опублик. в кн.: Souček B. O papežství. Praha, 1924).

⁵⁵ Кандидат в бессмертие (лат.).

⁵⁶ Эти два лица в свите Королевы света, мирской мудрости, – Власть и Хитрость.

⁵⁷ Порошок из корней черной чемерицы считался средством от безумия.

⁵⁸ Скорее всего, имеется в виду не ученик Аристотеля Теофраст, как думают некоторые комментаторы, а Теофраст Бомбаст фон Гогенгейм (Парацельс, см. выше примеч. 13), чьи труды вышли во 2-м издании как раз в 1616–1618 гг.

⁵⁹ Ratio status (лат.) – право толковать закон по усмотрению судьи.

⁶⁰ Чтобы весь мир получил свое устройство по образу своего правителя (лат.).

⁶¹ Ср. Еккл 1, 15.

⁶² Еккл 12, 14: "всякое дело Бог приведет на суд, и все тайное, хорошо ли оно, или худо".

⁶³ По мнению Д. Чижевского, эта глава вставлена в одной из последующих редакций.

⁶⁴ Многочисленные жены Соломона ввели в его столице идолопоклонничество.

⁶⁵ Здесь начинается вторая часть книги Коменского ("Рай сердца").

⁶⁶ Т.е. перед лицом смерти всякий обман кончается.

⁶⁷ В этой главе многие темы и образы заимствованы из книги Иоганна В. Андрес "Христианский гражданин".

⁶⁸ Здесь видят почти буквальное сходство с гл. 1 вышеуказанного сочинения И. Андрес.

⁶⁹ Андрес И. Христианский гражданин, гл. 2.

⁷⁰ О Библии как источнике всех благородных искусств учил герборнский наставник Коменского Иоганн Генрих Альштед (1588–1638; см. о нем: Предвестник всеобщей мудрости, примеч. 52); в 1625 г. во Франкфурте вышла его книга "Триумф священных книг, или Библейская энциклопедия, являющая торжество философии, права и святой медицины, а также священной теологии, поскольку их основания почерпаются из Священного писания Ветхого и Нового Заветов".

⁷¹ Слова "и молитва" – вставка 1663 г.

⁷² Полнее о "невидимой церкви" см. трактат Коменского: Haggaeus redivivus. To jest krest'anskych vrchnosti... //Veškeré spisy J.A. Komenského, XVII. Brno, 1912, s. 157–260.

⁷³ Praxis christianismi Коменский переводит как "истина христианства", понимая истину как реальность.

⁷⁴ Подробнее эти взгляды развиваются Коменским в "Новейшем методе языков".

Предвестник всеобщей мудрости

Написан в 1634–1638 гг., опубликован в 1639 г. в Англии. Печатается по изданию: Коменский Я.А. Избр. пед. соч. Т. 1. М., 1982, с. 477–527, пер. В.И. Ивановского и Н.С. Терновского с нашей (В.Б.) сверкой по латинскому тексту: Comenius. Vorspiele Prodromus pansophiae. Vorläufer der Pansophie. Lat. Text und deutsche Übersetzung von H. Hornstein. Düsseldorf, 1963.

В письме 1667 г. к голландскому священнику П. Серрюрье (*Comen-sky J.A. Correspondence*, II, № 257. Praha, 1902, s. 316) Коменский вспоминает, как мальчиком в школе он пробовал объяснить сверстникам разнообразие цветов: Бог сотворил только простые краски, каждому цветку дал какую-то одну, но со временем из-за сложного устройства цветков их окраска стала смешанной. Здесь уже таилась идея пансофии, всемудрости: за многообразием явлений надо искать изначальную простоту. Принцип пансофии розенкрейцеров (см. "Лабиринт света...", гл. XIII и примеч.) – "от Единого, через все, к Единому" – был принят молодым чешским мыслителем. С конца 1620-х гг. замысел единого знания, способного раскрыть человечество цельным смыслом жизни, становится неизменной заботой Коменского (подробнее об источниках и философской идее его пансофии см.: "Всеобщий совет об исправлении человеческих дел. Пансофия", комментарий). В письме Г. Хоттону 14.3.1642 г. он признается, что "вот уже 14 лет" (т.е. с 1628 г.) вынашивает идеи своих пансофических трудов; а в письме к немецкому историку М. Гезенталеру 1.9.1656 г. указывает, что "почерпнул начала своих пансофических размышлений" из книг И.В. Андреэ (см. о нем "Лабиринт света", общее примеч.), с которым начал переписку тоже в 1628 г. Зародышем пансофии можно считать уже "Средоточие обеспеченности" (1625), где впервые нарисовано "древо мудрости", живого цельного знания. Написав "Открытую дверь языков" (*Janua linguarum reserata. Sive seminarium linguarum et scientiarum omnium*. Lesnae, 1631), Ян Амос тут же приступил к другому учебнику "Открытая дверь вещей" (издано посмертно: *Janua rerum reserata, hoc est Sapientia prima, quam vulgo Metaphysicam vocant*. Leiden, 1681) «с той целью, – говорилось в предисловии, – чтобы молодежь, научившись с помощью "Открытой двери языков" различать вещи по их внешним признакам, сумела теперь заглянуть во внутреннее устройство вещей и увидела, чем каждая вещь является в своей сущности». Речь шла о том, чтобы "дать уму человеческому ключ" к миру, открыть гармонию вещей с человеческим разумом и с языком. Сведения об "Открытой двери вещей" через уехавших из Лешно в Англию студентов Даниэля Эраста и Сэмюэля Бенедикта Вскоре (1632) дошли до С. Гартлиба (см. о нем в "Автобиографии". – *Коменский Я.А. Избр. пед. соч.* Т. 1. М., 1982, с. 25–73); по просьбе последнего Коменский в письме к нему систематизировал содержащиеся в "Открытой двери вещей" пансофические идеи в форме "Предварения" (*In Januam rerum, sive Totius pansophiae seminarium. Introitus. Praecognita*, I, II, III. Впервые напечатано в XX в.: *Comenius J.A. Two pansophical works* / Ed. by G.H. Turnbull. Praha, 1951). "Собрав рассеянную повсюду истину", Коменский намеревается со временем создать "книгу пансофии" и потом донести цельную картину мира до всего человечества, прежде всего до молодежи. Пансофия все ярче рисовалась Коменскому не как система частных истин и даже не как метод открытия новых истин, а как путь к всепроникающим законам бытия, к основе мира. Обновленные и расширенные "Прелюдии к христианской пансофии", отосланные Гартлибу в Англию, были без ведома Коменского напечатаны там (*Conatium Comenianorum Praeludia. Porta sapientiae reserata, sive Pansophiae Christianae seminarium. Hoc est, nova et solida omnes scientias et artes... addiscendi methodus*. Oxoniae, 1667). Это не окончательный текст "Предвестника всемудрости". Замысел Коменского приобретает космический размах. Поскольку Бог есть прообраз, отобразом которого является мир, человек как Божий образ призван сосредоточить в себе всю творческую мудрость и таким

путем возвыситься до богоподобия; такая "христианская пансофия" придает человеку божественное и вместе с тем подлинно человеческое достоинство. Один из английских "апостолов" Коменского – оксфордский издатель "Прелюдий" И. Хюбнер ставил эту книгу в один ряд с появившимся в те же годы "Рассуждением о методе" Рене Декарта. "Прелюдии" показались кое-кому критикой Френсиса Бэкона; другие увидели в них, наоборот, подражание Бэкону. Коменский был противником и крайностей дедуктивного метода схоластиков, и односторонности индуктивного метода Бэкона; он восполнял тот и другой своим "синкритическим" методом "сопоставления и естественного сочетания" вещей. И. Хюбнер доказывал, что "у Коменского есть, пожалуй, такие изобретения, которые не пришли бы в голову и самому Веруламскому" (письмо С. Гартлибу 16.8.1637 о споре с богословом Г. Воттом, см.: *Kvačala J. Die pädagogische Reform des Comenius in Deutschland bis zum Ausgange des XVII. Jahrhunderts. Bd. I. Monumenta Germaniae pedagogica. Bd. XXVI. Berlin, 1903, s. 100*). Богословы, даже некоторые чешские братья, осуждали Коменского за чрезмерное превознесение человека и за то, что им казалось отходом от догматов о падшести человеческой природы и о божественной непостижимости: Коменский слишком высоко ставил возможности человеческого разума. Его упрекали в смещении библейского откровения с естественным познанием; к числу таких критиков принадлежал Декарт (*Descartes R. Oeuvres. 1–5. Correspondence / Publ. par Ch. Adam et P. Tannery. T. II. P., 1898, p. 345; Descartes R. Correspondence. Publ. par Ch. Adam et G. Milhaud. T. IV. P., 1947, p. 30; T. VI. P., 1960, p. 437*). Коменский, однако, строил проект культуры не эмпирически данного, а нового, по-христиански возрожденного человечества, чье познание вещей уже никогда не будет плоско рационалистическим (ср.: *Blekastad M. Comenius..., p. 258*). Получив в Лешно из Англии 30 экземпляров своей неожиданно изданной книги, Коменский поблагодарил Гартлиба письмом от 26.1.1638, но запретил переиздавать "Прелюдии". Он переработал их в более обстоятельный "Предвестник всемудрости", тоже изданный в Англии (*Reverendi et clarissimi viri Iohannis Amos Comenii Pansophiae prodromus. Londinii, 1639*; новое название – *Prodromus* – интересно сопоставить с заглавием изданной во Франкфурте в 1617 г. книги Кампанеллы "*Prodromus philosophiae instaurandae*" – "Предвестник философии, подлежащей восстановлению"). На критику своих польских единоверцев – польского писателя М. Броневского и проповедника Михаила – Коменский ответил трактатом "Объяснение пансофических усилий" (*Conatuum pansophicorum dilucidatio. In gratiam censorum facta. Londinii, 1639*; современное издание: *Veškeré spisy J.A. Komenského. I. Brno, 1914, s. 389–433*), где вместо того, чтобы оправдываться, наступал: его замысел, утверждал он, есть веление времени и Бога, которое так или иначе должно быть исполнено если не им, то потомками; он скорее откажется от общения с чешскими и польскими братьями, если они осудят его, чем от "построения храма христианской пансофии". В отличие от рукотворного Соломонова храма, писал Коменский, этот духовный храм, который вместит людей "всех стран, племен, народов и языков", пребудет веками нерушимым. В нем семь частей: *пропилеи*, сама идея пансофии; *врата*, т.е. общие всем людям понятия, стремления и способности; *внешний двор*, т.е. природа; *средний двор*, область человеческого искусства, где человек от пассивного восприятия и наблюдения действительности обращается к творчеству; *внутренний двор*, место соединения свободной воли человека с божественной волей и

возрождения во Христе; *пространство храма*, область познания вечного мира; *святая святых*, средоточие созерцания божества в его вечном покое. Упреки в возвеличении человеческого ума и смешении мирского знания с библейским Коменский не только отвергал, указывая на величайшее достоинство человека как образа Божия, но и открыто объявлял своей задачей "обучение христиан не отдельно философии, не отдельно божественной мудрости, но обоим вместе, т.е. пансофии" (Conatuum..., p. 415). На синоде своей церкви в Лешно 20.3.1639 г. Коменский был не только оправдан, но ему даже поручили работу над пансофией в качестве задания братства. И все же недоразумения вокруг этих ранних пансофических публикаций надолго отбили у Коменского, как он жаловался в письмах, вкус к занятиям пансофией.

"Предвестник всеобщей мудрости" – это подправленные "Прелюдии"; Коменский иногда не проводил между ними различия (см.: *Blekestad M. Comenius...*, p. 255). Сочинение разошлось по Европе, от Англии и Швеции до Италии; в 1642 г. оно вышло в английском переводе; в 1644 г. напечатано в Лейдене, потом в Париже, в 1657 г. – в Амстердаме в составе педагогических трудов Коменского. Оно отвечало философской и научной тенденции эпохи: расширяя познания и опираясь на это расширение, обеспечить для человека надежное, правильное положение как в мире, так и перед лицом божества. Все ждали, когда Коменский перейдет к осуществлению своего грандиозного замысла. "Мой труд продвигался вперед очень медленно, – говорил Коменский позднее, – потому что меня встревожило разнообразие мнений о нем, и я все больше возлагал надежду на создание целой пансофической Коллегии. Я видел, что не в состоянии действовать дальше, полагаясь только на свою интуицию и не узнав прежде, что подумают все эти многочисленные люди, получившие более основательное образование, чем я" ("Автобиография", 50). Готовя почву для "коллегиальной" работы над пансофией, он пишет и частным образом публикует для распространения среди друзей, критиков и коллег "Очертание Пансофии, являющее чертеж и описание величины, размеров и пользы всего будущего труда" (*Pansophiae diatyposis, ichnographica et orthographica delineatione totius futuri operis amplitudinem, dimensionem, usus adumbrans*. Danzig, 1643; Amsterdam, 1945; пер. на англ. – 1651). Слишком "библейский" образ пансофического храма в "Объяснении пансофических усилий" озадачил многих ученых, и Коменский говорит теперь строгим языком не о семи отделениях храма, а о семи ступенях восхождения: подготовке, идеальном замысле, познании природы, науках и искусствах, духовном утверждении, созерцании вечности, благотельной практике. Он отводит себе роль начинателя; последователи разовьют и улучшат пансофию по мере просвещения мира; он жалеет о своей занятости, о недостатке сотрудников и в завершение вспоминает Бзкона с его идеей универсальной академии. Коменского всего больше тревожило то, что его цель – всеохватывающее познание бытия и воспитание всего человечества в полноте всеведения, бодрости, деятельной и мудрой воли – не может быть достигнута никаким частным усилием, никаким совершенствованием какой-то одной области знания. К 1645 г. в нем крепнет убеждение, что даже пансофия – все еще недостаточно универсальное начинание, и 18.4.1645 г. он пишет Л. де Гееру, что работает над "Вселенским советом об улучшении человеческих дел, обращенным ко всему человеческому роду, прежде всего к ученым Европы", и что в этом новом труде пансофия заняла всего лишь 1/7 часть (см.: *Časopis*

národního musea. LXXXIII. Praha, 1909, s. 96). Правда, на самом деле "Пансофия" вместе с "Реальным пансофическим словарем" в окончательном тексте "Вселенского совета" превышает по объему все его остальные шесть частей вместе взятые. И все-таки она входит уже лишь как одна из тем – пускай и главная – в труд жизни Яна Амоса. Если в ранней пансофии, особенно в ее первоначальных набросках, были слышнее розенкрейцеровские мотивы таинственного знания, то в плане "исправления человеческих дел" в полный голос говорит Коменский-педагог, выступающий с замыслом воспитания человеческого рода в целом и каждого человека в частности.

¹ Цицерон. Письма к Аттику IV, 11.

² Овидий. Письма с Понта IV, 2, 35–36 ("Слушатель рвения придаст, от похвал возрастет дарование").

³ Janua rerum – "Дверь вещей", или "Введение в мир" (писалось между 1631 и 1643 гг., опубликовано в 1681 г.; фрагмент последней редакции – лишь в Праге в 1951 г.: Janua rerum reserata, sive Universalis sapientiae seminarium, vulgo Pansophia prima, et Metaphysica dicta. Fragment // Comenius. Two pansophical works. Praha, 1951, s. 151–167), ставит задачей познание основ как языков, так и вещей мира; Коменский иногда называл эту свою работу также "Христианской пансофией", "Семинарием всеобщей мудрости", "Первой философией" и "Метафизикой".

⁴ Janua linguarum – "Дверь языков" (1630–1631). Издавалось многократно, было переведено в XVII в. на многие языки, включая арабский, а также, по-видимому, турецкий, персидский и монгольский (есть сведения о том, что подобная работа велась в ближневосточных христианских миссиях). Это была философская картина мира, а не просто учебник латыни. Коменский, однако, удержал традиционное название "Дверь языков" (или, как еще можно перевести, "Введение в языки"), поскольку все равно понимал язык не как средство обозначения, а как систему познания и упорядочения вещей.

⁵ См. общее примечание.

⁶ См.: Аристотель. Метафизика I, 2, 981a 25–b24 (о мудрости и знании); Цицерон. Об обязанностях II, 2, 4; Тускуланские беседы V, 3, 7; Книга Премудрости Соломона 6,12 и сл., особ. 7, 21 ("Познал я все, и сокровенное и явное, ибо научила меня Премудрость, художница всего").

⁷ Цицерон. Тимей, конец (перевод платоновского "Тимея" 47ab).

⁸ Гораций. Послания I, 1, 106–107. Дальше у Горация: "И, что главное, здрав, – если насморк его не замучил".

⁹ Сенека. Письма к Луцилию, 16, 1.

¹⁰ Цицерон. Тускуланские беседы I, 26.

¹¹ Там же.

¹² Под instrumenta – "орудиями" понимаются чувство и разум человека.

¹³ Коменский высказывал иногда и пессимистические взгляды на возможность дальнейшего развития человечества (ср. "Вселенский совет. Светочи Европы...", 16), однако у него преобладали ожидания грядущего золотого века (см. ниже, § 5).

¹⁴ Сир 34, 9.

¹⁵ Манилий. Астрономика I, 61.

¹⁶ Ср. "Светочи Европы..." 19 и примеч.

¹⁷ Эта формула была развернута затем в "Панпедии".

¹⁸ Ср. "Светочи Европы..." 20.

¹⁹ Facilis, обычно переводимое как "легкий", означает, собственно, "реально исполнимый", "осуществимый", "доступный", "удобный".

²⁰ Полигисторы (от греч. корней со значениями "много" и "история" в первоначальном смысле этого слова "знание") – эрудиты. В эпоху Коменского сборники сведений из разнообразных наук часто носили название "Полигистор".

²¹ Поскольку заниматься свободными (благородными) науками и искусствами могли по-настоящему только люди не захваченные жизненной суетой, в Древней Греции такие занятия получили название (σχολή) – "досуг" (откуда современное "школа"), а в Древнем Риме – otium, отдых; школа называлась в Риме ludus, "игра". Коменский жалуется, что scholae – "школы" превратились в cholae – "места гнева и желчного раздражения" (впрочем, это созвучие обыгрывается уже у киника Диогена, который "говорил, что у Евклида не ученики, а желчевики"; см.: *Диоген Лаэртций*. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов VI, 2, 24).

²² Мельницы, приводившиеся в действие человеческой мускульной силой. Они служили местом отбывания срока для каторжников.

²³ См.: *Николай Кузанский*. Наука незнания I, 3.

²⁴ *Иосиф Флавий*. Против Аппиана II, 19.

²⁵ Слово "секта" (от sequor – "быть последователем") еще не приобрело в XVII в. уничижительного смысла и могло означать "философское направление", "религия", "политическое движение" (например "секта аристотеликов", как называли позднюю схоластику, "секта христиан").

²⁶ Возможно, *Хуан Луис Вивес* (1492–1540), философ, литератор и педагог испанского происхождения, одно из виднейших интеллектуальных светил XVI–XVII вв. Предшественник Бэкона, Вивес требовал обновления наук и искусств на новых, жизненных основаниях (особенно в трактате "О причинах упадка искусств", который входил 3-ей частью в главный труд Вивеса "Об учениях"). Ср. ниже прим. 34.

²⁷ Не ясно, кто этот другой автор.

²⁸ *Петр Рамус* (Пьер де ла Раме 1515–1572), а особенно его последователи в конце XVI – начале XVII в. вели жестокую войну против "аристотеликов" с их формальной логикой за "платонический", более художественно-пластический и жизненный подход к наукам и искусствам, с упором на протестантское благочестие. "Рамистами" были учителя Коменского в Герборне богослов Иоганн Фишер (Пискатор, 1546–1625) и философ-врач Генрих Гутбрет (1572–1635).

²⁹ *Иоганн Верденхаген*. Идея хорошего правителя и политика. Лейден, 1632.

³⁰ См.: *Якоб Аконтий*. Происки сатаны. Базель, 1610.

³¹ I Кор 1, 20: "Где мудрец? где книжник? где совопросник века сего? Не обратил ли Бог мудрость мира сего в безумие?".

³² Ян Амос говорит об этом умереннее в §§ 57–58.

³³ *Сенека*. Письма к Луцилию, 48, 12: "Жалкое безумие обучаться ненужному, когда времени в обрез!".

³⁴ Ср. *Хуан Луис Вивес*. О природе словесного выражения. Кн. III.

О поэзии: "Одни поэтические мифы содержат что-либо природное, другие что-либо нравственное; и те и другие достойны сохранения... Есть, наконец, много вредных и пагубных, возникших или из традиционного заблуждения, как мифы о елисейских полях, о царствовании и мерзостных преступлениях богов, или из низкого наслаждения постыдными предметами, как рассказы о прелюбодеяниях, о всякой гнусной непристойности, о войнах, жестокостях. К чему беречь и читать такое? Словно нечем заняться с большей пользой или словно мы без того не встречаем на каждом шагу такого, что и наше время губит, и вредит доброму разуму" (Эстетика Ренессанса. Т. II. М., 1981, с. 311–312).

³⁵ *Сенека*. Письмо к Луцилию 38, 2: "доводы разума... на взгляд... незначительны, но растут по мере того, как делают свое дело... Тот же удел у наставлений, что и у семян: краткие, они многое могут, лишь бы только им попасть, как я говорил, в подходящую душу, способную их принять. А она сама принесет плоды, возвратив полученное сторицей".

³⁶ *Гораций*. Послания II, 3, 180–181.

³⁷ В пример всем системам искусства и знания ставится математика с ее строго последовательным переходом от простого к сложному. См. ниже примеч. 54.

³⁸ Эта оговорка – еще одно подтверждение тому, что воспитательные усилия Коменского были направлены не на развитие отдельных одаренных умов, а на просвещение всей толщи человечества, вплоть до последнего умственно недоразвитого ребенка и калеки.

³⁹ Коменский имеет в виду преобладающую массу учебно-справочной литературы его времени, стремившейся заинтриговать читателя каждый раз новым и "достойным удивления" подходом ко всему в мире.

⁴⁰ Косвенная критика Коперника и Галилея.

⁴¹ Перипат (крытая галерея, пассаж) в Ликее (Лицее), где учил Аристотель, дал название всей его школе; происхождение имени забылось, и "перипатетиков" стали толковать исходя из непосредственного значения греческого слова (περίπατῆς) – "прохаживаться", тем более что Аристотель якобы любил беседовать с учениками гуляя по саду. В этом осуждении "аристотеликов" у Коменского слышится отголосок его студенческого "рамизма", от которого он, правда, вскоре отказался. Аристотеля "очень часто осуждают, но он может много чему научить, хотя это чудо природы [т.е. аристотелевский ум. – В.Б.] не есть мерило истины", – писал Коменский в те же годы, когда возник "Предвестник" (см. его работу "Синописис преображенной в божественном свете естественной философии", *Physicae ad lumen divinum reformatae synopsis* // *Veškeré spisy...* I. 1914, s. 162). А в "Изображении пансофии..." (*Pansophiae diatyposis...*, р. 207–212) он уже строит "чертеж" пансофического здания "на манер учеников Аристотеля".

⁴² 17.1.1614 г. Коменский на последние деньги купил за "достойную цену" у вдовы профессора Якоба Кристмана оригинал сочинения Николая Коперника "De revolutionibus orbium celestium" (1543). Рукопись Коперника, которую Коменский хранил среди особо ценных книг, избежала пожара его библиотеки в 1656 г. и сохранилась до нашего времени со сделанной рукою Коменского памятной записью о покупке (тогда как, например, собственное сочинение Коменского "Опровержение картезианской философии и коперниканской астрономии", в которое он "вложил много труда и стараний", тогда сгорело); эта рукопись Коперника была издана факсимильным способом в Мюнхене в

1944 г. Будучи в состоянии освоить математический аппарат Коперника, Коменский считал его теорию, однако, недолжным притязанием человеческого рассудка на познание божественных законов, вызывающим примером научного высокомерия (ср. "Лабиринт света..." XI, 8): когда Коперник не в силах что-то понять своим разумом, он пытается представить вещи иначе чем они есть.

⁴³ Имеется в виду книга английского ученого Уильяма Гильберта (1540–1603) "Новая философия. О магните, магнетических телах и о великом магните – Земле" (Лондон, 1600).

⁴⁴ Коменский штудировал книги Кампанеллы в 1627 г. (см. письмо Р. Лещинскому в 1630 г.: J.A. Komenského korespondence. Praha, 1892, s. 8). Бэкон и Кампанелла для него – "Геркулесы, которые с успехом потрудились в борьбе с чудовищами и в расчистке авгиевых конюшен" (Physicae synopsis..., р. 162). Ян Амос заимствовал у Кампанеллы идею всемирной Коллегии света (как у Бэкона – замысел создания Универсальной академии). Подобно Пармениду (VI–V вв. до н.э.), Кампанелла полагал в основе мира начала светлого и темного, теплого и холодного и т.д.

⁴⁵ Говоря, что "одной оптической трубы Галилея было достаточно", чтобы опровергнуть взгляды Кампанеллы на строение вселенной, Коменский не встает однозначно и на сторону Галилея; в утерянном сочинении Коменского "О преображении астрономии в свете естества и о перестройке ее на основе не измышленных, а истинных и реальных, выведенных из природы неба, гипотез" были, по сообщению Иоахима Хюбнера (письма Гартлибу 16.8.1637), "доводы против Галилея".

⁴⁶ Ср. ниже §§ 34 и 109. По Коменскому, только христианство обеспечивает человеку как образу Бога право на познание и овладение Вселенной.

⁴⁷ Гален. О различии пульсов III, 3.

⁴⁸ Сознательно и добровольно (лат.)

⁴⁹ Эта идея практической ориентации школы развита в "Великой дидактике" 29–31 и в "Панпедии" V, 28 и др.

⁵⁰ Ср. § 29 о "незыблемых принципах" пансофии, которые в конечном счете сводятся к идее сотворенности мира благом творцом.

⁵¹ Лукреций. О природе вещей II, 7–10 (пер. Ф.А. Петровского).

⁵² Еще в 1616 г. епископ чешских братьев Матоуш Конечный выпустил в Праге популярную энциклопедию "Театр Божий". В студенческие годы Коменский познакомился с энциклопедическими трудами профессора и протестантского теолога Иоганна Генриха Альштеда (1588–1638), который издал в Герборне в 1620 г. "Энциклопедию философского курса", а в 1630 г. – семитомную энциклопедию общих начал науки, филологии, философии, "механических искусств" и теологии. В Гейдельберге, где Коменский продолжал свои занятия, уехав из Герборна, в 1610 г. вышла книга ректора университета Б. Кекермана (1561–1609) "Система логики, риторики, этики, политики, экономики, физики, астрономии, географии, церковной мудрости", по существу энциклопедия. В 1630-е гг. работал над своей "Энциклопедией всех вещей, относящихся как к искусству, так и к природе" известный Коменскому богослов А. Ментцель (ум. в 1637 г., не издав своего труда). Автором "Синоптической энциклопедии" был младший современник Коменского, его поклонник и переводчик, филолог, с 1664 г. епископ Иоганн Гезелий (1615–1690). Автором энциклопедий был также венгерский друг Яна Амоса педагог Апацай Череш (1625–1659).

⁵³ Прем 11, 21–22 ("но Ты все расположил мерою, числом и весом. Ибо великая сила всегда присуща Тебе"). Ср. «Совет о создании книги "Пансофия"» 3; 4; 15.

⁵⁴ Ср. "Панпедия" VI, 18(8), начало. Идеальное пансофическое знание для Коменского в принципе "математично", т.е. однозначно, и допускает бесспорное обоснование. Вместе с тем Коменский достаточно знал математику (его математические расчеты к "вечному двигателю", питающемуся от энергии звезд, получили одобрение некоторых современных ему математиков), чтобы не переносить ее непосредственно в пансофические построения; он избегал дурной "математизации" гуманитарных наук и заимствовал здесь от математики только методический принцип – то, что он называет "подлинно математическим" методом (см. его сочинение "Художник своей судьбы, или Искусство помогать советом самому себе" в кн.: *Veškeré spisy J.A. Komenského*. I. Vrno, 1914, s. 452). "Универсальный язык" Коменского тоже свободен от механической математизации, лежавшей в основе искусственного языка молодого Лейбница.

⁵⁵ *Меланхтон Филипп* (1497–1560) – немецкий филолог и богослов, сорудник Лютера, организатор системы образования в протестантских университетах и латинских школах всей Германии (см. "Автобиография", примеч. 13); излагал свою гуманистическую программу образования в лекции "Об исправлении образования молодежи" (1518) и в книге "Упорядочение школ" (1528).

⁵⁶ Это стало одним из трех программных положений "Вселенского совета" (см. "Светочи Европы..." 6).

⁵⁷ Познание частных вещей останется ущербным до тех пор, пока не будет уловлена гармоническая цельность вселенной (ср. "Панавгия" X о "корне вечной гармонии в вещах").

⁵⁸ *Герметики* – последователи мифического Гермеса Трисмегиста, якобы вдохновителя так называемых "герметических сочинений", теософически-гностических текстов II–III вв. н.э. (см. *Corpus hermeticum*/Ed. A.D. Nock, A.J. Festugière. 4 t. P., 1945–1954). Здесь под герметиками понимаются прежде всего алхимики.

⁵⁹ Коменский видел видел во Френсисе Бэcone одного из светочей эпохи (см. выше примеч. 44), предлагал в его честь сделать Англию резиденцией Универсальной академии, дал одному своему сочинению ("Художник своей судьбы...") заглавие из книги Бэкона "О достоинстве и возрастании наук" (VIII, 2). "Новый органон" Бэкона вышел в 1620 г. в Лондоне, его вторая часть – в 1645 г. в Лейдене.

⁶⁰ Математик и философ Иоханн Юнг (Юнг, 1587–1657), друг Иоганна Валентина Андреэ и С. Гартлиба, основатель тайного исследовательского общества в Ростокe, был в числе планировавших реформу школьного образования гамбургских ученых, которые приглашали Коменского для совместной работы после опубликования им "Введения в языки" (1631). В своей "Гамбургской логике" Юнг предлагал новый метод преподавания этой науки в школах (*Logica Hamburgensis, hoc est Institutiones logicae in usum scholarum*. Hamburgi, 1638). Ученая общественность Гамбурга, однако, запретила ему провести свою реформу или хотя бы самому преподавать в новом стиле. Посетив Гамбург (он приехал туда из Парижа, где встречался с Декартом, и Амстердама 19.7.1642 г.), Коменский вел с Юнгом "важные

беседы" ("Автобиография" 61), касавшиеся, по-видимому, сотрудничества в деле создания Коллегии света. Общие педагогические интересы, сходная судьба их сочинений (оба терпели за них гонения) сблизили их; отношение Коменского к Юнгу можно определить как сотрудничество на расстоянии. В 1656 г. оба встретились еще раз в Гамбурге, когда Юнг давно уже отказался под тяжестью пережитых огорчений от публикации своих работ (кроме логики, он писал также по ботанике, геологии и другим наукам). Сохранилось письмо Коменского Гартлибу о Юнге (*Kvačala J. Korrespondence J.A. Komenského. II. Praha, 1902, s. 34–36*).

⁶¹ Ориентация на практику определяет у Коменского весь процесс познания; незаинтересованного созерцательного познания для него в принципе не существует.

⁶² За и против (лат.)

⁶³ Элифаз и Элиуй – собеседники Иова в библейской Книге Иова. О Меркурии (Гермесе) Трисмегисте см. выше примеч. 58.

⁶⁴ Мф 5, 22: «Кто же скажет брату своему "рака́" (пустой человек), подлежит синедриону (верховному судилищу)».

⁶⁵ См. выше § 15.

⁶⁶ Ср. *Френсис Бэкон*. Новый органон II, 10 ("...истинная и здоровая индукция, которая сама является ключом к истолкованию").

⁶⁷ *Фульгенций*. К Монику I, 1 ("О двояком предопределении добрых к прославлению, злых к наказанию"), 3.

⁶⁸ Коменский вводит греческий артикль (в латинском артикля нет) для субстантивации определительного местоимения "такой". Буквальный перевод: "Если что не может стать, оно не становится, и если что не может стать таким-то, оно не становится таким-то; соответственно возможность 'такости' именуется идеей, благодаря которой вещь есть то, что она есть".

⁶⁹ *Сенека*. О благодеяниях IV, 7.

⁷⁰ "Форма" здесь, как во всей латиноязычной философской традиции, – аристотелевский эйдос, или платоновская идея, т.е. смысловая сущность вещи, как эта вещь возникает из своего "основания" в творящем уме Бога.

⁷¹ *Гален*. О назначении частей в человеческом теле VI, 1.

⁷² *Тертуллиан*. Против валентиниан 29.

⁷³ Об "ошибке антропоморфизма" см. подробнее "Пансофия, ступень вторая" ("Ошибка антропоморфизма была не в том, что он судил о прообразе по подобию с образуемым, но в том, что он исходил [в своих суждениях о Боге. – В.Б.] не из высшей части человека, души, а из низшей и ограниченной, тела").

⁷⁴ О формах см. выше примеч. 70.

⁷⁵ Эти сведения о лидийском камне – из Плиния (Естественная история XXXIII 126).

⁷⁶ О невозможности для субстанции увеличения или уменьшения говорит Аристотель (Категории 5, 3б – 4а).

⁷⁷ Голландский ученый и священник, друг Коменского, Каспар Стрезе (1603–1665), о чьей книге "Об употреблении разума и злоупотреблении им" Коменский отзывался с одобрением (письмо Гартлибу, см.: J.A. Komenského korrespondence. Praha, 1892, s. 19), мечтал о переходе науки и философии на народный (материнский) язык, о новых методах научного познания. Его книгу "Иллюстрированная богословская технология" (*Technologia theologica illustrata*,

Leiden, 1634; London, 1640) Коменский цитирует в "Новейшем методе языков" 28, 3.

⁷⁸ В 1614–1616 гг., будучи ректором в школе в Пшерове, где он учился в 1608–1611 гг., Коменский написал для своих учеников "Наставления по облегченной грамматике", которые, как можно судить по одному его письму 1661 г., были изданы в Праге в 1616 г., однако следов этого издания не сохранилось. В свое "Полное собрание дидактических трудов" Коменский эти "Наставления" не включил.

⁷⁹ *Ратихий* – немецкий педагог *Вольфганг Ратке* (1571–1625, см. о нем: "Автобиография", примеч. 2), чей метод скорого изучения латыни, греческого и еврейского языков Коменский использовал при написании "Наставления по облегченной грамматике". Гиссенский профессор восточных языков *Кристоф Гельвик* (1581–1617) одно время сотрудничал с Ратке; Коменский, по собственному свидетельству, изучал книги Гельвика в 1627 г., а возможно и раньше. *Иоганн Рейниус* (Рейн) – немецкий педагог, которого Коменский читал в те же годы. *Стефан Риттер* (ок. 1600–1650) – ректор школы в Корбахе (Германия). *Филипп Глаум* (ок. 1580–1650) – немецкий педагог, работавший над реформой школьного образования. Об этих современных Коменскому педагогах см. в "Великой дидактике" ("Приветствие читателю" 9–10). Об *Иоганне Андресе* см. "Лабиринт света", общее примеч.

⁸⁰ См.: Тимофея Брайта Кембриджского, доктора медицины, замечания о "Физике" Вильгельма Адольфа Скрибония. Франкфурт, 1587, гл. I.

⁸¹ "Метафизика" ("Первая философия") Коменского, написанная им ок. 1630 г., была обнаружена Яромиром Червенкой в 1931 г. в библиотеке им. М.Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде и опубликована: Archiv pro bádání o životé a spisech J.A. Komenského. XXIII. Praha, 1965, s. 81–97. Метафизикой Коменского следует считать также его "Дверь вещей", на протяжении 30 лет, начиная с 1632 г., перерабатывавшуюся им не менее 20 раз и доведенную до крайней сжатости и энергичной сухости изложения. Метафизика для него – это верховное знание (иногда просто тождественное пансофии), которое главенствует, с одной стороны, над "физикой", т.е. учением о природе вообще, с другой – над "механикой", учением о человеческих искусствах и умениях. Метафизика как "преддверие премудрости" сочетается в качестве искусства мысли с "прагматикой", искусством действия, и с "логикой", искусством слова. Их гармонию Коменский обозначает сокращениями SCHOLA (Sapienter Cogitare – "мудро мыслить", Honeste Operari – "благородно действовать", Loqui Argute – "умело говорить") и SAL (Sapere – "разумение", Agere – "действие", Loqui – "речь"). Сокращения имеют и самостоятельное значение, соответственно "ШКОЛА" и "СОЛЬ" (премудрости). "Все мы до сих пор заблуждались и ошибались, – пишет Коменский в 1646 г. Георгу Ричлю, – относю метафизику к реальным наукам, тогда как она имеет дело только с орудиями [человеческого разума] и, стало быть, является искусством, а не наукой. Чем это тебе кажется – парадоксом или философской ересью? Сдержи свой смех или свое раздражение: увидишь свет, едва это поймешь" (J.A. Komenského korespondence..., s. 123). Метафизика в этом новом понимании как будто бы имеет дело только с искусством мышления, с отношением к реальности. Однако в 1650 г. он задумывает сочинение "Синтагма человеческого всезнания", где метафизике снова соответствует область вещей. Наконец, во "Вселенском совете" метафизика – это "простейшая и легчайшая

наука", а именно осознание того "умного света", которым всегда и везде озаряется всякая мысль, всякое слово и дело любого человека ("Пансофии ступень первая", гл. X).

⁸² Трихотомическое деление – различение трех моментов вещи или явления (например, начало, середина, конец).

⁸³ Ягве, или Иегова – название Бога в Ветхом завете, однако Коменский переносит его на новозаветную Троицу.

⁸⁴ *Августин*. Против академиков III, 19.

⁸⁵ Святое (знающее, умудренное, ученое) незнание – идея главной книги немецкого философа и богослова Николая Кузанского (1401–1464), которого Коменский внимательно изучал еще со студенческих лет. Следы чтения и продумывания Николая Кузанского можно обнаружить во всей "Пансофии", начиная с понятия "мира возможности", предшествующего вещественному миру (см.: *Kvačala J. Komenský a Nicolaus de Cusa // Archiv pro bádání o životě a spisech J.A. Komenského*. 10. Brno, 1927; *Patočka J. Cusanus a Komenský // Pedagogica*. 4. 1954, s. 508–523).

⁸⁶ Тюбингенский правовед *Кристоф Безольд* (1577–1638) в кн. "Философско-теологические аксиомы" (вышла без указания года и места издания).

⁸⁷ *Плиний*. Естественная история. Предисловие.

⁸⁸ О "привилегиях" человека среди других созданий см.: "Пансофия, ступень четвертая", гл. 7.

⁸⁹ Имеется в виду деление пансофии, намеченное в "Предвестнике всеобщей мудрости" (см. общее примечание к этому произведению).

⁹⁰ Эта конечная цель – блаженство; никакая другая частная цель не стоила бы человеческого труда.

⁹¹ Еккл 1, 14 ("все – суета и томление духа!").

Вселенский совет об исправлении человеческих дел

"Вселенский совет" был начат не позднее 1645 г. (см. "Предвестник всеобщей мудрости", общее примеч.). "Пансофия" и некоторые другие его части (как "Реальный пансофический лексикон") остались незавершенными и не были напечатаны при жизни Коменского. Впервые полностью издан в 1966 г. в Праге (см. об этом издании ниже). Фундаментальные исследования по главному труду Коменского – *Popělova Jifina. Jana Amose Komenského Cesta k vřenapřavě. Statni pedagogicke nakladatelství. Praha, 1958; Schurr Johannes. Comenius. Eine Einführung in die Consultatio Catholica. Passavia Universitätsverlag, 1981.*

Педагогика Яна Амоса неотделима от философии, в которой центральное место у него занимает в свою очередь педагогика в широком смысле приведения человека к его подлинной сущности. Глобальная критика существующей системы знания и всего традиционного порядка вещей, расчистка позиции для нового человеческого субъекта и обеспечение его всей полнотой божественного и человеческого знания с тем, чтобы он мог отныне непоколебимо и прочно удерживать за собой позицию носителя истины посреди сущего – такие задачи ставила перед собой мысль Нового времени (Френсис Бэкон, Декарт, Спиноза). Те же цели были содержанием главной

философской идеи Коменского, идеи всеобщности, вселенскости, "кафоличности". Она нацеливала на охват, учет, познание и применение всей полноты материальной духовной действительности без исключения чего бы то ни было даже в возможности; на собирание всеобъемлющего человеческого субъекта, воплощающего в себе такую полноту человечности, при которой он мог бы уже не опасаться непредвиденных колебаний и изменений своего существа; на такую деятельную полноту интуиций, познаний и умений ("искусств") совершенного субъекта перед лицом совокупности мира, когда субъект мог бы неостановимо восстанавливать себя в опоре на истину и в качестве ее носителя. Таков был смысл пансофического девиза "всё, все, всячески". Гарантом грандиозного проекта самоустроения человека в мире выступала вера в доброго Творца и в достоверность уготованного Им человеку спасения. В педагогике решающей задачей было вырвать человека из ограниченного круга каждодневных восприятий, поставить его во всеоружии его сил и способностей перед совокупностью бытия, дать ему возможность во что бы то ни стало уловить цельный, безущербный образ мира. Характерно, что в середине 1640-х гг., в расцвете своей педагогической деятельности, когда его "Дверь вещей" переводилась и принималась в качестве учебника во многих странах и от него жадно ждали новых подобных работ, Коменский, рискуя не оправдать возлагавшихся на него надежд, вынашивает замыслы, размах которых виден только ему самому. 18/28.9.1644 г. он пишет Г. Хоттону, тоже требовавшему новых учебников: «Мне очень хорошо известно, что моих сочинений терпеливо ждут, но кто больше стремится к их совершенству, чем я? На двух моих плечах лежит тяжелый груз. О, если бы только Богу заблагорасудилось те же мысли внушить кому-нибудь другому, те же намерения посеять в какой-либо другой душе! Если бы я больше мог или меньше хотел! А пока, чем дальше я продвигаюсь, тем дальше мне дано видеть, и я уже не могу не стремиться к этому более далекому, более совершенному, лучшему. Поэтому прежнее, менее совершенное, мне уже не нравится, и приходится тысячекратно улучшать и исправлять себя... Возможности действовать иначе я для себя не вижу. Что из всего этого получится? Бог знает. Я решился вступить на путь, который указан мне все более ярким мерцанием божественного света... Ты, наверное, поймешь, что я задумываюсь о более крупных задачах, чем "Преддверия", "Введения", "Словари" и подобные инструменты для обучения детей... *Когда я стремлюсь осуществить что-то обособленное, я повсюду натываюсь на сомнения. Поэтому я лучше займусь всеобъемлющими задачами и позднее будут разрабатывать частности, по мере того как они дадут о себе знать*» (курсив наш. – В.Б.). Между "частным" и "все" для Коменского проходило не количественное, а качественное различие: только обозрение "всего" впервые давало ясность понимания бытия и надежную точку опоры для воли и действия, тогда как всякое частное познание и усилие могло оказаться злом. К началу 1645 г. новые замыслы Коменского оформились в план создания всеобъемлющего просветительского труда, обращенного ко всему человеческому роду. 8/18.4. 1645 г. он пишет своему покровителю и меценату Людовику Де Гееру о новых рабочих планах: «Делá, если Богу будет угодно, воспоследуют, хотя и не так скоро, как хотелось бы людям, настаивающим на ускорении работы. Пока нет ни одной души, которая понимала бы, о каких задачах здесь идет речь. Я сам раньше не понимал подлинного основания этого труда, воздвигаемого Богом. Но день ото дня мне

удается лучше рассмотреть его, и в конце концов я вижу то, что превосходит самые смелые надежды... Впрочем, я, как всегда, жалуюсь на свою медлительность: если кому-то дано буквально выплевывать книгу за книгой, то не мне. Зато мне дано ... желание писать произведения, которым суждена долгая жизнь... В мире совершаются дивные перемены, все готовится к новому рождению... Бог крушит у племен и народов все, что ему негодно, чтобы уготовить путь к лучшему. Пусть крушит; не будем только выбрасывать имеющийся у нас строительный материал на груды развалин. Наступит время, когда после расчистки завалов обнаружится разровненная площадка для новостройки. Тогда подойдет наконец пора и нам выступить из нашего укрытия и вынести на свет то, что послужит всеобщей радости... Труд, над которым я работаю, носит название "Вселенский совет об исправлении человеческих дел, обращенный к роду человеческому, прежде всего к ученым Европы". В этом труде "Пансофия" стала одной седьмой частью, равно как и "Панпедия", т.е. книга о всеобщем воспитании умов». За одиннадцатилетие, с 1645 по 1656 г., Коменскому, несмотря на огромную занятость, удалось в общих чертах завершить "Вселенский совет". Он ждал прекращения войны в Германии и между Скандинавскими странами, чтобы с наступлением мира предложить наконец истомленной распрями и жаждущей покоя Европе свой проект. В 1656 г. Коменский предполагал выступить с идеями "Вселенского совета" на всеевропейском соборе протестантских вероисповеданий, который предполагалось провести под эгидой Кромвеля; собор не состоялся. Лишь на мирном конгрессе европейских стран в Бреде в 1667 г. он получил возможность, выступив перед собравшимися дипломатами, непосредственно изложить власть имущим Европы свои замыслы. Он пользовался к тому времени огромной известностью и был действительно услышан, однако больше в аспекте сделанных им чисто политических предостережений и предсказаний (турецкая опасность, перспектива новой большой войны, призыв к императору и папе осуществлять справедливость и не противиться реформе всей церкви).

В конечном итоге надежды на сильных мира сего обманули Коменского так же, как не осуществились его мечты о совместной работе лучших ученых вселенной над пансофией. Среди друзей коллег "Вселенский совет" встретил еще больше непонимания, чем в свое время "Предвестник всемудрости". Сэмюэль Гартлиб упрекал Коменского в медлительности, в задержке работы над школьными учебниками и над "Пансофией" в ее первоначальном варианте. Старый сотрудник Коменского в деле реформы школьного образования шотландский священник Джон Дьюри писал Де Гееру: "Коменский ... никогда бы ничего не сделал, если бы ему предоставили выбирать предметы своих занятий по его собственной прихоти: его склонности влекут его к непрестанной смене занятий без доведения чего бы то ни было до конца, а это — очень тяжкий род безумия" (*Görransson S. Comenius och Sverige, 1642–1648. Lychnos, 1957–1958; Uppsala, 1958, p. 131*). К концу жизни Коменский остался почти без научных помощников. Самый тяжелый удар по "Вселенскому совету" и перспективам его полного издания нанес еще один бывший друг Коменского гронингенский богослов Самуил Маресий (1593–1673). Как упоминалось, уже к 1656 г. "Вселенский совет" существовал, в основном в том виде, который известен нам сейчас. Коменскому удалось спасти его почти весь от пожара в Лешно 1656 г. По-видимому, в следующем 1657 г., в Амстердаме (о

трудностях с датировкой см. "Светочи Европы...", примеч. 20) Коменский напечатал "Вселенский совет" в следующем составе: полные тексты "Предисловия к европейцам", "Пангерсии", "Панавгии" и отрывки из "Пансофии", "Панортосии" и "Паннуетсии" (экземпляр книги находится в университетской библиотеке в Праге). Через десять лет первые три части "Совета" были переизданы (Амстердам, 1667). В 1669 г. Маресий, знакомый также и со всем сочинением по показанной ему рукописи, публично выступил с жестокими нападками на "Вселенский совет", обнаружив там, с одной стороны, хилиазм, т.е. учение о надвигающемся царстве Христове на земле, а с другой, "вредоносные политические тенденции", способствующие революции. Помимо этих пороков Маресий находил во "Вселенском свете" и некоторое сродство с Кампанеллой, а следовательно, близость к католикам, и "атеизм", выражающийся в терпимости к христианам всех конфессий, и язычество (даже в приставке "Пан-егерсия", "Пан-авгия" ему послышалось имя языческого бога Пана), и фанатизм, и визионерство, и одержимость. В письме Микулашу Драбику 14.1.1669 г. Коменский говорил, что ему требуется лишь несколько месяцев жизни, чтобы завершить "Пансофию". Теперь вместо этого он вынужден был публично отвечать Маресию на его обвинения (О рвении без знания и любви, братское увещание Я.А. Коменского к Самуилу Маресию ради уменьшения ненависти и увеличения благосклонности Амстердам, 1669; Продолжение братского увещания о смирении рвения любовью... Яна Амоса Коменского к Самуилу Маресию. Амстердам, 1670; §§ 39–128 этого сочинения представляют собой автобиографию Коменского). Из разъяснений Коменского, как и из содержания соответствующих глав "Вселенского совета", ясно, что он понимал разницу между фанатическим хилиазмом, поджидающим наступления Царства Божия к определенному историческому сроку, и библейским эсхатологизмом, т.е. деятельной надеждой на всегда возможное, однако не очерченное конкретными историческими сроками осуществление всего, что предопределено божественным участием в человеке и его истории. Такой эсхатологизм свойствен многим мыслителям, в нем нет ничего еретического или сектантского. Что касается "революционаризма" Коменского, то, конечно, предлагавшиеся им реформы шли несравненно дальше того, что было достигнуто революциями его эпохи (взять хотя бы его идею полной отмены социального разделения в школах или участия всех граждан без исключения в управлении "человеческими делами"), однако Коменский предусматривал только духовный и мирный путь преобразований. Как бы ни был прав Коменский в своем споре с Маресием, "обличения" последнего прозвучали в унисон с сильной тогда в Голландии антихилиастической настроенностью, и, несмотря на усилия друзей Коменского и его сына Даниила, полное издание "Вселенского совета" оказалось невозможным. В 1680 г. в количестве 100 экземпляров вышли отрывки из "Пансофии"; в 1702 г. в Галле в составе "Истории чешских братьев" вышло предисловие к "Вселенскому совету" и его первая часть, "Панегерсия". Посеянные Маресием предубеждения против Коменского оказались настолько велики, что статья о последнем в "Историческом и критическом словаре" Пьера Бейля (Роттердам, 1697) состоит большей частью из обвинений в научной и нравственной недоброкачественности, в смешной помпезности и шарлатанстве. Но в конце XVIII в. И.Г. Гердер ("Письма для поощрения гуманизма". 5-е собрание. Рига, 1795) называет Коменского "другом человечества" и пишет: "Почему именно самые

миролюбивые, самые добрые души, Эразм, Гроций, Коменский, Лейбниц, испытали так много черной неблагодарности от своих современников? Причину легко найти: они не имели партийных пристрастий, тогда как те (их ненавистники) представляли одержимые предрассудками борющиеся партии. Этим последним невежество, корысть, нелепая привычка, уязвленная гордыня или десять других фурий вложили в руки оружие распри или кинжал клеветы; первые мирно боролись со щитом истины и добра. Золотой щит истины добра не гибнет; борцы могут лично пасть, но их победа растет, и она бессмертна" (письмо 62, конец; ср. письмо 57). В XIX в. приходит полное признание Коменского как великого педагога (хотя, например, Песталоцци еще мог считать, что Коменский отправляется от механического принципа наглядности и попадает вместе со своими учениками в "рисованный мир"). В берлинских чтениях по истории в системе педагогики (1884 и 1894) Вильгельм Дильтей назвал Коменского "возможно, величайшим педагогическим умом, какой производила Европа" (*Dilthey W. Gesammelte Schriften. Bd. XI. Stuttgart; Göttingen, 1961, s. 169; Bd. IX, s. 160*). К началу XX в. основные педагогические сочинения Коменского были переведены на многие языки мира, в том числе на русский. Что касается "Вселенского совета об исправлении человеческих дел", то с легкой руки Пьера Бейля это огромное сочинение многими (такое мнение можно найти в нескольких старых энциклопедиях) считалось существующим только в планах, фантазией Коменского. Лишь в середине 1930-х гг. после упорных поисков Дмитрию Чижевскому удалось в библиотеке детского приюта города Галле обнаружить основной корпус "Вселенского совета". Он был полностью опубликован Чехословацкой академией наук (*Iohannis Amos Comenii de rerum humanarum emendatione consultatio catholica. Editio princeps. T. I. Panegersiam, Panaugiam, Pansophiam continens. Pragaе, 1966. — 776 p.; T. II, Pampaediam, Panglottiam, Panorthosiam, Pannuthesiam necnon Lexicon reale pansophicum continens. Pragaе, 1966. — 719 p.*). Общий объем двухтомника — 175 авторских листов. Всесторонний историко-культурный и философский анализ этого огромного труда еще не осуществлен (см. о нем доклад: *Лордкипанидзе Д.О.* Значение "Общего совета об исправлении дел человеческих" Я.А. Коменского для социалистической педагогики // *Лордкипанидзе Д.О. Ян Амос Коменский. 1592–1670. М., 1970, с. 379–392*), однако исследователи подчеркивают, что "Вселенский совет" — важнейшее (в том числе и по личному признанию Коменского) произведение чешского мыслителя (см.: *Ратошка J.* Epilogus // *I.A. Comenii ... consultatio...*, Т. II, р. 685) и что оно сыграло бы свою историческую роль, если бы было известно европейской общественности. Отмечается, что в своем первопроектном труде Коменский среди прочего предвосхитил идеи таких международных организаций, как ООН и ЮНЕСКО. Постоянный международный суд справедливости, Всемирный совет церквей, экуменическое движение, а также многие современные реформы во всех аспектах человеческого общежития (*Spinka M.* Introduction // *Comenius J.A. The labyrinth of the world and the paradise of the heart. Ann Arbor, 1972, p. IX*).

Коменский строит сложный синтез, в который входят сенсуализм и эмпиризм Бэкона, неоплатонизм Николая Кузанского и Кампанеллы, позднесхоластический аристотелизм Суареса, элементы картезианского обоснования субъекта. Этот синтез хорошо "работает" в качестве теоретической базы для той педагогической и социальной практики, к которой стремится Коменский. Там, где он предпринимает разработку отдельных философских

проблем (например, в теории "мира возможности", развивающей теорию творящего *posse* – "могу" Николая Кузанского, или в истолковании платоновского учения об идеях, см. "Пансофии ступень первая" 9 слл.), он достигает нетривиальных результатов, обеспечивающих за ним прочное место в истории развития философских концепций. Коменский избегает при этом и догматизма, и зависимости от "авторитетов", и "умножения мысленных сущностей", не утрачивая живого контакта с умопостигаемой реальностью, в чем ему неизменно помогает энергия, пластичность и образная сила его языка.

Светочи Европы...

Посвящение "Вселенского совета об исправлении человеческих дел" выдающимся деятелям науки, церкви и политики всей Европы является второй редакцией предисловия к "Вселенскому совету". Первая представляла собой обращение к "могущественной тройке североевропейских государств, Польше, Швеции и Великобритании, а через них – ко всем королевствам и королям, государям и государствам христианских земель" (см. "Паннутесия", гл. 12). Посвящение "Светочам Европы..." дважды издавалось (вместе с "Панегерсией", "Панавгией" и "Паннутесией") при жизни Коменского без указания места и года издания очень небольшим тиражом (издание было осуществлено в Амстердаме после 1656 г., когда по приезде туда Коменский впервые заговорил о планах издания там "Вселенского совета", см. письмо Магнусу Гезенталеру 1.9.1656 и "Продолжение братского увещания...", § 122). Затем "Светочи Европы..." вышли (вместе с "Панегерсией" и "Историей чешских братьев") в Халле (1702). Наш (В.Б.) перевод – по изд.: J.A. Comenii... *consultatio catholica...* Pragaе, 1966, p. 27–38). Исследователи отмечают сходство между формулой обращения Коменского и началом анонимной книги "Слава братства розенкрейцеров" (см. о ней "Лабиринт света...", гл. XIII, и примеч.): "К ученым, вождям и всем сословиям в Европе". О том, что во "Вселенском совете" Коменский хотел довести до осуществления прозвучавшее в 1610-х гг. на всю Европу, но оставшееся неисполненным обещание розенкрейцеров, см. там же, примеч. 34.

¹ *Consultare catholice* с характерной для стиля Коменского игрой слова означает здесь одновременно "держать совет обо всем" и "совещаться всем вместе". "Кафоличность" по замыслу Коменского восстанавливает искаженную римским католичеством идею вселенской, общечеловеческой истины.

² Т.е. прежних попыток исправления. У Коменского сохраняется идущая от схоластики строгая размеренность изложения ("по пунктам").

³ Буквально "полития". Начиная с платоновских диалогов "Государство" и "Политик" и аристотелевских "Политий" вплоть до сужения смысла термина "политика" в эпоху революций под эту рубрику подходило все, что связано с разумным устройством общественной жизни.

⁴ "Всеобщее пробуждение" (*Excitatorium universale*) – первоначальное название Панегерсии. См.: *Čapková D.* A manuscript copy of the first part of the greatest work by John Amos Comenius in the British Museum // *Archiv J.A. Komenského* 24. P., 1970, s. 63–72.

⁵ Таким образом, данное введение писалось позднее составления всего труда, где названием третьей части остается "Пансофия".

⁶ *Макробий*. Сатурналии I, 24, 11.

⁷ *Иоанн Златоуст*. Беседа на Евангелие от Матфея 46–47 (PG 58, 479). Указание в скобках мест из Библии принадлежит большей частью самому Коменскому. В случае отсутствия этих указаний мы восполняем их, исправляя неточности с нумерацией. Цитаты из Священного писания даем не по синодальному переводу Библии на русский язык, а так, как сам Коменский их приводил (по латинскому переводу с греческого, так называемой "Вульгате") и понимал.

⁸ "Вы были некогда тьма, а теперь – свет в Господе: поступайте, как чада света" (Еф. 5, 8).

⁹ Ср.: *Платон*, Клитофонт 407а: "Общаясь с тобой, мой Сократ, я часто бывал поражен, и мне казалось, что в сравнении с прочими ты говоришь прекраснее всех, когда порицая людей, как бы вещаешь, возвышая голос подобно богу из машины в трагедии" (т.е. с возвышения). Место цитируется в педагогическом сочинении Плутарха "О воспитании свободнорожденных детей" 4Е.

¹⁰ "Будь ты рутул иль троянец – различия делать не стану" (Вергилий, *Энеида* X, 108).

¹¹ Перед глазами Коменского опыт Тридцатилетней войны.

¹² *Цицерон*. Об обязанностях I, 22, 77.

¹³ Об интересе в миссионерской среде к учебнику латинского языка Коменского см. "Предвестник премудрости", общее примечание.

¹⁴ *Катастрофа* – переломный момент театрального произведения, близкий к развязке.

¹⁵ *Кампанелла Т.* Победенное безбожие, 10.

¹⁶ Коменский проявлял интерес к деятельности ученых предсказателей своего времени, особенно Микулаша Драбика, публикации пророчеств которого он способствовал.

¹⁷ Т.е. в "ветхом Адаме" Книги Бытия и в "последнем Адаме" – Иисусе Христе (ср. 1 Кор 15, 22; 45–47: "Как в Адаме все умирают, так во Христе все оживут... Первый человек – из земли, перстный; второй человек – Господь с неба").

¹⁸ *Цицерон*. Оратор I, 4.

¹⁹ *Scaliger J.J.* De emendatione temporum. Parisiis, 1583.

²⁰ Коменский стремится устранить "личный" момент, желая, чтобы метод философствования и изложения материала говорил за себя. В этих целях первое прижизненное издание данного предисловия, "Панегерсии" и "Панавгии" вышло без указания автора, типографа, места и года издания. Ср.: "Паннуетсия", гл. 7, пожелание Яна Амоса, чтобы ученые критики были благосклонны к автору "Всеобщего совета" как к человеку, но строги к самому сочинению.

²¹ *Августин*. Исповедь V, 3; 6–7.

²² Коменский опирается здесь на авторитет Аристотеля, которому принадлежит это часто цитировавшееся изречение (ср. "О возникновении и уничтожении" II, 10, 336а 27).

Панегерсия

"Панегерсия" при жизни Коменского печаталась дважды. Первое ее издание (вместе с Предисловием к "Вселенскому совету", "Панавгией" и отрывками из некоторых последующих частей "Вселенского совета": "Пансофии", "Панортосии", "Паннутесин") начали публиковать, видимо, в 1657 г. в Амстердаме. Оно вышло очень небольшим тиражом и не получило широкого распространения. Второе прижизненное издание "Панегерсии" (вместе с Предисловием к "Вселенскому совету" и "Панавгией") вышло в свет в Амстердаме в 1663–1664 гг. В прошлом веке "Панегерсия" была переведена на чешский язык и частично на немецкий. Тогда же отрывки из нее были напечатаны в русском переводе И. Петровского в книге "Памяти Яна Амоса Коменского", СПб., 1895 г. Существует частичный комментированный перевод на русский язык В.В. Библихина в кн.: *Коменский Я.А. Избранные педагогические сочинения*. Т. 2. М.: Педагогика, 1982, с. 194–309. Здесь полный перевод "Панегерсии" с латинского с пражского издания 1966 г. выполнен О.А. Литвиновой (при этом были использованы отдельные фрагменты, переведенные В.В. Библихиным для издания 1982 г.).

"Панегерсия" (от греч. *πάν* – все и *ἐγερσία*) – пробуждение) – первая часть "Вселенского совета об исправлении человеческих дел". Это своего рода прелюдия ко всему произведению, цель которой, по замыслу Коменского, – пробить брешь в людском равнодушии и благодушии, разбудить в людях беспокойство по поводу все ухудшающихся человеческих дел и, следовательно, рвение к исправлению этих дел. "Панегерсия" вполне соответствует роли, отведенной для нее автором. Труд, ею предваряемый, задуман как универсальный, всеобъемлющий. Соответственно, в качестве адресата "Панегерсии" подразумевается все человечество, а "человеческие дела", подлежащие исправлению, включают в себя все аспекты человеческой жизни. Исходя из общей предпосылки в том, что люди все больше и все опаснее отклоняются от первоначального – благого и совершенного – замысла Творца и, потакая своим слабостям, все дальше уходят по пути порока и заблуждений, Коменский приходит к следующему заключению. Коль скоро извращены и нарушены все отношения, связующие людей с природой, друг с другом и с Богом, гармония и совершенство не могут быть достигнуты посредством частичных, временных мер, как бы хороши они ни были. Необходимо универсальное исправление, которое, в свою очередь, невозможно без некоего побудительного толчка. В качестве такого побуждения, или, буквально, "пробуждения", и написана "Панегерсия".

¹ Исх 32, 32.

² Рим 9, 3.

³ Лк 23, 34.

⁴ Откр 10, 1 и 18, 1.

⁵ Лк 16, 27–28.

⁶ Перечисляются библейские кары, ниспосланные или обещанные Богом роду человеческому в наказание за ослушания и несправедную жизнь. См.: Быт 18, 16–19, 28; Исх 7, 14–12, 30; Иона 3, 10; Иез 2, 3–38, 23; Быт 6, 5–7, 24.

⁷ Лк 16, 29.

⁸ Агг 2, 6–7.

⁹ Прем 9, 17–19.

¹⁰ *Фарос* – островок в устье Нила, знаменитый своим маяком, одним из семи чудес света. Маяк представлял собой мраморную башню, на вершине которой ночью разводили огонь.

¹¹ Ис 58, 1 и 40, 9.

¹² Исх 34, 9.

¹³ I Кор 15, 10; Прем 9, 14.

¹⁴ Пс 83, 12–13.

¹⁵ Лк 12, 49.

¹⁶ Пс 32, 11.

¹⁷ Здесь – главные дела (греч.).

¹⁸ Второстепенные дела (греч.).

¹⁹ В христианской традиции Божии творения разделяются на "*видимые*" и "*невидимые*". Первые – это весь "видимый", т.е. чувственный, материальный мир, в том числе и человек. Вторые – это бесплотные творения, существа ангельской природы, в том числе "падшие ангелы": сатана и бесы.

²⁰ См.: Быт 1, 26; 2, 19.

²¹ См.: Быт 2, 21–22; 1, 28.

²² См.: Быт 2, 16–17.

²³ Безвластие (греч.).

²⁴ См.: *Сенека*. Письма к Луцилию 76, 4 и сл.

²⁵ См.: *Цицерон*. О природе богов II, XVI, 44.

²⁶ Имеется в виду царь Давид, считающийся автором псалмов – песнопений, прославляющих Бога. См.: Пс 13, 1; 52, 2.

²⁷ *Сарданапал* – легендарный ассирийский царь, по преданию отличавшийся великой любовью к роскоши и наслаждениям.

²⁸ Согласно ветхозаветному преданию, *Нимрод* – сын Хуша, внук Хама, "сильный зверолов" (Быт 10, 6–9). В агадической традиции он предстает как первый охотник и жестокий царь, положивший начало войнам с другими народами. Именно Нимрод руководил, по агаде, постройкой Вавилонской башни – "дома Нимрода". В агадических преданиях Нимрод погибает от руки Исава (тоже охотника), который, выследив его, отрубает Нимроду и его спутникам головы и завладевает одеждами Нимрода, приносящими удачу в охоте.

²⁹ Итальянский политический мыслитель Никколо Макиавелли (1469–1527) писал в своем знаменитом трактате "Государь" о допустимости любых средств ради упрочения государства и власти правителя. После выхода в свет этого трактата *макиавеллистами* стали называть людей, пренебрегающих нормами морали ради достижения своих политических целей.

³⁰ См.: Быт 3, 17–24.

³¹ См.: Быт 4, 9–15.

³² См.: Быт 6, 5–7, 24.

³³ См.: Быт 9, 21–23.

³⁴ См.: Быт 11, 1–9.

³⁵ См. об этом: "Лабиринт света и рай сердца" и комментарий к нему.

³⁶ *Палестра* – в Древней Греции – место для спортивной борьбы и гимнастических упражнений.

³⁷ *Братство линцев* (линкеев), или так называемая *Accademia dei Lincei* ("Академия рысьеглазых") – название тайного общества, основанного в 1603 г. Франческо Чези в Риме для свободного занятия математикой, физикой и естественной историей. К нему принадлежали многие знаменитые ученые, в том числе Галилей. Свое самоназвание члены этого общества произвели от мифического Линкея, одного из участников похода аргонавтов, славившегося небывалой остротой зрения, поскольку они пользовались в своих изысканиях только что изобретенными увеличительными стеклами и подозрными трубами. *Розии* – тайное общество, возникшее в начале XVII в. во Франции. Его члены занимались главным образом изобретением вечного двигателя, алхимией и поисками универсального лекарства – панацеи. *Иллюминаты* (лат. *illuminati* – просвещенные) – члены обществ, существовавших в разных странах Европы и декларировавших в качестве главной цели содействие просвещению. В первой трети XVI в. такое общество возникло в Испании; оно имело религиозно-мистическую направленность и подвергалось преследованиям со стороны инквизиции. *Фругиферы* (лат. *frugiferi* – плодоносные) – члены общества, основанного в 1617 г. в Веймаре по образцу флорентийской *Accademia della Crusca*. Фругиферы видели свой долг в служении родному немецкому языку. К ним принадлежали такие видные деятели немецкой культуры, как поэт и теоретик немецкого классицизма Мартин Опиц, драматург и поэт Андреас Грифиус.

³⁸ См.: *Сенека*. Письма к Луцилию 89, 13.

³⁹ Храм всех богов, пантеон (греч.).

⁴⁰ См.: Деян 17, 23.

⁴¹ См.: Антология кинизма. М., 1984, с. 135.

⁴² См.: *Диоген Лаэртский*. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов IX, 1.

⁴³ См.: *Элиан*. Пестрые рассказы IV, 20.

⁴⁴ *Естественное право*, о котором упоминает Коменский, рассматривалось в качестве естественной основы человеческого общежития. Его отличали от так называемого "положительного права", или права, принудительно установленного человеческими законами. Естественное право с очевидностью признается разумным и обязательно в силу одной этой очевидности, тогда как положительное право обязательно в силу наказания, установленного положительным законом за его нарушение и признается лишь вследствие указания закона. Положительное право может не совпадать с естественным, ограничивать его, поскольку человеческие законы не столь совершенны, как естественные, так как издаются порой под влиянием мотивов, справедливость которых не признается просвещенным разумом.

⁴⁵ См.: *Овидий*. Лекарство от любви 525–526 (перевод с латинского О.А. Литвиновой).

⁴⁶ В этом рассуждении Коменского содержится мотив "теодицеи": как может быть оправдано существующее в мире зло в свете всемогущества и всеблагости Бога. Эта проблема, поднятая в философско-религиозных спорах

Реформации и Контрреформации, живо интересовала многих мыслителей XVII и XVIII столетий и свое наиболее развернутое изложение нашла в "Моралистах" А. Шефтсбери (1709) и "Опытах теодицеи" Г. Лейбница (1710).

⁴⁷ См.: Быт 1, 28–29.

⁴⁸ См.: Быт 6, 14–22.

⁴⁹ См.: Исх 14.

⁵⁰ См.: Книга Иисуса Навина.

⁵¹ См.: 1 Цар 16–31; 2 Цар 1, 1–27; 2, 1–4.

⁵² Возрождение (греч.).

⁵³ Лк 11, 3.

⁵⁴ Представление о мире как о некоем механизме характерно для эпохи становления механического естествознания. Так, Кеплер в одном из писем (от 10 февраля 1605 г.) писал: "Моя цель показать, что небесная машина устроена не наподобие божественного живого существа, а наподобие часов".

⁵⁵ *Табулатура* – система записи инструментальной музыки (буквенная или цифровая), применявшаяся в Европе в XV–XVII вв.

⁵⁶ К такой уловке прибегла Пенелопа, обещав выйти замуж по окончании работы, дабы отвести женихов, осаждавших ее во время многолетнего отсутствия ее супруга, Одиссея (см.: *Гомер*, *Одиссея* II, 93–105).

⁵⁷ *Винный камень* (*tartarus*) – калиевая соль виннокислотной кислоты, содержащаяся в виноградном соке и оседающая в процессе его брожения на дне и стенках бродительного чана. Получающийся твердый налет содержит множество вредных для здоровья примесей, поэтому одна из задач винодела – не допустить попадания винного камня в вино. Вместе с тем веществу, получаемому при очистке винного камня – так называемым виннокислым сливкам (*cremor tartari*), – приписывались во времена Коменского исключительные целебные свойства.

⁵⁸ *Трирема*, или триера – военное гребное судно с тремя рядами весел в древнегреческом, древнеримском и других флотах. На триреме гребцов использовали только в бою, а во время спокойного плавания она шла под парусом.

⁵⁹ Мф 19, 8.

⁶⁰ В дошедших до нас свидетельствах о Пифагоре и его сочинениях не упоминаются подобные слова философа.

⁶¹ *Пандекты* (греч. – всеобъемлющий) – название юридических общих и нормативных работ. Наиболее известны пандекты, опубликованные в 533 г. под названием "Дигесты" по инициативе императора Юстиниана и представлявшие собой свод систематически расположенных сочинений классических юристов Рима. Позднее слово "пандекты" стало употребляться в значении "всеобъемлющий свод юридических правил".

⁶² Быт 45, 24.

⁶³ Братья Иаков и Иоанн, сыновья галилейского рыбака Зеведея (Заведя), были в числе двенадцати апостолов, избранных Иисусом. Они получили от Христа прозвище Воанергес, т.е. "сыны громовы" (Мк 3, 17). Существуют разные версии объяснения этого прозвища. Наиболее вероятно предположение, что имеется в виду яростный пыл и непримиримость братьев – когда

самаритянское селение отказывается принять Христа, братья хотят по примеру Илии свести на селение огонь с небес (Лк 9, 54).

⁶⁴ Быт 1, 28.

⁶⁵ Иак 1, 17 ("Всякое деяние доброе и всякий дар совершенный нисходит свыше, от Отца светов, у Которого нет изменения и ни тени перемены"). Ср. небольшой трактат Николая Кузанского "О даре Отца светов" (1446), где все вещи рассматриваются как "явления", т.е. как "некие светы" (*Николай Кузанский*. Соч., т. 1. М., 1979, с. 321–335).

Панавгия

"Панавгия" была напечатана при жизни Коменского очень небольшим тиражом, который, возможно, не вышел за пределы типографии. Репринт первоиздания 1660 г., сохранившегося в единственном экземпляре, был сделан в 1970 г. в Мюнхене Д.И. Чижевским (*Slavische Propylaen*, bd. 48). (О судьбе рукописей и прижизненных публикаций "Вселенского совета" см. введение Д.И. Чижевского к указанному изданию, с. 5.) Чижевский предпослал изданию рукописи содержательное введение, где речь идет о месте "Панавгии" в творчестве Коменского и в научной литературе того времени в целом. Существует частичный комментированный перевод на русский язык. В.В. Библихина в кн.: *Коменский Я.А. Избранные педагогические сочинения*. Т. 2. М.: Педагогика, 1982, с. 310–328 (в дальнейшем – ИПС 2). Здесь полный перевод "Панавгии" с латинского языка выполнен М.М. Сокольской с пражского издания 1966 г.

"Панавгия" содержит философское обоснование тех планов "исправления дел человеческих", которым посвящены следующие части огромного труда. Принято считать, что название "Панавгия" заимствовано в целом итальянского платоника Франческо Патрици (см. об этом ИПС 2, с. 514). Однако, по общему мнению, зависимость Коменского от Патрици идет не дальше заглавия. Чешский исследователь J. Červenka утверждает ("не вполне справедливо", – замечает Чижевский), что "Панавгия" Коменского "не имеет никакого отношения" к "Панавгии" Патрици. Во всяком случае, название было обычным для той эпохи, о чем свидетельствует сам Коменский в "Панпедии" (гл. 3, п. 5): "сегодня тоже нет недостатка в людях, объединяющих в систему знаний все верные сведения, какие только можно раздобыть обо всем под солнцем, и представляющих всем для общего пользования под названием энциклопедий, полиматий, пандект, панавгий или пансофий, и под подобными всеобъемлющими названиями..." Однако в данном случае перед нами не поверхностный свод всевозможной эрудиции, но оригинальное философское сочинение.

"Панавгия" (от греч. *παν* – все и *αὐγή*) – сияние) означает "всеобщее просвещение", "всеобщий свет". Свет вообще – ключевая метафора у Коменского, как и у многих современных ему и более ранних авторов (см. об этом введение в издание Чижевского, в особенности с. 10, 14–16, там же указатель дат и названий "Свет в науке и мировоззрении 16 столетия, в особенности в Голландии"). Всю историю человечества чешский мыслитель представляет как постепенное распространение света и отступление тьмы. В "Панавгии" свет ближайшим образом связан с познанием. Речь идет, собственно, о целях познания, о возможности его и необходимых для него условиях

("необходимость", "возможность" и "доступность" Всеобщего света в оглавлении Панавгии). Следовательно, перед нами "гносеология" Коменского. Основанием ее является убеждение в реальности внешнего мира (его существовании независимо от познающего субъекта) и его познаваемости (показания наших чувств и их преломление в нашем уме адекватны реальности). Эта здравео-оптимистическая убежденность исходит, разумеется, из христианского представления о мире и человеке: в мире Бог сокровенный "зримо являет свою незримость" (гл. 4, п. 10), а человек послан в мир "для созерцания творений божественной Мудрости", т.е., собственно, для богопознания. Человек и мир вполне различны и в то же время не могут существовать друг без друга, так как "бесполезен свет, если отсутствует око, которое воспринимало бы свет и освещенные им предметы" (гл. 8, п. 1).

При таком подходе уясняется значение чувственного опыта в познании, о чем подробнее говорится в "Панавгии". Коменский отвергает как идущее от Аристотеля положение о том, что человеческий ум – "чистая доска", *tabula rasa*, пассивно воспринимающая явления внешнего мира и целиком зависящая от чувственного опыта, так и положение "одного из новейших писателей" (Герберта), что человеческий ум – "закрытая книга", т.е. содержит аксиоматическое знание, предопределяющее весь чувственный опыт. "Тот (Аристотель) заставляет понимать ум как чисто пассивную потенцию, этот – как уже законченный акт; но ум ни то, ни другое, а нечто среднее между этими крайностями: он – активная потенция, актуализируемая своей собственной силой, но под воздействием внешних объектов. Ни аксиоматическое знание не зависит просто от опыта, ни опыт – от аксиоматического знания, но оба в равной мере зависят друг от друга, как бывает в соотносительных вещах" ("Пансофия", гл. 7, ИПС 2, с. 353). Из этого ясно, как понимает Коменский известную фразу, несколько раз приведенную в "Панавгии": "*nihil est in intellectu quod non prius fuerit in sensu*".

Ум при этом обладает некоторой врожденной структурной соотносительностью с внешним миром ("и поскольку она [Высшая мощь] сотворила все в мире по числу, мере, весу согласно определенным первообразам, она запечатлела эти первообразы вещей, число, меру, вес в наших душах, дабы в них сияли основания всех вещей" – Панавгия, гл. 4, п. 10), благодаря которой данные чувственного восприятия могут быть переведены в область умопостигаемого. Эти "число, меру, вес" Коменский называет также врожденными понятиями, побуждениями и способностями. С их помощью осуществляется непосредственное восприятие вещей и простейшие действия над ними. Однако для мышления этого мало, и Коменский выделяет в составе ума (*mens*) особую способность разума (*ratio*). Разум, "око ума", рассматривает эти меры, числа и веса и собирает их в некие общие образы, или идеи. "Разум – явственное подобие в нас божественного ока. Он *отраженным зрением* созерцает вещи так, как если бы они уже были помещены внутрь ума..." Эта сила ... *воспринимает не непосредственно вещи* в их особенности и отдельности, как они существуют вовне и воспринимаются чувством, *но отвлеченные идеи вещей в уме*, и в этом разум некоторым образом подобен Богу. Который заключает в Себе основания всех вещей, и, видя Себя, видит все" (гл. 8, п. 5).

Особой своей заслугой Коменский считает выделение, наряду с "врожденными понятиями", о которых говорили уже античные философы, "врож-

денных побуждений и способностей", которые тоже являются необходимыми орудиями познания. "Очевидно ..., что не только свое знание, но и свою волю и свои возможности человека наилучшим образом познает из своей природы... Ведь то, чего все одинаково желают, что знают и могут, непременно должно быть естественным. А то, что естественно, то не может быть дурным, ложным, тщетным, ибо дурного, ложного, тщетного не мог создать Бог, создатель естества. И не может быть вернейшего признака истинного, благого, должного, нежели то, что все так чувствуют, так желают, так действуют, повинаясь природе. Таким образом, познание не противостоит практической деятельности, а включает ее как свою необходимую часть. Ведь понимание божественного устройства вселенной должно вести человека к *подражанию*, без которого его знание не может быть полным. Человек, создавая иное, создается сам" (гл. 6, п. 10).

Понимание соотносительности мира и человека, объединенных общей целью, которая одновременно является для них причиной, предохраняет Коменского как от материалистического эмпиризма, так и от субъективизма, агностицизма и релятивизма, которые будут играть столь важную роль в философском мышлении следующих веков.

Мировоззрение Коменского неизбежно ведет к соборности (в противоположность индивидуализму), так как, по его убеждению, только общее всем людям является в них истинным, соответствующим божественному замыслу; различия же происходят "от недостатка света". Поскольку при этом познание мира зависит от чувственного опыта, а опыт каждого отдельного человека по необходимости ограничен, то очевидно, что совершенным богопознанием (а именно с этой целью создан человек) может быть только совокупный духовный опыт человечества в его историческом развитии (мы – "словно дети, сидящие или стоящие на плечах великанов", гл. 13, п. 10). Вся история представляется как единая школа, где смена веков соответствует переходу из класса в класс, а современность близка уже к "открытию вечной академии" (гл. 13, п. 7). Такой опыт в принципе должен иметь завершение, и на этом основана эсхатология Коменского, вполне ортодоксальная, несмотря на предъявлявшиеся ему недоброжелателями-современниками обвинения в хилиазме (см. об этом ИПС 2, с. 510). Именно поэтому восторг перед научными и техническими открытиями современной Коменскому эпохи (которым дышит буквально каждая страница "Панавгии") вызывает у него напряженное ожидание близкого конца света (замечательно, что это ожидание окрашено отнюдь не страхом, а радостным упованием, и не ведет к оставлению "человеческих дел", а к энергичнейшей деятельности по их исправлению). Если сейчас и этот восторг и это ожидание нам не вполне понятны – мы воспринимаем их в первый момент как нечто внешнее, навязанное эпохой, как исторический костюм, от которого мы склонны отвлечься, вникая в содержание предстоящей нам мысли, то лишь потому, что мы – дети на плечах великанов – знаем, что наступил не конец света, а всего лишь новое время, и прогресс человеческого знания оказался не столь прямолинейным. Однако конец исторической эпохи и конец света, будучи несоизмеримы между собой, в равной степени несоизмеримы и с масштабами отдельного человеческого сознания. К тому же, дорогой Коменскому метод "синкриза", или всеобщего параллелизма явлений, мог бы установить и более существенное их сходство. И как бы ни был скомпрометирован в наших глазах в качестве пути к

богопознанию тот технический прогресс, истоками которого восхищается Коменский, любой человек и по сей день чувствует, столкнувшись с бесконечными возможностями человеческого разума, которому постоянно открываются новые горизонты, все тот же естественный, из глубины идущий восторг. А то, что обще всем и естественно, как сказано в "Панавгии", непременно должно быть благом и истиной.

Уверенность в том, что "мы пришли к концу времен, и вскоре уже переноситься нам в небесную академию", что "все, что осталось нам еще познать здесь, должно проясниться сейчас" (гл. 13, п. 27), и вызвала к жизни идею "Вселенского совета". Поскольку, благодаря достигнутой современностью полноте знания, имеется достаточное количество данных для восхождения от эмпирического опыта к вечным законам, или первообразам вещей; поскольку теми же законами, или первообразами, управляется человеческий ум, и следовательно, должен существовать единый, обладающий "непреложностью механики" метод "обучения всех всему"; поскольку, далес, люди едины в той мере, в какой причастны истине, а разделяют их предрассудки и заблуждения, — становятся ясны стоящие перед этим советом задачи. Нужно, чтобы "1. Все вещи были приведены к единому порядку. 2. Все умы обратились бы к вещам. 3. Все народы вернулись бы к развитию ума и правильному обращению с вещами" (гл. 14, п. 1).

Первая задача означает сведение всех вещей к их умопостигаемым первообразам, которые должны стать словно бы заголовками в упорядоченном каталоге сущностей. Этому посвящена "Пансофия". Для решения второй задачи требуется понять человеческий ум в его идее (первообразе), к которой возводятся все отдельные умы, и благодаря этому создать универсальный метод обучения всех всему. Это "Панпедия". Наконец, очевидно, что, раз человеческий ум в своей идее един, должен существовать единый первообраз и для всех человеческих языков и, поняв его, можно будет легко обучить всякого любым языкам, и даже создать новый язык, пригодный для общения всех народов. Это необходимая для достижения всеобщего согласия задача стоит перед "Панглоттией". Когда, таким образом, все станет ясно всем, можно будет перейти к всеобщему исправлению человеческих дел — "Панортосии". Но при всей грандиозности этих планов "Панавгия" остается основанием (см. гл. 14, п. 22) и в то же время наиболее завершенной, самодовлеющей частью "Вселенского совета".

¹ См. примеч. 65 к "Панегерсии".

² "Пустыня и пустота" (древнеевр.) — Быт 1, 2.

³ Имеется в виду диалог эллинистического времени "Картина", приписывавшийся в эпоху Я.А. Коменского пифагорейцу Кебету.

⁴ Коменский держался традиционного, идущего от Аристотеля (Физика 4, 6–9) представления о том, что пустоты не существует. Это естественнонаучное положение имело одновременно и нравственный смысл: всякое исчезновение в душе добра ведет не к душевной пустоте, а к заполнению души злом.

⁵ Мф 14, 25–26; Мк 6, 49–50; Ин 6, 17–20.

⁶ Хозе де Акоста (1539–1590) — испанский иезуит, руководил иезуитской миссией в Перу. Имеется в виду его сочинение *De promulgatione Evangelii apud barbaros sine de procuranda Indorum salute libri 6*. Salamancae, 1588.

⁷ См.: Исх 7, 10–12.

⁸ Ваал – языческое божество, почитавшееся у семитских народов Ближнего Востока.

⁹ "Машина неба и земли" – универсальный механизм, определяющее для XVII в. представление о миропорядке, когда мир понимается как совершенные часы громадной сложности (ср. с. 319 наст. изд., п. 16). "Моя цель, – писал И. Кеплер в письме от 10 февраля 1605 г., – показать, что небесная машина устроена не наподобие божественного живого существа, а наподобие часов (кто считает эти часы одушевленными, тот славу художника приписывает его творению), в которых совершенно всякое разнообразие движений происходит от одной простейшей магнетической силы, подобно тому, как часы движутся от одной простейшей гири" (цит. по "Comenius J.A. Vorspiele. Prodrömus pansophiae. Vorläufer der Pansophie. Hsgeb, Übersetzt, erläutert und mit einem Nachwort versehen von H. Hornstein. Dusseldorf, 1963. S. 231).

¹⁰ "Школа позднейших академиков" произошла, видимо, от неверно истолкованного названия цicerоновского трактата *Academica posteriora* (т.е. "Второе сочинение об академиках", существовал также трактат *Academica priora*); в трактате Цицерона в самом деле излагаются скептические воззрения, возобладавшие в Новой Академии в 3–1 в. до н.э. Античные реминисценции Коменского вообще отличаются определенной небрежностью, указывающей на отсутствие к предмету живого интереса. Ср. замечательный в этом отношении пассаж в "Панегерсии", гл. 11 п. 4, где в одной фразе смешиваются Пифагор, Протагор и знаменитое место из платоновского "Менона" в неточном переводе.

¹¹ Бл. Августин. О свободе воли 3, 5, 13.

¹² Сенека. Письма к Луцилию 72, 1.

¹³ Коменский по давно установившейся традиции делит философию на "естественную" (учение о бытии, "физику") и "теологическую" (учение о высших началах бытия, "метафизику"), а богословие, соответственно, на "естественное", или "натуральное" (тоже рассматривающее природу и природные явления), и "мистическое" (трактующее о сверхприродном божестве). При рассмотрении совести "не в теологическом, а в природном смысле" берется во внимание ее антрополого-психологический аспект.

¹⁴ "Считал, измерял, взвешивал –" имеется в виду знаменитый текст Прем 11, 21 ("...Но Ты все расположил мерою, числом и весом"), под эгидой которого происходило все точное и "математическое" мышление средневековья и Нового времени. Коменский часто цитирует либо вспоминает этот текст в своих сочинениях.

¹⁵ Представление о "врожденных понятиях" восходит к стоическому учению и за долгую историю своего существования интерпретировалось по-разному. О "врожденных понятиях" у Коменского см. преамбулу к Комментариям.

¹⁶ Plinius. Nat. hist. 30, 1, 10–11.

¹⁷ Втор 18, 16.

¹⁸ Основанием "синкретического" метода является средневековое представление об *analogia entis*, аналогичном устройстве различных уровней бытия.

¹⁹ Антоний Рейта (1597–1660) – чешский астроном, построил телескоп по инструкции Кеплера, с помощью которого открыл много новых звезд и создал карту Луны.

²⁰ Учение о четырех причинах (где словом "причина" обозначаются все факторы, необходимые для того, чтобы нечто начало быть), восходящее к Аристотелю (см., напр.: Физика 198а 23–24; Метафиз. 983а 26), было общепризнанным в средневековой философии.

²¹ Мф 22, 29.

²² Ср. у Декарта "я сомневаюсь, следовательно, я мыслю" (и тем самым приобщаюсь к истине бытия).

²³ Ср. рассуждения о преломлении света в "Диоптрике" Декарта (1637).

²⁴ Иов 38, 24.

²⁵ Иов 40, 20.

²⁶ Притч 25, 3.

²⁷ Быт 15, 5.

²⁸ Характерно протестантское отношение к священному Преданию напоминает о том, что Коменский – епископ "чешских братьев" – с малых лет воспитывался среди последователей Яна Гуса.

²⁹ Мф 5, 15.

³⁰ Иов 8, 9.

³¹ Видение собственными глазами. По мнению Коменского (опровергнутому в XX веке), "видение собственными глазами равносильно доказательству" ("Новейший метод языков", ИПС 1 с. 552–553 и примеч. 49 на с. 650).

³² Сравнение миропорядка со строем войска идет от аристотелевского "Протретики" (сохранился лишь во фрагментах), где из упорядоченности вселенной делается вывод о разумности ее первоначала.

³³ Букв. "немота", здесь "невозможность объяснить".

³⁴ Быт 1, 31 ("И увидел Бог все, что Он создал, и вот, хорошо весьма").

³⁵ Ис 53, 6.

³⁶ Хуан Луис Вивес (1492–1540) – испанский философ, литератор и педагог, одно из ярчайших светил XVI–XVII вв. Его сочинения оказали большое влияние на Коменского.

Композиция

"Вселенского совета об исправлении человеческих дел"

Обращение к "светочам Европы, ученым, благочестивым, высокопоставленным мужам". Призыв отвлечься от своих злободневных занятий и рассмотреть предлагаемый проект, затрагивающий благо всего человечества. Перечисление семи частей труда. Почему именно христианская Европа должна перед лицом всего мира предпринять иренические и вселенские мироустроительные усилия. Необходимо стремиться к прекрасной гармонии бытия. Полезность, необходимость и безвредность предпринимаемого дела. Призыв к беспристрастному и благосклонному рассмотрению проекта (т. I, с. 27–36)¹.

¹ Томы, страницы в круглых скобках по изд.: *Iohannis Amos Comenii de rerum humanarum emendatione consultatio catholica. Editio princeps. Tomus I Panegiersiam, Panaugiam, Pansophiam continens. Tomus II Pampaediam, Panglottiam, Panorthosiam, Pannuthesiam necnon*

Часть первая Вселенского совета, Панегерсия (Всепробуждение). *Гл. 1.* Необходимость пробуждения человечества к осознанию своего блага, начиная с пробуждения самих себя (45). *Гл. 2.* Пробуждение самих себя в молитвенном обращении к Творцу, с обильными библейскими цитатами (46–48). *Гл. 3.* Возможность и необходимость приглашения всех без исключения людей на совет об исправлении человеческих дел. Организация обмена посланиями, собраний на местах, наконец всемирного совета (48–49). *Гл. 4.* Высокое достоинство человеческой души и познание, религия, политика как три специфически человеческих рода деятельности. Проявление образа Божия в человеческих уме, воле и деятельной способности. Философия, вера, государственный порядок как три плода трех видов человеческой деятельности; премудрость, благорасположение божества и мир на земле как цель человеческих стремлений (50–53). *Гл. 5.* Отпадение расстроенных человеческих дел от идеала: неразвитость ума, извращенность воли, корыстное отношение к Божеству; незнание истины, омертвление премудрости в голом книжном знании, несовершенство и темнота отдельных языков; искажение веры безбожием, эпикурейской жадой наслаждений, идолопоклонничеством; увлечение внешним ритуалом в богослужении (каинизм), небрежение о вечной жизни, взаимное ненавистничество и религиозные преследования. Аналогичное извращение общественно-государственной жизни: отсутствие порядка, жестокость и бездарность правителей. Вывод о полном расстройстве всех человеческих дел (53–59). *Гл. 6.* Подробный разбор безобразия и вредности пороков ума, веры и отношения к ближнему (59–64). *Гл. 7.* Со времен первого упадка человеческих дел и вплоть до сих пор в философии, религии, государственной жизни делаются постоянные попытки исправления, однако тысячи разрозненных предприятий лишь увеличивают день ото дня хаос в человеческом мире. Пример медицины, с усложнением которой возросло и число болезней, юриспруденции, где число разнообразных законов возросло до полной неразберихи, философии, которая разбрелась в бесчисленном разнообразии мнений, и религии, расколовшейся на множество верований (64–69). *Гл. 8.* Необходимость поддерживать в себе бодрость духа и надежду на добрые корни человеческой природы. Тожество человеческой природы зовет людей к объединению всех своих усилий. Вселенское исправление человеческих дел – не сверхчеловеческая задача, а исполнение божественной воли о человечестве (69–76). *Гл. 9.* Попытка исправления человеческого мира должна быть предпринята на новых, еще не изведанных, всеобщих (catholicis) путях единения, опрощения и свободного волеизъявления. Разъяснение этих понятий. Единство земной обители и единство прародителей как база единения людей; Бог как источник изначальной простоты человеческой души и мира; свобода воли как божественное начертание в человеке. Отклонившись от единства, простоты и свободы, человечество должно вернуться к той точке своего движения, где оно сбилось с пути. Объектом исправления должна стать вся масса пороков, субъектом – все люди, орудием – всевозможные находящиеся в их распоряжении средства (76–85). *Гл. 10.* Делу должен предшествовать совет и принятие решения. Общие правила ведения

совета (содержательность, полезность, конкретность, общая заинтересованность в принятии решения и т.д., всего 26 правил). Допущение к совету всех, выслушивание всех, с требованием искренности и благожелательности от всех (86–88). *Гл. 11.* Приглашение на мирный совет об исправлении дел всех народов, языков, вероисповеданий, в особенности всех философов, богословов, политиков, с призывом к чистосердечию, взаимному доверию, согласию, любви, деловитости, непредвзятости, упорству, миролюбию. Общее обращение к Богу как залог успешного начала (89–94). *Гл. 12.* Молитва рода человеческого к правителю Вселенной (94–95).

Часть вторая Вселенского совета, Панавгия (Всепросвещение). *Гл. 1.* Почему автор предпринимает рассмотрение света и как он будет его проводить. Свет или нечто подобное свету – наиболее универсальная, простая, ненавязчивая и свободная Среда, способная установить единение между людьми. Премудрость как свет ума, изначальный свет как источник мировых идей (101–102). *Гл. 2.* Виды света – вечный, внешний, внутренний – и соответствующие виды тьмы (102–103). *Гл. 3.* Панавгия есть всеобщий свет ума, совершенно показывающий всем людям все их благо и истину. Поэтому надлежит освободить от тьмы прежде всего ум. Мудрые и глупцы. Единственный способ решения неясностей – выведение их на яркий свет и рассмотрение всего без насилия и ненависти; единственный способ выбраться на путь единения, простоты и свободы – движение в полноте света (102–106). *Гл. 4.* Подобно тому как умному свету учат примером, наставлением и исправлением, так Бог воспитывает человеческий род с помощью трех светильников (трех книг, трех театров, трех зеркал, трех законов, трех сводов правил, трех источников света): мир (мастерская божественной премудрости), человеческий врожденный ум (божественный наставник), слово Писания (107–109). *Гл. 5.* Природа, первый источник умного света, сотворена Богом, неприметно учит человека, служит ему, разворачивает в себе всю полноту божественной премудрости. Для разумного созерцателя природы она являет умный свет и обещает ему всемогущество, в рамках его сил и возможностей (109–110). *Гл. 6.* Человеческий дух и ум, второй источник умного света, именуемый также совестью и сознанием, есть чудодейственная сила познания и освоения всего в мире, образ Божий в нас. Врожденные понятия ("любое целое больше своей части" и др.), врожденные инстинкты (воля к свершению, свобода выбора и др.), врожденные способности (силы) – неотъемлемые свойства человека. Знание истины, добра, долга; числа, меры, веса. Безграничность человеческого познания, безошибочность врожденного света, однако при необходимой заботе о сохранении его чистоты (111–116). *Гл. 7.* Слово Божие, третий источник света, безусловно существует, хотя книги божественных откровений не должны быть предметом слепой веры. Критерии и признаки отличия истинно божественного слова от подложного: благочестие, здравомыслие, простота писателей; свидетельство церкви и мучеников; ясность стиля, чистота наставлений, согласие между истинами откровения, душевная крепость. Евангелия во всем отвечают критериям истинности; согласие Нового завета с законом Моисея. Напротив, Коран не во всем является божественным откровением. Призыв ко всем другим народам мира представить для разбора и оценки имеющиеся у них божественные книги (116–123). *Гл. 8.* Человек созерцает божественный свет трояким оком чувства

(непосредственное зрение), разума (отраженное зрение) и веры (преломленное зрение) (123–125). *Гл. 9.* Подобно тому как внешнему зрению помогают очки, телескоп и микроскоп, так оку ума помогает троякий метод: синкритический (сравнивающий), аналитический (разрешительный) и синтетический (сочетательный). Искусство применения всех методов при ведении совета об исправлении человеческих дел. Все последующее рассуждение должно быть строго научным (*mathematica*), т.е. быть построено на четких определениях, четких постулатах, четких теоремах и четко сформулированных проблемах (125–128). *Гл. 10.* При правильном восхождении к источникам умного света мы откроем "пангармонию" простейших начал бытия, которая в свою очередь усилит и упорядочит излияние света. Эта пангармония проявляется в разных областях познания: в виде (параллелизма в геометрии, симметрии в оптике, в виде красоты, согласия, благолепия. Для преодоления заблуждений необходимо искать гармонии (параллелизма, согласия, симметрии) во всех трех "книгах Божиих". Виды гармонии в мире, человеческом уме, Писании и восхождение от этих частных видов гармонии к величайшей пангармонии, связующей все в мире. Хвала пангармонии (128–132). *Гл. 11.* Доказательство всего сказанного выше о свете на примере физического света в 78 теоремах о свете ("всякий луч распространяется по прямой", "никакой луч не исчезает бесследно в сфере своего действия", "при ослаблении света подступает мрак", "свет не бежит от тени и от мрака, наоборот, мрак боится света и бежит от него" и т.д.). Темнота подчиняется "закону света" (132–142). *Гл. 12.* Вслед за вышеизложенной теорией света следует практика применения света для изгнания тьмы и обеспечения видения, в 21 "проблеме" с решениями (142–146). *Гл. 13.* Древние не знали универсального света, потому что Бог соблаговолил лишь постепенно открывать людям умный свет; потому что люди по своей природе представляют собой как бы ветви единого дерева человечества, которые не одновременно расцветают и плодоносят; и потому что подлунный мир представляет собой как бы школу, поделенную на классы. Будучи тварью, а не Богом, человек способен лишь шаг за шагом осваивать "книги Божии". Тем не менее со временем человеческий ум получает все более помощи для своего развития, а именно растут знания, взаимное общение, распространяются школы, науки, изобретена типография, расширяется мореходство, оптическое искусство позволяет при помощи подзорных труб лучше рассмотреть небесные тела. Теперь остается широко распахнуть универсальный путь всеобщего света перед людьми (146–150). *Гл. 14.* Бесконечное разнообразие мира, занятость людей повседневными делами и "смешение языков" препятствуют универсальному просвещению, однако эти препятствия можно преодолеть, разработав пансофию, всеобщую мудрость, панпедию, всеобщую культуру ума, и панглотию, универсальное искусство языка. За этими тремя разделами Вселенского совета будет следовать панортосия, т.е. всеобщее исправление в собственном смысле слова. Возможность, основания и методы разработки названных дисциплин (150–154). *Гл. 15.* Для восприятия вселенского света очи людей должны избавиться от бельма предрассудков, для чего в свою очередь настоятельно необходимо полагаться только на Божии книги, а не на человеческие измышления, во всем доверять только своим собственным глазам, неизменно храня при этом внутренний душевный мир (154–160). *Гл. 16.* Прощение к Отцу светов о ниспослании полноты просвещения (160–162).

Пансофия (третья и главная часть Вселенского совета). Обращение к "императорам, царям, государям и правителям общественных дел" как "земным богам" с призывом быть достойными "земными заместителями" небесного Бога (165). Посвящение Герарду Де Гееру, сыну и наследнику долголетнего покровителя Коменского Людовика Де Геера (167). Обращение к Творцу "неба, земли и всех бездн" и к "смертным обитателям земли". Призыв к людям выбраться из мрачных лабиринтов заблуждений, пробудиться и дружно взяться за дело всеобщего спасения. Просьба не смущаться малостью, несовершенством и неполнотой предлагаемой "Пансофии": она – лишь начало, замысел, который осуществят рано или поздно все люди совместными усилиями. Предупреждение о том, что автор пользуется не строгим философским, а общедоступным, и к тому же диалогическим стилем (в дальнейшем изложение в лицах выдержано лишь частично). Пансофия – панацея от всех болезней человеческого рода, как бы сокровищница истинных идей, школа избавления от мнений и приобретения знаний; она предназначена для всего человеческого рода без различия вероисповеданий (169–175). Совет о создании книги "Пансофия". Смысл премудрости – в упорядочении всех человеческих помыслов, слов и действий, и такому упорядочению должна послужить единая, всеохватывающая, ясная и истинная книга, как бы краткое собрание всей человеческой мудрости. Необходимость, возможность и осуществимость такой книги доказываются в форме пяти "проблем" (задач) с их "решениями". Автор возлагает надежды на "пансофическое воинство", составленное из еще не испорченных пороками и заблуждениями детей, прошедших мудрую школу. Подкрепление этой мечты цитатами из Библии (Пс 8, 2–9; Ис 28, 29; Ин 4, 11; Откр 2, 24) (179–194). *Первая ступень* и основание всей Пансофии, Мир возможности. *Гл. 1.* Мир возможности есть умопостижаемое: представление о предпосылках (идеях) всех реально существующих вещей, например, для того чтобы римлянин Бозций впервые изобрел часовой механизм, идея этого изобретения должна была сначала существовать в своей собственной возможности. И подобно тому как даже если бы мир и время не существовали в действительности, они существовали бы в вечной возможности (в своей идее), так, даже не зная помыслов всех существующих в мире людей, каждый человек по интимному ощущению возможности своего ума в известном смысле как бы заранее уже познал и всех людей, и весь мир, и все свои безграничные способности в этом мире (199–203). *Гл. 2.* Мысль, вращаясь в мире возможности, заранее (априорно) располагает пределами, внутри которых располагаются вещи и события. Эти пределы – начало, середина, конец, ничто, всё. При помощи этих пределов мысль охватывает числом и формой любое множество, разнообразие и бесформенность вещей. При помощи понятий и слов она способна охватить также и сущности и акциденции вещей. Мышление есть всегда упорядочение (203–208). *Гл. 3.* Ничто, нечто, всё как предметы мысли, речи, действия, понимания или непонимания, избрания или отвержения, стремления или пренебрежения (имеется лишь план главы) (208). *Гл. 4.* Система общих понятий (тема не развита, подчеркнута лишь упорядоченность человеческих помыслов) (208). *Гл. 5.* Система общих всем людям желаний и стремлений: тяга к пользе, добру, высшему благу (208–210). *Гл. 6.* Система общих всем людям способностей и порывов (предварительные заметки) (210–211). *Гл. 7.*

Разделение мира возможности на субстанции, акциденции и "недостатки" (следы некогда имевшегося бытия) (211–212). *Гл. 8.* Комбинаторика и классификация комбинаций помышлений, речей и поступков. Определения понятий "сочетание", "сопряжение", "связь", "соотнесение" и др. (212–213). *Гл. 9.* Виды объединений помыслов, речей, поступков (213–214). *Гл. 10.* Мир возможности, или мир идей, необходимо рассматривать как ключ ко всему, о чем идет речь в других "мирах" Пансофии. Советы читателю о правильном применении света ума: первопонятия – как бы буквы алфавита, которые необходимо научиться складывать, соблюдая полноту, упорядоченность и связность во всяком действии. Человеческий ум – не область света, а самый свет, поэтому он сам для себя является и учителем, и книгой; источник мудрости – самопознание, источник благоразумия – верность себе, источник мужества – самообладание. Краткое описание последующих семи миров Пансофии. Разрозненные замечания об исправлении книг и налаживании библиотечного дела трудами Совета света (214–225). *Вторая ступень* Пансофии, вечный мир. Введение о мире вечной действительности, который отражается в нашем уме, как в зеркале (231). *Гл. 1.* Разнообразные доказательства существования бесконечной сущности (223–236). *Гл. 2.* Бесконечная сущность – не вещь, не понятие, не слово, не субстанция, не акциденция, не недостаток, а нечто более высокое, чем все это. Она всемогуща, неограниченна, является источником бесконечной любви, проста, не находится ни в каком отношении к конечным вещам, не противоположна ничему, не имеет начала или причины, не имеет цели вне себя, не изменяется, не претерпевает изменений: это – благой, святой и блаженный, ибо ни в чем не нуждающийся, Бог. Бог един, но в то же время троичен (многочисленные доказательства его триединства). Три ипостаси (лица) Бога раздельны между собой, однако не подлежат соположению, взаимоподчинению (субординации) или соупорядочению, а также сравнительной количественной оценке (236–246). *Гл. 3.* Бог пребывает в непоколебимом покое, и вместе с тем внутри себя он производит действия осуществления, порождения и любовного связывания, а вовне себя – действия промысления, изъявления своей воли в слове своего откровения и сотворения. Источник сотворения – вечные любовь, премудрость и всемогущество. Как бы от лица божества (монолог Бога) Коменский говорит о божественных причинах мира, о его иерархичности, о мере бытийности, о пространстве, времени, числе, мере, весе, действиях внутримировых вещей, о причинах зла в мире, о единстве, истине, благе как источнике бытия, о становлении, множественности и взаимопорождении вещей, о создании умопостигаемого и телесного миров, о сотворении человека, о возникновении мира искусства, мира нравственного сознания, о познании человеком вечности. Вся эта большая глава разворачивает метафизику в форме драматического диалога между божественной Любовью, Премудростью и Всемогуществом ("*Любовь*. Итак, подарим нашему творению в спутники Вечность. *Премудрость*. Подарим, и пусть в нескончаемые веки оно хвалит и славит деяния наши. *Всемогущество*. Вечности вещам можно будет придать задним числом – так, чтобы вещи хотя и имели начало, но не имели конца, подобно тому как числу мы дали в качестве начала единицу, конца же ему никакого не предначертали...") (246–263). *Третья ступень* Пансофии, умопостигаемый ангельский мир. Вступление о необходимой троичности сотворенного

мира, тремя ипостасями которого являются идеальный мир в божественном уме, мир духовных умопостигаемых ангельских сущностей и, наконец, осязаемый материальный мир; первый мир подобен закрытой книге, второй – открытой, третий – не только открытой, но и вслух читаемой (269–271). *Гл. 1.* Между миром в божественном уме и вещественным миром должен существовать еще один промежуточный, содержащий в себе упорядоченные духовные начала вещей. Библейские свидетельства об ангельском мире (273–274). *Гл. 2.* Умопостигаемый мир ангелов сотворен до создания неба и земли (274–276). *Гл. 3.* Материей для создания ангельского мира послужило вечное Ничто; сначала божественное всемогущество создало как бы сгустки Ничто, придав им мутное бытие, а затем божественная любовь вдохнула в эти сгустки жизнь, т.е. некоторое знание, силу и волю; в свою очередь, вечная премудрость сообщила им сияние и движение (276–277). *Гл. 4.* Ангелы, т.е. чистые умы или духи, составляют в своем ангельском мире стройную структуру бестелесных сущностей (277–279). *Гл. 5.* Превосходя знанием человека, ангелы, однако, не всеведущи. Коменский ставит, но не успевает разобрать вопрос о речи ангелов (279). *Гл. 6.* Ангелы обладают волей и чувствами (279). *Гл. 7.* Будучи не связаны телом, ангелы весьма подвижны и неостановимы в своем действии (280). *Гл. 8.* Время жизни и число ангелов известны лишь Богу; их страсти – ликование перед лицом Бога; они не знают смерти; их любовь пламенная; их совершенство не допускает приращения (280–281). *Гл. 9.* Ангелы способны падать и вырождаться в демонов – хаотических, безлюбных, искусовых, предельно дисгармонических созданий (282–283). *Гл. 10.* Ангелами, как простыми и первичными созданиями, правит непосредственно Бог (284). *Четвертая ступень* Пансофии, материальный мир. Вступление, выражающее радость по поводу достижения ступени материального мира, доступного человеческим чувствам и подлежащего "механическому" анализу наподобие громадной машины (289–291). *Гл. 1.* Телесный мир – театр божественного всемогущества, несомненно сотворенный для человека как школа его восхождения к богопознанию. Описание шести дней творения, по Моисею (295–301). *Гл. 2.* Природа, художница материального мира, представляет собой внутреннюю ("врожденную") силу всего. Четырнадцать положений о природе ("природа не испытывает нужды в необходимом", "природа действует ради определенной цели", "всякий излишек враждебен природе" и т.д.) (301–305). *Гл. 3.* Материя, дух, свет (или огонь) – три начала этого мира, обитающие соответственно в сере, соли и ртути (305–308). *Гл. 4.* Первое и постоянное действие природы – движение (с описанием всевозможных видов движений тел и стихий), а результат движения – изменение вещей: их порождение из семени, материнского начала и тепла; их возрастание благодаря привлечению дополнительной материи, т.е. питания; их уменьшение, видоизменение и гибель (308–317). *Гл. 5.* В мире имеется семь ступеней субстанций: элементы (материя, дух, свет – первые элементы, не существующие в мире в чистом виде; под действием света с его движением и теплом хаотическая материя складывается в элементарные тела), пары (описание паров и ветров), небесные тела и метеоры (к которым относятся туман, облака, дождь, снег), минералы (включая металлы, руды и окаменелости), растения, живые существа и, наконец, человек (о последних ничего не сказано) (317–338). *Гл. 6.* Описание самодвижущихся существ – животных. Способность к ощущению

отличает их от растений. Питание животных (с перечислением органов пищеварения), их жизненные органы (дыхание, кровообращение, теплообмен), их органы чувств, представляющие как бы отдельные каналы одного общего чувства (с разбором вопроса о сне), их двигательная способность (движения чувств и телесные движения), их производственная способность (краткое описание "орудий голоса"), их оборонительная и воспроизводительная способность. Классификация животных по способу и среде передвижения (338–353). *Гл. 7.* Человек как вершина всего материального мира, "живое существо, обладающее свободой действия и предназначенное для господства над всеми творениями и для вечного собеседования со своим Творцом". Человек отличается от животных разумом, речью, разнообразием производимых действий, но в первую очередь – "абсолютной свободой воли"; именно последняя, а не разум, есть высшая человеческая способность. Строение человеческого тела (сказано только о мозге), строение человеческой души (страсти, способности). Дух, или ум, как образ Божий, состоящий из трех бесконечных сил: разума, воли и деятельной способности. Строение человеческого разума с его способностями изобретения, суждения и памяти. Строение воли, состоящей из желаний, свободы выбора и сознания (или совести), с классификацией желаний. Строение деятельной способности с описанием руки (как орудия орудий) и речи. Учение о человеке как микрокосме и малом божестве. Болезни человека, его вырождение и уродство (353–377). *Гл. 8.* Время и пространство как первые "акциденции" мира. Мир имеет пределы (ибо не может быть бесконечным), однако нельзя ответить на вопрос, где находится мир: он – нигде, ибо полон собой и вне себя не имеет ничего, ни даже пространства. Мир ни тяжел, ни легкий. Он полон действий и претерпеваний, находящихся в вечном круговороте. Он прекрасен благодаря своему упорядоченному разнообразию. Он обладает цветом, звуком, запахом, вкусом, осязаемостью (378–384). *Гл. 9.* Многосложность и ступенчатость мира отражает божественную премудрость. Время мира будет длиться как бы бесконечно. Земля парит в средоточии мира. Еще раз о совершающихся в мире действиях и претерпеваниях, идущих от трех первоначал (материи, духа, огня) и от трех элементов (воздуха, воды, земли). Премудрый порядок в смене лета и зимы. Пронизанность мира пангармоническими соответствиями и созвучие каждой части мира целому (ибо в своем основании все вещи едины). Совершенство мира, наличие зачатков разума у животных, кругообращение в мире; снова о вырождении и уродах. Сочетания, или сопряжения, вещей (384–394). *Гл. 10.* Предводитель материального мира Бог хранит его и правит им, что позволяет из наблюдения природных вещей познавать Творца (огонь – гнев Божий, время – подобие вечности, пространство – намек на безмерность Бога и т.д.). Познавание мира учит о существовании Бога, о его единстве (ввиду единства мира), троичности (ввиду троичности начал мира, материи, света и духа), бесконечности, всесовершенства. Божественное знание отличается от человеческого и ангельского всевременностью, вездесущностью, неограниченностью, полнотой, действенным характером. Бог хранит мир и управляет им с помощью самих же своих творений, с помощью ангелов (в исключительных случаях) и путем непосредственного воздействия на творения (через присутствие в них). Отрицать действующее в мире провидение – значит отрицать Бога; причем божественная забота простирается вплоть до мельчайших вещей в мире. Для человека божественное провидение иногда

выступает в облике судьбы. Бог может совершать сверхъестественные чудеса; наоборот, дьявол и вообще создания ограниченной (не бесконечной) силы совершать чудеса не могут. Мир может устареть (суша сравняется с водой, солнечный свет ослабнет), однако ввиду неистощимости начал мира – материи, духа, света – мир не может погибнуть и уничтожиться: Бог обновит его, по всей вероятности, огнем (394–414). *Пятая ступень* Пансофии, мир искусства. Вступление о мире искусства как первом из трех миров, сотворенных человеком в подражание Богу (остальные два – мир нравственный и духовный) (421–423). *Гл. 1.* Опираясь на свое всемогущество в материальном мире, человек творит мир искусства, имеющий, как и божественный мир, три начала, а именно: материю (это все создания Бога), дух (стремление к господству) и свет (изобретательность ума) (425–426). *Гл. 2.* Искусство творит, во-первых, применяя вещи, во-вторых, управляя ими и, в-третьих, подражая им: все, что возможно для природы, возможно и для искусства, хотя не природа повинуетя искусству (она "равнодушна к нашим гипотезам"), а искусство следует за природой. Некоторые общие правила эвристики (426–431). *Гл. 3.* В основе человеческих искусств лежит умение обращаться с началами телесных образований – материей, духом, огнем (светом). Классификация небесных тел, минералов и веществ по признаку светоносности, сгораемости, раскаляемости и невосприимчивости к огню. Свойства и качества огня, света, луча. Теоремы о луче и свете ("луч невидим в прозрачной среде", "свет есть рассеянный луч" и т.д.). Пиротехния, искусство света и огня (сохранение, создание света в светильниках – кратко, оптика – кратко общие принципы). Химия как часть пиротехнии (кратко). Магия как изучение сокровенных свойств света, с рекомендацией строить для наблюдения природы высокие башни на горах и выкапывать глубокие колодцы в низинах. Уранотехния как искусство наблюдения и предсказания небесных явлений; кратко об астрологии, включающей этическое и нравственное применение света для воспитания человеческих душ. Аэротехния и анемотехния как искусство использования ветра для вентиляции подземных шахт, для мореплавания, возможно, также для воздухоплавания и для потехи. Гидротехния, с описанием усовершенствованного Архимеда винта. Геотехния как овладение землей (кратко). Геометрия (кратко) (431–442). *Гл. 4.* Минеротехния, или искусство добычи и применения ископаемых. Металлотехния, с экскурсом в алхимию (кратко) (442–443). *Гл. 5.* Фитотехния и галотехния как садоводство и лесоводство (кратко) (443–444). *Гл. 6.* Зоотехния как использование живых существ для труда и развлечения, а также для медицинских и образовательных целей (445–446). *Гл. 7.* Искусство управления человеком. Цель человека – познание Бога; ценность человека – ничтожна, если его ничему не обучить, и всеобъемлюща, если его обучить всему, а потому главное руководство человеком есть его обучение. Самотехния как забота о теле и его действиях. Искусства жизни: искусство долгожительства и избежания смерти, искусство здоровья (диететика и медицина), искусство хорошего самочувствия (пропуск в тексте, с отсылкой к разделу о здоровье). Искусства ума как познание истины, добра, возможного и должного. Матетика, или искусство самообучения через чувственное восприятие, разумный анализ воспринятого и расспрашивание других людей (эротематика) или чтение книг (анагностика). Аксиомы и правила познания вещей ("чтобы знать – учись", "человеческий ум свободен и хочет руководства, а не принуждения", "труд познания облегчается благодаря

продвижению от общего к особенному" и др.). Гностика как искусство познания, с теоремами о познании ("знание не есть мнение", "вера не есть знание, но уверенность, что другие знают", "кто знает, что он многого не знает, тот больше знает" и др.). Дидактика как искусство обучения через пример (показ), наставление и обучение подражанию, с дальнейшим подразделением примера (показа) на демонстрацию и чувственное восприятие, наставления – на определение вещи, подразделение ее на части и сравнение с другими вещами, подражания – на побуждение к имитации, руководство имитирующими действиями и их исправление. Требование ясности, быстроты и увлекательности преподавания. Синкретическая дидактика и ее правила: самостоятельное и непосредственное рассмотрение вещей, пояснение вещей через их противопоставление. Диалектика как искусство спора и ведения беседы и ее правила (строгое очерчивание темы, выяснение спорных пунктов, требование ясности речи). Диакритика как искусство отличения разнообразных мнений от истины путем многостороннего и тщательного анализа выдвигаемых положений. Диалектика как искусство примирения мнений. Искусство убеждения, его виды и методы. Искусства ума, имеющие дело с разнообразием умственных способностей человека, случаями гениальности, пороками ума (косность, рассеянность, неметодичность) и лекарствами от этих последних. Искусство медитации, отрешения ума и его сосредоточения на избранном предмете. Описание метода "спекулятивной эвристики", направленного на обнаружение сущностей (чтойностей) вещей через рассмотрение их цели (назначения) и формы. Прагматическая эвристика – на примере постройки дома (кратко). Искусство суждения – с правилами суждения ("не судить о вещи, не познав ее", "остерегаться того, что не установлено чувством, разумом, верой" и т.д.) и советами по применению силы суждения в деле познания истины вещей (чувства могут обманывать, разум не всегда надежен, авторитет подлежит проверке истиной, доводы других людей должны быть проанализированы). Искусство памяти и запоминания. Искусство языка как умение ориентироваться в своей речи на истину вещей, с подразделением этого искусства на грамматику, риторику, ораторское искусство, полиглоттию, стеганологию (тайную речь); искусство письма и подчиненные ему орфография, каллиграфия, тахиграфия, полиграфия, стеганография (тайнопись), типография. История, ее цель (самоотчетность человеческих действий) и польза (удовольствие, возрастание познаний, подражание великим деяниям); похвала энергичному и лаконичному стилю, законы красочного стиля, одобрение аттического стиля. Критика текста (кратко). Анагностика, искусство чтения и понимания книг, с советами читать серьезные книги, выбирать из них необходимое, "анатомически" разбирать слова, мысли и предмет описаний. Искусство разумного обращения к людям и общения с ними. Искусство писания книг, с классификацией книг на исторические, профетические, догматические, полемические; ответственность авторов, берущихся писать новые книги, и требование отчетливости, краткости и искренности при написании книг. Правила устройства библиотек и благоразумного пользования ими. Защита себя и товаров от холода и жары (кратко). Оптика – кратко (несколько основных понятий и названия цветов по-латински и по-чешски). Акустика – кратко (названы лишь два вида звучания – простое и отраженное, эхо). Искусства действия с десятью "прагматическими наставлениями" ("не браться за дело, не имея опыта", "не поручать дела человеку, который

относится к нему без охоты", "заблаговременно приучаться к исполнению дела" и др.). Искусство ремесленных искусств – кратко (два общих правила). Искусства претерпевания, т.е. безболезненного перенесения голода, холода, жары (лишь названо). Таттотехния, искусство упорядочения чего бы то ни было (кратко) (446–522). *Гл. 8.* Топотехния, искусство размещения или укрытия на местности (кратко). География (кратко). Астрономия (кратко), с рекомендацией не отклоняться от показаний чувств. Хронотехния, искусство умелого использования времени (с советом использовать каждый вечер как напоминание о смерти), умелого подражания времени (его быстроте и подвижности), умелого измерения времени (устройство часов, календаря). Экскурс: проект новой системы мер длины, исходя из диаметра Земли; проект новой системы мер веса, исходя из массы Земли. Некоторые замечательные свойства простых чисел. Описание различных типов весов. Искусство качеств, а именно их комбинаций (кратко). Снова (кратко) о таттотехнии (искусстве упорядочения). Искусства использования (лишь названы). Развлекательные искусства (живопись, музыка, кулинарное искусство, искусство удобной утвари, украшений). Шутливые искусства (игры). Искусства показа чудес, знамений, использования случайностей. Искусство обращения зла на пользу (ибо всякое зло есть в аспекте всей вселенной добро) (522–539). *Гл. 9.* О совершенстве мира искусства (лишь названы разные забытые или неизвестные искусства, имеющие дело с огромными массами материала или, наоборот, с крошечными вещами) (539). *Гл. 10.* О Боге как первом источнике всех человеческих искусств и изобретений. Об "искусстве знаков" – физиогномике, семиотике, каббале (кратко) (539–541). *Шестая ступень* Пансофии, нравственный мир. Вступление о высочайшем искусстве управления самим человеком, правителем мира (545–547). *Гл. 1.* Основание нравственного мира – неизменность человеческой природы, стремящейся к самопознанию и самообладанию. Материя нравственного мира – сам человек как свободное существо, дух нравственного мира – врожденное человеку желание достижения цели, свет нравственного мира – совесть, наглядный пример творения и закон Бога (549–550). *Гл. 2.* Творец нравственного мира – человеческое благоразумие, т.е. смиренное и нерасточительное управление самим собой и другими; оно проявляется не столько в рассуждениях, сколько в действиях и опирается на доводы разума и на опыт своих и чужих заблуждений (550–555). *Гл. 3.* Благоразумие по отношению к самому себе есть этика, или господство над собой. Такое господство возможно, оно является одновременно труднейшим и легчайшим делом в мире. Основание этики – познание человеком своей животной, разумной и духовной (божественной) природы, которая, благодаря своей многосложности и легкоподвижности, нуждается в постоянном руководстве. Руководство подлежат воля и аффекты, трудовые навыки, склонность к получению удовольствия. Мерилем овладения собой становится самодостаточность человека, довольствующегося малым и необходимым. Предостережение против разрушительных страстей: сластолюбия, опьянения, лени, жадности, заносчивости. Советы о том, как управлять собой в несчастье, и наблюдения, помогающие терпеливо переносить беды ("невыносимое не длится долго", "наше терпение – показатель нашего совершенствования в Боге", "терпение – лучшее средство от бед" и др.). Кузнец своей судьбы (ср. одноименное сочинение Коменского) – человек, благоразумно управляющий собой (555–570). *Гл. 4.* Благоразумие в обращении с другими есть симбиотика, или

искусство общения. Основа взаимообщения людей – согласие, справедливость и взаимное доверие, украшение человеческого общежития – вежливость, исполнительность и скромность, особенно в обращении с дальними. Советы сдерживать язык и любить молчание ("беседуя с ближним, будем считать, что беседуем с Богом", "допустимо отчасти умалчивать истину" и др.). Правила поддержания дружбы и искренности с друзьями (570–577). *Гл. 5.* Благообразие в управлении своими домашними есть экономика. Она требует обязательных хозяйственных и духовных познаний, постоянного внимания и душевной бодрости. Человек должен управлять человеком разумными доводами, а не силой, прибегая к наказанию только когда все другие средства воздействия испробованы. Обязанности отца семейства по отношению к супруге, детям, дому, прочим домочадцам. Советы выбирать жену благочестивую, стыдливую, благоразумную и, по возможности, красивую и богатую. Обязанности детей, наследников и слуг (кратко) (577–584). *Гл. 6.* Благообразие в управлении коллективами молодежи, или схоластика (искусство устройства школ), требует помнить о том, что дети – существа, не менее взрослых наделенные свободой воли, и о том, что дети с раннего младенчества являются общительными, "социабельными" созданиями (*creatura sociabilis...ab incunabulis sodalitis gaudens*) (584–585). *Гл. 7.* Благообразие в управлении государством, или политика, должно отправляться от представления о человеческом обществе как о едином организме, упорядоченные части которого выполняют каждая свои необходимые функции. Демократия – естественнейший строй, аристократия – наиболее обеспеченный от тирании и хаоса, монархия – совершеннейший, ибо подражающий мироправителю и самодержцу Богу; однако каждому строю грозит извращение и трудно определить, какой из них лучший. Три части политической науки – учение об основании, управлении и защите государства (585–588). *Гл. 8.* Идея монархии требует, чтобы к трону были приближены философы, ученые, политики и богословы. Войны между государствами неизбежны, однако заключение одного-единственного мира ценнее чем множество военных триумфов. Приложение о панархии: возможно такое устройство человеческого общества, когда власть будут иметь все, однако даже тогда необходимо, чтобы высшую должность занимал мудрейший человек. С другой стороны, даже монархия не есть подчинение всех одному человеку, но подчинение всех через одного человека Богу (588–591). *Гл. 9.* Совершенство нравственного мира – в полноте добродетелей, постоянства, искренности, благоразумия. Счастлив правитель, воле которого следуют все, но для этого его воля должна следовать благоразумию, благоразумие – мудрости, а мудрость – Богу (591–954). *Гл. 10.* Нравственным миром управляет Бог через самих же людей, через ангелов и сам непосредственно, а именно поскольку он поддерживает и сохраняет человеческую природу, позволяет совершаться всему, что может совершиться, и препятствует совершаться тому, свершения чего он не хочет. Аксиомы о блаженной и доброй жизни ("блаженно жить может только добрый", "добродетель – своя собственная награда" и др.) (594–597). *Седьмая ступень* Пансофии, духовный мир. Вступление о богопознании и богообщении. *Гл. 1.* Духовный мир есть мир общения с Богом; материей этого мира является бездна, или хаос, свободной человеческой воли, его духом – божественный дух, стремящийся оформить эту хаотическую материю, а его светом – образ Божий в нас. В падшем состоянии человеческая воля одержима порывом к мнимому благу и находится в беспорядочном

разброде; сотворение духовного мира совершается действием божественного слова, истинно понятого Писания. О способах толкования Писания: буквальном, или историческом, нравственном, аллегорическом и анагогическом. К Писанию надо подходить не как к древу познания, а как к древу жизни; при чтении его надо ставить себя на место тех, к кому Писание обращается или о ком оно говорит; истину божественных слов надо как бы подтверждать своим исполнением их (605–611). *Гл. 2.* Религия есть духовное благоразумие в возвышенном общении с Богом как таковым, т.е. как верховным существом. Бог никогда не использует в обращении с человеком свое всемогущество, а всегда действует только привлекая к себе человеческую свободную волю; поэтому общение человека с Богом есть школа, в которой человек восходит от страха к познанию, мужеству, благоразумию, пониманию, мудрости и душевному богообщению. Средства, или орудия, общения с Богом – вера, любовь и надежда. Ступени теотехнии (искусства общения с Богом) – искусство полагаться на Бога, искусство подражать Богу и, наконец, высшее искусство – склонять Бога к исполнению нашей воли (смягчение гнева Божия, стяжание его расположения). Отдельные соображения о человеческом состоянии до падения, после падения и в благодати (611–621). *Гл. 3.* Бог не мог не дать своему разумному творению свободу воли, потому что она благо; хотя человек пал, злоупотребив этой свободой, и в результате совершенно извратился телом (оно стало смертным) и душой (в ней поселилась тьма, греховность и сластолюбие), причем продолжает грешить и теперь, однако даритель свободы воли не является виновником греха: грех совершается человеком потому, что похож на свободу, похож на владение собой, похож на благо (621–631). *Гл. 4.* Связь между Богом и человеком восстанавливается через единого богочеловека Христа (631–639). *Гл. 5.* Иисус из Назарета, Бог и человек в едином лице, восстановил распавшиеся после Адама всеобщность, простоту и свободу человеческой природы и научил людей пути спасения через веру, любовь и надежду (639–653). *Гл. 6.* Таинства христианства (653–657). *Гл. 7.* Совершенство Христа не может не вести к восстановлению и возрождению человечества, как обещано Писанием; для этого требуется не только божественная работа, но и наше сотрудничество. Корень возрождения – предание себя Божией воле, его полнота – познание себя (своей сотворенности, своего падения и осуждения), возвращение к Богу, соединение с Христом верой, любовью и надеждой, исполнение Божией воли; путь достижения – неотступный духовный опыт. Разъяснение любви к самому себе, к ближнему и к Богу. Разъяснение христианской надежды на достоверное спасение через веру в Бога. Техника каждодневной духовной борьбы, противления Сатане, умерщвления телесного греховного начала, устойчивости против искушений, самоотречения. Совершенная религия как восстановление и возрождение человека (658–685). *Гл. 8.* Три вида религиозных союзов: души с Богом, души с ангелами и благочестивых и святых людей между собой (Церковь). Первый долг христианства – подражание Христу в простоте, святой чистоте и добродетели; три корня последней: доброе намерение, смирение и самоотречение. Ангелотехния как искусство общения с ангелами, и демонотехния как умение ненавидеть, остерегаться или избегать Сатаны. Устроения Церкви, ее сохранение, ее единство и распространение (проповедь, Писанием, примером святой жизни и мученичеством, но никогда не оружием), ее защита от раскола, увеличение ее философского и богословского опыта (685–699). *Гл. 9.* Украшение церкви, соблюдение

ритуалов и церемоний, избежание нечестия, идолатрии. Извращение религии: политеизм, псевдоапостольство, духоборчество (699–701). *Гл. 10.* Бог правит духовным миром через самих людей, через ангелов, через свое непосредственное участие (провидение). Учение о блаженстве, душевном покое и богопознании спасаемых, о состоянии души непосредственно после смерти и о будущем Церкви (воскресении святых) (701–724). *Восьмая ступень* Пансофии, вечный мир. Вступление о том, как постепенное отпадение ангельского, материального мира, мира искусства, нравственного и духовного миров от идеального мира (ибо искусство не может поспеть за природой, о нравственности люди заботятся меньше, чем о внешнем искусстве, а о своих духовных и религиозных глубинах еще меньше, чем о нравственности) восполняется Богом, который вновь возвращает всем этим мирам простоту и совершенство, вбирая их в свою вечность (729–730). *Гл. 1.* Подобно тому как дни творения завершились субботой, днем покоя, так всякое временное движение в мире рано или поздно будет поглощено вечностью (после завершения всего круговорота вещей). В вечности все люди духовно (а следовательно, бодро и деятельно) воскреснут, подвергнутся страшному суду, получат заслуженную ими долю и, поскольку время прекратится, уже ничего не смогут в ней изменить (глава не закончена) (731–738). *Гл. 2.* О художнице вечного мира, славе Божией (глава не написана) (738). *Гл. 3.* В вечности составы распадутся на простейшие элементы и обнаружатся причины всех Божиих дел (глава не дописана) (738–739). *Гл. 4.* О божественном всемогуществе, подчиняющем себе все силы мира и ада (глава не написана) (739). *Гл. 5.* О милосердии Божиим (глава не написана) (739). *Гл. 6.* О Божием правосудии (глава не написана) (739). *Гл. 7.* По-видимому, в будущем вечном мире преобладающая часть людей окажется спасенной, подобно тому как спасено большинство ангелов; возможно также, что спасутся все, кроме добровольных грешников. Спасенные будут пребывать в блаженном созерцании себя, ангелов и Бога, во всезнании и наслаждении Богом, в божественной хвале и вечном успокоении (739–747). *Гл. 8.* Свойства вечного царства и единение, которое совершится в нем (глава не написана) (747–748). *Гл. 9.* Осужденные будут вечно подвергаться мукам, пропорциональным их греху, во мраке, хаосе и огне. Хотя вряд ли существует чистилище как особое загробное состояние, однако не исключено, что люди, которые не верили и не совершили добрых дел, но и не грешили упрямо против Бога, как не подлежащие ни аду, ни небесной радости, будут оставлены в смертном сне без пробуждения навеки. Правда, многое, касающееся вечного мира Пансофии, не известно (748–751). *Гл. 10.* Божественные благодать, премудрость и всемогущество правят вечным миром; Бог явит в нем себя полностью: оправданным – в блеске славы, осужденным – в виде вечного Ничто. Итак, мир начался в тишине и молчании, а завершится в ликовании славы; начался в хаосе, а завершится в блаженной красоте (глава не дописана) (751–752). *Последняя часть* Пансофии, описание ее полезности. Введение о плодах Пансофии (757–758). *Гл. 1.* Пансофия есть свод универсального знания, светильник человеческого разума, устойчивое мерило истины вещей, неизменное расписание человеческих жизненных занятий и, наконец, лестница восхождения к Богу. В своем учении о мире возможности Пансофия опровергает скептиков, в учении о материальном мире – действов, в учении о мире искусства – невежд и простецов, в

учении о нравственном мире – макиавеллистов, в учении о духовном мире – всех еретиков и схизматиков, в учении об ангельском и вечном мире – саддукеев. Главный плод Пансофии – свет, открываемый в человеческом уме, мире, Писании; мир человека с самим собой, с другими людьми и с Богом; здоровье тела, души и духа; и наконец радость. Попутно Пансофия помогает преодолеть путаницу, царящую ныне в школах, государстве, церкви; неразбериху в библиотечном деле; беспорядок в ведении повседневных дел. Дальше, Пансофия помогает понять не только книги мира и ума, но и создания человеческого таланта, освобождая тем самым из-под гнета авторитетов (глава не дописана) (759–765). Гл. 2. Панавтогросия (всцелое познание себя на основе познания Бога и мира) как плод Пансофии пробуждает человека к постоянной самоответности, самосоразмерению с другими людьми и с миром, обращению всего на свете к достижению конечного блаженства (глава не дописана) (765–766). Гл. 3. Панавтономия, искусство задания человеком закона самому себе. Он основан на божественной истине (766–767). Гл. 4. Панавтократия, третий плод Пансофии, позволяет человеку спокойно и уверенно владеть собой (глава не дописана) (767). Гл. 5. Панавтаркия, четвертый плод Пансофии, позволяет человеку, как малому богу, во всех сферах своего бытия вполне довольствоваться собой (глава не дописана) (767–768). Гл. 6. Пампедия, пятый плод Пансофии, указывает доступный и действенный путь взращивания умов всех людей в мире (глава не дописана) (768–769). Гл. 7. Панглоттия, шестой плод Пансофии, поможет так усовершенствовать языки мира, что все жители земли смогут беседовать между собой, понимать друг друга, приходить к взаимному согласию и жить между собой в сладостной гармонии (глава не дописана) (769–770). Гл. 8. Панортосия, седьмой плод Пансофии, исправит отшибок и преобразит философию, политику, религию, возведя их к столь очевидным первоначалам, что азиаты, европейцы, африканцы и американцы смогут, отложив ненависть, достичь единства (глава не дописана) (770–771). Гл. 9. Всеединение, восьмой плод Пансофии, объединит людей через учреждение Экуменического совета народов, который, разобрав, восполнив и утвердив книгу "Пансофия" (в качестве канона для понимания трех Божиих книг), определив для каждого народа его долю в работе всеобщего восстановления, навеки закрепит исправленные нормы человеческого существования. Кроме Христа, никого не будут называть царем царей, епископом епископов (папой) или философом философов. Диспуты и споры будут запрещены и заменены братскими беседами. Экуменический совет народов навеки покончит с распрями, утвердив единство в необходимом, свободу в необязательном, любовь во всем (глава не дописана) (771–774). Гл. 10. По обетованию Писания, на земле наступит праздник праздников. Правильно учрежденная Пансофия станет "универсальной алхимией", золотым искусством, день ото дня увеличивающим пансофический свет, в сиянии которого станет ясно, что как от единого Бога через всю вселенную все пришло к единому Человеку, славе Божией, так от единого Человека через всю вселенную все должно возвратиться к единому Богу; род человеческий возрадуется великому свету и исполнится божественного ликования, благодаря Всемогущего. Заключительная молитва "несотворенному свету", Иисусу Христу, о ниспослании Его светоносного огня всей земле, чтобы воспламенить сердца разумного творения к Божией любви и хвале (глава не дописана) (774–776).

Часть четвертая "Вселенского совета", Панпедия (всевоспитание). Вступление о необходимости для всех людей приобщиться к свету, порядку и истине бытия, с призывом ко всем прийти на совет о всеобщем воспитании (т. 2, с. 11–12). *Гл. 1.* Универсальная культура есть формирование в человеке его полной человечности (15–16). *Гл. 2.* Доказательство необходимости универсальной культуры (17–23). *Гл. 3.* Понятие цельного человека как обладателя всесторонне развитых разума, языка и деятельной способности. Искусства, до сих пор ограничивавшиеся частными человеческими умениями, необходимо распространить на все его бытие. Предлагается 14 проблем ("вселить в человека любовь и заботу о будущей жизни", "так пройти здешнюю жизнь, чтобы достичь жизни вечной", "постоянно пользоваться в этой жизни здоровьем" и т.д.) с их решениями (23–34). *Гл. 4.* Ставится задача "интегрального", "реального" и вместе с тем природосообразного, гармоничного и увлекательного воспитания. Сложность, своеволие, греховность, испорченность человека мешают этому, но возвращение к простоте, следование велениям разума, послушание Богу и отдаление всего скандального и злого от зрения и слуха помогут преодолеть помехи. Бесконечным способностям человеческого духа соразмерно лишь обучение всех, всему и всесторонне (34–40). *Гл. 5.* Предлагается проект охвата "школой" всех людей и всех семи эпох человеческой жизни (рождение, младенчество, детство, отрочество, молодость, мужество, старость). Идея "публичных" (общественных) школ, где в порядке увлекательной игры наставники и дети строили бы свое "малое хозяйство", "малое государство", "малую церковь", а в целом как бы "малый райский сад", с развлечениями, прогулками, театральными представлениями, беседами (40–46). *Гл. 6.* Предлагается проект перестройки книжного дела (панбиблия) (46–54). *Гл. 7.* Идея универсального наставника – пандидаскала, благочестивого, честного, благородного, усидчивого, благоразумного знатока всех наук, обладающего талантом простоты и способностью не стесняться, а поощрять свободную волю учеников. 24 проблемы ("уверенно привести человека от крайнего мрака невежества к свету ярчайшего знания", "сделать так, чтобы выученное не забывалось", "сделать так, чтобы человек учился всему с увлечением" и т.д.) с их решениями (54–70). *Гл. 8.* О трех классах "школы рождения": благоразумие при вступлении в брак, соблюдение здорового и умеренного образа жизни ради блага будущего потомства, забота о беременной матери (70–72). *Гл. 9.* О шести классах "школы младенчества": посвящение новорожденных Богу; кормление материнским молоком; приучение к словам человеческой речи, начиная с полугода, затем обучение стоянию на ногах и ходьбе; забота о том, чтобы чувственное восприятие младенцев не загромождалось ничем суетным, ложным, уродливым, неблагочестивым ввиду исключительной впечатлительности детского ума; обучение младенцев нравам и благочестию через личный пример, рассказы о Боге, краткие молитвы и наставления, по возможности без телесных наказаний, кроме случаев крайнего и вызывающе дерзкого неповиновения; первое обучение азбуке, чтению односложных слов, прекрасным изречениям, символу веры, десяти заповедям, таблице умножения, чтению книжек с картинками (72–86). *Гл. 10.* О шести классах "школы детства": уроки чтения, письма, скорописания и чистописания; рассказы о мире, человеческой душе и Священном писании; изложение этики на примерах постоянства солнца,

возрастания дерева, красоты розы и т.д.; театрализованное и диалогическое изложение истин божественного откровения (всемогущество Бога, могущество и свободная воля человека, боговдохновенность пророков и апостолов); ознакомление с главными библейскими историями; развитие детской сообразительности на загадках и задачах из физики, астрономии, логики, грамматики, Библии, с обучением языкам и музыке (85–97). *Гл. 11.* О шести классах "школы отрочества": грамматика (с обучением языкам), физика, математика, этика, диалектика, риторика (97–103). *Гл. 12.* Школа юности (молодости) охватывает полноту мудрости, добродетели и веры, обзревает весь мир, всю сферу ума, весь объем Писания, во всех своих разбирательствах и доказательствах опирается на неопровержимую и бесспорную Пансофию, делает первые попытки управления семьей, школой, государством. Она состоит из трех частей: академия с классами пансофии, панбиблии и панепистемы; аподемия, т.е. школа странствия, для "проветривания" души, для развлечения и для ознакомления с образами жизни; избрание жизненного дела (103–111). *Гл. 13.* Школа возмужания, или жизненной практики, распространяется на всю деятельную жизнь человека; ее цель – деяния любви, мудрости, добродетели в материальной, общественной и религиозной сферах. Школа в собственном смысле слова (школа-игра) здесь оставлена, нет обязательных учебников и специальных наставников, однако сама профессия человека становится для него школой, чтение и изучение важнейших книг продолжается, человек становится собственным наставником в науке жизни. Жизнь как школа, долг, труд, путь, опасность, комедия, сцена славы – вот предмет постоянного раздумья человека, проходящего через три класса школы жизненной практики: класс избрания жизненного занятия и начала работы, класс упорного труда, борьбы и возрастания в добродетели и достатке, класс приближения к старости и пожинания первых плодов своего труда (111–122). *Гл. 14.* Школа старости, полноты человеческой мудрости, счастливого завершения жизни и блаженного вступления в бессмертную жизнь учит правильно наслаждаться плодами прожитой жизни, правильно проводить остаток дней и правильно завершать земную жизнь, сохраняя до последнего часа жизненные силы и трезвость ума благодаря разумному и воздержному образу жизни (122–129). *Гл. 15.* Школа смерти, являясь последним "классом" школы старости, заслуживает выделения в самостоятельную ступень подобно тому, как в "Пансофии" после перечисления семи миров (от мира возможности до духовного мира) особо выделяется вечный мир (129–130). *Гл. 16.* Благодарение Богу за то, что он показал к Панпедии – расчистке Авгиевых конюшен мира, воспитанию всего человеческого рода, к школе, как живой типографии, запечатляющей премудрость не на бумаге, а в человеческих сердцах (130). Приложение: начальное обучение чтению и письму. Обращение к наставникам первых наук, родителям и педагогам о необходимости воспитывать в человеке образ Божий и о первых шагах обучения письму. Коменский рекомендует вручить начинающим грифельные доски со слегка вырезанными очертаниями букв для удобства их обведения грифелем или по крайней мере с прописью букв прочной красной краской на черном фоне для последующего прорисовывания мелом. После получения первых навыков в рисовании букв следует переходить к письму чернилами в тетради. Дети любят рисовать, поэтому письмо можно преподавать почти одновременно с чтением. Следует вызвать в ребенке любовь к буквам, показать их элементы, затем целые

буквы, потом пригласить писать их в алфавитном порядке и наконец переходить к слогам, словам и простейшим фразам (131–135). Таблица элементов букв (от точек разной формы к овалам), примеры шрифтов, силлабарий, словарь рифмующихся слов (от односложных до многосложных), список простейших изречений, список простейших молитв (136–139). Три диалога между наставником и учеником об искусстве чтения, письма и о более высоких ступенях обучения (139–145).

Часть пятая "Вселенского совета", Панглоттия (всеобщая культура языков). Обращение европейцев к народам, племенам и языкам всего мира о единстве человеческого рода и о необходимости закрепить его взаимным дружеским общением (149–151). Вступление о недостаточности осуществления Панпедии в одной части света и о необходимости преодолеть языковое варварство, найдя способ распространять культуру просвещенных народов на весь мир (153). *Гл. 1.* Различие языков – причина взаимонепонимания и ненависти между народами, дикости большей части света. Множество языков создано как бы дьяволом для того, чтобы препятствовать распространению христианской истины (155–157). *Гл. 2.* Три способа преодолеть "смешение языков": "окультуривание" каждого языка; обучение всех народов нескольким культурным языкам; выработка или изобретение одного простого, ясного и совершенного языка, который нес бы просвещение всем народам. Третий способ самый простой (157). *Гл. 3.* Идея совершенного языка с богатым словарем, ясным и недвусмысленным значением слов, четкой упорядоченностью частей речи. Совершенный язык велик, как сам мир, широк, как ум, и хранит гармоническое согласие между вещами, понятиями и словами (157–158). *Гл. 4.* Панглоттия, приведение всех языков мира к культуре и совершенству и создание всей необходимой панпедической и пансофической письменности на каждом языке. За это дело должны взяться европейские культурные народы. Когда всем языкам будет придан культурный строй, можно будет связать все соседние народы путем издания двуязычных книг, а затем создать универсальный лексикон всех мыслимых букв, слогов и сочетаний слогов с указанием их значения в разных языках (158–162). *Гл. 5.* Полиглоттия, введение наряду с племенными языками нескольких всеобщих культурных языков (таких, как еврейский, греческий, латинский). Последние подлежат некоторому упрощению, и благодаря созданию рациональных учебников и учреждению повсюду филологических и полиглоттических школ на изучение второго (культурного) языка у каждого человека будет уходить не более месяца. Коменский предусматривает также возможность такого усовершенствования языка, при котором сами буквы и слоги будут непосредственно выражать элементы вещей (метафизические первоначала, так что звуки слов, будучи правильно приложены к вещам, сделают предложения самопонятными (162–164). *Гл. 6.* Моноглоттия, введение единого мирового языка. Для этой роли не годится ни один из известных языков: еврейский древен и прост, но груб, шероховат, беден и изобилует омонимами; греческий богат и освящен Новым заветом, но в нем слишком много лексики, нестандартных словообразований и диалектных вариантов; латинский отточеннее других языков и уже известен многим народам, но имеет трудную систему словоизменения и не целен, будучи лишь слепком с греческого; славянский имеет природные основы, удобное словосложение, богат по звуковому составу, но часто неблагозвучен, разбит на множество диалектов, избирает бесчисленными

аномалиями; германский удобнее прочих благодаря краткости и незаимствованности корней и простоте словосложения, но корни его, в отличие от славянского языка, не природны и в смысле его слов много аномалий. Новый, намного более простой, приятный и совершенный язык будет кратким и энергичным носителем премудрости, гармоничным и созвучным пансофии (164–169). *Гл. 7.* Для создания нового языка можно собрать лучшее из старых языков, придав их элементам строй, отвечающий природе вещей. Каждой вещи будет соответствовать одно слово, простой – простое, сложный – сложное; сродные вещи будут обозначаться сходными словами; собственные имена будут тоже по возможности значимыми; названия несуществующих и ненужных вещей будут отброшены; множественное число будет обозначаться удлинением коренного гласного; все склонение и спряжение будет приведено к одному типу. Коменский предлагает ввести идеографическое письмо, но не такое трудное и уродливое, как китайское, а состоящее из простых и очевидных знаков. Для метафизических понятий он предлагает буквенные обозначения, или особые значки (Q – мир, G – часть мира, творение, Z – смерть и т.д.) (169–178). *Гл. 8.* Все словообразование и построение фраз в новом едином языке будет сведено к нескольким простейшим правилам. На основе 200, от силы 300 корней, к которым добавляются стандартные суффиксы, с помощью словосложения будет строиться весь словарный запас языка. Только лень и косность мешает предпринять попытку создания всемирного языка (169–184). *Гл. 9.* Преодоление разноязычия должно идти по всем трем вышеуказанным направлениям: всякий существующий язык следует превращать в инструмент универсальной культуры (панглоттия), всякому человеку должен быть показан легкий путь овладения несколькими языками (полиглоттия), для всего человечества должен быть создан один совершеннейший язык (моноглоттия) (184–186). *Гл. 10.* Радостный монолог человечества, видящего близкую перспективу преодоления "смешения языков", и моление к творцу о даровании всем единого языка (186–188). Приложение: проект нового гармонического языка. В нем 23 буквы и 36 звуков; буквы обозначаются комбинациями точек, линий или кривых. Значением обладают уже буквы (звуки): А – нечто пространное и крупное, И – малое и тонкое, О – округлое, светлое и всеобщее, У – угловатое, темное и ничтожное, Р – жесткое и т.д. Не допускаются слова с произвольным значением; само их звучание должно выражать природу обозначаемой вещи, причем слова с противоположным значением должны иметь по возможности противоположный порядок звуков (если "тоб" – "хороший", то "бот" – "плохой"; если "маг" – большой, то "гим" – маленький и т.д.). Каждый корень имеет обязательно полную и единообразную систему (дерево) производных слов (так, если "мел" – "говорящий", то "амел" – "молчащий", "емел" – "заканчивающийся", "имел" – "мало говорящий, лепечущий", "умел" – "много говорящий, кричащий", "омел" – "говорящий обо всем" и, сходным образом, если "бар" – "езде", то "абар" – "нигде", "обар" – "повсюду" и т.д.) (189–204).

Часть шестая Вселенского совета, Панортосия (всеисправление). Вступление о возможности перейти к созданию "единой махины" человеческого общежития после того как Пансофия озарила мир, Панпедия – умы, а Панглоттия изгнала тьму взаимного непонимания (207–208). *Гл. 1.* Ради своего счастья люди должны избавиться от бесчисленных сомнений и забот и заниматься делами, правильность которых установлена от Бога. Если всем

предшествовавшим попыткам реформировать человеческую жизнь недоставало всеобщности, опоры на простые первоначала и на свободное волеизъявление всех, то, значит, первой задачей должно стать учреждение единства мира, когда, как в искусном часовом механизме, все его части так связаны и переплетены между собой, что каждая на своем месте и в свое время участвует во всеобщем движении. И, как часы измеряют время, источником которого является движение неба, так в мире, подчинившемся гармонии совершенных часов, источником движения будет распространение воли небесного Отца на земную историю. В мире света, согласия и покоя осуществляются все благие обетования Ветхого и Нового заветов (211–215). *Гл. 2.* Всеобщее преобразование мира похоже на мечту и сон, однако оно непременно наступит. История мира подобна драме, которую разыгрывает с сынами человеческими божественная премудрость, а во всякой драме ход действия проясняется и развязка наступает к концу. Кроме того, человек, следуя своей изобретательной и стремящейся к познаниям природе, со временем возрастает искусствами и умениями, восходя к божественному свету (пример умножения библиотек и изобретения типографии). Наконец, не только многочисленные пророчества Писания, но и творения новых (*Августин*, О граде Божием, кн. 20, гл. 7–9) и новейших писателей (*Иоахим Флорский*, *Катерина Сиенская*, особенно *Кампанелла*) свидетельствуют о возможности торжества золотого века на земле, не в грубом сказочном смысле тысячелетнего неслыханного изобилия, а в августиновском смысле тысячелетия как полноты времен, когда на земле восторжествует справедливость (215–230). *Гл. 3.* Всеобщее исправление дел осуществит Христос, но при обязательном сотрудничестве человека, которое, впрочем, не представит слишком большого труда, потому что в мире все уже готово к преобразению. Правда, современная школа, церковь, государственная жизнь представляет собой авгиевы конюшни, вычистить многослойную грязь которых не под силу человеку; и все же, как Геракл смог расчистить конюшни, направив в них воды реки Алфея – т.е. чего-то изначального, от "альфа", первая буква алфавита, – так очистительные воды прольются и на нашу грязь, если мы тоже обратимся к незамутненным источникам философских учений, религии и политической мудрости: эти источники – небесного происхождения, и чтобы они излились всей силой, достаточно лишь устранить преграду нашей темноты и косности, объединить все ручьи знания в один поток и с помощью панпедии и панглоттии омыть и очистить все закоулки мира (230–240). *Гл. 4.* Исправление мира способны начать только христиане, потому что только среди них расцветают науки и искусства, учреждено разумное богочитание и известны законы истинного гражданствования (240–241). *Гл. 5.* Толкование идеи исправления как такового (что такое исправление, каковы его субъект и объект и т.д.) (242–247). *Гл. 6.* Призыв преодолеть главную помеху всеобщего исправления, душевную косность, беззаботность, порожденные ленью ума предрассудки, упрямство и слепое рвение (247–249). *Гл. 7.* О преодолении безрассудного и дерзкого отношения к божеству (249–251). *Гл. 8.* О прекращении бесчеловечности: раздора, ненависти, вражды. Путь возвращения к человечности через всеобщую "амнистию", т.е. взаимное прощение друг другу обид и нанесенного вреда, через терпимость и через примирение. Любовь должна пересилить чувство бесполезной мести. Сознание слабости и непостоянства человеческой природы и пример божьего долготерпения – основа взаимной терпимости,

особенно важной в отношениях между искателями истины, служителями Бога и власть имущими. Терпимость возможна даже по отношению к явно заблуждающим, потому что мудрец умеет учиться даже на глупости. Примеры смягчения и примирения крайних взглядов: в споре об исхождении Святого Духа можно сойтись на том, что он исходит от Отца через Сына, ибо источник всего в Боге должен быть единым, однако поскольку Отец и Сын едины, Дух принадлежит им обоим, будучи единым с ними; в вопросе о том, являются ли будущие события следствием божественного предзнания или же божественное предзнание является следствием открытости будущего Богу как всевременному существу, можно сойтись на том, что, поскольку для Бога нет прошлого и будущего и для него все присутствует сразу, божественное провидение определило будущее так, что заранее видело его; в вопросе об оправдании верой или делами можно сойтись на оправдании тем и другим, но не так, что отчасти оправдываемся верой, отчасти делами, а так, что то и другое является необходимым условием для нашего оправдания; в споре о пресуществлении евхаристических хлеба и вина можно сойтись на том, что при наличии веры Бог сам найдет возможность совершить пресуществление, и доискиваться до образа его действий нечестиво, а называть, чем являются хлеб и вино по отношению к божественной плоти и крови, можно по-разному (образом, типом), лишь бы не представлять все в виде "голых знаков"; в споре о возрасте крещения можно сойтись на необходимости избегать и крайностей позднего крещения (как в случае Константина Великого), и крайностей слишком раннего крещения не понимающих смысла младенцев, остановившись на обряде конфирмации в юном, но сознательном возрасте (251–266).

Гл. 9. О преодолении безрассудного, слепого, насильственного обращения с вещами (озверелой тупости, отчаявшегося безразличия и губительной неопытности) путем постепенного упражнения чувств и обращения к самым вещам, вместо мнений о вещах. Экскурс об искусственном, ребяческом характере античной (греческой) философии (266–269).

Гл. 10. Вся философия, религия и полития должны быть воссозданы совершенно заново, но по прадревним идеям божественной премудрости. Условия возрождения: полное очищение желанного блага от всякой примеси зла; полное устранение малейших причин смещения и беспорядка; полный отказ от принуждения и восстановление нестесненной свободы воли, познавшей свое благо; универсализм во всем; полное отсечение всего произвольного и случайного, сосредоточенность на "едином необходимом" (ср. одноименное сочинение Коменского); повсюду в мире должны быть очаги обновленной жизни – кафедра истины, алтарь единой религии, справедливый суд; полное изгнание призраков, химер, видимостей, для чего всякая теория должна иметь подкрепляющую ее практику; обеспечение и достоверность во всем (269–280).

Гл. 11. Новая всеобщая философия будет состоять, во-первых, из всеобщей истории, естественной истории, истории искусств и истории нравственности; во-вторых, из упорядоченной системы всеобщих понятий, с описанием человеческих "инстинктов" (душевных движений) и способностей; в-третьих, из свода всех имеющихся в мире боговдохновенных писаний в точных переводах и с указателями. Философия будет отталкиваться от наблюдения бытия и продвигаться путем бесспорных ("математических") доказательств. Вместе с тем даже эта новая христианская философия, которая, в отличие от перипатетической, не будет углубляться в далекие от жизни мелочи, останется

лишь частью пансофии (глава не дописана) (280–285). *Гл. 12.* Новая полития приведет все народы земли к согласию и устранил самые причины войн, сделав верховным законом "Не делай другому то, чего не хочешь, чтобы делали тебе, и делай то, чего хотел бы себе". Образом правления обновленного мира будет сочетание аристократии, демократии и монархии (285–288). *Гл. 13.* Новая поистине кафолическая религия охватит собой всю полноту божественных откровений, повелений и обетований; она просветит все народы земли. Ее новизна не будет противоречить возврату к древнейшей религии, которую Бог внушил некогда патриархам, и к истинно понятым откровениям Нового завета. Немногочисленность догматов, простота обрядов, не препятствующий свободе порядок, полнота и истинность во всем сделают ее орудием учреждения царства Божия на земле через веру, любовь и надежду (288–294). *Гл. 14.* Новый всеобщий язык возвратит на земле прежнее райское единство общения и поможет быстрее распространить среди всех народов разумные познания, человеческие нравы и настроения (294–297). *Гл. 15.* Учреждение трех высших судилищ, или трибуналов, закрепит новый счастливый порядок вещей. Это – Коллегия света, проводник божественного просвещения; Консистерия святости, хранительница религии; Судилище мира, блюститель справедливости. Все три инстанции будут вполне единодушны (297–300). *Гл. 16.* Коллегия света, светильник мира, направит свое внимание на саму себя как собрание служителей света, на подлежащий распространению свет, на школы как мастерские просвещения, на школьных наставников как носителей света, на методы обучения, на книги, на типографии, на новый язык, на две другие высшие инстанции как на помощников в распространении просвещения и, наконец, на источник просвещения, Иисуса Христа (300–303). *Гл. 17.* Судилище мира будет следить за соблюдением всеми людьми благоразумия в управлении собой, сохраняя человеческое общество и все его отправление. Все земные государи подчинятся этому судилищу, так чтобы высшее господство в мире не принадлежало ни одному человеку, кроме Христа, "нового Адама" (304–306). *Гл. 18.* Экуменическая консистерия, или Синедрион земли, восстановит первоизданную чистоту мира (устранив, в частности, элементы язычества, наводнившие Церковь при Константине) и будет просвещать верных гармоническим разъяснением Писаний. Обращение лицемеров, неверных, еретиков, раскольников будет совершаться никоим образом не силой, а, наоборот, проявлением благосклонной человечности и искусства убеждения (306–310). *Гл. 19.* Напоминание о необходимости универсального подхода ("всё – все – всесторонне") к преобразению мира, с советами действовать благоразумно, серьезно, упорядоченно, настойчиво (310–314). *Гл. 20.* Всякое преобразование мира человек должен начинать с самого себя, преодолев обычное людское пренебрежение к своему истинному благу. Постоянное внимание к себе, следование во всем поведению высокому образу, память о "едином необходимом" (блаженстве как цели земной жизни) – способы самоисправления. Как несчастен не преобразивший себя! Зато в преобразенном зримо сияет образ Божий (314–318). *Гл. 21.* После себя необходимо приниматься за исправление, упорядочение семьи, близких и домашних (каждый дом должен стать как бы школой, с беседами отца семейства за обеденным столом, утренним пением, чтением Писаний; как бы малой церковью; как бы государством со своим правителем, судьей, гражданами). Коменский реко-

мендует заводить в семьях письменные "законодательства" наподобие того, которое он сам ввел для своих домашних ("пусть всякий в чистом сердце чтит Бога", "всякий относись к другому со вниманием", "из дома без причины и без разрешения старшего никто не выходи" и др.). В благополучной семье обитает добродетель, согласие и любовь Божия (318–321). Гл. 22. После устроения семьи исправление общества необходимо начать с заботы о школах. Они не для похвальбы ученостью, не для подготовки к занятию выгодных местечек, не для тонкого наслаждения словесностью и науками, а для воспитания молодого народа в духе веры и гражданственности. Хорошие книги, упрощенный и приближенный к вещам метод обучения, строгая дисциплина нравов, признание высшего авторитета только за Христом – вот способы борьбы против извращения школы. Экскурс о школьных книгах: языческих древних авторов надо изъять (кроме избранных изречений), потому что они писали не для детей, обращались не к нашему веку, для их чтения потребны особые занятия латинским языком, для их понимания требуется знание мелких подробностей современной им истории, а главное, они отвлекают от христианства; книги христианских авторов, выражающие слишком частное мнение их создателей, следует тоже изъять, оставив лишь "одни божественные воды, изливающиеся из Божьего источника", и лучшие книги с реальным, поучительным содержанием (исторические изложения, избранные мысли и др.). (322–330). Гл. 23. Реформированная церковь должна уподобиться школе с тремя классами: детей и необразованных простецов (начинающие), изучающих Писание (продвинувшихся) и сердечно усвоивших таинства веры (совершенные). Как в школах, так и в церкви надо отменить словесные состязания и диспуты, чтобы никто не говорил только от своего личного имени, чтобы все говорилось ради общей пользы и чтобы во всем царило не холодное любопытство, а стремление к поистине божественной жизни. Вместо диспутов пусть будут мирные собеседования и наблюдения силы Святого Духа. Ничто не мешает расписывать храмы орнаментом и символическими изображениями таинств веры, хотя, поскольку живописные изображения отвлекают, они допустимы для детей и в частных храмах, но не в общественных; а изображения невидимого божества, которое изображает только само себя своими деяниями в мире и церкви, вообще недопустимы. Ради большей вместимости архитектура храмов должна быть круглой или восьмигранной. В храмах допустимо пение не только псалмов, но и всевозможных, в том числе новоизобретенных духовных песен. Поскольку "всякое дыхание должно хвалить Господа", в храмах, помимо человеческого голоса, должны звучать и органы, и трубы, и всевозможные музыкальные инструменты, ради большего воспламенения любви в сердцах: "Прочь предрассудки! Прочь суровая мрачность!" Имущество Церкви либо отменяется, либо направляется на пользу бедных, нуждающихся и пришельцев. Монастырям Коменский уделяет роль школ, распространителей книжного просвещения и мест воспитания в духе благочестия и мудрости будущих государственных деятелей (330–349). Гл. 24. Реформа государства имеет первой целью отмену войн и разоружение; оружие можно сохранить разве что против диких зверей, а метательные снаряды можно перелить на колокола. Отменяются также массовые убийства и религиозные распри. Новое государство не потерпит обмана и насилия в судах, праздности среди своих граждан ("кто не хочет работать, да не ест"), порнографических изображений, похотливых и грязных песен, выдуманных

историй (наподобие "Амадиса Галльского"), трактиров и игорных домов, ростовщиков, монополий и олигополий. Однако мало устранить зло, если не заменить его позитивными, добрыми порядками, общественным миром, согласием и благочестием. Философы, политики, богословы реформированного государства постараются о том, чтобы храмы были не только местами богопочитания, но и приютами для сирот, бедных, стариков, больницами для недужных; чтобы повсюду были воздвигнуты школы для всех; чтобы в жизни семей и малых общин воцарилась дисциплина, хотя и не обязательно сразу лишать нарушителей ее жизни, а необходимо перевоспитывать их; чтобы по всей стране для облегчения более благоразумного пользования временем были установлены солнечные или автоматические часы; чтобы молодежь имела возможность странствовать по чужим землям, но не превращалась в бродяг, а возвращалась домой и делалась полезными гражданами и т.д. Холостяцкое состояние недопустимо: все способные должны вступать в брак и растить детей. Законы должны быть полными, всем доступными, судьи – свободными от каких-либо страстей, внимательными, нелицеприятными (349–360). *Гл. 25.* Экуменические советы, собрания епископов всех христианских земель станут инстанцией примирения всех религиозных споров (360–371). *Гл. 26.* Коменский рисует образ лучшего мира: истинная философия явит основания всех вещей, так что ни в малом, ни в большом не останется ничего неизвестного ("Ибо нет ничего тайного, что не сделалось бы явным", Лук 8, 17); завеса спадет с глаз всех народов и все просветится истинным божественным светом; все царства мира подчинятся царю Христу и вместо дьявольского принципа "Разделяй и властвуй" утвердится другой: "Объединяй и царствуй". После шести тысяч лет труда, страданий, войн, убийств начнется Суббота, седьмая эпоха мира, тысячелетие (которое можно понимать символически как полноту времен) счастливого покоя, предшествующее наступлению блаженной вечности. Всякая тварь возрадуется освобождению от рабства и суеты, и начнется непрекращающийся праздник. Если это сон и мечта, но лучше как мечтать, чем гибнуть в поисках мирского греховного и ненадежного счастья; а кроме того, лишь стремление к бесконечному и вечному способно утолить жажду человеческого ума (372–376). *Гл. 27.* В связи с приблизившимся или приближающимся блаженным состоянием мира – хвалебный гимн "Учителю учителей, Царю славы, Государю мира, Отцу всех" (376–378).

Часть седьмая Вселенского совета, Паннунтесия (всепоощрение). Предисловие о необходимости подстегнуть увидевших свою задачу людей к началу всеобщего исправления (381–382). *Гл. 1.* Мало наблюдать болезнь, надо начать действовать – осторожно, настойчиво и без упущений (385–387). *Гл. 2.* Ответы на возражения сомневающихся: пускай до сих пор мы имели дело лишь с идеями исправления, но идея, замысел есть сильнейшая деятельная сила; пусть даже эти идеи пока еще несовершенны, но человек не Бог, он продвигается медленными шагами, и Альберт Великий потратил 30 лет на создание говорящей человеческим голосом статуи, а искусство книгопечатания, изобретенное то ли в 1440, то в 1450 г. Фаустом, Гутенбергом, Лаврентием из Гарлема или Янсонием Галлом, потребовало нескольких десятилетий для своего усовершенствования; пускай для своего преобразования мир должен переродиться, но так или иначе "вся тварь совокупно стонает и мучится родами" (Рим 8, 22), и значит мир неизбежно должен возродиться в муках,

подобно тому как невозможно задержать возрастание плода в материнском чреве (387–390). *Гл. 3.* Писание зовет нас начать исправление, свое и мира, скоро, мощно, благочестиво (390–392). *Гл. 4.* Автор начинает увещание с самого себя, пересиливая в себе самом сомнения и колебания и вознося моления о божественной помощи (392–396). *Гл. 5.* Автор обращается с увещанием к христианам как наиболее жаждущим оздоровления мира. Они могут содействовать делу всеобщего преобразования, сердечно возжелав о нем, молясь о нем, мирно беседуя о нем, начав преобразовать самих себя, отказавшись от вражды, взаимно примирившись, ведя безупречную жизнь, подавая всем пример, не отступая от принятого намерения (396–400). *Гл. 6.* Автор поощряет к работе исправления ученых, церковные и мирские власти (400–405). *Гл. 7.* Особое обращение к "мужам света, мудрым и образованным". Они ищут философского камня, квадратуры круга, вечного двигателя, однако им предстоит дело более великое. Прежде всего от них требуется помощь в тщательной проверке "Вселенского совета"; и пусть они подробно разберут его, будучи благосклонными к сочинителю, но суровыми к сочинению. Впрочем, независимо от достоинств "Вселенского совета", ученые должны последовать примеру автора: по мере сил распространять свет, совершенствовать книги, улучшать школы, просвещать народы, и делать все это смиренно, щедро, скоро, мужественно, единодушно, мирно (405–411). *Гл. 8.* Обращение к людям церкви с призывом отбросить любовь к себе, оставить предрассудки, отказаться от упрямства и взаимных осуждений, начать дело преобразования с самих себя (411–417). *Гл. 9.* Призыв к мирским властям не противодействовать "Вселенскому совету", не давать никому чинить препятствия исправлению человеческих дел, и больше того, самим на деле приняться за него – опять же начиная с самих себя. Если власть имущие не хотят прислушиваться к мирным советам, то пусть подумают о том, что приближается последний день мира, когда сгорят в огне небо и земля вместе со всеми их арсеналами, укрепленными замками и орудиями войны; так не лучше ли уже сейчас привести все на земле в согласие с вечными строем? (417–421). *Гл. 10.* Увещание к насмешникам, циникам, софистам, богохульникам и тиранам, мирским мудрецам, псевдобогословам; напрасно бороться против Божьих замыслов, глупо строить на песке; время тиранов прошло, победил Галилеянин, и ангел уже призвал небесных птиц "пожрать трупы царей, трупы сильных, трупы тысяченачальников" (Откр 19, 18) (421–425). *Гл. 11.* Обращение к героям, исправителям мира: к героям науки и знания, которые воссоединят и очистят истину, усовершенствуют "Вселенский совет" (ибо одному человеку такой труд не под силу), опрокинут все заблуждения; к героям Церкви, которые вооружатся огнем Божией ревности; к героям политики, которые проложат пути для грядущего века. Образы античных героев (425–431). *Гл. 12.* Особое обращение к европейцам, и прежде всего к государствам и республикам севера Европы. Их мореплавателям открыты все края мира, на их землях процветает изучение языков и философии, они знакомы с политической мудростью, им ведомы разнообразие науки и искусства; почему же не поспешить поделиться с другими своим благом? Некогда Коменский хотел посвятить свой труд государям североевропейских стран; позднее войны между ними и внутренние междоусобицы заставили его отказаться от этого намерения, и все же он продолжает ожидать от Севера гибели для "мирского

Вавилона" и инициативы в деле созыва Экуменического совета (431–434). Гл. 13. "Увещательное слово" к Экуменическому совету. Составленный из выдающихся представителей власти, церкви и науки, он явится живым образом небесного совета и началом нового, лучшего мира (глава не дописана) (434–436).

"Книга книг, карманная библиотека, или Реальный пансофический лексикон". Предупреждение автора. Лексикон дает понятия всех вещей, о которых говорит "Пансофия". Он служит объединению всех отраслей пансофического знания в некую целость, связанную единой системой. Лексикон следует "Великому искусству" Раймунда Луллия в своем методе упорядоченного выведения производных понятий из основных. В лексиконе собирается параллелизм трех областей: бытия (реальных вещей), мысли (понятий) и языка (слов, обозначений). При его построении применяется синтез (синтетически выводятся определения, структуры, аксиомы), анализ (подразделение родов на виды) и синкретизм (принцип параллелизма) (441–447). Собственно словарь (незавершен: большинство слов оставлено без толкований) (449–681).

Благоразумие (prudentia) – (1) умение заботиться о будущем, (2) навык правильно вести себя в сомнительных обстоятельствах (т.е. выбирать полезное и беречься от зла). Состоит из трех частей: (1) понимание цели и предвидение исхода, (2) отыскание средств для достижения цели, (3) умение их использовать.

Восприятие (perceptio) – претерпевание, вызванное в одной вещи прикосновением другой; совершаясь телесно, оно называется ощущением, душевно – познанием. Таким образом, здесь сходятся (1) действующий объект, (2) претерпевающий субъект, (3) взаимодействие обоих.

Воля (voluntas) – способность разумной души обращаться к вещам, в которых наш разум увидел добро, и отвращаться от зла. Состоит из (1) наклонности к добру, (2) факта выбора, причем (3) свободного, не вынужденного. Заметь: свобода – одной сущности с волей, ведь воля перестает быть волей, если воление недобровольно. *Аксиомы.* Воле присуще хотеть. Воле присуще хотеть только добра, будь оно действительным или мнимым. Воля не меняется в зависимости от предмета, даже когда речь идет о противоположностях (потому что хотеть в случае хотения и не хотеть в случае нехотения – дело одной и той же способности). К большому благу воля стремится больше; к малому – меньше; к настоящему ее стремление настоятельней; к отсутствующему – слабей; истинное добро предпочитают кажущемуся. Цельность воли сохраняется укреплением намерения продолжать начатое.

Воображение (imaginatio) – способ схватывать в душе образы вещей или существующих, или возможных, или желательных, или устрашающих. *Аксиомы.* Воображение разрастается до бесконечности. Образ не переходит в бытие, а остается в нашем уме, поскольку мы – не творцы вещей.

Государство (respublica) – сообщество свободного народа, соединенного узами законов и стремящегося к общему благу.

Гуманность (humanitas) – стремление никогда не оскорблять людей, а скорее во всем быть им полезным. При исполнении этого правила в душе его называют расположением, честностью, невинностью, в обращении – при-

ветливостью, в речи – любезностью, в деле – услужливостью. *Аксиома*. Гуманность уместна для всех, хотя бы потому, что все – люди и с людьми вступают в отношения.

Знание (scientia) – достоверная осведомленность о достоверной вещи. Его недостатков – сомнения или незнание, его кажущееся присутствие – мнение, его противоположность – ошибка. Состоит из (1) истины вещи, (2) ее истинного впечатления в душе, (3) достоверного ощущения ее истинности, при котором знающий знает, что он знает. Первая истина – от вещей, вторая – от органов чувств, от разума, от убедительных доказательств, третья – от их надлежащего подтверждения. *Аксиомы*. Знание есть знание, что знаешь, т.е. что твое знание истинно и безошибочно; такое знание может быть только обоснованным. Мудрому присуще желание знать постижимое и не знать непостижимого. Достоверное знание, что такие-то вещи там-то не могут быть достоверно познаны – добрая часть знания. Знание – не мнение, а именно знание. Лучше знать, чем держать на веру. Чем больше твердых оснований для знания, тем оно прочнее. Поскольку знание есть обоснованное знание, совершенное знание какой-либо вещи есть проникновение в ее причины, причем (1) все, (2) во всем, т.е. в целом и в частностях, и (3) всецело: истинно, надежно, реально.

Искусство (ars) – умение обращаться с вещами и с природой вещей, или разумом и опытом приобретенная способность действовать, направляющая произвольное действие. *Аксиомы*. Искусство подражает природе. Искусство совершенствует природу, а не извращает ее. Искусство против природы бессильно. Искусство может сделать то, что допускает природа. Искусство, не следующее природе, больше вредит, чем помогает. Сколько человеческих занятий, столько искусств (следовательно, без числа).

Истина (veritas) – соотношение вещей своему началу, или сущности вещи – самой вещи (соотношение вещи с идеей, мысли с вещью, слова с мыслью). Истина всех вещей вытекает из единства: оно порождает из себя благо. В самом деле, что-либо существующее истинно когда-то, где-то, настолько-то, и то, что истинно, является таким-то и таким-то: в силу этого оно действует, или претерпевает, или приводит что-либо в порядок, или приносит пользу, или удовольствие. Истина состоит (1) из того, с того, с чем соотнобразуются, (2) из того, что соотнобразуется, (3) из действия соотнобразования. *Аксиомы*. Истина какой-либо вещи, существуя, является ее сущностью. Сколько сущности, столько и истины. Все существующее существует постольку, поскольку истинно. Истина сама учит себе, сама судит. Истину надо всего больше искать там, где ее всего больше. Истинному охотней веришь.

Логика (logica) – искусство мыслить. Заметь: логика, какой учат в школах, собственно говоря, есть просто некая диалектика, которая учит способу выражать уже известное и бесполезное и болтать о неизвестном. *Вопрос*. Чем отличается метафизика от логики? *Ответ*. Метафизика есть, собственно, врожденный свет ума, несущий в себе и являющий собою число, меру и вес, согласно которым устроено все в мире. Истинная логика – руководство ума, искусство, приобретенное с помощью метафизического света мысли или наблюдений, прилагать к вещам эти абстрактные формы числа, меры и веса, чтобы можно было исследовать все, что скрыто в вещах, упорядочивать все беспорядочное или неправильное, прояснять все неопределенное и устанавливать все в его истине.

Метод (methodus). Слово "метод" страдает у тех, у кого оно возникло (у греков), двусмысленностью: оно означает искусную уловку в злых или добрых целях и равносильно в первом случае коварству, обману, интриге, во втором – стратегии. Но в особенном значении (оно уже стало самым употребительным) метод – пособие для преподавания, позволяющее учить и учиться быстрее, легче и надежней. *Аксиомы*. Метод служит предмету, не предмет методу. Синтетический метод помогает строить вещи, аналитический – их познавать, синкритический – то и другое.

Мудрость (sapientia) – умный свет души, в котором и с помощью которого мы созерцаем основания вещей. Ее модусы: природный свет – философия (Рим 1, 20), свет божественного откровенного откровения – теология (2 Кор 2, 6–7), свет совести – целомудрие (Иов 28, 28). Вершина мудрости – во всем смотреть, (1) что должно быть сделано, (2) какими средствами, (3) каким способом. При начале каждого дела хорошо обдумай цель: посмотри, какими средствами ты мог бы достичь этой цели; наконец, удостоверься в способе хорошо использовать средства. Если умеешь все это – ты уже мудр и будешь счастлив.

Мышление (cogitatio) – рассмотрение вещей в уме. Следовательно, здесь нужны, как и при внешнем рассмотрении, (1) внутреннее око, ум (2) какая-нибудь вещь, предмет, (3) свет, т.е. внутреннее ощущение, – сила воображения, представляющая уму то, что надлежит осмыслить. Как ночью внешнее видение не состоится из-за отсутствия света, так во сне или в обмороке мышления нет из-за отсутствия ощущений. Модусы мышления: (1) в присутствии вещи, ощущаемой внешним или внутренним чувством; (2) в отсутствии вещи, когда память возвращает ее воображению, причем здесь опять же два случая: при бодрствовании общего чувства – воспоминание, во сне – сновидение; (3) придумывание совершенно новой вещи, никогда не воспринимавшейся чувствами. *Аксиомы*. (1) Где ум, там какое-нибудь мышление. (2) Опять же, где мышление, там что-нибудь, о чем мыслят. (3) Во всякой мысли есть движение от одного к другому. (4) Все, что можно разумно помыслить, существует в вещах (Панавгия, V, 8).

Незнание (ignorantia) – недостаток знания в душе. Здесь три части: (1) ум, (2) знания, (3) недостаток, или отсутствие. *Аксиома*. Вещи суть то, что они суть, даже если не постигаются, как солнце есть солнце, даже если слепой его не видит. Есть незнание вредное и грубое, не понимающее даже вопроса; другое – знающее незнание, осведомленность человека о собственном незнании и о причинах, из которых оно вытекает. *Аксиома*. Незнание лучше мнимого знания. Незнание своего незнания делает безрассудным, дерзким, самонадеянным; сознание незнания – жаждущим знания, а здесь начало мудрости.

Опыт (experientia) – познание вещей собственными чувствами. Для этого нужны (1) чувственно ощущаемые вещи, (2) чувства, (3) внимание и старание, продолжающиеся вплоть до достижения полной достоверности, т.е. тщательная проверка. *Аксиомы*. Никто без опыта не знает вещи достаточно. Опыт требует частого повторения. Опыт – медленный путь к знанию, зато верный, если он не слепой. Опыт многих, приобретенный одинаковыми или разными способами, надежней. Однократному опыту доверяться нельзя. В свете опыта многое оказывается невероятным. Горький опыт хорошо учит

(его назначение – достоверность знания). По распространенной поговорке ("Глупый учится задним умом") выходит, что опыт – удел недалеких, однако он путь к мудрости ("Не испытав, что человек знает?" – говорит Сирах). Но безрассудный и неблагоразумный опыт – действительно глупое дело.

Память (memoria) – способность души, вызывающая былое в воображении и снова предлагающая его для размышления. Требования к памяти: (1) легкое схватывание, (2) прочное удержание, (3) скорое воспроизведение.

Понимание (intellectus) – познание, какова внутренне вещь, воспринятая чувствами извне; это высшая способность души, выдающая в ясном свете вещи, хорошо познанные рассуждением. Здесь совпадают: (1) вещь, замкнутая в себе, (2) вещь, раскрытая рассуждением, (3) ясный свет познания, без обманчивых представлений. *Аксиомы*. Понимание никогда не обманывает, если не было ошибки в предпосылках. Чего не может понять понимание, того не может создать природа вещей, – например, тело без места.

Речь (sermo) – явственное изображение вещей (отсутствующих или как бы отсутствующих) голосом, жестами (как делают немые или актеры) или письменными знаками. Для этого нужны (1) некое ощущение, которое один ум должен передать другому, (2) внешние знаки, замещающие представления мысли, (3) взаимопонимание, благодаря которому знаки воспринимаются в том же смысле, в каком передаются. *Аксиома*. Речь без мысли не речь, а личина речи: речь есть не что иное как образ мысли. Модусы: жест – чувственный, звук – слышимый, письмо – зримый. Речь бывает (1) прозаическая, свободно текущая, (2) связанная ритмом или размером, (3) модулированная пением.

Синкрисис (syncrisis) – деятельность мысленного сопоставления вещи с вещью (Панавгия IX, 15). Синкрисис трояк: (1) редукция, при которой вещь сопоставляется со своим началом (идеей), (2) дедукция, при которой вещь сопоставляется со смежными вещами (с другими воплощениями идей), (3) дидукция (diduction), при которой вещь сравнивается со своими частями или видами. Здесь раскрывается бездна для размышления: ведь все можно сравнивать со всем. Для синкрисиса нужны (1) какая-нибудь вещь, (2) другая вещь (похожая на первую, или от нее отличающаяся, или ей противоположная), (3) их взаимосопоставление. Синкритический метод – это сосредоточение ума на всеобъемлющем, увлекательном и надежном познании, доказательстве и упорядочении одних вещей при помощи других. В самом деле, (1) таким путем удастся освоить всего больше вещей, поскольку подобные вещи имеют подобное основание; (2) познание гармонии вещей в самостоятельном исследовании приносит нам высочайшее наслаждение; (3) синкритический метод, будучи хорошо поставлен, надежным путем дает полное познание, ясное подтверждение и неопровержимое доказательство истин. Это ключ к тайнам, подлинно нить Ариадны и указание, как пройти через все лабиринты и выбраться из них.

Синтез (synthesis) – составление частей в целое. Здесь необходимо знать, (1) какие части нужны для получения такого целого, (2) по какому порядку их надо расположить в одно целое, чтобы они не мешали, а помогали друг другу, (3) какими связями и какой силой их надо связать, чтобы при смещении одной вещи смещались все. Путь осуществления этого – (1) усмотрение идеи в мысли, (2) разработка ее в предварении, в зачаточной форме, (3) осуществление ее в реальном действии.

Учитель (doctor) – тот, кто умеет, хочет и может привить ученику свое

учение. Требования: (1) задача учителя учить истине, (2) учить ясно, (3) учить мудро. Истина, о которой никто ничего не знает, бесполезна, туманная истина мало полезна, не имеющая надежного доказательства – сомнительно полезна, потому что не защищена от ошибок. *Аксиомы*. Кто не учит, напрасно имеет знания (как напрасен свет, который ничего не освещает, ведь задача света – освещение). Учит плохо, кто учит неясно (как тусклый свет). Мало научит, кто не приводит надежных доказательств.

Учить (docere) – делать так, чтобы известное кому-то одному узнал и другой. Здесь нужны три стороны: (1) обучаемый, ученик (который 1. способен учиться и 2. жаждет до учения), (2) обучающий – учитель, который должен уметь, мочь и хотеть учить, (3) способ преподавания учения, куда входят примеры, правила, упражнения.

Учиться (discere) – стараться узнать, чего не знаешь, или постигать какую-нибудь неизвестную вещь при помощи вещи известной. В изучении участвуют три стороны: (1) неизвестная вещь, (2) жажда познать эту вещь, (3) средство, путем которого мы достигаем познания, а именно что-либо известное. Изучение – некое движение, при котором что-то движущееся и покоившееся начинает двигаться от данного предела к другому, отдаленному. Заметь: то, что было с самого начала известно, называют исходной точкой познания. *Аксиомы*. Что нам не неизвестно, тому мы и не учимся (см. "Новейший метод языков", гл. X, 9). Учиться легче, чем отучиваться. Все, чему мы учимся, должно быть (1) единым (будь это что-нибудь короткое или длящееся), (2) истинным (истинно наполняющим чувства), (3) добрым (радостным или полезным).

Философия (philosophia) – (1) любовь к мудрости; (2) изучение той мудрости, при помощи которой человек может достичь совершенного познания вещей, доступных познанию, и, овладев им, пользоваться полученным знанием для сохранения жизни и здоровья; (3) в особом значении – умственное изучение причин в вещах; (4) отсюда – раздумья человеческого ума над книгой природы. *Аксиома*. Философии поможет достичь совершенства теология.

Школа (schola) – (1) собрание учащихся и учащихся полезным вещам. (2) Отсюда школа – это место, где люди должны приобщаться к свету мудрости. Виды школ: академия и гимназия. Школа складывается из учащихся, преподавателей и их работы.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Д. И. Чижевский</i>	5
ЯН АМОС КОМЕНСКИЙ И ЗАПАДНАЯ ФИЛОСОФИЯ	5
ЛАБИРИНТ СВЕТА И РАЙ СЕРДЦА	13

К читателю (с. 15). *Глава I.* О причинах путешествия в свет (с. 17). *Глава II.* Путешественник достал в проводники Вездесуща (с. 17). *Глава III.* Обман навязался в товарищи (с. 19). *Глава IV.* Путешественник получил узду и очки (с. 20). *Глава V.* Путешественник смотрит на свет с высоты (с. 21). *Глава VI.* Судьба распределяет занятия (с. 22). *Глава VII.* Путешественник осматривает площадь света (с. 29). *Глава VIII.* Путешественник обозревает состояние и порядки женатых (с. 29). *Глава IX.* Путешественник обозревает положение ремесленников (с. 33). *Глава X.* Путешественник обозревает сословие ученых, прежде всего вообще (с. 39). *Глава XI.* Путешественник является к философам (с. 45). *Глава XII.* Путешественник обозревает алхимию (с. 52). *Глава XIII.* Путешественник смотрит на розенкрейцеров (с. 53). *Глава XIV.* Путешественник обозревает медицину (с. 56). *Глава XV.* Путешественник обозревает юриспруденцию (с. 56). *Глава XVI.* Путешественник смотрит на утверждение в звании магистров и докторов (с. 57). *Глава XVII.* Путешественник обозревает сословие служителей веры (с. 58). *Глава XVIII.* Путешественник обозревает религию христиан (с. 60). *Глава XIX.* Путешественник обозревает сословие правителей (с. 67). *Глава XX.* Сословие солдат (с. 71). *Глава XXI.* Сословие рыцарское (с. 74). *Глава XXII.* Путешественник очутился среди журналистов (с. 75). *Глава XXIII.* Путешественник обозревает замок Фортуны, и прежде всего вход в него (с. 77). *Глава XXIV.* Путешественник обозревает нравы богачей (с. 78). *Глава XXV.* Нравы людей, пребывающих в светской роскоши (с. 79). *Глава XXVI.* Нравы высших мира (с. 82). *Глава XXVII.* Слава знаменитых в свете (с. 83). *Глава XXVIII.* Путешественник начинает отчаиваться и спорить со своими проводниками (с. 85). *Глава XXIX.* Путешественник осматривает замок королевы света, Мудрости (с. 87). *Глава XXX.* Путешественник обвинен в замке Мудрости (с. 88). *Глава XXXI.* Соломон с громадной свитой пришел в замок Мудрости (с. 90). *Глава XXXII.* Путешественник осматривает тайные судилища и управление света

(с. 91). *Глава XXXIII.* Соломон разоблачает суету и прельщение света (с. 97). *Глава XXXIV.* Соломон обманут и соблазнен (с. 98). *Глава XXXV.* Соломоново товарищество распалось, взято под стражу и ужасной смертью изгнано со света (с. 99). *Глава XXXVI.* Путешественник хочет убежать со света (с. 100). *Глава XXXVII.* Путешественник попал домой (с. 101). *Глава XXXVIII.* Путешественник принял Христа в качестве гостя (с. 102). *Глава XXXIX.* Обоюдный их договор (с. 103). *Глава XL.* Путешественник словно преобразился (с. 107). *Глава XLI.* Путешественник отослан в невидимую церковь (с. 107). *Глава XLII.* Свет внутренних христиан (с. 107). *Глава XLIII.* Свобода преданных Богу сердец (с. 111). *Глава XLIV.* Порядок внутренних христиан (с. 113). *Глава XLV.* Для сердечно преданных Богу все легко и возможно (с. 115). *Глава XLVI.* Святые имеют изобилие всего (с. 117). *Глава XLVII.* Беззаботность преданных Богу людей (с. 118). *Глава XLVIII.* Благочестивые имеют покой повсюду (с. 119). *Глава XLIX.* Благочестивые имеют постоянную радость в сердце (с. 122). *Глава L.* Путешественник обозревает христиан по их сословиям (с. 123). *Глава LI.* Смерть истинных христиан (с. 125). *Глава LII.* Путешественник видит славу Божию (с. 125). *Глава LIII.* Путешественник принят в домочадцы Божьи (с. 126). *Глава LIV.* Заключение (с. 126).

ПРЕДВЕСТНИК ВСЕОБЩЕЙ МУДРОСТИ	129
ВСЕЛЕНСКИЙ СОВЕТ ОБ ИСПРАВЛЕНИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ДЕЛ	177
Светочи Европы	179
Панегерсия	197

Глава I. Какое дело мы предпринимаем, почему для него необходим пробужденный разум и как надлежит его пробуждать (с. 199). *Глава II.* Побуждение первое, себя самого; призывание Бога в свидетели чистоты намерений и в помощники великому дерзанию (с. 200). *Глава III.* Зачем на совет об исправлении человеческих дел звать всех, можно ли созвать всех и какой легкий и прямой путь откроется перед этим советом (с. 204). *Глава IV.* Что такое человеческие дела? Это познание, религия, политика (с. 207). *Глава V.* О расстройстве человеческих дел и о том, что послужило поводом к расстройству (с. 214). *Глава VI.* О том, что расстройство человеческих дел позорно и преступно (с. 225). *Глава VII.* О том, что совет об исправлении человеческих дел ведется с начала их расстройства и до сих пор (с. 233). *Глава VIII.* Нужно ли и впредь совещаться об исправлении человеческих дел, и почему это необходимо (с. 244). *Глава IX.* О том, что надо пытаться исправить человеческие дела еще не испытанным, поистине всеобщим путем, а именно – путем единства, простоты и добровольности (с. 256). *Глава X.* Форма и законы правильного совета, с которыми должен

сообразоваться этот наш великий Совет (с. 274). *Глава XI.* Приглашение всех людей на мирный совет об исправлении дел в мире (с. 281). *Глава XII.* Всеобщие воздыхания рода человеческого, обращенные к Богу (с. 290).

Панавгия 293

Глава I. Почему предпринимается ныне рассмотрение света и что при этом необходимо соблюдать (с. 296). *Глава II.* Существо и виды света, а также его противоположности, тьмы (с. 297). *Глава III.* Что такое желанная нам полнота умного света и почему она необходима (с. 299). *Глава IV.* Может ли умный свет возгореться с такой полнотой? Здесь же о трех Божиих светильниках, или о трех источниках света (с. 305). *Глава V.* О первом источнике умного света, природе вещей, или откровениях Божиих в мире (с. 308). *Глава VI.* О втором источнике света, нашей душе, то есть сияющем в нас образе Божиим (с. 312). *Глава VII.* О третьем источнике света, слове Божиим, обращенном к людям и наставляющем их в наиважнейших вещах (с. 320). *Глава VIII.* О трояком оке, дарованном человеку для созерцания троякого Божиего света и всего, что в нем открывается: о чувстве, разуме, вере (с. 321). *Глава IX.* О трояком подспорье троякому оку, или о трояком методе тщательного и безошибочного рассмотрения вещей: аналитическом, синтетическом, синкритическом (с. 335). *Глава X.* Доступность всеобщего света через понимание Пангармонии начал (с. 340). *Глава XI.* Доказательство всего предыдущего с помощью свойств природного света (с. 347). *Глава XII.* Как возможно применить и сосредоточить свойства света для повсеместного изгнания тьмы (с. 370). *Глава XIII.* Рассмотрение препятствий, по вине которых древние не обладали полнотой всеобщего света (с. 376). *Глава XIV.* Рассмотрение препятствий, которые и теперь еще тшятся противостоять всеобщему свету, но тщетно. Здесь же разделение последующих сочинений на Пансофию, Панпедию, Панглотию и, наконец, Панортосию (с. 383). *Глава XV.* О том, что всеобщий духовный свет требует очищения всех душ и освобождения их от бельма предрассудков (с. 389). *Глава XVI.* Воздыхания к Отцу светов о восхождении полного света (с. 400).

КОММЕНТАРИИ 403

Ян Амос Коменский и западная философия (с. 405). Лабиринт света и рай сердца (с. 407). Предвестник всеобщей мудрости (с. 417). Вселенский совет об исправлении человеческих дел (с. 428). Светочи Европы... (с. 433). Панегерсия (с. 435). Панавгия (с. 439). Композиция "Вселенского совета об исправлении человеческих дел" (с. 444).

Публикация

Ян Амос Коменский

СОЧИНЕНИЯ

*Утверждено к печати
Редколлегией серии
"Памятники философской мысли"*

Заведующая редакцией "Наука – экономика,
философия, право" *Т.В. Савич*

Редактор *Л.В. Пеняева*
Художественный редактор *Г.М. Коровина*
Технический редактор *Т.В. Жмелькова*
Корректоры *З.Д. Алексеева, Н.Л. Голубцова,*
Г.В. Дубовицкая, Н.П. Круглова

Набор и верстка выполнены в издательстве
на компьютерной технике

ИБ № 2265

ЛР № 020297 от 27.11.1991

Подписано к печати 10.02.97
Формат 60 × 90 1/16. Гарнитура Таймс. Печать офсетная
Усл.печ.л. 30,0 + 0,6 вкл. Усл.кр.-отт. 30,6. Уч.-изд.л. 34,7
Тираж 1230 экз. Тип. зак. 14 10

Издательство "Наука"
117864 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., 90

Московская типография № 2 РАН
121099, Москва Г-99, Шубинский пер., 6

Labirint Sveta

Luthaus Stoe.

to gest.

Ovcelle Dymalowan: tycrat w dom swet
te a w ciich geho wstecnyich nie neny nezma
leny a motaty. Kolokaty a lozowaty, Marneny a
Jachy, Jyda a tescenoye, anapostoly Dmrseny wsteho
a dymalowy: Ale toos doma wstecny siveni jedo, ege
dihym. Panon Bohem se vsatyrta, ten
sam Dymalowan a dymalowan mo
siapologny archodni ze
prichasny.

Lea Karpova 1623.

"Лабиринт света и рай сердца".

Титульный лист рукописи. 1623.

Национальная библиотека (Прага)

John's **Labyrinth** *Smith*
August **Lusthans** *Erde.*

to get,

Bérlé Bymalo

twany/sterak w tom Swéte a wécech
geho wsechnech, mienij nez Matensj a Mo-
tanj. Zolotanj a Lopotowanj, Mámensj a Sfal-
ba, Wida a Tefstnost/ a napoledny Omerzenj wsecho
a zauffanj : Ale Edoz doma w srdcy swém sedz, a ges-
diny pánem Bohem se wzawjrd / em sam t
prawému a plnému myslj upoko-
genj a radoš.

I Liber in lucem rigidi secure Gaconk,
I Labyrinthis currere docte vium
Cumq; ibis curreſq; viis, dic : Optime
Ex me Supremum non nisi dulce Bo
M. G. C.

Ex libris Joannis Eccles. 1. 145 *videtur*
Wděl km wsechj storky Perzj k dčg pod sluncem / a ag
wsechj gejt Marnost a trapičnj ducha.

Acta Kryflowa M. D C. XXXI.

"Лабиринт света и рай сердца".
Титульный лист первого издания. 1631.
Национальная библиотека (Прага)

PORTA SAPIENTIAE RESERATA:

SIVE
PAN SOPHIAE CHRISTIANAE
SEMINARIUM.

Hoc est

Nova, compendiosa, & solida omnes Sci-
entias & Artes, & quicquid manifesti vel occulti
est, quod ingenio humano penetrare, solentia imitari,
linguæ eloqui datur, brevius, verius, melius, quàm
hactenus, addiscendi Methodus.

Auctore

Reverendo Clarissimoque Viro
D^{no} Johanne Amoso Comenio.

Есс. 3. вер. 18.

In re magna æque ac parva, ne unam quidem ignorato.

Cicero Epist. ad Att. ex Phoc.

адъ атинъ фокъ нъ въ еписмъ.

OXONIAE,

Ex Officina GUILLIELMI TURNERI
Academici Typographi. M.DC. XXXVII.

London

ANNO MDCXXXVII

"Прелюдии к христианской пансофии".

Первый вариант "Предвестника всеобщей мудрости".

Титульный лист оксфордского издания. 1637.

Университетская библиотека, фонд Гартлиба (Шеффилд)

Humanissimi Lectores.

Illud Poetæ: *Exultat auditur studium, laudatque Vetus*
crevit ———

si verum est, verificari etiam in me debuit: nempe ut tot & tanti applau-
sus (in re, meo iudicio, non tantus) ad aliquid majus & melius adderent
calcar. Cœpi ergo cogitare, an forte si quid realioris Eruditionis, inte-
riorisqve Sapientie (ad similem aliquam harmonie concinnitatem red-
actum) propinari tentaretur, atqve placitum esset? Enarumqve inde
fuit desiderium conficiendi JANUAM RERUM, sive SAPIENTIE &
POETARUM: studiosis Juveneri eo servitutam, ut postquam ope *Iamæ*
Langvarum Res externe discriminare didicissent, interiora dehinc rerum
inspectare, & quid per essentiam suam res quæque sit attendere, con-
fiscerent. Quod studium si per omnia (ad omnia scitu & factu, creditu-
qve & speratu necessaria, comprehendendum, extenderetur, sperare
cœpi pulcherrimam quandam Encyclopædiolam, seu Pansophiolam,
bono uti condiposse. Quo proposito meo per studiosos quosdam Mora-
vos, in Angliam delatos, cognito Vir eximius, S. H. datus ad me literis,
Delineationem aliquam futuri Operis requisivit. Communicavi ergo,
uti sequitur.

PANSOPHIÆ Præludium.

Quo Sapientie universalis necessitas, possibilitas,
facilitasqve (si ratione cœrta incutur) breviter
ac dilucide demonstratur.

OMNIBUS SAPIENTIE LUMINIS,
& Veritatis Amantibus, a Christo Sapientia, Lumi-
nis, & Veritatis fonte, Salutem &
Benedictionem

Sapientia
omnium.

Sapientiam (quæ A-
visitata est, modicum
mortaliumque verum
fuerit) Cœpi vete-
rum de cœlestium & hu-
manarum, & ipsarum
quæ quibus ea cœlestium
mors, & homo. Salomon

denique, omnium rerum artifex, dicens om-
nia, magnis elogis antiquitus fuisse cele-
bratam, remota esse non preest laudat
studia confectibus. *Prætoris est omnia
optima (siquid mortalium Sapientissimus)*
*omnia, quæ desiderant, tam non valent
comparari. Lamentabile est in dicitur quod
omnibus dicitur. & gloria. Ne tunc tu pul-
chra, & omnes sensus ejus pacifica. Laus
ita est, & illam apprehendere, & quæ
esse possunt beatitudinis. Prov. 3, 13, 14*

autem, *Nihil præstare in bonum, neque da-
tum est mortalium generi, ut per dicitur. Ho-
m. nam vero fuit*

Ad summum sapientis non minus est so-
ro: *Deus.*

Libet, bonum mihi, pulchrum, rex denique
regum.

2 Causam si quæta, cui unam hanc
virtutem tanti faciant, respondunt. Se-
necta quidem: Sane sapientia & glorio potestem
bona, sed nec tolerabiliter, vivere possit. *Exempli*
*Sapientiam esse omnium vitam beatam: quæ
nisi primum ad Dei cultum, penitus ad sui
humanitatem, quod primum est in generis humani
fuerit, tunc ad modestam magnitudinem
digne erudit, & utinam ab omnibus sapientibus ab
omnibus, ut inquit, discipulis, ut omnia supra,
m.*

"Предвестник всеобщей мудрости".

Страница из собрания педагогических сочинений.
Амстердам, 1657. Национальная библиотека (Прага)

DE
R E R U M
HUMANARUM
EMENDATIONE
CONSULTATIO
CATHOLICA
Ad Genus Humanum

Ante alios verò

*Ad Eruditos, Religiosos, Potentes,
E U R O P Æ.*

"Вселенский совет об исправлении человеческих дел".

Титульный лист первого издания.

Национальная библиотека (Прага)

EUROPÆ LUMINA, VIRI DOCTI, PII, EMINENTES, *Salvete.*

Ex fuit Athenis, in Areopago, *ad vestros Proceres*

utis ego mediar. Vos mihi inaeque Athenæ, Vos magnus Areopagus estis, Viri magni! Legem tamen istam non audio. Primum, quia res momenti majoris Vobis offertur, ac ulla unquam Areopago fuit; non praeponuisse id, culpæ fuerit. Deinde quia plerisque occupationibus sic distractos video, ut nisi singulari aliqua ratione cecitari, audiri non seis: Non auditis vero talia dici, non convenit. Tandem adversus præjudicia mihi, & causæ, non scuto solum, sed

muro athenico, jam nunc cum primum prodevo, opus esse sentio: hoc igitur me, pace Vestra, præmuniam.

2. Quid aggrediamur videtis: *De emendatione Rerum humanarum consultare* *Opem corpi*
catholicæ: hoc est, modis ac unquam ab exordio Rerum factum, universalioribus & *venit h. s., fi-*
solemnioribus. Nihil igitur novum, quantum ad rem; totò genere novum, quantum *mal & corru-*
ad modum rei. Nempe nunquam adhuc mentes humanas, ab ipso usque Rerum pro-
lapsu, tantus in vasis stupor, quin mala sua & sentirent, & deplorarent, & aliquam in
melius mutationem anhelarent, imò & pro viribus molirentur, Hominum cordatio-
res, quòvis ævo, gente, statu. Nunquam tamen hucusque in Emendationem corru-
prelaturum Omnium conspiratum est ab omnibus: quod jam invaderet, sicque totius
Mundi bonò posse, ostenditur.

3. Quantum ad prius: *Omnium sapientiam cogitata, dicta, facta, quæ ab ultima au-* *Emendatio-*
toritate scriptis ad nos transmissis tamò numero exsiant, avot idæque plura emergunt,
testimonio sunt. Quorum omnium conatus, si à consilio spectentur, laudabiles: si à *nem rem in*
mediis utilitatis, variis, si ab eventu, omnes hucusque votis parum respondentem, ju- *emendatio-*
dicari possunt. Manent enim confusiones mundanæ, uti semper, nec locò motu sunt, *modum in*
quantum ad Generis humani communiatem, tametsi particulariter multa in multis, *modum in*
DEI beneficio, insigniter emendentur in dies, sed & relabantur denuo in chaos. *modum in*

4. Tentare igitur, nun in commune etiam tam variæ, absurdæ, exitialesque enor- *Universal-*
mitates efficacis aliquò modò emendari, & tandem tandemque aliquando a genere *bus ergo vari-*
humano universaliter tolli possint, quid prohibet? Et quid prohibet, nos etiam post *modum re-*
alios, aliosque rursus post nos, tentare idem? Res pro certo hæc tanti est, ut milles ad- *sat, emen-*
fis excideret, quàm eam non milles tentare, præster. Præsertim si quid viæ novæ, *den*
non dum tentare, ostendar DEUS: qualem hanc nostram esse patebit. Propter e-
nim universalis est, ultimos desideriorum humanorum (plus dicam, DEI etiam i-
psius) hac in re *Fines* designans: & *Media* ad hos fines nos deducere idonea, certa,
fallere nefcيا, vestigans, e vestigataque jam ope DEI, ostendens: tandemque me-
dis illis utendi *Media* tam faciles exhibens, ut nihil restet nisi VELLE, & invo-
cato Divino auxilio à seculis desiderato operi AD MOVERE MANUM.

* 2

q. Viap

"Вселенский совет об исправлении человеческих дел".

Первая страница текста.

Национальная библиотека (Прага)

D E
E M E N D A T I O N E
R E R U M H U M A N A R U M

Consultationis Catholicæ

Pars Prima,

P A N E G E R S I A,
E X C I T A T O R I U M U N I V E R S A L E .

In quo

Quid RES HUMANÆ sint, & quàm corru-
ptæ, quàmque de EMENDATIONE semper in Coelo &
Terrâ consultatum sit, consultandumque novò modò
reflet, explicatò; ad suscipiendum pro re tam
communi communia consilia OMNI-
UM HOMINUM sit
I N V I T A -
T I O.

D E
RERUM HUMANARUM
EMENDATIONE

Consultationis Catholicæ

Pars Secunda ,

PANAUGIA.

Ubi ,

De accendenda Mentibus ante omnia Luce
qvâdam universali , in qua Omnes , Omnia ,
Omninò videre possint , con-
sultatur.

*Титульный лист "Панегерсии".
Национальная библиотека (Прага)*